РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК • ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Р.А. Мимоход, А.Н. Усачук

КОСТЯНЫЕ и РОГОВЫЕ ПРЯЖКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ
в Восточной Европе и на Кавказе

Том 1

Планочные пряжки финала среднего бронзового века

Р.А. Мимоход, А.Н. Усачук

КОСТЯНЫЕ и РОГОВЫЕ ПРЯЖКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ
в Восточной Европе и на Кавказе

Том 1

Планочные пряжки
финала среднего бронзового века

c
d
e
f
g
h
4
3
2
1

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК • ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Р.А. Мимоход, А.Н. Усачук

КОСТЯНЫЕ и РОГОВЫЕ ПРЯЖКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ
в Восточной Европе и на Кавказе
Том 1

Планочные пряжки
финала среднего бронзового века

ИА РАН

МОСКВА 2026

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК 902/904
ББК 63.4
М61

Издание подготовлено в рамках НИОКТР 126011315523-4 «Культуры и культурные общности Циркумпонтийской зоны и прилегающих областей в эпоху палеометалла и раннем железном веке: контакты, традиции и инновации».

Утверждено к печати
Ученым советом ИА РАН

Ответственный редактор
к.и.н. А.В. Энговатова

Рецензенты:
д.и.н. Л.И. Авилова
к.и.н. Е.И. Гак
к.и.н. Л.В. Купцова

Мимоход Р.А., Усачук А.Н. Костяные и роговые пряжки эпохи бронзы в Восточной Европе и на Кавказе. Том 1. Планочные пряжки финала среднего бронзового века. М.: ИА РАН, 2026. – 340 с.: ил.

Монография посвящена характеристике костяных и роговых пряжек с планкой финала средней бронзы в Восточной Европе и на Кавказе. В работе приведена по комплексам полная источниковая база этих изделий. Освещены вопросы типологии, хронологии и культурной атрибуции. Отдельный блок представляют трасологические исследования пряжек, которые выявили следы изготовления и использования поясной гарнитуры. На их основе представлены графические реконструкции ношения, застегивания и расстёгивания ремня, а также проведено натурное моделирование этих процессов при помощи специально изготовленных реплик пряжек. В монографии рассмотрены вопросы семантики фигурных поясных деталей и предложены возможные пути распознавания образов, которые транслируют эти изделия.

Для археологов, историков, культурологов.

ISBN 978-5-94375-516-3
DOI: 10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-516-3

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2026
© Р.А. Мимоход, А.Н. Усачук, 2026

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 8

ГЛАВА 1. История находок и определения функционального назначения 10

ГЛАВА 2. Характеристика источников

§ 1. Культурный круг Лола 21
1.1. Лолинская культура 21
1.2. Волго-уральская культурная группа 30
§ 2. Культурный круг Бабино 31
2.1. Днепро-донская бабинская культура 31
§ 3. Кавказские культуры 49
3.1. Присулакская культура 49
3.2. Гинчинская культура 51
3.3. Великентская культура 57
3.4. Памятники у г. Гёйгёль 58
§ 4. Другие культуры 60
4.1. Каменско-ливенцовская культура 60
4.2. Шагарская культура 60
4.3. Средневолжская абашевская культура 63
4.4. Северобелорусская культура 64

ГЛАВА 3. Типология, культурно-генетические процессы и хронология

§ 1. Типология 67
1.1. Кольцевидно-планочные пряжки 67
1.2. Крючково-планочные пряжки 71
§ 2. Культурно-генетические процессы и хронология 73
2.1 Культурно-генетические процессы 73
2.2. Хронология 77

ГЛАВА 4. Пряжки в контексте погребального обряда 87

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ГЛАВА 5. Трасологическое изучение фигурных пряжек

§ 1. Историографический аспект 99
§ 2. Трасологическое изучение пряжек 100
2.1. Пряжки кавказской традиции 100
2.1.1. Трасологические данные по пряжкам лолинской культуры 100
2.1.2. Трасологические данные по пряжкам волго-уральской культурной группы 108
2.1.3. Трасологические данные по пряжке присулакской культуры 110
2.1.4. Трасологические данные по пряжкам гинчинской культуры 110
2.2. Пряжки европейской традиции 114
2.2.1. Трасологические данные по пряжкам днепро-донской бабинской культуры 114
2.2.2. Трасологические данные по пряжке каменско-ливенцовской культуры 123
2.2.3. Трасологические данные по пряжкам шагарской культуры 124
§ 3. Вопросы реконструкции изготовления и использования планочных пряжек 130
3.1. Реконструкции процесса изготовления и использования пряжек лолинской культуры 130
3.2. Реконструкция процесса изготовления, крепления и использования пряжек волго-уральской культурной группы 134
3.3. Реконструкции крепления и использования пряжек присулакской и гинчинской культур 135
3.4. Реконструкции процесса изготовления и использования пряжек днепро-донской бабинской культуры 136
3.5. Реконструкция крепления и использования пряжки каменско-ливенцовской культуры 141
3.6. Реконструкции крепления и использования пряжек шагарской культуры 141

ГЛАВА 6. Семантика и происхождение

Историографический аспект 144
§ 1. Вопросы расположения пряжек для правильного распознавания образа 146
§ 2. Семантика пряжек кавказской традиции 148
§ 3. Семантика пряжек европейской традиции 153
§ 4. Происхождение 161

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 165

Литература и источники 168

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение к главе 1

1.1. Материалы по изучению фигурных пряжек 194

1.2. Варианты интерпретации назначения пряжек, предложенная авторами раскопок и публикации 196

Приложение к главе 2

2.1. Процесс накопления источниковой базы комплексов с планочными пряжками 200

Приложение к главе 3

3.1. Радиоуглеродные даты посткатакомбных погребений с роговыми фигурно-планочными пряжками 204

Приложение к главе 4

4.1. Данные антропологии. Половозрастные определения 205

4.2. Месторасположения пряжек в погребениях 207

4.3. Месторасположения пряжек в погребениях с двумя экземплярами 210

Приложение к главе 5

5.1. Данные о выполненных натурных исследованиях пряжек 211

5.2. Данные о сырье для изготовления пряжек 218

ИЛЛЮСТРАЦИИ 222

Список сокращений 339

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ВВЕДЕНИЕ

В бронзовом веке на территории Европы и Кавказа распространяются роговые и костяные планочные поясные пряжки. Им посвящена обширная литература. Сейчас серию этих изделий можно уверенно разделить на две группы по системе крепления ремня (*Мимоход*, 2018а).

В первую входят предметы европейской традиции, к которым относятся крючково-планочные пряжки или пряжки-запонки. Глухой конец ремня намертво крепился к планке, а в свободном конце была прорезь, с помощью которой он цеплялся за крючок. Территория распространения данных предметов делится на два основных ареала. Бóльшая часть пряжек обнаружена в Карпато-Дунайском регионе и в Центральной Европе. Второй ареал располагается в степной зоне Днепро-Донецкого междуречья (илл. 1), где они серийно представлены в комплексах днепро-донской бабинской культуры (ДДБК). Кроме того, известны крючково-планочные пряжки в лесной зоне, в частности, Озерной Мещере (илл. 2). Они обнаружены в материалах шагарской и северобелорусской культур. Поясные детали карпато-дунайского и центральноевропейского ареалов датируются широко. Первые крючково-планочные изделия в эпоху бронзы появляются в культуре Шнекенберг (*Hájek*, 1959, obr. 12)[1]. Большая часть фигурных пряжек относится к раннему бронзовому веку (Bz A1–A2 по П. Райнеке). Они обнаружены в комплексах культур Ватья, Муреш (Перьямош, Мокрин), Сёрег, Рона (Валлис), курганных погребений, нитрянская, оттоманская, стжижовская, унетицкая. Встречаются пряжки-запонки и позже в культурах средней бронзы. Здесь есть как роговые, так и бронзовые экземпляры (Bz B1–B2). Фигурные планочные пряжки второго региона, Днепро-Донецкого междуречья, представлены исключительно роговыми экземплярами. В указанном ареале они датируются очень узко и относятся к раннему этапу ДДБК, в пределах 2200 CalBC. По всей видимости, такую же хронологическую позицию имеют и шагарские крючково-планочные пряжки. Сырьем для них служили как рог, так и кость.

Вторая группа фигурных пряжек – это кольцевидно-планочные изделия кавказской традиции. Система крепления здесь несколько иная, чем у предметов первой группы. Глухой конец ремня также крепился к планке, а свободный захлестывался через кольцо. Основной ареал кольцевидно-планочных пряжек довольно компактен. Он расположен в Восточном Предкавказье и на Северо-Восточном Кавказе (илл. 1, 2). Пряжки кавказской традиции финала средней бронзы принадлежат шести культурным образованиям: лолинской культуре, локализующейся в степной зоне Северо-Западного Прикаспия, присулакской, великентской культурам в предгорной зоне, гинчинской и протокобанской культурам в горной зоне Северо-Восточного Кавказа, а также волго-уральской культурной группе (ВУКГ), расположенной в одноименном регионе с выходом в Нижнее Подонье (илл. 1, 2). Изделия всех трех культурных образований синхронны в пределах 2200–2000 CalBC. Поделочным материалом служили рог, кость и клык кабана.

Второй ареал кольцевидно-планочных пряжек в Восточной Европе связан с лесной зоной. Здесь они обнаружены в комплексах шагарской, северобелорусской и средневолжской абашевской культур (илл. 2). Как бы ни

[1] До этого они известны в некоторых энеолитических культурах (*Hájek,* 1959, s. 289; *Гершкович*, 1986, с. 140, *Vitezovic*, 2011).

парадоксально это выглядело, но кольцевидно-планочная поясная гарнитура в восточноевропейских лесных культурах, несмотря на, казалось бы, кавказскую систему крепления пояса, относится к европейской традиции. Дело в том, что серия изделий с аналогичной системой фиксации глухого и свободного конца пояса хорошо представлена не только на Кавказе и Предкавказье, но и в Центральной Европе, а также в карпато-дунайском регионе энеолита – бронзового века. Иными словами, если пряжки кавказской традиции подразумевают исключительно кольцевидно-планочную систему крепления ремня, то европейская традиция, преимущественно крючково-планочная, включает в себя и поясные детали с планкой и кольцом.

Роль фигурных пряжек в определении времени и направленности культурно-генетических процессов высока, особенно в степной зоне Восточной Европы и на Кавказе. Культурно-хронологическое значение этой категории инвентаря отмечалось исследователями много раз. Рассматривались также вопросы типологии, функционального назначения, крепления пряжек к ремню, их изготовления и использования.

Предлагаемая вниманию читателя монография посвящена роговым и костяным пряжкам с планкой финала средней бронзы в Восточной Европы и на Кавказе. Книга имеет четкую структуру. Каждая ее глава представляет собой отдельный блок проблем, связанных с изучением этой сложной и интересной категории инвентаря. Особо следует отметить, что часть монографии представляет собой свод источников. Впервые в рамках одной работы собраны все памятники с планочными пряжками рассматриваемого периода в Восточной Европе и на Кавказе, дана их подробная характеристика. Чертежи погребений модернизированы, часть поясных деталей была прорисована заново. Разработана детальная типология этой категории инвентаря. Вся совокупность пряжек впервые разносится по шкале относительной хронологии в соответствии с культурно-хронологической атрибуцией. Планочная поясная гарнитура вписывается в широкие культурно-генетические построения с выходом на реконструкции исторических реалий. В монографии представлена развернутая характеристика роли пряжек в погребальном обряде. Отдельный блок проблем – это вопросы изготовления и использования пряжек, которые решаются в рамках трасологического метода. Фактически половина рассматриваемых в книге изделий была трасологически обработана. Кроме того, активно проводилось моделирование, когда изготовлялись реплики отдельных пряжек и проводились эксперименты по их креплению к ремню, застегиванию/расстегиванию и ношению пояса. По результатам этой работы представлены фотоматериалы и графические реконструкции. В отдельную главу вынесены дискуссионные вопросы семантики и происхождения планочной поясной гарнитуры не только на восточноевропейских территориях и Кавказе, но и на территориях остальной Европы и Ближнего Востока.

Разумеется, наши исследования в течении ряда лет не могли бы проводиться без разнообразной помощи коллег-археологов и сотрудников различных музеев. Вряд ли мы укажем всех, кто так или иначе помогали нам в организации изучения планочных пряжек, но мы благодарим Р.Г. Магомедова, Г.Д. Атаева, Е.Д. Каверзневу, А.А. Калмыкова, Н.И. Шишлину, Макс.М. Чернявского, О.П. Ларенок, А.В. Кияшко, Е.С. Азарова, Е.А. Кашину, С.Л. Кравцову, Э.Р. Устаеву, А.Г. Язовских, М.В. Горбову, Л.А. Краеву, Е.Е. Антипину, И.М. Сосновцеву, В.С. Бочкарева, Р.А. Литвиненко, А.А. Горошникова, Ю.Н. Смирнову.

Отдельные слова благодарности – нашему коллеге А.В. Вербовскому, стараниями которого, как для иных публикаций, так и для этой книги выполнены графические рисунки-реконструкции и объемные модели различных пряжек и их крепления.

Вспомним с улыбкой и светлой печалью С.Н. Братченко, Я.П. Гершковича, В.А. Ромашко и В.Ф. Клименко, которые, к сожалению, уже не увидят эту книгу.

ГЛАВА 1 История находок и определения функционального назначения

Историографические данные в нашей монографии представлены не совсем обычно. Каждая последующая глава является отдельным сюжетом, который связан с тем или иным аспектом изучения планочных пряжек. Каждый из них влечет за собой свой историографический шлейф, и попытка их микширования в рамках отдельной главы представляется непродуктивной. Как нам кажется, значительно полезнее будет снабжать каждую последующую главу отдельным историографическим очерком, посвященной именно тому сюжету, который в ней рассматривается. Это сделает восприятие более цельным, нежели, следуя традиции, в одной главе попытаться охарактеризовать историографические треки, связанные с типологией, культурной атрибуцией, хронологией, трасологией, реконструкциями, происхождением и семантикой. Тем не менее, мы хорошо понимаем, что первая глава, как и в любом научном исследовании по археологии, должна быть. В ней мы сосредоточимся преимущественно на истории находок пряжек рубежа средней – поздней бронзы и проблемах интерпретации их функционального назначения. И уже следуя несколько своеобразной логике нашей книги, мы постараемся в этой главе затронуть не только планочные пряжки, но и другую поясную гарнитуру из кости и рога этого периода.

Еще до образования Императорской Археологической комиссии (ИАК) в южных степях Российской империи к середине XIX в. развернулись раскопки курганов (*Вахтина*, 2009, с. 402–403; *Сорокина*, 2010, с. 130–131) в качестве ответа на ограбления, которыми давно и повсеместно подвергались различные археологические памятники в государстве (*Смирнов*, 2011, с. 15), и в частности, степные курганы (*Сорокина*, 2010, с. 131; *Усачук*, *Полидович*, 2022, с. 57–58; и др.). Уже в 1840-х гг. потребовались меры по охране археологических памятников и упорядочиванию проводимых исследований (*Сорокина*, 2010, с. 131–132). Во второй пол. XIX в. ограбление курганов продолжалось[1] и даже усилилось в пореформенный период, когда земля перешла к сельским общинам (*Полін*, 2003, с. 19; *Шерстюк*, *Прядко*, 2016, с. 159; *Усачук*, *Полидович*, 2022, с. 58), но продолжалось, постепенно увеличиваясь, и количество раскопанных курганов в степной зоне страны (*Жебелев*, 1923, с. 112; *Смирнова*, 2024, с. 273–274; и др.). Централизация и регламентация раскопок, методика их проведения понемногу совершенствовались (*Смирнов*, 2011, с. 83–92) и большой объем информации, хоть и не без изъянов (*Круглов*, *Подгаецкий*, 1935, с. 15–26) был в той или иной степени опубликован (*Литвиненко*, 2009, с. 17–18).

Среди многочисленного и разнообразного материала курганной археологии мы выделяем проблему «скорченных костяков» (или шире: скорченных и окрашенных костяков), которая зародилась рано и просуществовала до 1950-х гг. (*Кулаковский*, 1901; *Бобринский*, 1894, с. 29–33; Протоколы заседаний …, 1897, с. 68–69; Отделение I.., 1897, с. 118–119; *Бранденбург*, 1901; 1901а; *Федоровський*, 1927, с. 13; *Круглов*, *Подгаецкий*, 1935, с. 9–11; *Попова*, 1955, с. 6–7; *Капошина*, 1956, с. 156; *Миллер*, 1965, с. 165; *Братченко*, 1976, с. 6; *Сакса*, *Таавитсайнен*, 2000, с. 64, 67, 68, 70, 74; *Горбунова*, 2000, с. 96, 112; *Клейн*, 2014, с. 534, 590; *Кузьминых*, *Усачук*, 2016, с. 388;

[1] Об этом и в начале 1890-х гг. писал Председатель ИАК А.А. Бобринский: «Вследствие постоянно усиливающагося тайного разграбления, которому подвергаются курганы и древние могильники нашего Юга … Императорская Археологическая Комиссия в 1891 году, по прежнему, главным образом старалась спасти по возможности от расхищения часть этих памятников древности …» (1893, с. 2).

2017, с. 82; *Евгеньев*, 2018, с. 107; *Усачук*, 2019, с. 506; *Кузьминых и др.*, 2021, с. 365; *Кузьминых*, *Саенко*, 2023, с. 241; 2024, с. 291–293; и др.). Так или иначе, исследователи отмечали наличие подобных погребений, указывали их инвентарь и зачастую отмечали присутствие каких-то круглых костяных изделий (*Литвиненко*, 2009, с. 18), называя их по-разному: «обломок просверленной костяной пластинки» (*Бобринский*, 1887, с. 66), «род довольно большой костяной подвески» (Журнал раскопок…, 1908, с. 59; ср. *Миллер*, 1965, с. 238), «костяные овальные бляшки с отверстием в середине» (Журнал раскопок…, 1908, с. 74), «круглая костяжка» (*Бобринский*, 1893, с. 85), «костяная бляшка» (*Бобринский*, 1894а, с. 39а), «круглый костяной предмет с просверлиною и со следами полировки, величиною в пятачек» (Дневник раскопки…, 1893, с. 164), «костяная бляшка с просверленным отверстием» (Отчет…, 1902, с. 101); «амулет из какой-то кости» (*Эварницкий*, 1897, с. 329), «какие-то костяные кружки с дырочкой по середине и с отворотом по окраине (*Эварницкий*, 1901, с. 729), «бляшки особого вида, вырезанные из кости» (*Бранденбург*, 1901, с. 158) (ниже Н.Е. Бранденбург описывает эти овальные, слегка выпуклые «бляшки» с большим и маленьким отверстиями (*Бранденбург*, 1901а, с. 175, 177, 182, 186)), «костяной кружок» (*Гошкевич*, 1903, с. 31, 105, 114, 116, 119, 121, 123; *Добровольский*, 1915, с. 136), который, как добавляет автор, «возможно, … служил амулетом» (*Добровольский*, 1915, с. 144) и даже «костяной набалдашник рукояти меча» с описанием крепления этого «набалдашника» (*Хойновский*, 1896, с. 103). Иногда нашедший обращал внимание на сработанность отверстия (*Bydlowski*, 1905, s. 5) и предполагал, что предмет мог носиться на шнурке (*Bydlowski*, 1905a, s. 17), т. е. являться все тем же амулетом. А.А. Бобринский отмечал: «… костяная бляшка (с большим отверстием в центре (известный тип, встречаемый при подобных скелетах, назначение которого еще не выяснено)» (1894а, с. 39а). В.И. Гошкевич подчеркивал: «Загадочно назначение тонких слегка изогнутых костяных кружков с широкой дырой посредине; на краю такого кружка бывает также маленькая дырочка … Одни из этих кружков найдены у черепов, другие – у колен скелетов» (1903, с.142).

Впрочем, в альбомах Б.И. и В.Н. Ханенко подобные находки названы «пряжками» (Древности Поднепровья, 1899, с. 36; 1900, с. 18). В.А. Городцов, применяя к подобным находкам термин «бляхи» (1905, с. 202; 1905а, с. 264, 270, 284; 1907, 242; 1907а, с. 292, 313; Древности .., 1902, с. 38, 41, 43), отмечал, что «бляхи» найдены в районе костей таза умерших и вероятнее всего служили в виде пряжек для застегивания поясов (*Городцов*, 1905, с. 202, 207); «вероятнее всего служила для пояса» (*Городцов*, 1907, с. 242). Д.Я. Самоквасов тоже считал эти костяные изделия пряжками (1908, с. 17).

Обобщая данные по костяным дискам, А.М. Тальгрен замечает, что назначение их неизвестно (*Tallgren*, 1926, p. 102), но, ссылаясь на мнение Д.Я. Самоквасова, предполагает, что это вероятно пряжки (*Tallgren*, 1926, p. 104).

Но, наряду со все более часто используемым термином «пряжки», вплоть до 1970-х гг. исследователи применяли и иные термины, высказываясь по ходу дела о функциональной принадлежности «блях» или «костяных пластинок». С.А. Локтюшев, по свидетельству С.Н. Братченко, в 1929 г. называл найденную пряжку «амулетом» (см. Приложение 1.1). У Н.К. Арзютова интересный переход: уже используется термин «пряжка», но в определении находки добавлено «костяная пластинчатая в виде кружка с отверстием» (1936, с. 100). Г.В. Подгаецкий упоминает о подобных изделиях, беря слово «пряжки» в кавычки (1940, с. 81). П.Н. Шульц (1941, с. 267), Л.Д. Дмитров (1946, с. 68) и И.В. Фабрициус (1951, с. 25) уверенно говорят о «пряжках», в то же время П.Д. Либеров пишет о костяном предмете кольцеобразной формы с двумя отверстиями (1952, с. 80, 81), М.Р. Полесских – о костяной бляшке-подвеске (1956, с. 36), В.Ф. Пешанов – о костяном кольце (1956, с. 88), В.Д. Рыбалова – о миниатюрной костяной пластинке (*Рибалова*, 1960, с. 8), В. Зирра – о «костяных кружочках» (1960, с. 99, 100).

В середине 1960-х гг. увидела свет монография М.А. Миллера, в которой, в силу об-

стоятельств, учитывался только дореволюционный и довоенный материал, связанный в том числе и с «костяными пластинками» (*Миллер*, 1965, с. 236–239). Исследователь подчеркивает, что функции этих «пластинок» неясны, приводит мнение об этих пластинках, как о предохранителях при спуске тетивы, но склоняется к «старой», как он пишет, гипотезе Д.Я. Самоквасова о том, что это поясные пряжки (*Миллер*, 1965, с. 236, 239).

В начале 1960-х гг. начали активно заниматься «костяными бляхами» В.С. Бочкарев и В.В. Дворниченко. В докладе на VI Всесоюзной археологической студенческой конференции в 1962 г. исследователи оперировали около 140 экз. подобных изделий (*Дворниченко*, 1968, с. 14), чуть позже – В.С. Бочкарев учел уже более 180 экз. (1963–1964, л. 1). Проанализиров «бляхи» и обратив внимание на следы сработанности, В.С. Бочкарев предложил реконструкции крепления этих изделий и пришел к твердому выводу, что это все поясные пряжки (1963–1964, л. 18, 20–23). О том, что это пряжки, которые «связаны с поясом или стягивали одежду на талии» в это же время писала О.А. Кривцова-Гракова (1962, с. 18), о костяной пряжке «от пояса» говорит Г.П. Сергеев (1961, с. 129), о «поясной пряжке» среди инвентаря погребения упоминает Э.А. Федорова-Давыдова (1966, с. 39).

Термин «бляхи» по отношению к костяным пряжкам еще продолжал какое-то время использоваться (*Латынин*, 1964, с. 51, 65; *Рыбалова*, 1974, с. 24, 27, 29, 31), но исследователи уже подразумевали под находками «пряжки». Возможно, Б.А. Латынин еще колебался, поскольку термин «пряжки» у него в кавычках (1964, с. 51, 65; 1967, с. 27), но чуть позже В.Д. Рыбалова уже уверенно отождествляла бляхи с пряжками: «Трудно сказать, где впервые начали употребляться подобные бляхи (пряжки)» (1974, с. 29).

Интересен случай, когда круглая пряжка с одним большим и двумя маленькими отверстиями (*Полесских*, 1956, рис. 14, *б*) названа дисковидным псалием (*Халиков*, 1969, с 216)[2].

В дальнейшем, с 1970-х гг. в многочисленных публикациях находки в погребениях круглых и овальных костяных предметов стали постепенно называться пряжками и ассоциироваться с культурой многоваликовой керамики (в дальнейшем – бабинской) (*Отрощенко*, 1978, *Братченко*, 1985, с. 454; *Савва*, 1988, с. 57; 1992, с. 120, 136; *Тощев*, 1998, с. 119; и др.). Правда, С.Н. Братченко в отношении использования подчеркивал: «костяные кольца, так называемые пряжки …» (1977, с. 34), потому что проблема использования этих изделий до конца не решена и по сей день: поясные ли это пряжки? (*Елисеев*, *Клюшенцев*, 1982, с. 78–79; *Савва*, 1988, с. 65–66; 1992, с. 135–136; *Братченко*, 1995, с. 22–23; *Отрощенко*, 1998, с. 113; *Литвиненко*, 2004, с. 275–278; 2006а, с. 179[3]; 2009, с. 79–80; *Лысенко*, 2008, с. 177; 2011, с. 139–140; *Усачук*, 2013, с. 25; 2013а, с. 176; и др.). Трасологические исследования, проведенные на основе 226 экз. различных пряжек, показывают, что в основном, они поясные (*Усачук*, 1998; 2013а, с. 176; 2015, с. 33–35; 2016, с. 25; *Усачук*, *Купцова*, 2024, с. 50–52; *Мимоход*, *Усачук*, 2025; 2026; *Усачук*, *Кравцова*, *Мимоход*, 2026; и др.) и только небольшая часть может быть какими-то украшениями, медальонами, подвесками или амулетами (*Усачук*, 1998, с. 135; 2002, с. 164; 2013а, с. 176; *Усачук*, *Купцова*, 2024, с. 52).

На фоне большого количества круглых и овальных пряжек бабинской культуры отдельное место занимает незначительная группа совсем других пряжек – крючково-планочных, которые в разное время назывались «запонками», «зооморфными», «фигурными», «дисковидно-планочными» и пр. (*Гершкович*, 1979; 1986; *Братченко*, 1995, с. 9, 18, 19; *Литвиненко*, 2004, с. 277; *Мимоход*, 2013, с. 117–118; *Ильюков*, 2016, с. 99; *Литвиненко*, *Ляшко*, 2018, с. 164; и др.). По иронии

[2] В свою очередь, трахтемировские псалии, поступившие в Киевский Исторический музей, были записаны, как «две костяные пряжки» (*Лесков*, 1964, с. 299; *Лысенко*, 2008, с. 176; *Усачук*, 2013, с. 8). Псалии из погребения у хутора Веселого поначалу воспринимались пряжками, затем – подвесками (*Усачук*, 2013, с. 9).

[3] Р.А. Литвиненко отмечает повсеместное использования термина «пряжки», но приходит к выводу о некорректности такого названия и предлагает замену на термины «медальоны», «подвески» или «бляхи» (*Литвиненко*, 2006а, с. 179).

судьбы первые из крючково-планочных пряжек были найдены еще в 1903 г. В.А. Городцовым (Камышеваха, 5/1[4]), но отсутствие рисунков и только словесное описание «костяных запонок» (*Городцов*, 1907, с. 236; 1907а, с. 357) привели к тому, что на находки очень долго не обращали внимания (*Братченко*, 1995, с. 9, подстраничная ссылка) (см. Приложение 1.1). Долго неизвестными оставались и новые случаи находок в погребениях крючково-планочных пряжек С.А. Локтюшевым в 1929 г. Луганск (Вергунка), 3/12 и Н.Е. Макаренко в 1932 г. (Старомихайловка, курган)[5]. Ситуация с группой крючково-планочных пряжек начала проясняться с начала 1970-х гг., когда появились комплексы с подобными находками (*Братченко*, 1995, с. 9, подстраничная ссылка).

Первую сводку крючково-планочных пряжек привел Я.П. Гершкович сначала в тезисном виде (*Гершкович*, 1979), а позже в развернутой в статье (*Гершкович*, 1986). Это были специальные работы, предметом изучения которых стали роговые крючково-планочные пряжки. Важным оказалось и то, что исследователь впервые точно подметил ряд соответствий между фигурной поясной гарнитурой ДДБК и крючковыми поясными деталями Карпато-Дунайского региона. В дальнейшем вслед за Я.П. Гершковичем археологи неоднократно сопоставляли бабинские фигурные пряжки с крючковыми поясными деталями Центральной Европы и Карпато-Дунайского региона, в том числе в контексте культурно-генетических процессов (*Литвиненко*, 2011, с. 252; *Lytvynenko*, 2013, fig. 8; *Мимоход*, 2018а; 2018б; *Grigoriev*, 2019; и др.). В следующий раз сводка рассматриваемых поясных деталей ДДБК была представлена в монографии В.Ф. Клименко (1998, с. 199). В ее тексте исследователь привел все известные на тот момент бабинские крючково-планочные поясные детали в контексте аналогий пряжке, обнаруженной им в могильнике Новоандреевка 4/1. Если серия Я.П. Гершковича на середину 1980-х гг. насчитывала 8 предметов, то у В.Ф. Клименко к концу 1990-х гг. учтено уже 12 изделий (*Клименко*, 1998, с. 199) – база источников заметно пополнилась. В такой же комплектности эта выборка уже в графическом выражении представлена в докторской диссертации Р.А. Литвиненко (2009, рис. 49). Через несколько лет обновленную сводку фигурных пряжек ДДБК опубликовал Л.С. Ильюков. В ней были представлены 13 предметов (*Ильюков*, 2016, рис. 1)[6]. Наконец, в последней опубликованной выборке крючково-планочной гарнитуры культурного круга Бабино приведены данные уже о 14 изделиях (*Литвиненко*, *Ляшко*, 2018, с. 164). На сегодняшний день группа крючково-планочных пряжек ДДБК насчитывает 15 комплексов[7].

Долгое время считалось, что крючково-планочная поясная гарнитура в Восточной Европе принадлежит исключительно ДДБК, и совершенно неожиданной оказалась публикация в начале нынешнего века двух роговых фигурных пряжек из Шагарского могильника в Озерной Мещере (*Каверзнева*, 2003, рис. 1, *5, 6*). Автор публикации рассматривала их в контексте контактов лесного населения с Бабино (*Каверзнева*, 2003, с. 147). Однако значительный территориальный разрыв и отсутствие каких-либо других признаков подобных взаимосвязей ставит этот вывод под сомнение. В настоящей монографии предлагается иное решение проблемы.

За более чем 120-летнюю историю с момента открытия первого комплекса и дальнейшего изучения крючково-планочных пряжек неоднократно обсуждались вопросы их функционального назначения и использования, хронологии и культурно-хронологиче-

[4] Здесь и далее в числителе – номер кургана, в знаменателе – номер погребения.

[5] Из Старомихайловки сохранился рисунок пряжки, информация по комплексу Луганск (Вергунка) скуднее, нет даже рисунка.

[6] В своей работе Л.С. Ильюков указал, что термин «пряжки-запонки» был предложен Р.А. Мимоходом (*Ильюков*, 2016, с. 99). На самом деле автором этого термина является В.А. Городцов (1907, с. 236; 1907а, с. 357), который позже использовал С.Н. Братченко (1995, с. 24) и Р.А. Литвиненко (2004, с. 271, 277).

[7] Мы взяли на себя смелость включить в эту сводку еще одно изделие из плохо документированных раскопок С.А. Локтюшева 1929 г. (см. главу 2).

ской атрибуции, происхождения и семантики (см. главы 3–6).

Первая кольцевидно-планочная пряжка была найдена В.Л. Тимофеевым в могильнике Донифарс в конце XIX в.[8] и была опубликована в 1900 г. (*Уварова*, 1900, рис. 177, 178). Автор публикации предположила, что это изделие предназначено для натягивания тетивы лука (*Уварова*, 1900, с. 207). Таким образом, «первенцы» обеих групп пряжек (крючково-планочной и кольцевидно-планочной) являются фактически ровесниками. В 30-х гг. прошлого века еще две кольцевидно-планочные пряжки были найдены в Закавказье (*Гуммель*, 1940, фиг. 30, *I-15*, 38, *5*). Они были определены как костяные изделия в форме зеркальца (*Гуммель*, 1940, с. 70, 93, 95). То, что на Кавказе пряжки были обнаружены раньше, чем в степной зоне, можно объяснить. В конце XIX и в первой половине XX вв. велись активные работы именно на Кавказе. Нельзя сказать, что в степной зоне работы велись менее интенсивно. Взять хотя бы работы В.А. Городцова, благодаря которым на рубеже веков были найдены в одном погребении две крючково-планочные пряжки. Проблема заключается в том, что в основном ареале кольцевидно-планочных пряжек, а это Калмыкия и Ставропольский край, единичные археологические работы начались только в конце 20-х гг. прошлого века (*Рыков*, 1929). Для сравнения, хорошо известны активные раскопки Н.И. Веселовского в Краснодарском крае, благодаря которым, например, в 1903 г. была обнаружена кольцевая пряжка бабинского облика (*Марковин*, 1960, рис. 5, *2*). Несмотря на то, что Ставропольский и Краснодарский край граничат, на территории последнего до сих пор находки планочных пряжек неизвестны, хотя в посткатакомбное время на этих территориях проживало население культурного круга Лола. Этот факт имеет свое объяснение. Дело в том, что в Предкавказье все кольцевидно-планочные пряжки принадлежат лолинской культуре, основной ареал которой располагался в Калмыкии и на Ставрополье, а для соседней невинномысской культуры кольцевидно-планочная поясная гарнитура не характерна. Здесь присутствует небольшая серия кольцевых пряжек бабинского типа, которые являются свидетельствами межкультурных связей невинномысской культуры и ДДБК (*Мимоход*, 2023б, с. 31, рис. 5, *60, 61, 63–66*; 2024; 2024б)[9].

Во второй половине 50-х – начале 60-х гг. XX в. на Северо-Восточном Кавказе были найдены 4 костяные кольцевидно-узкопланочные пряжки гинчинской культуры (*Марковин*, 1960, рис. 27, *8*; 1963, рис. 5, *7, 8*, 25, *3*; *Гаджиев*, 1969, рис. 12, *6*). Специально они не анализировались и представлены были в составе публикации материалов мог. Гатын-Кале и Гинчи, а потому оказались фактически незамеченными. Только с выходом в середине 90-х гг. прошлого века знаковой статьи С.Н. Братченко, посвященной пряжкам финала средней бронзы в степи и на Кавказе (*Братченко*, 1995), эти изделия привлекли внимание исследователей, но не сразу. Так, в монографии Р.Г. Магомедова, посвященной гинчинской культуре, вышедшей тремя годами позже, кольцевидно-узкопланочные пряжки из Гинчи и Гатын-Кале рассматриваются как «костяные подвески в виде стержня с колечком» (*Магомедов*, 1998, с. 124), а ссылок на работу С.Н. Братченко, где эти изделия рассматриваются в качестве пряжек, в данной монографии нет. Только в нынешнем веке исследователи стали использовать эти поясные детали в своих построениях (*Литвиненко*, 2009, рис. 168, *12–14*; *Мимоход*, 2013, илл. 16; 2021, рис. 4). В качестве аналогии гинчинским кольцевидно-узкопланочным пряжкам С.Н. Братченко привел поясную деталь из комплекса Алгаши 1/1 средневолжской абашевской культуры (*Братченко*, 1995, с. 21). Интересно, что в 60-х гг. прошлого века на Кавказе узкопланочные пряжки традиционно рассматривались как подвески (*Марковин*, 1960, с. 65, рис. 27, *8*; 1963, с. 62; *Гаджиев*,

[8] Точный год работ нам не известен.

[9] Любопытно, что в невинномысской культуре известно всего 7 пряжек бабинского облика, тем не менее первая из них была найдена в 1903 г.

1969, с. 29), и в это же время П.П. Ефименко и П.Н. Третьяков аналогичное изделие из Алгашей предлагали рассматривать как поясную деталь (*Ефименко, Третьяков*, 1961, с. 56, 57). Это было особенно проницательно с учетом того, что в этом комплексе скелет анатомического порядка не имел и находился в пакетированном состоянии, т.е. связь изделия с поясом никак не прослеживалась. Таким образом, П.П. Ефименко и П.Н. Третьяков были первыми, кто для Восточной Европы и Кавказа кольцевидно-узкопланочные изделия фактически назвали пряжками.

Широкопланочные кольцевидные фигурные пряжки были открыты сравнительно поздно. Первое такое изделие было найдено в 1979 г. в комплексе лолинской культуры Чограй VIII 34/1, и оно сразу было атрибутировано в качестве поясной детали и сопоставлено с крючково-планочной поясной гарнитурой ДДБК (*Андреева* 1986, с. 234). Выше было показано, что позднее открытие кольцевидно-планочных пряжек в Предкавказье было связано с тем, что масштабные археологические работы здесь запаздывали по сравнению с Кавказом, с Поволжьем и Днепро-Донецким регионом, но это только одна из причин. Вторая представляет собой фактор случая. В 1965–1967 гг. И.В. Синицын и У.Э. Эрдниев раскопали больше сотни курганов в долине Восточного Маныча, в которых была представлена серия из 60 погребений лолинской культуры (*Синицын*, 1978; *Синицын, Эрдниев*, 1981; 1982; *Эрдниев*, 1982). При этом планочных пряжек обнаружено не было. Впрочем, костяная поясная гарнитура была найдена в трех погребениях. С.Н. Братченко, основываясь на словесных описаниях из публикации И.В. Синицына (1978, с. 39, 40, 43), отнес эти изделия к бабинским пряжкам (*Братченко*, 1995, с. 15, рис. 2, *9*). Позже выяснилось, что это не поясные детали ДДБК, а поясные подвески позднелолинской культуры (*Мимоход*, 2003, с. 105; 2007, с. 151; 2013, с. 125), которые были выделены в тип Элиста-Калиновский (*Калмыков, Мимоход*, 2005, с. 223; *Мимоход*, 2013, с. 125, 126)[10]. Однако к кольцевидно-планочной поясной гарнитуре эти предметы не имеют отношения.

Находка и публикация чограйской пряжки стала знаковой во многих отношениях. После работы М.В. Андреевой (1986) все последующие кольцевидно-планочные изделия как культурного круга Лола, так и кавказских культур, рассматривались не иначе как поясная гарнитура[11]. Это стало касаться не только кольцевидно-широкопланочной поясной гарнитуры, чья функциональная нагрузка, в общем-то, сомнений особых не вызывала, но и узкопланочных изделий, которые на Кавказе традиционно воспринимались как подвески. Так, С.Н. Братченко справедливо интерпретировал изделие этого типа из погребения в Ливенцовской крепости как пряжку (*Братченко*, 1995, с. 13, 14). Позже С.В. Богданов занял компромиссную позицию и указал, что поясная деталь из комплекса Тамар-Уткуль VII 4/3 – это «костяная кольцеобразная булавка или пряжка с Т-образным стержнем» (*Богданов*, 1998, с. 22). При оставленной исследователем альтернативе для нас важно, что понятие «пряжка» звучит у него довольно отчетливо. И получается, что С.В. Богданов первым в отечественной историографической традиции предложил именовать планку (стержень по С.В. Богданову) Т-образной[12].

[10] Интересно, что первая поясная подвеска типа Элиста-Калиновский была обнаружена в 1932 г. в ходе небольших раскопок П.С. Рыкова в южной части Калмыкии (*Рыков*, 1936, с. 63).

[11] Исключение здесь составляет работа В. Кульбаки и В. Качура, в которой они предложили рассматривать пряжку из комплекса Чограй VIII 34/1 в качестве застежки в системе крепления упряжи лошади (*Кульбака*, *Качур*, 2000, с. 38, рис. 9, *7*). Вряд ли есть смысл, это предположение обсуждать предметно с учетом как типологических, так и культурно-хронологических данных.

[12] Этот термин был использован одним из авторов настоящей монографии в последующих работах (*Калмыков*, *Мимоход*, 2013, с. 119; *Мимоход*, 2024, с. 99; 2022б, с. 592), к сожалению, без ссылок на работу С.В. Богданова. Эту ошибку мы исправляем сейчас. Правда, следует отметить, что в нашей типологии пряжка из Тамар-Уткуля отнесена к типу кольцевидно-узкопланочных, а не к типу с Т-образной или комбинированной планкой, куда включены преимущественно лолинские пряжки, у которых Т-образность планки действительно является типообразующим признаком.

Вслед за работой М.В. Андреевой (1986) Р.Г. Магомедов опубликовал специальную статью, посвященную изделию из склепа 1 кургана 1 мог. Ирганайский 1, и уже в название вынес формулировку «фигурная костяная пряжка» (*Магомедов*, 1990)[13]. Со временем появились и обобщения в анализе кольцевидно-планочной поясной гарнитуры сначала лолинской культуры, а потом и культур Северо-Восточного Кавказа. А.А. Калмыков в 2005 г. впервые, после С.Н. Братченко, предметно подошел к разбору пряжек культурного круга Лола (*Калмыков*, 2005). Это был несомненный шаг вперед как с точки зрения возобновления интереса к проблеме, так и в отношении заметного расширения источниковой базы. В работе С.Н. Братченко, вышедшей за 10 лет до этого, фигурировала только одна лолинская фигурная пряжка из комплекса Чограй VIII 34/1. В тезисах А.А. Калмыкова были опубликованы 4 новых комплекса с роговыми фигурными пряжками, которые были открыты буквально на стыке веков (в самом конце 90-х и в начале 2000-х гг.). И впервые за 100 лет со времени публикации П.С. Уваровой (1900, рис. 177, 178) свет увидели пряжки с комбинированной или Т-образной планкой. А.А. Калмыковым тогда же была предложена и схема разделения лолинских поясных деталей на две группы. К первой он отнес изделия из комплексов Чограй VIII 34/1, Кевюды-1 3/5 (*Калмыков*, 2005), ко второй – предметы с комбинированной планкой из комплексов Ильинский-1 1/6, Ипатово-3 2/13 и Типки-1 2/4 (*Калмыков*, 2005). Чуть позже, но в том же году, была опубликована полная сводка, известная на тот момент кольцевидно-планочной поясной гарнитуры лолинской культуры, которая пополнилась еще тремя комплексами из архивных материалов раскопок второй половины 70-х – середины 80-х гг. прошлого века (Кривая Лука XXI 1/9, Ут 6/1, Черноярская 3/10) (*Калмыков, Мимоход*, 2005). В этой же статье была предложена развернутая типология и хронология рассматриваемых изделий.

Очень важной для нашей темы стала работа Л.С. Ильюкова и Р.Г. Магомедова, которая была опубликована в 2010 г. (*Ильюков, Магомедов*, 2010). Исследователи обратились к теме кольцевидно-широкопланочных пряжек культур Северо-Восточного Кавказа. Причиной ее написания оказались находки двух поясных деталей в погребениях присулакской культуры. В результате в статье были собраны все известные фигурные пряжки (4 предмета) с территории Северо-Восточного Кавказа, и из них три были опубликованы впервые. Позже Г.Д. Атаев еще раз опубликовал сводку кольцевидно-планочных пряжек Северо-Восточного Кавказа. Правда, в силу направленности его работы она оказалась неполной и в тексте не комментировалась (*Атаев Г.*, 2018, рис. 1, *27–29, 37, 38, 40*). Зато для нашей темы важным оказалась публикация еще одной пряжки, точнее, ее заготовки с Ирганайского поселения (*Атаев Г.*, 2018, рис. 1, *39*).

Подавляющее большинство кольцевидно-планочной гарнитуры в Восточной Европе и на Кавказе было обобщено и проанализировано в монографии, посвященной лолинской культуре (*Мимоход*, 2013, с. 104–133), а серия лолинских пряжек пополнилась изящным изделием из комплекса Темрта I 2/7 из раскопок Н.И. Шишлиной (*Мимоход*, 2013, илл. 57, *1*, 60, *1*). К этим вопросам один из авторов настоящей монографии уже не раз обращался (*Мимоход*, 2022, с. 88, 89, рис. 6; 2024). К сожалению, за рамками анализа, ввиду сосредоточенности на посткатакомбной и кавказской проблематике, тогда остались прекрасные и к тому времени уже опубликованные экземпляры крючково-широкопланочных пряжек из Шагарского могильника в Озерной Мещере, которые оценивались в качестве поясных деталей (*Каверзнева*, 2003). По этой же причине вне фокуса интереса оказалась и серия кольцевидно-узкопланочных

[13] В этой статье есть некоторое противоречие. Уже в заглавии указано, что пряжка костяная, потом это же сырье упоминается не один раз в тексте статьи. При этом в публикации также четко указано, что «сделана пряжка из корковой части концевого отростка оленьего рога» (*Магомедов*, 1990, с. 41). Как оказалось, сырьем для изготовления этой поясной детали служил клык кабана (см. главу 5).

поясных деталей со стоянок Кривинского торфяника северобелорусской культуры, которые авторы публикации назвали ключеподобными амулетами-подвесками (*Чарняўскі Міх.*, *Чарняўскі Макс.*, 2004). В предлагаемой читателю монографии эти пробелы восполнены. Работа в фондах ГИМ и Научно-отраслевом архиве ИА РАН позволили выявить в материалах Шагарского археологического комплекса еще четыре костяные поясные детали: две крючково- и две кольцевидно-планочные. В нашей монографии они публикуются впервые.

Возвращаясь к посткатакомбной проблематике, следует отметить, что за последние четыре года у нас здесь случился, образно говоря, некий прорыв. Дело в том, что в посткатакомбном мире все планочные пряжки финала средней бронзы были известны только по материалам погребений. В 2020 г. была опубликована костяная крючково-узкопланочная пряжка из материалов поселения финала средней бронзы Балка Хреева III (*Кияшко, Ларенок*, 2020, с. 99, рис. 2, *11*). Авторы поначалу ввиду необычности изделия с двум крючками назвали его предметом неясного назначения (*Кияшко, Ларенок*, 2020, с. 99), а позже справедливо отнесли к поясным пряжкам (*Кияшко, Ларенок*, 2023, с. 160) (см. Приложение 1.2). Наконец, пряжка с Т-образной или комбинированной планкой была найдена в 2024 г. на пос. Каратаево, которое непосредственно связано с Ливенцовско-Каратаевской крепостью. Иными словами, за последние четыре года мы наконец-то для посткатакомбного мира получили ситуацию, которая характерна как для Европы, так и для Кавказа, когда планочные пряжки присутствуют не только в погребальных памятниках, но и в поселенческих.

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, как разные исследователи в разные годы рассматривали функциональное назначение изделий, которые включены в нашу выборку планочных поясных пряжек. Для удобства всю эту информацию мы свели в таблицу (см. Приложение 1.2) в соответствии со структурой изложения материала, представленного в следующей главе.

В первой половине XX в., когда находки планочной поясной гарнитуры были единичны, интерпретации их функционального назначения сильно разнились, но, тем не менее, так или иначе они были связаны с идеями крепления мягких эластичных материалов или взаимодействия с ними. Так, пряжка из Донифарса была названа кольцом для натягивания тетивы лука (*Уварова*, 1900, с. 207). С.А. Локтюшев изделие ДДБК из Вергунки напрямую связал с ременной оснасткой, назвав его псалием (см. Приложение 1.1) (*Локтюшев*, 1929). Это неудивительно, впоследствии исследователи не раз сопоставляли фигурные пряжки культурного круга Бабино финала средней бронзы со щитковыми псалиями начала позднего бронзового века (*Гершкович*, 1986, с. 142, 143; *Василенко, Супрун*, 1998; *Василенко*, 1999, с. 64, 65; 2000; *Писларий*, 1983, с. 11, 12; *Братченко*, 1995, рис. 1; *Литвиненко*, 2004, с. 263–267; *Пыслару*, 2000, с. 333, 334, рис. 4; *Pâslaru*, 2006, pl. 64; *Ильюков*, *Магомедов*, 2010, с. 52; и др.). Отдельно на данном сюжете останавливался С.Н. Братченко в своем письме А.Н. Усачуку, предметно сравнивая крючково-планочные поясные детали александровского типа по его терминологии с дисковидным псалием из пос. Поляны (см. Приложение 1.1). Действительно, определенные структурные соответствия между бабинскими роговыми фигурными пряжками и щитковыми псалиями отрицать сложно. И те, и другие использовались в ременной оснастке, но связывать их напрямую вряд ли правомерно по причине не менее чем двухсотлетнего временного разрыва между ними и принципиально разных функциональных контекстов. Эти вопросы были предметно разобраны Р.А. Литвиненко (2004).

В поисках назначения крючково-планочных предметов из комплекса Камышеваха 5/1, найденных при раскопках в Екатеринославской губернии (илл. 65, *9*), В.А. Городцов обратил внимание, прежде всего, на грибовидные выступы, которые справедливо отнес к элементам крепления. Однако Василий Алексеевич сразу же столкнулся с уникальным «пряжечным» комплексом, в состав которого входили сразу две крючково-планочные по-

ясные детали и находились они в районе шеи умершего. Именно эти два обстоятельства и привели его к констатации того, что в могиле обнаружены «костяные запонки, служившие для застегивания ворота одежды» (*Городцов*, 1907, с. 236). Лично у нас не возникает сомнения, что, если бы, например, в свое время подобное изделие при раскопках В.А. Городцов обнаружил в районе тазовых костей скелета, то он легко бы его опознал как поясную пряжку, но процесс накопления источниковой базы тогда только начинался и сравнивать было не с чем.

Скорее всего, этим же фактором в рассматриваемый период был обусловлен и ассоциативный путь в попытках понять, какого рода изделия были получены при раскопках. Так, Я.И. Гуммель кольцевидно-узкопланочные пряжки, обнаруженные им при исследовании памятников Ханларского археологического комплекса (илл. 66, *13*, *14*), называл изделиями из кости в виде зеркальца (*Гуммель*, 1940, с. 70, 93, 95).

В 60-х гг. прошлого века кольцевидно-узкопланочные поясные детали, найденные в комплексах гинчинской культуры (илл. 66, *7–10*), стали интерпретироваться как костяные подвески (*Марковин*, 1960, с. 65; 1963, с. 62, 91; *Магомедов*, 1969, с. 29). Этот, заданный еще тогда вектор поиска функции рассматриваемых в нашей книге изделий, спорадически встречается в публикациях и отчетных материалах нынешнего столетия (см. ниже). Интересно, что интерпретация в качестве подвесок не обошла и яркую серию фигурных крючково-планочных пряжек культурного круга Бабино. Б.А. Латынин, казалось бы, абстрагировался от установления функционального назначения одного из предметов этой группы (илл. 65, *12*), и просто назвал его костяной плоской бляшкой (*Латынин*, 1967, с. 28). Однако затем, сравнив изделие с каменными украшениями Мариупольского могильника, перевел его в ранг подвесок[14].

Знаковым исключением в этот период стала статья П.П. Ефименко и П.Н. Третьякова, в которой были опубликованы материалы средневолжской абашевской культуры из раскопок второй половины 20-х гг. прошлого века в Среднем Поволжье (*Ефименко, Третьяков*, 1961). В могильнике Алгаши 1/1 было обнаружено кольцевидно-узкопланочное изделие (илл. 68, *3*), которое исследователи интерпретировали как принадлежность пояса (*Ефименко, Третьяков*, 1961, с. 56, 57). Пожалуй, именно с этой работы и началась восточноевропейская историографическая традиция трактовки кольцевидных и крючковых планочных пряжек в контексте поясной гарнитуры. Четырьмя годами позже в этом же русле интерпретирован кольцевидно-узкопланочный предмет из п. 6 Ливенцовской крепости (илл. 64, *12*) в отчете С.Н. Братченко, но с известной долей осторожности. Так, в тексте он просто описал находку как «костяное изделие в виде кольца со стержнем, снабженным отверстием» (*Братченко*, 1965, с. 12), а в подписи к рисунку этого предмета уже назвал его костяной пряжкой, но со знаком вопроса (*Братченко*, 1965, табл. XVII, 4), т. е. сомнения у исследователя все-таки оставались даже несмотря на то, что вещь была найдена «при разборке костяка, под тазовыми костями» (*Братченко*, 1965, с. 12). Иными словами, в статье П.П. Ефименко и П.Н. Третьякова, а также в отчете С.Н. Братченко уже была обозначена перспективная область будущих интерпретаций кольцевидных изделий с узкой планкой в контексте поясной гарнитуры. Однако в первом случае пряжка из Алгашей названа принадлежностью пояса без акцента на ее застегивающей функции, а во втором, последняя уже подчеркнута, но с вопросительным знаком.

Все последующие находки фигурных поясных деталей с широкой и комбинированной или Т-образной планкой как в Днепро-Донском регионе (илл. 65, *1–8*, *10, 11, 13, 14*), так в Предкавказье (илл. 64, *1–11*) и на Северо-Восточном Кавказе (илл. 66, *1–6*) с конца 70-х гг. XX в. неизменно трактовались исследователями в качестве поясных пряжек (см.

[14] Справедливости ради следует отметить, что из всей бабинской серии крючково-планочных пряжек только предмет из Старомихайловки, который опубликовал Б.А. Латынин (1967, рис. 26), попал в функциональный контекст украшений. Почему это произошло, было показано выше.

Приложение 1.2). Единственным исключением здесь оказалось кольцевидное изделие с комбинированной или Т-образной планкой из комплекса лолинской культуры Родионов 4 5/3 (илл. 64, *6*), которое в отчете было названо костяной подвеской (*Ильюков*, 2015, с. 115). Вывод, по всей видимости, был сделан на основе месторасположения предмета в районе грудной клетки, т.е. в нестандартном для поясной пряжки положении (подробнее см. главу 4).

Если принадлежность фигурных крючково- и кольцевидных изделий с широкой планкой к категории ременных застежек особых сомнений не вызывала уже с рубежа 70–80-х гг. прошлого века, то разнобой в оценках поясных деталей с узкой планкой остается. Так, уже 30 лет назад С.Н. Братченко рассматривал костяной предмет из п. 6 Ливенцовской крепости (илл. 64, *12*) как поясную пряжку (*Братченко*, 1995, с. 13, рис. 2, *6*), благо и найдена она была у таза умершего. Тремя годами позже при интерпретации аналогичной по морфологии вещи из комплекса Тамар-Уткуль VII 4/3 (илл. 64, *13*) в Приуралье С.В. Богданов предложил выбирать в трактовке между поясной пряжкой и кольцевидной булавкой (*Богданов*, 1998, с. 22) несмотря на то, что у изделия отсутствовала характерная для булавочных аксессуаров заостренная часть, а, наоборот, имелась втулка с отверстием.

Если обратиться к пряжкам зоны широколиственных лесов Восточной Европы, то и здесь мы столкнемся с упомянутым разночтением в трактовке костяных кольцевидных изделий с узкой планкой. Предмет из п. 109 Шагарского могильника (илл. 68, *2*) тоже предлагается рассматривать в качестве поясной пряжки (лежала на поясе) или украшения (*Каверзнева*, 2012, с. 44), а от интерпретации аналогичного изделия из п. 130 (илл. 68, *1*) исследовательница ушла и просто его описала, назвав при этом орудием (*Каверзнева*, 2015). Что касается серии костяных кольцевидно-планочных предметов северобелорусской культуры со стоянок Асовец 2 и 7 (илл. 68, *4–12*), то они однозначно рассматриваются в качестве подвесок-амулетов в виде ключа (*Чарняўскі Міх.*, *Чарняўскі Макс.*, 2004; *Чарняўскі Макс.*, 2015, с. 239–241, мал. 6, 1–9). Эти изделия справедливо сравниваются с кольцевидно-узкопланочными пряжками из мог. Гатын-Кале на Северо-Восточном Кавказе, но ведь и там данные предметы названы именно подвесками (*Марковин*, 1960, с. 65; 1963, с. 62, 91).

Еще сложнее дело обстоит с крючково-узкопланочными изделиями. В восточноевропейской степи известно одно изделие данного типа (пос. Балка Хреева III) (илл. 67, *1, 2*), и, как уже отмечалось, оно было впервые опубликовано как предмет неясного назначения (*Кияшко, Ларенок*, 2020, с. 99), а в отчете было описано как «изделие из кости в виде подпрямоугольного стержня с двойным крючком» (*Мокрушин, Кутуков*, 2016, т. 5, с. 25).

Серия подобных изделий в восточноевропейской зоне широколиственных лесов происходит из материалов Шагарского и Асовецкого археологических комплексов. Здесь их принадлежность к поясной гарнитуре даже не рассматривалась. Костяное изделие из п. 46 Шагарского могильника (илл. 67, *6*) было интерпретировано как костяной гарпун (*Каверзнева*, 1999). Близкий по форме и размерам предмет из слоя пос. Шагара 1 (илл. 67, *7, 8*) определен как массивный рыболовный крючок (*Каверзнева*, 2015, с. 75)[15]. То, что это не так, показали трасологические исследования (см. главу 5). Два костяных изделия с крючками на одном конце со стоянки Асовец 2 (илл. 67, *9, 10*), были М.М. Чернявским отнесены к классу рыбацких «крюков» (*Чарняўскі Макс.*, 2015, мал. 20). Под ними исследователь понимал орудия, предназначенные «для ловли буйной хищной рыбы» (*Чарняўскі Макс.*, 2015, с. 24). Речь, по всей видимости, идет о рыболовных багориках,

[15] Разница в этих трактовках была обусловлена, скорее всего, отличиями в морфологическом оформлении той части изделий, где расположен крюк. «Гарпуном» пряжка из погребения (илл. 67, *6*) стала благодаря наличию конического выступа, расположенного над крюком, который при всем желании никак нельзя назвать острием, а поясная деталь из поселенческого слоя (илл. 67, *7, 8*) определена в качестве рыболовного крючка по причине отсутствия такого выступа. О семантической значимости последнего см. главу 6.

которыми пойманные крупные особи затаскивались из воды в лодку.

Получается, что в восточноевропейской историографической традиции фактически все костяные крюки с отверстиями воспринимаются, главным образом, сквозь призму рыболовного промысла, и это входит в определенный диссонанс с имеющимися данными Центральной Европы и Карпато-Дунайского региона. Там крючково-узкопланочные костяные и роговые изделия (илл. 74, *5–10*), в том числе с отверстиями для крепления глухого конца ремня, аналогичные изделиям из Шагары и Асовца (илл. 74, *2–4*), интерпретируются в качестве поясных пряжек еще со второй половины прошлого века (*Hajek*, 1959; *Machnik*, 1967, s. 234; tabl. XXXI, *7*; 1978, s. 14, tabl. IV, *11, 12*; s. 77, tabl. XXV, *34*; и др.).

Таким образом, анализ всей совокупности интерпретационных моделей функционального назначения, которые предлагали исследователи для планочных пряжек Восточной Европы и Кавказа за 125-летнюю историю их изучения, показывает, что в трех четвертях случаев они трактовались как поясные детали исключительно на основе типологических и конструктивных наблюдений, а также месторасположения по отношению к умершему. В остальных случаях они относились либо к категории украшений-подвесок, либо к орудиям труда. Причем можно наблюдать показательную закономерность: чем проще форма у пряжки, тем чаще она оказывается вне поля интерпретации поясных принадлежностей. Так, например, произошло с крючково-узкопланочными экземплярами северных восточноевропейских культур зоны широколиственных лесов и со всеми кавказскими кольцевидно-узкопланочными пряжками. В последнем случае злую шутку в проблеме функционального назначения сыграл в большей степени склеповый характер погребений, где первоначальное расположение предметов и, например, связь их с поясом, установить невозможно. Ключами к решению этих вопросов стали комплексы индивидуальных погребений степной зоны, где достоверно зафиксирована связь кольцевидно-узкопланочных изделий с тазовыми костями умерших (Ливенцовская крепость п. 6, Нуртай 22/2) (*Братченко*, 1995, с. 13, рис. 2, *6*; *Ткачев*, 2002, ч. 1, с. 185).

Что ж, пришло время дать полную характеристику планочным костяным и роговым пряжкам финала средней бронзы в Восточной Европе и на Кавказе.

ГЛАВА 2 Характеристика источников

§ 1. Культурный круг Лола

1.1. Лолинская культура

Курганный могильник Чограй VIII. Под этим названием объединены 34 кургана, исследованные в 1979 г. в зоне строительства Арзгирской оросительной системы (Арзгирский район Ставропольского края) отрядом Ставропольской экспедиции ИА АН СССР (начальник отряда М.В. Андреева). Курганы располагались в 2 км к югу от Чограйского водохранилища (илл. 1). Они не образовывали единой группы, а были сконцентрированы в нескольких компактных скоплениях (*Андреева*, 1989, рис. 1).

Курган 34, в котором была обнаружена пряжка, находился в небольшой группе, расположенной на значительном удалении к северу от основной части могильника. Его высота была 0,4 м, диаметр около 20 м. Курган содержал всего одно погребение (*Андреева*, 1979; *Андреева*, 1989, с. 24, 27, табл. 4).

Курган 34, погребение 1. Основное и единственное в кургане. Было совершено в Н-видной катакомбе. Входная яма подпрямоугольной в плане формы (1,7×1,4 м), вытянута по оси северо-запад – юго-восток. Стенки вертикальные. Дно ямы сначала полого, а от середины более резко понижалось к юго-восточной стенке, где был сделан вход в камеру. Он занимал большую часть юго-восточно стенки и южный угол. Ширина входа была 1,5 м, высота 0,8 м. Камера в плане имела подтрапециевидную форму (1,5×1,0 м), располагалась параллельно яме. Дно ровное, горизонтальное. Глубина могилы от верхнего уровня погребенной почвы около 2,8 м (илл. 3, *1, 2*).

У северо-западной, противоположной входу стенки камеры лежал скелет мужчины 35–55 лет. Погребенный располагался в сильно скорченном на левом боку положении, головой на северо-восток. Его лицо было опущено к коленям. Руки согнуты, кисти прижаты к лобной части черепа. Ноги подтянуты высоко к груди мужчины и полностью согнуты в коленях. При этом пяточные кости оказались у таза, а колени на расстоянии менее 0,2 м от черепа (илл. 3, *1*).

Все сопровождавшие погребенного вещи были положены перед его лицом. В их число входили два небольших фрагмента керамики, керамический конус и роговая пряжка. Обломки керамики происходили от разных лепных сосудов. Один фрагмент красноглиняный, с налепным ушком с горизонтальным отверстием (илл. 3, *3*). Второй – черного цвета, по внешней поверхности украшен прочерченными пересекающимися линиями (илл. 3, *4*). Конус также лепной, внешняя поверхность светло-коричневого цвета, заглажена. От широкого конца примерно до середины предмет полый. Внутреннее отверстие сделано до обжига изделия. Длина конуса 6,5 см, максимальный диаметр 2,0 см (илл. 3, *5*).

Пряжка вырезана из рога Cervidae (олень/лось)[1]. В публикации автора раскопок она определена как «зооантропоморфная фаллическая фигурка», голову которой «венчают полукруглые рога, грудь подчеркнута окружностями, под которыми смоделированы небольшие выступы (руки?, крылья?), в животе сделано округлое отверстие, по обеим сторонам которого показан пояс». Два роговидных выступа с гребнем между ними внизу изделия рассматриваются в качестве ног и фаллоса (*Андреева*, 1986, с. 232–234). В верх-

[1] Определение А.К. Швырёвой (Ставропольский государственный краеведческий музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве). Ею так же определены кости животных из погребений Кевюды-1 3/5, Ильинский-1 1/6 и Ипатово-3 2/13, приведенные в данной работе.

ней части фигурки над парными овальными элементами имеется еще одно отверстие, меньшего размера, выполненное в перпендикулярной к большему отверстию плоскости. Тыльная сторона изделия желобчатая. Заполированность отдельных частей и небольшие дефекты-поломки пряжки свидетельствуют о ее долгом использовании до помещения в могилу. Длина пряжки 6,7 см, ширина 2,4 см (илл. 3, *6, 7*).

Курганный могильник Кевюды-1[2] располагался на краю первой высокой надпойменной террасы левого берега балки Улан-Зуха Ики-Бурульского района Республики Калмыкия, в 1,5 км к югу-юго-востоку от с. Кевюды. Он состоял из четырех курганов, в 2002 г. раскопан археологической экспедицией Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований под руководством А.Д. Матюхина (*Матюхин*, 2002).

Интересующая нас находка была сделана в кургане 3. К началу раскопок его высота была 0,5 м, диаметр составлял 20 м. Всего в этом кургане было открыто шесть погребений. Три наиболее ранних относились к лолинской культуре. Входившее в их число погребение 5 было, очевидно, основным в кургане (*Калмыков*, *Матюхин*, 2007).

Курган 3, погребение 5. Могильная конструкция – Н-видная катакомба. Входная яма по верхнему уровню фиксации была подтрапециевидной формы (2,55×1,9 м), основаниями ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Стенки ямы ровные, наклонные, за счет чего ко дну она несколько уменьшилась в размерах, но приобрела при этом более четкие геометрические очертания. Дно входной ямы полого понижалось к северо-западной стенке, по направлению к погребальной камере. Вход в камеру, устроенный во всю ширину стенки, был подпрямоугольной формы. С внешней стороны он закрывался заслоном из деревянных плах (различные кустарники, розовоцветные и ясень[3]) и был дополнительно накрыт камышом. Погребальная камера отделялась от дна входной ямы невысокой вертикальной ступенью, в плане так же была подтрапециевидной формы. Размеры камеры по дну 2,4×1,5 м, реконструированная глубина могилы около 2,7-2,8 м.

Обнаруженный в центре камеры скелет принадлежал мужчине 35-45 лет[4]. Погребенный лежал по диагонали камеры, в скорченном на левом боку положении, головой на восток-северо-восток. Голова мужчины была склонена к груди. Руки согнуты (правая под прямым, а левая под острым углом), кисти находились у черепа. Пальцы левой кисти, заломленной в запястье под прямым углом, были направлены к погребенному. Позвоночник дугообразно изогнут, таз развернут на крестец. Ноги были согнуты в тазобедренных суставах под тупым, а в коленных – под острым углом. Стопы располагались на боку (илл. 4).

Мужчина и сопровождавший его погребальный инвентарь лежали на органической подстилке, сохранившейся в виде тлена светло-коричневого цвета. Она была создана из каких-то особых трав, имеющих волоски опушения, а в обнаруженной под черепом погребенного органической массе помимо растений использовалось сырье и животного происхождения. Поверх ребер грудной клетки погребенного был найден небольшой фрагмент ясеня[5].

Примерно у середины ведущей в камеру ступеньки были расчищены две лежащие друг на друге лопатки копытных животных. Одна из них принадлежала мелкому рогато-

[2] В Каталоге выставки «Европа без границ» стоит: могильник Кевюды I (Каталог, 2013, с. 564). Разнобой в указании в названиях памятников нумерации в римских и арабских цифрах в археологической литературе встречается повсеместно.

[3] Определения пород дерева и биоморфный анализ органических тленов из погребений Кевюды-1 3/5 и Ипатово-3 2/13 выполнены А.А. Гольевой (Институт географии РАН).

[4] Половозрастные определения скелетов из погребений Кевюды-1 3/5, Ильинский-1 1/6, Ипатово-3 2/13, Типки-1 2/4 выполнены совместно М.М. Герасимовой (Институт этнологии и антропологии РАН) и Д.В. Пежемским (Научно-исследовательский институт и музей антропологии МГУ).

[5] Определение пород дерева и биоморфный анализ органических тленов выполнены А.А. Гольевой (Институт географии РАН).

му скоту (МРС), вторая – сайгаку[6]. Помимо лопаток животных в состав заупокойного инвентаря входили найденная под левым крылом таза погребенного роговая фигурная пряжка и четыре фрагмента керамики.

Все фрагменты керамики относились к одному сосуду, но их положение в могиле свидетельствовало о том, что помещались они туда в качестве отдельных, разрозненных предметов, а не единого целого, например, жаровни. Фрагменты лежали один возле другого на одной линии, между погребенным и костями животных. Сосуд, от которого они происходили, был баночной формы с зауженным устьем и отчасти загнутым внутрь верхним краем. Лицевая его поверхность орнаментирована отпечатками торца полой трубочки, образующими горизонтальную линию под венчиком сосуда и вертикальные ряды по тулову. Она палевого цвета с темно-серыми пятнами, подлощена. На ней, и еще в большем количестве внутри сосуда, прослеживаются многочисленные полосы и царапины (илл. 5, *3*).

Пряжка (*Мимоход*, 2025, рис. 148, *5*) с особой тщательностью и аккуратностью вырезана из рога Cervidae (*Усачук*, 2007, с. 85). Основными ее деталями являются кольцо и широкая планка, в которой в перпендикулярной к кольцу плоскости сделано второе, меньшего диаметра сквозное двустороннее отверстие. Кольцо в нижней части имеет два изогнутых роговидных выступа с небольшим гребнем между ними. Планка пряжки выполнена в виде парных овальных элементов, из-под которых спускаются вниз два треугольных выступа. С лицевой стороны эта часть изделия украшена резным точечным орнаментом. Отверстие в планке пряжки сделано позади овальных элементов. Вся пряжка сильно залощена. Ее тыльная сторона желобчатая, в результате использования на наиболее выпуклых местах заполирована. Так же заполированы и сработаны края отверстий и некоторые другие детали изделия (*Усачук*, 2007). Длина пряжки 5,05 см, максимальная ширина 2,6 см (Каталог, 2013, с. 564) (илл. 5, *1, 2*).

Курган у станицы Черноярской Моздокского района республики Северная Осетия располагался на пахотном поле в 2,6 км к северо-востоку от северо-восточной окраины станицы (илл. 1). Он был насыпан на краю невысокой террасы, образовавшейся вследствие весенних паводков р. Терек. Раскопан осенью 1985 г. отрядом археологической экспедиции Северо-Осетинского Госуниверситета под руководством В.Л. Ростунова (*Ростунов*, 1985).

К началу работ высота кургана, получившего порядковый номер 3, достигала 1,26 м, размер составлял 37×47 м. Насыпь была возведена в один прием над погребением эпохи бронзы, в составе инвентаря которого был обнаружен керамический сосуд беденской культуры. Погребение с костяной пряжкой было впущено в курган спустя значительное время после завершения его строительства, когда на поверхности насыпи уже образовались естественные грунтовые отложения (*Калмыков*, *Мимоход*, 2005, с. 208, 209, рис. 5; *Ростунов*, 2007, рис. 42, *6*).

Курган 3, погребение 10. Погребение находилось в юго-западном секторе кургана. Оно было совершено в катакомбе. Но ввиду того, что только дно могилы достигло предматерикового слоя, зафиксировать удалось лишь придонную часть погребальной камеры и примыкавшую к ней с юго-востока ступень входной ямы. В плане камера была вытянутой фасолевидной формы (1,67×0,9 м), длинной осью ориентирована по линии северо-восток–юго-запад. Стенки, прослеженные на глубину 0,3 м, ровные, ко дну переходили плавным скруглением.

На дне камеры, поверх остатков кожаной подстилки, лежал скелет мужчины. Погребенный был помещен в могилу в скорченном на левом боку положении, головой на северо-восток. Руки были согнуты в локтях, кисти, заломленные в запястьях, развернуты к черепу и положены у нижней части лицевых костей. Ноги согнуты в бедренных и коленных суставах под острым углом. Стопы лежали на боку (илл. 6, *1*).

[6] Определение А.К. Швыревой (Ставропольский государственный краеведческий музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве).

Погребенного сопровождал многочисленный инвентарь. За спиной мужчины был найден обработанный кремень светло-серого цвета, расколотый на три части и сложенный по линии сколов (илл. 6, *8*). Там же, вдоль северо-западной стенки, размещались три стрелы: 2 – с кремневыми наконечниками, 1 – с костяным. Более крупный кремневый наконечник – черешковый, с вытянутой подтреугольной формы ударной частью, имеющей зазубренные края (илл. 6, *4*); меньший – вытянутой листовидной формы, с невыделенным черешком (илл. 6, *6*). Костяной наконечник вытянутой подтреугольной формы, с коротким черешком, в сечении уплощенно-ромбовидный. В центральной части обеих его сторон имеется вертикальная бороздка (илл. 6, *5*). Частично сохранившиеся древки позволили реконструировать длину двух стрел. Длина стрелы с костяным наконечником была 43,7 см, с кремневым черешковым – 50,9 см.

Производственно-хозяйственные орудия в погребении были представлены бронзовым черешковым ножом с клинком пламявидной формы (илл. 6, *2*) и бронзовым шилом с квадратной в сечении рабочей частью и цилиндрической деревянной рукоятью (илл. 6, *3*). Они лежали у колена левой ноги погребенного, вплотную к коленной чашечке. Нож находился сверху шила.

Костяная пряжка была найдена у проксимальной части правой бедренной кости. Она фрагментирована, при снятии распалась, но впоследствии была частично реставрирована. Пряжка представляет собой кольцо, короткой зауженной перемычной соединяющееся с широкой планкой, из-под которой в направлении кольца идут два «крыловидных» отростка. По середине противоположной планке части кольца имеется небольшой выступ, на тыльной стороне планки – продольный пропил[7]. Сохранившаяся длина пряжки 3,4 см, ширина 2,2 см (илл. 6, *7*).

Курганный могильник Темрта I[8] находится у села Ремонтное, Ремонтненского района Ростовской области (илл. 1). Он состоял из трех курганов, вытянутых в цепочку по линии северо-восток – юго-запад, по линии плато возвышенного берега реки Темрта в 1,5 км к северу-северо-западу от полевого стана бригады № 1 Ремонтненского сельхоза. В 2,7 км к северо-востоку от могильника проходит трасса Элиста-Ремонтное-Зимовники. В 2006 г. Степная экспедиция Государственного исторического музея провела раскопки курганов 1 и 2 (*Шишлина*, 2006).

Курган 2 погребение 7. Захоронение впускное, совершено в кургане раннекатакомбного времени. Диаметр распаханного кургана – 30 м, высота – 0,3 м. Погребение было обнаружено в насыпи в юго-восточном секторе кургана. Могильная яма не прослежена (*Мимоход*, 2013, илл. 57, *3*).

На ее дне лежал скелет мужчины 30-40 лет[9] очень плохой сохранности. Он располагался на левом боку в сильно скорченном положении, головой ориентирован на запад-северо-запад. Череп не сохранился, были зафиксированы лишь его отдельные мелкие фрагменты. Положение костей рук фиксируется по локтевым суставам, прижатым к коленям, что позволяет предположить их направленность к лицу погребенного. Тазовые кости очень плохой сохранности, представлены во фрагментах. Кости ног сильно согнуты; левая бедренная кость находилась под прямым углом к позвоночнику. Под скелетом зафиксированы зеленоватые следы илистой вымостки (органического тлена?) (илл. 7, *1*).

У тазовых костей, в месте их сочленения с бедренными костями, обнаружена единственная категория инвентаря – роговая[10]

[7] Ввиду того, что пряжка сохранилась очень плохо и стала распадаться сразу после расчистки погребения, мы предположили, что это может быть не пропил, а остатки полупросверленного небольшого отверстия в планке, которая была почти вдвое толще, но раскололась вдоль – либо во время попытки сделать отверстие (тогда понятно, почему мастер не довел дело до конца), либо гораздо позже – при извлечении из погребения.

[8] В Каталоге выставки «Европа без границ» ошибочно указано: могильник Темрта III (Каталог, 2013, с. 564).

[9] Определение А.А. Хохлова (Самарский государственный социально-педагогический университет).

[10] В каталоге выставки, где дана фотография этой пряжки, ошибочно указано, что материал пряжки – кость (Музейные тайны и открытия, 2010, с. 9).

фигурная пряжка (находка 1) (илл. 7, *2, 3*). В ее нижней части находилось округлое отверстие диаметром 1,4 см. Выше кольца располагались парные прорези. Два овальных отверстия были вырезаны в верхней части пряжки. Внешняя поверхность покрыта орнаментом в виде точек. Размеры – длина 6 см, максимальная ширина – 2,7 см (Каталог, 2013, с. 564) (илл. 7, *2, 3*).

Курганный могильник Родионов 4 располагается в Новоалександровском районе Ставропольского края (илл. 1). Группа из 11 насыпей сооружена в пойме левого берега р. Егорлык в 2,5 км к юго-востоку от пос. Родионов. Памятник исследовался в 2015 г. экспедицией под руководством Л.С. Ильюкова (*Ильюков*, 2015).

Курган 5 погребение 3. Высота кургана составляла около 3,5 м, размеры 76×60 м. Погребение находилось в центральной части насыпи. Могильная яма не прослежена. Скелет находился в среднескорченном положении на левом боку, черепом ориентирован на север-северо-восток. Руки были согнуты в локтях под острым углом, кисти располагались у лица. Ноги согнуты в коленях, пятки располагались в районе таза. Умерший был уложен на подстилку, от которой сохранился органический тлен темно-коричневого цвета. В районе живота зафиксированы древесные угольки (илл. 8, *1*).

У верхней части левой плечевой кости находилась роговая кольцевидно-планочная пряжка (в отчете названа подвеской), нижняя (кольцевидная) часть фактически полностью утрачена, сохранилась только планка, ее длина – 2 см, максимальная ширина планки – 2,7 см (илл. 8, *2, 3*).

Курганный могильник Ильинский-1 находился на первой коренной террасе правого берега р. Егорлык в 4,1 км к востоку-северо-востоку от с. Птичье Изобильненского района Ставропольского края (илл. 1). Он состоял из семи курганов, исследован полностью (*Березин*, 1998).

Пряжка была обнаружена в кургане 1 – самом большом в группе. К началу работ его высота достигала 2 м, а видимый диаметр составлял около 50 м. Всего в этом кургане было найдено 14 погребений и прослежены две насыпи. Основным для первой насыпи являлось парное погребение ямной культуры, имевшее в составе разнообразного инвентаря бронзовый топор, и согласно калиброванной с двумя сигмами дате ^{14}C датируемое интервалом 2866–2465 гг. до н. э. (*Калмыков*, *Кореневский*, 2001, с. 61). Погребение с пряжкой было впущено уже во вторую насыпь кургана, со временем строительства которой автор раскопок связывает сооружение кольцевого рва вокруг кургана. Эта насыпь, скорее всего, была сделана над катакомбной могилой, относящейся к восточноманычской катакомбной культуре.

Курган 1, погребение 6. Погребение было совершено в юго-западном секторе кургана. Оно располагалось на наибольшем, по сравнению со всеми другими погребениями, удалении от центра, в непосредственной близости к внутренней границе рва. Придонная часть погребения достигла предматерикового слоя, но контуры могильной конструкции из-за особенностей грунта не читались.

Погребенный, мужчина в возрасте 45–55 лет, был уложен в могилу в скорченном на левом боку положении, головой на юго-восток. Правая его рука была согнута под острым углом, сжатая в кулак кисть лежала перед грудью. Левая рука выпрямлена, кисть находилась под левым коленным суставом. Ноги были согнуты под углом 75-90° в тазобедренных суставах и под острым углом в коленях. Стопы лежали на боку (илл. 9, *1*).

Перед лицом и грудью погребенного находились лопатка и кости конечности МРС (более точное определение животного из-за неудовлетворительной сохранности материала сделать не удалось).

В качестве сопутствующего инвентаря в могилу были положены бронзовый нож и роговая пряжка. Нож черешковый, двулезвийный, с клинком ромбической формы. Лезвия его прямые, асимметричные, оба заточены. Длина ножа 8 см (илл. 9, *2*). Рабочей частью нож был зажат в правой руке мужчины, черешок выступал наружу.

Пряжка (*Мимоход*, 2025, рис. 148, *4*) обнаружена в районе живота, у запястья левой руки. Она лежала плашмя, перпендикулярно

оси туловища, и находилась на линии пояса. Лицевой стороной она была обращена вверх, кольцо располагалось с юго-западной стороны (с левой стороны погребенного).

Сырьем для изготовления пряжки послужил рог Cervidae[11]. Она кольцевидно-планочной формы с двумя различными по диаметру отверстиями, сделанными в перпендикулярных друг другу плоскостях. Основными элементами пряжки являются кольцо с большим отверстием и подпрямоугольная в плане планка, соединенная с этим кольцом небольшой перемычкой. Именно в планке сделано второе, меньшего диаметра сквозное продольное отверстие. Оно двустороннее, сверлилось на конус. На лицевой стороне планки сделаны четыре глубоких поперечных пропила, придавшие лицевой поверхности планки реберчатый вид. Тыльная сторона планки в центральной части желобчатая. Поверхность пряжки залощена, отдельные участки заполированы. На некоторых элементах заполированность доходит до обесцвечивания материала. Длина пряжки 4,5 см, ширина 2,4 см (илл. 9, *3, 4*).

Курганный могильник Ипатово-3 находился на высокой левой береговой террасе р. Калаус, примерно в 1 км к западу от его русла. Он был составной частью большого курганного поля у южной окраины г. Ипатово Ипатовского района Ставропольского края (илл. 1). Часть курганов могильника располагались неровной цепью по линии запад–восток, другие, насыпи которых были уничтожены, – вокруг самого большого кургана – кургана 2. В ходе работ были исследованы три кургана группы (Белинский, 1998/1999).

Интересующее нас погребение было совершено в кургане 2. До начала раскопок его высота составляла около 7 м, а диаметр превышал 100 м. Своими размерами он значительно превосходил не только все остальные курганы группы, но и всего курганного поля. В ходе раскопок в кургане было прослежено 11 разновременных насыпей с множеством прослоек, а также несколько рвов. Из 195 погребений кургана подавляющее большинство, 155 могил, оставлены ногайцами (*Бабенко, Белинский, Калмыков,* 2003), несколько погребений относились к раннему железному веку, а 34 могилы – к различным этапам бронзового века. Самые ранние из них по калиброванным датам ^{14}C датируются второй половиной IV тыс. до н. э. и связаны с кругом памятников майкопско-новосвободненской общности и ямной культурой (*Александровский, Белинский, Калмыков, Кореневский, ван дер Плихт,* 2001, с. 132–133). Погребение с пряжкой было совершено после завершения строительства кургана и использования его в качестве кладбища племенами катакомбной культуры.

Курган 2, погребение 13. Оно было обнаружено в юго-западном секторе кургана на наибольшем по сравнению со всеми ранее сооруженными погребениями эпохи бронзы удалении от его центра. Погребальная конструкция – редуцированная Н-видная катакомба, перекрытая отдельной земляной насыпью и каменной обкладкой поверх нее. Она была возведена на подрезанной ранее погребенной почве, практически на материковом суглинке, и перекрыла собой участок заплывшего к тому времени одного из рвов кургана (*Калмыков*, 2005, с. 78, 79, рис. 1; *Калмыков*, *Мимоход*, 2005, с. 213–215, рис. 7, 8; *Кореневский, Белинский, Камлыков*, 2007, с. 34–36, рис. 20, 21).

Насыпь усеченно-пирамидальной, со сглаженными гранями формы, сторонами ориентирована в направлении центра кургана. Камнем были обложены только ее боковые стороны. В большинстве своем камни лежали плашмя в один слой, образуя на отдельных участках сплошное перекрытие насыпи. И только в нижней части западного склона они были установлены вертикально на ребро или с небольшим отклонением от этого угла. Камни, как правило, уплощенные, без видимых следов обработки, хотя изредка встречались и подтесанные. Размеры конструкции по внешнему контуру около 6,8×6,8 м, высота от основания (за него принят нижний уровень залегания камней) доходила с юга до 0,47 м, с востока до 0,45 м, с севера – 0,3 м, с запада – 0,56 м.

[11] Это, а также определения материала пряжек из погребений Ипатово-3 2/13 и Типки-1 2/4 выполнены Е.Е. Антипиной (Институт археологии РАН).

На вершине насыпи имелась ровная, квадратная в плане грунтовая площадка размером 5,05×5,05 м, оконтуренная по периметру установленными на ребро небольшими каменными плитками (илл. 10). Расположенное на ней бессистемное скопление из нескольких камней обозначало местонахождение катакомбы. Она частично была выкопана в придонной части заполнения рва, частично в материке за его пределами.

Могильная конструкция представляла собой катакомбу (илл. 10, 11, *1*). Входная яма подтрапециевидной формы, основаниями ориентирована по линии север-северо-восток – юг-юго-запад. Размеры по верху 1,55×1,25 м. Ко дну, за счет наклона стенок, она уменьшилась в размерах. Дно ямы ровное, плавно понижалось от восточной стенки на запад, по направлению к погребальной камере. Вход в камеру, отделявшуюся от входной ямы ступенькой высотой 0,45 м, был закрыт деревянными жердями (дуб, тополь, ольха, граб, розоцветные; бóльшая часть жердей была с корой) и матами из связанных прутьев или циновок с крупным плетением. Часть жердей сохранила свое первоначальное положение, а некоторые вместе с матами были продавлены в камеру. Их отпечатки были расчищены в камере у входа, в том числе и поверх некоторых костей человека и животного. Камера в плане фасолевидной формы (1,9×1,0 м), длинной осью ориентирована параллельно основаниям входной ямы. Свод уплощенный, наклонный, максимальная высота 0,5 м. Дно ровное, понижалось от входа к противоположной ему стенке. Глубина могилы от уровня фиксации немногим более 1 м.

Погребенный – мужчина 45–55 лет – лежал в скорченном на левом боку положении, с небольшим разворотом туловища на спину, головой на северо-восток (илл. 11, *1*). Лицом он был обращен к входу, спиной придвинут вплотную к западной стенке камеры. Руки его были согнуты под прямым углом. Левая рука развернута локтем наружу, кисть находилась под правой бедренной костью. Кисть правой руки, полностью заломленная в запястье, располагалась перед грудью, пальцы и пясти были вытянуты к погребенному. Их положение – параллельно и вплотную к костям предплечья – оставляет мало сомнений в том, что сухожилия в запястье у покойного были подрезаны. Ноги были подтянуты к животу под углом чуть меньше прямого и согнуты в коленях под углом 50-60°. Стопы лежали на боку.

Погребенный и сопровождавший его инвентарь располагались на органической подстилке, сохранившейся в виде тонкого слоя бесструктурного органического тлена коричневого цвета. Подстилка состояла не менее чем из двух слоев. Одним из них была древесина, вторым – двудольные травы. Кроме этого, в тлене, а в еще большем количестве непосредственно под ним, фиксировались мелкие древесные угольки от веток и белый пигмент (наиболее вероятно – мел). Под черепом прослежен тлен от подушки, собранной из каких-то специфичных трав, перед лицевой частью расчищены кости левой задней ноги овцы или барана, отсеченной по коленный сустав. Индивидуальный возраст животного до 2-х лет.

У левого локтя мужчины были найдены бронзовый черешковый нож и ком ярозита[12]. Нож двулезвийный, с клинком ромбической формы, заточенным только в нижней части. Лезвия прямые, асимметричные. Длина ножа 9,3 см (илл. 11, *2*). Ком ярозита округлой формы, уплощенный в сечении (диаметр около 10 см, толщина 6 см). Он был углублен в дно могилы на 4 см. Возможно, находился в небольшом деревянном сосуде.

Пряжка лежала плашмя на крестце погребенного, по линии северо-запад – юго-восток (практически перпендикулярно линии позвоночного столба). Лицевой стороной она была обращена вверх, кольцо пряжки располагалось с юго-восточной стороны (с левой стороны погребенного). Пряжка сделана из рога Cervidae, в процессе раскопок получила повреждения. По своей форме – кольцевидно-планочной с двумя различными по диаметру отверстиями, сделанными в перпендикулярных друг другу плоскостях – она однотипна изделию из Ильинского-1 1/6, но имеет свои особенности. В частности, усту-

[12] Определение А.Л. Александровского (Институт географии РАН).

пает ему по размерам, заметно более изящна. Планка пряжки трапециевидной формы. Лицевая сторона планки выпуклая, на ее поверхности имеются только два, да и то едва заметных пропила, скорее желобка, разделивших планку на три части. Тыльная сторона пряжки плоская, с небольшим неровным углублением по середине планки. Лощение поверхности пряжки незначительно. Длина пряжки 4 см, ширина 2,1 см (илл. 11, 3, 4).

Курганный могильник Типки-1 состоял из четырех насыпей, расположенных на пологом склоне левого берега р. Калаус в 26,5 км к северо-востоку от с. Рагули Апанасенковского района Ставропольского края (илл. 1). Раскопан полностью (*Ляхов*, 1997).

Самый большой в группе – курган 2. К началу работ его насыпь имела диаметр около 60 м и высоту, в зависимости от направления промера, 2,2-2,9 м. Курган был сооружен в три приема. Древнейшая насыпь, по мнению автора раскопок, была возведена над погребением северокавказской культурно-исторической общности. Вторая насыпь связана с ранними катакомбными погребениями. Завершение строительства, выразившееся в возведении третьей насыпи и сооружении кольцевого рва вокруг кургана, пришлось на время восточноманычской катакомбной культуры. Уже после этого в кургане было совершено погребение 4, инвентарь которого составляла роговая пряжка.

Курган 2, погребение 4. Погребение было впущено в юго-западный сектор кургана. Оно было самым удаленным от центра и располагалось у внутренней границы рва. В результате того, что большая часть могильной конструкции была вырыта в насыпном грунте, а в погребенной почве ее границы прослеживались неотчетливо, удалось выявить только придонную (глубиной до 0,1 м) часть могилы, сооруженную в материке (илл. 12, *1*). В сохранившемся виде эта была яма подпрямоугольной формы (1,2×0,9 м) с сильно скругленными углами и слегка выгнутыми наружу стенками. Длинной стороной ориентирована по линии юго-запад – северо-восток (*Калмыков*, 2005, с. 79, рис. 2, *1, 2*; *Калмыков, Мимоход,* 2005, с. 215–217, рис. 9).

Погребенный, мужчина в возрасте старше 55 лет, лежал в центре могилы, по ее длинной оси, головой на северо-восток. Он располагался в сильно скорченном на левом боку положении, туловище было развернуто на грудь. Руки мужчины согнуты, кисти, развернутые ладонями к погребенному, положены перед лицом. Ноги были подтянуты высоко к груди и полностью согнуты в коленях. Пяточные кости находились вплотную к тазу, правый коленный сустав оказался поверх правого запястья (илл. 12, *1*).

Пряжка была обнаружена между костями правого предплечья и правой бедренной костью погребенного, в непосредственной близости к животу. Кольцом была развернута к левой стороне мужчины.

Пряжка кольцевидно-планочной формы с двумя различными по диаметру отверстиями, сделанными в перпендикулярных друг другу плоскостях. Вырезана из рога Cervidae. Она массивнее и значительно грубее своих близких аналогов из Ильинского-1 1/6 и Ипатово-3 2/13. Планка пряжки имеет пятиугольные очертания. Ее лицевая сторона двумя поперечными углублениями разделена на три части, при этом центр значительно возвышается над краями. Отверстие в планке двухстороннее, неровное. Тыльная сторона пряжки желобчатая. Большая поверхность изделия залощена, отдельные участки – заполированы, в том числе и в результате использования. Длина пряжки 4,5 см, ширина 2,4 см (илл. 12, *2, 3*).

Курганный могильник Кривая Лука XXI располагался в Черноярском районе Астраханской области на правом берегу большой излучины р. Волги (илл. 1). Фигурная пряжка была найдена в первом же кургане группы. Его высота к началу работ составляла 0,4 м, диаметр 32 м. Погребение 9, содержавшее пряжку, было впущено в центр кургана в заполнение входной ямы катакомбной могилы. Погребенный в ней ребенок лежал в скорченном на спине, с разворотом на правый бок, положении. Его погребальный инвентарь составляли астрагалы МРС (илл. 13, *1, 2*) (*Федоров-Давыдов, Дворниченко, Малиновская, Паромов*, 1978; *Дворниченко, Малиновская, Паромов, Федоров-Давыдов*, 1979).

Курган 1, погребение 9. Погребальная конструкция прослежена не полностью. Судя по зафиксированным элементам, это могла быть редуцированная катакомба, от входной ямы которой сохранилась ступенька шириной 0,1-0,35 м и высотой 0,45 м. Стенки камеры, выведенной на север-северо-запад от входной ямы, не читались, а примерные ее границы и размеры (1,35×1,1 м) были прослежены по 5-8-ми сантиметровому слою чистого мелкого песка, которым было посыпано дно могилы (*Калмыков, Мимоход*, 2005, с. 217, рис. 10).

Обнаруженный в погребении скелет принадлежал мужчине в возрасте 30–40 лет. Погребенный располагался в сильно скорченном на левом боку положении, головой на север-северо-восток. Согнутые в локтях и перекрещенные в предплечьях руки находились перед грудью, кистями были направлены к лицу. Кисть правой руки упиралась в лобную кость, левая лежала под левой скулой. Ноги были высоко подтянуты к груди погребенного (до соприкосновения с локтями) и полностью согнуты в коленях. В области крестца покойного обнаружено несколько мелких камешков, возможно почечных(?) (илл. 13, *1, 2*).

Роговая пряжка являлась единственным предметом инвентаря. Она была найдена лежащей у костей таза, на линии пояса погребенного. Лицевой стороной она была развернута вниз, кольцо изделия, судя по чертежу, in situ находилось с левой стороны от погребенного. Пряжка кольцевидной-планочной формы. Несмотря на явную типологическую близость с находками из погребений Ильинский-1 1/6, Ипатово-3 2/13 и Типки-1 2/4, она все же заметно отличается от них. Перемычка, соединяющая кольцо с планкой, у нее более тонкая и длинная. Сама планка выполнена в виде двух полукруглых молоточковидных выступов, между которыми имеется небольшое возвышение (форма этой части пряжки очень напоминает навершия многочисленных молоточковидных булавок, известных из погребальных комплексов ямной и катакомбной культур). Сквозь молоточковидные выступы планки проходит поперечное плоскости кольца отверстие. Длина пряжки – 5,5 см, ширина планки – 2,3 см, длина планки – 3 см, диаметр кольца – 2,6 см (илл. 13, *3*).

Поселение Каратаево. Поселение Каратаево входит в состав объекта культурного наследия федерального значения «Ливенцовский археологический комплекс эпохи бронзы», расположено между поселками Каратаево и Ливенцовка, на западной окраине города Ростова-на-Дону, Ростовской области (илл. 1). В 2024 г. на нижней оползневой террасе была вскрыта площадь 310 кв. м. (раскопки П.А. Ларенка). На этой площади исследован котлован постройки сабатиновского времени. В раскопе, помимо серии керамики поздней бронзы, присутствуют фрагменты сосудов, орнаментированные валиками каменско-ливенцовской культуры финала средней бронзы. К юго-востоку от котлована была обнаружена роговая пряжка.

Пряжка имеет кольцевидно-планочную форму (илл. 64, *10, 11*). Она наиболее близка изделию из комплекса Кривая Лука XXI 1/9 (илл. 64, *9*). Широкая часть планки каратаевской пряжки также оформлена молоточковидными выступами, через которую проходит поперечное плоскости кольца отверстие. Длина пряжки – 4,5 см, ширина планки – 1,9 см, длина планки – 2,2 см, диаметр кольца – 2 см (илл. 64, *10, 11*).

Несмотря на то, что рассматриваемая пряжка была найдена на Ливенцовско-Каратаевском археологическом комплексе, основу которого составляют эпонимные крепости каменско-ливенцовской культуры, она рассматривается не в ее рамках, а в контексте лолинских древностей. Об этом свидетельствует типология каратаевской поясной детали и не только (подробнее см. главу 3).

Курганный могильник Ут располагается на севере Калмыкии (*Калмыков, Мимоход*, 2005, с. 229, 230; рис. 15). Памятник исследовался в 1978 г. под руководством Е.В. Цуцкина (*Цуцкин*, 1978).

Курган 6 погребение 1. Захоронение основное, сопровождавшееся небольшой насыпью. Форма могильного сооружения не зафиксирована, но, очевидно, что это была яма. На дне могилы скелет взрослого человека, ориентированный черепом на северо-восток. Необычна поза погребенного. Скелет лежал скорченно на спине, ноги согнуты в коленях, пятки прижаты к

тазу. Руки были согнуты в локтях, кисти располагались на плечевых костях (илл. 16, *1*). В районе левой ключицы и кисти левой руки найдена костяная пряжка с выступом, на котором расположено дополнительное отверстие. Изделие лежало лицевой частью вниз (*Цуцкин*, 1978, фото 104). Диаметр кольца составил 5 см, размеры планки – 1×0,6 см (илл. 16, *2*).

Пряжка из данного комплекса имеет прямые аналогии в памятниках покровского типа и является в культурном отношении покровской (*Литвиненко*, 2001, с. 91), но само погребение относится к лолинской культуре.

1.2. Волго-уральская культурная группа

Ливенцовская крепость входит в состав объекта культурного наследия федерального значения «Ливенцовский археологический комплекс эпохи бронзы» располагается на правом высоком берегу р. Мертвый Донец в дельте Дона (илл. 1). Раскапывалась в 1964–1966, 1968, 1970 гг. экспедицией Ростовского музея краеведения и Института археологии АН УССР под руководством С.Н. Братченко (*Братченко*, 1967; 1976, с. 119–128; 2006; 2012). В результате проведенных работ были исследованы мощные фортификационные сооружения финала среднего бронзового века. Крепость пала в результате ее штурма военными отрядами культурного круга Лола (*Мимоход*, 2022).

Погребение 6 совершено в заполнении рва, в придонной части (*Братченко*, 1995, с. 13, рис. 2, 2006, рис. 24, *1, 2*). Могильная яма не прослежена. Скелет взрослого человека находился в сильноскорченном положении на левом боку, черепом ориентирован на юг (илл. 14, *1*). Руки были согнуты в локтях под острым углом, кисти располагались у груди. Ноги также согнуты в коленях под острым углом, пятки фактически прижаты к тазу.

Костяная пряжка находилась под тазом умершего[13]. Она состояла из длинной планки с отверстием в верхней части и кольца. Диаметр последнего – 2,15 см, длина планки – 3 см (илл. 14, *2, 3*).

Курганный могильник Тамар-Уткуль VII располагается в 6 км к востоку от с. Тамар-Уткуль Соль-Илецкого района Оренбургской области (илл. 1), на краю площадки низкой первой надпойменной террасы левой части долины р. Илек (*Моргунова, Кравцов*, 1994, с. 9). Памятник исследовался в 1987 г. экспедицией Оренгбургского педагогического института под руководством О.И. Пороховой (*Порохова*, 1987).

Курган 4 погребение 3 было впущено в северную часть кургана утевско-тамар-уткульской культурной группы. Диаметр насыпи – 36 м, высота – 2,5 м (*Моргунова, Кравцов*, 1994, с. 14). Захоронение входило в группу из пяти захоронений, совершенных в сидячей позиции (*Богданов*, 1998, с. 22, рис. 10). Этот обряд в регионе является специфической чертой волго-уральской культурной группы (*Мимоход*, 2021).

Могильная конструкция не прослежена. Позу, в которой находился умерший, С.В. Богданов назвал «клубком» (1998, с. 22). Речь идет о том, что скелет взрослого человека находился в сидячей позе. Верхняя часть располагалась в перпендикулярной позиции по отношению к нижней. Таз находился на основании. Ноги были согнуты в коленях под острым углом и повернуты вправо. Стопы лежали на левом боку. Руки были сильно согнуты в локтевых суставах, предплечья прижаты к плечевым костям. Сами руки находились под бедренными костями (илл. 15, *1*).

В захоронении обнаружены бусы из раковины (илл. 15, *2*) и фаянсовая сегментовидная пронизь (илл. 15, *3*). Между бедренными костями в районе коленных суставов обнаружена костяная(?) пряжка (*Мимоход*, 2025, рис. 148, *6*)[14]. Она имела кольцо диаметром 2,4 см, планку длиной 6,3 см с выраженной втулкой (илл. 15, *4, 5*).

[13] На коробке из-под сигарет «Rila», в которой хранится пряжка, почерком С.Н. Братченко надпись простым карандашом, частично позже подправленная черной тушью: «ЛК-65 р I п-6 кв 26 Изд. из кости». В коробке этикетка с такой же надписью. На обороте этикетки добавлено простым карандашом: «14/VIII.65 г.» и подпись С.Н. Братченко.

[14] В отчете указано, что изделие находилось «между бедренной костью и тазом» (*Порохова*, 1987, с. 10), но на плане (*Порохова*, 1987, рис. 31) местонахождение пряжки отмечено так же, как и в публикации С.В. Богданова (1998, рис. 10), т.е. в районе коленей (илл. 14, *1*).

§ 2. Культурный круг Бабино

2.1. Днепро-донская бабинская культура

На сегодняшний день фигурные крючково-планочные пряжки найдены в погребениях днепро-донской бабинской культуры, исследованных на протяжении чуть более века – от 1903 по 2015 гг. Описания этих комплексов даются в алфавитном порядке[15].

Курганный могильник Александровск располагался компактной группой на низкой первой террасе левого берега р. Лугани (*Братченко*, 2008, с. 134) возле г. Александровск (городской округ г. Луганска, ЛНР) (илл. 1). Раскопки проводились в 1972 г. под руководством С.Н. Братченко. Курган 1 оказался самым большим в группе, находился на возвышенности, имел высоту 4 м, диаметр около 45 м, более крутой северный склон насыпи и сложную стратиграфию (*Братченко*, 2008, с. 135-137). В кургане и частично рядом с ним исследованы 58 погребений. Несколько впускных бабинских захоронений образовывали группу в центре насыпи[16], отделенную с юга дугообразной выкладкой диаметром ок. 10 м из камней известняка (*Братченко*, 2008, рис. 9, *1*, с. 213). Среди этого микромогильника находилось и п. 4 (*Гершкович* 1986, с. 132; *Литвиненко*, 2006б, с. 34).

Курган 1 погребение 4. «В могильной яме – прямоугольная деревянная рама, размерами 1,93×1,33 м, перекрытая обугленными досками (илл. 17, *1*). За стеной рамы найдены кости животных и бронзовый черешковый нож с язычком и короткой лезвийной частью» (*Гершкович*, 1986, с. 132-133)[17] (илл. 17, *1, 2, 4*)[18]. «Внутри рамы, на дне, – костяк мужчины в возрасте 55-65 лет в скорченном положении, на левом боку, головой к северо-западу … Правая рука согнута, левая вытянута к бедрам» (*Гершкович*, 1986, с. 132-133)[19] (илл. 17, *3*). Пряжка найдена перед коленями умершего (*Братченко*, 2008, с. 139; *Гершкович*, 1986, с. 133; *Литвиненко*, 2006б, с. 34-35) (илл. 17, *3*). Длина изделия – 4,1 см, ширина максимального расширения щитка в районе отверстий паза – 3,45 см, толщина щитка – 1 см. Крючок утрачен (*Братченко*, 2008, с. 139), от него сохранился участок толщиной до 0,3 см (илл. 17, *5*).

Курган Беева Могила[20] исследован в 1990 г. экспедицией Донецкого обл. краеведческого музея под руководством Ю.Б. Полидовича (Свод данных .., 2004, с. 90). Находился на вершине курганоподобного холма высотой около 20 м в 1 км к северу от пгт Пантелеймоновка (Ясиноватский район, ДНР), у трассы Донецк-Горловка (илл. 1). Собственно, не сам курган, который собой увеличивал высоту холма, а весь холм получил название «Беева Могила» (*Полидович*, 1993, с. 80)[21]. Высота кургана 1,9 м, диаметр 29 м. Часть насыпи сильно разрушена карьером (*Полидович*, 1993, с. 80). В основном погребении 3 (илл. 18, *1*) среди довольно многочисленного инвентаря найдена и фигурная пряжка. Ма-

[15] В публикации (*Литвиненко, Ляшко,* 2018, с. 164) перечень комплексов с фигурными пряжками дается, к примеру, в хронологической последовательности их открытия, что позволяет увидеть динамику накопления этой категории материала.

[16] Р.А. Литвиненко указывает, что интересующий нас комплекс найден в составе группы из трех синхронных или близких по времени бабинских погребений (*Литвиненко*, 2006б, с. 34).

[17] О погребальном сооружении у Р.А. Литвиненко подробнее (с небольшой разницей в размерах рамы): «Поховальна споруда фіксувалася у вигляді дерев'яної рами (1,95×1,4 м) з поперечним перекриттям» (*Литвиненко*, 2006б, с. 34, 47, табл. 1, *48*).

[18] О ноже более подробно см.: (*Литвиненко*, 2006б, с. 35). Заметим, что этот нож ошибочно дается, как происходящий из п. 6 (*Березанская*, 1986, рис. 9, 2). У С.Н. Братченко сказано, что кости животных и бронзовый нож находились на перекрытии (2008, с. 139, 214).

[19] У Р.А. Литвиненко (2006б, табл. 2, 4) возраст погребенного мужчины 40-55 лет.

[20] У Л.С. Ильюкова (2016, рис. 1, *4*) неверно: «Баева Могила».

[21] Курган «Могила Беева» присутствует на листе 26-16 военно-топографической карты Ф.Ф. Шуберта (съемка 1846-1863 гг.).

териалы раскопок изданы (*Полидович*, 1993, с. 80-91). Помимо самого погребения, есть смысл описать и связанный с ним сложный комплекс земляных и каменных сооружений, достаточно тщательно прослеженный (*Полидович*, 1993, с. 81-82).

Погребение 3 обнаружено почти в центре насыпи (с небольшим смещением к югу), впущено с уровня древнего горизонта. Яма подпрямоугольной формы со скругленными углами. Размеры её 3,55×2,60 м, глубина 1,25 м. Длинными сторонами яма ориентирована по линии запад-восток с небольшим отклонением к югу (илл. 18, *1, 2*). Стенки наклонные. На глубине 1,0-1,1 м в яме находились широкие заплечики, идущие по всему периметру. Размеры ямы у дна 2,3×1,6 м (*Полидович*, 1993, с. 80). Особенностью погребального ритуала является целый комплекс вещей, уложенных на заплечики. «На заплечиках были найдены: у северной стенки – на тонкой (около 1 см) деревянной конструкции типа мелкого корытца … кости животных, расположенные семью небольшими разрозненными группами; у восточной стенки – бревно (1,95×0,15×0,8 м[22]), очищенное от коры и сучьев и обугленное по всей длине с западной стороны; у южной стенки, в ЮЗ углу, найдены две пары костей ног лошади (в сочленении, от колена), севернее их – истлевшие кости черепа овцы(?), уложенные на 2 камня …, восточнее – череп лошади с истлевшими шейными позвонками, накрытый конструкцией типа футляра: сначала органическим покрывалом (войлоком?) светло-сиреневого цвета, затем – деревянной, Г-образной в разрезе, «крышкой» (толщина 1-1,5 см); у западной стенки (самая широкая часть заплечиков – до 0,73 м) – бревно своеобразной конфигурации (2,17×0,08-0,28×0,08 м), также очищенное и обугленное по всей длине с восточной стороны, часть бревна и находившейся за ним стенки покрывал органический тлен (войлок?) аморфных очертаний светло-сиреневого цвета» (*Полидович*, 1993, с. 80-81).

В яме была сооружена деревянная конструкция типа ящика прямоугольной формы 2,25×1,60 м, высотой 0,25 м (илл. 18, *1, 2*, 19, *1, 2*). Стенки ящика – поставленные на ребро доски (2,23×0,25×0,05 м; 2,12×0,30×0,04 м; 1,80×0,20×0,05 м; 2,23×0,25×0,05 м), причем поперечные приставлены к продольным. Перекрытие было комбинированным: в восточной части ящика уложены три(?) поперечные доски, западная часть перекрыта, скорее всего, пластами коры. Кроме того, в центральной части перекрытия сохранились остатки небольшого бревнышка. В заполнении ямы были найдены и фрагменты подобного бревнышка (*Полидович*, 1993, с. 81). Возможно, пара тонких бревнышек была подложена в виде каркаса под пласты коры. На перекрытии положены кремневые интенсивно сработанный скребок и нож(?) (илл. 20, *8*), а также – небольшой фрагмент стенки лепного сосуда (*Полидович*, 1993, с. 81, 91, рис. 52, *6-8*).

Внутри ящика на органической войлочной(?) подстилке светло-сиреневого цвета, которая покрывала почти всю площадь дна, находился костяк взрослого человека (предварительное определение: мужчина 30-35 лет) (*Полидович*, 1993, с. 81) в слабо скорченном положении, на левом боку с завалом на спину, головой к западу. Руки согнуты в локтях под прямым углом, уложены левая поверх правой в районе живота умершего. Прослежено, что «кисти обеих рук – в несомкнутых кулаках» (*Полидович*, 1993, с. 81). Ноги немного согнуты в суставах (илл. 19, *1*).

В погребении довольно много вещей (илл. 19, *1*). «Севернее локтя левой руки было обнаружено округлое пятно вещества желтого цвета. Рядом и частично на нем, в 10 см от тазовых костей находились остатки небольшого деревянного блюда» (*Полидович*, 1993, с. 81)[23]. В блюде – органические остатки желтого и черного цвета (пища?). Южнее костяка – 7 кремневых наконечников стрел (*Полидович*, 1993, рис. 52, *1*): 6 – остриями к западу, седьмой – воткнут в дно ямы чуть ниже лок-

[22] В публикации ошибочно поставлено «см».

[23] Размеры блюда «с невысоким бортиком» 18×13 см (Полидович, 1993, с. 81) и поэтому в подписях к рисунку оно названо «чашей» (*Полидович*, 1991, табл. 10, *3*; 1993, рис. 50, *3*).

тя правой руки[24] (илл. 20, *4*). Возле умершего – 6 таранных костей (астрагалов) МРС[25] (илл. 20, *7*). Обратим внимание, что во время расчистки погребения прослежено не только положение астрагалов, но и зафиксирована рядом с одним из них «истлевшая костяная заостренная палочка» (*Полидович*, 1993, с. 81). Под нижним концом плечевой кости правой руки найдена круглая пряжка (*Полидович*, 1993, рис. 52, *4*) (илл. 20, *6*). Фигурная пряжка (илл. 20, *2, 3*) лежала на дне «в 18 см южнее» (*Полидович*, 1993, с. 81) правой стопы[26] (*Полидович*, 1991, табл. 10, *5*; 1993, рис. 50, *5*). Пряжка находилась в погребении лицевой частью вверх (*Полидович*, 1991, фото 38). Длина изделия – 4,45 см, ширина максимального расширения щитка в районе отверстий планки – 3,5 см, толщина пряжки до 1, 2 см, с выступом – 1,9 см. «На подстилке, в районе верхней части скелета, зафиксирован коричневый тлен, вокруг левого колена и южнее правой ноги – небольшие пятна грязно-зеленого тлена, в 20 см севернее левой ноги – небольшое[27] пятнышки (5×5 см) красной охры, на которой просматривались слабосохранившиеся остатки черной и желтой красок (возможно, остатки изображения)» (*Полидович*, 1993, с. 81). За северной стенкой ящика на дно ямы был положен вторичный реберчатый скол кремня (*Полидович*, 1993, с. 81, 91, рис. 52, *5*) (илл. 20, *5*). «Погребальная яма была засыпана материковым выкидом таким образом, что на поверхности образовалось что-то типа невысокого вала. … При этом гумусная часть выкида была отделена и не включена в засыпку ямы. Затем над погребением была сооружена из серой глины невысокая овальная в плане насыпь 1[28] с неровной поверхностью, высотой около 0,8 м и размерами 7×4,7 м … На ней зафиксированы какие-то конструкции из камня (песчаник) и, возможно, дерева … К югу от насыпи … обнаружена **яма 1**, впущенная с уровня ДГ на глубину 0,35 м … подовальная в плане, размерами 1,0×0,75 м … По обе стороны ямы фиксировался выкид. … В заполнении ямы 1 встречены фрагменты костей животных. К северу от насыпи 1 … **яма 2**, впущенная с уровня ДГ на глубину 0,15 м … подовальная в плане, размерами 1,0×0,55 м. Находок в ней не обнаружено. На южном краю ямы 2 и в метре южнее ее зафиксированы две небольшие обугленные плашки … К северо-востоку от насыпи 1 … большое пятно тонкого (1-1,5 см) древесного тлена (комплекс 1) подпрямоугольное в плане, размерами 1,85×1,0. … Насыпь II, подтреугольная (сердцевидная?) в плане, полностью перекрывала насыпь 1[29], яму 2 и комплекс 1 … Яма 2 осталась вне пределов насыпи II … Погребение же оказалось не в центре насыпи, а ка бы в южном ее «углу». Высота насыпи II до 1,15 м, вершина уплощена, размеры – 11,5×9,5 м. Сооружена из суглинка … Полы насыпи II были вплотную облицованы песчаниковыми плитами. Затем камни были обложены деревом: бревнами (диаметром 10-20 см), досками и, даже, кривыми кусками стволов длиной около 0,5 м. В большинстве случаев деревянная облицовка кромлеха перекрывалась вторым слоем песчаниковых плит … Сверху насыпи II была сооружена несплошная выкладка из камней. Проследить ее конфигурацию оказалось практически невозможно, т.к. камни насыпи II нельзя было отличить от камней насыпи III. Насыпь III, округлая в плане, высотой до 1,5 м и размерами 17×19 м, была окончательной из связанных с погребением 3. Она сооружалась из гумуса и материко-

[24] О наконечниках стрел из Беевой Могилы см.: (*Разумов*, 2006, с. 158).

[25] В публикации говорится, что астрагалы «овечьи» (*Полидович*, 1993, с. 81), однако, без археозоологического определения корректнее считать их астрагалами МРС.

[26] В публикации прозрачная ошибка: «южнее стопы правой руки» (*Полидович*, 1993, с. 81).

[27] Так в тексте. Нужно множественное число: «небольшие».

[28] Так в тексте. Это ошибка, потому что затем говорится о насыпях II и III, кроме того – насыпи I, II и III присутствуют на чертежах кургана (*Полидович*, 1993, рис. 45). Кстати, и яма 1 упоминается далее, как яма I (*Полидович*, 1993, с. 82).

[29] Нужно: насыпь I.

вого суглинка серо-синего и красного цветов. … Полы насыпи III, также[30] как и насыпи II, были вплотную облицованы камнем. Ширина кромлеха, состоящего из 2-3 рядов крупных камней, около 2 м. … В верхней части насыпь III была облицована камнем, однако, только на некоторых участках. Наиболее сплошная и мощная наброска камней была зафиксирована в I Восточной траншее … В северной половине насыпи каменная облицовка была во много раз слабее, а в СВ секторе, вероятно, совсем отсутствовала. Не исключено, что изначально камни располагались в определенном порядке … Однако возможно и другое объяснение столь нерегулярной облицовки насыпи III. Возможно, что наибольшее значение придавалось именно южной половине насыпи, которая была лицевой и более значимой для древних. Северной половине, как тыльной и не столь значимой, уделялось гораздо меньше сил и внимания. Такой вывод подкрепляется наблюдениями над характером и качеством употреблявшегося камня. Ни на одном из камней не зафиксировано следов предварительной обработки или добычи. Т.е., использовался дикий камень, взятый из природных выходов, которые расположены в 3-4 км к северу от Беевой Могилы. Способ добычи при этом был, по всей видимости, экстенсивным. Наиболее качественный камень (плиты песчаника белого, реже, желтоватого цвета) использовался в облицовке насыпи II, при сооружении кромлеха в восточной и западной частях насыпи III и, на 80-90%, при облицовке ЮВ сектора верхней части насыпи III. При облицовке остальной части насыпи III использовался довольно часто светло-зеленый рыхлый по структуре или темно-желтый галечный песчаник. Используемый же белый песчаник был не плиточным, а чаще всего, имел вид аморфных камней. В юго-восточном же секторе кромлеха были обнаружены фрагменты крупного сосуда … (*Полидович*, 1993, с. 81-82) (илл. 20, *1*).

«Облицованная камнем, насыпь кургана землей не засыпалась (это произошло позже). И курган, благодаря облицовке белым песчаником, возвышался над холмом своеобразной «снежной» вершиной» (*Полидович*, 1993, с. 82).

Курганный могильник у с. Дмитровка располагался в 2 км к югу от с. Дмитровка Бердянского района Запорожской области (илл. 1). В августе-сентябре 2015 г. археологическая экспедиция Бердянского гос. педуниверситета под руководством В.А. Папановой провела завершающие раскопки начатого в 2014 г. исследования этого могильника. Раскопан самый большой в группе курган 6 (*Папанова, Тощев, Голик*, 2016, с. 22), а к востоку от него на пашне выявлены пятна желтоватого цвета, одно из которых при проверке дало 10 погребений. Эта совершенно распаханная насыпь получила порядковый номер 7 (*Папанова, Тощев, Голик*, 2016, с. 42).

Курган 7 погребение 5. Насыпь кургана начала формироваться в ямное время, затем в курган были впущены два катакомбных погребения и только затем – в северо-западный сектор насыпи – погребение 5 (*Папанова, Тощев, Голик*, 2016, с. 50), оказавшееся комплексом днепро-донской бабинской культуры. Контуры ямы не прослеживались, на глубине 0,6 м найден «развал костей, среди которых обнаружены обломки пряжки из кости» (*Папанова, Тощев, Голик*, 2016, с. 42)[31]. К сожалению, не только разрушено само погребение, но сильно повреждена и пряжка (илл. 65, *14*). «Костяная фигурная пряжка длиной 4 см, шириной 3 см, толщиной 1,6 см (с выступом 2,5 см). Верхняя часть закруглена, основание обломано. Внизу – небольшие отростки, острием вверх. Лицевая часть, выпуклая, заполированная. В основании паз шириной 0,3 см. По всей видимости, на обломанной части основания, были два сквозных поперечных отверстия. На оборотной стороне – челновидный выступ (*Папанова, Тощев, Голик*, 2016, с. 42-43). Рисунок пряжки в публикации (*Папанова, Тощев, Го-*

[30] Так в тексте. Нужно: «так же», поскольку в данном случае это не союз, а наречие «так» с частицей «же».

[31] «Комплекс Дмитрівка 7/5 повністю зруйновано» замечают Р.А. Литвиненко и С.Н. Ляшко (2018, с. 164, виноска 5).

лик, 2016, рис. 11, *2*) низкого качества, детали не совпадают, положение позиций рисунка нарушено, плохая фотография изделия показывает, тем не менее, расхождения с рисунком. На основе рисунка и фотографии нами была сделана графическая реконструкция пряжки (илл. 65, *14*), которая не исключает в дальнейшем изготовление качественного рисунка с самой находки. К характеристике дмитровского комплекса с фигурной пряжкой добавим тот факт, что для семи насыпей этого могильника погребение 5 – единственное бабинское (*Папанова, Тощев, Голик*, 2016, с. 54). При всех вопросах, которые остаются открытыми в связи с частичным разрушением погребения и полной распашкой насыпи кургана, отметим, тем не менее, некоторые детали, которые отличают этот комплекс от подобных: кроме пряжки при остатках умершего ничего не найдено[32]; обычная яма впущена в существующую уже черноземную насыпь[33] и погребение 5 не имеет каких-либо досыпок или своей насыпи (авторы раскопок зафиксировали только чернозем). Возможно, в связи с «минимизацией» деталей погребального обряда, тот факт, что захоронение с фигурной пряжкой оказалось единственным бабинским на весь могильник – не случайный.

Курганная группа II «Долгая могила» из пяти насыпей на водоразделе в 2,7 км к югу от с. Терны Павлоградского района Днепропетровской области (илл. 1). Курган 4, который тоже назвали Долгая Могила[34], раскопан в 1985 г. археологической экспедицией Днепропетровского гос. университета под руководством И.Ф. Ковалевой (*Ковалева*, 1987; *Ковалева, Андросов, Шалобудов, Шахров,* 1987, с. 6, 12-26).

Курган 4, погребение 17. Захоронение совершено между насыпями двух курганов ямного времени и перекрыто объединительным валом, превратившим два первоначальных кургана в один длинный, вытянувшийся по оси юго-запад-северо-восток на 110 м (*Ковалева, Андросов, Шалобудов, Шахров*, 1987, с. 6). Вал состоит из чередующихся слоев материкового суглинка и гумуса, «на поверхности которых встречались многочисленные следы костерков, фрагменты многоваликовой посуды, камыш и обугленные жерди» (*Ковалева, Андросов, Шалобудов, Шахров*, 1987, с. 14). При анализе сложной стратиграфии кургана было подчеркнуто, что «по занимаемому положению могила погребения … 17 является организующей все плоскостное подкурганное пространство центральной точкой» (*Ковалева, Андросов, Шалобудов, Шахров*, 1987, с. 24). Дополнительная яркая деталь: после совершения погребения 17 в 9 м к востоку от него было установлено изваяние (*Ковалева*, 1987, с. 339; *Ковалева, Андросов, Шалобудов, Шахров*, 1987, с. 13-14), «грубо вытесанное из дубового комля» (*Ковалева, Андросов, Шалобудов, Шахров*, 1987, с. 24). Яма прямоугольной формы 2,35×1,65 м, глубиной 2,6 м вытянута по оси юго-запад-северо-восток. По сторонам ямы зафиксирован мощный выкид. На дне ямы «была сложена ящичная гробница из прямоугольных в сечении плах, соединявшихся в углах посредством прорезных пазов. Высота рамы 0,4 м, длина 1,85, ширина 1,3 м. Перекрытием служили 9 досок шириной 0,2-0,25 м, подогнанных встык; дно внутри сруба закрывала подстилка из луба. За северо-западной стенкой гробницы положен череп овцы, на юго-вос-

[32] Авторы раскопок пишут «развал костей» (*Папанова, Тощев, Голик*, 2016, с. 42). Скорее всего, если бы были еще какие-то вещи, то среди этого «развала» сохранилось бы хоть что-нибудь.

[33] Яма погребения 5 выкопана в черноземе на глубине 0,6 м, но чернозем шел и ниже, одно из погребений было впущено в него на глубину 0,8 м (*Папанова, Тощев, Голик*, 2016, с. 46).

[34] В основной публикации, подводящей итоги раскопок всей курганной группы II «Долгая могила» (официальное название группы) и самого кургана 4, название кургана и группы идет, как Долгая могила (*Ковалева, Андросов, Шалобудов, Шахров*, 1987), хотя в первой публикации название кургана дано, как Долгая Могила (*Ковалева*, 1987, с. 339). Из-за официального названия курганной группы в публикации, встречается упоминание о погребении с фигурной пряжкой, как о пункте Терны (*Степанов*, 2008, с. 46, 48), Терны II 4/17 (*Литвиненко*, 2006а, с. 180; *Ильюков*, 2016, рис. 1, 12). Терны III 4/17 *(Литвиненко, Ляшко*, 2018, с. 164) – случайная ошибка.

точной стенке (под перекрытием) – фрагмент сосуда валиковой орнаментации» (*Ковалева, Андросов, Шалобудов, Шахров*, 1987, с. 20). В деревянной конструкции совершено погребение мужчины на спине, головой на юго-запад. Ноги согнуты влево. Правая рука согнута в локте, кисть «охватывает плечевой эпифиз левой руки, протянутой вниз … кистью на таз» (*Ковалева, Андросов, Шалобудов, Шахров*, 1987, с. 20) (илл. 21, *1*). У таза с левой стороны[35] лицевой стороной вверх лежит фигурная пряжка и каменный брусок[36] (*Ковалева, Андросов, Шалобудов, Шахров*, с. 20, 21, рис. 6, *11-13*) (илл. 21, *1, 2*). Длина пряжки – 3,2 см, ширина максимального расширения щитка – 2,85 см, толщина щитка – 1, 1 см, с крючком – до 1,8 см (илл. 21, *4*).

Курганный могильник Донецк (Текстильщик) исследован в 1975 г. Донецкой археологической экспедицией АН УССР (руководитель В.Н. Даниленко) в юго-западной части г. Донецка при строительстве микрорайона Текстильщик[37] (Свод данных .., 2004, с. 77)[38] (илл. 1). К моменту раскопок сохранилось 5 курганов, расположившихся дугой с востока на северо-запад на расстоянии от 30 до 60 м друг от друг[39].

Курган 4, погребение 19. Содержало среди немногочисленного материала крючково-планочную пряжку. Комплекс был сначала упомянут (*Гершкович*, 1979, с. 59), а затем опубликован Я.П. Гершковичем (1986, с. 133) в работах, посвященных крючково-планочным (фигурным) пряжкам. Мы приводим описание комплекса, опираясь на сведения из статьи Я.П. Гершковича (1986), и на материалы, переданные А.Н. Усачуком в архив отдела охраны памятников археологии ДРКМ[40], который вместе с Я.П. Гершковичем расчищал это погребение и фиксировал детали.

Впускное погребение 19 сооружено между двумя более древними насыпями (первоначальными северным и южным курганами). Прослежено, что выкид суглинка из ямы погребения 19 лежит у подножия и частично на склоне досыпки под катакомбным погребением 20. Досыпка над погребением высотой не менее 2-х м объединила эти насыпи. Могильная яма прямоугольной формы, размерами 2,2×1,6 м, расположена длинной осью по линии запад-восток. С южной стороны возле юго-восточного угла ямы на уровне погребенной почвы лежали два черепа и кости конечностей особей МРС[41]. Судя по тому, что кости животных лежат на уровне 4,03 м от репера кургана 4, а дно ямы находится на отметке 5,15 м, глубина ямы составляет 1,12 м. В яме сохранились остатки деревянной конструкции (илл. 22, *1*).

На иллюстрации в статье Я.П. Гершковича (1986, рис. 5, *1*) показаны остатки

[35] В публикации помарка: «У таза, справа» (*Ковалева, Андросов, Шалобудов, Шахров*, 1987, с. 20).

[36] О бруске (илл. 21, 3) см.: (*Мимоход, Усачук, Вербовский*, 2021, рис. 2, Г, с. 392-393

[37] О топониме «Текстильщик» см.: (*Отин*, 2014, с. 165).

[38] В иллюстрациях к диссертации у И.А. Писларя ошибочно стоит: «Макеевка, Текстильщик» (1983а, рис. 9). Истоки этой ошибки – подпись под рисунком погребения из Донецка (Текстильщика): «Текстильщик (Макеевка), 4/19» (*Березанская*, 1986, рис. 8, *4*). Впрочем, в работе С.С. Березанской ситуация более запутанная, поскольку на рисунке почему-то представлена не донецкая, а абстрактная фигурная пряжка.

[39] Из нового варианта отчета: «К моменту раскопок сохранилось 5 курганов, расположившихся дугой с востока на северо-запад на расстоянии от 30 до 60 м друг от друга ... По свидетельству местных жителей, ранее в него входили еще 2 кургана, разрушенные при строительстве автодороги Донецк-Трудовские. Раскопки проводились с помощью бульдозера Т-100 с оставлением максимального количества бровок. Курган № 1 раскопан вручную» (Отчет о раскопках …, 1990, с. 1).

[40] Речь идет о копии текста нового варианта отчета по раскопкам могильника Текстильщик, который был в основном подготовлен Я.П. Гешковичем к осени 1990 г. на основе первоначального текста. Именно тогда Я.П. Гершковичу для завершения работы был передан и старый вариант отчета – иллюстрации на листах формата А3 и машинописный текст. Но в научный архив ИА НАН Украины отчет о раскопках 1975 г., насколько нам известно, так и не был сдан.

[41] У Я.П. Гершковича сказано «два черепа и кости ног овцы» (1986, с. 133) (в новом варианте отчета – см. ниже: «два черепа и расчлененный скелет овцы»), но ввиду того, что археозоологический анализ этого комплекса не проводился, уместнее, на наш взгляд, говорить о таксономии костей животных более осторожно.

рамы. Видимо, продольные и поперечные доски рамочной конструкции соединялись встык (во всяком случае, так более-менее видно по северо-восточному углу конструкции (*Гершкович*, 1986, рис. 5, *1*) (илл. 22, *1*). Высота стенок рамы не менее 0,40 м, но, возможно и немного больше. Рама погребальной конструкции покрыта поперечными досками или горбылем. Перекрытие сохранилось частично – не менее 13 досок различной ширины: от узких – 0,6-0,7 см (возможно, это части более широких досок), до 0,15-0,20 м ширины и, скорее всего, до 0,30 м. Сохранность древесины плохая. В центральной части ямы, возможно, доски перекрытия были положены в два слоя (в районе рук погребенного сохранился более толстый слой древесных плах). На подстилке (белый тлен), которая занимала почти всю площадь дна ямы, лежал скелет взрослого человека в скорченном положении на левом боку, головой на запад. Руки скрещены, вытянуты к коленям (илл. 22, *1*), и, судя по положению костей предплечья были, скорее всего, связаны ремнем, от которого и сохранилась фигурная пряжка, лежащая чуть поодаль от кистей внутренней стороной вверх (илл. 22, *1*)[42]. За затылком погребенного – кремневый отщеп, недалеко от черепа возле западной поперечной стенки – «кости ног быка, посыпанные охрой» (Гершкович, 1986, с. 133). У северной продольной стенки на краю подстилки на небольшом пятне охры – проколка из грифельной кости лошади (илл. 22, *1, 4*). Возле голени левой ноги пятно охры площадью 0,33×0,20 м (илл. 22, 1)[43]. Размеры пряжки: длина – 5,3 см, наибольшая ширина – 4,2 см, толщина – 1,5 см, с крючком – 2,4 см (илл. 22, *2, 3*).

Камышеваха, курганы на Волчьем поле. В 1901 г. и в 1903 г. В.А. Городцов предпринял крупные раскопки курганов на территории Харьковской и Екатеринославской губерний (Ныне Харьковская область и ДНР). В 1903 г. исследования шли, в основном, на территории Бахмутского и отчасти Мариупольского уездов (Свод данных .., 2004, рис. 1).

Курган 5, погребение 1. Среди многих раскопанных курганов 1903 г. нас интересуют данные раскопок в районе имения Камышеваха, поскольку здесь найдены интересующие нас две крючково-планочные пряжки, которые В.А. Городцов называет костяными запонками (Дневник .., 1903, л. 147; *Городцов*, 1907, с. 236; 1907а, с. 357). У Я.П. Гершковича указано, что Камышеваха – территория Славянского района Донецкой области (*Гершко-*

[42] В публикации сказано слишком обтекаемо: «Костяной предмет фигурной формы находился у скрещенных кистей рук» (*Гершкович*, 1986, с. 133). Уже при расчистке погребения стало ясно по положению костей рук, что они в районе запястья были, скорее всего, связаны ремнем. См. ниже в новом варианте отчета: «Руки скрещены, вероятно, были связаны ремнем, от которого сохранилась костяная фигурная пряжка» (Отчет о раскопках …, 1990, с. 10).

[43] Приводим без изменений и сокращений описание п. 19 из нового варианта отчета, подготовленного Я.П. Гершковичем к осени 1990 г.: «Погребение № 19 /культуры многоваликовой керамики, основное между северным и южным курганами/ – в 10 м от Р, под углом 350° /в 8,5 м от Ц2, под углом 220°/ на ур. -5,15 м от Р/ -0,9 м от П/. Выкид суглинка – у подножия и частично на склоне досыпки под катакомбным погребением № 20. Вверху, возле юго-восточного угла ямы, на ур. ДГ найдены два черепа и расчлененный скелет овцы /табл. XXIX, 2/. На дне могилы деревянное перекрытие из досок шириной до 0,3 м, уложенных поперек на деревянную раму. Способ соединения продольных и поперечных стенок из-за плохой сохранности дерева не прослежен. Высота стенок рамы не менее 0,4 м, поэтому перекрытие находилось непосредственно над погребенным. На подстилке /белый тлен/ лежал скелет взрослого человека в скорченном положении на левом боку, головой на З /табл. XXIX, 1, 2/. Руки скрещены, вероятно, были связаны ремнем, от которого сохранилась костяная фигурная пряжка /1/. Угол скорченности в ТЗБ – 90° в К-60° и 40°. Возле голени левой ноги скопление охры площадью 0,33х0,2 м. У затылка погребенного – кремневый отщеп /табл. XXIX, 4/, возле западной поперечной стенки кости ног быка, посыпанные охрой, а у северной продольной стенки, на охряном пятне, грифельная кость коня /проколка - ?/ /табл.XXIX, 5/. 1. Костяная фигурная пряжка с ладьевидным выступом на оборотной стороне /табл. XXIX, 3/. Лицевая часть чуть выпукла и заполирована, на ней - пара просверленных насквозь отверстий, вокруг которых круги, прочерченные циркульным инструментом, у основания - загнутые в сторону отростки. Длина – 5,3 см, ширина – 3,8 см, толщина – 1,5 см» (Отчет о раскопках …, 1990, с. 10).

вич, 1986, с. 132). На самом деле земли Славянского района находились немного севернее современного с. Камышеваха, которое было подчинено Краматорскому г/с (Донецька область .., 1988, с. 20) (илл. 1). В прошлом эти земли принадлежали роду Бантышей (*Химченко*, 2012, с. 95). Говоря об организации работ в 1903 г., В.А. Городцов как раз отмечает помощь Бахмутского предводителя дворянства Ф.А. Бантыша (*Городцов*, 1907, с. 211; *ср. Татаринов, Щербак, Яцишин*, 2018, с. 11), а в дневнике записывает: «Волчье поле находится верстах в 2х к северу от имения Камышеваха Ф.А. Бантыша, которому принадлежит и само поле. Курганов на этом поле 11…» (Дневник .., 1903, л. 145)[44].

Описание погребения 1 дано при перечислении комплексов с фигурными пряжками (*Гершкович*, 1986, с. 132). Однако, на наш взгляд, следует привести и данные В.А. Городцова, поскольку в них сохранились многие детали, оставленные Я.П. Гершковичем за пределами краткого описания.

В кургане 5, представляющем собой сложную конструкцию, исследовано одно погребение, оказавшееся с двумя пряжками (*Городцов*, 1907, с. 236) (илл. 23, *1*). «Курган длинный с тремя вершинами, расположенными по линии с З. на В. Западная самая высокая вершина раскопана в древности и представляет в настоящее время майдан; средняя вершина цела и назначена к исследованию; восточная, самая низкая, раскопана в древности» (*Городцов*, 1907а, с. 355). Скорее всего, курган 5 представлял собой две первоначальные насыпи, расположенные по линии запад-восток, между которыми и была сооружена сложная конструкция погребения 1. Насыпь над погребением была высотой около 3,2 м и шириной чуть более 37 м с севера на юг (соответственно 4½ и 52 аршина по В.А. Городцову (1907а, с. 335; ср. *Гершкович*, 1986, с. 132)). Приведем описание конструкции сооружения насыпи над погребением, которое В.А. Городцов дал дважды – сначала в итоговой статье: «… когда насыпь была доведена до ⅔ высоты, на ней сожжен большой костер, и на краях его положены, в двух отдельных группах, по одному черепу и по четыре ноги коров. Затем насыпь доведена до конца; под вершиною, возведенною над северною полою кургана, положен третий череп и четыре ноги коровы, а поверхность насыпи обложена камнями» (*Городцов*, 1907, с. 235-236) и более детально – в опубликованном дневнике: «Раскопка ведена колодцем в 8×8 арш. [округляя 5,7×5,7 м][45]. 1) На глубине 4 вершков [ок. 0,18 м], по всему колодцу открыты камни, лежавшие не сплошь, но равномерно. 2) На глубине 8 вершков [0,35-0,36 м], – череп коровы и кости четырех коровьих ног, отрезанных с копытами в коленном сочленении. Череп и ноги приходились как раз над погребением № 1, южнее вершины насыпи. 3) На глубине 2 арш. [чуть более 1,4 м] обнаружен тонкий прослоек золы и мелкого угля; на зольной прослойке, лежали двумя группами две коровьих головы, сопровождаемые ногами, отрезанными с копытами, в коленных сочленениях. Группа от группы располагалась на расстоянии аршин 5 [чуть более 3,5 м] и приходилась одна восточнее, другая – севернее погребения № 1» (*Городцов*, 1907а, с. 356). Заметим, что В.А. Городцов предполагает наличие таких же групп костей животных и к югу и западу от погребения 1, но эти участки не вошли в площадь раскапываемого квадрата (*Городцов*, 1907а, с. 356). Положение выявленных групп костей животных и зольной прослойки в насыпи проиллюстрировано на разрезе курганной насыпи с погребением 1 (*Городцов*, 1907а, рис. 95).

Описание погребальной конструкции у В.А. Городцова представлено и в обобщающей статье, и в дневнике. Обратим внима-

[44] Курганы, раскопанные В.А. Городцовым у Камышевахи, как теперь выясняется, пропущены при составлении Свода всех раскопанных курганов на территории Донецкой области в XX в., поскольку их в свое время ошибочно отнесли, как находящиеся на территории современной Харьковской области. Они должны были идти в Своде под номером 40 и далее (Свод данных .., 2004, с. 67; ср. *Пыслару*, 2023, рис. 1).

[45] Здесь и далее при цитировании мы приводим в квадратных скобках сделанный нами перевод размеров в метры.

ние на тщательную фиксацию следов орудия (В.А. Городцов считает, что у орудия два разных рабочих конца) или орудий, оставленных на стенках ямы: «На горизонте открыта яма, четырехугольной формы, с округленными углами, длиною 3 арш. 11 вершк., шириною 2 арш. 10 вершк. и глубиною 14 вершк. [ок. 2,63×1,87 м, глубиной 0,62 м][46]. Яма ориентирована с В. на З. На боках ее видны следы ударов металлического кайла с коническим и плоским острием, которые дали возможность судить о форме и размерах рабочего конца инструмента, имевшего тонкое клиновидное острие, с округленными углами в 2,5 стм. ширины в самом низу, а на высоте 6 стм. от лезвия – 3,7 стм. Конический конец имел наибольший диаметр около 3,5 стм.; первый оставлял всюду чистые и ясные следы, второй – следы штриховатые, что указывает на зазубренность его. Орудие несомненно имело вид кайла или кирки, так как им наносились горизонтальные удары, что невозможно было бы сделать другим орудием, напр. в виде лома или деревянного кола, которыми возможно наносить в тесных ямах вертикальные и лишь несколько косые удары» (*Городцов*, 1907а, с. 356).

В описание конструкции сруба исследователем отмечена тщательность отделки (*Городцов*, 1907, с. 234; 1907а, с. 357). В дневнике дано более детальное описание сруба: «В яме стоял сруб, сбитый из четырех дубовых, слегка обугленных колотых досок, достигавших 8 вершков [0,35-0,36 м] ширины. Продольные доски имели в длину 2 арш. 15 вершк. [2,09 м], а поперечные – по 1 арш. 14 вершк. [1,33 м]; все четыре доски по боковым граням тщательно вытесаны и, вероятнее всего, по шнуру, что особенно хорошо видно, по снятии досок, на лёссе, в котором отпечатались нижние грани. Такая обработка досок возможна только острыми металлическими топорами. Широкие грани повидимому, оставлены в том виде, как они отделились при раскалывании дерева клиньями; толщина досок неодинакова и в среднем достигала 1½ [0,067 м] ширина же – 8 вершков [0,35-0,36 м]. Для связки сруба, в концах боковых досок вырублены пазы. Для введения продольных досок в пазы, концы их тщательно стесаны. По точному измерению … сруб имел внутри размеры в 2 арш. 14 вершк.×1 арш. 10 вершк. [2,04×1,15-1,16 м]» (*Городцов*, 1907а, с. 356-357). Добавим из обобщающей статьи некоторые детали, которые не вошли в дневник: «Сруб связывался посредством неглубоких пазов, а чтобы доски не распадались, поперечные из них были закреплены особыми распорками, имевшими вид квадратных досок, втиснутых между срубом и стенками ямы» (*Городцов*, 1907, с. 234). «Сруб покрывался широкими дубовыми обугленными досками, длиною в 1 арш. 14 вершк. [1,33 м], уложенными поперек. Концы этих досок оказались обрубленными весьма острым топором; … Сверх крыши, сруб засыпан лёссом, вынутым из ямы, а сверх лёсса заложен вторым накатником из тонких дубовых и берестовых круглых плах, достигавших в длину до 5 аршин [чуть более 3,5 м] и толщиною до 2 вершков [0,09 м]. Плахи уложены в два ряда: нижние – вдоль, а верхние – поперек сруба. … Поверхность всех плах обуглена» (*Городцов*, 1907а, с. 357; ср. *Городцов*, 1907, с. 234–235). «В … погребении … между стенками сруба и ямы, перед лицом покойника лежали череп и четыре ноги коровы; на крыше сруба положен кремень» (*Городцов*, 1907, с. 235)[47] (илл. 23, *1*). Я.П. Гершкович по поводу кремневого изделия добавляет «возможно, скребок» (1986, с. 132) и приводит его рисунок (*Гершкович*, 1986, рис. 2, *4*), основываясь на рисунках вещей этого погребения из архива В.А. Городцова (Приложение 1.1) (илл. 23, *4*).

«В срубе лежал костяк мужчины средних лет, чрезвычайно большого роста, на левом

[46] Размеры ямы у Я.П. Гершковича даны почти такие же: 2,61×1,86 м (1986, с. 132).

[47] Ср. с записями в дневнике: «Сверху крыши сруба, над головой покойника положен – кремень, повидимому, бывший в огне; между западною стенкою сруба ямы – насыпана зола, а между северною стенкою сруба и ямы, против лица покойника втистута голова коровы, четыре коровьи ноги, отрезанныя с копытами в коленном сочленении и хвост» (Дневник .., 1903, л. 147-147 об.).

боку, в согнутом положении, головою на З» (*Городцов*, 1907а, с. 357)[48]. Ноги согнуты, левая рука вытянута вдоль туловища, правая – согнута в локте, лежит поверх левой (*Городцов*, 1907а, рис. 96; *Гершкович*, 1986, рис. 2, *1*) (илл. 23, *1*). В.А. Городцов отмечает подстилку из густого слоя камыша и «насыпанного порошком мела или известью» (1907а, с. 357)[49]. По поводу возможного мела или извести заметим, что, скорее всего, это белый налет на стенках и дне могил, который ввел и продолжает вводить в заблуждение несколько поколений археологов, на деле являясь смесью легкорастворимых солей и гипса, которые аккумулируются естественным путем (*ср. Демкин, Лукашов, Ковалевская*, 1992, с. 46-47; *Борисов, Демкина, Демкин,* 2006, с. 16-17). Подчеркнем ощущения автора раскопок, зафиксированных в дневнике: слой камыша подстилки «обрызган» сверху мелом или известью. Подобное ощущение вполне может сложиться при не специальной посыпке мелом, а при аккумуляции – где чуть больше, где – меньше белого налета.

Инвентарь погребения невелик, однако первый по времени найденный комплекс с крючково-планочными пряжками оказался уникальным: после В.А. Городцова на протяжении более 100 лет ни разу не были найдены в одном погребении две такие пряжки (*ср. Литвиненко, Ляшко*, 2018, с. 164). «На шее его [погребенного – Р.М., А.У.], у правого плеча, найдены две костяные запонки, представляющие подобие человеческого лица, прекрасной работы; около запонок взят обломок медного долотца» (*Городцов*, 1907а, с. 357)[50] (илл. 23, *2, 3*). В другой работе В.А. Городцов конкретизировал ситуацию с находками «запонок»: «… на шее костяка взяты две костяные запонки, служившие для застегивания ворота одежды; формы их одинаковые и очень похожи на современные рукавные запонки. Подобные костяные запонки существовали в Англии в культурах во многом схожих с нашею срубною» (*Городцов*, 1907, с. 236)[51]. В своей статье Я.П. Гершкович приводит рисунки обломка «долотца» (1986, рис. 2, *3*) и одной из пряжек (1986, рис. 2, *2*), (илл. 23, *2, 3*) опираясь на рисунки этих вещей из архива В.А. Городцова (Результаты археологических .., 1903, л. 96 об.) (Приложение 1.1). Схематичное изображение находок из п. 1 дано в одной из поздних работ И.А. Пислария (*Пыслару*, 2023, рис. 7, I, *2*)[52]. Размеры пряжек неизвестны, поскольку рисунок одной из них (илл. 23, *2*) дан без масштаба. Вероятнее всего, обе пряжки не слишком большие, что дало возможность В.А. Городцову назвать их «запонками». Длина и ширина обеих изделий лежит в рамках 3 см, толщина с крючком, судя по наброску в архиве В.А. Городцова – около 0,6 см.

Луганск (Вергунка). В 1929 г. С.А. Локтюшев раскопал курган в окрестностях Луганска возле с. Вергунка (ныне – территория г. Луганска) в составе могильника (*Братченко*, 2000, с. 77, 81) (илл. 1).

Курган 3 погребение 12. В кургане исследовано 13 погребений: основное, относящееся к катакомбной культуре и 12 – в насыпи (Археологічні досліди.., 2009, с. 238)[53]. В одном из по-

[48] Та же информация – в дневнике (Дневник .., 1903, л. 147).

[49] В дневнике об этом сказано: «Подстилкой ему [умершему – Р.М., А.У.] служил густой слой камыша, сверху посыпанного, или лучше, обрызганного порошком мела (извести?)» (Дневник .., 1903, л. 147).

[50] Та же фраза о находках – в дневнике (Дневник .., 1903, л. 147). Ср.: (*Братченко*, 1995, с. 9, прим.). Обратим внимание на деталь описания: В.А. Городцов пишет о «запонках», как о вещах «прекрасной работы», т.е. мы можем предположить, что пряжки были хорошо вырезаны и отполированы, и мастерство изготовления их сразу бросалось в глаза. Эпитет В.А. Городцова применим, например, к изящной и мастерски изготовленной пряжке из Мариенфельда: в первые же секунды после находки этой пряжки стало ясно, что и она «прекрасной работы».

[51] В.А. Городцов сослался на работу: (*Mortimer*, 1905).

[52] В иллюстрациях к диссертации И.А. Писларий приводит схематичные рисунки якобы двух пряжек из Камышевахи (1983а, рис. 20, *4, 5*), но при внимательном рассмотрении видно, что две позиции сконструированы из рисунков разных сторон одной пряжки, представленных в архиве В.А. Городцова. Кстати, при перерисовке И.А. Писларий «потерял» орнаментацию пряжки и одно из отверстий крепления края пояса (1983а, рис. 8, Камышеваха к. 5 п. 1, рис. 20, *4*).

[53] С.Н. Братченко, анализируя материалы кургана, говорит об одном бабинском (12), двух катакомбных (5 и 13) и срубных погребениях (2000, с. 81).

гребений в насыпи найдена круглая пряжка, а в другом – при полускорченном костяке, лежавшем на левом боку, головой к юго-западу-западу находилась крючково-планочная пряжка. Интересно, что С.А. Локтюшев описал пряжку, как «небольшую костяную псалию»[54] (Приложение 1.1)[55]. Ср.: «В бабинском погр. 12 при скорч. по л. боку костяке («полусидячем»), ориентированном головой к ЮЗЗ, находилась «небольшая костяная псалия», очевидно, пряжка (рис. отсутствует)» (*Братченко*, 2000, с. 81).

Курганный могильник Мариенфельд. В 2012 г. экспедицией ДП «Наукова спілка Донбасу» и Донецкого обл. краеведческого музея (руководитель В.В. Цимиданов) исследована курганная группа из 3 насыпей в 1,9 км к ЮВ от южной окраины с. Андреевка, Славянского муниципального округа ДНР (илл. 1). Группа получила название от хутора Мариенфельд (немецкая колония), который до середины 1940-х гг. находился рядом с исследованными курганами[56]. Все курганы появились в бабинское время: под каждой насыпью – по одному захоронению, то есть для трех основных погребений днепро-донской бабинской культуры были сооружены рядом три насыпи. Основные погребения (особенно в кургане 2 и кургане 3) очень похожи между собой (*Цимідданов, Кравченко, Підобід, Полідович, Спінов, Усачук*, 2013, с. 156). Крючково-планочная пряжка была найдена в п. 3 кургана 3 (*Цимідданов, Кравченко, Підобід, Полідович, Спінов, Усачук*, 2013, рис. 1, *2, 4*).

Курган 3 погребение 3. Курган в плане овальной формы (длинная ось насыпи по линии восток-запад), размер насыпи 34×26 м, высота 0,6 м. Насыпь в продолжении многих десятилетий распахивалась. Захоронение 3 днепро-донской бабинской культуры основное. Скорее всего, выбор места совершения захоронения был обусловлен привязкой к природному феномену – поднятию глинистой почвы, что, возможно, как-то проявлялось на дневной поверхности (изменение рельефа?, иная растительность?). Захоронение кольцом окружил выброс, который почти на половину перекрыл могильную яму. Поскольку проседание выброса над ямой не зафиксировано, можно предположить, что после совершения ритуальных действий с умершим, могильная яма была засыпана, а уже потом на нее положили вынутый грунт и сформировали линзу выброса. Погребальная площадка, фиксируемая по линиям древней поверхности, прослеженным в профилях бровок, по реконструкции имела в плане форму близкую к квадрату с закругленными углами. Возможно, из-за сильно закругленных углов, площадка имела в плане форму более близкую к кругу. По крайней мере именно такую форму имела насыпь I, немного удлиненная с востока на запад, диаметр которой составлял 20×22 м. Высота насыпи не устанавливается, поскольку верхняя часть кургана полностью разрушена из-за длительной распашки.

Контуры ямы основного погребения 3 прослежены на глубине 1,02 м. Погребение очень сильно попорчено многочисленными норами животных, а северный край ямы срезан при прокладывании раскопочной траншеи. Подпрямоугольная в плане яма с закругленными углами, слегка выгнутыми стенками, размерами 2,15×1,70 м ориентирована длинной осью почти по линии запад-северо-запад-восток-юго-восток (илл. 24, *1*). Глубина впуска от уровня древней поверхности – около 0,53 м. Яму окружал довольно мощный выкид, а южная и частично восточная части ямы были им перекрыты (илл. 24, *1*). Размеры выкида 8,0×3,4 м, толщина его от 0,30 до 0,40 м, в районе краев погребальной ямы 0,15-0,22 м. После совершения погребения яма, очевидно, была перекрыта поперечными досками. В районе грудной клетки ко-

[54] С.Н. Братченко, говоря о крючково-планочных пряжках (по его терминологии – фигурные планочно-дисковые), замечает, что такие пряжки в какой-то мере напоминают псалии (Братченко, 2008, с. 214).

[55] Вспомним, что найденные в погребениях щитковые псалии иногда опознавались, как «пряжки» или «бляхи» (Усачук, 2013, с. 9).

[56] Постановлением Сталинского облисполкома 2 июня 1945 г. хутор Мариенфельд был переименован в хутор Перемога (История административно-территориального .., 2001, с. 96), который просуществовал, судя по подъемному материалу, до конца 1960-начала 1970-х гг.

стяка сохранился один из фрагментов такой доски длиной 0,5 м, шириной 0,15 м и толщиной до 2 см. Кроме крупного фрагмента доски, в северной и восточной частях ямы фиксировались мелкие фрагменты перекрытия, почти полностью уничтоженного кротовинами. Кстати, в кротовинах заполнения погребения 3, начиная с глубины 1,18 м, найдено несколько фрагментов лепного сосуда. Эти фрагменты, учитывая их технологические детали, можно датировать позднебронзовым временем – скорее всего, они относились к сосуду из срубного погребения 2. Около восточной стенки ямы погребения 3 в заполнении очередной кротовины найден и астрагал (таранная кость) МРС. Очевидно, он тоже вынесен землеройными из погребения 2. В юго-восточном углу ямы приблизительно на 0,1 м выше дна зафиксировано скопление мелких угольков (илл. 24, *1*). В северо-восточной части ямы ближе к стенке лежали кости крупного рогатого скота (КРС): череп и кости конечностей[57] (илл. 24, *1*).

Мужчина 30-40 лет (*Казарницький, Полідович, Цимідданов, Усачук*, 2013, с. 152)[58] был уложен на левом боку головой на на запад-северо-запад. Скорее всего, при разложении связок тело умершего слегка завалилось на спину. Череп немного сместился по отношению к нижней челюсти. Шея была согнута так, что нижняя челюсть оказалась прижата к костям левого плеча. Такое положение нижней челюсти и смещение черепа возможно, когда под головой находилось что-то в виде своеобразной подставки-«подушки» (*Цимідданов, Кравченко, Підобід, Полідович, Спінов, Усачук*, 2013, с. 156). Остатки её зафиксированы под черепом: участок коричневого тлена размерами около 15×3 см и дугообразный в разрезе. Скорее всего, подставка-«подушка» была деревянной. Левая рука умершего согнута в локте под острым углом, кисть положена на грудь. Пальцы при этом были выпрямлены. Права рука была согнута в локте под тупым углом и положена на туловище. Пальцы были согнуты. Ноги сильно согнуты (илл. 24, *1*) (*Цимідданов, Кравченко, Підобід, Полідович, Спінов, Усачук*, 2013, рис. 1, *2*).

Под костяком прослежены остатки подстилки из двух слоев. Нижний – светло-фиолетового цвета, верхний – желтый (шкура?). Поверх костей правого плеча зафиксировано пятно сизого тлена рыхлой консистенции, толщиной до 3 мм (илл. 24, *1*). Округлый участок такого же тлена прослежен поверх костей от верхней части правой бедренной к правой пяточной (илл. 24, *1*). Возможно, сизый тлен является остатками какого-то покрова, которым был накрыт умерший. На север от локтя левой руки лежало изделие из минерала темно-красного цвета, аморфной формы (длина 4,2 см, ширина – до 2,3 см, одна из поверхностей немного завальцована) (*Цимідданов, Кравченко, Підобід, Полідович, Спінов, Усачук*, 2013, рис. 1, *3*) (илл. 24, *4*). Под черепом умершего – изящная роговая пряжка (*Цимідданов, Кравченко, Підобід, Полідович, Спінов, Усачук*, 2013, рис. 1, *4*; *Мимоход*, 2025, рис. 148, *1*) размерами 2,8×2,6 см, толщина щитка 0,4-0,6 см, толщина планки 0,65 см (илл. 24, *2, 3*).

Из-за того, что череп сместился (при этом нижняя челюсть осталась на первоначальном месте (илл. 24, *1*) и накрыл пряжку, при расчистке погребения она была не видна. Обнаружена

[57] Зафиксированы остатки двух конечностей особи КРС, но их было больше: часть костей животных сдвинута техникой при прокладывании траншеи.

[58] Антропология костяков из погребений двух курганных групп (Попов Яр 2 и Мариенфельд) изучалась А.А. Казарницким во время раскопок могильника Мариенфельд летом 2012 г. (Казарницький та ін., 2013, с. 151-152). Погребение 3 в кургане 3 выявлено и исследовано последним в сезоне, уже после отъезда специалиста из экспедиции. Позднее А.А. Казарницкому удалось обработать только нижнюю челюсть и некоторые фрагменты черепа из этого погребения. В рабочих записях А.А. Казарницкого сказано: «**Курган 3, погребение 3 (костяк основного погребения)**. При снятии скелета кости оказались очень плохой сохранности, в большинстве случаев сильно фрагментированы. Судя по стертости зубов, возраст погребенного в пределах 30-40 лет, рельеф черепа мужской. Информацию по п. 3 следует рассматривать как предварительную» (архив А.Н. Усачука). Антропологический материал из п. 3 хранится в фондах Донецкого респ. краеведческого музея и возможно когда-либо сможет дать дополнительную информацию.

при разборке костяка: прилипла внешней стороной слева к костям черепа[59]. Судя по положению изделия – отверстия были направлены на запад – пояс с пряжкой на конце был положен в погребении возле головы, скорее всего, свернутым в кольцо. Возможны и иные варианты положения пояса, но, учитывая направление отверстий пряжки, он не был вытянут вдоль левой плечевой кости умершего.

Курганная группа Новоамвросиевское[60]. В октябре 1969 г. археологическая экспедиция Донецкого гос. университета и Донецкой обл. организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры (руководитель – Т.А. Шаповалов) провела раскопки 2-х курганов у п. Новоамвросиевское Амвросиевского района Донецкой области (*Шаповалов, Колесник*, 1972, с. 66; Свод данных .., 2004, с. 74) (илл. 1) (ныне ДНР). В 3-х км к северу от п. Новоамвосиевское располагаются три небольших группы курганов, вытянутые длинной цепью с северо-запада на юго-восток. Экспедицией раскопаны два распахиваемых кургана (1 и 3)[61] из второй группы, насчитывающей три насыпи (*Шаповалов, Колесник*, 1972, с. 66). Курган 3 сооружен в эпоху ранней бронзы (Охранные раскопки ..., 1970, с. 1–3) и бабинское погребение 2 в юго-восточном секторе насыпи является впускным. Из-за того, что погребение найдено в насыпи (на глубине 1,44 м от репера кургана), контуры ямы не прослежены, однако, на дне ямы, по мнению исследователей, сохранилась густая белая посыпка[62], что дает возможность реконструировать подпрямоугольную форму ямы, слегка вытянутой по оси запад-восток и размерами приблизительно 1,0×1,25 м (Охранные раскопки.., 1970, с. 4; *Шаповалов*, *Колесник*, 1972, с. 69) (илл. 25, *1–3*). Плиты, которые присутствуют над погребением 2, выявлены на глубине 0,42-0,55 м от репера[63], но, как считает автор раскопок, относятся к каменному ящику, разрушенному при сооружении погребения 2 (Охранные раскопки.., 1970, с. 5; *Шаповалов, Колесник*, 1972, с. 70)[64]. На дне ямы на левом боку, головой на запад лежал костяк взрослого человека. В анатомическом положении сохранилась только верхняя часть скелета (илл. 25, *3*), нижняя – разрушена землеройными животными. Левая рука немного согнута в локте, вытянута вдоль тела, кисть в районе таза, правая – согнута в локте под прямым углом и ее локтевая и лучевая кости лежат на костях левой руки, чуть ниже локтя (илл. 25, *3*). Инвентарь в погребении представлен только двумя пряжками (илл. 25, *3*): под черепом – круглая (илл. 25, *6*), а около 0,3 м к северо-западу от локтя левой руки – крючково-планочная (илл. 25, *4, 5*) (Охранные раскопки .., 1970, с. 4; *Шаповалов, Колесник*, 1972, с. 69; ср. *Гершкович*, 1986, с. 132)[65]. Судя по фотографии в отчете, эта пряжка лежит внутренней стороной вверх[66]. Интересно, что уже на стадии отчета Т.А. Ша-

[59] Чертежные работы, а затем разборку п. 3 осуществлял А.Н. Усачук, который и заметил положение пряжки, когда осторожно поднял череп погребенного, чтобы поместить его в приготовленную коробку.

[60] Встречаются разночтения в названии населенного пункта: «Новоамвросиевка-69» – так маркированы чертежи отчета раскопок; «село Новоамвросиевка» или «Новоамвросиевка» (*Гершкович*, 1986, с. 132; *Березанская*, 1986, с. 28; *Клименко*, 1998, с. 199; *Литвиненко*, 2006а, с. 180; *Ильюков*, 2016, с. 100; *Мимоход*, 2020, рис. 1, *14*). Впрочем, у Я.П. Гершковича далее пункт называется «Новоамвросиевское» (*Гершкович*, 1986, рис. 1, *28*; рис. 3, *3, 4*).

[61] В Своде данных … (2004, с. 74) ошибочно указано, что раскопаны курганы 1 и 2.

[62] По поводу «белой посыпки» у нас те же сомнения, что и при описании комплекса из Камышевахи, к. 5 п. 1, но осевшая, скорее всего, на дно могилы смесь легкорастворимых солей и гипса дает возможность приблизительно оценить размеры ямы так же, как и возможная искусственная посыпка.

[63] В отчете даны глубины 0,42-0,45 м (Охранные раскопки .., 1970, с. 5).

[64] Возможно, это не так. В конце 1960-х гг., раскапывая курган, Т.А. Шаповалов с помощниками считали погребение с пряжками предскифским (Охранные раскопки .., 1970, с. 4) или срубным (*Шаповалов, Колесник*, 1972, с. 69) и поэтому вполне резонно могли предположить, что «предскифское» или «срубное» погребение 2 разрушило ящик срубного же погребения. Значительная разница в глубинах камней-плит и костяка из погребения 2 была не единственным аргументом, что заставило Т.А. Шаповалова думать о двух погребениях.

[65] У С.С. Березанской (1986, с. 28) идет речь о двух пряжках из этого погребения и дается ссылка на рисунок («рис. 8, *5*»), который отсутствует в иллюстрациях.

[66] На чертеже, приведенном в отчете, положение пряжки показано неверно: планка для крепления глухого конца ремня направлена в сторону черепа погребенного, а не от него.

повалов задумывался о креплении крючково-планочной пряжки: «З речей тут знайдені лише два кістяні вироби. Під черепом лежало трикутне у перетині кільце діаметром 3,3 см, з отвором 1,5 см. … Другу річ, що лежала на рівні грудей у 10 см від кістяка, можна віднести до так званих кістяних бляшок (довжина 4, ширина 2,7, товщина 1 см) і охарактеризувати як своєрідну поясну пряжку. … У передній частині вона має глибокий паз для ременя та два наскрізні отвори для його закріплення. З внутрішнього боку зроблено човникоподібний виступ на короткій ніжці. Вставляючи цей виступ у продовгуватий вузький отвір можна надійно закріплювати кінці ременя під час підперізування» (Охранные раскопки .., 1970, с. 4). В первой публикации (*Шаповалов, Колесник*, 1972, с. 68, рис., 4) был дан неточный рисунок крючково-планочной пряжки. Я.П. Гершкович на основе него дал в статье (1986, рис. 3, *3*) свой схематичный вариант рисунка. Затем пряжка была заново с оригинала очень хорошо перерисована Р.А. Литвиненко[67]. Нами представлен свой рисунок этой пряжки с оригинала (илл. 25, *5*), где планка в основании реконструируется шириной не 1,85 см, как у Р.А. Литвиненко, а 1,6 см. Это связано с тем, что трасологический осмотр пряжки и ее рабочий рисунок были сделаны 18 сентября 1995 г., когда правый край планки был еще цел (см. главу 5). Размеры пряжки: длина 4 см, ширина щитка до 2,8 см, толщина 1 см (*Гершкович*, 1986, с. 132), толщина с крючком – до 1,8 см.

Курганная группа Новоандреевка из 5 насыпей располагалась в 7 км к северу от с. Новоандреевка Волновахского муниципального округа ДНР (илл. 1). Летом 1987 г. В.Ф. Клименко исследовал 4 кургана в группе (*Клименко*, 1998, с. 80; Свод данных .., 2004, с. 86).

Курган 4[68] *погребение 1* являлось впускным и было обнаружено в насыпи на глубине 0,76 м[69]. Конструкция ямы не прослежена[70]. «Скелет взрослого человека лежал на спине головой на запад» (*Клименко*, 1998, с. 85). Судя по чертежу и фото из отчета (*Клименко*, 1987, табл. 3, *1, 2*), мы полагаем, что умерший был уложен в слабоскорченном положении на левом боку и верхняя часть тела завалилась на спину во время разложения трупа. Скорченные ноги сохранили свое первоначальное положение. Правая рука чуть согнута в локте, кисть в районе таза, левая – прямая, вытянута вдоль тела (илл. 26, *1*). «Между тазом и левой кистью лежали 2 костяные пряжки[71]. У колен лежал кремневый наконечник дротика (илл. 26, *4*)[72]. Под скелетом меловая посыпка[73] и коричневый тлен подстилки. На костях коричневый тлен» (*Клименко*, 1998, с. 85). Что касается коричневого тлена на костях, то, очевидно, умерший был накрыт каким-то покрывалом. В отчете это отражено фразой: «На костях скелета прослежены коричневые остатки попоны» (*Клименко* 1987, с. 2)[74]. Пряжки – кольцевая (илл. 26, *2*) и крюч-

[67] Наличие нескольких вариантов рисунков этой пряжки и несхожесть этих рисунков между собой привели к тому, что Л.С. Ильюков в своей статье дает на одной иллюстрации сначала рисунок новоамвросиевской пряжки «по Гершковичу» (2016, рис. 1, *8*), а затем – «по Литвиненко» (2016, рис. 1, *10*).

[68] Обратим внимание на то, что автор раскопок В.Ф. Клименко обычно давал курганам римскую нумерацию, оставляя арабские цифры для маркировки погребений. Мы для удобства будем использовать более привычную в «курганной» археологии арабскую нумерацию (ср. *Литвиненко*, 2006а, с. 180).

[69] В публикации (*Клименко*, 1998, с. 85) ошибочно стоит «0,67 м», но в отчете и на чертежах (*Клименко*, 1987, с. 2, табл. 3, 1) – 0,76 м.

[70] «26 июня 1987 г. Пятница. Погребение №1 взрослого человека на расстоянии 2,72 м от центра. Верхняя часть скелета уходит под центральную бровку. Яма не прослеживается» (Дневник .., 1987, л. 1).

[71] Сравнивая чертеж и фотографию погребения 1 в отчете, мы увидели, что положение пряжек относительно друг друга на чертеже нарушено: круглая и фигурная пряжки, судя по фото, лежат по линии юг-север, в то время, как на чертеже фигурная пряжка сильно смещена к востоку.

[72] Далее находка идет и как наконечник стрелы (*Клименко*, 1998, с. 199). В отчете находка называется наконечником дротика (*Клименко*, 1987, с. 2). На наш взгляд, говорить, что кремневое орудие найдено «у колен» – не совсем правильно, поскольку оно, судя по чертежу, найдено довольно далеко от тела напротив колен умершего, за пределами подстилки (у края ямы?) (илл. 26, *1*).

[73] По поводу «меловой посыпки» у нас те же сомнения, что и при анализе других комплексов.

[74] Об «остатках попоны» на костях скелета говорится и в полевом дневнике (Дневник .., 1987, л. 2).

ково-планочная (илл. 26, *3*) (*Клименко*, 1994, с. 112; 1998, с. 85, 81, рис. 26, *5, 9*; *Клименко*, *Цымбал*, 1998, рис. 1, *12, 16*). Судя по фото из отчета, можно сказать, что крючково-планочная пряжка лежит тыльной стороной вверх. Размеры ее: длина 3,4×2,7 см, толщина 1,9 см (с выступом-крючком)[75], диаметр отверстий в планке 0,15-0,2 см, отверстий в щитке 0,5 см (*Клименко*, 1998, с. 85)[76]. Обратим внимание на то, что В.Ф. Клименко при кратком анализе погребений из раскопанных им курганов восточного Приазовья весьма основательно подошел к факту редкой находки, перечислив в качестве аналогий практически все известные на тот момент крючково-планочные пряжки (*Клименко*, 1998, с. 199; *Клименко*, *Цымбал*, 1998, с. 74)[77]. Отметим, что помимо монографии 1998 г., обе пряжки из Новоандреевки не раз упоминались автором находки (*Клименко*, 1994, с. 112; *Клименко*, *Цымбал*, 1998, с. 7), в основном – в местных брошюрах (*Клименко, Цымбал*, 1991, рис. 5, *1*; 2004, рис. 19; 2007, рис. 19). Рисунок крючково-планочной пряжки у В.Ф. Клименко (1998, рис. 26, *9*) неточный, нами сделан новый рисунок изделия.

Курганная группа Новогупаловка III из 5 насыпей находилась в 2,4 км к северо-востоку-востоку от северо-восточной окраины с. Новогупаловка, Вольнянский район, Запорожская область (рис. 1). В 1982 г. отряд Запорожской экспедиции ИА АН УССР под руководством С.Н. Ляшко исследовала эти курганы. Среди раскопанных насыпей находился и курган 10, в котором обнаружено два погребения днепро-донской бабинской культуры. Крючково-планочная пряжка найдена в погребении 2 (*Гершкович*, 1986, с. 136[78]; *Литвиненко, Ляшко*, 2018, с. 155, 161).

Курган 10 погребение 2. Относительно недавно Р.А. Литвиненко инициировал совместное с С.Н. Ляшко исследование, посвященное бабинскому кургану 10, рассмотрев детально стратиграфию, захоронения, погребальный инвентарь и, что важно – очертив хронологическую позицию комплексов (*Литвиненко*, *Ляшко*, 2018). Погребение 2 – впускное, с досыпкой[79], в подквадратной яме с сильно закругленными углами. Ориентация ямы по оси восток-запад, размеры ее 1,17×1,04 м, глубина 0,8 м от древнего горизонта (2 м от репера) (*Литвиненко, Ляшко*, 2018, с. 160). «Овальна пляма могильного викиду площею 2,7×2,1 м розміщалась східніше ями, вочевидь, на краю західної поли первинного кургану» (*Литвиненко, Ляшко*, 2018, с. 160). В яме лежал на левом боку укрытый коричневым тленом сильно скорченный костяк взрослого человека головой на запад. Руки согнуты в локтях, кисти – около головы. Часть скелета не сохранилась. На стопах и костях голе-

[75] У В.Ф. Клименко даны отдельно толщина щитка (0,8 см) и толщина «челновидного выступа» (1,1 см) (1998, с. 85).

[76] Приведем описание пряжки из отчета: «Костяная пряжка лировидной формы, размером 3,4×2,7 см, толщиной 0,8 см. В торцевой стороне прорезь для ремня толщиной 0,2 см. Для крепления ремня с лицевой стороны торцевой части просверлено 3 отверстия, с тыльной – два. Диаметр отверстий 1,5-2,5 мм. По краям центральной части планки просверлено 2 отверстия диаметром 5 мм. С тыльной стороны для крепления второго конца ремня имеется овальный выступ 2,2×1,7 см, толщиной 1,1 см» (Клименко, 1987, с. 2).

[77] Пряжка из комплекса Приволье к. 1 п. 5 при перечислении дана, как найденная в Высоком (*Клименко*, 1998, с. 199; *Клименко, Цымбал*, 1998, с. 74). Комплекс из Приволья исследовал В.К. Кульбака в 1991 г. В 1988 г. он же копал курганы у пгт Высокое, Донецкая область (Свод данных .., 2004, с. 88). Очевидно, В.Ф. Клименко и В.И Цымбал, работая с материалами раскопок коллеги, ошиблись.

[78] Здесь пункт назван без уточнения нумерации курганных групп «Новогупаловка» Новогупаловка, нет описания и чертежей комплекса, только рисунок самой пряжки (1986, с. 134, рис. 3, *2*, с. 136).

[79] «Описаний курган можна назвати монокультурним … оскільки він містив два типові поховання дніпро-донської бабинської культури (ДДБК). Стратиграфічний аналіз дає підстави говорити про два послідовні епізоди будівництва кургану: найдавнішим у ньому є поховання 1, над яким було зведено первинний курган діаметром близько 20 м і висотою 1,2 м; згодом під краєм західної поли було влаштоване поховання 2, що супроводжувалося досипкою, прибудованою західніше первинного насипу. Така курганна архітектура є типовою для традицій ДДБК і демонструє найбільш поширений різновид подовжуючих однобічних досипок … Цілком вірогідно, що в давнину досліджуваний курган мав подовжений в широтному напрямі насип, згодом змінений оранкою» (*Литвиненко, Ляшко,* 2018, с. 161).

ни обеих ног и на лучевых костях левой руки умершего – следы охры. Возле колен лежала крючково-планочная пряжка (*Литвиненко, Ляшко*, 2018, с. 160-161) (илл. 27, *1*). Размеры ее (илл. 27, *2, 3*): длина 3,1 см, ширина 2,3 см, толщина 0,9 см, с крючком – 1,55 см[80].

Новолакедемоновка, одиночный курган в 1,7 км к северу от западной окраины с. Новолакедемоновка, Неклиновского района, Ростовской области (около 2,2 км к северу от берега Таганрогского залива Азовского моря) на Миусском полуострове был раскопан в 1979 г. под руководством Л.С. Ильюкова и Л.М. Казаковой (*Ильюков, Казакова*, 1980, с. 108; *Ильюков*, 1983, с. 35). Номер кургану не давался. В полукилометре и далее на восток курганные насыпи отнесены уже к иному могильнику – Русский колодец (южная группа) (*Ильюков, Казакова*, 1988, рис. 1). Всего в кургане обнаружено 15 погребений, начиная с ранне и среднебронзовых (*Ильюков, Казакова*, 1980, с. 108; 1988, табл. 1; *Ильюков*, 1983, с. 35). Крючково-планочная пряжка найдена в погребении 10[81]. Это погребение было сооружено к западу от существующего на то время кургана (зафиксирован материковый выкид из ямы погребения на древнем горизонте). Помимо выкида, рядом с ямой был сооружен зольник, «насыщенный морскими раковинами» (*Ильюков, Казакова*, 1988, с. 53). Впоследствие яма и зольник были перекрыты второй для кургана насыпью. Эта насыпь весьма сложная, с ямами-зольниками и пятью последовательно сооруженными тростниковыми площадками. На площадках найдена бабинская керамика, кости рыб и животных, астрагал с прочерченной композицией, кусочки охры, кремневый отщеп (*Ильюков, Казаков*а, 1980, с. 108; *Ильюков*, 1983, с. 35; *Ильюков, Казакова,* 1988, с. 51–52). Своеобразие второй насыпи дало основание называть ее «оригинальным сооружением» (*Ильюков, Казакова*, 1980, с. 108; *Ильюков*, 1983, с. 35). Яма погребения 10 подпрямоугольная с сильно закругленными углами, размерами 1,75×1,4 м, ориентированная длинной осью по линии запад-восток (илл. 28, *1*). В заполнении ямы встречались остатки перекрытия в виде фрагментов деревянных плашек (*Ильюков*, 1983, с. 39), «древесные угольки и следы гари» (*Ильюков, Казакова*, 1988, с. 53). Костяк взрослого человека лежал на левом боку, головой на запад. Левая рука вытянута, немного согнута в локте, кисть – в районе таза, правая – согнута в локте, кисть – на левом локте. Ноги согнуты. Под костяком – желтый тлен, по дну ямы прослежены остатки светло-коричневого тлена с мелом, а под ним, местами, коричневый тлен (илл. 28, *1*). Сверху умерший был покрыт тростником (*Ильюков, Казакова*, 1988, с. 53) (илл. 1). Очевидно, деревянное перекрытие в виде плашек закрывало яму поверх тростникового покрытия тела усопшего. «Под черепом найден ретушированный кремневый отщеп. За спиной погребенного обнаружены кости мелкой рыбы, темно-серая песчаниковая полированная пластинка с двумя перетяжками на концах … и костяная пряжка с заполированной поверхностью. Ее рогатый щиток имел специальный паз» (*Ильюков, Казакова*, 1988, с. 53, 55)[82] (илл. 28, *2, 3*). Размеры пряжки: длина 4,4 см, ширина – до 3,1 см, толщина планки в районе паза – 0,55 см, толщина щитка плавно расширяется до 1 см, с крючком – до 1,7 см (илл. 28, *2*).

Курганная группа Новотроицкое III исследована в 1978 г. – созданной в том же году на базе кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков Донецкого гос. университета новостроечной археологической экспедицией. В свой первый сезон силами экспедиции было исследовано 7 курганных групп (21 курган) (*Привалов, Андриенко, Моруженко*, 1978, с. 1; Свод данных .., 2004, с. 80), в том числе и 4 насыпи в группе III под пгт Новотроицкое Волновахского района Донец-

[80] Не совсем верные размеры см.: (Золото Степу, 1991, с. 293).

[81] У В.Ф. Клименко (1998, с. 199) ошибочно дано: п. 3.

[82] В более ранних публикациях говорится: «изящная костяная пряжка» (*Ильюков, Казакова*, 1980, с. 108) и подчеркивается, что «костяная пряжка с рогатыми выступами вдоль боковых сторон щитка» лежала «около «оселка» (*Ильюков*, 1983, с. 39). Позже Л.С. Ильюков пишет «брусок» (2014, рис. 1, *1, а, 3*). О бруске («оселке»/«полированной пластинке») с двумя перетяжками (илл. 28, *3*) см.: *Мимоход, Усачук, Вербовский*, 2021, рис. 2, Д, с. 392, ссылка 4).

кой области (*Привалов, Андриенко, Моруженко*, 1978, с. 9; *Моруженко, Привалов, Андриенко, Шаповалов, Косиков, Лыфарь, Привалова, Шепко, Потемкина, Гриб*, 1979, с. 376; Свод данных.., 2004, с. 80) (сейчас Волновахский муниципальный округ ДНР). Группа III состояла из 6 насыпей, идущих цепочкой с запада на восток на расстоянии 60-100 м друг от друга (*Привалов, Андриенко, Моруженко*, 1978, с. 9) (илл. 1).

Курган 3 погребение 11. В этом кургане III группы «расчищено захоронение периода средней бронзы с костяной поясной пряжкой, снабженной челноковидным выступом» (*Моруженко, Привалов, Андриенко, Шаповалов, Косиков, Лыфарь, Привалова, Шепко, Потемкина, Гриб*, 1979, с. 376; ср. Список памятников .., 1988, рис. 9, *2*). Начало кургану 3 высотой 3,1 м и диаметром 42 м было положено в эпоху ранней бронзы: первая насыпь перекрыла два древнеямных погребения. Вторая насыпь[83] связана с несколькими погребениями катакомбного времени (*Привалов, Андриенко, Моруженко*, 1978, с. 9-10). Следующую же насыпь авторы раскопок связали с п. 11: «Третья насыпь, зафиксированная в разрезах западной бровки, имела высоту 2,5 м от погребенной почвы и диаметр 30 м. В этой насыпи в СЗ секторе кургана, захватывая его центр, по всей высоте досыпки располагался мощный слой обожженной глины, который в плане имел форму неправильного овала, вытянутого с З на В. Площадь его 13,4×7 м, толщина до 1,3 м. Поверхность глиняного слоя имела довольно крутой уклон в северную и западную стороны. Подошва глины лежала на поверхности предшествующей насыпи и несколько выше ее, на слое чернозема третьей досыпки … Под подошвой участка обожженной глины, по продольной его оси, проходил узкий ровик с овальными в плане расширениями на концах. Длина ровика 9,2 м, ширина 0,3 м, размеры расширенных участков: 1×2 м. Ровик был спущен во вторую насыпь на глубину 0,2-0,6 м. Он имел на всем протяжении острое дно, за исключением своего восточного конца, где дно было плоским. Ровик был заполнен обожженной глиной, по его дну наблюдалось скопление углей и золы» (*Привалов, Андриенко, Моруженко*, 1978, с. 11). Погребение 11 расположено в 8,5 м к юго-западу от центра кургана. На глубине 2,88-2,95 м выявлены доломитные плиты перекрытия, провалившиеся в погребальную яму (илл. 29, *1, 2*, 30, *2*). Под плитами – прямоугольная яма с сильно закругленными углами, вытянутая по оси северо-восток-юго-запад. Размеры ямы: 1,8×1,5 м, глубина ее – не менее 1 м. На дне ямы – костяк человека на левом боку, головой на юго-запад[84], со скорченными ногами. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая – согнута в локте, кистью на локтевой и лучевой костях левой руки (илл. 30, *1*). В отчете указывается, что череп раздавлен и кости погребенного плохой сохранности (*Привалов, Андриенко, Моруженко,* 1978, с. 18)[85]. «В 0,32 м к северу от черепа, слева от него находилась костяная пряжка подовальной формы с поперечным разрезом на плоском прямом конце, над которым размещены 3 сквозных отверстия» (*Привалов, Андриенко, Моруженко*, 1978,

[83] В тексте отчета, фрагмент которого цитируется ниже, авторы раскопок называют вторую насыпь и насыпью, и досыпкой.

[84] В кратком описании первой публикации сказано: «… на левом боку, черепом на запад, левая рука вытянута, правая согнута в локте …» (*Моруженко, Привалов, Андриенко, Шаповалов, Косиков, Лыфарь, Привалова, Шепко, Потемкина, Гриб,* 1979, с. 376). В отчете указано более верно – погребенный ориентирован на юго-запад

[85] Антропологических определений нет, но в кратком описании сказано: «скорченный скелет ребенка … в могиле, перекрытой каменными плитами» (*Моруженко, Привалов, Андриенко, Шаповалов, Косиков, Лыфарь, Привалова, Шепко, Потемкина, Гриб*, 1979, с. 376). Со ссылкой на эту публикацию, о погребении ребенка говорит Я.П. Гершкович (1986, с. 136). На наш взгляд, это ошибка. Судя по чертежу погребения 11 (илл. 30, *1*), нельзя утверждать, что погребен не то, что ребенок, но даже подросток. Размеры костяка указывают на взрослого человека. Обратим внимание, что Р.А. Литвиненко, проводя анализ погребений с крючково-планочными пряжками, в том числе и комплекса из Новотроицкого III, подчеркивает: «Все перечисленные погребения принадлежат взрослым мужчинам …» (2006а, с. 180). Ср. с таким же утверждением: (*Литвиненко, Ляшко*, 2018, с. 162).

с. 18) (илл. 30, *3*). Судя по чертежу (илл. 30, *1*), пряжка на дне ямы лежала внутренней стороной вверх. Исходя из расстояния до юго-восточной стенки ямы (не более 0,3 м), ремень не мог быть положен вытянутым на всю длину – либо был сложен вдвое, либо свернут. Размеры пряжки: длина – 3 см, ширина – до 2,3 см, толщина 0,65 см, с крючком – до 0,75 см.

Курган у г. Приволье (городской округ г. Лисичанска, ЛНР) был частично разрушен, что явилось основанием для спасательных раскопок в 1991 г. отделом археологии Донбасса Республиканской лаборатории охранных исследований памятников археологии, истории и культуры Украинского фонда культуры (илл. 1). Курган насыпан в ямное время и все последующие погребения – впускные (*Кульбака, Гнатко*, 1993, с. 57). Насыпь над интересующим нас погребением 5 была покрыта слоем обгорелой земли и камнями. Прямоугольная яма 1,90×1,40 м ориентирована по оси юго-запад-северо-восток. В яме сохранились остатки деревянной конструкции: зафиксированы фрагменты поперечных досок перекрытия и небольшие фрагменты продольных досок (очевидно, ящика) возле восточной, западной и южной стенок (илл. 31, *2*). В северо-восточном углу деревянной конструкции найдены фрагменты костей ног крупного копытного. Костяк взрослого человека лежал скорченно на левом боку, головой на юго-запад. Ноги согнуты. Левая рука вытянута вдоль тела, правая – согнута в локте, направлена к локтевой и лучевой костям левой руки. Около таза были найдены круглая (илл. 32, *3*) и частично утраченная крючково-планочная (илл. 32, *2*) пряжки (*Кульбака, Качур*, 2002, с. 51, 75, рис. 19, *1-3*) (илл. 31, *1*, 32, *1*). Размеры крючково-планочной пряжки: сохранившаяся длина – 3,2 см (реконструируемая – 3,6-3,65 см), ширина – 2,7 см, толщина – 0,9 см, с основанием утраченного крючка – до 1,25 см (полная толщина реконстуируется в рамках 1,7-1,75 см). Рисунки обеих пряжек в публикации (*Кульбака, Качур*, 2002, рис. 19, *2, 3*) неудовлетворительные, а потому были перерисованы Р.А. Литвиненко во время инициированного им трасологического изучения пряжек одним из авторов этой книги.

Старая Михайловка (Старомихайловка), курган. У с. Старая Михайловка (ныне пгт Старомихайловка, городской округ г. Донецка, ДНР) в 1932 г. Н.Е. Макаренко исследовал курган (Свод данных .., 2004, с. 70), где, помимо иных, было выявлено бабинское погребение с крючково-планочной пряжкой (*Гершкович*, 1986, с. 132) (Приложение 1.1). У Б.А. Латынина: «с. Старая Михайловка (близ г. Жданова). Раскопки Н.Е. Макаренко, 1932 г. Отчета нет» (1967, с. 27)[86]. Почему-то среди разнообразных материалов и документов, связанных с исследованиями Н.Е. Макаренко, в фонде ВУАК научного архива ИА НАН Украины нет отчета о раскопках 1932 г. Благодаря тому, что вещи были нашиты на планшеты, они зарисованы в 1954 г. А.Д. Столяром. Б.А. Латынин не только объяснил происхождение рисунков, но и «подсказал», почему А.Д. Столяр, углубленно занимающийся материалами Мариупольского могильника, зарисовал пряжку. Дело в том, что оба исследователя сравнивали старомихайловскую пряжку со своеобразной порфиритовой подвеской, найденной на груди

[86] Б.А. Латынин описывает два планшета с нашитыми на них вещами из раскопок 1932 г. Н.Е. Макаренко. На одном планшете – вещи из Старомихайловки, на другом – из кургана «Жданов (Мариуполь), на участке строительства завода Ильича» (*Латынин*, 1967, с. 28). Из-за того, что исследования Н.Е. Макаренко стойко связываются с Мариуполем и его окрестностями, а также – из-за того, что один из планшетов действительно содержал вещи, найденные Н.Е. Макаренко в Мариуполе, Б.А. Латынин (очевидно, с подачи А.Д. Столяра) старомихайловские вещи на планшете описывает, как найденные «близ г. Жданова» (*Латынин*, 1967, с. 27). На самом деле с. Старая Михайловка находилось не возле г. Жданова (в 1932 г. и ныне – г. Мариуполя), а примыкает с запада к г. Донецку: пгт Старомихайловка (Донецька область .., 1988, с. 61). Н.Е. Макаренко, помимо знаменитого Мариупольского могильника, действительно раскопал довольно много курганов в районе Мариуполя (*Макаренко*, 1933, с. 6; Свод данных .., 2004, с. 69, 70; *Кучугура*, 2006, с. 296; *Кузьминых, Усачук*, 2016, с. 388; и др.), но в 1930-1932 гг. исследовал курганы и на территории новостроек г. Сталино (совр. Донецк), и в окрестностях Сталино (Свод данных .., 2004, с. 69, 70; *Усачук*, 2019).

п. CIX Мариупольского могильника (*Макаренко*, 1933, с. 29, 108, рис. 87, табл. XLVIII, верхнее фото, табл. LI, *37б*). На сходство обеих находок Б.А. Латынин прямо указывает (1967, с. 28). К сожалению, старомихайловская пряжка среди других вещей была передана по акту от 18 декабря 1956 г. в фонды Донецкого (тогда Сталинского) обл. краеведческого музея (*Латынин*, 1967, с. 28, прим. 77) и следы её затерялись (Приложение 1.1). Неоднократные попытки одного из авторов найти пряжку[87] в фондах музея не увенчались успехом.

У Б.А. Латынина дан схематичный рисунок старомихайловской пряжки (1967, рис. 26), который не совпадает в деталях позиций. На основе этого рисунка Я.П. Гершкович дал в своей работе тоже довольно схематичное изображение пряжки (1986, рис. 3, *1*), но реконструировал важный элемент – отсутствующий крючок, от которого на рисунке Б.А. Латынина остался только небольшой фрагмент выступа-основания. На основе обоих рисунков нами сделана графическая реконструкция старомихайловской пряжки (илл. 65, *12*), что позволило воссоздать размеры изделия: длина – 3,9-3,95 см, ширина – 2,7 см. Добавим, что это почти те же размеры, что даны Я.П. Гершковичем: длина – 4 см, ширина – 2,6 см, толщина – 1,1 см (*Гершкович*, 1986, с. 132).

§ 3. Кавказские культуры

3.1. Присулакская культура

Курганный могильник Гертма III располагается в окрестностях с. Гертма Казбекского района Республики Дагестан (илл. 2). Группа насчитывает 10 курганов. Раскопки проводились в 2007 г. под руководством Л.С. Ильюкова (*Ильюков*, 2007).

Курган 5 погребение 1. Захоронение основное в кургане, было устроено в его юго-восточном секторе (*Ильюков, Магомедов*, 2010). Оно совершено в каменном ящике, ориентированном по линии северо-восток-юго-запад, который был накрыт плитой (илл. 33, *1–3, 5*). «Его стены были сложены из плит, размеры которых превышали габариты ящика, и поэтому один конец каждой плиты выступал в сторону. В плане ящик имел «свастикообразную» форму». Дно могилы – поверхность скалы. Покровная плита состояла из одной плиты, частично покрытой слоем щебенки толщиной до 0,3 м. Щебенка, расположенная к западу от могилы, являлась выкидом из нее» (*Ильюков, Магомедов*, 2010, с. 47).

В ящике находился скелет подростка 10–12 лет. Костяк лежал в среднескорченном положении на левом боку, черепом был ориентирован на юго-запад (илл. 33, *1, 3, 4*). Череп сохранился во фрагментах, положение рук не устанавливается. Кости таза не сохранились. Ноги были согнуты в коленях под острым углом.

У лица умершего найдены четыре астрагала и хребет МРС. «В районе живота, то есть, на поясе находилась костяная пряжка и костяные подвески. Пряжка состоит из круглой рамки, к которой примыкает пластинчатый

[87] Во время розысков старых материалов в фондах Донецкого обл. (ныне республиканского) краеведческого музея А.Н. Усачуку рассказывали, что некоторые вещи из Мариуполя были переданы «на планшетах» (ср. с описанием Б.А. Латынина). Какие-либо записи, помимо акта от 18 декабря 1956 г., по вещам «на планшетах» отсутствуют, т.е. работники фондов Сталинского обл. краеведческого музея не провели с полученными в конце декабря 1956 г. вещами положенных процедур, не завели на них фондовые документы. Не занялись переданным археологическим материалом из Мариуполя и работники отдела фондов музея в дальнейшем, и теперь уже неясно, потерялась ли пряжка и иные вещи «на планшетах» в старом здании музея, погубил ли какие-то находки переезд музея в новое здание и обустройство в нем в 1970–1972 гг. или вещи пропали позже.

щиток. Вдоль прямого края щитка расположено два круглых отверстия для крепления. Снаружи ободок круглой рамки имеет два симметричных полусферических выступа». Длина пряжки – 5,5 см, диаметр кольца – 2,2 см. Л.С. Ильюков и Р.Г. Магомедов отмечают, что «обе широкие поверхности щитка украшены гравированным узором в виде треугольников, окружностей и решетки из коротких линий. Кроме того, сеточка из линий украшала узкий торец щитка» (*Ильюков, Магомедов*, 2010, с. 47)[88]. Рядом с пряжкой найдены четыре подвески из зубов оленя. Они лежали попарно, бугорками были обращены в противоположные стороны. Они имели по одному просверленному отверстию. Видимо, они были соединены между собой и подвязаны к поясу… Около подвесок обнаружена цилиндрическая пастовая бисеринка зеленого цвета (распалась)» (*Ильюков, Магомедов*, 2010, с. 47, 48). Пряжка (илл. 34, *2, 3*), подвески (илл. 34, *4*) и фаянсовая бусина располагались по одной линии (илл. 33, *4*) и действительно являлись единой поясной гарнитурой. У лица подростка находился лепной двуручный сосуд, орнаментированный налепным валиком (илл. 34, *1*).

Курган 6 погребение 3. Захоронение основное в кургане, было устроено в его северо-восточном секторе (*Ильюков, Магомедов*, 2010). Оно совершено в каменном ящике, ориентированном по линии СВ–ЮЗ, который был накрыт плитой (илл. 35). «Ящик, сложенный из плит, был ориентирован длинной осью по линии СВ–ЮЗ. Верхний край его выровнен плитчатыми камнями, уложенными плашмя. Дно ящика – поверхность скалы. По углам его лежали четыре небольших плитчатых камня. Между ними, на дне могилы обнаружено пятно темного тлена. Ближе к стенкам ящика, под пятнами черного телна прослеживались пятна глины. Внутренние размеры ящика – 0,6х1 м. Высота стен – 0,9 м. По дну могилы отмечены следы тлена от подстилки и отдельные древесные угольки» (*Ильюков, Магомедов*, 2010, с. 47).

На дне могилы, на подстилке, находился скелет ребенка 4–6 лет. Он лежал в среднескоченном положении на левом боку, черепом ориентирован на юго-запад (илл. 35, *1, 3, 4*). Череп сохранился во фрагментах. Руки были согнуты в локтях под острым углом, кисти находились, скорее всего, перед лицом. Ноги находились в сильно согнутом положении, кости голеней прижаты к бедренным костям.

Перед умершим обнаружены кости двух особей МРС «разного возраста: это два крестца и шесть позвонков от трех особей, одна старше четырех лет, а две моложе» (*Ильюков, Магомедов*, 2010, с. 49). Судя по плану, одна кость располагалась в ногах умершего (илл. 35, *4*). Перед лицом ребенка стоял двуручный сосуд, по основанию горла орнаментированный гладким налепным валиком со свисающими завитками и прочерченным орнаментом в виде «елочки» (илл. 36, *1*). Около юго-западного угла покровной плиты найдена цилиндрическая сердоликовая бусина. В районе таза обнаружена роговая пряжка (илл. 36, *2, 3*). «Ее щиток и рамка фрагментированы. Пряжка состояла из овальной рамки, примыкающей к прямоугольному щитку, который, по-видимому, имел два круглых отверстия (фрагментированы) для крепления рамки к поясу. На обеих плоскостях пряжка имела гравировку в виде коротких линий[89]. Ее длина – около 4,5 см. В районе живота находилась костяная клюшковидная подвеска с отверстием для подвешивания» (*Ильюков, Магомедов*, 2010, с. 48). Ситуация с пряжкой и подвеской, которая, скорее всего, имитировала зуб оленя, либо им и являлась (илл. 36, *4*), аналогична прослеженной в предыдущем

[88] Работа с этой вещью «вживую» показала, что декора на пряжке нет. За него были приняты естественные разрушения поверхности изделия (см. главу 5).

[89] Здесь, как и в случае с предыдущей пряжкой из комплекса Гертма III 5/1, узора, скорее всего, в действительности не было, и мы опять имеем дело с естественными процессами разрушения поверхности пряжки. Следует отметить, что с этой поясной деталью натурно поработать не удалось, но мы взяли на себя смелость поправить рисунок (илл. 36, *2*), представленный в публикации (*Ильюков, Магомедов*, 2010, рис. 2, *1*), благо, во-первых, есть неоспоримые данные по поводу отсутствия декора на пряжке из к. 5 п. 1 мог. Гертма III (илл. 34, *2, 3*), а, во-вторых, имеется достаточно четкое фото изделия из комплекса Гертма III 6/3, на котором нет никаких признаков наличия орнаментации (илл. 36, *3*).

комплексе из Гертмы. Оба предмета были составляющими единой поясной гарнитуры.

3.2. Гинчинская культура

Поселение Ирганайское I. Памятник расположен на участке первой надпойменной террасы в 5,5 км к юго-западу от с. Ирганай Унцукульского района Республики Дагестан, на правом берегу р. Аварское Койсу (илл. 2). С запада и юга поселение ограничено глубоким оврагом, размытыми горными потоками, а с востока скалистой возвышенностью (*Атаев Г.*, 2016). Памятник в течение ряда лет раскапывался Г.Д. Атаевым и Р.Г. Магомедовым.

В 1991 г. Ирганайской новостроечной экспедицией под руководством Г.Д. Атаева в слое было обнаружена пряжка (илл. 66, *4, 5*) (*Атаев Г.*, 1991; 2018, рис. 1, *38*). Она происходит из культурного слоя (раскоп IX, кв. Г-20, штык 11) (*Ильюков, Магомедов*, 1990, с. 50). «Пряжка фрагментирована, сохранился щиток с поперечным боковым отверстием. Лицевая поверхность украшена циркульным орнаментом. Поверхность щитка с внешней стороны выпуклая, обе боковые стороны вогнуты. Внутренняя сторона щитка вплотную примыкает к кольцевой рамке (фрагментирована). Место стыка щитка и рамки с двух сторон обозначено двумя роговыми выступами, расположенными по сторонам рамки… Лицевая поверхность щитка украшена тремя рядами циркульного орнамента, тыльная сторона гладкая. Размер щитка – 2,3х1,7 см. Внешний диаметр рамки – около 2 см» (*Ильюков, Магомедов*, 2010, с. 50).

В 2003 г. этой же экспедицией было обнаружено костяное изделие, которое в отчете было названо «заготовка для костяной пряжки с двумя отверстиями» (*Атаев Г.*, 2003, с. 21) и через 15 лет опубликовано в серии других пряжек Северо-Восточного Кавказа (*Атаев Г.*, 2018, рис. 1, *39*). Оно найдено в раскопе IV на глубине -35 см в 1,5 м к северо-западу от каменной постройки. К сожалению, вживую с изделием поработать не удалось. Описания поясной детали и каких-либо комментариев к ней в публикации нет. Судя по рисунку[90] (илл. 66, *6*), изделие вырезалось из фрагмента трубчатой кости. В верхней части планки были сделаны два отверстия для крепления глухого конца ремня. По всей видимости, кольцо для захлестывания мастер только начал резать и по каким-то причинам бросил, поэтому остались недоделанными не только кольцо, но и, возможно, элементы декоративного оформления. Длина изделия составляет 4,6 см, ширина – 2 см. О том, что перед нами именно недоделанная пряжка свидетельствует и абрис предмета. В месте, где должно было находиться кольцо, изделие сделали более широким и тем самым наметили контур будущей поясной детали (илл. 66, *6*).

Могильник Ирганайский 1 находится в 100 м к западу от поселения Ирганайское I (илл. 2). Их разделяет узкое ущелье, которое представляет собой горную селевую протоку. Некрополь исследовался в 1958–1960 гг., 1986 г. экспедициями под руководством Д.М. Атаева, М.Г. Гаджиева, М.Н. Погребовой (*Атаев Г.*, 2001, с. 4, 5). Раскопки интересующего нас склепа 1 кургана 1 мог. Ирганайский 1, где была обнаружена пряжка, были проведены Ирганайской новостроечной археологической экспедицией в 1988, 1990 и 2001 гг. под руководством Г.Д. Атаева и Р.Г. Магомедова (*Магомедов*, 1990, с. 44; *Атаев Г.*, 2001).

Курган 1[91] *склеп 1.* Насыпь имела высоту 1,7 м, ее диаметр –18 м (илл. 37–39). В центре насыпь имела воронкообразное углубление – остатки грабительской ямы. Поверхность насыпи была покрыта каменным панцирем (илл. 37, 38), в ее теле также находились камни мелких и средних размеров (илл. 39, *2*), которые частично формировали сплошные завалы (*Атаев Г.*, 2001, с. 9). Под насыпью, в западной части кургана, обнаружены два ка-

[90] В отчете и публикации дан очень плохой и неясный в деталях рисунок. При отсутствии и хотя бы минимального описания, мы взяли на себя смелость немного поправить рисунок. Возможно, какие-то детали указаны нами неверно – результат того минимума информации, на который мы вынуждены опираться.

[91] В источниках можно встретить название для этого объекта – «Большой Ирганайский курган» (*Атаев Г.*, 2001, с. 7).

менных сооружения, которые сохранились в виде полуколец (илл. 37, 39, *1*). Они представляли собой две изогнутые параллельные стенки, сложенные из валунов крупных размеров. В нескольких местах камни положены в системе постелистой кладки. Внешняя конструкция, по мнению Г.Д. Атаева, «является как бы крепидой основания первоначальной насыпи поверх склепа» (*Атаев Г.*, 2001, с. 19). Второе полукольцо (внутреннее) было утроено на уровне древнего горизонта и являлось кромлехом, который с запада окружал склеп 1 (илл. 37, 39, *1*)[92]. Камни в этом сооружении были уложены в один ярус.

Таким образом, процесс возведения монументальных сооружений над склепом 1, где была обнаружена пряжка, можно реконструировать следующим образом. Первоначально вокруг него на уровне древнего горизонта был сооружен кромлех. Затем он и погребение были перекрыты насыпью, на полах которой была устроена крепида.

В Большом Ирганайском кургане были обнаружены две погребальные конструкции. Одна из них представлена каменным ящиком, сложенном из четырех известняковых вертикальных плит и установленных в яму. Сооружение располагалось у восточной полы кургана (илл. 37, 39, *1*). Находок и скелетных останков в ящике не обнаружено. Сложно сказать, с чем в данном случае мы имеем дело: с сопровождающей склеп 1 могильной конструкцией, либо с более поздним погребением, устроенном в насыпи кургана?

Основным захоронением, с которым были связаны насыпь и каменные монументальные сооружения (крепида и кромлех), был склеп 1. Он располагался в восточном секторе в районе топографического центра кургана (илл. 37, 39, *1*). «Для его строительства в древности был вырыт в материке котлован. Внутри последнего построена погребальная камера прямоугольной формы с ориентировкой длинной оси по СВ–ЮЗ (размеры камеры 1,20×1,90 м). Стены камеры сделаны из больших плит, частью сложенных плашмя друг на друга, частью поставленных на ребро. Высота стен ок. 1,7 м. Камера перекрыта мощной монолитной сланцевой плитой. В верхней части ЮЗ стены камеры устроен входной лаз в камеру в виде узкого коридора-дромоса длиной 1 м. Дромос также перекрыт большой монолитной плитой. С внутренней и внешней стороны проем для лаза был полностью закрыт каменными плитами. Погребальная камера оказалась сильно потревоженной грабителями, проникшими внутрь, проделав отверстие в покровной плите» (илл. 40, 41) (*Магомедов*, 1990, с. 44). Стены усыпальницы были сложены комбинированной кладкой, сочетающей элементы постелистой (камни уложены плашмя рядами) и офростатной (камни установлены на ребро) систем строительства (илл. 41, *3*).

Человеческие кости (по предварительными расчетам они относились к трем скелетам, в т.ч. и ребенку) были сосредоточенными в юго-западной половине склепа (илл. 40, *1*, 41, *1*) (*Магомедов*, 1990, с. 44). Подсчет велся по фрагментам черепов, но, судя по посткраниальным останкам «кости, по всей видимости, принадлежали бóльшему числу покойников» (*Атаев Г.*, 2001, с. 12). Скелетный материал фрагментирован и перемешан. Это связано как со склеповым характером гробницы, так и с достоверно зафиксированным ограблением могилы.

В склепе обнаружен разнообразный и многочисленный инвентарь. Вдоль юго-восточной стены были установлены около десятка глиняных сосудов (илл. 42, *1–9*). В погребении обнаружены 5 кремневых наконечников стрел с выемкой в основании (илл. 42, *12*), четыре из которых располагались в юго-западном углу конструкции. Из материалов склепа происходят также украшения: большое количество бисера, бус и подвесок из фаянса, сердолика, сурьмы(?), зубов животных, двухлопастная бронзовая подвеска (илл. 42, *13–16*)

[92] Г.Д. Атаев предполагает, что отсутствие частей крепиды и кромлеха, которые первоначально были кольцевыми, в южной и восточной частях курганной насыпи (илл. 37, 39, 1) обусловлено тем, что сооружения могли быть повреждены при разведочных проходах техники в самом начале исследования Большого Ирганайского кургана (*Атаев Г.*, 2001, с. 19, 20).

(*Магомедов*, 1990, с. 44; 1998, рис. 121; *Атаев Г.*, 2001, с. 16, рис. 45, 46).

По данным отчета можно установить расположение пряжки в могиле (*Атаев Г.*, 2001, рис. 16, 17). Она была обнаружена в 0,8 м к СЗ от центральной части юго-восточной стенки склепа (илл. 41, *1*) в его придонной части, на 10 см выше уровня дна. Поясная деталь находилась рядом с эпифизом бедренной кости взрослого человека в месте его сочленения с тазом. Однако этот факт не имеет значения ни с точки зрения первоначального расположения ремня на поясе умершего, ни принадлежности изделия взрослому индивиду ввиду склепового характера гробницы, которая к тому же подверглась ограблению.

Пряжка, изготовленная из клыка кабана, состояла из широкой планки, в который были просверлены два отверстия. Нижняя ее часть оформлена в виде крыловидных выступов. Ниже планки располагалось кольцо с двумя округлыми выступами. Длина изделия – 3,8 см, диаметр кольца – 2 см (илл. 42, *10, 11*). Интересна система крепления глухого конца ремня. В торцевой части планки первоначально был вырезан паз с использованием естественной полой части сырья (клык кабана), в котором фиксировался пояс намертво при помощи дополнительных отверстий, находящихся в одной плоскости с кольцом. Впоследствии его часть обломилась или ее обломили в процессе изготовления (см. главу 5).

Могильник Гатын-Кале расположен в 3 км к СЗ от с. Асламбек-Шерипово (бывшее сел. Гатын-Кале), близ шоссейной дороги, ведущей из сел. Шатой к с. Шаро-Аргун, Шатойский район, Чеченская Республика (илл. 2). Памятник занимает небольшой участок плоскогорья, «слегка понижающегося в восточной части к лощинке, по дну которого бежит ручей… С южной стороны плоскогорье резко обрывается каньоном р. Верды-Ахе» (*Марковин*, 1963, с. 51). В 1956–1959 г. памятник исследовался Аргунским отрядом Северокавказской археологической экспедиции Института археологии РАН, Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы и республиканского музея краеведения г. Грозный под руководством В.И. Марковина (*Марковин, 1963; Виноградов, Марковин*, 1966, с. 69)[93].

Погребение 7 совершено в склепе. Он имел прямоугольную форму и был сориентирован по линии северо-запад – юго-восток (илл. 43, *1*), его размеры – 2,05×1,75 м, глубина могилы – 1,3 м. Стены склепа сложены из каменных плит в 10–13 рядов (илл. 43, *2*). В могиле зафиксирована сложная стратиграфическая картина. Склеп, начиная с глубины 0,3 м и до 1,3 м, был насыщен скелетным материалом и многочисленным инвентарем. В сооружении обнаружены остатки не менее чем 12 индивидов[94]. В публикации автор выделил в исследованном объекте три уровня фиксации по глубинам: 0,3–1 м (1-й уровень), 1–1,2 м (2-й уровень), и 1,2–1,3 м (3-й уровень) (*Марковин*, 1963, с. 58–69).

Две костяные пряжки выявлены на 1-м уровне фиксации (илл. 43, *1*)[95]. В этом условном ярусе обнаружены черепа 8 индивидов, т. е. он является самым насыщенным в отношении последующих уровней, где обнаружены останки только 4 человек. Впрочем, это неудивительно, потому что толщина 1-го уровня составляет 0,7 м, в то время как для

[93] В статье 1963 г. В.И. Марковина могильник фигурирует под названием «Гатын-Кале» (*Марковин*, 1963). В своде археологических памятников Чечено-Ингушской АССР, опубликованном тремя годами позже, он значится как «Гатын-Калинский 2-й могильник» (*Виноградов, Марковин*, 1966, с. 69). Далее мы будем использовать название памятника так, как он представлен в основополагающей статье В.И. Марковина (1963).

[94] Учет В.И. Марковин вел по черепам. Однако, даже из беглого ознакомления с планами, которые приведены в публикации, хорошо видно, что индивидов в могиле было больше.

[95] В связи с этим мы посчитали излишним давать чертежи последующих уровней фиксации и находки из них, тем более что они есть в публикации (*Марковин*, 1963, с. 62–69). Принципиально новой информации в отношении пряжек эти данные не несут, поэтому здесь стоит ограничиться только кратким описанием материалов, обнаруженных на глубине 0,3–1 м и упоминанием в тексте ситуации с нижних ярусов.

нижележащих ярусов этот показатель составляет 0,2–0,1 м[96].

На первом уровне кости людей анатомического порядка не имели (илл. 43, *1*). Большая их часть была сосредоточена в юго-западной части могилы и примыкала к юго-западной и юго-восточной стенкам склепа. Здесь обнаружены три черепа и большое количество длинных и тазовых костей. Еще 4 черепа располагались впритык к северо-западной стенке склепа. Интересно, что здесь фактически нет других костей, за исключением фрагментов двух бедренных костей, в отличии от юго-западного скопления, где, как уже отмечалось, преобладают именно длинные кости[97].

Большая часть инвентаря в гробнице представлена посудой (илл. 44, *3–11*). Преимущественно она была сосредоточена у северо-западной стенки склепа и только два из них (один в другом) находились у северного края юго-западного скопления скелетных материалов. Бóльшая часть сосудов имела петлевидные ручки, упоры и обмазку части тулова, которые характерны для кавказской традиции (илл. 44, *5–11*). Среди костей в юго-западной части склепа обнаружены костяные пряслица (илл. 44, *1, 2*), бронзовая височная подвеска (илл. 43, *5*) и бронзовый браслет (илл. 43, *6*). Из публикации В.И. Марковина следует, что в материалах 1-го уровня фиксации, о котором и идет речь, найдены две планочные пряжки (илл. 43, *3, 4*). Их расположение по данным публикации следующее. Одна из них нанесена на план 1-го яруса погребения (*Марковин*, 1963, рис. 5, *1*), т. е. она находилась вблизи северо-западного угла склепа, в районе скопления сосудов у северной стенки (илл. 43, *1*). Расположение второй поясной детали в статье не указано, но есть описание места находки в тексте. В работе указано, что «в западном углу склепа, возле выступающей каменной плиты, была найдена костяная подвеска, вероятно, также относящаяся к костяку IV[98]» (*Марковин*, 1963, с. 62). Как несложно заметить, этот череп находится в том же районе, где и показана одна из пряжек. Если привязываться к информации В.И. Марковина («костяк IV»), то станет очевидным, что обе пряжки находились недалеко друг от друга, у северо-западного угла каменного ящика.

Обе поясные детали имели фактически идентичную морфологию (илл. 43, *3, 4*). В.И. Марковин назвал их подвесками (*Мар-*

[96] При этом необходимо отметить, что В.И. Марковин и на 1-м уровне фиксации разделял скелетные останки по глубинам, используя разную заливку (белую, черную и штрихованную) (*Марковин*, 1963, рис. 5, *1*). Высотных отметок в публикации нет, но по чертежу хорошо видно, что кости черного цвета залегали над костями с белой заливкой, а те, в свою очередь, перекрывали заштрихованные скелетные материалы (илл, 43, *1*). Для 3-го условного уровня фиксации есть два плана (*Марковин*, 1963, рис. 11, *1, 5*), т. е. фактически он распадается еще на два яруса, назовем их 3А (верхний) и 3Б (нижний, на дне).

[97] Следует отметить, что на 1-м и 2-м уровне фиксации человеческие кости анатомического порядка не имели (*Марковин*, 1963, рис. 9, *1*). На уровне 3А ситуация уже комбинированная. Здесь зафиксированы скелетные материалы не менее двух индивидов: кости одного из них явно были смещены, а кости другого в подавляющем большинстве, за исключением голеней и левого предплечья, сохранили анатомический порядок (*Марковин*, 1963, рис. 11, *1*). На уровне 3Б (дно могилы) обнаружены два костяка, которые находились в полном анатомическом порядке (*Марковин*, 1963, рис. 11, *5*). Создается впечатление, что мы имеем дело со свидетельствами более поздних по отношению к скелетным материалам, проникновений в могилу, которые привели к смещению костей в ярусах 1 и 2. Если бы этих вторжений не было, например, скелеты интересующего нас 1-го уровня фиксации (илл. 43, *1*) должны были сохранить анатомический порядок. Можно, конечно, обсуждать вопрос о том, что скелетные останки двух верхних ярусов могли быть помещены туда после распада мягких тканей (выставление и т. д.), но тогда становится непонятным, почему в склепе, который представляет собой единую погребальную традицию, на двух нижних уровнях костяки находятся в анатомической комплектности. Это подтверждают и материалы других гробниц могильника Гатын-Кале. Если подзахоронения не совершались, т.е. в могиле находился один скелет, то он сохранял зачастую свое первоначальное положение (*Марковин*, 1963, рис. 1, *1,* 4, *1*, 12, *5*, 14, *4*, 18, *2*, *10, 29*, 1, 30, *5*).

[98] По всей видимости, речь идет не о костяках, а о черепах. Как уже отмечалось, на первом уровне фиксации скелетные материалы не имели анатомического порядка (илл. 43, *1*) и учет В.И. Марковин вел по черепам. Он связывает находку второй пряжки с черепом IV (мы специально его выделили синим цветом (илл. 43, *1*)).

ковин, 1960, с. 65, рис. 27, *8*; 1963, с. 62). Пряжки состояли из длинной планки и кольца. Малые отверстия, предназначенные для крепления глухого конца ремня, находились в одной плоскости с кольцом. Длина изделий 5,5 см, диаметр колец – 2,5 см.

Погребение 30 совершено в массивном склепе. Он имел прямоугольную форму и был вытянут по линии северо-запад – юго-восток (илл. 45, *1–3*). Сложен из каменных плит в девять-десять рядов в системе постелистой кладки (илл. 45, *4*), «кроме южной стены, которая имела три-четыре ряда камней, причем нижние из них были поставлены на ребро» (*Марковин*, 1963, с. 91). На 1-м уровне фиксации (глубина – 0,15–0,7 м) (илл. 45, *2*) находились отдельные человеческие кости, фрагменты лепной керамики, обушок каменного топора (илл. 46, *1*). На этом же уровне, на глубине 0,4–0,45 м, в западной части могилы, обнаружен скелет собаки (илл. 45, *1, 2*). На глубине – 0,5 м, в южной части склепа, находилась костяная кольцевидно-узкопланочная пряжка (илл. 45, *1, 2*), которую В.И. Марковин также называет подвеской «в виде колечка на стерженьке» (*Марковин*, 1963, с. 91). На втором уровне фиксации (глубина -0,8–1,05 м), в районе северо-восточного угла склепа, зафиксировано скопление смещенных костей, в том числе черепа и длинные кости (илл. 45, *1, 3*). У западной стенки склепа находился костяк крупного мужчины. Он лежал вытянуто на спине и черепом был ориентирован на СЗ. Руки были вытянуты вдоль тела, правая слегка согнута в локте, ноги также находились в вытянутой позиции и параллельны друг другу. Голова и голени были уложены на каменные плитки. На костях правой руки и правой ноги зафиксированы следы охры. На 2-м уровне фиксации обнаружен разнообразный инвентарь. Он включал лепную посуду (илл. 46, *6–13*), бронзовые и фаянсовые украшения (илл. 46, *4, 5*), а также еще один каменный топор (илл. 46, *2*).

Как уже отмечалось, пряжка находилась на 1-м уровне фиксации. Она имела кольцо, нижняя часть которого не сохранилась, и длинную планку (илл. 46, *3*). Особенностью изделия является то, что планка имела фигурную форму. В районе ее середины оформлен перехват, который четко делит планку на две равные части. Малое отверстие для крепления глухого конца пояса находится в одной плоскости с большим. Длины сохранившейся части пряжки – 4,7 см, реконструируемый диаметр кольца – 2 см.

Могильник Гинчи располагается в центральной части северо-западного нагорного Дагестана в Гидатлинской долине, образованной западными отрогами хребта Нукатль и рекой Гидерил-Ор (правый приток р. Аварское Койсу), в 3 км к востоку от сел. Тидиб Шамильского района Республики Дагестан (илл. 2). Памятник раскапывался с 1956 г., 1959–1963 гг. Горным отрядом Дагестанской археологической экспедиции Института истории, языка и литературы[99].

Склеп 2[100] имел в плане почти правильную круглую форму диаметром 3,7–3,4 м (илл. 47–51). Стенки склепа сложены из больших необработанных камней. Высота стенок – 1–0,7 м. Их основание возведено из массивных плит, поставленных на ребро. Выше конструкция сложена из камней более мелких размеров в системе постелистой кладки. Пол склепа представлял собой в северо-восточной части естественный выход скалы. Вход в сооружение был устроен в северной части. Он был оформлен в виде стенки, вытянутой по линии северо-восток

[99] В 1956 г. отрядом руководил М.И. Пикуль, в 1959, 1960 гг. – Д.М. Атаев, 1961–1963 г. – М.Г. Гаджиев. Материалы могильника опубликованы в монографическом исследовании (*Гаджиев*, 1969). Кроме того, в работе в качестве руководителей принимали участие В.М. Котович, А.Г. Гаджиев и М.Н. Погребова. В публикации М.Г. Гаджиева указано, что работы проводились в Советском районе. На момент выхода книги он действительно так и назывался, потому что в 1960 г. Кахибский район был переименован в Советский, а в 1994 г. он стал называться Шамильским.

[100] Этот комплекс исследовался в 1956 и 1960 гг. Основное и полное исследование склепа было осуществлено в 1960 г. (*Гаджиев*, 1969, с. 20). Информация о нем содержится в отчете (*Атаев Д., Гаджиев, Погребова*, 1960) и в монографии (*Гаджиев*, 1969, с. 20–32).

– юго-запад (илл. 51), ее длина – 1,3 м, ширина входа составляла 0,6 м. Гробница была нарушена поздними перекопами.

Склеп был довольно плотно наполнен археологическими материалами. М.Г. Гаджиев выделяет в комплексе три яруса обнаружения скелетных останков и артефактов: верхний, средний и нижний (*Гаджиев*, 1969, с. 20–32), которые по данным чертежей отчета (*Атаев Д., Гаджиев, Погребова*, 1960), можно разделить на четыре уровня фиксации (илл. 47–51)[101].

Описание целесообразно дать с нижнего (четвертого) уровня (илл. 51). У стенки, с юго-восточной ее стороны, были обнаружены человеческие кости. Судя по черепу и нижним челюстям, здесь находилось не менее трех индивидов. Бóльшая часть костей анатомического порядка не имела.

Позже (3-й уровень фиксации) к стенке, которая маркировала вход, с юго-востока, была пристроена Г-образная каменная конструкция, которая большей частью состояла из каменных плит, установленных на ребро (илл. 50). Эта пристройка превратила стенку входа одновременно в стенку каменного ящика. Он вытянут по линии северо-восток – юго-запад, размеры камеры – 1,3×0,7 м. Внутри него находились скелетные останки, которые анатомического порядка не имели. Среди них лежал один череп. Здесь же обнаружены сосуды и фрагменты керамики. У юго-восточной (длинной) стенки ящика, с внешней стороны, также находились кости людей без анатомического порядка. Судя по количеству черепов, здесь были кости не менее чем двух индивидов, а также керамика и подвески из раковины. В этой части также обнаружены камни, поставленные на ребро, которые представляли собой стенку. Она перпендикулярно примыкала к юго-восточной стенке ящика. Иными словами, здесь к основному ящику была пристроена еще одна небольшая секция, размерами 0,7×0,6 м, куда были помещены индивиды и находки. У юго-западной (короткой) стенки основного ящика на 3-м уровне фиксации находилась часть скелета человека, представленная длинными костями, нижней частью позвоночного столба и тазом. Последние находились в анатомическом сочленении. Скорее всего, эти кости принадлежали одному индивиду. Еще три скопления человеческих костей располагались в юго-западной части склепа (илл. 50). Бóльшая часть скелетных материалов анатомического порядка не имела. Однако некоторые кости сохранились в первоначальном сочленении. Судя по ним и находке черепа, можно утверждать, что, по всей видимости, три скопления костей принадлежали трем индивидам. Они сопровождались керамикой, подвесками из раковин, костяным наконечником стрелы.

Позже (2-й уровень фиксации) каменный ящик подвергся перестройке (илл. 49). Была построена новая длинная стенка, ориентированная по линии северо-запад – юго-восток. По этой же линии оказался ориентирован и весь ящик. Размеры камеры составили 1×0,35 м. Внутри нее находилось скопление костей, судя по черепам, не менее чем двух индивидов, а также развал сосуда.

На последнем этапе функционирования склепа (1-й уровень фиксации) место ящика было перекрыто крупными плитами (илл. 48). На него был уложен человек, скелет которого сохранил анатомический порядок. Он лежал на левом боку, черепом ориентирован на северо-восток. Колени фактически были прижаты к груди. Руки протянуты к ногам, кости покоились в районе таза. За спиной был обнаружен фрагмент пряслица. Разрозненные кости людей, в том числе два черепа, были обнаружены в юго-западной части склепа. Здесь же находились фрагменты керамики и сосуды.

Инвентарь, обнаруженный в склепе, представлен керамикой, характерной для гинчинской культуры с петельчатыми ручками, обмазкой и характерной орнаментацией (илл.

[101] Далее даются общие наши представления о том, как был устроен склеп на основании анализа данных отчета и монографии. Суммарной картины в обоих источниках нет. Там есть подробные описания, но без реконструкции истории функционирования гробницы. Мы далеки от мысли, что осветили все детали этого процесса. Но всегда можно сравнить нашу реконструкцию с первоисточниками: отчетом и монографией (*Атаев Д., Гаджиев, Погребова*, 1960; *Гаджиев*, 1969, с. 20–32) и проверить ее достоверность.

52, *7–17*, 53, *1–7*), костяными пряслицами (илл. 52, *3*), наконечником стрелы (илл. 52, *2*), подвесками из раковин (илл. 52, *4*), каменными (илл. 52, *5, 6*) и бронзовыми (илл. 53, *8–11*, *13*) украшениями, а также орудиями (илл. 53, *12*).

Из текста монографии и отчета довольно сложно понять расположение костяной пряжки в склепе. М.Г. Гаджиев относит её к погребению 22 и пишет, что она находилась «юго-западнее[102] этого отсека[103], у его стенки, где лежали кости скелета. Они находились на небольшой площадке (0,60×0,50 м), огражденной со всех сторон и перекрытой маленькими плитками. Череп лежал выше остальных костей скелета, к северо-западу от них. Инвентарь погребения состоял из глиняных горшков, трех костяных проколок и костяного колечка – подвески с отростком»[104] (*Гаджиев*, 1969, с. 28, 29). Такое описание больше всего соответствует нашему небольшому отсеку, который примыкал к основному ящику с юго-востока на 3-м уровне фиксации. Здесь совпадают размеры площадки, характер каменной конструкции и то, что внутри конструкции обнаружен один череп и два сосуда (илл. 50). Однако месторасположение пряжки на плане ни в отчете, ни в монографии не указано, поэтому место ее обнаружения – предположительно (илл. 50).

Костяная пряжка состояла из кольца и длинной планки (илл. 52, *1*). Длина изделия – 6,2 см, диаметр кольца – 2,4 см. Изделие имело малое дополнительное отверстие для крепления глухого конца ремня. Он располагалось на конце планки в перпендикулярной плоскости по отношению к большому отверстию.

Могильник Донифарс расположен на левом берегу р. Урух, между селениями Донифарс и Лизгор в Ирафском районе Республики Северная Осетия-Алания (илл. 2). Раскапывался В.Л. Тимофеевым в конце XIX в. (*Уварова*, 1900, с. 204–208). Характер комплекса до конца неясен. П.С. Уварова отнесла пряжку (илл. 66, *12*) к самой древней группе инвентаря исследованного могильника (1900, с. 206–207). Непонятны и размеры изделия, т. к. в публикации даны только фото без масштаба[105]. Однако, можно представить размеры этого изделия, потому что в тексте есть его описание П.С. Уваровой: «костяное кольцо с удлиненным придатком, имеющим круглое отверстие для подвешивания на одном конце. Кольцо… представляет изогнутую фигуру, стенки которой покрыты неправильно расположенными круглыми отверстиями. Кольцо это могло служить для натягивания лука» (*Уварова*, 1900, с. 207). Последнее утверждение вряд ли соответствует действительности на фоне уже вышеописанных кольцевидно-планочных пряжек. От себя заметим, что планка на конце имеет заметное расширение, где просверлено малое отверстие, которое находится в перпендикулярной плоскости по отношению к большому отверстию (илл. 66, *12*).

3.3. Великентская культура

Могильник Великент III. Входил в состав Великентского комплекса археологических памятников раннего и среднего бронзового веков, который располагался на юго-западной окраине сел. Великент Дербентского района Республики Дагестан (илл. 2). Комплекс памятников расположен на холмах, представляющих собой останцы второй древнекаспийской террасы. В настоящее время здесь известно два поселения и три могильника (*Магомедов*, 2000, с. 20). Интересующая нас пряжка происходит из материалов катакомбы 2 мог. Великент III, которая была исследована экспедицией Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН в 2003 г. под руководством Р.Г. Магомедова.

Катакомба 2 была обнаружена Р.Г. Магомедовым в ходе мониторинга памятника летом 2003 г. на восточном склоне холма Аб-

[102] Наверное, все-таки юго-восточнее.

[103] Речь, скорее всего, идет о нашем основном ящике.

[104] На чертеже еще хорошо опознаются подвески из раковины, о которых в тексте речи нет.

[105] Можно было бы предположить, что пряжка дана в масштабе 1:1, но это не так, потому что план изделия и вид сбоку явно представлены в разных масштабах (*Уварова*, 1900, рис. 177, 178).

дурагим-тепе. Здесь строительная техника повредила северо-восточный край камеры. В дальнейшем было проведено исследование всей ее площади.

Могильная конструкция представляла собой большую катакомбу Т-видной формы (илл. 54). К сожалению, входная шахта не сохранилась, она, равно как с свод, были разрушены еще в древности. Входной лаз завершался двухступенчатым спуском в камеру. Камера имела бобовидную форму и была вытянута по изогнутой линии по направлению северо-восток – юг. Ее размеры 5,6×3,5 м, высота свода не менее 1,5 м.

В камере было найдено очень большое количество останков умерших, которые заполняли все пространство (илл. 54). В могиле были обнаружены не менее 600 черепов и множество костей посткраниального скелета, не сохранивших анатомического порядка. Только у западной стенки камеры были зафиксированы отдельные части посткраниальных костяков в первоначальном сочленении.

Инвентарь насчитывал сотни единиц, и не имеет смысла приводить здесь все его иллюстрации. Это тема отдельного исследования, которое со временем сделает автор раскопок. Время эксплуатации катакомбы охватывает интервал от ранней до конца средней бронзы, а, возможно, и позже. С любезного разрешения Р.Г. Магомедова мы приведем только некоторые вещи, которые можно связать с интересующим нас периодом, т.е. финалом средней бронзы. К ним относятся ковши, баночная посуда с упрощенной орнаментацией, сосуды с валиками и обмазкой, остроребер-ная посуда, и др. (илл. 55, *9–16*). Несомненными индикаторами финала среднего бронзового века является бородавчатый фаянсовый бисер, хронология которого сейчас для Восточной Европы и Кавказа детально разработана (*Мимоход*, 2012а; 2013, с. 191–199, илл. 79, I, *1–56*). В катакомбе 2 представлены бусы с тремя и четырьмя выступами (илл. 55, *4–6*), которые имеют хорошие аналогии в гинчинской, присулакской культурах, а также в культурном круге Бабино и Лола. Не противоречат датировке части великентских материалов и присутствие в них фаянсовых сегментовидных пронизей, сердоликовых бусин, бронзовых подвесок в 1,5 оборота и др. (илл. 55, *3, 7, 8*).

Надежным хроноиндикатором является и костяная пряжка (илл. 55, *1, 2*). Она была обнаружена у центральной части западной стенки камеры (илл. 54). Понятно, что как и в выше охарактеризованных случаях, когда поясные детали находятся в могилах-склепах, отнести ее к какому-либо индивиду невозможно, не говоря уже о том, чтобы установить ее месторасположение по отношению к какой-либо части скелета. Пряжка имела кольцевидно-планочную форму и два отверстия для крепления свободного и глухого концов ремня, расположенных в параллельных плоскостях (илл. 55, *1, 2*, 66, *11*). Планка имеет заметное расширение на конце, чем великентская пряжка близка изделию из Донифарса (илл. 66, *12*). Длина поясной детали – 4,6 см, ширина планки в месте крепления глухого конца пояса – 1,3 см, длина планки – 2,3 см, диаметр кольца – 2,4 см.

3.4. Памятники у г. Гёйгёль

Курганный могильник Ханлар располагается у р. Ганджа-Чай и Кушкар-Чай, которые являются притоками р. Куры. Он представляет собой огромное курганное поле, которое тянется от г. Гянджи на юг до с. Топалгасанли, между которыми находится г. Гёйгёль – районный центр одноименного района Азербайджана (илл. 2) (*Гуммель*, 1940)[106].

[106] В 1938 г. Наримановский район Азербайджанской ССР был переименован в Ханларский, с центром в г. Ханлар. В 2008 г. этому населенному пункту было дано название Гёйгёль, и район стал тоже Гёйгёльским. В работе Я.И. Гуммеля указано, что могильник тянется «от Кировобада до селения Еникенд (б. Топал-гасанлы)» (*Гуммель*, 1940, с. 5). В начале нынешнего века Кировобаду и Еникенду были возвращены их исконные названия Гянджа и Топалгасанли, соответственно. Что касается названия населенного пункта Ханлар, то у Я.И. Гуммеля есть пояснения на эту тему. Дело в том, на его месте в начале XIX в. находились развалины татарского селения Ханлыклар, на котором в 1818 г. выходцы из немецкого Вюртемберга основали поселение Еленендорф (*Гуммель*, 1940, с. 79), который в Азербайджанской ССР до 1938 г. был административным центром Наримановского района.

Памятник раскапывался Я.И. Гуммелем в период 1935–1938 гг.

Курган 18, погребение 1. Захоронение основное в кургане высотой 1,8 м и диаметром 12 м (илл. 56, *1*). Его сопровождала «культовая яма» с набором посуды. Погребение было перекрыто деревянным накатником из семи бревен, поверх которого был уложен слой галечника[107]. В захоронении обнаружены скелеты двух взрослых индивидов, один из которых находился в вытянутом на спине положении на дне могилы, черепом ориентирован на северо-запад. «Другой костяк лежал на 0,5 м выше дна, головою в той же половине могильной ямы. Ввиду плохой сохранности последнего костяка более точное его расположение установить не удалось» (*Гуммель*, 1940, с. 70). Иными словами, уже понятно, что речь идет о склепе и ярусным захоронением, о чем и пишет Я.И. Гуммель, указывая на то, что «весьма возможно, что мы имеем дело с семейным склепом» (*Гуммель*, 1940, с. 70). Инвентарь погребения содержал сосуды (илл. 57), бронзовые украшения (илл. 56, *6, 7*), обсидиановый наконечник стрелы с выемкой (илл. 56, *4*), бронзовое шило (илл. 56, *5*). Своеобразный предмет (илл. 56, *8*) найден у правого костяка с нижнего яруса. Я.И. Гуммель точно подметил его детали и описал его так: «Интересное изделие из кости в виде полого, несколько сплющенного цилиндра, поверхность которого украшена очень тонкой резьбой. На обоих концах цилиндра несколько сквозных отверстий для прикрепления. Возможно, что это ручка для посоха» (*Гуммель*, 1940, с. 72).

О месторасположении костяной пряжки в погребении и как это изделие рассматривал Я.И. Гуммель, лучше процитировать самого автора. Он пишет: «Судя по предметам могильного инвентаря, нижний костяк принадлежал мужчине, а верхний женщине… При женском костяке лежали бусы, маленькие бронзовые пуговицы с прямым стерженьком…, изделие из кости в виде зеркальца, небольшое бронзовое кольцо и один раздавленный глиняный кувшин» (*Гуммель*, 1940, с. 70). Иными словами, Я.И. Гуммель однозначно связывает костяную пряжку с верхним скелетом в ярусном захоронении. Вероятно, он прав, оценивая два ярусных костяка как разнополые по составу инвентаря (*Гуммель*, 1940, с. 70). Впрочем, точное месторасположение этого предмета по отношению к скелету верхнего яруса неизвестно[108].

Изделие принадлежит к кольцевидно-узкопланочным пряжкам. Оно состоит из длинной планки, на конце которой расположено малое отверстие (частично утрачено) для крепления глухого конца ремня и кольца, за которое захлестывался свободный конец пояса. Обе структурные детали находятся в одной плоскости (илл. 56, *3*). Длина предмета – 4,5 см, диаметр кольца – 1,7 см.

Поселение Ханлар 1 расположено на плато западной береговой террасы р. Ганджа-Чай (илл. 2). Раскопки проводились Я.И. Гуммелем в 1935–1937 гг. (*Гуммель*, 1940).

Костяная пряжка (илл. 66, *13*) происходит из сооружения 58, которое представляет собой многокамерное помещение с каменным основанием стен. Изделие обнаружено «в нижнем культурном слое и на грунтовом дне помещения» (*Гуммель*, 1940, с. 92). Автор описывает предмет как «вырезанное из кости колечко с ручкой, просверленной насквозь в несколько расширенном конце. По своей форме предмет похож на ручное зеркальце» (*Гуммель*,

[107] В своей монографии Я.И. Гуммель эти конструкции показал на схеме общего плана кургана. На нем каменное сооружение показано так, что напоминает кромлех (*Гуммель*, 1940, фиг. 27). Деревянный накатник тоже показан схематически так, что он больше напоминает столбовую конструкцию, нежели перекрытие. Однако эти недостатки с лихвой компенсируется текстом, где указано, что «могила 1 имела перекрытие в виде бревенчатого наката, над которым лежал мощный слой булыжников» (*Гуммель*, 1940, с. 69). Мы показали в плане деревянное перекрытие, благо начало и окончание бревен на схеме Я.И. Гуммеля показаны, а что касается слоя булыжников, то его назначение хорошо отражено в разрезе кургана, который представлен в публикации (*Гуммель*, 1940, фиг. 27). Из него следует, что речь идет о каменном кургане, сложенном из галечника, над погребением с деревянным перекрытием (илл. 56, *1, 2*), который был перекрыт земляной насыпью.

[108] Здесь стоит отметить, что определение Я.И. Гуммеля костяного изделия как зеркальца вызвано было, видимо, тем, что пол им был идентифицирован как женский на основании сопровождающих вещей.

1940, с. 93, 95). Пряжка из поселения относится к той же группе, что и из кургана, только имеет более приземистые пропорции. Она состоит из кольца и узкой планки (илл. 66, *13*). На конце последней просверлено малое отверстие для крепления глухого конца ремня. Оба отверстия находятся в одной плоскости. Длина изделия – 4 см, диаметр отверстия – 2,5 см.

§ 4. Другие культуры

4.1. Каменско-ливенцовская культура

Поселение Балка Хреева III располагается в 7 км к востоку-юго-востоку от восточной окраины станицы Тамань и в 5,3 км к юго-западу от западной окраины поселка Приморский Темрюкского района Краснодарского края (илл. 2). От берега Таманского залива памятник отстоял на 1,7 км к югу. Раскопки на поселении в 2016 г. провела экспедиция ОАО «Наследие Кубани» под руководством В.П. Мокрушина и Д.В. Кутукова (*Мокрушин*, *Кутуков*, 2016). Значительная часть коллекции относится к финалу средней бронзы. Она представлена преимущественно керамикой, каменными и костяными изделиями (*Кияшко, Ларенок*, 2020; 2023).

В серии костяных изделий этого поселения представлена оригинальная костяная крючково-планочная пряжка (илл. 67, *1, 2*) (*Кияшко, Ларенок*, 2020, рис. 2, 11; 2023, рис. 2, *1*). Она происходит из хозяйственной ямы (кв. Е-Ж 70, объект 1) (*Кияшко, Ларенок*, 2023, с. 158). А.В. Кияшко и О.П. Ларенок сначала рассматривают находку в качестве «неясного по назначению предмета в виде подпрямоугольного в сечении костяного предмета с встречным незаконченным сверлением в основании и двумя крючками на другом конце изделия, расположенными друг за другом остриями к основанию» (*Кияшко, Ларенок*, 2020, с. 99). Длина изделия – 7,4 см, максимальная ширина планки – 1,4 см. Позже авторы уже справедливо называют это изделие крючково-планочной пряжкой европейской традиции (*Кияшко, Ларенок*, 2023, с. 160).

4.2. Шагарская культура

Шагарский могильник располагается на низком береге оз. Шагара, входящего в систему Великих Озер Центральной Мещеры, у дер. Барское Спас-Клепиковского района Рязанской области (илл. 2). Интересующие нас погребальные комплексы с пряжками были исследованы в 1984, 1999 и 2000 гг. Мещерской экспедицией Государственного исторического музея под руководством Е.Д. Каверзневой (*Каверзнева*, 1984; 1999; 2000; 2003; 2012; 2017; *Каверзнева, Бобров, Борисов*, 2006).

Погребение 14. Могильная яма не прослежена. Скелет взрослого человека находился в вытянутом положении на спине, черепом ориентирован на северо-восток (илл. 58, *1, 2*). Череп был наклонен к левому плечу. Грудная клетка в удовлетворительной комплектности, позвоночный столб прямой. Руки были вытянуты вдоль тела. Ноги также располагались в вытянутой позиции и параллельны друг другу. Стопы слегка развернуты в противоположные стороны.

У левой голени находился развал округлодонного сосуда, который по всему тулову был орнаментирован оттисками штампа (илл. 58, *4*). Рядом, у левой бедренной кости, лежал камень подтреугольной формы[109]. Роговая фигурная крючково-планочная пряжка находилась в районе предплечья правой руки (илл. 58, *1–3*).

«К сожалению, это предмет был утерян в 1984 г. и сохранился только на полевой фотографии» (*Каверзнева*, 2003, с. 145, рис. *1, 4*). Абрис пряжки был прорисован в публикации по фото (*Каверзнева*, 2003, рис. 1, *5*). Так же поступили и мы. Взяв за основу фото из отчета (илл. 58, *3*), А.Н. Усачук сделал прорисов-

[109] Предмет напоминает внешними очертаниями орудие, но это не оно, что видно по фотографии (илл. 58, *2*), В тексте отчета камень не упомянут ни при описании погребения, ни при характеристике находок (*Каверзнева*, 1984).

ку-реконструкцию (илл. 58, *5*), которая передает основные детали пряжки, что делает возможным ее использование при последующих построениях.

Изделие относится к хорошо опознаваемой группе крючково-широкопланочных поясных деталей. Оно имеет выраженную планку с отверстиями для крепления глухого конца ремня (илл. 58, *5*). К сожалению, остается неизвестным, в связи с утерей вещи, был ли вырезан паз в планке[110], к которой крепился глухой конец ремня. Свободный конец фиксировался с помощью крючка овальной в плане формы, который находился в центре щитка, его размеры 1,5×1 см. Верхняя часть щитка оформлена в виде полуовала с выступающими концами. Длина пряжки – 4,5 см, ширина щитка – 2,8 см.

Погребение 46 парное (илл. 59, *1*). Могильная яма не прослежена. Умершие лежали вытянуто на спине и ориентированы черепами в противоположные стороны. Юго-восточный скелет, более мощный, лежал головой на юго-запад. Е.Д. Каверзнева не без оснований предполагает, что он принадлежал мужчине (*Каверзнева*, 1999, с. 54). Череп лежал на затылочной части лицом вверх. Позвоночный столб прямой. Руки были вытянуты вдоль тела и прижаты к туловищу. Кисть левой руки, скорее всего, находилась под тазом, а кисть правой руки располагалась на тазовых костях. Таз находился в положении, соответствующем позе «вытянуто на спине». Ноги были вытянуты и параллельны друг другу. Кости стоп перекрещены, правая перекрывает левую. Северо-западный скелет, более грацильный, предположительно, женский, ориентирован головой на северо-восток. Череп лежал на левом боку. Позвоночный столб прямой. Руки были вытянуты вдоль тела. Правая рука слегка согнута в локте, ее кисть находилась под правым крылом таза, кисть левой руки лежала под левым крылом таза. Он располагался в положении, соответствующем позе «вытянуто на спине». Ноги были вытянуты и параллельны друг другу, колени и стопы сведены.

В районе голеней и стоп северо-западного скелета лежали кости животных. У колена его левой ноги располагался остродонный лепной сосуд шагарского типа с желобчатым горлом, орнаментированный по всему тулову оттисками гребенчатого штампа (илл. 59, *2*) и костяная проколка (илл. 59, *6*). Слева от черепа юго-восточного скелета обнаружен еще один лепной сосуд. От него сохранилась верхняя половина. Горшок также имел желобчатое горло и был орнаментирован оттисками зубчатого штампа (илл. 59, *3*). На левой стопе умершего находилась костяная пряжка. В отчете это изделие было названо «крупным наконечником гарпуна из кости с одним зубцом» (*Каверзнева*, 1999, с. 55).

Крючково-планочная костяная пряжка имела планку, расширяющуюся к месту крепления глухого конца пояса, где находились не меньше одного отверстия, а, скорее всего, два, за которые ремень крепился намертво (илл. 59, *4, 5*). Свободный конец пояса захлестывался за крюк. Особенностью его расположения является то, что он находится не на конце пряжки, а на 2,4 см ниже его. Длина изделия составляет 10,2 см, реконструируемая ширина в месте максимального расширения планки – 2,7 см, длина всей планки – 6,7 см.

Погребение 52[111]. Могильная яма имела овальную форму и была вытянута по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. В могиле располагался скелет взрослого человека[112]. Он лежал в вытянутой на спине позиции и черепом ориентирован на юго-юго-восток[113] (илл. 60, *1*). Череп был немного наклонен к левому плечу. Грудная клетка хорошей сохранности.

[110] Вероятно, что да. Косвенным свидетельством этому является другая пряжка из Шагарского могильника, где этот вырез был, часть его впоследствии была утрачена (см. ниже) (илл. 60, *2*).

[111] В отчете этот комплекс фигурирует как погребение 46 (*Каверзнева*, 2000, с. 33, 34, рис. 143, 144), а в публикациях как погребение 52 (*Каверзнева*, 2003, с. 145, 146; *Каверзнева, Бобров, Борисов*, 2006, с. 222). Мы, в силу большей доступности опубликованных источников, будем использовать для этого захоронения № 52, тем более что по описи ГИМа оно значится тоже под этой цифрой. Это станет еще более правильным с учетом того, что погребение 46 охарактеризовано в отчете 1999 г., и это другой комплекс. Его описание было дано выше.

[112] Указано, что принадлежал «предположительно женщине» (*Каверзнева*, 2003, с. 145).

[113] В отчете и публикации ошибочно указана юго-западная ориентировка скелета (*Каверзнева*, 2000, с. 34; 2003, с. 145).

Позвоночный столб прямой. Руки были вытянуты вдоль тела. Сочлененья кистей и предплечий находились под крыльями таза. Ноги были вытянуты и параллельны друг другу. Автор раскопок указывает, что «по-видимому, … покойник был во что-то завернут и спеленат. Об этом свидетельствовало пятно светлого крапчатого песка, совпадающего по контуру с положением скелета, а также поза погребенного: руки прижаты к туловищу, колени сведены» (*Каверзнева*, 2003, с. 145). В районе черепа и коленных суставов зафиксированы небольшие пятнышки красной охры. У левого предплечья на ступнях обнаружены кости животных[114].

Между западной стенкой ямы и черепом находилась «плюсна медведя (?) с намеченной сверлиной» (илл. 60, *6*) (*Каверзнева*, 2000, с. 34). «В области шейных позвонков при разборке скелета обломанный костяной наконечник стрелы» (илл. 60, *7*) (*Каверзнева*, 2000, с. 34). У правой щиколотки обнаружена роговая крючково-планочная пряжка (илл. 60, *1*). По мнению автора раскопок это еще одно свидетельство того, что «покойный был спеленат и перетянут ремнем в ногах» (*Каверзнева*, 2003, с. 147). Фрагмент еще одной фигурной роговой пряжки был найден в области грудного отдела позвоночника и тоже при разборке скелета (*Каверзнева*, 2000, с. 34; 2003, с. 147)[115].

Роговая фигурная пряжка, которая была найдена в районе щиколоток умершего, относится к крючково-планочной группе (илл. 60, *2, 3*). Она состоит из планки, в которой были просверлены три отверстия и вырезан паз для крепления другого конца пояса, один конец которого сломался, а также щитка арковидной формы, в верхней части которого располагался крючок для крепления глухого конца ремня. Верхнюю часть щитка венчал морфологический элемент ромбовидной формы, размерами 1×0,8 см. Длина изделия – 5 см, ширина максимального расширения щитка – 2,3 см. Фрагмент второй пряжки представлял собой роговую фигурную пластину с четырьмя парными трапециевидными выступами, расположенными друг напротив друга (илл. 60, *4, 5*). Она «обломана по отверстию для подвешивания и с противоположной стороны» (*Каверзнева*, 2003, с. 147). Отверстие для подвешивания это ни что иное, как элемент для крепления глухого конца ремня, которое располагалось на конце планки. Остается только догадываться – одно там отверстие было или два, или больше. Понятно, что планка была узкой и, если бы были дополнительные отверстия, то они располагались бы ниже в вертикальный ряд вдоль нее, как это хорошо фиксируется на пряжке средневолжской абашевской культуры (см. ниже) (илл. 68, *3*). Верхняя часть изделия оказалась, к сожалению, тоже утраченной. На наш взгляд, именно там располагался крючок для фиксации другого конца ремня (илл. 71, *18*). Сохранившаяся длина изделия – 5,3 см, разлет выступов составил 3,8 см.

Погребение 109 было устроено в относительно узкой яме овальной формы, вытянутой по линии юго-восток – северо-запад. Размеры могильной конструкции – 2,25×0,58 м. Дно ямы плоское, стенки отвесные.

На дне могилы лежал скелет, который принадлежал мужчине 30–40 лет. Костяк находился в вытянутом на спине положении, черепом ориентирован на юго-восток (илл. 61, *1*). Череп лежал на затылочной части, лицевым отделом вверх. Позвоночный столб прямой. Руки вытянуты вдоль тела. Кисть правой руки находилась на эпифизе правой бедренной кости. Кисть левой руки располагалась рядом с сочленением левой ноги с тазом. Отмечен прижизненный перелом дистальной части левых лучевой и локтевой костей. Сращение произошло с сильным смещением, локтевая кость в результате сильно искривлена. Таз находился в положении, соответствующем позиции «вытянуто на спине». Кости ног вытянуты и параллельны друг другу. Левая голень сломана, и ее нижняя часть немного смещена. Стопы развернуты в противоположные стороны.

На черепе в области лобной кости обнаружено обломанное янтарное изделие (илл. 61, *2*). Под кистью левой руки, вплотную к сочленению левой бедренной кости и левого крыла таза, лежала костяная пряжка. Ее длинная ось, была

[114] В отчете и публикации нет данных об анатомическом и видовом составе костей.

[115] На плане погребения в отчете местоположение наконечника и фрагмента пряжки не указано (*Каверзнева*, 2000, рис. 139).

перпендикулярна линии позвоночного столба (илл. 61, *1*). Е.Д. Каверзнева определила назначение этого предмета как не вполне понятное. «Возможно, это фигурная поясная пряжка, которая могла использоваться для узкого пояска или украшение» (*Каверзнева*, 2012, с. 44).

Костяная кольцевидно-планочная пряжка представляла собой заполированное с обеих сторон изделие (илл. 61, *3, 4*). Планка имеет фигурно-выемчатые стороны, в ее центральной части вырезан узкий паз. Он заканчивается округлым малым отверстием, которое располагается в месте сочленения планки с кольцом. Противоположный конец планки обломан. Скорее всего, именно там располагались отверстие или отверстия для крепления глухого конца ремня. Свободный конец пояса захлестывался за кольцо. Сохранившаяся длина изделия составляет 8,1 см, ширина планки – 2,4 см, сохранившаяся длина планки – 5,3 см, реконструируемый диаметр кольца – 2,9 см.

Погребение 130 было устроено в яме подпрямоугольной формы, вытянутой по линии восток-юго-восток – запад-северо-запад. Размеры могильной конструкции – 2,5×0,96 м. Дно ямы плоское, стенки отвесные.

На дне могилы лежал скелет мужчины 40–50 лет, головой ориентированный на восток – юго-восток (илл. 62, *1*). Череп сохранился во фрагментах. Судя по их расположению, он лежал на затылочной части лицевым отделом вверх. Позвоночный столб немного искривлен в нижней части. Руки вытянуты вдоль тела. Кисть левой руки находилась под левым крылом таза. Кисть правой руки располагалась справа от эпифиза правой ноги. Таз находился в положении, соответствующем позиции «вытянуто на спине». Кости ног были вытянуты и параллельны друг другу. Стопы лежали вплотную друг к другу Стопа левой ноги сохранилась фрагментарно, стопа правой ноги лежала на боку и была немного повернута вправо. По мнению автора раскопок тело запеленали (*Каверзнева*, 2017, с. 36).

С запада к стопам примыкал набор изделий, которые лежали вплотную друг к другу. Он состоял из костяного наконечника гарпуна с двумя зубцами полной сохранности и выраженным насадом (илл. 63, *4*), разрезанного клыка животного (илл. 63, *2*), обломанного костяного изделия вытянутой формы (илл. 63, *3*). Здесь же находились кремневый выемчатый наконечник стрелы (илл. 63, *1*) и костяная пряжка (илл. 62, *2, 3*). Не исключено, что набор этих предметов был положен в ноги умершему в каком-то чехле, сделанном из органических материалов.

Костяная пряжка имела кольцевидно-планочную форму (илл. 62, *2, 3*). Она состояла из планки, посередине ее был вырезан узкий паз, на концах которого просверлены два маленьких округлых отверстия. Конец планки, примыкающий к кольцу, был оформлен в виде заоваленных уступов. На противоположном конце планки находилось еще одно малое отверстие для крепления глухого конца пояса. Верхний участок планки частично утрачен, но форма реконструируется достаточно четко. Длина пряжки составляет 13,5 см, длина планки – 10,1 см, ее максимальная ширина – 3,1 см, диаметр кольца – 3,3 см.

Поселение Шагара 1 непосредственно связано с Шагарским могильником (илл. 2). Раскапывалось одновременно с ним. Шагарский могильник располагался в пределах площади многослойного поселения Шагара 1 (*Каверзнева*, 2003, с. 145). В 2015 г. в поселенческом слое была обнаружена костяная пряжка, названная в отчете рыболовным крючком. Изделие частично окрашено охрой (*Каверзнева*, 2015, с. 75, рис. 42, 163).

Изделие относится к крючково-планочному типу (илл. 67, *7, 8*). Пряжка имела планку, расширяющуюся к месту крепления глухого конца пояса, где зафиксировано одно отверстие для крепления, возможно, их было больше. На противоположном конце планки находился крюк для фиксации свободного конца пояса. Пряжка имела выраженную Г-образную форму. Длина изделия не устанавливается, потому что нижняя его часть не сохранилась, верхний конец, где находится крючок, возможно, тоже утрачен. Длина сохранившейся части – 8 см. Нижняя часть крюка тоже не сохранилась, длина сохранившейся части – 3,8 см, диаметр отверстия – 0,6 см.

4.3. Средневолжская абашевская культура

Могильник Алгаши расположен на краю правого берега р. Сундырка (правый приток

р. Волга), в 0,5 км к западу от дер. Верхние Алгаши Моргаушского районе Республики Чувашии (илл. 2). В 1926–1927 гг. пять курганов этой группы были раскопаны П.П. Ефименко (*Ефименко, Третьяков*, 1961).

Курган 1, погребение 1. Захоронение основное в кургане. В публикации часть данных этого комплекса указаны в таблице. Из нее следует, что захоронение было совершено в яме размерами 1,75×95 см, глубиной 0,6 м, в которой находился один умерший, ориентированный черепом на юго-восток (*Ефименко, Третьяков*, 1961, табл.). В тексте статьи представлено и краткое описание комплекса: «На дне могильной ямы, в ее юго-восточной части лежали в беспорядке плохо сохранившиеся кости молодого мужчины: несколько длинных костей, положенных одна поверх другой накрест, рядом с ними челюсть с зубами; черепная коробка не сохранилась. Под костями было найдено несколько истлевших астрагалов овцы и кости…, имевших назначение игральных костей. Здесь найдена плохо сохранившаяся, быстро расслоившаяся на воздухе тонкая костяная поделка в виде кольца с отходящими от него пластинкой с двумя круглыми отверстиями, являвшаяся, по-видимому, принадлежностью пояса» (*Ефименко, Третьяков*, 1961, с. 57).

В публикации приведена прорисовка этого предмета из кости (*Ефименко, Третьяков*, 1961, рис. 8, *1*), которая не оставляет особых сомнений, что мы имеем дело с поясной деталью (илл. 68, *3*). Она состоит из хорошо опознаваемых структурных элементов: кольца для захлестывания свободного конца пояса и узкой длинной планки с двумя сохранившимися отверстиями для фиксации глухого конца ремня[116]. Длина сохранившейся части изделия – 4,4 см, диаметр кольца – 2,4 см.

4.4. Северобелорусская культура

Стоянка Асовец 2 расположена в районе Кривинского торфяника в низинной, местами заторфованной, береговой части большого зарастающего озера в Бешенковичском районе Витебской области Республики Беларусь (илл. 2).

Из материалов памятника происходит восемь костяных пряжек (*Чарняўскі Міх., Чарняўскі Макс.*, 2004; *Чарняўскі Макс.*, 2007; 2015). Шесть из них относятся к кольцевидно-планочным поясным деталям (илл. 68, *4–6, 9–11*), а две – к крючково-планочным изделиям (илл, 67, *9, 10*).

Из пряжек первой группы одна сильно фрагментирована. От пряжки сохранилась только часть планки, маленький фрагмент кольца и перемычка, соединяющая оба этих структурных элемента (илл. 68, *4*). По краям планки нанесены косые насечки. Длина сохранившейся части изделия – 3,3 см, ширина планки – 1,8 см.

Вторая фрагментированная пряжка состояла из полностью сохранившейся планки, в верхней части которой было просверлено малое отверстие для крепления глухого конца ремня. Планку, расширяющуюся в нижней части[117], и кольцо соединяла тонкая перемычка. Кольцо фрагментировано, частично сохранилась его верхняя часть (илл. 68, *5*). Длина сохранившейся части изделия – 4,9 см, максимальная ширина планки – 1,7 см, длина планки – 3,5, реконструируемый диаметр кольца – 1,8 см. По краям планки нанесены косые насечки.

От третьей поясной детали не полностью сохранилась только планка (илл. 68, *6*). Верхняя ее часть с отверстием для фиксации глухого конца пояса утрачена. Не сохранилось также и кольцо. В нижней части находился фрагмент тонкой перемычки, которая соединяла планку с утраченным кольцом. Длина сохранившейся части изделия – 2,6 см, максимальная ширина планки – 1,3 см. По краям планки нанесены косые насечки.

Все три описанные пряжки с пос. Асовец 2 имеют однотипные планки с плечикоподобным расширением в нижней части и короткие перемычки, которые соединяли их с

[116] Мы не знаем сколько отверстий на планке было в реальности, ее конец обломан.

[117] «Плечикоподобное расширение» по терминологии автора публикации (*Чарняўскі Макс.*, 2015, с. 239).

кольцом. Причем, все они имели одинаковый орнамент[118].

Из материалов стоянки происходит еще одна фрагментированная поясная деталь (илл. 68, *11*). Фактически полностью утрачено кольцо. От него сохранилась только небольшая часть, примыкающая к планке. Обломанным оказалось и окончание планки, где находилось малое отверстие для крепления глухого конца пояса. Планка имела фигурную форму. В ее центральной части располагались два симметричных выступа ромбовидной формы. Верхнюю часть планки, в конце которой расположено малое отверстие, можно охарактеризовать как каплевидную. На одну сторону нижнего ромбовидного выступа нанесены косые насечки. Длина сохранившейся части изделия составляет 5,4 см.

Две кольцевидно-планочные пряжки из слоя Асовца 2 сохранились полностью.

Поверхность одной из них хорошо заполирована. Изделие имело длинную планку с небольшим перехватом посередине и ребром посередине, на одном конце которой располагалось кольцо для захлестывания свободного конца ремня диаметром 1,9 см (илл. 68, *10*). На противоположном конце планки находились два маленьких отверстия, предназначенных для фиксации пояса намертво, одно из них обломано. Авторы публикации предполагают, что верхнее отверстие было сломано, после чего было просверлено нижнее отверстие (*Чарняўскі Міх.*, *Чарняўскі Макс.*, 2004, с. 28; *Чарняўскі Макс.*, 2015, с. 239). Планка, по всей видимости, в районе верхнего отверстия была подправлена после поломки. На изделие был нанесен орнамент в виде косых насечек по обе стороны планки. Длина пряжки составляет 10,2 см, длина планки – 8,2 см, ширина планки – 1,3 см.

Вторая полностью сохранившаяся пряжка имела планку трапециевидной формы, расширяющуюся в верхней части, где было прорезано отверстие для крепления глухого конца ремня (илл. 68, *9*). Свободный конец пояса захлестывался за кольцо диаметром 2,1 см. Длина изделия – 3,7 см, длина планки – 1,7 см, максимальная ширина планки – 1,2 см. На внешней стороне планки нанесен резной орнамент в виде косых насечек.

Две костяных пряжки из материалов стоянки Асовец 2 относятся к крючково-планочной группе (илл. 67, *9, 10*).

У одной из них обломан крюк (илл. 67, *9*). Пряжка имела планку, расширяющуюся к месту крепления глухого конца пояса, где зафиксировано одно отверстие для крепления. Длина сохранившейся части – 12,3 см, диаметр отверстия – 0,7 см, ширина в месте максимального расширения планки – 2,8 см. В нижней, расширяющийся части планки нанесен орнамент в виде косых насечек.

Вторая поясная деталь тоже сохранилась не полностью. У нее утрачено окончание планки и часть отверстия для крепления глухого конца пояса (илл. 67, *10*). Планка узкая, в районе отверстия немного расширяется. В верхней ее части находится крючок для фиксации свободного конца ремня. Длина сохранившейся части изделия – 11,7 см, диаметр отверстия – 0,7 см. По всей внешней поверхности планки, которая при ношении пояса была обращена наружу, нанесен резной орнамент. От отверстия до нижней части основания крючка он представлен косыми параллельными насечками. Верхняя часть изделия покрыта сетчатым декором.

Стоянка Асовец 7 расположена в районе Кривинского торфяника в низинной, местами заторфованной береговой части большого зарастающего озера в Бешенковичском районе Витебской области Республики Беларусь (илл. 2).

Из материалов памятника происходят три костяные кольцевидно-планочные пряжки (*Чарняўскі Міх., Чарняўскі Макс.*, 2004, с. 28,

[118] Еще два фрагмента, по всей видимости, подобных планок только без орнамента обнаружены на стоянке Кривина 1 (*Чарняўскі Макс.*, 2015, мал. 6, 10, 11), которая так же, как и пос. Асовец 2 и 7 расположены в районе Кривинского торфяника. С учетом сильной фрагментированности этих предметов, которая может предполагать и другие интерпретации их функционального назначения, они до проведения полноценного трасологического анализа оставлены за скобками нашего свода восточноевропейских планочных пряжек финала средней бронзы.

мал. 1, 2; *Чарняўскі Макс.*, 2015, с. 239, мал. 6, *1, 5, 6*). Все они сохранились не полностью.

Большая часть кольца одной поясной детали для крепления свободного кольца ремня утрачена. От него сохранилась только небольшой фрагмент, примыкающий к планке. Последняя имеет фигурную форму (илл. 68, *12*). Планка состоит из стержня сегментовидной формы, к которому с двух сторон примыкают симметричные выступы, которые авторы публикации назвали морфологическими элементами «в виде ласточкиного хвоста» (*Чарняўскі Мік., Чарняўскі Макс.*, 2004, с. 28). В верхней части планки сохранилось малое отверстие для крепления глухого конца пояса, обломанное в верхней части. Сохранившаяся длина изделия – 7 см, длина планки – 6,6 см, реконструируемый диаметр кольца – 2,9 см.

Планка второго изделия сохранилась полностью. Она имела фигурную форму и сужалась в верхней части, где было вырезано отверстие для крепления глухого конца ремня (илл. 68, *7*). Нижняя широкая ее часть была оформлена в виде двух симметричных выступов подтреугольной формы, опущенных вниз. От кольца сохранился только небольшой участок, примыкающий к планке. Длина сохранившейся части изделия – 2,3 см, длина планки – 1,8 см, реконструируемый диаметр кольца – 1,3 см. По периметру внешней стороны планки нанесены косые насечки.

Третья пряжка стоянки Асовец 7 имела фигурную зигзагообразную форму, которую ей придавали три треугольных выступа. Два из них располагались по сторонам планки, а третьим она заканчивалась. В последнем было просверлено отверстие для крепления глухого конца ремня (илл. 68, *8*). От кольца для захлестывания свободного конца пояса сохранилась примерно треть. Длина сохранившейся части изделия – 3,6 см, длина планки – 2,5 см, реконструируемый диаметр кольца – 1,7 см. По краям внешней стороны планки нанесен орнамент в виде косых насечек.

Таким образом, в финале средней бронзы в Восточной Европе и на Кавказе мы имеем 11 культурных образований, из материалов которых происходит планочная поясная гарнитура. Кольцевидно-планочные пряжки известны в лолинской, гинчинской, присулакской, великентской, протокобанской культурах и ВУКГ. Это пряжки кавказской традиции. Особняком в этой подборке стоят кольцевидно-узкопланочные изделия с территории Азербайджана (Ханларский археологический комплекс), которые по морфологии, параметрам и территории являются неотъемлемой частью кавказской серии, но датируются эпохой поздней бронзы. Крючково-планочные поясные детали европейской традиции представлены в ДДБК, каменско-ливенцовской культурах. К ней же следует отнести и кольцевидно-планочную поясную гарнитуру лесных восточноевропейских культур: СВАК, шагарской и северобелорусской.

ГЛАВА 3 Типология, культурно-генетические процессы и хронология

§ 1. Типология

1.1. Кольцевидно-планочные пряжки

Историографический аспект

Основы типологии этой категории изделий заложил С.Н. Братченко. В своей знаковой работе, посвященной пряжкам финала средней бронзы, он предложил критерии классификации кольцевидно-планочных пряжек (*Братченко*, 1995). Свою типологию исследователь построил на немногочисленных изделиях, происходящих из Предкавказья (илл. 64, *1*, 66, *3*), Северо-Восточного Кавказа (илл. 66, *7–10*), Закавказья (илл. 66, *13, 14*), Нижнего Подонья (илл. 64, *12*) и Среднего Поволжья (илл. 68, *3*), тем не менее она не потеряла своей актуальности до сегодняшнего дня. Он разделил пряжки на два типа. К кольцевидно-широкопланочному типу исследователь отнес поясные детали из комплекса Чограй VIII 34/1 (илл. 64, *1*) и Ирганайского кургана (илл. 66, *3*). Второй тип исследователь определил как кольцевидно-узкопланочный. В него были включены пряжки из мог. Гатын-Кале (илл. 66, *7–9*), Гинчи (илл. 66, *10*), Ханлар (илл. 66, *13, 14*) и Алгаши (илл. 68, *3*). Основой для разделения стала ширина планки.

В начале нынешнего века свод источников кольцевидно-планочных пряжек существенно расширился. А.А. Калмыков опубликовал небольшую серию поясной гарнитуры с территории Ставрополья (илл. 64, *5, 7, 8*) (*Калмыков*, 2005). В том же году вышла наша совместная с ним статья, где были рассмотрены все известные на тот момент кольцевидно-планочные пряжки лолинской культуры (илл. 64, *1–3, 5, 7, 8, 9, 14*) (*Калмыков, Мимоход*, 2005). В этой же работе была предложена типология этих изделий.

Л.С. Ильюков и Р.Г. Магомедов, публикуя пряжки из мог. Гертма III (илл. 66, *1, 2*) и Ирганайского поселения (илл. 66, *4, 5*), предложили разделить дагестанские изделия на две группы по системе крепления. К первой группе они отнесли пряжки с так называемой «перекрестной» системой крепления, т. е. когда отверстия для фиксации глухого и свободного концов ремня находятся в разных плоскостях и перпендикулярны друг другу. К ней была отнесен предмет из Ирганайского поселения (илл. 66, *4, 5*). Во вторую группу включены пряжки, у которых для крепления глухого конца пояса были просверлены два отверстия, и они находились в одной плоскости с кольцом. К ней отнесены изделия из мог. Гертма III (илл. 66, *1, 2*) и Ирганайского кургана (илл. 66, *3*).

Вопросы типологии кольцевидно-планочных пряжек неоднократно рассматривались одним из авторов на протяжении ряда лет (*Мимоход*, 2011; 2012; 2013, с. 104–124; 2018; 2018а; 2024).

Предлагаемая ниже типология аккумулирует все предыдущие и учитывает весь известный на сегодняшний день корпус источников. Важно заметить, что при выделении типов и вариантов использовались только структурные морфологические элементы, которые несли функциональную нагрузку.

Типология

Тип 1 представлен кольцевидно-широкопланочными изделиями (тип Чограй-Кевюды). В него включены четыре пряжки лолинской культуры (илл. 70, *1–4*), две пряжки присулакской культуры (илл. 70, *5, 6*), три пряжки гинчинской культуры (илл. 70, *7–9*) и одна поясная деталь северобелорусской куль-

туры (илл. 70, *10*)[1]. Типообразующими признаками для всех изделий являются широкая фигурная планка, на конце которой находится одно или два отверстия, а также кольцо для захлестывания свободного конца ремня (илл. 69, *1*). По системе расположения отверстий изделия типа 1 можно разделить на четыре варианта. К варианту 1 относятся пряжки, у которых отверстия расположены в перпендикулярных плоскостях (илл. 64, *1*, 66, *4, 5*), к варианту 2 – изделия, у которых кольцо и дополнительные отверстия располагаются в одной плоскости, т.е. параллельны друг другу (назовем эту систему «параллельной») (илл. 64, *4*, 66, *1, 2, 6*). Своеобразную систему крепления глухого конца ремня демонстрирует пряжка из комплекса Кевюды-1 3/5. Помимо отверстия, которое просверлено в перпендикулярной плоскости по отношению к кольцу, было сделано еще одно дополнительное отверстие с тыльной стороны изделия. Его канал был впущен в основное отверстие для крепления глухого конца пояса (илл. 64, *2*). Иными словами, эта система имела Т-образную форму. В этой связи кевюдскую пряжку есть смысл рассматривать в рамках варианта 3[2]. Наконец, к варианту 4 относится поясная деталь из Ирганайского кургана (илл. 66, *3*). Это единственная пряжка кавказской традиции, которая имеет систему крепления глухого конца ремня, сходную с европейской и известную по изделиям ДДБК и шагарской культуры (илл. 65, 67, *3, 4*). В планке поясной детали из Ирганайского кургана был вырезан паз, куда вставлялся конец пояса, который фиксировался через два малых отверстия, находившихся в одной плоскости с кольцом[3]. Однако, скорее всего, в данном случае мы имеем дело с системой, которую лучше назвать «псевдоевропейской». Дело в том, что наличие паза, который отсылает, прежде всего, к пряжкам Днепро-Донского Бабино было обусловлено не столько стремлением мастера вырезать паз, сколько полостью в клыке кабана, из которого изготавливалась поясная деталь (подробнее см. главу 5).

Тип 2 образуют кольцевидные изделия с Т-образной или комбинированной планкой (тип Ипатово-Типки). Шесть пряжек относится к лолинской культуре (илл. 70, *11–14, 17, 18*), одна к протокобанским древностям (илл. 70, *15)* и еще одна к великентской культуре (илл. 70, *16*). Типообразующими признаками являются кольцо и специфическая планка с отверстием для крепления глухого конца пояса (илл. 69, *2*). Планка несет в себе признаки, сочетающие черты широкопланочных и узкопланочных изделий. Она имеет широкую часть, в которой просверлено дополнительное отверстие и узкую, которая соединяет кольцо и широкую часть (илл. 69, *2*). Примечательно, что у всех изделий, за исключением пряжки из катакомбы 2 мог. Великент III (илл. 66, *11*), отверстие для крепления глухого конца пояса располагается в перпендикулярной плоскости по отношению к кольцу (илл. 64, *5–11*, 66, *12*). Иными словами, у типа 2 так же, как и у предыдущего, выделяются два варианта в зависимости от того, как расположено

[1] Несложно заметить, что за одним исключением все пряжки, отнесенные к этому типу, принадлежат поясной гарнитуре кавказской традиции. Однако в этот ряд хорошо вписалась и одна из поясных деталей северобелорусской культуры европейской традиции, как по морфологии, так и по метрическим параметрам. Особенно велико ее сходство с пряжкой из лолинского комплекса Черноярская 3/10 (илл. 70, *4, 10*). Мы далеки от мысли, что данные типологические соответствия как-то напрямую связаны, но, тем не менее, рискнули отнести изделие со стоянки Асовец 7 к типу 1, где полностью доминируют поясные детали культурного круга Лола и кавказских культур. Во-первых, на этот факт все-таки стоит обратить внимание, во-вторых, это соответствует формальным признакам построения типологии, в-третьих, нельзя не заметить определенной «переплетенности» типологических схем пряжек кавказской и европейской традиций, о чем еще будем говорить.

[2] Система крепления пряжки из комплекса Черноярская 3/10 непонятна. На ее тыльной стороне имеется намеченный паз (илл. 64, *3*). Скорее всего, пряжка была недоделана. Возможно, здесь мы имеем дело еще с одним вариантом. Не исключено, что мастер планировал дорезать паз до конца, и глухой конец ремня должен был петлей фиксироваться в этом пазу.

[3] Эту систему удалось выявить при работе с пряжкой «вживую», когда выяснилось, что одна из сторон паза сломалась или была сломана в древности (илл. 66, *3*).

малое отверстие. Абсолютно доминируют здесь изделия варианта 1 с расположением отверстий в перпендикулярных плоскостях.

В рамках типа 2 с Т-образной или комбинированной планкой несколько особняком стоят пряжки из Донифарса и Великента (илл. 70, *15, 16*). У них верхняя часть планки имеет выраженное прямоугольной расширение, где находится отверстие для крепления глухого конца ремня. Однако по размерам эта широкая часть планки серьезно уступает параметрам классических пряжек типа Ипатово-Типки (илл. 70, *11–14, 17, 18*). Кроме того, у последних длинная сторона этого конструктивного элемента перпендикулярна длинной оси изделия, а у пряжек из Донифарса и Великента – параллельна. У этих поясных деталей широкая часть планки выглядит редуцированной.

Следует отметить немаловажный факт. Все классические пряжки типа Ипатово-Типки принадлежат лолинской культуре (илл. 70, *11–14, 17, 18*). Широкий конец планки у них объемный и зачастую рельефный. По всей видимости, именно носители лолинских традиций в процессе переработки кавказских прототипов выработали стандарт этого типа поясной гарнитуры. Что касается пряжек из Донифарса и Великента, то нельзя не отметить, что ввиду редуцированности широкой части комбинированной планки в типологическом ряду они занимают промежуточное место между лолинскими изделиями типа Ипатово-Типки и нашим типом 3, к которым относятся кольцевидно-узкопланочные поясные детали (илл. 70). К их рассмотрению мы и переходим.

Тип 3 представлен кольцевидно-узкопланочными пряжками (илл. 70, *19–36*). Поясная гарнитура кавказской традиции включает два изделия волго-уральской культурной группы (илл. 70, *19, 20*), четыре относятся к гинчинской культуре (илл. 70, *21, 22, 25, 26*), две – к ханларским древностям (илл. 70, *23, 24*). Все изделия имеют кольцо и узкую длинную планку, в которой расположено одно отверстие для крепления глухого конца ремня (илл. 69, *3*). По системе расположения отверстий изделия типа 3 можно разделить на три варианта. Вариант 1 составляют пряжки, у которых отверстие для крепления глухого конца пояса расположено в перпендикулярной плоскости по отношению к кольцу (илл. 64, *12, 13*, 66, *10*). В вариант 2 объединены изделия, у которых дополнительное отверстие находится в одной плоскости с кольцом (параллельная система) (илл. 66, *7–9, 13, 14*). Здесь стоит обратить внимание еще раз на любопытную деталь, упомянутую выше. Кольцевидно-узкопланочные пряжки культурного круга Лола имеют только перекрестную систему крепления глухого и свободного конца ремня (илл. 64, *12, 13*), так же как пряжки типа Ипатово-Типки (илл. 64, *5–11*) и Чограй-Кевюды (илл. 64, *1, 2*). На Кавказе же подавляющее большинство кольцевидно-узкопланочных пряжек типа 3 относятся к варианту 2, т.е. большое и малое отверстия находятся в параллельных плоскостях (илл. 66, *7–9, 13, 14*), и только одно имеет перекрестную систему крепления ремня (илл. 66, *10*).

Из всего вышеизложенного напрашивается следующий вывод. В выраженной тенденции для пряжек культурного круга Лола в Предкавказье и Волго-Уралье характерна система крепления глухого конца пояса варианта 1 (перекрестная), а для культур Северо-Восточного Кавказа и Закавказья – варианта 2 (параллельная). В этом показательном различии при несомненном единстве пряжек обоих регионов кроется одна из ярких особенностей степной (посткатакомбной) и кавказской (в территориальном смысле) кольцевидно-планочной поясной гарнитуры.

Еще одним восточноевропейским регионом, где представлены костяные кольцевидно-планочные пряжки финала средней бронзы, является зона широколиственных лесов (илл. 2). Как видно, этот ареал выглядит оторванным от основной территории распространения поясных деталей с аналогичной системой крепления ремня кавказской традиции (илл. 2). Их разделяет не менее 1000 км, и это неслучайно. Дело в том, что в ситуации с кольцевидно-планочной поясной гарнитурой в лесной зоне Восточной Европы мы имеем дело с другим феноменом, который связан

своим происхождением не с Кавказом, как в случае с культурным кругом Лола и кавказскими культурами, а с Центральной Европой и Карпато-Дунайским регионом, где также эксплуатировались кольцевидно-планочные пряжки, которые имели свои особенности. Последние нашли отражение и в поясных деталях лесных восточноевропейских культурных образований. Они встречены в материалах средневолжской абашевской, шагарской и северобелорусской культур.

С известной долей оговорки все эти пряжки с кольцом европейской традиции (илл. 70, 27–36), наряду с и кольцевидно-узкопланочными поясные деталями кавказской традиции (илл. 70, *19–26*), можно отнести к нашему типу 3. Изделия обеих групп имеют по структуре одинаковую систему крепления пояса, при которой его свободный конец захлестывался за кольцо, а глухой крепился намертво через малое отверстие в планке (илл. 69, *3*).

Когда сравниваешь пряжки типа 3 кавказской и европейской традиций, невольно задаешься вопросом, а правомерно ли отнесение поясных деталей восточноевропейских культур зоны широколиственных лесов именно к узкопланочной группе. Мы считаем, что это так. Изделия из материалов стоянок северобелорусской культуры Асовец 2 и 7 имеют длинную и узкую планку с элементами фигурного оформления (илл. 70, *30, 31, 33–36*). В этой связи неудивительно, что еще 10 лет назад эти пряжки сравнивались с поясной кольцевидно-узкопланочной гарнитурой Северо-Восточного Кавказа (*Чарняўскі Макс.*, 2015, с. 241). Изделие из Асовца 7 (илл. 70, *32*), казалось бы, можно отнести к широкопланочным изделиям. Однако выше было сказано, что в основу нашей типологии положены функциональные морфологические, а не декоративные черты. У рассматриваемой пряжки малое отверстие для крепления глухого конца ремня находится в верхней части узкой планки (илл. 70, *32*). Подобие широкой ей придают всего лишь декоративные и нефункциональные элементы в виде «ласточкиного хвоста», расположенные по обе стороны от планки. Иными словами, в случае с изделием со стоянки Асовец 7 мы имеем дело с пряжкой нашего типа 3. Это еще более станет очевидным если учесть, что все остальные пряжки северобелорусской культуры относятся тоже к кольцевидно-узкопланочным.

Несколько сложнее дело обстоит с поясными деталями из п. 109 и 130 мог. Шагарский (илл. 70, *28, 29*). Планки у них достаточно широкие, но в то же время пропорциональное соотношение диаметра кольца и длины планки стоят значительно ближе к кольцевидно-узкопланочным изделиям, чем к кольцевидно-широкопланочным. В этой связи мы склонны рассматривать шагарские пряжки в рамках нашего типа 3, в то же время отдавая себе отчет в том, что в этой серии они занимают несколько обособленную позицию из-за специфической планки. Это еще более станет очевидным, если учесть наличие такого неординарного функционального элемента как узкий щелевидный продольный вырез посредине планки, на концах которого расположены маленькие круглые отверстия (илл. 70, *28, 29*) (о его назначении см. главу 5).

Завершая обзор костяных и роговых планочных пряжек с кольцом кавказской и европейской традиций типа 3, нельзя не обратить внимание и на поясную деталь из комплекса СВАК Алгаши 1/1 (илл. 70, *27*) Ее спецификой является наличие на планке двух отверстий[4], что свидетельствует об особенностях крепления глухого конца ремня, которые не зафиксированы на других изделиях кольцевидно-планочной поясной гарнитуры.

Особо следует отметить, что пряжки лесных культур по системе расположения отверстий (илл. 70, *27–36*) относятся к варианту 2, т. е. последние расположены в параллельных плоскостях. В этом отношении они значительно ближе стоят к кавказской кольцевидно-узкопланочной серии, чем к изделиям культурного круга Лола, где полностью доминирует перекрестный принцип крепления глухого и свободного концов пояса.

К *типу 4* относится одно изделие из позднелолинского комплекса Ут 6/1 (илл. 70, *37*). Это кольцевидная пряжка с редуцированной

[4] Возможно, их могло быть и больше, планка полностью не сохранилась.

планкой. Она имеет кольцо с бортиком и короткую планку, в которой располагается отверстие для фиксации ремня намертво. Оба отверстия находятся в одной плоскости.

Часть рассматриваемых пряжек имеет орнамент. Анализ декора по типам выявляет определенные тенденции. Так, из 9 пряжек типа 1 больше половины имеет орнаментацию (илл. 70, *1–3, 8, 10*). Предметы украшены точечным (илл. 70, *1–3*), циркульным (илл. 70, *8*) декором, косыми насечками (илл. 70, *10*). Из 9 пряжек 2-го типа точечный орнамент имеет только одно изделие (илл. 70, *15*). Из поясной гарнитуры типа 3 (16 предметов) резной декор имеют только шесть пряжек северобелорусской культуры (илл. 70, *30, 31, 33–36*)[5], что, видимо, является их местной спецификой. Остальные изделия (илл. 70, *19–29*), включая и поясную деталь типа 4 (илл. 70, *37*), не имеют орнаментации.

То, что половина пряжек типа 1 украшена, закономерно. Это самые вычурные изделия из всех планочных поясных деталей не только по орнаменту, но и по морфологии. Однако декор, равно как и большинство морфологических деталей, не имели функционального значения и были связаны с областью семантики (см. главу 6).

1.2. Крючково-планочные пряжки

Историографический аспект

Историографии по типологии восточноевропейских крючково-планочных пряжек попросту нет. Все известные пряжки этой группы достаточно стандартны и относятся к одному широкопланочному типу, который является яркой визитной карточкой ДДБК. Только недавняя находка пряжки на пос. Балка Хреева III позволила обратить внимание на еще один тип восточноевропейской крючково-планочной поясной гарнитуры, отличный от предыдущего. Речь идет о группе крючково-узкопланочных пряжках, в которую вписались как хреевская находка, так и крючковые экземпляры шагарской и северобелорусской культуры. Последние хотя и были известны ранее по отчетам и публикации, к анализу исследователями не привлекались, хотя соотнесения их с европейскими материалами могли привести к созданию такой классификации.

Типология

Тип 1 представлен крючково-широкопланочными изделиями (илл. 71, *1–16*). В него включены 16 пряжек. 14 из них принадлежат днепро-донской бабинской культуре (илл. 71, *1–14*) и 2 шагарской культуре (илл. 71, *15*, *16*). Типообразующими признаками являются щиток, на котором находится выступ-крючок, к которому крепился свободный конец пояса, а также планка. В ней вырезан паз для глухого конца ремня, который фиксировался там через отверстия, просверленные в планке (илл. 69, *4*). Количество отверстий варьировало от двух до четырех. Большинство пряжек имело два отверстия (илл. 71, *1, 3–5, 7, 11, 13, 14*). Варианты здесь, конечно, можно выделить по количеству отверстий, через которые прошивался глухой конец ремня. Однако это не имеет особого смысла, потому что в нашей типообразующей системе имеет значение только их наличие (не менее двух), а не их количество.

В *тип 2* объединены крючково-узкопланочные пряжки. На сегодняшний день эта восточноевропейская серия насчитывает 6 экземпляров. Четыре из них сохранились фактически полностью (илл. 71, *17*, *19–21*), у двух был обломан крючок для крепления свободного конца пояса (илл. 67, *9*; 71, *18*). Пряжки помимо крючка имеют узкую длинную планку, иногда расширяющуюся в нижней части[6], на конце которой находится от-

[5] Это подтверждает и крючково-планочные костяные пряжки со стоянки Асовец 2 (илл. 67, *9, 10, 71, 21*), которые декорированы в той же технике и в том же стиле, что и кольцевидно-узкопланочные поясные детали северобелорусской культуры с этого памятника (илл. 70, *30, 31, 33–36*).

[6] Расширение планки в районе расположения отверстия у изделий из Шагары и Асовца 2 (илл. 67, *6–10*), которые сделаны из предчелюстной кости черепа лося, обусловлено не задумкой мастера, а морфологией исходного сырья (подробнее см. главу 5). В этой связи отнесение указанных пряжек к крючково-узкопланочным вполне представляется нам правомерным.

верстие для фиксации глухого конца ремня[7] (илл. 69, *5*).

Особое внимание следует обратить на одну из двух пряжек п. 52 Шагарского могильника (илл. 71, *18*). Изделие представляло собой пластину с четырьмя парными выступами трапециевидной формы. Предмет обломан с двух концов. На одном конце сохранилась часть отверстия для крепления. Изделие фрагментировано, но с определенной долей уверенности можно утверждать, что мы имеем дело с пряжкой, тем более что это подтверждают и данные трасологии (см. главу 5). Отверстие предназначалось для крепления глухого конца пояса, и, если это так, то есть смысл предположить, что свободный конец ремня фиксировался с помощью крючка, который, как уже отмечалось, не сохранился. Это можно подтвердить двумя важными наблюдениями. Во-первых, из Шагарского археологического комплекса происходят еще три планочных поясных детали с крючковой системой крепления свободного конца ремня (илл. 67, *4, 6–8*). Иными словами, крючково-планочные поясные детали были известны носителям шагарской культуры. Во-вторых, убедительные аналогии нашему изделию (илл. 75, *1*), присутствуют в Карпато-Дунайском регионе. Здесь есть серия роговых пряжек (илл. 75, *3–6*) (*Hájek*, 1959, obr. 1, 2, 3, 5; *Točík*, 1959, tab. I, *8, a, b*), которые по структуре очень близки шагарскому изделию (подробнее см. главу 6).

Рассматриваемая фигурная поясная деталь из Шагары (илл. 71, *18*), казалось бы, выпадает из типологического ряда крючково-узкопланочной поясной гарнитуры. Действительно, ее планка выглядит равномерно широкой. Обратим еще раз внимание на то, что типообразующими признаками в наших классификациях являются только функционально значимые с точки зрения использования элементы. Парные трапециевидные выступы у изделия из п. 52 Шагарского могильника (илл. 71, *18*) таковыми не являются, и их назначение лежит полностью в области семантики (см. главу 6). Функциональным у этой пряжки является центральная часть планки, от которой эти выступы отходят. Именно она является узкой и длинной, и именно на ней расположено отверстие для крепления глухого конца ремня, поэтому рассматриваемую шагарскую пряжку мы отнесли к узкопланочному типу. Можно заметить, что аналогичная ситуация была охарактеризована выше на примере кольцевидно-планочных пряжек из археологического комплекса у Асовца (илл. 68, *12*).

По системе крепления глухого конца пояса у изделий типа 2 можно выделить два варианта. К варианту 1 можно отнести пряжку из материалов пос. Балка Хреева III (илл. 67, *1, 2*, 71, *17*). У нее отверстие расположено в плоскости, перпендикулярной расположению крючков. По аналогии с кольцевидно-планочной поясной гарнитурой ее можно назвать «перекрестной». Нас не должно смущать, что отверстие было не досверлено и, соответственно, не использовалось. «История жизни» этой необычной пряжки подробно изложена в главе 5. Здесь же стоит отметить, что первоначальное отверстие для фиксации пояса намертво, которое, по всей видимости, в древности пришло в негодность и из-за чего планка была укорочена, находилось в той же плоскости, что и новое не законченное отверстие. Об этом свидетельствует толщина планки. В торцевой ее части попросту не хватило бы места, чтобы вырезать функциональное отверстие нужного диаметра, поэтому с уверенностью можно предполагать, что до поломки и последующей доработки пряжка тоже имела перекрестную систему для крепления глухого и свободного концов ремня.

В отдельный вариант поясная деталь из Балки Хреевой выделяется не только по расположению отверстия по отношению к конструктивным деталям затягивания пояса. Особую неповторимость ей придают два крючка, предназначенные для этого. В Восточной, равно как и в остальной Европе, аналогии подобной парности таких элементов нам неизвестны. В Карпато-Дунайском и Центральноевропейском регионах крючково-планочные пряжки известны, начиная с энеолита. Здесь есть серия узкопланочных

[7] На одном изделии, по всей видимости, их могло быть не менее двух (илл. 67, *6*).

пряжек с одним крючком, сделанных из кости и рога (илл. 74, *5–12*) (*Hájek*, 1959, obr. 4, *1*, 11, *2–4*; *Machnik*, 1967, tabl. XXXI, *7*; 1978, tabl. IV, 12, XXIV, 5, XXV, 34; 1991, fig. 21, *14*; *Müller-Karpe*, 1974, taf. 520, *9*; 1980, taf. 293, F 4; *Hänsel, Medović*, 1994, abb. 6, *2*). В восточноевропейской серии изделий с узкой планкой хреевская поясная деталь тоже смотрится необычно. В этом регионе также доминируют пряжки, имеющие один крючок (илл. 67, *9*, 71, *19–21*). Однако вряд ли стоит сомневаться, что восточноевропейские пряжки зоны широколиственных лесов шагарской и северобелорусской культур (илл. 67, *9*, 71, *19–21*, 74, *2–4*), Карпато-Дунайского региона (илл. 74, *5–12*) и изделие с пос. Балка Хреева III каменско-ливенцовской культуры (илл. 71, *17*, 74, *1*) образуют единую группу крючково-узкопланочных пряжек[8].

К варианту 2 относятся поясные детали, у которых отверстие для фиксации глухого конца ремня и крючок, находятся в одной плоскости, т.е. имею параллельную систему крепления пояса. Как уже отмечалось, эти изделия в группе составляют подавляющее большинство (илл. 67, *5–10*, 71, *18–21*). Параллельная система является господствующей и в западной части ареала распространения кольцевидно-узкопланочной поясной гарнитуры (илл. 74, *6–12*).

Оценивая встречаемость параллельного и перекрестного принципов крепления ремня у крючково- и кольцевидно-узкопланочных пряжек в Восточной Европе, нельзя не отметить, что в обоих случаях доминирующей была первая система (илл. 70, *21–24*, *26–36*, 71, *18–21*), в то время как последняя встречается спорадически (илл. 70, *19, 20, 25*, 71, *17*).

§ 2. Культурно-генетические процессы и хронология

2.1 Культурно-генетические процессы

Очевидно, что в Восточной Европе основными носителями фигурно-планочной пряжечной традиции были посткатакомбные культуры (илл. 1). Причем, не все составляющие блока имеют в своем инвентарном комплексе роговую и костяную фигурно-планочную гарнитуру. Так, ее нет в волго-донской, днепро-прутской бабинских и невинномысской культурах. Присутствует она в лолинской культуре и в ее северном деривате волго-уральской культурной группе (ВУКГ), а также в днепро-донской бабинской культуре (ДДБК). Причем, пряжки четко разделяются на две группы и проявляют устойчивую корреляцию с культурными контекстами. Кольцевидно-планочные пряжки маркируют культурный круг Лола, а крючково-планочные культурный круг Бабино, и это не случайно. Такое распределение обусловлено культурно-генетическими процессами, которые охватили Восточную Европу в конце III тыс. до н. э.

Резкая аридизация климата, датирующаяся 2200 CalBC/4.2 ka BP (фаза ПКБ I), стимулировала мощные миграционные процессы в западной части Старого Света. В Восточной Европе они фиксируются по двум импульсам: европейскому и кавказскому. Передвижение больших групп населения было обусловлено, вероятнее всего, наступлением неблагоприятных условий для выпаса скота в зимний период, что толкало социумы в целом и отдельные социальные группы на поиски новых более благоприятных экологических ниш. Миграция из Центральной Европы и Карпато-Дунайского региона привела к сложению культурного круга Бабино (*Черняков*, 1996, с. 61, 62; 2001, с. 153; *Клочко*, 2006, с. 156; 2012, с. 363; *Литвиненко*, 2006, с. 228–234; 2007, с. 171; 2009, с. 384–388; 2011; 2013; *Lytvynenko*, 2013; *Мимоход*, 2022б, с. 490–509; 2025а), а перемещение скотоводов с территории Северо-Восточного Кавказа стимулировало сложение культурного круга Лола (*Мимоход*, 2007, с. 153; 2013, с. 292–316; 2016; 2018б; 2022а; 2022б; 2023; 2024; 2024а; *Мимо-*

[8] На одном изделии, по всей видимости, их могло быть не менее двух (илл. 67, *6*).

ход, Гак, Хомутова, Рябогина, Борисов, 2022). Эти миграции подтверждаются целым рядом археологических и краниологических наблюдений. Немаловажное место среди этой системы доказательств занимают крючковые и кольцевые планочные пряжки.

Их можно разделить на две группы, которые уже не раз упоминались выше. В блоке посткатакомбных культурных образований кольцевидно-планочные поясные детали – это пряжки кавказской традиции (илл. 72, *1–4, 10–17*), а крючково-планочные изделия – поясная гарнитура европейской традиции (илл. 72, *26–39*). Подобное разделение закономерно. Дело в том, что на фазе ПКБ I именно с Кавказа вместе с мигрантами, носителями присулакской и гинчинской культур, традиция использования кольцевидно-планочных пряжек, равно как и целого ряда других категорий вещей, распространилась в Предкавказье и Волго-Уралье. Причем, исходный ареал их распространения и конечный территориально стыкуются (илл. 78), что свидетельствует о ближнедистанционной миграции. На фазе ПКБ III (2000–1800 CalBC) пряжки кавказской традиции трансформируются в кольцевидные изделия с редуцированной планкой. Они известны в позднелолинской культуре (илл. 76, *1*) и памятниках покровского типа (илл. 76, *2–10*). Картографирование этих изделий показывает, что территориальное соотношение покровских пряжек с редуцированной планкой и лолинских поясных деталей с комбинированной и узкой планкой такое же, как у последних с кавказскими узкопланочными образцами, т.е. ареалы стыкуются (илл. 79). Это свидетельствует о поступательном движении кольцевидно-планочных пряжек сначала с Кавказа в Предкавказье, а затем оттуда в Волго-Уралье и Нижнее Поволжье. Данные факты на уровне рассматриваемой категории инвентаря подтверждают, с одной стороны, миграцию кавказского населения в степь, что привело к сложению культурного круга Лола, а с другой, участие носителей посткатакомбных традиций в формировании памятников начала поздней бронзы, в частности, покровского типа.

Не вызывает особых сомнений, что распространение в восточноевропейском регионе крючково-планочной поясной гарнитуры было связано с Центральной Европой и Карпато-Дунайском регионом. Здесь изделия подобных типов появляются раньше еще в энеолите[9] и существуют дольше, включая среднюю бронзу[10]. Появление крючковых пряжек на рассматриваемой в нашей книге территории происходит в тот же узкий период, что и распространение в Предкавказье кольцевидно-планочной поясной гарнитуры – это фаза ПКБ I, 2200 CalBC. Причем, если пряжки кавказской традиции в посткатакомбном мире имеют свою историю, доживая до начала поздней бронзы (илл. 73, *1–12*), то время существования крючково-планочных поясных деталей в Восточной Европе не переживают фазу ПКБ I (илл. 73, *25–38*). Они внезапно появились и фактически так же внезапно исчезли. Все это свидетельствует в пользу того, что крючково-планочные пряжки, равно как еще целый ряд категорий вещей европейского происхождения, являются иллюстрацией миграции части населения из центральноевропейского и Карпато-Дунайского регионов в Восточную Европу. Картографирование крючково-планочной поясной гарнитуры показывает, что она имеет два удаленных друг от друга ареала (илл. 80). Один из них располагается в Центральной Европе и Карпато-Дунайском регионе и связан с местными культурами энеолита – средней бронзы, второй занимает компактную территорию между Днепром и Северским Донцом, которая является ядром формирования ДДБК. Все это говорит в пользу того, что в данном случае мы имеем дело со среднедистанционной миграцией из одного региона в другой (*Мимоход*, 2022б, с. 490–509; 2025а).

Отдельно необходимо остановиться на серии костяных и роговых планочных пряжек, происходящих из памятников шагарской, средневолжской абашевской и северобелорусской культур зоны широколиственных

[9] Катакомбное время по восточноевропейской периодизации.

[10] Катакомбное время по восточноевропейской периодизации.

лесов Восточной Европы (илл. 2). Несмотря на то, что в серии присутствуют как крючково-планочная (илл. 72, *40–46*), так и кольцевидно-планочная (илл. 72, *47–56*) поясная гарнитура, все их можно отнести к пряжкам европейской традиции, о чем уже говорилось выше.

Крючково-планочные поясные детали наших северных культур относятся к типу 1 и 2, т.е. с широкой (илл. 72, *40, 41*) и узкой (илл. 72, *43–46*) планкой. Выше было показано, что узкопланочные изделия (илл. 74, *1–4*) имеют убедительные аналогии в культурах Центральной Европы и Карпато-Дунайского региона (илл. 74, *5–12*). Можно с уверенностью утверждать, что эти пряжки представляют собой общее явление для Восточной Европы и более западных территорий[11].

Особняком в этой серии стоят два роговых изделия из погребений Шагарского могильника (илл. 72, *40, 41*). Они относятся к хорошо опознаваемому типу, что и поясные детали ДДБК (илл. 72, *26–39*). И шагарские, и днепро-донские бабинские пряжки являются неотъемлемой частью поясной гарнитуры европейской традиции и в полной мере реализуют крючково-планочную систему крепления ремня. Структурные аналогии этим предметам происходят из Центральноевропейского и Карпато-Дунайского регионов, с которыми и связано их происхождение. На обеих пряжках из Шагары помимо самой системы крепления присутствуют чисто европейские черты. Речь идет о фигурном оформлении верхней части щитка (илл. 67, *3, 4*, 72, *40, 41*). Из всей бабинской серии такая деталь присутствует только на изделии из Донецка (Текстильщика) (илл. 65, *2*, 72, *27*). Почему этот признак важен и что за ним стоит, попытаемся показать в главе 6.

Сейчас лучше сосредоточится на объяснительной модели сходства шагарских и днепро-донских бабинских пряжек, которые находятся друг от друга не менее чем в 800 км. С одной стороны, данные трасологии свидетельствуют о единстве приемов изготовления поясных деталей ДДБК и шагарской культуры (см. главу 5), а с другой, объяснить это сходство межкультурными контактами, как это предлагает Е.Д. Каверзнева (2003, с. 147), очень сложно. Принять эту версию мешает, во-первых, очень большой территориальный разрыв, а во-вторых, факт того, что в шагарской культуре никаких бабинских проявлений больше нет, равно как нет в ДДБК каких-либо шагарских элементов. Скорее, сходство следует объяснять едиными процессами, которые привели к появлению одинаковой поясной гарнитуры в Днепро-Донецком междуречье и Озерной Мещере. Дело в том, что в обоих случаях появление крючковых широкопланочных пряжек было обусловлено миграционными импульсами из Центральной Европы и Карпато-Дунайского региона. Общий импульс в происхождении фигурных пряжек ДДБК и шагарской культуры упоминал и Р.А. Литвиненко (2004, с. 271). Скорее всего, маршрут миграции пролегал где-то на стыке восточноевропейской лесостепи и лесной зоны. Среднедистанционная миграция, которая привела к сложению культурного круга Бабино завершилась в Днепро-Донецком междуречье. Однако, часть европейского населения этого потока продолжила двигаться в восточном направлении, а сама миграция превратилась в дальнедистанционную. Она привела к сложению самобытной средневолжской абашевской культуры, которая имеет яркий европейский облик (*Мимоход*, 2022в). Таким образом, появление пряжек в Шагаре, скорее всего, и стало результатом контактов мигрирующих коллективов с местным населением. Это еще более станет вероятным, если еще раз вспомнить, что у обеих поясных деталей присутствует чисто европейская морфологическая деталь – фигур-

[11] Уже отмечалось, что в Центральной Европе и Карпато-Дунайском регионе крючково-планочная поясная гарнитура появляется раньше финала средней бронзы по восточноевропейской периодизации. Такая же ситуация характерна и для Восточной Европы. Так, пряжка, аналогичная поясной детали из п. 46 мог. Шагарский (илл. 67, *6*) известна из фатьяновских материалов стоянки Великодворье-1 в Озерной Мещере (*Емельянов*, 2008, рис. 184, *2*). То, что она является поясной деталью, установлено по данным трасологического анализа, проведенного А.Н. Усачуком.

ное оформление верхней части щитка (илл. 72, *40, 41*), которой за одним исключением, нет в бабинской серии. И еще один немаловажный факт. В п. 52 мог. Шагарский вместе с крючково-планочной пряжкой (илл. 60, *2, 3*) была найдена фигурная роговая пластина (илл. 60, *4, 5*), которую мы также интерпретировали как специфическую крючково-планочную поясную деталь (илл. 75, *1*), аналогии которой можно найти только в Карпато-Дунайском регионе (илл. 75, *3–6*). Все это подтверждает гипотезу об едином механизме происхождения крючково-планочной гарнитуры на столь удаленных друг от друга территориях, что и обусловило их сходство.

Еще одним специфическим признаком пряжек европейской традиции зоны широколиственных лесов является зубчатое оформление длинных сторон планки. Это элемент не был функциональным с точки зрения использования пряжки и нес исключительно семантическую нагрузку. В восточноевропейской серии он представлен на одной из пряжек Шагарского могильника (илл. 75, 2). Точные аналогии ему происходят из материалов поясной гарнитуры Карпато-Дунайского региона (илл. 75, *7–9*). Нас не особо должно смущать то, что в Шагаре этот рельефный декор нанесен на кольцевидно-планочную поясную деталь (илл, 75, *2*), а на территории между Альпами и Карпатами им украшены крючковые пряжки (илл. 75, *7–9*). Напомним, что в обоих случаях мы имеем дело с поясной гарнитурой европейской традиции. Здесь следует отметить, что зубчатое оформление планок, по всей видимости, является специфической чертой поясных деталей лесной зоны, потому что в степной серии крючково-планочных изделий, связанных происхождением с Европой (илл. 72, *26–39*), этот элемент неизвестен.

В заключение коснемся кольцевидно-узкопланочной костяной пряжки из погребения СВАК (илл. 72, *51*), появление которой в Среднем Поволжье, на наш взгляд, было связано с уже упомянутой в предыдущем абзаце дальнедистанционной миграцией. Изделие вполне сопоставимо с чрезвычайно близкими по морфологии поясными деталями с узкой планкой кавказской традиции (илл. 72, *16, 17, 20–25*). Однако с этой группой пряжка из Алгашей (илл. 77, *1*), скорее всего, не связана[12]. Дело в том, что в Центральной и Западной Европе, а также в карпато-дунайском регионе присутствует серия костяных кольцевидно-узкопланочных пряжек (*Hájek*, 1968, tabl. 10, *4, 17*; *Sangmeister*, 1984, abb. 8, *4, 5*; *Puttkammer*, 1994, taf. 15, *12*; *Hecker*, 1995; *Fischer*, 1995; *Schmidt*, 1995; *Case*, 2001, fig. 4, *19*; Wiechmann, 1995; *Batora, Marková, Vladár*, 2003, abb. 4, 3, 6; *Zimmerman*, 2007, abb. 59: *1*; *Großmann*, 2016, abb. 8.34). Подавляющее большинство этих находок обнаружены в памятниках культуры колоколовидных кубков (ККК) (илл. 77, *2–9*)[13]. С учетом того, что происхождение СВАК было напрямую связано с этой культурой (*Мимоход*, 2022в), имеет смысл изделие из Алгашей (илл. 77, *1*) рассматривать в типологическом ряду именно кольцевидно-узкопланочных пряжек носителей традиций колоколовидных кубков (илл. 77, *2–9*), а, если смотреть шире, то в группе кольцевидно-узкопланочной поясной гарнитуры европейской традиции. В ее состав в Восточной Европе, как уже было показано, помимо пряжки СВАК (илл. 72, *51*), входят экземпляры еще двух культур зоны широколиственных лесов: шагарской и северобелорусской (илл. 72, *47–50, 52–56*).

Обращает на себя внимание, что абашевская поясная деталь имеет три отверстия (илл. 77, *1*), два из которых предназначены для крепления глухого конца пояса. Изделие также с двумя отверстиями, через которые крепился наглухо ремень только с несколько другой системой их расположения, известно в комплексе ККК Богемии (илл. 77, *4*). На костяной пряжке с юга Англии было вырезано пять отверстий (илл. 77, *5*), из них для крепления глухого конца ремня предназначались четыре: ряд строенных и одно над ними. Иными словами, на этом изделии си-

[12] Ранее один из авторов, как теперь стало понятно, ошибочно связывал средневолжскую абашевскую пряжку из комплекса Алгаши 1/1 именно с пряжками кавказской традиции (*Мимоход*, 2013, с. 326, 327).

[13] Отдельные экземпляры известны и в культуре шнуровой керамики (*Großmann*, 2016, abb. 8.34).

стема фиксации конца пояса намертво структурно схожа с пряжкой из Алгашей, когда отверстия располагаются одно под другим на конце планки. На всех узкопланочных поясных деталях кавказской традиции отверстие у планки всегда одно (илл. 72, *16, 17, 20–25*).

Таким образом, еще раз подчеркнем, что узкопланочная кольцевидная поясная гарнитура может быть и кавказской (илл. 72, *16, 17, 20–25*), и европейской (илл. 72, *47–56*) традиции. Некоторые пряжки последней имеют такую специфическую черту как наличие двух или трех отверстий на планке для крепления глухого конца ремня, что пока ни разу не зафиксировано для кавказской линии развития поясных деталей. Появление однотипных кольцевидно-узкопланочных изделий в Европе и на Кавказе имеет свое объяснение. Дело в том, что в этих регионах одновременно распространяется целый ряд категорий инвентаря близких типов, вероятным источником которых был Ближний Восток и Восточное Средиземноморье (см. главу 6).

2.2. **Хронология**

Историографический аспект

Как уже не раз отмечалось, первая роговая кольцевидно-широкопланочная пряжка была найдена в 1979 г. на Ставрополье в п. 1 к. 34 могильника Чограй VIII (илл. 3, 73, *1*). Автор раскопок и публикации, определяясь с хронологией комплекса, отметила, что «исходя из данных погребального обряда в целом, можно связывать с позднекатакомбным (конец средней бронзы) временем» (*Андреева*, 1986, с. 234). При этом она сопоставила чоградское изделие с крючково-планочными пряжками культуры многоваликовой керамики (ныне ДДБК), чей возраст в рамках финала средней бронзы был уже тогда очевиден. В то время посткатакомбные древности в Северо-Западном Прикаспии еще не были выделены и считалось, что в финале средней бронзы на этой территории существовали носители позднекатакомбных традиций.

Р.Г. Магомедов, публикуя пряжку из Ирганайского кургана (илл. 37–42, 73, *15*), датировал ее средним бронзовым веком, но при этом он справедливо сопоставил ее как с экземпляром из Чограя VIII, так и с бабинскими крючково-планочными поясными деталями (*Магомедов*, 1990, с. 46) и фактически констатировал синхронность всех этих изделий.

Предметно хронологию кольцевидных пряжек как широко-, так и узкопланочных рассмотрел С.Н. Братченко. Чоградскую поясную деталь он отнес к восточноманычской посткатакомбной группе (*Братченко*, 1995, с. 21), тем самым четко определив ее возраст в рамках финала средней бронзы. Исследователь также сопоставил пряжки из комплекса Чограй VIII 34/1 (илл. 64, *1*) и Ирганайского кургана (илл. 66, *3*) с крючково-планочными[14] пряжками ДДБК (илл. 65), хотя прямо о синхронности тех и других не писал. С.Н. Братченко первым обратил внимание и на хронологию костяных кольцевидно-узкопланочных пряжек Северо-Восточного Кавказа (илл. 66, *7–10, 13, 14*), Нижнего Дона (илл. 64, *12*) и Среднего Поволжья (илл. 68, *3*). Кавказскую узкопланочную поясную гарнитуру в рамках гинчинской культуры он отнес к ее позднему этапу, а пряжку из Ливенцовской крепости к культуре Бабино или каменско-ливенцовской группе. Иными словами, все эти изделия были отнесены к финалу средней бронзы. И главное, С.Н. Братченко выдвинул гипотезу о хронологическом соотношении кольцевидно-широкопланочных и кольцевино-узкопланочных пряжек. Он предположил на основании типологии и, вероятно, стратиграфической позиции поясной детали из Ливенцовской крепости (илл. 64, *12*), что широкопланочные пряжки более ранние по отношению к узкопланочным (*Братченко*, 1995, с. 21). В дальнейшем этот тезис нашел дополнительную аргументацию (*Мимоход*, 2022, с. 88, 90, рис. 6; 2024, с. 103, рис. 4).

Следующий раз хронология поясной гарнитуры кавказской традиции привлекла внимание исследователей только через 10 лет. В 2005 г. вышли сразу две работы, в которых рассматривалась хронология этих изделий. В одной из них пряжки типа Чограй-Кевю-

[14] Дисковидно-планочные по терминологии С.Н. Братченко.

ды рассматривались как синхронные (*Калмыков*, 2005, с. 80). Чуть позже вышла развернутая работа, посвященная типологии и хронологии роговых пряжек лолинской культуры (*Калмыков, Мимоход*, 2005). В ней на основании типологических и стратиграфических сопоставлений поясная гарнитура была разнесена по трем периодам. Было показано, что кольцевидно-широкопланочные пряжки типа Чограй-Кевюды (илл. 64, *1–4*) относятся к раннему периоду. Изделия с комбинированной или Т-образной планкой типа Ипатово-Типки (илл. 64, *5–10*) маркируют развитый этап лолинской культуры. Были обозначены поясные детали, которые характерны для позднего периода, в числе которых присутствует и пряжка с редуцированной планкой покровского облика (илл. 64, *14*). В дальнейшем эта периодизация поясной гарнитуры не раз приводилась в обобщающих работах (*Мимоход*, 2007, рис. 4; 2013, илл. 93; 2022, рис. 6; 2024, рис. 4). В 2005 г. были сделаны и первые попытки определения радиоуглеродной хронологии лолинских пряжек (*Калмыков*, 2005, с. 80; *Калмыков, Мимоход*, 2005, с. 230, 231).

Ранним периодом лолинской культуры датирует кольцевидно-широкопланочные пряжки и Р.А. Литвиненко. Он сопоставляет их с крючково-широкопланочными изделиями ДДБК, и это является одним из оснований для синхронизации ранних этапов Днепро-Донского Бабино и лолинской культуры (*Литвиненко*, 2009, с. 263), о чем раньше писал один из авторов настоящей работы (*Мимоход*, 2003, с. 107; 2007, с. 152).

Сопоставляли между собой бабинские и лолинские фигурные пряжки Р.Г. Магомедов и Л.С. Ильюков (*Магомедов*, 1990, с. 46; 1998, с. 125; *Ильюков*, *Магомедов*, 2010, с. 51, 52). Они детально сравнивали их морфологию и подчеркивали структурные черты сходства, но на прямую синхронизацию ранних этапов ДДБК и лолинской культуры, они так и не вышли, как это было сделано Р.А. Литвиненко и Р.А. Мимоходом. Л.С. Ильюков и Р.Г. Магомедов ограничились констатацией общей синхронности дагестанских кольцевидно-широкопланочных пряжек (илл. 66, *1–5*) бабинской культуре (*Ильюков*, *Магомедов*, 2010, с. 52).

Хронологическая позиция крючково-планочных пряжек европейской традиции давно привлекла внимание исследователей. В 1979 г. Я.П. Гершкович на основании данных стратиграфии поставил вопрос о том, что эти изделия относятся к раннему этапу бабинской культуры[15] (*Гершкович*, 1979, с. 59). Позже он привел развернутую аргументацию в пользу такой датировки, отдельно указав, что помимо стратиграфии ее подтверждает обнаружение в одном комплексе крючково-планочных и ранних кольцевых пряжек (*Гершкович*, 1986, с. 137, 138). На подобное сочетание разнотипной поясной гарнитуры в одном погребении обращала внимание и С.С. Березанская (1986, с. 28). И.А. Писларий в своей хронологической схеме поместил крючково-планочную гарнитуру[16] в ранний этап бабинских древностей (*Писларий*, 1983, с. 10, 16), на что указывал и позже (*Pâslaru*, 2006, pl. 7). О.Р. Дубовская также поместила захоронения с фигурными пряжками[17] в ранний горизонт (*Дубовская*, 1985). Пристальное внимание датировке крючково-планочных роговых пряжек ДДБК уделял Р.А. Литвиненко, развивая наблюдения коллег. Так, в его периодизации бабинских древностей Северо-Восточного Приазовья рассматриваемые фигурные поясные детали были отнесены к раннему этапу развития культуры (*Литвиненко*, 1996, рис. 1). Такая же хронологическая позиция определена исследователем для пряжек данного типа еще в одной работе, вышедшей в том же году (*Литвиненко*, 1996а, с. 47, 48). В дальнейшем исследователь неоднократно указывал на раннюю хронологическую позицию крючково-планочных изделий (*Литвиненко*, 2002, рис. 6; 2009, рис. 153; 2023, рис. 8; *Литвиненко*, *Ляшко*, 2018, с. 164–166). Разделяет эту позицию и *В.В. Отрощенко* (2001, мал. 10, 11).

[15] Тогда культуры многоваликовой керамики.

[16] «Пряжки с выступом» по его терминологии (*Писларий*, 1983, с. 10) или александровского типа (*Pâslaru*, 2006, p. 167).

[17] «Зооморфные» или «бабочковидные» по ее терминологии (*Дубовская*, 1985, с. 19).

Е.Д. Каверзнева, оценивая пряжки из Шагарского могильника (илл. 56, *3, 4*), справедливо сравнивает их с крючково-планочной поясной гарнитурой ДДБК и делает вывод об их синхронности (*Каверзнева*, 2003, с. 147). К раннему горизонту ДДБК относят крючково-планочные фигурные пряжки Л.С. Ильюков и Р.Г. Магомедов (*Ильюков*, *Магомедов*, 2010, с. 52).

Относительная хронология

В конце III тыс. до н. э. в Восточной Европе распалась общность катакомбных культур, и на ее основе сформировался блок посткатакомбных культурных образований, который просуществовал до начала II тыс. до н. э. (2200–1800 CalBC) (*Мимоход*, 2005; 2022а). Со временем удалось разработать глобальную периодизацию этой эпохи. В своих относительных рамках блок делится на три фазы в соответствии с периодизацией памятников посткатакомбного блока (далее ПКБ): ранняя фаза ПКБ I, развитая фаза ПКБ II, поздняя фаза ПКБ III. Финалу СБВ соответствуют фазы ПКБ I и II – 2200–2000 CalBC, к началу ПБВ относится фаза ПКБ III – 2000–1800 CalBC (*Мимоход*, 2022б, с. 384–427; 2023, с. 5, 26, 27; *Мимоход*, *Гак, Хомутова, Рябогина, Борисов*, 2022).

Кольцевидно-планочная поясная гарнитура имеет длинную хронологию, а крючково-планочная – короткую. Первая охватывает все три фазы ПКБ, вторая не переживает фазу ПКБ I. Начнем с анализа поясных деталей кавказской традиции (илл. *73, 1–24*). Ее структуру определяет эволюция пряжек лолинской культуры, которая основывается на стратиграфических данных, обрядовых характеристиках и культурно-типологических сопоставлениях.

Пряжки раннего периода лолинской культуры (фаза ПКБ I) представлены четырьмя экземплярами из комплексов Кевюды-1 3/5, Чограй VIII 34/1, Черноярская 3/10, Темрта I 2/7 (илл. 73, *1–4*). Они объединены в тип Чограй-Кевюды. Две пряжки происходят из погребений в глубоких катакомбах, являвшихся основными курганах (илл. 3, *1, 2,* 4). Подобный вид могильной конструкции характерен для раннего этапа лолинской культуры. Это подтверждается серией стратиграфических наблюдений, когда захоронения в ямах, насыпях и редуцированных катакомбах (могилы подбойного типа, характерные для второго этапа) следуют за обычными катакомбными конструкциями (*Мимоход*, 2013, илл. 88).

Могильная конструкция погребения 10 кургана 3 могильника у ст. Черноярская прослежена не полностью (илл. 6, *1*). Учитывая глубину сооружения, не вызывает сомнений, что это была редуцированная катакомба. Здесь следует подчеркнуть важную деталь, освещающую особенности проявления раннелолинского обряда на периферийных территориях распространения лолинской культуры. На границах ареала распространения, где носители лолинской культуры вступают в непосредственное взаимодействие с культурным окружением финала средней бронзы, в которых обряд катакомбного захоронения не был распространен (бабинские, гинчинская, присулакская культуры), лолинские погребения уже на раннем этапе демонстрируют деградацию катакомбной формы могильного сооружения (*Мимоход*, 2013, с. 47, 48). В то же время в данных захоронениях в инвентарном комплексе фиксируются сочетания вещей и отдельные типы, характерные для раннелолинской культуры. К таким погребениям относится и комплекс Черноярская 3/10, который находится на южной периферии лолинской культуры (илл. 1) в непосредственной близости от ареала распространения присулакской и гинчинской культур. Характерен для раннелолинского времени набор погребального приданного в этом захоронении. В комплексе обнаружены нож, шило, кремневые наконечники стрел и отщеп кремня (илл. 6). Подобные сочетания кремневых стрел, отщепов и ножа/шила встречаются исключительно в раннелолинской обрядности (*Мимоход*, 2013, илл. 28, *4*, 30, *6*). Наконечники стрел пока вообще неизвестны в более поздних этапах развития культуры (*Мимоход*, 2025б, с. 117).

О раннем возрасте лолинских кольцевидно-широкопланочных пряжек свидетельствуют и культурно-типологические сопо-

ставления. Исследователи не раз отмечали определенное морфологическое сходство пряжек типа Чограй-Кевюды (илл. 73, *1–4*) с крючково-планочными поясными деталями ДДБК (илл. 73, *25–38*). Последние уверенно датируются фазой ПКБ I (см. ниже), а, соответственно, фигурные широкопланочные пряжки лолинской культуры и Днепро-Донского Бабино синхронны.

Вторая группа кольцевидно-широкопланочных изделий происходит с территории Северо-Восточного Кавказа. Они присутствуют в материалах присулакской и гинчинской культур (илл. 73, *14–18*). Если в случае с бабинскими крючковыми экземплярами мы говорим об их структурном сходстве в ряде элементов с лолинской широкопланочной поясной гарнитурой, то в случае с кавказскими пряжками речь идет фактически о точных аналогиях. Действительно, гинчинские и присулакские поясные детали (илл. 73, *14–17*) проявляют чрезвычайную близость к лолинским пряжкам типа Чограй-Кевюды (илл. 73, *1–4*) вплоть до некоторых декоративных элементов. Это не оставляет особых сомнений в общности происхождения кавказских и предкавказских кольцевидно-широкопланочных поясных деталей, а также в их синхронности в рамках фазы ПКБ I (илл. 73, *1–4*, *14–18*).

Пряжки развитого этапа лолинской культуры (фаза ПКБ II) представлены типом Ипатово-Типки с Т-образной или комбинированной планкой (илл. 73, *5–7, 10–12*). Два изделия обнаружены в редуцированных катакомбах (илл. 10, 11, *1*, 13, *1, 2*), форма еще трех погребений прослежена частично или не установлена (илл. 8, *1*, 9, *1*, 12, *1*). Однако, наиболее вероятно, это были ямы, что является существенным для аргументации более позднего возраста пряжек типа Ипатово-Типки по отношению к типу Чограй-Кевюды. В материалах лолинской культуры эти могильные конструкции в курганах следуют за обычными катакомбами. Из четырех погребений с рассматриваемыми пряжками только одно имело собственную насыпь (илл. 10). Меняется сочетание вещей в комплексе. Если в раннелолинских захоронениях пряжки сопровождаются керамическими изделиями, то в двух из четырех среднелолинских захоронениях пряжки встречены с бронзовыми ножами, а в трех являются единственной категорией сопутствующего инвентаря.

Система крепления остается прежней, сохраняется такое же расположение отверстия в планке по отношению к кольцу. Исчезают все декоративные детали, свойственные раннелолинским образцам, в том числе орнаментация поверхности. Теряется вычурность и выраженная фигурность, рудиментами которых являются поперечные пропилы на планке. Видимо, среднелолинские пряжки в морфологическом отношении являются развитием ранних форм, идущим по пути упрощения.

К типу Ипатово-Типки можно отнести роговую пряжку из протокобанских материалов с территории Северной Осетии (илл. 73, *22*) и из Великентского могильника одноименной культуры (илл. 73, *23*). Заметно, что широкая часть планки у данных изделий у́же, чем у остальных поясных деталей этой группы (илл. 73, *5–7*, *10–12*), тем не менее принадлежность данного предмета к типу изделий с комбинированной планкой очевидно. Причем, осетинская пряжка имеет архаичную черту, которая отсылает к более раннему типу Чограй-Кевюды. Речь идет о точечной орнаментации, которая покрывает кольцевую часть (илл. 73, *22*). Такой декор присутствует на трех из четырех пряжках фазы лолинской культуры ПКБ I (илл. 73, *1–3*). Симптоматично расположение орнаментации. У ранних экземпляров украшена планка (илл. 73, *1–3*), а у изделия фазы ПКБ II декорировано кольцо (илл. 73, *22*). Подобное различие, равно как и отличия в морфологии, указывают на более поздний возраст пряжки из Донифарса по отношению к изделиям типа Чограй-Кевюды.

Следует отметить определенную близость пряжек типа Ипатово-Типки кольцевидно-узкопланочной поясной гарнитуре. Оно проявляется, прежде всего, в наличии выделенной узкой части планки – перемычки, соединяющей кольцо и втулку с отверстием. Особенно выражено это прослежи-

вается на экземпляре из Кривой Луки (илл. 73, *7*). По-видимому, справедливым является наблюдение С.Н. Братченко о более раннем возрасте широкопланочных пряжек по отношению к узкопланочным (*Братченко*, 1995, с. 21), что подтверждают и лолинские материалы.

Весомым аргументом в пользу датировки не только пряжек с комбинированной или Т-образной планкой (илл. 73, *5–7*, *10–12*), но и классических кольцевидно-узкопланочных поясных деталей кавказской традиции (илл. 73, *8, 9, 19–21, 24*) фазой ПКБ II является ситуация, зафиксированная на Ливенцовско-Каратаевском укрепленном комплексе. В заполнении рва, в его придонной части, на ливенцовском участке памятника обнаружено п. 6 (илл. 14, *1*). Под тазом умершего находилась кольцевидно-узкопланочная костяная пряжка (илл. 14, *2, 3*, 73, *8*). Стратиграфическая позиция этого комплекса свидетельствует, что погребение было совершено вскоре после падения крепости (*Братченко*, 2006, с. 92, 93), т.е. оно выступает terminus ante quem для времени ее существования. В свою очередь, на уровне поясной гарнитуры мы имеем неоспоримое свидетельство о датировке Ливенцовско-Каратаевского укрепленного комплекса фазой ПКБ II. Дело в том, что из слоя каратаевского участка памятника происходит кольцевая костяная пряжка, которая относится к типу 2 по классификации Р.А. *Литвиненко* (2009а, с. 51, рис. 2; 2023, рис. 8). Она имеет одно отверстие с бортиком вокруг него и прямое сечение (*Мимоход*, 2022, рис. 5, *4*). Поясные детали этого типа в культурном круге Бабино маркируют исключительно развитый этап, что надежно установлено по стратиграфическим данным. Таким образом, мы имеем все основания для датировки кольцевидно-узкопланочной пряжки из Ливенцовской крепости фазой ПКБ II. Этим же периодом датируется и пряжка типа Ипатово-Типки, обнаруженная на пос. Каратаево (илл. 73, *12*), которое находится на нижней террасе под Каратаевской крепостью и является ее «посадом». Пряжка, без сомнения, принадлежит лолинской культуре. Этот немаловажный факт хорошо подтверждает то, что Ливенцовско-Каратаевский укрепленный комплекс пал в результате штурма южных посткатакомбных групп (*Мимоход*, 2022, с. 91, 92). Хорошо каратаевская пряжка легла и в хронологию крепостей. На данный момент из их материалов происходят три поясные детали: кольцевая пряжка с бортиком (*Мимоход*, 2022, рис. 5, *4*) и две планочные пряжки (илл. 73, *8, 12*). Все они надежно маркируют фазу ПКБ II, а потому можно окончательно снять вопрос об участии в штурме носителей колесничных традиций, время существования которых приходится на фазу ПКБ III.

Морфологически поясные детали из Ливенцовской крепости (илл. 73, *8*) и комплекса Тамар-Уткуль VII 4/3 (илл. 73, *9*) идентичны, отличаются только размеры. Оба предмета относятся к ВУКГ и, соответственно, синхронны в рамках фазы ПКБ II. К кольцевидно-узкопланочным пряжкам относятся и изделия гинчинской культуры (илл. 73, *19–21, 24*). Здесь есть экземпляр с перекрестной системой расположения отверстий (илл. 73, *19*), аналогичной пряжкам ВУКГ, когда кольцо для захлестывания свободного конца ремня и отверстие для крепления глухого конца пояса находятся в перпендикулярных плоскостях. Узкопланочные кольцевидные пряжки, встреченные в материалах гинчинской культуры (илл. 73, *19–21, 24*), скорее всего, одновременны группе изделий типа Ипатово-Типки (илл. 73, *5–7, 10–12*) и поясным деталям ВУКГ (илл. 73, *8, 9*). Помимо морфологической близости данная синхронность устанавливается, исходя из хронологии гинчинских памятников. Эта культура сменяется на Северо-Восточном Кавказе каякентско-хорочоевскими древностями. В погребениях последних обнаружены сурьмяные ромбические и лапчатые подвески, аналогии которым известны в покровских захоронениях. Этот факт позволяет говорить о синхронности начала каякентско-хорочоевской культуры и памятников покровского типа (*Литвиненко*, 1996б, с. 100, 101; *Мимоход, Шишлина,* 2004, с. 126; *Мимоход*, 2007, с. 153, рис. 5; 2010, с. 248; 2013, с. 190, 255; *Гак*, *Мимоход*, *Калмы-*

ков, 2012, с. 189). ВУКГ исчезает с появлением потаповских и синташтинских памятников, которые в рамках блока колесничих культурных образований синхронны ранним памятникам покровского типа или доно-волжской абашевской культуре. Таким образом, гинчинские (илл. 73, *19–21, 24*) и волго-уральские (илл. 73, *8, 9*) кольцевидно-узкопланочные пряжки не заходят в начало поздней бронзы, а соответственно могут маркировать фазу ПКБ II[18].

Завершает хронологический ряд рассматриваемой кольцевидно-планочной поясной гарнитуры костяная пряжка с редуцированной планкой из комплекса Ут 6/1 (илл. 16). Как уже отмечалось, генетически этот тип ременных деталей связан с кольцевидно-планочной поясной гарнитурой культурного круга Лола, а потому правомерно может рассматриваться в рамках анализа изделий кавказской традиции. Ее позиция на периодизационной шкале надежно устанавливается. Изделие датируется фазой ПКБ III (илл. 73, *13*). Подтверждает это серия пряжек с редуцированной планкой, которая происходит из покровских захоронений (илл. 76, *2–10*). Поясная деталь из позднелолинского захоронения (илл. 76, *1*) хорошо вписывается в этот типологический ряд.

Относительная хронология пряжек *европейской традиции* (илл. 72, *26–56*), в отличии от кавказской, имеет короткую хронологию (илл. 73, *25–55*). Сразу отметим, некоторые ее особенности. Благодаря наличию стратиграфических данных, показательным обрядовым характеристикам и хорошо установленным культурно-типологическим соответствиям, относительная хронология поясных деталей европейской традиции определяется гораздо четче в рамках блока посткатакомбных культурных образований, где время существования крючково-широкопланочных пряжек ДДБК не вызывает особых сомнений (илл. 73, *25–38*). Выше было показано, что такая же ситуация характерна и для пряжек кавказской традиции, где хронологическим локомотивом выступает лолинская культура. Разница заключается, главным образом, в протяженности существования этих двух феноменов планочной поясной гарнитуры в восточноевропейской степи-лесостепи.

О том, что посткатакомбные крючково-широкопланочные фигурные пряжки датируются ранним периодом ДДБК исследователи писали неоднократно (см. выше). Наиболее предметно к хронологии этой категории инвентаря подошел Р.А. Литвиненко. Он установил, что даже в рамках раннего периода пряжки занимают архаичную позицию. Исследователь выделяет в развитии Днепро-Донского Бабино фактически пять периодов, которые объединяются в три этапа (*Литвиненко*, 2009, рис. 153; 2018, рис. 1; 2020, рис. 1; 2023, рис. 9). Все бабинские фигурные пряжки, за одним исключением, он отнес к самому раннему периоду IA (*Литвиненко*, 2009, рис. 153; 2018, рис. 1; *Литвиненко*, *Ляшко*, 2018, с. 166). Только в отношении изделия из Новогупаловки III он поставил вопрос об отнесении его к периоду IБ, опираясь на особенности в положении скелета (илл. 27) (*Литвиненко, Ляшко*, 2018, с. 166). Особое значение имеет сочетание фигурных пряжек с другими узко датирующими категориями инвентаря в одном комплексе. Так, четыре раза крючково-планочные поясные детали обнаружены в одном погребении с ранними кольцевыми пряжками (илл. 20, *2, 3, 6*, 25, *5, 6*, 26, *2, 3*, 32, *2, 3*). Причем, последние относятся к типу 1 по типологии Р.А. Литвиненко (2009а, с. 51, рис. 2; 2023, рис. 8): кольцевидные изделия с линзовидным сечением, которые тоже датируются периодом IA. Два раза фигурные пряжки в захоронении сочетались с каменными брусками с двумя перетяжками, которые являются наклад-

[18] В нашу хронологическую таблицу (илл. 73) не помещены кольцевидно-узкопланочные пряжки из Азербайджана (илл. 66, *13, 14*). Дело в том, что Закавказье и Ближний Восток живут своими хронологическими ритмами. Пряжки из Ханларского комплекса памятников датируются позже рассматриваемой нами серии и относятся к поздней бронзе, а кольцевидно-узкопланочные пряжки на Ближнем Востоке известны уже в Трое II (*Schliemann*, 1881. Nr. 557). Близкая ситуация наблюдается и в Казахстане. В этом регионе известна кольцевидно-узкопланочная пряжка (*Ткачев*, 2002, с. 185), которая относится к нуртайской культуре (фаза ПКБ III по восточноевропейской периодизации).

ками на предплечье лучника (илл. 21, *3, 4,* 28, *2, 3*) (*Мимоход, Усачук, Вербовский*, 2021). Эти предметы, равно как и крючково-поясная гарнитура, имеет европейской происхождение и также датируются ранним периодом культурного круга Бабино, т.е. фазой ПКБ I (*Мимоход*, 2025а). Подтверждает это и картографирование крючково-планочной поясной гарнитуры ДДБК. Комплексы с такими пряжками концентрируются в Днепро-Донецком регионе (илл. 1, *80*), т. е. именно на той территории, где находилось древнейшее ядро формирования Днепро-Донского Бабино (*Литвиненко*, 2009, рис. 49; 2018, рис. 1; 2020, рис. 1; 2023, рис. 3–7). Таким образом, все кольцевидно-широкопланочные фигурные пряжки ДДБК датируются фазой ПКБ I (илл. 73, *25–38*), и подавляющее большинство из них, если не все, по всей видимости, относится к ее началу.

Как уже отмечалось, роговые фигурные пряжки из Шагарского могильника (илл. 73, *53, 54*) являются достаточно точными аналогиями бабинской серии (илл. 73, *25–38*), и поэтому вряд ли есть сомнения по поводу того, что они синхронны экземплярам ДДБК и располагаются в хронологической нише фазы ПКБ I. Подтверждает это п. 10 того же могильника. В ней обнаружена кольцевая пряжка (*Каверзнева*, 2003, рис. 1, *1*) типа IA по классификации Р.А. Литвиненко с одним отверстием и коническим сечением. Такой тип маркирует ранний этап ДДБК, и, соответственно, фазу ПКБ I.

Вопрос о хронологии крючково-узкопланочных костяных пряжек в Восточной Европе (илл. 72, *42–46*) требует особого внимания. По всей видимости, наметить линию развития для этой группы поясных деталей, как мы это попытались сделать для кольцевидно-планочных экземпляров кавказской традиции, вряд ли получится. У нас нет пока достоверных данных о том, что крючковые пряжки с узкой планкой датируются фазой ПКБ II. Довольно четко устанавливается хронология шагарских экземпляров (илл. 73, *47, 48*). Дело в том, что поселение и сопровождающий его грунтовый могильник шагарской культуры существовали относительно короткий временной отрезок, который, в целом, укладывается в фазу ПКБ I. Наличие в трех захоронениях узко датирующихся пряжек: круглой кольцевой (*Каверзнева*, 2003, рис. 1, *1*) и крючково-широкопланочных (илл. 73, *53, 54*), надежно устанавливает указанный возраст не только для некрополя, но и для поселения, материалы которого находят соответствия в погребальных комплексах. В свете вышесказанного есть все основания датировать крючково-узкопланочные поясные детали шагарского археологического комплекса фазой ПКБ I (илл. 73, *47, 48*). Что касается крючковой роговой пряжки с узкой фигурной планкой (илл. 73, *55*), то нахождение ее в одном закрытом комплексе с экземпляром, которые имеет убедительные аналогии в ДДБК (илл. 60) снимает все вопросы об ее относительной хронологии.

Еще два изделия типа 2 крючково-планочной группы поясной гарнитуры обнаружены на стоянке Асовец 2 северобелорусской культуры (илл, 67, *9, 10*). Здесь следует отметить, что разработка хронологии и периодизации данного культурного образования сталкивается с некоторыми проблемами. Главной из них является отсутствие погребальных комплексов. Время формирования северобелорусской культуры по калиброванным ^{14}C данным пос. Асовец 2 сейчас относится ко второй четверти III тыс. до н. э. (*Чернявский Макс.*, 2016, с. 311, 312). Однако это время так называемого «переходного» периода трансформации усвятской культуры (среднего неолита) в северобелорусскую (поздний неолит – ранняя бронза по местной периодизации) (*Чарняўскі Міх., Чарняўскі Макс*., 2011, с. 177). Время расцвета последней приходится на последнюю четверть III тыс. до н. э., т.е. фазу ПКБ I. По всей видимости, именно с этим хронологическим интервалом можно связать и поясную крючково-узкопланочную гарнитуру из кости со стоянок Асовец 2 и 7 (илл. 67, *9, 10*, 73, *49*). Впрочем, не исключено, что она может появляться и раньше, особенно с учетом наличия пряжки этого типа в фатьяновских материалах (пос. Великодворье-1) и принадлежности отдельных экземпляров в Центральной Европе эпохе энеолита по евро-

пейской периодизации. Однако в любом случае это будет время непосредственно предшествующее фазе ПКБ I.

Точную датировку костяной крючково-узкопланочной пряжки из пос. Балка Хреева III (илл. 73, *52*) осложняют два обстоятельства. Во-первых, потому что это поселенческая находка, а, во-вторых, она является единственным известным нам изделием с двумя крючками не только для территории Восточной Европы, но для более западных территорий. Тем не менее, некоторые основания для определения хронологической позиции этого предмета есть. Пос. Балка Хреева III по данным публикаций производит впечатление однокультурного и однослойного памятника, который можно отнести к каменско-ливенцовской культуре (Кияшко, Ларенок, 2020; 2023). Исследователи отмечают, что в материалах поселения присутствует «крупный сосуд в форме корчаги с биконическим туловом, высокой прямой горловиной и отогнутым венчиком» (*Кияшко Ларенок*, 2020, с. 100, рис. 2, 14; 2023, с. 158, рис. 2, *27*). Подобные корчаги встречаются в погребениях ДДБК, где они маркируют этап формирования (*Литвиненко*, 1999), т.е. фазу ПКБ I. Правда, следует отметить, что по форме этот сосуд больше сопоставим с сосудами группы 6 невинномысской культуры юго-восточного локального варианта (*Мимоход*, 2022б, илл. 118, *8, 9*; 2023, рис. 5, 16, *19*), но и там эти горшки датируются ранним периодом, т.е. фазой ПКБ I (*Мимоход*, 2023, рис. 3, *5, 6*). Еще целый ряд соответствий материалов пос. Балка Хреева III и культурного круга Лола отмечают А.В. Кияшко и О.П. Ларенок (2020; 2023). Таким образом, хреевская пряжка, несомненно, относится к посткатакомбному времени и, по всей видимости, датируется ранней фазой существования блока посткатакомбных культурных образований (илл. 73, *52*).

Относительная хронология кольцевидно-планочной поясной гарнитуры европейской традиции зоны широколиственных лесов Восточной Европы (илл. 72, *47–56*) устанавливается на тех же основаниях, что и для крючковых пряжек этой же территории. Исходя из общей хронологии Шагарского могильника, фазой ПКБ I следует датировать экземпляры из п. 109 и 130 (илл. 73, *50, 51*). Кольцевидно-узкопланочные поясные детали пос. Асовец 2 и 7 также следует относить к этому периоду (илл. 73, *39–44, 46*) с вероятностью того, что время их существования может заходить и в предшествующий хронологический этап. Костяная пряжка из комплекса Алгаши 1/1 Средневолжского Абашева (илл. 77, *1*), как уже отмечалось, входит в единый типологический ряд с кольцевидно-узкопланочными пряжками ККК (илл. 77, *2–9*). С учетом механизмов сложения СВАК, в котором одну из главных ролей сыграли носители традиций колоколовидных кубков (*Мимоход*, 2022в), а также явно ранний облик материалов мог. Алгаши, в которых очень хорошо фиксируется европейская составляющая этой культуры, есть все основания и эту поясную деталь относить к фазе ПКБ I (илл. 73, *45*), ко времени ее начала 2200 CalBC.

Именно в этот знаковый период для Восточной Европы в степи-лесостепи распространяются и крючково-широкопланочные фигурные пряжки европейской традиции Днепро-Донского Бабино (илл. 73, *25–38*), и кольцевидно-широкопланочные поясные детали кавказской традиции лолинской культуры (илл. 73, *1–4*). Как уже было показано, эти пряжечные новации, которые являлись одной из составных частей целого ряда новых стандартов в обрядово-инвентарных комплексах культурного круга Лола, культурного круга Бабино и СВАК, были связаны с тремя синхронными миграционными импульсами из Европы и Кавказа, которые привели к кардинальному переоформлению культурной ситуации в восточноевропейском регионе в финале средней бронзы.

Радиоуглеродная хронология

На сегодняшний день ^{14}C данные имеют только шесть погребений финала средней бронзы с планочными пряжками (Приложение 3.1). Из них восемь дат получены по образцам из погребений лолинской культуры (илл. 3–5, 7, 9–12) и одна по захоронению ДДБК (илл. 24). Для первой из них три датировки имеют комплексы с пряжками типа

Чограй-Кевюды (Приложение 3.1, *1–3*) и пять с экземплярами типа Ипатово-Типки (Приложение 3.1, *4–8*). Одну дату по образцу из погребения с крючково-широкопланочной пряжкой имеет ДДБК (Приложение 3.1, *9*).

Датирование проводилось в лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН (Приложение 3.1, 1, *4–8)*, в лаборатории радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии Института географии РАН (Приложение 3.1, *9*) и в Киевской радиоуглеродной лаборатории НАН Украины (Приложение 3.1, *2, 3*). Все даты получены по костям людей.

Даже беглого взгляда на таблицу достаточно, чтобы увидеть недостатки серии. С одной стороны, ситуация выглядит вроде бы благоприятной, ведь для лолинской культуры из одиннадцати погребений с планочными пряжками имеются датировки для пяти захоронений, т. е. почти для половины комплексов с этой категорией инвентаря. Однако из анализа сразу следует исключить три даты, у которых доверительный интервал от 100 лет (Приложение 3.1., *4, 5, 7*), ввиду их непригодности для анализа. Из восьми датировок остаются уже пять дат (Приложение 3.1 *1–3, 6, 8*), и этого явно мало для статистического анализа[19]. Еще одним недостатком серии является то, что подавляющее большинство ^{14}C данных – это LSC-даты (Приложение 3.1, *1–8*), а датировка, полученная на ускорителе, только одна (Приложение 3.1, *9*). Из лолинской выборки неотбракованных значений имеются три даты по комплексам фазы ПКБ I (Приложение 3.1, *1–3*) и еще две по образцам из захоронений с поясными деталями фазы ПКБ II (Приложение 3.1, *6, 8*). Следует отметить, что все эти пять дат попадают во время существования блока посткатакомбных культурных образований, но не все они соответствуют фазам его развития (илл. 73). Так, дата из комплекса Ипатово-3 2/13 (Приложение 3.1, 6) фазы ПКБ II дала интервал, который больше соответствует фазе ПКБ III, а датировка комплекса Кевюды 1 3/5 (Приложение 3.1, *1*) фазы ПКБ I попала в период фазы ПКБ II. Ситуация, аналогичная последней, зафиксирована и с датой бабинского комплекса Мариенфельд 3/3 (Приложение 3.1, *9*). Эти несоответствия вряд ли стоит принимать всерьез, тем более что начальные точки интервалов находятся в рамках тех фаз ПКБ, которыми датируются указанные погребения. Понятно, что ^{14}C данных мало. Как только мы начинаем оперировать крупными сериями дат по фазам ПКБ, то их суммирование дает выраженный «эффект лестницы», где на графике фаз ПКБ I–III их пики следует один за другим (*Мимоход*, 2023а, рис. 8). Таким образом, опираясь на всю совокупность ^{14}C данных блока посткатакомбных культурных образований, крючково- и кольцевидно-планочную поясную гарнитуру следует датировать в пределах 2200–2000 CalBC. Если сюда добавить изделие из с редуцированной планкой из комплекса Ут 6/1 фазы ПКБ III 1 (илл. 16, 73, *13*), то время существования планочных пряжек будет занимать всю посткатакомбную эпоху в пределах 2200–1800 CalBC.

Ситуация с радиоуглеродной хронологией культур Северо-Восточного Кавказа, в материалах которых присутствует кольцевидно-планочная поясная гарнитура, оставляет желать лучшего. Для присулакских и протокобанских древностей на сегодняшний день мы ^{14}C данных не имеем. Для гинчинской культуры дат явно недостаточно для каких-либо выводов. В сводке А.В. Трифонова значится всего 6 датировок, которые очерчивают диапазон XXIV–XXII вв. до н. э. (*Трифонов*, 2001, табл. 1, 2). В целом, этот интервал древнее посткатакомбного блока, но ему синхронна только поздняя гинчинская культура, а верхний рубеж указанного интервала вполне соответствует времени ПКБ I. Приблизительно так же обстоит дело и с великентской культурой, которая существовала на протяжении всего среднего бронзового века. Она имеет 12 датировок и в этой серии есть определения, соответствующие фазе ПКБ I (*Магомедов*, 2004).

Погребения с костяными пряжками Шагарского могильника, к сожалению, пока не дати-

[19] Впрочем, их мало даже с учетом исключенных дат.

ровались. Однако есть опубликованная серия ^{14}C данных, полученных по образцам из других захоронений (*Каверзнева, Бобров, Борисов*, 2006, табл. 1). Их радиоуглеродные даты хорошо согласовываются с относительной хронологией и укладываются во время фазы ПКБ I с заходом в фазу ПКБ II (2200–2000 CalBC).

Радиокарбонная хронология СВАК, из материалов которой происходит кольцевидно-узкопланочная пряжка (илл. 73, *45*), на сегодняшний день надежно установлена. Она основана преимущественно на AMS-датах (*Кузнецов*, 2003, с. 86, 87; *Добровольская*, *Медникова*, 2011, табл. 4; *Ахметов*, *Луньков*, *Лунькова*, 2013, табл. 2; *Кренке*, 2014, с. 30; *Кузьминых, Мимоход*, 2016, табл. 1–3). Само захоронение с поясной деталью не датировалось, но диапазон существования всей СВАК определяется в рамках фаз ПКБ I и II, что не противоречит установленной хронологии пряжки из Алгашей (илл. 73, *45*).

Ситуация с радиоуглеродными датами северобелорусской культуры, в материалах которой присутствует серия кольцевидных и крючковых планочных пряжек со стоянок Асовец 2 и 7, примерно такая же, как и с вышеупомянутыми кавказскими культурами. Они, во-первых, немногочисленны (10 корректных датировок), во-вторых, больше половины из определений относятся ко времени ее формирования, который древнее рассматриваемого в книге периода, и только одна сделана по образцу из «слоя доминирования керамики северобелорусской культуры» пос. Асовец 2 (*Чернявский Макс.*, 2016, с. 311). Часть интервала последней соответствует времени фазы ПКБ I.

Таким образом, радиоуглеродные даты, в целом, не противоречат предложенной относительной хронологии восточноевропейской планочной поясной гарнитуры финала средней бронзы. Однако база ^{14}C данных нуждается в дальнейшем пополнении для всех рассмотренных культур и в особенности для северокавказских культур и культур зоны широколиственных лесов. К тому же ощущается острый дефицит для радиоуглеродных определений комплексов с самими пряжками. По сути, сейчас этот вопрос можно обсуждать только по данным лолинской культуры, да и то с целым рядом существенных оговорок.

ГЛАВА 4 Пряжки в контексте погребального обряда

Основными носителями планочно-пряжечной традиции в Восточной Европы были посткатакомбные культурные образования культурного круга Лола и культурного круга Бабино. На них приходится половина изделий всех рассматриваемой в данной монографии пряжек. Причем показательно и распределение этой категории инвентаря по культурам. Так, в посткатакомбном мире планочные поясные детали известны в материалах трех культурных образований (ДДБК, лолинская и ВУКГ), а остальной массив пряжек рассредотачивается по комплексам девяти культур. Налицо явная тенденция, выражающаяся в значительно меньшем количестве культур в рамках посткатакомбного блока по сравнению с Кавказом и зоной широколиственных лесов при паритетном распределении пряжек. В территориальном отношении зона распространения планочной поясной гарнитуры в рамках блока посткатакомбных культурных образований занимает порядка 800 тыс. кв. км (илл. 1, 2), в то время как на Кавказе она не превышает 90 тыс. кв. км (илл. 2). Для зоны широколиственных лесов эту площадь обозначить сложно ввиду слабой изученности этой территории и самих культур, но с уверенностью можно сказать, что она в разы меньше посткатакомбной (илл. 2).

В этой связи интересно сопоставить обрядовые характеристики погребений с планочной поясной гарнитурой носителей бабинских и лолинских традиций как ярких манифестантов пряжек европейской и кавказской традиций на рассматриваемой в книге территории. Кроме того, посткатакомбные комплексы с пряжками, как правило, дают ясное представление об основном наборе обрядовых характеристик и положении ременных деталей в могиле, что создает условия для полноценного анализа. Для большей части захоронений с поясной гарнитурой Северо-Восточного Кавказа мы таких данных, к сожалению, не имеем. Как уже не раз отмечалось, склеповый характер целого ряда гробниц, а в некоторых случаях и со следами ограбления, вносит объективные ограничения для такого рода процедуры. В комплексе СВАК Алгаши 1/1 кости умершего также анатомического порядка не имели, и здесь возникает такая же проблема. Погребальный обряд северобелорусской культуры пока неизвестен, а серия пряжек происходит со стоянок Кривинского торфяника. Поселенческой находкой является и крючково-планочное изделие каменско-ливенцовской культуры. За пределами посткатакомбного мира полноценное представление об обрядовых характеристиках погребений с поясной гарнитурой дают только комплексы шагарской и присулакской культур, данные которых будут ниже использованы при анализе.

При сравнении ориентировок скелетов в посткатакомбных захоронениях с пряжками выявляется четкая закономерность, которая является одним из важных признаков размежевания древностей культурного круга Бабино и культурного круга Лола. В погребениях последнего доминантными выступают северный сектор, особенно северо-восточное направление, восточный и южный секторы (илл. 81, *1*). Погребения с поясными деталями ДДБК показывают прямо противоположную тенденцию. Костяки здесь ориентированы в западную половину круга (илл. 81, *1*).

В положении рук умерших также прослеживаются противоположные тенденции. В культурном круге Лола полностью доминирует поза адорации, когда руки согнуты в локтях под острым углом, а кисти находятся перед лицом или грудью. Позиция, истоки которой восходят к катакомбной эпохе, когда одна рука протянута к коленям, а вторая согнута в локте под прямым углом и ее кисть находится в районе локтя протянутой руки[1], встречена в лолинских погребениях только один раз (илл. 9, *1*, 81, *2*). Катакомбные неадора-

[1] Так называемая поза «четверка».

тивные позиции, наоборот, доминируют в ДДБК (илл. 81, *2*). Причем, поза «четверка» здесь явно господствует и встречена в шести комплексах (илл. 17, *3*, 23, *1*, 25, *3*, 28, *1*, 30, *1*, 32, *1*), в то время как классическая катакомбная позиция, когда обе руки протянуты к коленям зафиксирована только два раза (илл. 22, *1*, 26, *1*).

Показателен и анализ степени скорченности. В культурном кругом Лола средне- и сильноскорченные костяки представлены паритетно – по шесть комплексов. Слабая скорченность скелета в лолинских материалах не зафиксирована ни разу. В ДДБК, наоборот, слабоскорченная позиция доминирует и представлена в семи захоронениях (илл. 19, *1*, 21, *1*, 23, *1*, 26, *1*, 28, *1*, 30, *1*, 32, *1*). Сильная степень скорченности костяка в культурном круге Бабино зафиксирована только один раз (илл. 27, *1*), а средняя – три раза (илл. 17, *1*, 22, *1*, 24, *1*).

Есть серьезные отличия и в использовании в могилах деревянных конструкций. Последние являются одним из характерных признаков бабинской обрядности. Сооружения из дерева представлены рамами и перекрытиями (илл. 17, *1–3*, 18, 19, *1*, 21, *1*, 22, *1*, 23, *1*, 24, *1*, 31, 81, *3*). В культурном круге Лола деревянная конструкция была зафиксирована всего один раз и представляла собой заслон входа в камеру катакомбы (илл. 11, *1*). Соотношение каменных сооружений близко (илл. 81, *4*). И в лолинских, и бабинских погребениях с пряжками камень в обряде применялся редко. В ДДБК – это каменные перекрытия (илл. 25, *1, 2*, 29), а в лолинской культуре – кромлех прямоугольной формы (илл. 10).

Интересно соотношение лолинских и бабинских захоронений, которые не сопровождались дополнительными внутримогильными конструкциями из камня и дерева. Различие здесь очевидное. В культурном круге Лола известен только один комплекс с деревянной конструкцией (илл. 11, *1*), все остальные погребения не имели этого элемента погребального обряда. В ДДБК, наоборот, девять захоронений имеют внутримогильные деревянные и каменные конструкции и только три погребения их не имеют (илл. 26, *1*, 27, *1*, 28, *1*).

Есть различия и в конструкциях могил. В культурном круге Бабино все захоронения с пряжками совершены в ямах, в то время как в культурном круге Лола присутствуют катакомбные и подбойные могилы, которые составляют 41,7% от всей серии рассматриваемых захоронений (илл. 81, *5*).

Посткатакомбные погребения нередко сопровождались костями животных (КЖ). Погребения с планочными пряжками не исключение. Чаще всего в могилы помещали кости КРС и МРС. При этом имеются различия в видовом соотношении по разным культурным традициям. Так, кости МРС в лолинских захоронениях представлены лучше (илл. 4, 9, *1*, 11, *1*, 81, *6*), чем в бабинских (илл. 18, 81, *6*)[2]. Особенно ярко различие проявляется по признаку «кости КРС». В культурном круге Лола они не представлены вовсе (илл. 81, 7), зато в ДДБК есть серия из шести погребений, где присутствуют кости коровы или быка (илл. 37, *1, 2*, 18, 19, *1*, 22, *1*, 23, *1*, 24, *1*, 32, *1*, 81, 7). Различается и положение КЖ в могилах. В погребениях лолинской культуры наблюдается тяготение КЖ к костяку (илл. 4, 9, *1*, 11, *1*). Причем, в двух случаях, кости МРС находятся в классической для посткатакомбных памятников Предкавказья и Нижнего Поволжья в позиции у левой руки (илл. 9, *1*, 11, *1*) (*Мимоход*, 2007а; 2013, с. 42, 43; 2019, с. 25, 29; 2021, с. 11, 19). Для ДДБК характерна отделенность КЖ от скелета вплоть до размещения их на перекрытии и между деревянной рамой и стенкой ямы (илл. 17, *1, 2*, 18, 19, *1*, 22, *1*, 23, *1*, 24, *1*) (*Литвиненко*, 2006а, с 182; 2009а, с. 83, 84).

Показательно, что в захоронениях культурного круга Лола с планочными пряжками полностью отсутствует охра (илл. 82, *1*), в то время как этот пигмент встречается в погребениях культурного круга Бабино (илл. 19, *1*, 22, *1*, 27, *1*, 82, *1*). Сопоставимы показатели наличия следов горения в комплексах обеих культурных традиций (илл. 8, *1*, 11, *1*, 24, *1*, 82, *2*).

Есть определенные закономерности в размещении погребений по секторам кургана (илл. 82, *3*). Ожидаемо, что часть как лолинских, так и бабинских захоронений находятся в центре насыпи. Обращает на себя внимание

[2] Здесь не учитывались погребения с астрагалами. Это специфическая категория инвентаря со своей знаковой нагрузкой.

размещение серии комплексов ДДБК в северной половине кургана (илл. 82, *3*). Эта черта, характерная для впускных захоронений раннего этапа Днепро-Донского Бабино, хорошо была показана Р.А. Литвиненко (2006, с. 221, 223, рис. 6). Погребения культурного круга Лола, напротив, тяготеют к южной части подкурганной площадки (илл. 82, *3*).

Сравнение комплексов по признаку «основные/досыпка и впускные погребения» с пряжками показывает, что культурный круг Бабино демонстрирует более развитое курганное строительство (илл. 82, *4*). Так, основные захоронения, сопровождавшиеся досыпками, составляли 64,3% от всех погребений с планочной поясной гарнитурой. В культурном круге Лола соответствующий показатель составляет 40% (илл. 82, *4*). Эти данные подтверждаются всем массивом данных для Лолы и ДДБК, где в процентном у последней культуры основных и погребений с досыпками больше, чем у первой.

Отдельный интерес вызывают половозрастные характеристики умерших в захоронениях с планочными пряжками (Приложение 4.1). В обеих культурных традициях налицо ярко выраженная тенденция. Для культурного круга Лола антропологические определения сделаны по семи комплексам (илл. 82, *5*), для культурного круга Бабино – для четырех (илл. 82, *6*). Фактически во всех бабинских и лолинских захоронениях с планочными пряжками антропологи определили мужской пол у умерших (илл. 82, *5, 6*). В целом, это подтверждает давно отмеченную тенденцию о тяготении пряжек именно к мужским погребениям. Для раннего этапа ДДБК, к которому и относятся все крючково-планочные поясные детали (илл. 73, *25–38*), характерна гендерная дихотомия в положении умершего, когда мужчин укладывали на левой бок и черепом ориентировали в западный сектор, а женщин клали на правый бок и черепом ориентировали в восточный сектор (*Дубовская*, 1985; *Отрощенко*, 1992; *Литвиненко*, 2001а, с. 168; 2006, с. 216–221; 2006а, с. 173, 174; 2007, с. 158; 2009, с. 71; 2012, с. 262, 263; *Грищук*, 2016, с. 46). Это обрядовая черта пришла в Днепро-Донское Бабино вместе с крючково-планочными пряжками из Центральной Европы и Карпато-Дунайского региона. Все погребения с рассматриваемой поясной гарнитурой ДДБК относятся к мужской обрядовой группе, где скелеты находились на левом боку и ориентированы в западную половину круга.

Показателен и возраст умерших (прил. 4.1). Обращает на себя внимание, что планочные пряжки неизвестны в погребениях детей и юношей (infantis и juvenis до 18 лет) как в бабинских, так и в лолинских древностях (илл. 82, *5, 6*). Отчасти это подтверждает и то, что для погребений, у которых нет антропологических определений, авторы раскопок и публикаций утверждают, что в могилах находились скелеты взрослых людей (илл. 82, *5, 6*). В материалах ДДБК присутствуют один комплекс, в котором похоронен мужчина возмужалого возраста (adultus – 20–35 лет) (илл. 19, *1*), два захоронения с мужскими скелетами зрелого возраста (maturus – 30–55 лет) (илл. 23, *1*, 24, *1*) и одно погребение мужчины пожилого возраста (senelis – от 50 лет) (илл. 17, *3*). В культурном круге Лола, в отличие от Бабино, верхняя планка начинается с возраста maturus (илл. 82, *5*). Известны лолинских шесть погребений, в которых находились мужчины в возрасте 30–55 лет (илл. 3, *1*, 4, *1*, 9, *1*, 11, *1*, 13, *1*), и одно мужское захоронение, где был обнаружен костяк в возрасте старше 55 лет (илл. 12, *1*).

Таким образом, в блоке посткатакомбных культурных образований фигурные планочные пряжки выступают атрибутом исключительно мужских погребений. Все умершие переступили 30-летний рубеж. Чаще всего поясную гарнитуру помещали в захоронения мужчин в возрасте 30–55 лет (8 случаев) и реже в погребения людей старше 55 лет (2 случая) (илл. 82, *5, 6*). Все это недвусмысленно указывает на то, что непременным условием для использования пряжек было достижения мужчинами определенного, несомненно, высокого и почитаемого статуса, подчеркиваемого поясом с пряжкой, а также принадлежность к определенной возрастной группе. Ее нижний рубеж в посткатакомбном мире может быть определен примерно в районе 30–35 лет, а судя по преклонному возрасту умерших из комплексов Типки-1 2/4 и Александровск 1/4, он был пожизненным.

Исключение здесь составляет позднелолинский комплекс Ут 6/1 (илл. 16). В отчете указа-

но, что в могиле находилась «женщина пожилого возраста» (*Цуцкин*, 1978, с. 138). В источнике не указано, кем проводились определения, но, скорее всего, их провел специалист-антрополог (Приложение 5.1). В случае с этим погребением, с одной стороны, мы имеем дело с уже с охарактеризованной тенденцией тяготения планочных пряжек к возрасту умерших, который в архаических обществах можно назвать почтенным, а, с другой, с явным отклонением от нормы, когда поясная гарнитура выступает ярким маркером мужских захоронений. Здесь следует отметить, что комплекс Ут 6/1 датируется фазой ПКБ III (илл. 73, *13*). Р.А. Литвиненко показал, что и в материалах культурного круга Бабино фиксируются такие редкие гендерные отклонения от нормы, часть которых приходится именно на заключительный период существования блока посткатакомбных культурных образований (*Литвиненко*, 2004, с. 274, 275).

Из четырех погребений шагарской культуры с роговыми и костяными крючково-планочными пряжками два имеют антропологические определения. В п. 109 и 130 одноименного могильника были погребены мужчины в возрасте 30–40 лет (илл. 61, 62). В п. 46 и 52 скелеты принадлежали взрослым людям, их пол установлен предположительно автором раскопок. Первое из них было парным захоронением (илл. 59, *1*). По конституции скелеты сильно отличаются. Северо-западный костяк более мелкий, субтильный и грацильный, юго-восточный – более крупный, поэтому, даже в отсутствии антропологических определений, следует согласиться с мнением Е.Д. Каверзневой о том, что скелеты принадлежали женщине и мужчине (*Каверзнева*, 2017). Это еще более станет очевидным, если учесть, что в этом захоронении, скорее всего, реализован хорошо известный по европейским материалам принцип гендерной бинарной оппозиции. Умершие в п. 46 были ориентированы в противоположные стороны (илл. 59, *1*)[3]. Показательно, что крючково-узкопланочная пряжка была связана именно с мужским скелетом (илл. 59, *1*). В п. 52 Е.Д. Каверзнева определила костяк как принадлежащий предположительно женщине (илл. 60, *1*) (*Каверзнева*, 2003, с. 145). Сложно сказать, на основании чего был сделан такой вывод. Отметим, что кроме крючково-широкопланочной пряжки (илл. 60, *2, 3*) в этом захоронении была обнаружена еще одна крючковая фигурная поясная деталь (илл. 60, *4, 5*, 71, *18*), которая была интерпретирована как зооморфная подвеска (*Каверзнева*, 2003, с. 147).

Таким образом, погребения с пряжками шагарской культуры демонстрируют тенденцию, очень близкую той, что зафиксирована по посткатакомбным комплексам. Поясные детали обнаружены в захоронениях взрослых индивидов, причем преимущественно речь идет о мужчинах зрелого возраста.

Данные присулакской культуры представляют иную по сравнению с бабинско-лолинской картину. В комплексе Гертма III 5/1 вместе с пряжкой был обнаружен скелет подростка 10–12 лет (илл. 33, *3, 4*), а в п. 3 к. 6 того же могильника находился костяк ребенка 4–6 лет (илл. 35, *3, 4*). Иными словами, присулакская культура демонстрирует традицию полностью противоположную той, которая прослежена для посткатакомбных памятников. В первом случае мы имеем дело с захоронениями людей в возрасте infantis (дети и подростки), во втором – мужчины старше 30–35 лет. Объяснение этому феномену попытаемся дать в главе 6.

Вернемся к нашим графикам, которые показывают различия обрядовых характеристик погребений с планочными пряжками культурного круга Бабино и культурного круга Лола (илл. 81, 82, *1–6*). Мы соединили графики в рамках единого полигона (илл. 82, *7*). Он наглядно показывает различные пики встречаемости обрядовых признаков для лолинских и бабинских древностей. Иными словами, в посткатакомбных с крючково-планочной и кольцевидно-планочной поясной гарнитурой в концентрированном виде проявляются едва ли не все основные обрядовые структурные различия, которые позволяют разделить блок посткатакомбных культурных образований на культурный круг Бабино и культурный круг Лола.

[3] Напомним, что в Восточной Европе этот принцип в финале среднего бронзового века наиболее полно реализован в погребальной обрядности ранней ДДБК, а в предшествующий период он представлен в среднеднепровской и фатьяновской культурах.

Подтверждают эту дифференциацию и метрические параметры пряжек. Для этого была проведена корреляция по ряду признаков. Мы сравнили бабинские и лолинские изделия по длине и диаметру кольца для кольцевидно-планочных предметов и ширине щитка для крючково-планочных поясных деталей. График показал, что поясная гарнитура достаточно четко распалась на два кластера (илл. 83, *1*). Оказалось, что кольцевидно-планочные пряжки, в целом, длиннее и у́же крючково-широкопланочной серии, а, соответственно, последняя имеет более приземистые пропорции. Ее пряжки короче и шире кольцевидно-планочных экземпляров. Особняком на графике (илл. 83, *1*) расположилась пряжка из Текстильщика (илл. 65, *2*) и Тамар-Уткуля (илл. 64, *13*). Первая оказалась самой длинной и широкой из всей крючково-планочной серии ДДБК, вторая является самой длинной из кольцевидно-планочных поясных деталей культурного круга Лола. Эти случаи представляют собой исключения, а, в целом, метрические параметры пряжек европейской и кавказской традиций из посткатакомбных комплексов достаточно стандартизированы.

Второй график был составлен по признакам «длина и высота планки»[4]. Здесь также образовались два достаточно четких кластера. Как и следовало ожидать, бабинское скопление точек достаточно компактно заняло нижнюю часть графика, в то время как лолинское расположилось над ним (илл. 83, *2*). Иными словами, метрические параметры планки находятся в числе наиболее значимых типообразующих признаков. Первый наш график уже проиллюстрировал (илл. 83, *1*) то, что поясная гарнитура ДДБК имеет более приземистые пропорции по сравнению с лолинской, второй еще более конкретизировал эту ситуацию (илл. 83, *2*). Высота планок бабинских экземпляров существенно ниже, чем у изделий культурного круга Лола, но при этом ширина их вполне сопоставима. Как и на предыдущем графике, от основной области «отлетели» пряжки из Текстильщика и Тамар-Уткуля, но даже в этих исключениях сохраняется та же тенденция: высота планки пряжки ДДБК меньше, чем у изделия ВУКГ.

Таким образом, в рамках блока посткатакомбных культурных образований метрические параметры планочной поясной гарнитуры оказываются «скрытыми» индикаторами четкого разделения пряжек культурного круга Бабино и культурного круга Лола. На своем уровне они подтверждают правомерность выделения в этом массиве пряжек европейской и кавказской традиций, первая из которых маркирует преимущественно бабинские, а вторая – лолинские древности.

Интересные результаты дал график, составленный по всем кольцевидно-планочным пряжкам Восточной Европы и Кавказа по параметрам «длина изделия» и «диаметр кольца». Показательно, что поясные детали культурного круга Лола и кавказских культур образовали фактически единый кластер (илл. 84, *1*). Это хорошо подтверждает то, что эти пряжки связаны единством происхождения и относятся к единой кавказской традиции. Картина с изделиями культур зоны широколиственных лесов тоже оказалась любопытной. Среди серии северобелорусской культуры часть пряжек попала в кавказско-лолинское облако точек (илл. 84, *1*), что отражает тенденцию сходства метрических параметров кольцевидно-узкопланочных поясных деталей Европы и Кавказа[5]. В этом несложно убедиться, если взглянуть на выборку изделий ККК (илл.

[4] Поначалу мы попытались составить график по признакам «длина и ширина планки». Однако он ничего не дал, т.к. точки образовали единое облако. Произошло это потому, что под длиной и шириной понимаются постоянные геометрические величины, где длиной считается расстояние в фигуре между ее наиболее удаленными точками, а ширина определяется под прямым углом к длине. В результате при одинаковом (вертикальном) расположении пряжки в бабинской и лолинской сериях эти величины оказались «перевертышами», что и привело к безрезультативности графика. Чтобы конкретизировать ситуацию, было решено ввести величину «высота планки», которая отмеряется в вертикальном положении, т.е. согласно Толковому словарю под ред. Д.Н. Ушакова – «это протяжение снизу вверх, вышина» (*Ушаков*, 1935, с. 506). Для наших целей эта величина оказалась постоянной как для пряжек культурного круга Бабино, так и для поясных деталей культурного круга Лола.

[5] Однако обратим внимание, что морфология планок изделий северобелорусской культуры, равно как и орнаментация (илл. 68, *4–8*), самобытна и не находит аналогий в кавказско-лолинских материалах.

77, *2–9*). В то же время в материалах северобелорусской культуры представлены довольно длинные изделия, образующие отдельный кластер. В него же попадают и кольцевидно-узкопланочные пряжки шагарской культуры (илл. 84, *1*). В этой связи интересно, что поясная деталь из комплекса Тамар-Уткуль VII 4/3, относящийся к ВУКГ, фактически попадает в кластер крупных пряжек северных культур и стоит особняком по отношению к основному облаку точек предметов кавказской традиции (илл. 84, *1*), на что не раз уже обращалось внимание. В свете вышесказанного показательно, что тамаруткульское захоронение является самым северным пунктом находки планочной пряжки во всем постката-комбном мире (илл. 1), а само изделие сочетает в себе перекрестную систему крепления ремня и выраженную втулку (илл. 64, *13*), характерные для культурного круга Лола, но при этом имеет очень длинную планку, чем сближается с серией крупных поясных деталей шагарской и северобелорусской культур (илл. 68, *1, 2, 10–12*).

К анализу по параметрам «длина пряжки» и «высота планки» были привлечены крючково-планочные пряжки европейской традиции. На графике единый кластер образовали изделия ДДБК (илл. 65, 84, *2*). В эту же область попали две поясные детали из Шагарского могильника (илл. 67, *3, 4*, 84, *2*). Это неудивительно. Исследователи неоднократно обращали внимание на сходство бабинских и шагарских крючково-широкопланочных пряжек, и трасологический анализ подтвердил данный факт (см. главу 5). Однако в выборке лесных северных культур присутствует серия довольно крупных предметов длиной от 9 до 14 см (илл. 67, *6–10*), образующий отдельный кластер (илл. 84, *2*), подобный тому, в который сгруппировались крупные кольцевидно-планочные поясные детали зоны широколиственных лесов (илл. 84, *1*). Следует отметить, что, по всей видимости, именно крупные планочные пряжки являются характерной приметой шагарской и северобелорусской культур (илл. 67, *6–10*, 68, *1, 2, 10–12*). Они заметно длиннее крючковых пряжек Центральной Европы и Карпато-Дунайского региона, кластер которых разместился между поясными деталями ДДБК и северных восточноевропейских культур (илл. 84, *2*). Показательно в этом отношении, что из области ДДБК выпала пряжка из Текстильщика, самая крупная во всей бабинской серии (илл. 65, *2*). По длине она оказалась вполне сопоставимой с европейской серией, а в ее облике особенно хорошо просматриваются европейские семантические черты (см. главу 6). В европейском кластере оказалась и поясная деталь из Балки Хреевой III (илл. 67, *1, 2*, 84, *2*), в облике которой, как и в предыдущем случае, присутствуют декоративные элементы, отсылающие к поясной гарнитуре более западных территорий (см. главу 6).

Таким образом, в графике метрических параметров крючково-планочных пряжек европейской традиции четко выделяются три кластера (илл. 84, *2*). Первый из них сформировали поясные детали ДДБК и мелкие изделия шагарской культуры[6], второй – пряжки Центральной Европы и Карпато-Дунайского региона, третий – крупная поясная гарнитура культур восточноевропейской зоны широколиственных лесов. За этим разделением кроются культурные процессы трансляции идей и их адаптации в новых условиях.

Особое значение для понимания роли пряжек в погребальном обряде имеет их месторасположение в могиле. Аккумуляционная схема расположения кольцевидно-планочной поясной гарнитуры культурного круга Лола демонстрирует определенные закономерности (илл. 85, *1*). Так, очевидно, что подавляющее большинство пряжек связано с нижней частью скелета. Здесь находятся 9 предметов из 12. Причем, пять изделий располагались непосредственно у таза, что позволяет с уверенностью утверждать, что умерший был перепоясан ремнем, т. е. так, как использовался пояс при его стандартной эксплуатации. Четыре пряжки были обнаружены у колен. Две из них, которые находились между бедренными костями и позвоночным столбом, в принципе, могли тоже быть застежкой пояса, который находился в своем нормальном положении. Две другие пряжки, одна из которых находилась между бедренной костью и голенью, а вторая лежала с внешней стороны у голени

[6] Обращает на себя внимание, что шагарские пряжки в бабинской серии заняли самое высокое положение в основном кластере ДДБК, т.е. являются самыми крупными.

(илл. 85, *1*), свидетельствуют о том, что пояса здесь не располагались в стандартном положении. Однако, наличие пряжки подразумевает и наличие пояса. В таком случае логично предположить, что ремнем могли быть связаны колени умерших. Исследователи неоднократно писали о том, что пояса в ряде случаев могли использоваться для связывания конечностей (*Гершкович*, 1979, с. 59; 1986, с. 121; *Петров*, 1983, с. 121; *Каверзнева*, 2003, с. 147; *Мимоход*, 2013, с. 109).

Три пряжки связаны с верхней частью скелета (илл. 85, *1*). Пряжка с редуцированной планкой лежала на левой ключице умершего (илл. 16, *1*). Здесь может быть два варианта интерпретации. На эту часть тела мог быть уложен поясной ремень, либо пряжка могла являться частью вертикального или косого ремня-черезплечника (перекинутого через плечо) (ср.: *Петров*, 1983, с. 121). Пряжка с комбинированной планкой лежала между плечевыми костями (илл. 8, *1*). Скорее всего, в этом комплексе поясом у умершего были связаны руки. В одном комплексе широкопланочная роговая пряжка находилась в некотором отдалении от черепа (илл. 3, *1*), т. е. здесь ремень никак не был связан с телом. Однако стоит отметить, что все находки в этом погребении (пряжка, глиняный конус и фрагменты керамики) находились в едином скоплении (илл. 3, *1*). Вероятно, для устроителей комплекса было важно, чтобы все вещи располагались вместе, поэтому пояс положили вместе с другими находками.

Наконец, еще одно изделие с комбинированной планкой было связано со средней частью скелета (илл. 85, *1*). При сильно скорченном положении костяка оно находилось между коленными и локтевыми суставами (илл. 12, *1*). Такое расположение пряжки недвусмысленно указывает на то, что поясом одновременно могли быть связаны и руки, и ноги.

Как уже отмечалось, ничего конкретного о роли пояса в обряде для гинчинской, великентской и протокобанской культур мы сказать не можем в виду склепового характера гробниц и перемешанности материала. Зато для двух погребений присулакской культуры назначение пояса очевидно. В обоих случаях пряжки находились в районе таза (илл. 33, *4*, 35, *3*, *4*, 85, *1*), а, соответственно, ремень находился в стандартной позиции.

Таким образом, в положении пояса с кольцевидно-планочными пряжками кавказской традиции можно выделить три основных варианта. Первый подразумевает нахождение ремня в стандартном положении, когда умерший был им перепоясан. Это самый многочисленный вариант. Вместе с присулакскими материалами он насчитывает 8 комплексов, т.е. больше половины от всех погребений. Уже один этот факт должен снимать все сомнения о том, что кольцевидно-планочные изделия являются не чем иным, как поясными пряжками. Второй вариант включает в себя захоронения, у которых поясом были связаны ноги (два или три комплекса). В третий вариант можно выделить одно захоронение, где ремнем были связаны руки. Еще одно погребение, в котором у умершего поясом были связаны руки и ноги в коленных и локтевых суставах, составляет четвертый вариант. Наконец, при пятом варианте пояс был уложен отдельно от тела вместе с другими вещами.

Аккумуляционная схема расположения крючково-планочной поясной гарнитуры культурного круга Бабино также демонстрирует некоторые закономерности (илл. 85, *2*). Как и в культурном круге Лола, часть пряжек располагалась в районе таза, т. е. ремень находился в стандартном положении и перепоясывал умершего. Известно три таких погребения (илл. 21, *1*, 26, *1*, 32, *1*). Присутствует в материалах ДДБК позиция, известная в лолинских древностях (илл. 85, *1*), когда пряжки располагались в районе коленных суставов (илл, 17, *3*, 27, *1*, 72, *2*). В этих случаях тоже есть смысл предположить, что поясом были связаны колени умерших. Следует обратить внимание на показательный случай с комплексом Донецк (Текстильщик) 4/19. Здесь пряжка находилась непосредственно у кистей скелета (илл. 22, *1*). Причем, руки в этом захоронении находились в не совсем обычном положении, т.к. предплечья были тесно прижаты к друг другу (илл. 22, *1*). Такая

ситуация привела Я.П. Гершковича больше 45 лет назад к справедливому заключению о том, что руки умершего были связаны поясом (*Гершкович*, 1979, с. 59), как это и показано на нашей реконструкции (илл. 87, *1*)[7]. Выше уже упоминались случаи связывания верхних конечностей у умерших, которые известны и в Лоле. Так же, как и там, в культурном круге Бабино представлена позиция, при которой пряжки помещались перед скелетом, в отдалении от него (илл. 24, *1*, 25, *1, 2*, 85, *2*). Здесь мы тоже имеем дело с ситуацией, когда пояс с пряжкой укладывался отдельно от тела.

В ДДБК представлены случаи расположения пряжек, которых нет в культурном круге Лола. Так, в п. 3 к. Беева Могила крючково-планочное изделие находилось между стопами и южной стенкой деревянной рамы (илл. 19, *1*). Пряжка лежала в некотором отдалении от ног, а потому говорить о связывании стоп не приходится, хотя этот вариант тоже исключать нельзя. Скорее всего, пояс просто был положен в ногах умершего. Не встречается в культурном круге Лола еще одна позиция, представленная в ДДБК, – это расположение пряжек под черепом, за ним и на шее (илл. 23, *1*, 24, *1*). По всей видимости, это еще одна зона расположения пряжек. Она известна и по другим типам бабинских пряжек. Вероятно, пояс мог быть уложен под череп, либо ремнем могла быть перетянута голова и шея[8].

Обсуждая нестандартные позиции положения пояса в могиле, которые отличаются от той, которая иллюстрирует традиционный способ использования его в повседневной жизни, мы вплотную подошли к оценке ситуации, когда в комплексах ДДБК в погребении находятся сразу две пряжки. Сразу отметим, что такие случаи в лолинских и кавказских древностях неизвестны[9]. Зато они известны для пряжек других типов культурного круга Бабино (*Литвиненко*, 2004, с. 277; 2009, рис. 39, *1*) и в памятниках покровского типа (*Синюк*, *Килейников*, 1976, с. 161, рис. 1, *г*; *Кузнецов*, *Мочалов*, 1999, рис. 3; *Мимоход, Усачук*, 2025). В материалах ДДБК есть 5 погребений, где встречены по две пряжки, одна из которых была крючково-планочной, либо обе (илл. 20, *2, 3, 6,* 23, *1, 2*, 25, *5, 6*, 26, *2, 3*, 32, *3, 4*).

Как уже отмечалось, история открытия фигурно-планочных пряжек культурного круга Бабино началась еще до мировых войн (см. главу 2). Честь их открытия принадлежит В.А. Городцову, создателю периодизации бронзового века Восточной Европы. Им же сделано первое и уникальное открытие, когда в одном погребении ДДБК оказались сразу две крючково-планочные пряжки. Спустя более 120 лет, мы до сих пор таких случаев не имеем. Это говорит о крайней неординарности комплекса Камышеваха 5/1 (илл. 23). Василий Алексеевич указывает, что изделия располагались на шее костяка, и они служили для застегивания ворота одежды (*Городцов*, 1907а, с. 357). Последнее предположение вряд ли соответствует действительности, особенно, с учетом последующих данных лолинских и бабинских погребений с фигурными пряжками, показательная часть которых концентрируется в области таза (илл. 72). Для крепления ворота эти изделия слишком массивны и, главное, их конструкция точно предполагает жесткую систему крепления ремня в пазе планки, что точно не подразумевает идею В.А. Городцова о запонках. На наш взгляд, в случае с Камышевахой, речь может идти только о поясных пряжках, и в этом комплексе обоими ремнями было перевязано, возможно, горло умершего.

Так почему же ремня два?

В культурной круге Бабино эту традицию даже можно назвать в известном смысле характерной, чего точно нельзя сказать

[7] Собственно, к этому выводу Я.П. Гершкович пришел уже при расчистке с А.Н. Усачуком погребения осенью 1975 г.

[8] В этой связи, есть еще один вариант интерпретации расположения поясной детали из лолинского комплекса Ут 6/1 (илл. 16, *1*). Возможно, поясом могло быть перетянуто горло умершего.

[9] Две костяные кольцевидно-узкопланочные пряжки происходят из п. 7 мог. Гатын-Кале (илл. 38). Однако, это не тот случай. Напомним, что гинчинские могилы – это склепы с коллективными захоронениями, и сказать, что обе пряжки принадлежали одному индивиду невозможно.

о культурном круге Лола. В нем и пряжек меньше, и встречаются они исключительно только по одному экземпляру в погребении. Помимо охарактеризованного (илл. 23, *1*) в Днепро-Донском Бабино, известны еще четыре случая сочетания в одном комплексе двух поясных пряжек. Правда, в отличие от раскопок В.А. Городцова речь идет о разнотипных, но синхронных предметах, встреченных в одном погребении: крючково-планочной и кольцевой пряжкой типа 1 по классификации Р.А. Литвиненко (4 случая) (илл. 20, 25, 26, 32). В п. 3 к. Беева Могила пряжки лежали порознь. Кольцевидная поясная деталь находилась в районе таза умершего (илл. 19, *1*), т. е. в стандартном положении. Крючково-планочная пряжка лежала между стопами и южной стенкой деревянной рамы (илл. 19, *1*). Нет смысла отрицать, что в могилу были положены два пояса. Один из них перепоясывал индивида, второй находился у ног. В комплекс Новоамвросиевское 3/2 также были помещены два пояса, но располагались они в нестандартных позициях. Один ремень с кольцевидной пряжкой то ли перетягивал череп, то ли был уложен под него, второй с крючково-планочной поясной деталью был размещен перед умершим в отдалении от тела (илл. 25, *3*). В комплексе Новоандреевка 4/1 обе пряжки лежали рядом в области таза, т.е. в стандартной позиции (илл. 26, *1*). Нестандартным здесь было только то, что умершего перепоясывали сразу два ремня. Аналогичная ситуация зафиксирована и в п. 5 к. 1 мог. Приволье. Здесь кольцевидная и крючково-планочная пряжки также находились в области таза (илл. 32, *1*), и получается, что на поясе умершего тоже располагались два ремня. Причины помещения в могилу сразу двух поясов могут быть разные. Очевидно одно то, что ремни с пряжками, безусловно, были статусными вещами. Например, они могли полагаться человеку за какие-то особые заслуги, и две пряжки их вдвойне подчеркивали[10] (*Мимоход*, *Усачук*, 2025, с. 98). По этнографическим данным известно, что человек мог заслужить и больше, чем два пояса или опояски[11]. Другой вариант объяснения – это наследование поясов. Человек, имея свой, получал по наследству ремень отца, тем самым символизируя преемственность, который впоследствии помещался в могилу. Здесь достаточно вспомнить, например, свидетельства Геродота о передаче пояса одному из его сыновей Скифу (*Мимоход*, *Усачук*, 2025, с. 98). Хорошо известны такие данные и в этнографии. Один из самых распространенных среди архаических обществ способ использования в костюме сразу двух поясов заключается в ношении «парадного» и «портупейного» ремней, которые известны как по археологическим, так и изобразительным источникам (*Яценко*, 2006, с. 107, 122, 232, 288, 300, 351, рис. 18). Причем носились они на поясе один под другим примерно так же, как и расположены пряжки в районе таза в комплексах Приволье 1/5 и Новоандреевка 4/1 (илл. 26, *1*, 32, *1*). Известно ношение двух поясов и с охранительными целями (*Боровцова*, *Клокова*, *Корникова*, 2013, с. 8).

Как бы то ни было, есть все основания утверждать, что в погребениях с двумя пряжками находились именно два пояса. Эта черта отличает культурный круг Бабино от культурного круга Лола. Для последнего такая черта не характерна, а это говорит и о некоторых нюансах в отношении поясов у носителей бабинских и лолинских традиций.

Еще одно любопытное сочетание фигурных пряжек с другими категориями инвентаря в захоронениях ДДБК требует отдельного внимания. Речь идет о тех случаях, когда в одной могиле обнаружены крючково-планочные поясные детали и каменные бруски с двумя перетяжками. Известно два таких комплекса, и в обоих случаях эти вещи лежали рядом (илл. 21, *1*, 28, *1*). В комплексе Долгая Могила 4/17 пряжка и брусок находились в

[10] Подобно поясам в профессиональном боксе.

[11] «Победители получали опояски побежденных им борцов. Некоторые из борцов хранили опояски до конца своей жизни, изредка доставая из сундука, чтобы пощеголять в них во время праздников, напомнить о себе и своих заслуженных победах» (*Александров*, 2008, с. 170).

области таза (илл. 21, *1*)[12]. В п. 10 одиночного кургана мог. Новолакедемоновка предметы тоже лежали вместе, но за спиной умершего в отдалении от тела (илл. 28, *1*). Сочетание этих вещей неслучайно.

Функциональное назначение каменных брусков с двумя перетяжками (илл. 21, *3*, 28, *3*) надежно установлено. Серийно каменные бруски с отверстиями и перетяжками представлены в Центральной, Западной и Южной Европе. Бóльшая часть из них происходит из памятников культуры колоколовидных кубков, поздняя фаза которых синхронна посткатакомбному блоку. Для нее эти предметы являются своеобразной визитной карточкой. Известны бруски и в европейских культурах раннебронзового века периода BrA1 по П. Райнеке. В этих регионах большинство составляют бруски с двумя отверстиями. Следует отметить, что в европейской серии присутствуют бруски с желобками, аналогичные бабинским. Они известны в культуре колоколовидных кубков, в культурных группах Нитра и Унтервёлблинг (*Мимоход, Усачук, Вербовский*, 2021). Эти изделия, выступающие в качестве атрибутов мужских захоронений, обычно расцениваются как защитные накладки на запястья лучников (bracers или wristguards) (*Sangmeister*, 1964; 1974; *Harrison*, 1977, p. 160; 1980, p. 52–55; 2007, p. 105; *Fokkens, Achterkamp, Kuijpers*, 2008). В российской и украинской литературе только с конца первого десятилетия нынешнего века бруски с перетяжками стали идентифицировать в качестве защитных накладок (*Гершкович*, *Разумов*, 2009, с. 134; *Отрощенко*, 2011, с. 16, 17; *Мимоход*, 2013, с. 250; 2018, с. 265; *Мимоход, Усачук, Вербовский*, 2021).

Интересно, что в Европе в погребениях бруски располагаются чаще с внешней стороны предплечья, чем с внутренней, т.е. там, где они использовались при стрельбе (*Fokkens, Achterkamp, Kuijpers*, 2008). Путь к решению проблемы предложил Я. Турек. Он выделил две позиции в ношении накладок. Первая – это «ready to shoot», подразумевает расположение бруска на запястье во время стрельбы из лука, вторая – «presentation» предполагает показывание декоративного бруска на внешней стороне предплечья после вращения вокруг руки из первой позиции (*Turek*, 2015, p. 37). На наш взгляд, при правильности определения первой позиции «ready to shoot», неправильно названа вторая. В самом деле, подавляющая часть этих изделий – это вполне заурядные, невзрачные и ничем не примечательные с точки зрения эстетики предметы. Что они могут украшать и демонстрировать, не очень понятно[13]. Непротиворечивое решение проблемы нами было уже предложено (*Мимоход, Усачук, Вербовский*, 2021). Несколько перефразируя Я. Турека, назовем

[12] Читатель наверняка обратит внимание, что на плане погребения (илл. 21, *1*) и на выноске (илл. 21, *2*) взаиморасположение пряжки и бруска немного отличаются. На плане оно дано, т.к. было на рисунке в публикации (*Ковалева, Андросов, Шалобудов, Шахров*, 1987, рис. 6, *11*). Выноска, которую любезно предоставил Р.А. Литвиненко, отрисована с фотографии in situ из отчета.

[13] В попытках объяснить парадоксальную ситуацию, при которой получается, что при стрельбе накладки находились на внутренней стороне предплечья, а в большинстве погребений они обнаружены с его внешней стороны исследователи порою создают еще более парадоксальные объяснительные модели. Так, недавно британские ученые предположили, что каменные бруски снаружи предплечья служили для защиты от ударов бронзового или медного клинкового оружия в ближнем бою (*Lalor*, 2023, p. 48–49) и чтобы доказать так это или не так, провели серию экспериментов, в ходе которых по каменным накладкам наносились удары металлической пластиной, имитирующей рубящие оружие (*Lalor*, 2025). Бруски ломались с первого же удара. Такая же участь их постигла и при ударах имитациями каменных ножей. На этом основании был сделан вывод о непригодности брусков для защиты предплечий в ближнем бою (*Lalor*, 2025) и, как следствие, автор возвращается к выводам о функциях «demonstration» или точильных камней. Кстати, посыл в определении последней кроется как раз в непрезентабельном облике каменных предметов, которые «имеют функциональный вид» (*Lalor*, 2025). При этом по-прежнему тиражируется тезис о том, что бруски использовались как украшения, а эксплуатация их при стрельбе из лука – это, скорее, исключение, чем правило (*Nicolas*, 2019, p. 131). Впрочем, ситуация с защитными накладками лучников не должна удивлять: совсем недавно даже позднесредневековая костяная накладка лучника (*Rijkelijkhuizen, Zeiler, van Dijk*, 2024, p. 302) называлась неизвестным предметом с неясной функцией (*Rijkelijkhuizen*, 2023, p. 3).

позицию накладки во время стрельбы из лука «боевой», вторую «предбоевой». Каменные бруски с отверстиями и перетяжками, скорее всего, крепились на кожаный нарукавник (ср.: *Братченко*, 1989, с. 75, 76; *Fokkens, Achterkamp, Kuijpers*, 2008, fig. 10, 12, 13). Он должен был смягчать отдачу от удара тетивы об накладку. Предбоевая позиция означала, что защитная пластина уже располагалась на внешней стороне предплечья, она в скором времени будет использована по назначению, но до этого момента должно пройти какое-то непродолжительное время (илл. 86, *2*). В этот период лучник, естественно, передвигается, что-то делает и т. д. Нахождение бруска в это время в боевой позиции на запястье создает определенные неудобства. В частности, при движении он будет цепляться за одежду. Также дискомфортно будет осуществляться и целый ряд других бытовых действий. Когда наступает момент непосредственной стрельбы из лука, нарукавник с накладкой из предбоевого состояния (илл. 86, *2*) легко и быстро вращается вокруг предплечья и переводится в боевую позицию (илл. 86, *3*) (*Мимоход, Усачук, Вербовский*, 2021, с. 393).

И.Ф. Ковалева и соавторы в свое время справедливо отметили, что брусок и пряжка в комплексе Долгая Могила 4/17 (илл. 21, *1*) входили в единый поясной набор (*Ковалева, Андросов, Шалобудов, Шахров*, 1987, с. 20). То же самое можно сказать и о подобном сочетании в п. 10 одиночного кургана мог. Новолакедемоновка (илл. 28, *1*). В этой связи логично предположить, что могла быть и третья позиция в ношении защитных накладок. Назовем ее «небоевой». Речь идет о том, что до использования брусков по прямому назначению должен пройти какой-то более или менее продолжительный промежуток времени, и нет необходимости при передвижении держать его в предбоевой позиции, тем более, что даже ношение на внешней стороне предплечья каменной накладки без необходимости тоже не очень удобно. В этом случае нарукавник с бруском просто снимался и цеплялся на пояс посредством продевания сквозь него конца ремня (илл. 86, *1*). Только при такой интерпретации становится понятным совместное нахождение в погребениях поясной пряжки и защитной накладки. Очевидно, что в комплексе Долгая Могила 4/17 ремень с нарукавником и накладкой находился в стандартной позиции и перепоясывал умершего (илл. 21, *1*), а в п. 10 одиночного кургана мог. Новолакедемоновка был размещен за спиной в отдалении от тела (илл. 28, *1*).

Что касается северных лесных восточноевропейских культур, то здесь интересующие нас данные есть только для шагарской культуры. В комплексе СВАК Алгаши 1/1 кости человека не имели анатомического порядка, а в северобелорусской культуре пряжки происходят из поселенческих материалов.

В Шагарском могильнике поясные детали были обнаружены в пяти погребениях, и только в одном случае (п. 109) пряжка находилась в стандартном положении, т.е. на поясе (илл. 85, *3*). Обнаружена она у левого крыла таза и лежала вдоль воображаемой линии ремня под кистью умершего (илл. 61, *1*). Ситуативное расположение изделия однозначно указывает на то, что мы имеем дело с поясной гарнитурой. Однако в шагарской культуре это всего один комплекс. Остальные пять изделий находились в нестандартном положении (илл. 85, *3*). Казалось бы, это должно свидетельствовать, что в случае с шагарскими древностями мы можем иметь дело не с поясными пряжками, а с какой-то другой гарнитурой, ведь в культурном круге Лола и культурном круге Бабино до половине поясных деталей находились в стандартном положении, а в присулакской культуре все (илл. 85, *1, 2*).

Мы сейчас оставляем за скобками данные трасологии по шагарским изделиям, а рассмотрим чисто обрядовый аспект. В трех случаях изделия находились у стоп умерших (илл. 85, *3*). Для п. 52 (илл. 60, *1*) Е.Д. Каверзнева прямо пишет, что «по-видимому, покойник был во что-то завернут и спеленат» (*Каверзнева*, 2003, с. 145). В этой связи месторасположение пряжки недвусмысленно указывает на то, что, скорее всего, ноги умершего были в стопах связаны поясом, о чем так и пишет автор раскопок и публикации: «По-

ложение пряжки у щиколотки погребенного еще раз доказывает, что покойный был спеленат и перетянут ремнем в ногах» (*Каверзнева*, 2003, с. 147), как мы и показали на реконструкции (илл. 87, *2*). С юго-восточным, скорее всего, мужским скелетом п. 46, у которого костяное изделие лежало прямо на левой стопе поперек нее (илл. 59, *1*) у Е.Д. Каверзневой получилась интересная ситуация. Отмечая расположение тлена и особенности положения костяка, она пишет: «…что при погребении руки были привязаны к туловищу, а стопы связаны» (*Каверзнева*, 1999, с. 54). И только то, что пряжка была ошибочно принята за гарпун (*Каверзнева*, 1999, с. 55), не позволило ей реконструировать ровно такую же ситуацию, как с п. 52, а ведь пряжка лежала перпендикулярно по отношении к стопам, т. е. как и должен лежать ремень, которым связаны ноги. Для п. 130, где пряжка тоже находилась у стоп и тоже в поперечном по отношению к ним положении (илл. 62, *1*), исследовательница снова пишет о том, что «предположительно тело было запеленуто» (*Каверзнева*, 2017, с. 36). Однако в этом комплексе кольцевидно-планочная пряжка находилась в одном наборе с другими предметами, и Е.Д. Каверзнева не без оснований сделала вывод, что все изделия «предположительно были как-то запакованы» (*Каверзнева*, 2017, с. 36). Возможно, это было действительно так, а, возможно, ноги были тоже связаны поясом как в двух выше охарактеризованных случаях. Последнее станет еще более вероятным, если учесть, что аналогичная по морфологии поясная деталь в п. 109 лежала в стандартном положении возле крыла таза (илл. 61, 1)[14].

Иными словами, в Шагарском могильнике мы имеем дело с обрядом пеленания покойников и пояс играл в этом важную роль, и связывание ног (ритуальное обездвиживание умершего) играло здесь ключевую роль, которая, в конечном итоге, оказывалась в погребальном обряде важнее стандартной позиции (илл. 85, *3*)[15]. В культурных кругах Бабино и Лола, а также присулакской культуре мы наблюдаем противоположную ситуацию (илл. 85, *1, 2*).

В заключении характеристики роли пряжек в шагарском погребальном обряде следует обратить внимание на одну интересную деталь, которая сближает ее с ДДБК и которая не свойственна культурному кругу Лола, а также кавказским культурам. Речь идет о п. 52, в котором были обнаружены сразу две роговые крючковые пряжки (илл. 60, *2–5*), и они, скорее всего, как и в Бабино, принадлежали двум поясам. Выше было показано, что одним поясом были связаны ноги в районе ступней (илл. 60, *1*). Вторая пряжка была найдена при разборке скелета в районе грудной клетки. Очевидно, что тело покойника, как и в выше охарактеризованных случаях, было спеленуто. Руки настолько плотно прижаты к туловищу, что верхние части кистей лежали под крыльями таза (илл. 60, *1*). В этой ситуации как раз логично предположить, что одним поясом были связаны ноги, а вторым было перетянуто туловище с руками. Возможно, такую же ситуацию можно реконструировать и для п. 14 (илл. 58, *1–3*). Здесь тоже руки умершего были плотно прижаты к телу, а пряжка находилась в районе правого предплечья. В этой связи нельзя исключать того, что руки в локтевых суставах и туловище тоже были перевязаны ремнем.

Таким образом, роль пояса с пряжкой в погребальном обряде охарактеризованных культур была разнообразной: от стандартного помещения ремня в районе поясничного отдела до других манипуляций, к числу самых распространенных из которых относились действия по связыванию разных частей тела.

[14] Кстати, в этом захоронении пояс не предназначался для привязывания рук к телу (пеленанию), потому что пряжка находилась под кистью, а не на ней, т.е. ремень стандартно перепоясывал умершего.

[15] Факт завертывания умерших в некие подобия савана и обряда связывания как системного явления в материалах мог. Шагарский можно подтвердить и на примерах других погребений без пряжек этого некрополя. Так, в описании п. 110 указано, что «судя по положению костей, руки могли быть прибинтованы к телу» (*Каверзнева*, 2012, с. 45), а для п. 126 отмечено то, что «ноги, видимо, были связаны в коленях и согнуты» (*Каверзнева*, 2017, с. 33).

ГЛАВА 5 Трасологическое изучение фигурных пряжек

§ 1. Историографический аспект

Краткая, но насыщенная ссылками на многочисленную литературу, история применения трасологического метода к костяным изделиям эпохи бронзы – раннего железа изложена ранее (*Усачук*, 2013, с. 21–25). Одной из ярких категорий изделий эпохи бронзы являются разнообразные пряжки, с которыми связан и блок трасологических исследований (*Усачук*, 2013, с. 25–26). Если говорить о «стихийном» описании следов, связанных с пряжками, укажем на то, что в разное время, публикуя найденные пряжки, исследователи иногда отмечали и какие-то технологические детали: шлифовку, полировку, завальцованность, потертости или сработанность маленького отверстия (*Бобринский*, 1893, с. 164; Дневник раскопки…, 1893, с. 164; *Bydlowski*, 1905, s. 5; 1905a, s. 17; *Кетрару, Серова*, 1983, с. 146; *Андреева*, 1986, с. 234; *Магомедов*, 1990, с. 45; *Ларенок*, 1998, с. 76; *Самар, Антонов*, 1998, с. 84; *Агульников, Бубулич*, 1998, с. 139; *Агульников, Бубулич, Курчатов,* 2001, с. 102, 108; *Березуцкий, Неретин*, 2011, с. 105; *Черных, Дараган*, 2014, с. 37, 96, 111, 320; *Папанова, Тощев, Голик*, 2016, с. 42; и др.). Следующий шаг – использование некоторого количества трасологических данных, полученных при изучении одной (*Гершкович*, 1986, с. 136; *Маслихова, Сафонов*, 2014, с. 260) или группы пряжек (*Черняков*, 1985, с. 89; *Савва*, 1988, с. 66, 68; 1992, с. 135–136). И.Т. Черняков даже представил варианты крепления круглых пряжек (*Черняков*, 1985, рис. 41, *14*) к поясу, правда, не рассказав о деталях таких реконструкций. Наконец в отношении разных типов пряжек бабинского круга памятников, а чуть позже – и других культурных образований, за последние почти 30 лет стали появляться специальные работы с анализом трасологической информацией (*Усачук*, 1998; 2002; 2007; 2013a; 2018; *Усачук, Литвиненко*, 1997; 2001; *Панковський*, 2015; *Усачук, Купцова*, 2024; *Мимоход, Усачук*, 2025; *Усачук, Кравцова, Мимоход*, 2026). Иногда трасология пряжки или группы пряжек входит в следоведческое описание какой-либо поселенческой или погребальной коллекции костяных изделий или включается в анализ иного (не костяного) материала (*Усачук*, 1998a, с. 35–37; 2011, с. 210–211; 2015; 2016; *Горбов, Усачук*, 2001, с. 173; *Березуцкий, Маслихова*, 2006, с. 102; *Березуцкий, Гринев*, 2008, с. 104–105; *Килейников*, 2005; 2012, с. 144; *Усачук, Файзуллин*, 2016, с. 133–135; *Vitezović*, 2021, p. 111–112; *Скоробогатов, Килейников*, 2026).

Отдельно следует остановиться на двух работах, посвященных реконструкциям крепления различных типов пряжек: чоградской (*Василенко*, 1999) и чуть более поздних – круглых и овальных (*Василенко*, 2005). Эти работы и особенно первую (*Василенко*, 1999) можно назвать примером, по выражению Г.Ф. Коробковой, «эмпирической трасологии». Более подробно со статьей 1999 г. мы познакомимся ниже по тексту главы, когда будем говорить о чоградской находке, а своеобразная работа, где А.И. Василенко скрупулезно разбирает примеры крепления пряжек и предлагает свои варианты (2005, рис. 1, *10*; 2, *17*, 18; *3, 4*; 4, *4*; 6, *5*) пригодится нам при написании тома про иные, кроме планочных, пряжки. Именно там уместно будет разбирать плюсы и минусы тех вариантов крепления, которые предлагает исследователь.

Первые пряжки (по иронии судьбы это были новотроицкий и новоамвросиевский фигурно-планочные экземпляры) трасологически изучены одним из авторов 18 сентября 1995 г. (Приложение 5.1). За чуть более чем 30 лет среди иных (обработано 226 экз. пряжек), удалось de visu изучить 28 планочных пряжек

различных культур (Приложение 5.1). Подача полученной трасологической информации осуществляется нами не только в словесной форме, а и при помощи иллюстраций-схем, где строчными буквами синего цвета указываются следы изготовления, а красными прописными (заглавными) – следы использования той или иной пряжки. Если при описании пряжки требовалось использование большого количества стрелок-указателей и, следовательно, большого количества букв, для лучшего восприятия даются две схемы: отдельно по следам изготовления и по следам использования. В случае с небольшим количеством стрелок-указателей для какой-то из пряжек, следы изготовления и использования даются на одной схеме при помощи разноцветных строчных и прописных букв соответственно.

§ 2. Трасологическое изучение пряжек

2.1. Пряжки кавказской традиции

2.1.1. Трасологические данные по пряжкам лолинской культуры

Курганный могильник Чограй VIII, курган 34 погребение 1. Трасологический анализ пряжки проведен в Ставропольском гос. музее-заповеднике им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве 29 января 2025 г. в рамках подготовки этой книги. Использовался портативный микроскоп MG10085 Zoom 60x-100x. Во время изучения были выполнены и новые фото и рисунок пряжки (илл. 3, *6, 7*) (*Усачук*, *Кравцова*, *Мимоход*, 2026, рис. 1).

Изделие сохранилось в основном хорошо. Кое-где поверхность немного расслоилась (илл. 88, *1а*). В качестве сырья, как упоминалось выше, был использован рог Cervidae. Тщательность выбора видна в том, что толщина компакты заготовки доходит до 1,4 см, а на внутренней стороне изделия отсутствует губчатое вещество. Получается, что мастер изготовил пряжку из одинарной роговой пластины. Вполне вероятно, что использовался раскроенный роговой отросток, а не, предположим, лопата лосиного рога[1].

Реконструируем первые операции изготовления пряжки. Мастер сначала расчленил лосиный рог (ср. *Бородовский*, 1997, с. 85; 2007, с. 33), или участок ветвистых рогов других Cervidae (*Бородовский*, 1997, с. 94, 98), затем произвел разделку полученного сырья, в процессе которой получил заготовку из двойной пластины (ср. *Бородовский*, 1997, с. 86; 2007, с. 33–34), после чего последовало раскалывание этой пластины на две одинарные (ср. *Бородовский*, 1997, с. 86, 98; 2007, с. 34–35) и выбор из получившихся пластин той, у которой оказался наиболее толстый слой компакты.

Пряжка изготовлена при помощи резки металлическим лезвием (возможно – несколькими лезвиями). Скорее всего, перед вырезкой сложного изделия сырье размягчалось. Следы резки сохранились в немногих местах (илл. 88, *1б*). Обратим внимание на тыльную сторону одного участка: здесь (илл. 88, *1в*) сохранился небольшой уступ во время остановки лезвия и перемене давления на материал при резке.

Из-за сильной сработанности невозможно уточнить последовательность операций по изготовлению такой сложной пряжки. Вероятно, вырезку горизонтального выступа на боковых гранях изделия (илл. 88, *1г*) мастер осуществил после изготовления большого отверстия. Возможно, оформление горизонтальных выступов на торцах кольца большого отверстия и полукруглых выступов чуть выше этого отверстия (илл. 88, *1д, е*) велись мастером практически одновременно. Для изготовления узких пропилов использовалось беззубцовое лезвие со сменой

[1] Обратим внимание на то, что аккуратность выбора сырья отразилась на первом впечатлении, которое произвело чограйское изделие, как вырезанное «из разрезанной вдоль трубчатой кости» (*Андреева*, 1986, с. 232). Добавим, что ошибочно в подписи к иллюстрации (*Усачук, Кравцова, Мимоход*, 2026, рис. 1) дано «Рисунок костяной пряжки …».

углов пиления-перетирания компакты (илл. 88, *1д, е*, направление движения лезвия показано линиями под разными углами): при оформлении одного полукруглого выступа (илл. 88, *1д*) смена угла практиковалась реже, при оформлении другого (илл. 88, *1е*) – чаще. Только в одном месте (илл. 88, *1ж*) сохранились почти утраченные от завальцованности поверхности чуть видимые следы абразива. Сверление поперечного отверстия проведено мастером после оформления и украшения обеих пар полукруглых выступов: довольно большое по диаметру отверстие «зацепило» края этих выступов – в меньшей (илл. 88, *1з*) или большей (илл. 88, *1и*) степени (в последнем случае верхний полукруглый выступ (илл. 88, *1и1*) видоизменен сильно, нижний (илл. 88, *1и2*) – в меньшей степени). Вернувшись немного назад в описании процесса изготовления чографской пряжки, заметим, что маленькие углубления в парах полукруглых выступов и в поперечных выступах на торцах кольца большого отверстия выполнены посредством аккуратного станкового сверления. Последующая сработанность поверхности изделия значительно видоизменила некоторые углубления, стерев некоторые из них чуть ли не наполовину, но просмотр их под увеличением показал, что тонкое сверло мастер старался ставить перпендикулярно плоскости изделия. Судя по четкости стенок просверленных углублений, можно сказать не только о том, что применялось станковое сверло, но и то, что оно было металлическим. Интересный факт: некоторые углубления (илл. 88, *1к*) с черно-зеленым оттенком (остатки красящего состава?) (в районе полукруглых выступов углубления с черно-зеленым оттенком на стенках идут по 4 в ряд). Углубления большого диаметра в центрах пар полукруглых выступов (илл. 88, 1л) выполнены тоже сверлением, но затем мастер очень аккуратно расширил эти углубления кончиком острого лезвия на глубину до 0,1 см (*Усачук, Кравцова, Мимоход*, 2026, с. 111).

Говоря о процессе изготовления чографской пряжки, мы уже несколько раз указывали на сильную сработанность изделия. Действительно, пряжка использовалась долго[2] и оказалась сильно залощенной по всей поверхности, а местами эта залощенность превратилась в заполированность (илл. 88, *2*, участки красного цвета). В двух местах (илл. 88, *2А*) заполированность перешла в локальную обесцвеченность. Больше следов заполированности фиксируется на внутренней стороне изделия. Края большого отверстия снаружи (илл. 88, *2Б*) постепенно стерлись, заполирован и канал этого отверстия (заполировка сохранилась локально из-за частичного разрушения стенок). Сильно стерся и орнаментированный поперечный выступ на торце большого кольца (илл. 88, *2В*) и орнаментированные участки полукруглых выступов (илл. 88, *2Г*). Но наиболее сработан и разрушен на пряжке участок небольшого поперечного отверстия. Это отверстие частично сломалось – стерлось от эксплуатации (илл. 88, *2Д*). Грани внутренней части поперечного отверстия заполированы: с одной боковой стороны (илл. 88, *2Е*) сильнее, чем с другой (илл. 88, *2Ж*). Частично стерт и верх одного из выступов пряжки (илл. 88, *2З*). Узкий участок пряжки между парами верхних и нижних полукруглых выступов (илл. 88, *2И*) наиболее заполирован. На внешней стороне эта поперечная заполированность даже перекрыла собой участок вертикальной заполировки (илл. 88, *2К*).

Курганный могильник Темрта I, курган 2 погребение 7. Трасологический анализ изделия проведен 10-16 июля 2006 г. во время работы Степной археологической экспедиции ГИМ, когда и была найдена пряжка. Использовался микроскоп МБС-9. Тогда же, в рамках обработки материалов из погребений, были выполнены рисунок и фото этой находки (илл. 7, *2, 3*).

Пряжка сохранилась хорошо. Это связано с заполированностью, которая обычно предохраняет костяные и роговые предметы от разрушения (*Погодин, Довгалюк,* 2005, с. 251–252; *Усачук*, 2005, с. 180, прим. 1; *Orłowska*, 2017, p. 7, 9). Немного расслоился участок в

[2] Ср.: «Фигурка до попадания в могилу явно использовалась долгое время: об этом говорят заполированность отдельных ее частей и небольшие дефекты – поломки» (*Андреева*, 1986, с. 234).

районе центрального отверстия (илл. 89, *1а*). Выступы по краям этого отверстия сильно завальцованы и, скорее всего, были чуть длиннее (илл. 89, *1б*). Сырье – рог Cervidae.

Следы изготовления сохранились фрагментарно из-за сильной сработанности пряжки. С определенной долей вероятности можно реконструировать последовательность операций: разделка рога на пластины-заготовки; вырезка самой пряжки из пластины; изготовление отверстий; нанесение орнамента; вырезка поперечного желобка между небольшими отверстиями в верхней части планки.

В качестве сырья использовалась одинарная пластина рогового отростка (ср. *Бородовский*, 2007, с. 31–33), у которой хорошо убрана рельефная поверхность и практически отсутствует губчатая структура. Возможно, в качестве заготовки взята пластина рога северного оленя, поскольку именно рог оленя имеет довольно гладкую поверхность (*Бородовский*, 2007, с. 32), что облегчает ее обработку при подготовке к орнаментации. Мастер тщательно подобрал заготовку, что отмечалось, к слову, и при трасологическом анализе кевюдского изделия (*Усачук*, 2007, с. 85) из этой же группы фигурных кольцевидно-планочных пряжек (*Мимоход*, 2013, с. 105).

Вырезка пряжки из пластины проведена аккуратно. Остатки резки металлическим, скорее всего, лезвием зафиксированы на торцах изделия (илл. 89, *1в*, *стрелками показано направление резки*). Аккуратность вырезки пряжки косвенно свидетельствует об операции размягчения, которой подверглась пластина сырья.

Конструкция темртинской пряжки отличается значительным количеством отверстий. Помимо большого круглого, на планке пряжки присутствуют две пары диагональных сквозных вырезов, расположенных симметрично относительно продольной оси изделия, а в верхней части изделия находится система из трех отверстий. Эта система (илл. 89, *1г, д, е*) практически не сохранила следов изготовления. Отверстия по краям планки (илл. 89, *1г, д*) просверлены с внешней стороны. Возможно, после сверления мастер осторожно расширил подрезкой внутреннюю часть этих отверстий для более удобного изготовления третьего – поперечного отверстия в этой связке (илл. 89, *1е*). Сверление проведено очень аккуратно тонким металлическим сверлом, а затем расширено и подправлено резкой, в результате чего стало овальным[3].

Пары диагональных сквозных вырезов выполнены приемом последовательного высверливания (ср. *Бородовский*, 1997, с. 88)[4]. Сверло диаметром 0,25 см и длиной не менее 0,45 см ставилось перпендикулярно плоскости изделия с внешней стороны: остаток сверления сохранился в одном из вырезов (илл. 89, *1ж*). Судя по четкости стенок, было применено станковое металлическое сверло в основе-фиксаторе (ср. *Сериков, Канаука*, 2021, с. 257). После сверления двух маленьких отверстий рядом, диагональное отверстие делалось аккуратной подрезкой перемычек (илл. 89, *1з*). На стенках одного из диагональных отверстий (илл. 89, *1и*) сохранились следы резки. Впрочем, овальные вырезы сохранили некоторую «восьмеркообразную» конфигурацию, что связано со значительным расстоянием между первоначально просверленными маленькими отверстиями.

Центральное большое круглое отверстие в пряжке следов изготовления не сохранило. На стенках его зафиксированы лишь следы подрезки (илл. 89, *1к*).

Помимо изготовления большого числа разнообразных отверстий, мастер из Темрты использовал коническое сверло для орнаментации будущей пряжки. Это сверло могло быть как каменным, так и металлическим, но оно было более широкое, чем сверла для производства отверстий. Мастер и в случае сверления орнаментальных углублений старался ставить сверло перпендикулярно пло-

[3] На рисунке боковой части пряжки этого не видно. Отверстие (илл. 89, *1е*) показано круглым, потому что правая часть его канала закрыта внешним краем отверстия д.

[4] В Каталоге выставки «Европа без границ» ошибочно говорится о том, что орнамент на пряжке «в виде выпиленных сквозных овалов» (*Каталог*, 2013, с. 564).

скости планки изделия. Разная степень давления на сверло в процессе работы привела к немного разным по размерам орнаментальным углублениям на внешней стороне пряжки (илл. 7, *3*).

Нанесение орнамента на поверхность изделия подразумевает, как правило, последнюю операцию изготовления. Здесь же мы фиксируем своеобразное продолжение: оформление поперечного желобка между отверстиями в верхней части планки (илл. 89, *1л*). О том, что желобок вырезан после нанесения орнамента, свидетельствуют остатки трех орнаментальных углублений, попавших в ложе желобка (илл. 89, *1м*). Мы сталкиваемся с примером доработки плана изготовления пряжки, поскольку желобок изначально не планировался. Идея вырезать его и осуществление этой идеи лежат в плоскости использования пряжки, поэтому поговорим о желобке чуть позже.

Как уже упоминалось выше, пряжка довольно сильно сработана. Вся внешняя поверхность изделия залощена, некоторые участки (илл. 89, *2А*) – до заполировки. Внутренняя сторона пряжки заполирована интенсивнее внешней, а участок в верхней части планки (илл. 89, *2Б*) – обесцвечен. Именно верхняя часть планки с системой трех отверстий оказалась наиболее сработанной. Полукружия планки здесь (илл. 89, *2В*) частично утрачены. Особенно хорошо это видно по наполовину стертым орнаментальным углублениям (илл. 89, *2Г*). Постепенное истирание компакты рога фиксируется и в районе отверстий: перегородка одного из них настолько истончилась, что оказалась утрачена (илл. 89, *2Д*), перегородка другого «стаяла» до нитевидного состояния (илл. 89, *2Е*), причем орнаментальное углубление (илл. 89, *2Ж*) превратилось в сквозное отверстие. Судя по направлениям сработанности отверстий, можно предположить довольно сложную систему крепления пряжки. Скорее всего, через поперечное отверстие проходила глухая петля тонкого кожаного ремешка, которая крепилась к широкой ленте пояса. О наличии петли свидетельствует направление сработанности одного из отверстий на внутренней стороне (илл. 89, *23, стрелка*). Петля крепилась жестко, что почти исключило ее ерзанье, потому сработанность поперечного отверстия и внутренней стороны бокового отверстия пряжки (илл. 89, *23, стрелка*) небольшая (даже не фиксируется на внутренней стороне второго бокового отверстия). В свою очередь, в боковых отверстиях на внутренней стороне пряжки сохранились гораздо более сильные направления сработанности (илл. 89, *2И, стрелки*), что и предопределило интенсивное истирание и «стаивание» перегородок этих отверстий (илл. 89, *2Д, Е*). Очевидно, через боковые отверстия поверх желобка шел тонкий ремешок, захлестывающий пряжку более широкой и подвижной петлей. В свою очередь, сработанность боковых отверстий на внешней стороне планки идет по направлению друг к другу – по желобку (илл. *89, 2К, стрелки*).

На фоне сильной разнонаправленной сработанности отверстий в верхней части планки мало сработанным выглядит большое круглое отверстие. За исключением участка заполировки (илл. 89, *2А*), торцы большого отверстия слегка залощены. На внутренней стороне пряжки сильно завальцован небольшой участок в районе выступа (илл. 89, *2Л*). Очевидно, боковые (илл. 89, *2М*) и центральный (илл. 89, *2Н*) выступы в нижней части кольца пряжки были чуть длиннее и постепенно «стаяли» при эксплуатации изделия. Парные диагональные сквозные вырезы в нижней части планки практически не имеют следов сработанности: торцы вырезов не завальцованы, а только слегка линейно залощены. Через эти вырезы не продевались какие-то детали крепления, вырезы выполняли декоративные функции.

Курганный могильник Кевюды-1, курган 3 погребение 5. Трасологический анализ пряжки проведен в Москве 18 апреля 2003 г. в рамках изучения нескольких разнотипных пряжек из могильников юга Калмыкии – севера Ставропольского края. Результаты, полученные по этой пряжке опубликованы (*Усачук*, 2007), кратко повторены позже одним из авторов (*Мимоход*, 2013, с. 442–443). Ниже приводятся данные трасологического

анализа по публикации 2007 г. с некоторыми дополнениями и изменениями.

Использовались микроскопы Leica MZ 6 и «Микко». Изделие сохранилось хорошо. В качестве сырья был выбран рог Cervidae. Судя по толщине пряжки, был сделан вывод об особо тщательном подборе заготовки. На внутренней стороне пряжки отсутствует губчатое вещество, то есть изделие вырезано из компакты одинарной роговой пластины (*Усачук*, 2007, с. 85).

Как и при описании чоградской находки, можно реконструировать те же первые операции изготовления пряжки. И здесь мастер после разделки сырья выбрал пластину с наиболее толстым слоем компакты.

Пряжка изготовлена при помощи резки металлическим лезвием. Следы такой резки сохранились на многих участках (илл. 90, *1а*). Плавность и аккуратность подобных следов свидетельствуют о том, что пластина сырья перед обработкой подвергалась размягчению (ср. *Абросимова, Каплан, Митлянская*, 1978, с. 39; *Бородовский*, 1989, с. 23–25; *Шмырина*, 2020, с. 26). Трудно выявить последовательность операций по изготовлению такой своеобразной пряжки. Вероятно, одна из первых операций – просверливание в заготовке большого отверстия. Следы сверления не сохранились, потому что отверстие мыслилось овальным и потому изнутри подрезалось лезвием острого ножа (илл. 90, *2а*). Только после этого мастер мог приступить к оформлению корпуса в районе большого отверстия – вырезке треугольных парных элементов (илл. 90, *2б*). Скорее всего, после этого была вырезана верхняя часть пряжки – овальные парные элементы (илл. 90, *2в*) (*Усачук*, 2007, с. 86–87). Тогда же, если не сразу после изготовления большого отверстия, мастером была произведена не слишком ровная выборка компактного слоя на обратной стороне пряжки (илл. 90, *1б, направление резки показано стрелками*). Оформление парных элементов верхней части пряжки закончилось, вероятно, изготовлением небольшого бокового отверстия. О том, что верхняя часть пряжки вырезалась раньше нижней, где роговидные выступы потребовали много усилий, косвенно свидетельствует как раз операция просверливания бокового отверстия: без вырезки нижней части пряжки заготовка хорошо ложилась на правый и левый торцы – сверление шло с обеих сторон. Изготовление роговидных выступов в нижней части пряжки является, скорее всего, одной из последних операций по оформлению пряжки, произведенной до или после нанесения орнамента (*Усачук*, 2007, с. 87).

Кевюдский мастер аккуратно готовил парные детали пряжки. Овальные элементы вырезаны им в несколько приемов, что более четко прослеживается справа (илл. 90, *1в*). При резке овальных элементов были оставлены пазы разного рельефа (илл. 90, *1г, д*). Боковое маленькое отверстие изготовлено при помощи станкового сверла (материал сверла остался неясен) приемом последовательного высверливания (ср. *Бородовский*, 1997, с. 88). Первоначально сверлились два отверстия рядом (илл. 90, *1е*) – сверление шло с каждой стороны приблизительно до середины толщины пряжки. Отверстие е1 просверлено перпендикулярно боковым торцам пряжки (илл. 90, *1е1+2, направление стрелки е1*), отверстие е2 – под небольшим углом (илл. 90, *1е1+2, направление стрелки е2*). Некоторое несовпадение каналов сверления с обеих торцов изделия не мешало: наклонным сверлением второго отверстия (е2) мастер почти убирал перегородку между отверстиями е1 и е2, особенно в глубине будущей пряжки. Овальное отверстие с тыльной стороны получилось, в основном, при сверлении отверстия е2 и было затем немного подправлено резкой внутри канала. После окончания сверления боковое отверстие с обеих сторон мастер подправил концом металлического лезвия (*Усачук*, 2007, с. 87).

Покончив с вырезкой небольшого слегка неровного овального отверстия в верхней части пряжки (илл. 90, *1ж*), мастер мог заняться аккуратной вырезкой парных роговидных выступов. Кроме поперечных следов резки, зафиксированных на внутренней стороне «рогов» (илл. 90, *1а*), отметим следы резки металлическим лезвием с двух сторон от не-

большого поперечного выступа (илл. 90, *1з, направление резки показаны стрелками*).

На верхнем торце пряжки (илл. 90, *1и*) – следы резки кремневым лезвием – единственный участок изделия, следы резки на котором отличаются от остальных. На этом торце отмечена и небольшая неровность (*Усачук*, 2007, рис. 1, *11*), поверх которой (и поверх следов резки кремневым лезвием) идут несколько тонких поперечных следов резки металлическим лезвием (илл. 90, *1к, направление резки показаны стрелками*). Эти следы напоминают такие же следы резки на противоположном торце пряжки (илл. 90, *1з*).

Орнамент на пряжку нанесен при помощи резки. Два больших углубления в овалах верхней части пряжки (илл. 90, *1л*) прорезаны не совсем ровно концом металлического лезвия. Маленькие отверстия не сверлились, а тоже аккуратно и неторопливо выбирались тонким концом острого лезвия. Иногда кончик лезвия мастер мог и провернуть – в результате получались углубления, похожие на просверленные, но немного разновеликие и с неровным дном. Обратим внимание на нюансы орнаментации: на парных овальных элементах мастер оформил не окружность из маленьких отверстий вокруг больших углублений, а спирали, которые раскручиваются от большого углубления к краям каждого овального элемента. По-разному орнаментированы треугольные выступы: один – по краям (илл. 90, *1м*), другой – по всей площади (илл. 90, *1н*).

Изучение нанесения элементов орнаментации на детали пряжки позволили выявить интересную подробность: перед орнаментацией парных овальных элементов мастер слегка срезал края обоих овалов, подходящих к отверстию е (илл. 90, *1о*). Видимо, в процессе вырезки такой сложной пряжки мастер прикидывал, как пройдет через поперечное отверстие е шнурок и выяснил на практике, что шнурку желательно дать чуть больше свободного пространства. Орнамент же по краю овальных элементов наносился уже с учетом срезанных краев.

Вся пряжка сильно залощена. Очевидно, какое-то лощение предполагалось при изготовлении столь вычурного изделия, но на поверхность пряжки легла и залощенность от эксплуатации.

Больше следов сработанности фиксируется на внутренней стороне. Уплощены и залощены более сильно участки парных овальных элементов (илл. 90, *3А*). Чуть больше, чем участки рядом, залощена поверхность парных треугольных выступов (илл. 90, *3Б*). Завальцованы до обесцвечивания участки пряжки вокруг центрального отверстия (илл. 90, *3В, Г*), причем участок Г меньше по площади, чем участок В. Сработанность и обесцвеченность участков пряжки в районе большого отверстия на внутренней стороне коррелируется с подобной завальцованностью до частичной обесцвеченности участков и внешней стороны пряжки (илл. 90, *3Д*). Сработанность до обесцвечивания фиксируется и на длинных сторонах маленького овального отверстия на внутренней стороне пряжки (илл. 90, *3Е*). Чуть больше, чем окружающие участки поверхности, завальцован боковой паз и поверхность края большого отверстия ниже паза (илл. 90, *3Ж, направление сработанности показано стрелкой*). Завальцованы до обесцвечивания концы роговидных выступов (илл. 90, *3З*) и концы треугольных выступов (илл. 90, *3И*) на внутренней стороне пряжки (*Усачук*, 2007, с. 89).

Трасологический анализ 3-х пряжек типа Ипатово-Типки проведен в Москве 15–16 апреля 2003 г. в рамках изучения нескольких разнотипных пряжек из различных могильников юга Калмыкии – севера Ставропольского края. Использовались микроскопы Leica MZ 6 и «Микко».

Ильинский-1, курган 1 погребение 6. Изделие сохранилось хорошо. Изготовлено из рога Cervidae. Насколько можно судить по пряжке, использовалось тщательно выбранное сырье – компакта одинарной довольно толстой пластины рога без губчатого слоя. Скорее всего, выемка на внутренней стороне планки (илл. 91, *1а*) оставлена на том месте, где мастер вычистил начало прослойки губчатого вещества. С обеих сторон планки сохранились отчетливые следы резки (илл. 91, *1б*). Мастер оформил внешнюю поверхность

планки крупным рельефом (илл. 91, *1в*). Такое впечатление, что наиболее рельефные желобки после вырезки растачивались активными абразивами (илл. 91, *1г, стрелки показывают направления расточки*). Следы резки сохранились и в районе оформления перехода от большого кольца к широкой планке (илл. 91, *1д, е*). Большое отверстие сверлилось вручную с двух сторон при помощи кремневого сверла-лезвия. Оформление кольца подразумевало еще аккуратную локальную подрезку металлическим ножом (илл. 91, *1ж, направление резки показано стрелками*) и обработку несколькими абразивами. Маленькое отверстие в планке сверлилось с обеих сторон станковым сверлом слегка на конус, но очень аккуратно, поэтому в канале отверстия стыка не видно.

Пряжка сильно залощена. Выделяются участки наибольшей залощенности и заполированности, доходящие до обесцвечивания. Они концентрируются в районе большого кольца (илл. 91, *1З*) и центрального выступа планки вплоть до края кольца (илл. 91, *1И*). Рельефные выступы справа и слева от центрального на рифленой поверхности планки (илл. 91, *1К*) тоже залощены, но меньше. Немного менее залощенны и начавшиеся заполировываться локальные участки внутренней поверхности планки (илл. 91, *1Л*). Выемка (илл. 91, *1а*) тоже залощена, но гораздо менее интенсивно, чем участки Л вокруг нее на планке. Торец планки (илл. 91, *1М*) заполирован.

Внутренний канал большого кольца залощен. Так же залощен и канал отверстия в планке, только здесь еще и участки развальцованности и стертости от сработанности по краям маленького отверстия (илл. 91, *1Н, О, направление сработанности показано стрелками*) и чуть менее выраженная еще одна сработанность (илл. 91, *1П, стрелка*).

Типки-1, курган 2 погребение 4. Пряжка с массивной планкой изготовлена из рога Cervidae. Использовалось тщательно подобранное сырье – участок ветви со значительной толщиной компакты, что позволило мастеру использовать толстую одинарную пластину рога, но без губчатого слоя. На внутренней стороне пряжки сохранилась выемка (илл. 91, *2а*) самого начала прослойки губчатого вещества, которую, скорее всего, мастер немного подчистил. Поверхность изделия сохранилась не очень хорошо, есть небольшие современные утраты планки (илл. 91, *2б*). Локально на изделии сохранились следы резки (илл. 91, *2в, стрелки показывают направление резки*). Внешнюю поверхность планки мастер оформил довольно небрежно подобием крупного рельефа (илл. 91, *2г*), но следы резки здесь не сохранились. Большое отверстие сверлилось вручную изнутри (характер сверла остался неясен). Сверление маленького отверстия в планке шло при помощи станкового металлического (скорее всего) сверла слегка на конус: возможно, мастер предполагал изготовить все отверстие с одной стороны, но сверло ушло в сторону (илл. 91, *2д, стрелка*) и ситуация была исправлена сверлением с другой стороны планки (илл. 91, *2е, стрелка*).

Пряжка в достаточной степени залощена. Выделяются участки наибольшей залощенности и заполированности, как, например, на внутренней (илл. 91, *2Ж*) или внешней (илл. 91, *2З, участок красного цвета*) поверхностях планки, на внутренней (илл. 91, *2И*) или внешней (илл. 91, *2К*) поверхностях кольца. Торец планки (илл. 91, *2Л*) залощен до начала заполировки. Канал большого отверстия-кольца только немного залощен, а канал маленького отверстия в планке сработан сильнее. При этом фиксируются некоторые утраты краев отверстия в верхней части планки (илл. 91, *2М, направление сработанности показано стрелками*).

Ипатово-3, курган 2 погребение 13. Пряжка сохранилась удовлетворительно, но хуже ильинской, поэтому дала меньше трасологической информации. Изготовлена из рога Cervidae. Слом большого кольца свежий, более светлый (ср. *Fisher*, 1995a, p. 46), в погребении пряжка была целой. Мастер использовал удачно выбранное сырье: толстую одинарную пластину. Очевидно, как во многих подобных случаях, сначала готовилась двойная пластина рога, которая затем раскраивалась на две одинарные (ср. *Бородов-*

ский, 1997, с. 86, 98; 2007, с. 34–35). На планке локально сохранились следы резки (илл. 92, *1а*) (металлическое? лезвие). Обработка поверхности изделия проведена тщательно при помощи мелкого и очень мелкого абразива. Желобки на планке (илл. 92, *1б*) едва намечены. Сверление большого отверстия шло с внутренней стороны. Следы сверления почти не сохранились, но скорее всего, оно было ручное. Как правило, станковое сверло дает ровные стенки просверленного отверстия. Здесь же зафиксировано, что с внешней стороны готовый канал отверстия был приблизительно на половину глубины немного подправлен подрезкой металлическим лезвием – видимо, мастер убирал неровности ручного сверления. Маленькое отверстие в планке изготовлено станковым сверлом. Скорее всего, ипатовский мастер сверлил его с обеих сторон, но, как и его ильинский «коллега», делал это очень аккуратно.

Сработанность пряжки небольшая. Например, торец планки (илл. 92, *1В*) только чуть залощен. Участки чуть большей залощенности сосредоточены в нижней части планки (илл. 92, *1Г*). На фоне такой сработанности выделяется довольно сильная залощенность канала маленького отверстия и определенное разрушение краев отверстия в верхней части планки (илл. 92, *1Д, направление сработанности показано стрелками*).

Поселение Каратаево, культурный слой. Трасологический анализ находки проведен при подготовке этой книги с использованием приборной базы Центра коллективного пользования при ИА РАН 26 февраля 2025 г. Использовался стереомикроскоп Stemi 2000-C. Рисунок и фото изделия (илл. 64, *10, 11*) были выполнены 15–16 января 2025 г.

Пряжка изготовлена из рога Cervidae. Выбрано сырье в виде компакты рога толщиной до 1,5 см. На внутренней стороне планки сохранилось начало губчатого слоя (илл. 92, *2а*), то есть можно сказать, что использована одинарная пластина. Толщина этой пластины в рамках 1,5 см говорит о том, что каратаевский мастер подошел к выбору сырья ответственно. Как и в подобных случаях с другими пряжками, он сначала приготовил двойную пластину рога, которую затем раскроил на две одинарные. На планке каратаевской пряжки вырезаны два овальных почти молоточковидных выступа. Сквозь эти выступы проходит поперечное плоскости кольца небольшое отверстие, а другой конец пряжки оформлен в виде кольца с большим отверстием. В целом, пряжка изготовлена не только аккуратно, но и с определенным изяществом. Косвенно это свидетельствует о размягчении сырья: термической обработке или вымачиванию в органических кислотах.

Сохранность изделия неважная. Частично поверхность пряжки покрыта прочной известковой коркой, которую на некоторой площади удалось убрать. Поверхность компакты в районе большого кольца локально разрушена микробиотой (илл. 92, *2б*). Такие же, чуть менее интенсивные микроразрушения компакты зафиксированы на перемычке возле планки (илл. 92, *2в*) и на части поверхности одного из молоточков (илл. 92, *2г*). Наиболее плохо сохранилась внутренняя часть Т-образной планки между овальными выступами (илл. 92, *2д*).

К сожалению, сохранность находки, ее обработка на заключительных стадиях изготовления и следы сработанности уничтожили следы резки, которые не зафиксированы на теле пряжки. Но, безусловно, мастер использовал при ее изготовлении металлическое лезвие – следы его сохранились при поправке краев маленького отверстия в планке (об этом ниже). Заканчивалась же тщательная обработка поверхности пряжки при помощи мелкого и очень мелкого абразива, следы которого локально сохранились в районе кольца (илл. 92, *2е*). Отверстие в планке сверлилось, скорее всего, станковым сверлом – очень осторожно с обеих сторон. Сейчас это отверстие сильно заизвестковано. Во время изучения пряжки часть известкового состава в канале удалось убрать и проверить при помощи стальной тонкой иглы, что отверстие сквозное, но полностью без реставратора чистить канал отверстия мы отказались, поскольку Т-образная планка грозила окончательно разрушиться на участке между овальными выступами (илл. 92, *2д*). После

сверления отверстия в планке мастер доработал его с обеих концов (илл. 92, *2ж*) аккуратной подрезкой, используя при этой операции металлическое лезвие.

Пряжка сильно залощена. Выделяются участки наибольшей залощенности, доходящие до заполировки (илл. 92, *23, участки красного цвета*). Внешний край кольца стерт от эксплуатации с обеих сторон пряжки (илл. 92, *2И, К*). Внутренний канал большого кольца залощен (насколько это видно на свободных от заизвесткованности участках). Залощен и канал отверстия в планке. На торце одного из овальных выступов зафиксировано направление небольшой сработанности (илл. 92, *2Л, стрелка*).

2.1.2. Трасологические данные по пряжкам волго-уральской культурной группы

Ливенцовская крепость, погребение 6. Трасологический анализ этой пряжки проведен в конце подготовки книги в фондах Ростовского обл. музея краеведения 23 апреля 2026 г. Использовался микроскоп МБС-9. Во время изучения пряжки были выполнены фото (илл. 14, *2*) и новый рисунок изделия (илл. 14, *3*).

Поверхность пряжки сохранилось плохо, много изъянов, нанесенных микробиотой и локальные небольшие участки современных повреждений. В районе кольца – погрызы мелкого землеройного животного (илл. 93, *1, Iа*). Из-за сохранности и сильной сработанности пряжки довольно трудно понять вид сырья. Своеобразный «монолитный» его вид, отсутствие крупных ячей губчатого слоя и минимум локализованных только в районе торца планки очень маленьких ячей, позволяют считать, что пряжка изготовлена из рога Cervidae[5]. Компакта рога толщиной чуть больше 1 см, что соответствует одинарной пластине. Мастер ответственно подошел к выбору сырья (впрочем, небольшие размеры будущей пряжки облегчили ему задачу): из двойной роговой пластины (ср. *Бородовский*, 1997, с. 86; 2007, с. 33–34) были сделаны две одинарные (ср. *Бородовский*, 1997, с. 86, 98; 2007, с. 34–35), одна из которых, где отсутствует губчатый слой, и была взята для изготовления пряжки.

Не очень хорошая сохранность, но – в первую очередь, сильная сработанность изделия – привели к тому, что на пряжке осталось мало следов изготовления. На небольшом участке кольца (илл. 93, *1, Iб*) – следы очень тонкого абразива, на торце кольца в другом месте – следы более крупного абразива (илл. 93, *1, Iв*). Видимо, обработка поверхности пряжки очень тонким абразивом – одна из последних операций по изготовлению, связанная с полировкой мастером готового изделия, а более грубый абразив оставил следы во время предварительной обработки поверхности пряжки. Следы изготовления большого отверстия не сохранились, но ровные стенки его свидетельствуют, скорее всего, о станковом сверле. Ситуация с маленьким отверстием (илл. 93, *1, Iг*) более своеобразна: на торце планки (илл. 93, *1, II, III*) сохранились очень сглаженные остатки еще одного отверстия (илл. 93, *1, Iд, II*). Возможны два варианта: поначалу в более длинной планке были просверлены два отверстия (илл. 93, *1, Iе*), но во время долгой эксплуатации одно из них (илл. 93, *1, Iд*) сломалось, и пряжка продолжала использоваться с оставшимся (илл. 93, *1, Iг*) маленьким отверстием. Второй вариант: новое отверстие в планке (илл. 93, *1, Iг*) изготовлено после поломки первоначального (илл. 93, *1, Iд*). Второй вариант нам кажется предпочтительней и вот почему. Дело в том, что конец планки довольно сильно расширяется (илл. 93, *1, Iж, III*) и с этим расширением связаны остатки сломанного отверстия (илл. 93, *1, Iд*). Это отверстие, судя по его остаткам, было чуть больше по диаметру, чем сохранившееся, а потому вполне вероятно, что расширение на нынешнем конце планки связано с тем, что мастер оформил небольшую поперечную втулку (илл. 93, *1, Iз*), которая, пусть и ненамного, увеличивала прочность планки. При наличии втулки просверливать ниже ее второе отверстие было излишним, и

[5] Сравнение ливенцовской находки с пряжкой с поселения Каратаево показало большую похожесть сырья обоих изделий.

таким образом, нынешнее отверстие в планке – результат ремонта, когда втулка сломалась.

Сработанность пряжки, как мы уже говорили, очень сильная. Поверхность изделия заполирована – это просматривается на не разрушенных участках компакты. Успела не только сломаться первоначальная втулка, но и маленькое вторичное отверстие (илл. 93, *1, Iг*) из круглого превратилось в овальное (илл. 93, *1, IV*). Сильная сработанность этого отверстия выражена еще и в том, что оно постепенно теряло очень небольшие фрагменты компакты, медленно разрушаясь в процессе использования пряжки. Край отверстия (илл. 93, *1, IИ*) частично обесцвечен. Сильная сработанность с образовавшимся от трения желобком направлена с обеих сторон отверстия к торцу (илл. 93, *1, IК, стрелка*). Долгая эксплуатация пряжки привела к неожиданному эффекту: мы так и не смогли уверенно определить, какая из сторон изделия внешняя. Впрочем, учитывая ремонт крепления глухого конца, положение пряжки во время использования могло меняться.

Тамар-Уткуль VII, курган 4 погребение 3. Трасологический анализ пряжки проведен при подготовке этой книги в археологической лаборатории Оренбургского гос. педуниверситета 22, 24 апреля 2025 г., в музее археологии которого эта пряжка хранится. Использовался микроскоп МБС-10. В это же время были выполнены новые фото и рисунок изделия (илл. 15, *4, 5*).

Пряжка с выраженной втулкой изготовлена из фрагмента компакты длинной трубчатой кости крупного копытного или рога животного семейства Cervidae[6]. Толщина кольца пряжки до 0,9 см. В целом изделие сохранилось неплохо. Утрачен небольшой фрагмент кольца (скорее всего, уже после находки пряжки), само кольцо склеено. Поверхность компакты на некоторых участках изделия сильно разрушена. Особенно это касается поверхности поперечной втулки. Следы изготовления пряжки почти не сохранились. На втулке (илл. 93, *2а*) – поперечные следы очень тонкого абразива. Видимо, тщательная обработка всей поверхности пряжки тонким абразивом с возможной полировкой привела к исчезновению практически всех следов изготовления. Не сохранились и следы изготовления большого кольца. Отверстие в поперечной втулке отличается ровными стенками канала, идущими чуть на конус с обеих сторон (илл. 93, *2б*), то есть изготовлено при помощи аккуратного станкового сверления с двух торцов втулки. Обратим внимание на некоторые детали изготовления пряжки. Во-первых, толщина кольца сильно варьируется – от 0,5 см (илл. 93, *2в*) до 0,9 см (илл. 93, *2г*), причем, это не сработанность, которая шла бы неравномерно, а, судя по плавному абрису большого кольца, намеренное его утончение с обеих сторон. Во-вторых, нельзя втулку с маленьким отверстием назвать строго поперечной: по отношению к плоскости большого кольца она располагается под небольшим углом – 15º (илл. 93, *2д*).

Следы сработанности в большей степени сосредоточены в районе большого кольца и втулки. С обеих сторон кольца – участки линейной залощенности, доходящей до заполировки (илл. 93, *2Е, участки красного цвета*). Почти заполировка просматривается и на некоторых участках втулки (илл. 93, *2Ж*, *участки красного цвета*). Края отверстия во втулке оказались немного разрушены (илл. 93, *2З*) – стерлись от трения о мягкий эластичный материал. На длинном стержне планки выделяется часть поверхности с более интенсивной залощенностью (илл. 93, *2И*). Практически на середине боковой стороны планки (илл. 93, *2К*) – очень небольшой участок чуть большей сработанности и залощенности, отличающийся от иной поверхности планки.

[6] В данном случае доподлинно определить сырье затруднительно. Если это длинная трубчатая кость, то с большей вероятностью это либо берцовая, либо кость метаподия (пясть/плюсна) лошади. Если это рог, то скорее всего он принадлежал лосю. Пролить свет на данную проблему поможет ZooMS анализ. Известно, что оси втулки и кольца пряжки не параллельны (об этом в тексте главы чуть ниже – см. илл. 93, 2д – Р.М., А.У.). Это может быть связано с тем, что участок с плотной компактой длинной трубчатой кости, выступающий в качестве сырья, имел естественный изгиб, в результате чего изделие получилось нестандартным. Комментарий м.н.с. отдела научных исследований Оренбургского педуниверситета И.М. Сосновцевой.

2.1.3. Трасологические данные по пряжке присулакской культуры

Трасологический анализ 3-х пряжек присулакской (курганный могильник Гертма III, курган 5 погребение 1) и гинчинской (могильник Ирганайский 1 и поселение Ирганайское I) культур проведен 20, 22 мая 2025 г. в ООО НПЦ «Дагестанская археологическая служба» (г. Махачкала) в рамках подготовки этой книги. Использовался портативный микроскоп MG10085 Zoom 60x-100x. Во время изучения были выполнены фото и новые рисунки пряжек (илл. 34, *2, 3*; 42, *10, 11*; 66, *4, 5*).

Курганный могильник Гертма III, курган 5 погребение 1 (илл. 34, *2, 3*).

Пряжка с выраженной планкой изготовлена из фрагмента компакты длинной трубчатой кости крупного копытного. Изделие сохранилась чрезвычайно плохо. Кортикальный слой компакты изделия со всех сторон сильно разрушен биогенным воздействием (ср. *Fisher*, 1995a, p. 43; *Évora*, 2015, p. 159, 162; *Orłowska* J., 2017, p. 8; *Приходько, Лаврукова, Сидорова, Попов,* 2018, с. 157–158; *Вальков*, 2019, с. 579; и др.). Очень неровными являются и торцы пряжки, особенно поперечный торец планки. Большое количество разнонаправленных и разнообразных следов разрушения микробиотой позволило «увидеть» на обеих плоскостях планки, и на торце ее группу гравированного узора (*Ильюков, Магомедов*, 2010, с. 47), который на самом деле на пряжке отсутствует[7]. Ошибки в определении каких-либо деталей на костяных изделиях или костях животных встречаются в археологической среде (*Binford*, 1981, p. 44–50; *Fisher*, 1995a, p. 10, 43; *Усачук, Мимоход*, 2025; и др.). К древним разрушениям добавились еще очень тонкие по толщине сколы, которые получила пряжка во время раскопок (илл. 94, *1а*). Поверхность сколов светлая (ср. *Fisher*, 1995a, p. 46) и почти чистая от биогенных следов разрушения компакты. Это подчеркивает чрезвычайно малую глубину следов разрушения, которые и по этому критерию нельзя сравнивать со следами преднамеренной резки или гравировки поверхности пряжки.

Из-за сохранности изделия почти невозможно ничего сказать об изготовлении. По сравнению с плоскостью кольца планка повернута почти на 5°, и здесь можно вспомнить пряжку из Тамар-Уткуля, где подобный поворот достигает 15° – скорее всего, и изделие из Гертмы III тоже немного «повело» из-за сложных условий залегания.

Можно с большой долей уверенности говорить о том, что выступы по краям кольца (илл. 94, *1б*) оформлены подрезкой. Так были изготовлены и два выступа на кольце (илл. 94, 1в). Обратим внимание, что у мастера после вырезки эти выступы получились немного разные – один больше другого. Судя по профилю большого кольца, сверление шло, вероятнее, с обеих сторон. Сказать что-либо по изготовлению маленьких отверстий в планке невозможно – каналы их полностью разрушены.

Следы использования на пряжке утрачены так же, как и следы изготовления. Некоторая неровность на участке профиля большого отверстия (илл. 94, *1Г*) осталась, возможно, от эксплуатации изделия. Обратим внимание, что одно отверстие (илл. 94, *1Д*) больше другого (илл. 94, *1Е*) (их диаметры: до 0,5-0,6 см и 0,3-0,4 см соответственно), что тоже является, скорее всего, следствием процесса использования пряжки.

2.1.4. Трасологические данные по пряжкам гинчинской культуры

Поселение Ирганайское I (илл. 66, *4, 5*).

Пряжка, от которой сохранилась планка и сегмент большого кольца (*Ильюков, Магомедов*, 2010, с. 50), изготовлена из фрагмента кабаньего клыка. Состояние фрагмента пряжки хорошее. Внутри дентина очень тонкие короткие продольные и поперечные линии растрескивания. Как и мастер пряжки Ирганайского могильника (о нем ниже), его «коллега» с

[7] По-своему близкая ситуация наблюдается на круглой пряжке из п. 6 одиночного кургана Ясиновский III, где на первый взгляд по краю бортика изделия сохранились насечки. На самом деле, эти «насечки» образовались из-за сильного растрескивания компакты пряжки (*Усачук*, 2018, с. 55).

Ирганайского поселения в качестве сырья использовал нижний клык крупного взрослого животного. Мастер взвешенно подошел к выбору сырья: на внешней стороне пряжки оно эффектно смотрелось прежде всего на орнаментированной планке (илл. 66, *4, 5*). Но важнее было найти такой участок клыка, чтобы слой дентина был достаточно толстый, и чтобы заготовке как можно меньше мешала довольно большая полость внутри (ср. *Осипов*, 2013, с. 68; *Marquebielle, Fabre*, 2021, p. 527). Таким параметрам соответствовал только нижний клык крупных взрослых и даже старых животных (*Осипов*, 2013, с. 68)[8], охота на которых менее эффективна с точки зрения количества мяса (ср. *Marquebielle*, *Fabre*, 2021, p. 532) (свиноматок и поросят добывать гораздо легче) и сопряжена со значительным риском (*Каверзнев*, 1932, с. 37, 42–43; *Черкасов*, 1990, с. 434–436, 444; *Подобед, Усачук, Цимиданов*, 2013, с. 453; *Marquebielle*, 2014, p. 63; и др.). Подчеркнем, что извлечение клыков, особенно нижних, из челюстей зверя требует определенного опыта (*Роскопф*, 1977, с. 31; *Руденко, Семашко*, 2003, с. 134). Мы не можем сказать однозначно, занимался ли мастер-косторез извлечением кабаньих клыков. Скорее всего – да. Умением тщательной разделки туш животных мог обладать каждый охотник. Он же мог правильно организовать сохранность ценных клыков при транспортировке туши (ср. *Петрунин, Никашина, Куприянов, Никеров, Рымалов*, 1998, с. 116; *Руденко, Семашко*, 2003, с. 134) и даже, скорее всего, извлечь клыки путем перелома нижней челюсти (ср. *Marquebielle*, 2014, p. 62; *Fabre*, 2017, с. 288). Но аккуратное извлечение кабаньих клыков требовало длительной и особенно тщательной варки головы животного (ср. *Роскопф*, 1977, с. 31; *Петрунин, Никашина, Куприянов, Никеров, Рымалов*, 1998, с. 119; *Marquebielle*, 2014, p. 62–63) – подобное можно было организовать, скорее всего, в стационарных условиях и это мог со знанием дела выполнить мастер-косторез.

Пряжку «поселенческий» мастер изготовил своеобразно – допустив, чтобы полость клыка прошла вдоль всей пряжки (илл. 95, *2*). На верхнем торце планки сохранился очень небольшой, но характерный выступ (илл. 94, *2а, б*), когда сырье перепиливают/перерезают (илл. 95, *2а*) почти на всю толщину заготовки, а затем оставшуюся нерасчлененной часть ломают. Такой прием обработки кости и рога беззубцовыми лезвиями или пилками без развода зубьев встречается повсеместно в широком хронологическом диапазоне (*Provenzano*, 2001, p. 192; fig. 285, *f*, 286, *a, b, e*, 287, *2*, 292, *a*; 2004, p. 32; 2004a, p. 207; *Sidéra*, 2004, fig. 9; *Vitezović*, 2011, fig. 11; 2013, fig. 11; 2018, fig. 4-6; *Панковський, Філатов*, 2011, с. 78; *Панковський*, 2012, с. 320; *Усачук*, 2012, рис. 4, *6*, 5, *2*, 6, *3*; 2013б, с. 350; 2016а, рис. С9, *8*; 2024, с. 26; *Voinea, Grigoruță, Cărpuș*, 2014, fig. 5, *1, A-C, 2, C, D*; *Nicodemus, Lemke*, 2016, p. 114, 115, fig. 3, B; *Евгеньев, Купцова, Мухаметдинов, Рослякова, Усачук, Файзуллин, Хохлов*, 2016, с. 132; *Усачук, Файзуллин*, 2016, с. 141, 142; *Кузьмина, Колев, Ластовский, Турецкий*, 2017, рис. 71, 6; *Рафикова, Федоров, Усачук*, 2019, с. 89; и др.). То, что выступ остался в середине толщи заготовки (илл. 94, *2б*) свидетельствует о том, что твердый дентин мастер пилил с разных сторон и лишь потом аккуратно сломал клык. Таким образом был удален фрагмент клыка (илл. 95, *2б*), а в торце будущей планки осталась часть полости клыка шириной до 0,8 см и высотой до 0,2 см (илл. 94, *2в*; 95, *2в*). В канале большого отверстия ниже планки (илл. 95, *2г*) размеры полости больше: ширина до 1,2 см, высота чуть менее 0,4 см. Расширение канала полости клыка продолжалось на нижней, ныне отсутствующей части кольца пряжки (илл. 95, *2д*), что, возможно, в какой-то мере и спровоцировало в будущем поломку изделия.

На торцах планки сохранились заполированные и почти уничтоженные последующей обработкой и эксплуатацией пряжки следы тонкого поперечного абразива (илл. 94, *2г*). Вся внешняя поверхность планки заполнена врезным орнаментом из колец с точкой в центре, выполненная орудием в

[8] В качестве рабочего материала для сравнения и изготовления схем нами использовался клык взрослого кабана длиной около 25 см.

виде опорного зубца в центре и двух боковых резцов. Всего на планке уместились три поперечных ряда колец: по 4 – вверху и внизу (илл. 94, *3а, б*) и 3 кольца в сужающейся центральной части (илл. 94, *3в*). Нижний орнаментальный ряд, примыкающий к остаткам большого кольца (илл. 94, *3б*), расположен не поперек, а по диаметру большого отверстия. Только три кольца в центре рядов (илл. 94, *3г*) выполнены на ровной поверхности, остальные – под разными углами. Особенно сильно под углом изготовлено одно из крайних колец нижнего ряда (илл. 94, *3д*). Диаметр колец 5 мм, ширина борозды кольца – чуть меньше 1 мм, диаметр точки сопоставим с шириной борозды и тоже чуть меньше 1 мм. Сечение колец желобчатое, с практически отвесными стенками. Точки-углубления в центре колец – с ровными краями, чуть-чуть наклонными стенками и ровным дном. Опорный зубец орудия был слегка затупленным. Боковые зубцы резца представляются со слегка наклонной внешней и прямой внутренней сторонами. Все 11 окружностей выглядят четкими и аккуратными, что при твердости дентина свидетельствует о том, что применялся металлический резец (ср. *Панковский*, 2016, с. 1021).

Маленькое поперечное отверстие в планке просверлено, возможно – с обеих сторон, но в таком случае очень аккуратно – стыков каналов сверления не видно. Мастер слегка подрезал отверстие на выходе с обеих сторон. Мы можем предположить, учитывая очень прочное сырье, что поперечное отверстие мастер изготовил при помощи металлического сверла, а большое отверстие вполне мог оформить при помощи костяного полого сверла.

На планке пряжки сохранились следы использования. Фрагмент пряжки заполирован с обеих сторон и с торцов. Поперечный торец планки (илл. 94, *4А*) немного «стаял» от эксплуатации. Близкие к этому торцу орнаментальные окружности (илл. 94, *4Б*) частично стерлись. Заполированы до обесцвечивания сохранившиеся выступы по краям планки (илл. 94, *4В*) и окружность орнамента возле одного из них (илл. 94, *4Г*). Заполирована и сохранившаяся часть кольца вокруг большого отверстия (илл. 94, *4Д*), и канал этого отверстия. Края полого отверстия в толще клыка остались без следов сработанности как со стороны канала большого отверстия, так и на внешней стороне торца планки, то есть полость внутри клыка не использовалась в сочетании с поперечным отверстием в планке для какого-либо варианта крепления. Зато края поперечного отверстия немного сработаны по окружности и до локального обесцвечивания сработаны вверх – по направлению к торцу планки (илл. 94, *4Е, Ж, стрелки*), причем, с одной стороны, ось сработанности идет параллельно длинной оси пряжки (илл. 94, *4Е*), с другой – слегка под углом (илл. 94, *4Ж*).

Могильник Ирганайский 1, курган 1 склеп 1 (илл. 42, *10, 11*).

Пряжка с выраженной планкой изготовлена из фрагмента кабаньего клыка (*Ильюков, Магомедов*, 2010, с. 49)[9]. Сохранность находки неплохая[10], учитывая, что, как правило, клык кабана склонен трескаться вдоль. Участок кольца под планкой (илл. 95, *3а*) частично разрушен, на внутренней стороне пряжки отслоились некоторые участки дентина (иные разрушения связаны с эксплуатацией пряжки, о них – ниже). На пряжке есть небольшие трещины, образовавшиеся, очевидно, уже после попадания изделия в погребение. Как и мастер пряжки Ирганайского поселения, этот мастер тщательно выбрал сырье – изделие смотрится эффектно (илл. 42, *11*). Кроме того, мастер пряжки Ирганайского могильника поступил оригинально, попытавшись обратить недостатки сырья (наличие полости внутри клыка (илл. 95, *1а*)) в свою пользу. Он выбрал участок как можно ближе к кончику клыка, где слой дентина довольно толстый, а полость сходит почти на нет. Но подойти вплотную к концу клыка мастер не мог, поскольку требо-

[9] В этой работе исследователи специально подчеркивают, что ранее речь шла об оленьем роге, как о сырье пряжки (см. *Магомедов*, 1990, с. 44), но теперь характер сырья был уточнен, и это кабаний клык.

[10] Локально пряжка залита старым клеем, который в некоторых местах потемнел.

валось сохранить задуманную ширину будущей пряжки. Поэтому мастер несколько отступил от кончика клыка, чтобы заготовка соответствовала нужной ширине (илл. 95, *1б*), а ситуацию с полостью решил тем, что развернул вырезку пряжки планкой к центру клыка, чтобы расширяющаяся внутренняя полость почти вся попала на будущую планку (илл. 95, *1в*). Ситуация, на наш взгляд, была такой: мастер изначально предполагал сделать в планке пряжки привычные два сквозных маленьких отверстия, какие мы видим, к примеру, на присулакских пряжках из Гертмы III. Но почему-то сырьем для изготовления пряжки был выбран кабаний клык, имеющий внутреннюю полость. Мы не сможем ответить на вопрос – почему для этой пряжки нельзя было взять другое сырье, более удобное для крепления ремня через маленькие отверстия планки, но мы видим, как попытки не ослабить большое кольцо пряжки заставило мастера получить полуизготовленную пряжку с проходящей насквозь через всю будущую планку полостью. «Поселенческого» мастера эта полость в клыке волновала мало, отчасти потому, что система крепления планки подразумевала небольшое поперечное отверстие. Здесь же наличие более-менее широкой полости в будущей планке не волновало мастера по другой причине: ненужный выступ дентина в заготовке (илл. 95, *3б*) он просто сломал[11].

В торце планки осталась часть полости клыка шириной до 0,7 см и высотой 0,1 см (илл. 95, *1г*). Готовый паз имеет ширину до 1,7 см, т. е. мастер с разных сторон полости убрал еще по 0,5 см массы клыка, оформив более-менее плоскую внутреннюю поверхность планки. В канале большого отверстия (илл. 95, *1д*) размеры полости меньше: ширина до 0,5 см, высота чуть менее 0,1 см. На противоположной стороне канала отверстия (илл. 95, *1е*) полости уже нет – она закончилась (илл. 95, *1ж*) и не ослабила нижнюю часть большого кольца.

В районе торцов планки под полировкой сохранились едва видимые следы резки (илл. 95, *3в*, *направление резки показано стрелками*). Сглаженные следы уступов от резки идут по торцу кольца (илл. 95, *3г, направление резки показано стрелками*), следы резки есть у одного из выступов большого кольца (илл. 95, *3д*), аккуратная многоактная резка – под выступами планки (илл. 95, *3е*). Стенка планки частично расслоилась (илл. 95, *3ж*), но следы резки сохранились на неровном дне (илл. 95, *3з*). На планке (илл. 95, *3и*) и на кольце (илл. 95, *3к*) – поперечные следы очень тонкого абразива. Возможно, это следы шлифовки поверхности пряжки из кабаньего клыка составом из размоченных стеблей хвоща зимующего (Equisétum hyemále), в стенках клеток которого присутствует диоксид кремния (*Осипов*, 2017, с. 15). Сверление маленьких отверстий в планке шло при помощи станкового сверла, поскольку каналы этих отверстий ровные. Большое отверстие в кольце выполнено, судя по рельефу, встречным сверлением, которое шло немного на конус. Материал сверл неясен, но учитывая своеобразное очень прочное сырье, для маленьких отверстий использовалось, вероятно, металлическое сверло, для большого – возможно костяное полое с подсыпкой (ср. *Vitezović*, 2013a, p. 216; *Orłowska*, 2015, p. 4; *Канаука*, 2018, с. 46).

На внешней стороне пряжки, сохранившейся более-менее хорошо, зафиксирована линейная заполировка по кольцу (илл. 95, *4А*). Эта заполировка связана с использованием изделия, потому что является более интенсивной, чем шлифовка и полировка поверхности во время изготовления пряжки. Чуть более интенсивная заполировка тонкой линией идет вокруг маленьких отверстий в

[11] Интересный момент: до слома выступа планки мастер мог увидеть, что пряжка получается с неглубоким пазом, после доработки которого туда можно ввести глухой конец ремня (илл. 115, *1*). Однако такое привычное для бабинских крючково-широкопланочных пряжек крепление вряд ли было сознательно выполнено ирганайским мастером, иначе он постарался бы сделать паз глубже, чтобы отверстия прошивки в будущем ремне отстояли на большее расстояние от его короткого торца, да и превращать полость внутри клыка в паз не очень удобно. Сломав выступ дентина, мастер получал привычную планку с удобным участком крепления глухого конца ремня (илл. 115, *2*).

планке и по ее поперечному торцу (илл. 95, *4Б*). Более интенсивно заполирован участок края кольца на внутренней стороне (илл. 95, *4В*). Обратим внимание, что напротив этого участка кольца – большой залощенный скол (илл. 95, *4Г*) – отслоился тонкий слой дентина, но пряжка продолжала использоваться. Впрочем, это не единственная «рабочая» утрата пряжки. Торец слома одного из боковых выступов планки (илл. 95, *4Д*) немного залощен. На участке большого кольца – залощенный след скола тонкого участка дентина (илл. 95, *4Е*). Пряжка частично разрушалась во время использования, но все эти утраты носили факультативный характер. Внутренний торец планки (илл. 95, *4Ж*) залощен, маленькие отверстия немного развальцованы в боковые стороны (илл. 95, *4З*, стрелки).

2.2. Пряжки европейской традиции

2.2.1. Трасологические данные по пряжкам днепро-донской бабинской культуры

Александровск, курган 1 погребение 4. Пряжка хранится в Луганском краеведческом музее. Трасологический анализ находки проведен 29 марта 1996 г. Использовался портативный микроскоп «Микко».

Изделие сохранилось неплохо. Отсутствует крючок. Судя по плотной поверхности, в качестве сырья использован рог Cervidae. Возможно, перед нами двойная пластина лосиного рога и крючок сломался потому, что попал на губчатое вещество между двух слоев компакты. Но следов ячей губчатого слоя на сохранившемся основании крючка нет. Следы резки (металлическое лезвие?) локально сохранились в районе боковых выступов планки (илл. 96, *1а*). Последующая аккуратная обработка пряжки абразивами убрала практически все следы резки. На внешней стороне в районе планки сохранились едва заметные поперечные следы абразива. Скорее всего, вся внешняя поверхность изделия, а не только планка, была обработана очень тонким абразивом. На внутренней стороне остались диагональные (илл. 96, *1б*) и продольные (илл. 96, *1в*) следы немного более грубого абразива, чем на внешней. Торцы пряжки тоже обработаны мелким абразивом. Торец планки несет разнообразные абразивные следы: поперечные частично накладываются на диагональные и продольные. Видимо, этот торец обработан на пассивном абразиве: мастер аккуратно и не торопясь выравнивал торец планки, водя пряжку по абразиву под разными углами, готовясь после этого к изготовлению паза. На стенках паза сохранились неровности и длинные диагональные следы пиления-перетирания компакты под разными углами при помощи острого и скорее всего беззубцового лезвия. Только после изготовления паза в планке были просверлены маленькие отверстия слегка на конус. Сверление шло с внешней стороны. Интересная деталь: александровский мастер сделал на внешней поверхности планки тонкий продольный очень неглубокий паз (илл. 96, *1г*), наметив для себя расстояние от края торца для изготовления отверстий. Предполагалось сделать в планке три отверстия[12], но насквозь были просверлены только два: центральное отверстие диаметром 0,1 см (илл. 96, *1д*) намечено и выведено на глубину 0,15 см, то есть мастер не довел это отверстие даже до паза (толщина планки с внешней стороны до паза 0,4 см). Диаметр одного крайнего отверстия планки (илл. 96, *1е*) – 0,3 см, другого (илл. 96, *1ж*) – 0,2 см. Четкие стенки чуть на конус изготовленных отверстий предполагают использование станкового сверла (*Усачук*, 2013, с. 108), скорее всего металлического (ср. *Сериков*, *Канаука*, 2021, с. 254, 257).

На пряжке сохранились остатки легкой залощенности по всей поверхности. Тонкая полоса заполированности идет по краю

[12] В иллюстрациях к диссертации у И.А. Пислария на рисунке александровской пряжки только два крайних отверстия в планке (1983а, рис. 9, *1*; рис. 20, *3*). Кстати, рисунки одних и тех же пряжек на разных таблицах в работе И.А. Пислария различаются в деталях. Видно, что в иллюстративной части диссертации упор сделан не на точные рисунки самих вещей, а на своеобразные рисунки-схемы, не совпадающие в деталях ни с повторами этих схем, ни с реальными находками.

щитка на внутренней стороне. Верхушки боковых выступов (илл. 96, *13*) заполированы. Участок паза-наметки между одним из крайних и центральным недосверленным отверстиями (илл. 96, *1И*) значительно снивелирован. Далее ко второму крайнему отверстию сглаженность паза меньше.

Беева Могила, погребение 3. Пряжка хранится в Донецком республиканском краеведческом музее. Трасологический анализ ее проведен 9 декабря 2001 г., дополнен 13 июня 2017 г[13]. Использовался микроскоп МБС-2.

Состояние находки очень плохое: изделие растрескалось и было склеено, некоторые участки покрыты старым клеем (илл. 96, *3*), что привело к новым повреждениям пряжки (ср. *Фролов*, 2020, с. 60–61). На краю планки (илл. 96, *2а*) – современная утрата небольшого участка компакты. Более-менее свежий слом и в районе одного из выступов планки (илл. 96, *2б*), более старый слом утраты на другом выступе (илл. 96, *2в*). Часть края щитка (илл. 96, *2г*) выкрошилась. Утрачена часть крючка (илл. 96, *2д*). Обратим внимание, что на внешней стороне вдоль пряжки в центре идет вертикальная полоса шириной 2–2,1 см очень мелких узких ячей губчатого вещества (илл. 96, *2е; 3*). Эта полоса почти не имеет толщины, то есть поверхность пряжки проходит практически по границе компакты и губчатого вещества. Судя по узким каналам губчатого слоя, сырьем является лосиный рог (ср. *Панковский*, 2015а, с. 269). Остатки продольной полосы губчатого разреженного вещества позволяют предположить, что в качестве сырья мастер взял фрагмент ветви лосиного рога (ср. *Бородовский*, 2007, рис. 18, *4*), причем пряжка резалась крючком вверх по отношению к внешней стороне пластины-заготовки и будущая внешняя сторона ее чуть-чуть захватила губчатый слой заготовки. Выбрав такой вариант сырья, беевский мастер избежал наличия более слабого губчатого слоя в районе основания крючка, а взяв участок ветви со значительной толщиной компакты, почти свел на нет и попадание щитка пряжки на губчатое вещество рога.

Из-за тщательной обработки поверхности пряжки на заключительной стадии изготовления в сочетании с последующей плохой сохранностью, на поверхности изделия почти нет следов изготовления. На торце в районе выступа чуть виден след резки (илл. 96, *2ж*) и на дуговидном участке при оформлении планки видна подрезка торца (илл. *96, 2з, направление резки показано стрелкой*). Слабый след резки зафиксирован и на участке изготовления одного из выступов (илл. 96, *2и*), но, как оказалось, вырезка этого выступа сопряжена с интересным технологическим приемом. Мастер сначала просверлил край щитка пряжки, оставив маленькое отверстие (илл. 96, *2к*), часть которого сохранилась, что облегчило затем вырезку (илл. 96, *2и, стрелка*) довольно изящного выступа. Очевидно, подобный прием был проделан мастером и при изготовлении второго выступа, но очень плохое состояние компакты в этом месте не позволяет увидеть здесь остатки возможного просверленного отверстия.

На внутренней стороне пряжки на некоторых участках сохранились очень плавные западины (илл. 96, *2л*), скорее всего, от неровностей подрезки при оформлении тыльной стороны изделия.

На торце планки видны диагональные следы обработки пряжки на абразиве. Видимо, мастер приводил торец в порядок после изготовления паза. На стенках паза, идущего слегка на конус, зафиксированы локальные диагональные длинные прямые следы, оставшиеся от вырезки паза при помощи острого лезвия. Вероятно, после изготовления паза в планке были просверлены маленькие отверстия на конус. Сверление шло с внешней стороны и на внутреннюю сторону отверстия вышли вполовину меньшего диаметра (илл. 96, *3*).

На пряжке локально сохранились остатки лощения. Скорее всего, пряжка хорошо обрабатывалась в конце процесса изготовления. Затем на изделие наложились следы эксплуатации. Состояние сохранности не дает

[13] Вместе с фигурной пряжкой из Беевой Могилы изучалась и пряжка из могильника Донецк (Текстильщик).

возможности рассмотреть эти детали, за исключением небольшого участка большей заглаженности, идущего от крайнего отверстия планки вниз (илл. 96, *2М*).

Долгая Могила, курган 4 погребение 17. Трасологический анализ фигурной пряжки проведен 9 декабря 1999 г. в археологической лаборатории Днепропетровского госуниверситета в рамках изучения большого количества бабинских пряжек различных типов, хранящихся как в археологической лаборатории, так и в Днепропетровском историческом музее им. Д.И. Яворницкого[14]. Использовался портативный микроскоп «Микко».

Пряжка сохранилась довольно хорошо. Есть небольшие трещины в планке и утрачен очень небольшой участок края щитка (илл. 96, *4а*). В качестве сырья взята, очевидно, двойная пластина роговой лопаты лося. Видимо, мастер после разделки лосиного рога (ср. *Бородовский*, 1997, с. 85–86; 2007, с. 33–34) получил нужную заготовку с толстым слоем компакты (во всяком случае, осмотр изделия не выявил участков губчатого слоя). Щиток на внешней поверхности сохранил следы очень мелкого абразива, примененного довольно аккуратно. На тыльной стороне пряжки тоже фиксируются единичные следы мелкого абразива (скорее всего, чуть более крупного, чем тот, что применялся для обработки внешней стороны). Обработка абразивом «убрала» следы резки пряжки по краям щитка, но такие следы сохранились на дугообразных торцах планки. Справа мастер доформил дугу 4-мя приемами резки с остановками (илл. 96, *4б*), слева – резка велась более плавно (илл. 96, *4в*), скорее всего, с одной остановкой лезвия (направление резки в обоих случаях показаны стрелками). Применялось, судя по чистоте срезов, острое металлическое лезвие. Следы резки сохранились и в пазах, оформивших выступы на планке. Мастер постепенно аккуратно удалял очень небольшие участки компакты, действуя острым лезвием методом пиления-перетирания. Один паз (илл. 96, *4г*) вырезан более плавно, чем другой (илл. 96, *4д*) – с оставлением большого количества разнонаправленных следов. Скорее всего, пазы по бокам пряжки вырезаны после изготовления паза для крепления ремня в торце планки и просверливания отверстий и углублений.

Узкий паз в торце планки аккуратно резался тонким металлическим лезвием или тонкой пилкой с мелкими неразведенными зубцами. Дно паза осталось неровным, в центре остался по всей длине продольный выступ, на стенках паза – диагональные и продольные следы от выборки компакты. После этой операции мастер просверлил два крупных сквозных отверстия в планке и два конических углубления на стыке щитка и планки внешней стороны пряжки. Одно из углублений (илл. 96, *4е*) оказалось едва заоваленным – вероятно, сверло в фиксаторе-основе при работе чуть-чуть ерзало. Судя по четкости стенок углублений, мастер применил станковое металлическое сверло. Отверстия для крепления ремня (илл. 96, *4ж*) были изготовлены, скорее всего, этим же сверлом (диаметр углублений и отверстий практически одинаков – 0,35-0,4 см). Осмотреть каналы отверстий невозможно, потому что в них сохранились роговые или костяные шпеньки-гвоздики (илл. 96, *4з*), которыми крепилась пряжка к концу заправленного в паз ремня.

Последняя операция – изготовление своеобразного орнамента на внутренней стороне планки. Мастер аккуратно вырезал короткие поперечные нарезки: две (илл. 96, *4и*) – с одной стороны, три (илл. 96, *4к*) – с другой.

Пряжка вся залощена, по граням залощенность чуть более интенсивная. Внутренняя поверхность паза так же легко залощена, как и все изделие. Чуть больше завальцованы верхушки боковых выступов (илл. 96, *4Л*). Шпеньки в отверстиях планки ничем не выделяются: очевидно, изготовление пряжки закончилось наглухо закрепленным ремнем, после чего внешняя и внутренняя поверхности пряжки еще доработали на абразивах, подгоняя шпеньки-гвоздики под уровень этих поверхностей.

[14] Работа с пряжками осуществлялась вместе с Р.А. Литвиненко, а организовывал поиски и выдачу нам материалов для работы В.А. Ромашко.

Донецк (Текстильщик), курган 4 погребение 19. Пряжка хранится в Донецком республиканском краеведческом музее (Легенди степу, 2004, с. 41, іл. 6, *ліворуч*, с. 97). Трасологический анализ ее проведен 9 декабря 2001 г., дополнен 13 июня 2017 г., когда был сделан новый рисунок изделия. Использовался микроскоп МБС-2.

Сохранилась плохо (илл. 22, *3*). Например, из-за мелких поломок и склейки нечетко просматривается паз в планке (илл. 97, *2*), а некоторые участки внутренней поверхности и крючок – в старом клее (илл. 22, *3*, 97, *2*). Осыпались значительные участки заполированной поверхности компакты на обеих сторонах (илл. 97, *1а; 2*), хотя на части внешней поверхности щитка и на внутренней стороне выступа (илл. 97, *1б*) остатки полировки сохранились. Судя по виду плотного губчатого слоя с маленькими (ср. *O'Connor*, 1987, p. 9–10) и узкими каналами (ср. *Панковский*, 2015а, с. 269), в качестве сырья выбран лосиный рог. Поскольку пряжка довольно толстая и в основании крючка-выступа – тонкая прослойка губчатого вещества (илл. 97, *1в*), можно сделать вывод, что использована заготовка из двойной пластины роговой лопаты лося (ср. *Бородовский*, 1997, с. 86; 2007, с. 33–34). На стенке одного из выступов (илл. 97, *1г*) сохранились следы подрезки компакты. Щиток на внешней стороне украшен двумя сквозными отверстиями, сопряженными с диагональными вырезами. Вокруг этих отверстий и вырезов – орнамент из выгравированных кругов и линий. Очевидно, наметка окружностей, которые были затем прочерчены в компакте циркульным инструментом, происходила одновременно с просверливанием отверстий. Наметив центры будущих гравированных окружностей, мастер заодно получил и центры будущих сквозных отверстий. Судя по ровным каналам этих отверстий, применялось станковое металлическое сверло (ср. *Сериков, Канаука*, 2021, с. 254, 257). Одно отверстие (илл. 97, *1д*) легло почти в центр гравированной окружности, а другое (илл. 97, *1е*) – «ушло» при сверлении немного вниз. Диагональные вырезы делались мастером после изготовления отверстий и окружностей вокруг них в щитке. Эти вырезы (илл. 97, *1ж, з*) оформлены путем пиления-перетирания части щитка беззубцовым острым металлическим лезвием. Сначала мастер выбирал небольшие участки компакты, ставя лезвие под разными углами (илл. 97, *ж1, схема*), но в глубине выреза лезвие ставилось почти ровно поперек вырезаемого щитка (илл. 97, *ж2*, *схема*). Движения лезвия при оформлении другого выреза (илл. 97, *1з*) изначально были ровнее. Диагональные вырезы были украшены снизу выгравированными линиями (илл. 97, *1и*), которые особенно хорошо видны на пряжке сбоку (илл. 97, *2и*). Сами пазы и линии под ними накладываются на гравированные окружности, то есть оформлением вырезов мастер закончил украшение щитка пряжки.

На внутренней стороне пряжки сохранились нечеткие следы резки (илл. 97, *1к*). Состояние планки не позволяет выяснить детали изготовления паза. Видно, что паз сначала выбирался аккуратной резкой – удалением мелких фрагментов компакты. Очевидно, так же аккуратно паз резался и в глубине компакты рога. Отверстия в планке были просверлены, судя по ровным стенкам (*Усачук*, 2013, с. 108), металлическим станковым сверлом. Вполне возможно, что мастер сверлил их, как и отверстия в щитке, с внешней стороны.

Состояние пряжки не позволяет выделить следы использования. Вероятно, полировка изделия во время изготовления усилилась во время эксплуатации пряжки. Во всяком случае, гравированные окружности и линии под пазами завальцованы и стали слегка нечеткими, поскольку поверхность щитка пряжки постепенно «съедалась» трением. Каналы отверстий в щитке не несут каких-либо особенных следов эксплуатации.

Мариенфельд, курган 3 погребение 3. Пряжка хранится в Донецком республиканском краеведческом музее. Трасологический анализ ее проведен 11 ноября 2013 г. Использовался микроскоп МБС-2.

Сохранность изделия отличная, лишь на краю щитка небольшие локальные трещинки в толще компакты (илл. 96, *5а*). Сырье – рог

Cervidae. Судя по состоянию компакты (ср. *Панковский*, 2015а, с. 269) без губчатого слоя и толщине пряжки, использовались или прямой сегмент роговой спицы лосиного рога (ср. *Панковский*, 2015а, с. 279), или двойная пластина роговой лопаты лося, например, ближе к закраине, где как раз нет губчатого вещества (*Панковский*, 2016, с. 1004). Реконструируя первые операции изготовления пряжки, можно сказать, что мариенфельдовский мастер расчленил лосиный рог (ср. *Бородовский*, 1997, с. 85–86; 2007, с. 33–34), получив нужную заготовку, где не было или почти не было губчатого слоя. Эта задача облегчалась тем, что нужно было изготовить пряжку маленьких размеров и не требовалась заготовка большой площади. Обратим внимание на то, что на краю внешней стороны щитка сохранились несколько довольно длинных поперечных следов (илл. 96, *5б*) – вероятно, остатки разметки вырезаемой заготовки. При этом отметим, что эти следы легли поверх очень тонких слабых продольно-диагональных следов обработки поверхности, локально сохранившихся на щитке (илл. 96, *5в*). Если наше предположение по поводу разметки заготовки верно, то можно сделать вывод о том, что первоначальная роговая пластина обрабатывалась мастером при помощи абразивов раньше, чем из нее была вырезана малая по площади заготовка пряжки.

Торцы изделия тщательно выровнены при помощи очень тонкого абразива, но сохранились едва заметные следы подрезки и подправки. На небольшом участке торца (илл. 96, *5г*) остались чуть видимые уступы в компакте от резки под углом. Участок с другой стороны щитка (илл. 96, *5д*) был, видимо, срезан при окончательной обработке торцов. Резка дуговидных участков при оформлении планки происходила во время окончательного оформления торцов пряжки. Здесь сохранились поперечные следы-уступы аккуратной подрезки, иногда не на всю толщину торца, а от тщательного удаления мастером очень небольших участков компакты.

На внутренней стороне пряжки сохранились следы очень аккуратной вырезки крючка. У самого основания ножки крючка сохранились остатки первоначальной заготовки, которая была вырезана мастером в виде параллелепипеда. Вся поверхность пряжки вне оставленного участка будущего крючка была обработана очень тонким абразивом, слабые разнонаправленные следы которого локально сохранились. При оформлении крючка мастер допустил небольшую оплошность: торец ножки (илл. 96, *5е*) вырезан неровно. После изготовления крючок был обработан на тонком абразиве (следы вдоль длинной оси крючка). Вероятно, вырезка паза последовала после того, как пряжка была почти готова. Дело в том, что торец планки обработан на более грубом абразиве, чем тот, который применялся мастером для оформления щитка и крючка пряжки, следы этой обработки хорошо видны (илл. 96, *6ж*). Паз прорезался при помощи небольшой тонкой металлической пилки с неразведенными зубцами. Начало пиления паза не удалось: след от пилы лег не по длине торца планки, а несколько по диагонали (илл. 96, *6з*). Затем мастер скорректировал движение пилки. На стенках паза сохранились более-менее плавные широкие следы, которые состоят из параллельных разновеликих более тонких следов. Некоторые следы пиления слегка волнистые. Направление следов в целом – поперечное, иногда слегка под разными углами.

После пиления паза в планке были просверлены маленькие отверстия. Сверление проводилось, судя по ровным стенкам (*Усачук*, 2013, с. 108), металлическим станковым сверлом, от которого локально сохранились очень слабые следы в виде соосных бороздчатых окружностей (ср. *Pankovskiy*, 2016, p. 234). Сверление шло с внутренней стороны пряжки. Но затем, уже с внешней стороны оба отверстия немного расширены, скорее всего, кончиком ножа – получились овалы по диагонали (илл. 96, *5и*). Расширение отверстий мастер произвел только в верхней части планки – до пропиленного паза. Ниже паза, если смотреть на пряжку с внутренней стороны, отверстия (илл. 96, *5к*) остались круглыми. Возможно, это связано с тем, что мастер изготавливал не только саму пряжку, а и крепил к ней ремень, и очень небольшое расши-

рение отверстий планки с внешней стороны связано с продеванием в них тонкого шнурка при соединении пряжки с ремнем.

Изделие полировано. Разумеется, столь изящную вещь полировали при изготовлении, но во время использования на поверхностях изделия появились новые следы. Завальцованы грани планки на внешней стороне, при том, что грани щитка и сам щиток завальцованы в меньшей степени. На внутренней стороне завальцованность более интенсивная, причем участки на одном крае пряжки (илл. 96, *5Л*) сработаны больше тех же участков на другом (илл. 96, *5М*). За этим стоит, видимо, тот факт, что пряжка при креплении оказалась расположена чуть под углом к плоскости ремня. Отверстия не сработаны, только по граням их – легкая залощенность, поэтому можно сделать вывод о довольно жестком креплении. Внутренняя поверхность паза так же легко завальцована/заполирована, как и вся пряжка.

Новоамвросиевское, курган 3 погребение 2. Трасологический анализ этой и новотроицкой пряжек проведен 18 сентября 1995 г. в археологическом музее Донецкого госуниверситета, где обе находки хранятся. Использовался микроскоп МБС-2.

Изделие сохранилось плохо. Щиток весь в продольных трещинах, в компакте много свежих сломов (илл. 25, *4*). Если сравнить состояние пряжки на момент трасологического изучения с рисунком в публикации (*Шаповалов, Колесник*, 1972, с. 68, рис., *4*), то видны бóльшие утраты крючка, участка планки (илл. 97, *3а*), а, судя по свежим изломам, отсутствующий на рисунке в старой публикации участок пряжки (*Шаповалов, Колесник*, 1972, с. 68, рис., *4*) (илл. 97, *3б*), да и часть крючка (илл. 97, *3в*) утрачены во время раскопок. При захоронении пряжка была целой.

Из-за плохой сохранности поверхности изделия недостаточно просматриваются детали изготовления. В качестве сырья мастер выбрал пластину рога Cervidae. Судя по внешнему виду компакты (ср. *Панковский*, 2015а, с. 269) и по толщине пряжки, можно сказать, что использовалась двойная пластина разделанной лопаты лосиного рога (ср. *Бородовский*, 1997, с. 86; 2007, с. 33–34). Заметим, что на внутренней стороне пряжки оказались единичные следы губчатого слоя, а на крючке их вообще нет, то есть, мастер подошел к выбору сырья с большим вниманием, найдя и вырезав из лопаты лосиного рога участок, состоявший практически из одной компакты. Выступы по бокам, судя по сохранившемуся (илл. 97, *3г*), вырезаны, скорей всего, при помощи металлического лезвия. Крючок планки обработан столь тщательно, что следов резки не видно – они «ушли» под абразив (илл. 97, *3д*) и полировку. Торец планки ровный со следами очень мелкого абразива. Судя по направлению следов – диагональных, идущих вдоль и поперек торца, мастер держал заготовку пряжки перпендикулярно мелкому неподвижному абразиву и тщательно обрабатывал торец планки, иногда немного меняя направление движения руки. Видимо, после обработки торца планки был аккуратно изготовлен паз при помощи тонкой пилы. Отверстия в планке просверлены, очевидно, после изготовления паза, поскольку в остатках одного из отверстий (илл. 97, *3е*) видно, что с внешней стороны до паза оно просверлено на конус, а после паза – прямое. Видимо, оба отверстия сверлились с обеих сторон (способ сверления неясен), но очень тщательно, чтобы каналы сверления совпали. Говоря о работе мастера по оформлению планки, добавим, что с торца ее на внешней стороне был оставлен очень плавный продольный выступ (илл. 97, *3ж*, 25, *4*), который шел, очевидно, вдоль всего торца планки[15]. Вообще, изготовление пряжки показывает, на наш взгляд, весьма высокую квалификацию мастера.

Пряжка довольно сильно залощена по краям щитка и крючка. Видно, как от эксплуатации изделия постепенно завальцевались грани на торцах. Край щитка линейно заполирован (илл. 97, *3З*). Выступ же щитка (илл. 97, *3И*) залощен и завальцован еще силь-

[15] Обратим внимание на вывод Л.С. Ильюкова: «В одном случае (Новоамвросиевка) на лицевой поверхности пряжки между отверстиями едва намечен желобок» (2016, с. 102). За желобок исследователь принял на рисунке пряжки остатки выступа и наметку тонкой трещины между отверстиями (илл. 25, *4*).

нее. Обратим внимание на небольшой очень плавный в разрезе желобок, идущий поперек сохранившегося выступа на тыльной стороне пряжки (илл. 97, *3К*, 25, *4*). Каких-либо линейных следов в желобке нет, на боковую и лицевую сторону выступа возможная сработанность не распространяется, на остатках второго выступа края подобного желобка нет – мы склонны отнести его к «псевдоследам» (ср. *Панковский, Гиря, Саблин*, 2015).

Новоандреевка, курган 4 погребение 1. Трасологический анализ пряжки проведен 2 апреля 1997 г. в Енакиевском городском музее[16], Донецкая обл. (сейчас ДНР). Использовался микроскоп МБС-2.

Сохранность изделия хорошая. Использовался, судя по толщине, скорее всего, лосиный рог (ср. *Панковский*, 2015а, с. 269). Реконструируя первые операции изготовления пряжки, можно сказать, что мастер расчленил лосиный рог (ср. *Бородовский*, 1997, с. 85–86; 2007, с. 33–34) и выбрал нужную заготовку, где не было губчатого слоя. Поперечные следы-уступы аккуратной резки острым металлическим лезвием сохранились только на дуговидных участках при оформлении планки (илл. 98, *1а, направление резки показано стрелками)*. Щиток и планка пряжки обработаны тонким мелким абразивом и заполированы. На торце (илл. 98, *1б*) фиксируются следы более грубого абразива. Следы резки локально просматриваются на внутренней стороне пряжки в районе крючка. Эта сторона пряжки и крючок тоже обработаны абразивом чуть более крупным, чем применялся для шлифовки внешней стороны. Детали изготовления отверстий в планке подсказали, что паз для крепления ремня был изготовлен раньше. Использовалось, вероятно, тонкое металлическое беззубцовое лезвие. Новоандреевский мастер этим лезвием осторожно и аккуратно выбирал очень небольшие участки компакты, постепенно углубляя паз, который ко дну стал чуть у́же. На стенках паза следов нет. Возможно, мастер очень неторопливо и осторожно двигал лезвие при выборке паза. Дно паза неровное, по всей длине возле стенок выбрано чуть больше компакты, чем в центре.

На небольшой пряжке находится довольно много отверстий. Два более крупных сквозных отверстия в щитке (илл. 98, *1в*) просверлены с внешней стороны сверлом на конус. Материал сверла, скорее всего, металл, ровный канал отверстий подразумевает станковое сверление. Маленькие отверстия в планке тоже сверлились с внешней стороны небольшим станковым металлическим конусовидным сверлом. Судя по недосверленному отверстию планки (илл. 98, *1г*), можно сделать вывод, что эти отверстия сверлились после того, как был оформлен паз. При сверлении маленьких отверстий, мастер должен был опасаться поломки планки – возможно, на время сверления этих отверстий в только что изготовленный паз вставлялась костяная или деревянная пластинка. Два крайних отверстия (илл. 98, *1д, е*) чуть больше по диаметру, чем центральное отверстие в планке (илл. 98, *1г*). Это связано с тем, что крайние отверстия просверлены насквозь, а отверстие между ними (илл. 98, *1г*) – только наполовину – до паза, в котором крепился ремень. Неясно, почему мастер остановился. На сегодняшний день поперек центрального отверстия в планке проходит тонкая трещина, но мы не можем сказать, когда появилась эта трещина – скорее всего, когда пряжка уже находилась в погребении. Впрочем, процесс изготовления одного из крайних отверстий (илл. 98, *1е*) может подсказать возможный ход действий новоандреевского мастера: на внутренней стороне это отверстие неровное. Складывается впечатление, что сверло едва прошло насквозь и это отверстие мастер слегка расширил концом лезвия ножа. Возможно, именно трудность с изготовлением этого отверстия заставила мастера задуматься и или остановиться на «полдороге» при просверливании центрального отверстия в планке, или отверстия сверлились в два этапа – сначала с лицевой стороны до паза все три, а затем – продолжение сверления, но к этому времени мастер уже принял решение досверливать только крайние два отверстия в планке.

[16] В Енакиево организовывать работу с материалами своих раскопок нам всегда помогал В.Ф. Клименко.

Пряжка залощена довольно сильно, но равномерно. Вероятно, лощение (полировка?) при изготовлении и лощение от эксплуатации изделия наложились друг на друга. Развальцованности отверстий практически нет, разве только едва-едва наметилось стирание вокруг двух больших отверстий в щитке пряжки. Впрочем, каналы этих отверстий залощены так же, как и остальные части пряжки, не выделяясь. С одной стороны, даже очень легкое лощение в каналах этих отверстий может свидетельствовать о том, что какие-то шнурки могли быть продеты в отверстия. С другой стороны – для предположения, что в отверстиях в щитке были пропущены или завязаны какие-либо шнурки, не хватает интенсивности следов сработанности. Возможно, пряжка не слишком долго использовалась до попадания в погребение.

Новотроицкое III, курган 3 погребение 11. Трасологический анализ пряжки проведен 18 сентября 1995 г. в археологическом музее Донецкого госуниверсита. Использовался микроскоп МБС-2.

Пряжка сохранилась хорошо. В качестве сырья мастер выбрал одинарную пластину рога Cervidae. Осталось неясным, использовался рог оленя или лося. На поверхности внешней стороны изделия сохранились единичные следы губчатого слоя. Таким образом, мы можем сказать, что, несмотря на заполировку внешней стороны, которая должна была смотреться довольно нарядно, главное внимание мастера изначально было направлено на внутреннюю сторону пряжки – очевидно, из-за необходимости вырезки прочного крючка-выступа. Можно реконструировать первые операции изготовления пряжки. Мастер сначала расчленил лосиный рог (ср. *Бородовский*, 1997, с. 85; 2007, с. 33), затем произвел разделку роговой лопаты, в процессе которой в конце концов получил заготовку из двойной пластины (ср. *Бородовский*, 1997, с. 86; 2007, с. 33–34). Затем последовало раскалывание двойной пластины на одинарные (ср. *Бородовский*, 1997, с. 86, 98; 2007, с. 34–35) и, очевидно, выравнивание поверхности компактного вещества на заготовке (ср. *Бородовский*, 2007, с. 35). Получившуюся одинарную пластину новотроицкий мастер и использовал для вырезки пряжки, перевернув заготовку внутренней стороной вверх, чтобы остатки губчатого слоя не мешали прочности крючка. Впрочем, сырье было выбрано с таким расчетом, чтобы толщина компакты даже одинарной пластины была достаточна для вырезки практически всей небольшой пряжки. Скорее всего, первоначально из пластины-заготовки была вырезана более-менее грубо сама пряжка. Затем последовала резка-подгонка, позволяющая получить изделие довольно изящной формы. Следов резки на полукруглом щитке не видно, они снивелированы последующей обработкой щитка разными абразивами. Зато следы сохранились на дугообразных торцах пряжки (илл. 98, *2а*): несколько актов аккуратной резки-строгания коротких участков компакты металлическим лезвием (направление работы лезвием показано стрелками). Вырезка крючка проведена так же аккуратно. Сначала мастер оставил участок подпрямоугольной формы (илл. 98, *2б, синяя заливка*), остальную компакту заготовки удалил. Затем последовала срезка ненужной части этого участка под углом к длинной оси заготовки (илл. 98, *2в, г*) – получился треугольный выступ. Помимо лезвия здесь был использован и абразив. Впрочем, абразивные следы фиксировались и на подпрямоугольном выступе – видимо, мастер при разных операциях вырезки пряжки использовал абразив для более аккуратной доводки того или иного обрабатываемого на тот момент участка изделия. Треугольный выступ был постепенно подрезан осторожными движениями лезвия со всех сторон по направлению от краев пряжки к основанию крючка. Новотроицкий мастер, не торопясь и очень аккуратно «подбирался» к форме крючка, очевидно, опасаясь при изготовлении такой маленькой пряжки как-то повредить его уже на стадии изготовления. Кстати, крючок-выступ был немного длиннее (илл. 98, *2д*) и шире, но стерся от эксплуатации. Невозможно сказать, когда были изготовлены отверстия – до или после вырезки крючка. Судя по тому, что диаметр отверстий на внутренней стороне чуть меньше, чем на

внешней, можно сказать, что использовалось слегка конусовидное сверло и сверление шло с внешней стороны пряжки. В таком случае, вырезанный крючок мог представлять определенное неудобство – заготовка не могла лежать ровно. Учитывая, как мастер осторожно подходил к вырезке крючка, можно предположить, что отверстия были просверлены на стадии, когда крючок еще не был окончательно сформован, а представлял собой либо подпрямоугольный (илл. 98, *2б*), либо треугольный (илл. 98, *2в, г*) участок более толстой компакты. Торец планки обработан тонким абразивом. После вырезки и обработки планки можно было приступать к сверлению отверстий. Стенки отверстий ровные, что подразумевает металлическое сверло (*Усачук*, 2013, с. 108) и, скорее всего, станковое устройство для сверления (ср. *Averbouh*, *Zidarov*, 2014, p. 191; *Сериков, Канаука,* 2021, с. 256). Правда, на стенках отверстий не замечены следы сверла в виде соосных бороздчатых окружностей (ср. *Pankovskiy*, 2016, p. 234). Но станковое сверление реконструируется слегка разным давлением на сверло, поскольку одно крайнее отверстие (илл. 98, *2е*) чуть меньше диаметром, чем другое (илл. 98, *2ж*), а это отверстие. в свою очередь – чуть меньше центрального (илл. 98, *2з*). Паз в планке выглядит очень аккуратным и на внутренних его плоскостях сохранились следы пиления, которые идут поперечно и слегка под углом к длинной оси изделия. Судя по четкости изготовления довольно узкого и маленького паза, использовалось тонкая металлическая пила, скорее всего, без разведенных зубцов. К боковым краям пряжки паз немного расширяется: пила шла под небольшим углом. По замечанию специалистов, распиловка сырья в эпоху бронзы носит эпизодический характер (*Сидоров, Бородовский*, 1990, с. 167; *Бородовский*, 1997, с. 55) и здесь как раз зафиксирован этот нечасто применяемый технологический прием. Видимо, как и в случае с изготовлением крючка, мастер хотел вырезать паз как можно более аккуратно. Кстати, изготовление паза было проведено либо после оформления всей пряжки, либо являлось предпоследней операцией, если последней являлись неглубокие надпилы на торцах щитка (илл. 98, *2и*)[17]. Кстати, на торце видны остатки надпила, начатого по ошибке чуть выше (илл. 98, *2к*).

Наряду с тем, что крючок пряжки постепенно стерся при эксплуатации, на планке фиксируется участок значительной сработанности (заполировка, стирание компакты и сильное обесцвечивание) (илл. 98, *2Л*). Видимо после крепления пряжка располагалась чуть под углом к плоскости ремня и этот край внутренней стороны сильнее терся о материал одежды. На внешней поверхности щитка – локальные параллельные друг другу слабые, но грубоватые диагональные следы длиной 0,7-0,8 см, которые идут поверх абразива, но почти снивелированы лощением. Эти следы оставлены при разовом контакте поверхности пряжки с твердым материалом (камнем?), то есть пряжка где-то была слегка поцарапана, но это механическое воздействие не помешало, разумеется, продолжать использовать ее[18].

Приволье, курган 1 погребение 5. Пряжка из фондов Мариупольского краеведческого музея. Трасологический анализ изделия проведен 28 января 1998 г. в археологической лаборатории исторического ф-та Донецкого госуниверсита, куда она усилиями Р.А. Литвиненко была передана В.К. Кульбакой для изучения на день. Использовался микроскоп МБС-2.

Пряжка сохранилась фрагментарно: почти нет планки и отсутствует крючок. Судя по толщине изделия, в качестве сырья была выбрана пластина рога Cervidae, скорее всего – рог лося (ср. *Панковский*, 2015а, с. 269). На щитке и остатках крючка следов изготовления не сохранилось. Поверхность пряжки

[17] Ср. у Л.С. Ильюкова: «Обычно по сторонам щитка бабинской пряжки-запонки расположена одна пара симметричных острых шипов. … у одного экземпляра симметричные выступы утрированы и обозначены насечками (Новотроицкое III, кург. 3, погр. 11) (2016, с. 101).

[18] Во время изучения декоративных поясных пряжек из раковин спондилюса памятников линейно-ленточной керамики, исследователи не только изготавливали копии поясов, но и попытались объяснить поломки подобных пряжек ношением (в меньшей степени), а в основном – в результате механического воздействия на хрупкие раковины пряжек – ударов или падения (*Nieszery, Breinl*, 1993, s. 434).

сильно залощена с обеих сторон. Выступы на щитке оформлены подрезкой (илл. 98, *3а, направление резки показано стрелками*). Материал лезвия неясен. На краях выступов сохранились легкие короткие следы резки. Отделение выступов в рельефе от щитка проведено аккуратно: намечалось углубление по округлости паза с выбором компакты на глубину около 0,1 см. Затем мастер постепенно и неторопливо углублял намеченный паз. Направление резки – от середины щитка к краям (илл. 98, 3*б, стрелка*). На длинном узком торце паза (илл. 98, 3в) сохранились три продольных длинных параллельных друг другу тонких следа резки-пиления. В центре – наиболее глубокий след, по краям – менее глубокие (илл. 98, *в1, схема*). Очевидно, при помощи резки-пиления беззубцовым тонким металлическим лезвием постепенно удалялись участки компакты при формировании будущего паза: сначала был сделан центральный надрез, затем с обеих сторон от него мастер осторожно пилил-перетирал компакту, углубляя паз и заодно формируя его стенки. Повторяя эту операцию несколько раз, мастер осторожно убрал компакту на всю требуемую глубину паза. Отверстия в планке изготовлялись, разумеется, после столь аккуратной вырезки паза, но из-за их плохой сохранности ничего сказать о процессе изготовления нельзя. Обратим внимание на чрезвычайно малый шаг между отверстиями планки (илл. 98, *3г*).

Как было сказано выше, пряжка сильно залощена. Вероятно, на залощенность изготовления наложилось лощение от эксплуатации изделия. Возможно, два отверстия в планке почти рядом – тоже следствие эксплуатации и ремонта пряжки – сказать однозначно об этом из-за разрушения планки невозможно.

2.2.2. Трасологические данные по пряжке каменско-ливенцовской культуры

Поселение Балка Хреева III. Трасологический анализ пряжки проведен в Археологическом музее Таманского музейного комплекса 17 февраля 2025 г. в рамках подготовки этой книги. Использовался микроскоп МБС-9. Во время изучения были выполнены новые фото и рисунок пряжки (илл. 67, *1, 2*).

Сырьем для изделия послужил фрагмент компакты животной кости. На поверхности одного из крючков сохранилась крупная ячейка начала губчатого слоя (илл. 99, *1а*). Затертые и полуисчезнувшие небольшие ячейки губчатого слоя фиксируются в основании этого же крючка (илл. 99, *1б*). Судя по толщине изделия, использована компакта трубчатой кости крупного копытного. Видимо, опытным путем хреевскому мастеру было известно, что прочность сырья из трубчатых костей животных выше (ср. *Шмырина*, 2020, с. 26). Из-за сильной сработанности на пряжке почти не сохранились следы изготовления. Резка тонким металлическим лезвием фиксируется на верхнем торце (илл. 99, *1в*), где не только были оформлены поперечные вырезки через весь торец, но остались и наметки этих вырезок (илл. 99, *1, в1, в2*). Разумеется, оба крючка были вырезаны, но под заполировкой сильно сработанного изделия сохранились только участки с разнонаправленными следами очень мелкого и, скорее всего, активного, абразива (илл. 99, *1г*).

Часть стержня пряжки в районе крючков очень сильно заполирована (илл. 99, *2, участки красного цвета*). Наиболее заполированные части изделия – сами крючки (илл. 99, *2А, Б*) и стержень возле них (илл. 99, *2В, Г*) – срабатывались с той и другой стороны. Одна из сторон заполирована немного больше (илл. 99, *2Г*). Очевидно, именно этой стороной пряжка контактировала сильнее с мягким эластичным материалом и можно предположить, что более заполированная сторона в ремне была внизу и чуть интенсивнее терлась об одежду. На стержне пряжки с этой стороны тоже присутствует более интенсивная заполировка (илл. 99, *2Д*). Т. о., мы видим, что пряжка, скорее всего, крепилась к ремню справа. Возвращаясь к крючкам, отметим, что при сильной сработанности, когда заполированность их приближается к началу обесцвеченности, наиболее сработанными участками являются основания обоих крючков (илл. 99, *2А, Б*), где образовались желобки

в компакте от трения ремня, либо петель этого ремня в застегнутом положении.

Сильная сработанность пряжки подразумевает ее долгое использование и это входит в противоречие с недосверленным с двух сторон коническим отверстием (илл. 99, *2Е*)[19]. Оказалось, что нижний торец пряжки (илл. 99, *2Ж*) несет на себе следы слома и попытку ремонта. Очевидно, пряжка была длиннее и крепление ее было расположено ниже нынешнего торца. После долгой эксплуатации конец стержня пряжки с отверстием сломался. Скорее всего, длинный стержень пряжки ломался постепенно. На конце нынешнего стержня зафиксирован мелкий скол (илл. 99, *2З*), который сильно залощен и остаток слома части компакты (илл. 99, *2И*), который залощен меньше: видимо, испытывая различные нагрузки, стержень пряжки постепенно терял очень небольшие фрагменты компакты, пока не сломался совсем. При этом, когда торец по слому выравнивали резкой и абразивом, часть утраченной компакты осталась на новом торце изделия в виде бесформенных, слегка затертых углублений (илл. 99, *2К*). Затем последовала попытка высверлить коническим станковым сверлом новое небольшое отверстие (илл. 99, *2Е*), но почему-то пряжка, почти отремонтированная, была оставлена.

2.2.3. Трасологические данные по пряжкам шагарской культуры

В п. 46 Шагарского могильника на левой стопе костяка № 1 был обнаружен, как написано в отчете, «крупный наконечник гарпуна из кости с одним зубцом» (*Каверзнева*, 1999, с. 55)[20]. Трасологический анализ находки проведен 3 марта 2025 г. в ГИМ в рамках подготовки этой книги. Использовался микроскоп МБС-10.

Изделие изготовлено из фрагмента предчелюстной кости (os praemaxillaris) лося (ср. *Черных, Ванчиков, Шаталов*, 2002, с. 45; *Ашихмина, Черных, Шаталов*, 2006, с. 60) (илл. 100, *1*). Использована природная форма этой довольно длинной кости, подразумевающая только небольшие модификации, которые необходимо провести косторезу для того, чтобы превратить часть кости в крюк. Предчелюстная кость лося была удобна не только тем, что образовывала крюк, но и тем, что расширялась в том направлении, где у будущей пряжки нужно было оформить планку. Локально по изделию из п. 46 зафиксированы следы строгания (илл. 100, *2а*), в которых отсутствуют заломы или сколы. Косвенно это свидетельствует о том, что перед работой с материалом проводилось размягчение сырья (ср. *Бородовский*, 1989, с. 24–25). На торце выступа (илл. 100, *2б*) сохранились аккуратные следы подрезки компакты по периметру с последующим сломом[21]. Торец слома был аккуратно же обработан (абразивом?) (из-за сильной залощенности всего изделия вплоть до заполировки следы абразива не обнаружены). Остатки отверстия в планке (илл. 100, *2в*) не сохранили следов изготовления из-за фрагментированности и очень сильной завальцованности. Судя по расположению этого отверстия, при реконструкции полного вида изделия, мы пришли к выводу, что ввиду расширения планки к торцу, там могло находиться еще одно небольшое отверстие для крепления (илл. 100, *2г*). Несколько выше небольшого отверстия в планке очень плохо сохранился остаток начала изготовления (сверлением?) еще одного отверстия (илл. 100, *2д*). Судя по диаметру этого отверстия, можно сделать вывод о том, что оно было только намечено и почему-то почти сразу оставлено.

[19] В конечном счете именно эта нестыковка заставила нас найти возможность посмотреть пряжку de visu.

[20] Наше внимание на это и иные подобные изделия обратила Е.А. Кашина во время обсуждения проблем, связанных с ранее изученными пряжками Шагарского могильника. В частности, мы говорили о том, что крючкого-планочная пряжка из п. 52 Шагарского могильника относится к ремню, которым были связаны ноги погребенного. Е.А. Кашина привела в качестве возможной аналогии находку «гарпуна» в ногах костяка из п. 46 и показала аналогии, которые, по ее мнению, говорят в пользу того, что изделие из п. 46 Шагарского могильника и подобные ему из материалов этого и других памятников являются своеобразными крюками-пряжками.

[21] О распространении такого приема расчленения кости и рога говорилось выше, при описании изготовления пряжки с Ирганайского I поселения.

Скорее всего, это было первоначальное место в планке, где мастер хотел проделать отверстие для крепления глухого конца ремня, однако что-то пошло не так (слишком короткая планка?) и одно или два отверстия были сделаны ниже первого, оставшегося в начальной стадии изготовления.

На фоне сильной залощенности всей пряжки выделяется участок в основании крюка (илл. 100, *2Е*), который имеет еще бóльшую залощенность.

В культурном слое поселения Шагара 1 на глубине условного пласта 10 (*Каверзнева*, 2015, с. 18) найден фрагмент костяного изделия, который в отчете идет как «массивный рыболовный крючок» (*Каверзнева*, 2015, с. 19; ср. *Черных, Ванчиков, Шаталов*, 2002, с. 45), но был позднее определен Е.А. Кашиной, как «фрагмент застежки пояса». Трасологический анализ находки проведен 4 марта 2025 г. в ГИМ в рамках подготовки этой книги. Использовался микроскоп МБС-10. Во время изучения были сделаны новые рисунок и фото сохранившегося фрагмента (илл. 67, *7, 8*).

Сырьем для изделия является, как и в случае с крюком-пряжкой из п. 46, фрагмент предчелюстной кости лося. Следы резки-пиления компакты по периметру остались в районе переднего торца пряжки (илл. 100, *3а*), причем лезвием, характер которого неясен, прорезалась компакта под разными углами, затем по надрезам кость сломали, оставив с одной стороны достаточный участок губчатого слоя (илл. 100, *3б*), который потом так и не был убран и на готовом изделии. Планка будущей пряжки расширялась и в начале ее с внешней стороны было просверлено на конус небольшое отверстие (илл. 100, *3в*). Четкость сохранившегося частично канала отверстия свидетельствует о том, что применялось станковое сверло. Материал сверла, скорее всего, кремень. Поверхность фрагмента изделия залощена вся, но на некоторых участках (илл. 100, *3Г*) залощенность сильнее (в основном – линейная, доходящая до заполировки). На фоне этих участков залощенность в основании крюка (илл. 100, *3Д*) несколько слабее – такая же, как на всей площади сохранившегося фрагмента пряжки.

В п. 52 Шагарского могильника находились два роговых изделия (*Каверзнева*, 2003, с. 145). Трасологический анализ обеих находок проведен 16 и 19 декабря 2003 г. в ГИМ. Использовался микроскоп МБС-10.

Фрагментированное плоское изделие (по мнению автора раскопок «костяная подвеска зооморфного вида» (*Каверзнева*, 2003, с. 147)) найдено в районе грудной клетки при разборке костей скелета. Изготовлено из очень тонкой пластины компакты (илл. 60, *5*). Находка сохранилась не очень хорошо: расслоилась, пластина в мелких трещинах и покрыта клеем.

Судя по разрезу, использована плоская пластина сырья, под которую вполне подходит разделанный рог Cervidae. На фрагменте пряжки не сохранился вырезанный крюк, но мы предполагаем, что мастер выбрал двойную пластину роговой лопаты лося. Вызывает некоторое удивление толщина получившейся пряжки. Возможны два варианта: 1) – мастер допустил ошибку уже на стадии выбора сырья и после вырезки крюка щиток будущей пряжки оказался слишком тонким; 2) – прочность пряжки изначально не принималась в расчет. В первом случае, возможно, нужно было выбирать более толстую двойную пластину, поскольку изготовленный крюк «забрал» слишком много толщины этой пластины. Впрочем, реальнее кажется второй вариант: довольно вычурная пряжка не задумывалась, как «рабочая», способная выдерживать значительные нагрузки. Не только отсутствующий крюк, но и плохая сохранность пряжки, и наложившиеся позже следы эксплуатации еще более ограничили наши возможности по выяснению деталей ее изготовления. На торцах лопастей локально сохранились следы резки металлическим, скорее всего, лезвием. Отверстие крепления глухого конца сверлилось на конус с обеих сторон (характер сверла неясен). Поверхность пряжки залощена с обеих сторон. Остатки отверстия (илл. 101, *2А*) развальцованы тоже с обеих сторон и довольно сильно – до частичного обесцвечивания. Угол одной из лопастей (илл. 101, *2Б*) слегка снивелирован, а участок рядом (илл. 101, *2В*) немного обесцвечен. Так же обесцвечены

еще два других участка лопастей (илл. 101, *2Г, Д*) без нивелировки самого угла. Залощен и слом изделия (илл. 101, *2Е*). Складывается впечатление, что этот слом образовался раньше, чем лопнуло отверстие, то есть какое-то время бывшая пряжка, учитывая толщину пластины, использовалась в поломанном виде в качестве украшения-подвески (илл. 101, *2Ж*). Косвенно об этом свидетельствуют место находки изделия – «в области грудного отдела позвоночника» (*Каверзнева*, 2003, с. 147).

Фигурная крючково-планочная пряжка найдена с левой стороны от костяка человека у щиколотки (*Каверзнева*, 2003, с. 145). Сохранность пряжки не очень хорошая: поверхность с обеих сторон немного расслоилась и покрыта клеем.

В качестве сырья мастер выбрал одинарную пластину рога Cervidae. Осталось неясным, использовался рог оленя или лося. Размеры изделия позволяют говорить и об оленьем, и о лосином роге. За расчленением рога и получением в качестве заготовки двойной пластины (ср. *Бородовский*, 1997, с. 86; 2007, с. 33–34) последовало раскалывание этой пластины на две одинарные (ср. *Бородовский*, 1997, с. 86, 98; 2007, с. 34–35). Получившуюся одинарную пластину компакты рога мастер использовал для вырезки пряжки, избежав попадания какой-либо части нового изделия на менее прочный губчатый слой. Следов резки на пряжке почти не осталось за исключением пазов по краям щитка (илл. 101, *1а*) и участков под своеобразным выступом щитка (илл. 101, *1б*). Мастер сначала вырезал грубый абрис всей пряжки, а затем стал оформлять пазы по краям щитка. Возможно, сначала пазы были просверлены – они выглядят очень аккуратными, но затем подрабатывались острым лезвием и возможные остатки каналов сверления не видны теперь из-за тонких граней подрезки и неважной сохранности изделия. Вырезка же небольшого выступа на краю щитка сопряжена с изготовлением крючка на внутренней стороне пряжки и является продолжением оформления щитка пряжки[22]. В районе крючка следов резки не сохранилось из-за сильной его залощенности. Внешняя поверхность щитка обрабатывалась на мелком абразиве – в основном, это поперечные следы. На абразиве выравнивался и торец планки.

Скорее всего, узкий паз в торце планки был вырезан до сверления маленьких отверстий. Часть планки на внутренней стороне сломана (илл. 101, *1в*) и это дало возможность более наглядно рассмотреть сохранившиеся следы изготовления паза: пиление-перетирание острым металлическим (видимо, медным) лезвием – по всей сохранившейся части паза сохранились очень мелкие крупицы меди. При неторопливой выборке сырья из формировавшегося паза лезвие двигалось, в основном, поперек длинной оси пряжки, иногда – слегка под небольшими углами (илл. 101, *1г, направление групп синих линий*). После изготовления паза в планке были просверлены с внешней стороны станковым сверлом маленькие отверстия слегка на конус. Скорее всего, сначала были сделаны два отверстия (илл. 101, *1д*), возможно третье и не предусматривалось, и пряжка эксплуатировалась какое-то время с двумя не слишком аккуратно просверленными дырочками для крепления ремня. Этот вывод не бесспорный, но третье отверстие (илл. 101, *1е*) не только сделано слишком близко ко второму, поскольку как-то почти выравнивает линию крепления с первым отверстием, но и отличается от первых двух маленьких отверстий деталью: вокруг просверленного канала на расстоянии почти 0,05 см от его края – слабые остатки концентричной окружности. Такое бывает иногда при станковом сверлении отверстий любых размеров в пряжках, когда сверло слишком короткое и на просверливаемой поверхности остаются следы фиксатора-муфты, в которую заправлено сверло (*Усачук*, 2002, с. 163; 2016, с. 23; *Усачук, Литвиненко*, 1997, с. 48, 49; *Обломский, Усачук*, 2004, с. 74; и др.).

На пряжке сохранились и следы использования. Весь щиток изделия сильно

[22] Обратим внимание на то, что крючок в целом на очень близком к бабинским крючково-широкопланочным пряжкам изделии из п. 52 напоминает больше крючки шагарских пряжек из предчелюстной кости лося.

залощен, а в районе пазов по краям щитка (илл. 101, *1а*) – обесцвечен. Начали обесцвечиваться и участки по краю щитка на внутренней стороне пряжки (илл. 101, *1Ж*). Крючок тоже локально обесцвечен, а небольшой участок утраты его кончика (илл. 101, *13*) образовался не в процессе поломки, а из-за постепенного истирания. Складывается впечатление, что пряжка какое-то время использовалась после поломки части планки (илл. 101, *1в*): эта поломка оказалась чуть шире глубины паза и «забрала» часть внутренней стороны компакты пряжки. Поверхность слома оказалась залощена и частично (илл. 101, *1И*) – слегка подрезана.

В п. 109 и в п. 130 Шагарского могильника в разные годы были найдены однотипные костяные изделия. Трасологический анализ находки из п. 109 проведен 20 марта 2013 г. в ГИМ в рамках изучения различных костяных и роговых находок из Шагары. Использовался микроскоп МБС-10. Трасологические данные, полученные при изучении изделия, привели одного из авторов в то время к выводу, что это и не пряжка, и не украшение. Ситуация застыла на уровне «непонятного изделия». Трасологический анализ изделия из п. 130, проведенный 27 февраля 2025 г. в ГИМ позволил по-новому взглянуть и на «непонятное изделие» из п. 109. В работе с двумя находками оказалось важным то обстоятельство, что они хранились в одной коллекции и потому появилась возможность сравнивать их. Изучая и сравнивая фигурные костяные пластины из погребений 109 и 130, можно попытаться понять характер обоих изделий – все-таки костяных пряжек оригинальной конструкции[23]. Использовался микроскоп МБС-10. Во время изучения были поправлены рисунки обоих изделий (илл. 61, *4*; 62, *3*).

В п. 109 Шагарского могильника костяное изделие лежало впритык к крылу таза, «под левой кистью у бедра» (*Каверзнева*, 2012, с. 44). Изготовлено из тонкой пластины компакты кости крупного копытного (илл. 61, *3*). Сохранность неплохая, разрушена только верхняя часть большого кольца (илл. 102, *1а, б*) (особенно на внутренней стороне (илл. 102, *1б*), где утрачена значительная часть поверхности компакты). Нет и края кольца (илл. 102, *1в*), возможно, микроутраты есть и в другой части кольца (илл. 102, *1г*). Ранее считалось, что в нижней части «пинцетообразное» изделие лишь немного утрачено, тем более что узкий торец (илл. 102, *1д*) сильно завальцован и создает впечатление реального чуть разрушенного конца изделия. Однако, в связи с подобной находкой в п. 130 стало ясно, что пластина из п. 109 утрачена почти на треть. До вырезки узкого паза и оформления краев планки изделия пластина была обработана абразивами с обеих сторон. На внешней стороне эти диагональные следы настолько тонкие и слабые, что почти не видны, а на внутренней стороне пряжки эти, в основном вертикально-диагональные следы более заметны, поскольку их больше, они длиннее, иногда чуть толще, есть и двойные (илл. 102, *1е*).

На пряжке зафиксировано много следов сверления. Большое отверстие сохранилось плохо, сверление его шло с двух сторон, граница сглажена. Хорошо сохранились следы сверления маленького отверстия в основании кольца пряжки (илл. 102, *1ж*). Сверление шло с двух сторон, судя по следам, использовалось слегка коническое станковое сверло. На стенках канала сохранился своеобразный уступ, свидетельствующий о том, что сверло было, очевидно, кремневым. Из-

[23] После изучения изделия из п. 130 оказалось возможным сопоставить две шагарские пряжки с изделием более раннего времени (культура Старчево) с поселения Дреновац (центральная Сербия), которое морфологически такое же, как шагарские находки и интерпретируется в качестве пряжки для ремня или для обуви (*Vitezović*, 2011, fig. 14, fig. 20, DR 359, p. 132). Очень близко по отношению к шагарским пряжкам и аналогичное изделие из немного более ранних (ср. *Мазуркевич, Киттель, Мэгро, Долбунова, Крапец, Гинтер*, 2020, с. 52–53) материалов свайного поселения Сертея II (Ловатско-Двинское междуречье, Смоленская обл.). Эта фрагментированная пряжка, весьма напоминающая своими фигурными длинными сторонами планки пряжку из п. 109 Шагары, но без узкого паза. Судя по толщине сертейского изделия, изготовление паза и не планировалось.

готовление «плечиков» пряжки (илл. 102, *1з*) осуществлено сверлением небольших отверстий с двух сторон кольца. В каналах большинства просверленных или начатых отверстий в длинной планке пряжки просматривается такой же уступ: мастер работал с одним станковым сверлом по всей пряжке. Интересно, что отверстия по длинным торцам планки сверлились хоть и более-менее аккуратно, но без какой-либо предварительной разметки: иногда они по-разному захватывали площадь планки (илл. 102, *1и*), иногда мастер начинал сверление с одной (илл. 102, *1к*) или другой (илл. 102, *1л*) стороны, но понимал, что расположил сверло неправильно и передвигал его. Обратим внимание на изменение алгоритма в выполнении мастером одинаковых задач. Сверление отверстий на одной длинной стороне планки (илл. 102, *1, I*) шло с внешней стороны на конус почти на всю толщину компакты, а с внутренней стороны была только наметка сверления. Такая же операция на другой стороне планки (илл. 102, *1, II*) шла иначе: с внешней стороны мастер старался просверлить только половину толщины пластины (получалось чуть больше, но видно, что за глубиной сверления велось внимательное наблюдение) и остальная часть компакты сверлилась с внутренней стороны изделия. Отдельно нужно остановиться на процессе изготовления узкого паза в центре планки: он резался аккуратно и осторожно мастером с внутренней стороны пряжки. Лезвие, видимо, было кремневым, поскольку следы на стенках паза неровные, с уступами. Иногда следы идут чуть под иным углом и с разным давлением на лезвие: мы фиксируем остановки и продолжение пропила с чуть иным усилием и под чуть иным углом. Уступ на стенке пропила находится у маленького отверстия в основании кольца пряжки на высоте почти половины толщины компакты, а к концу изделия плавно опускается чуть ли не на полную толщину. Это происходит от постепенного увеличения давления на лезвие при резке длинного паза. Т. о., мы можем реконструировать, что вырезка паза в центре планки шла от маленького отверстия к торцу изделия (илл. 102, *1м, стрелка*). Резка узкого паза с внутренней стороны пряжки напоминает сверление отверстий на стороне I: мастер аккуратно и осторожно прорезал компакту почти на всю толщину пластины, а с внешней стороны только слегка подправил практически готовый паз[24].

Пряжка сохранила следы длительного использования. Выше мы отмечали, что узкий торец (илл. 102, *1д*) сильно завальцован. Часть старого слома (илл. 102, *2А*) этого торца залощена до частичного обесцвечивания. Обе стороны пряжки сработаны, но внешняя сторона – практически заполирована, внутренняя – только залощена. При этом внешняя сторона планки (илл. 102, *2Б*) заполирована сильнее, чем кольцо. Сильная залощенность внешней стороны изделия коррелирует с мелкими утратами выступов длинных сторон планки (илл. 102, *2В, Г*). Обратим внимание на то, что выступы на одной из длинных сторон (илл. 102, *2В*) завальцованы сильнее краев таких же выступов другой стороны (илл. 102, *2Г*). Очень плавное углубление и чуть бóльшая сработанность в сторону края фиксируется в районе маленького отверстия (илл. 102, *2Д*) на внешней стороне пряжки. На внутренней стороне от этого отверстия идет легкая чуть заметная развальцованность к большому отверстию (илл. 102, *2Е*). Само большое отверстие не несет следов сильной сработанности, только по краю с внешней стороны идет тонкая прерывистая линейная завальцованность (илл. 102, *2Ж*). Легкая завальцованность есть и на стенках узкого паза в центре планки (илл. 102, *2З*).

[24] Подойдя к такой своеобразной детали, как длинный узкий паз, стоит остановиться на системе «отверстие-паз», сохранившейся на пряжке из п. 109 частично (только одно отверстие (илл. 102, *1ж*)), но имеющее такое же отверстие и на другом конце, как стало ясно после находки пряжки в п. 130 (илл. 62, *2, 3*). Можно предположить наличие системы намеренного использования разгружающих отверстий на концах длинного узкого паза для устранения сверхконцентрации напряжений. В наше время, если нужно прорезать узкую щель, сначала на концах будущего щелевидного отверстия просверливаются небольшие отверстия (*Подушкин*, 2009, с. 30).

В п. 130 Шагарского могильника костяная пряжка находилась, как было сказано выше, в наборе иных вещей, положенных в ногах погребенного (илл. 62, *1*). Изготовлена, как и подобное изделие из п. 109, из тонкой пластины компакты кости крупного копытного (илл. 62, *2*). Сохранность пряжки хорошая, отсутствуют только мелкие участки кольца (илл. 103, *1а*) и небольшая часть узкого торца пряжки (илл. 103, *1б*), причем, изделие было найдено с отсутствующим фрагментом (*Каверзнева*, 2017, рис. 123, 125, *181*), то есть, скорее всего, положено в наборе иных предметов уже поломанным. Реконструировать именно так узкий закругленный конец пряжки нам помог слом, оставшийся между расположенными вертикально в ряд двумя маленькими отверстиями (илл. 103, *1в*). До вырезки узкого паза внутренняя сторона пластины и отчасти кольца были обработаны разными абразивами, поверх которых легли длинные продольные (иногда – чуть диагональные) разновеликие следы-нарезки, выполненные тонким металлическим лезвием (илл. 103, *1г*). Изготовление «плечиков» пряжки осуществлено сверлением чуть на конус с обеих сторон пластины небольших отверстий по краям кольца (илл. 103, 1д). В такой же манере аккуратно просверлены и все другие маленькие отверстия в пряжке. Аккуратность следов сверления может свидетельствовать о том, что для работы мастер выбрал металлическое сверло. Большое отверстие сверлилось, скорее всего, тоже с двух сторон пряжки. Узкий паз в центре планки мастер начал резать металлическим, скорее всего, лезвием с внешней стороны: именно здесь сохранились почти ровные следы разметки места будущего выреза (илл. 103, *1е*). Дальше от кольца (илл. 103, *1ж*) фрагмент сохранившейся линии разметки прочерчен неровно. Судя по разнице в аккуратности нанесения тонкой линии разметки, мы можем с достаточной долей вероятности предположить, что разметка будущего паза шла от кольца изделия к узкому торцу. Скорее всего, так прорезался мастером и сам паз (илл. 103, *1з, стрелка*).

Говоря о пряжке из п. 109, мы затронули проблему механики разрушения. Видимо, с накоплением опыта работы с костью, шагарские мастера заметили, что можно эффективно тормозить развитие трещины с помощью засверливания ее концов. В своеобразной конструкции пряжек из п. 109 и п. 130 мастера пошли дальше: узкий длинный паз не является усталостной трещиной, но весьма походит не нее, а потому наличие небольших отверстий на его концах заранее устраняет сверхконцентрацию напряжений (*Финкель*, 1977, с. 8; *Вовк, Кисель*, 2018, с. 13; *Мустафаев*, 2021, с. 63; и др.). Разумеется, мастера понимали, что наличие такого длинного паза все равно приведет к поломке планки (*Вовк, Кисель*, 2018, с. 13), но этот процесс отдалялся во времени и создавался, как сказали бы сейчас «достаточный эффект торможения»[25].

Вся поверхность пряжки залощена с обеих сторон. На этом фоне выделяются некоторые участки. На внешней стороне нитевидная залощенность идет ко краю кольца (илл. 103, *2А*) и краю отверстия (илл. 103, *2Б*). Завальцован и край небольшого слома (илл. 103, *2В*), то есть изделие при использовании теряло постепенно микроучастки тонкого края кольца. Сильно завальцованы «плечики» пряжки (илл. 103, *2Г*). Несколько более залощен участок узкого конца изделия (илл. 103, *2Д*). На внутренней стороне по залощенности всего изделия идут практически заполированные участки, как на кольце (илл. 103, *2Е*) и по краю большого отверстия (илл. 103, *2Ж*), так и прерывисто – по краям длинной планки (илл. 103, *2З*). В целом, внутренняя сторона пряжки сработана сильнее внешней.

От маленького отверстия к одному из «плечиков» на внешней стороне идет участок чуть большей сработанности (илл. 103, *2И*). Здесь же зафиксирована и небольшая сработанность по направлению к большому отверстию (илл. 103, *2К*). Легкая завальцованность есть и на стенках узкого паза в центре планки (илл. 103, *2Л*), причем с внешней стороны эта завальцованность чуть больше.

[25] В конечном счете, в п. 130 попала пряжка, которая частично разрушилась по линии паза.

§ 3. Вопросы реконструкции изготовления и использования планочных пряжек

3.1. Реконструкции процесса изготовления и использования пряжек лолинской культуры

Попробуем на основе 3-х прошедших трасологический анализ кольцевидно-широкопланочных пряжек (тип Чограй-Кевюды) представить процесс изготовления и использования этих изделий. Сырьем для всех своеобразных изделий (Чограй, Кевюды, Темрта) служил рог Cervidae[26] – сырье, более прочное, чем животная кость (*O'Connor*, 1987, p. 4; *Душенко*, 2015, с. 78–79, 85; и др.). Всех трех мастеров отличает особо тщательный выбор заготовок – на изделиях нет участков губчатого слоя. Пряжка из Темрты выполнена из раскроенного рогового отростка. Скорее всего, подобный отросток был выбран и чограйским мастером. Очевидно, заготовки размечались, а только затем мастера аккуратно расчленяли сырье (ср. *Троицкая, Бородовский*, 1994, с. 65; *Бородовский*, 1997, с. 85–86; 2007, с. 73–74). Для изготовления всех пряжек использовалась одинарная пластина рога. Судя по плавности и аккуратности следов резки, мы делаем вывод, что полученные заготовки «мастера пряжек» подвергали размягчению: термической обработке или вымачиванию в органических кислотах (ср. *Усачук*, 2007, с. 85)[27].

На пряжках сохранились следы аккуратной резки острыми металлическими лезвиями. Кевюдский мастер задействовал и кремневое лезвие. Кроме того, он использовал и несколько разных сверл для различных операций. В этом от него не отставал его темртинский «коллега», который тоже задействовал не менее трех разных сверл. Видимо, несколько сверл использовал и чограйский мастер. Кевюдский косторез мастерски применил метод последовательного сверления (илл. 90, *1е1+2*), о котором мы говорили выше. Темртинсккий мастер знал и применил этот же метод сверления, но не стал проводить его столь аккуратно и, можно сказать, изящно, как кевюдский. Здесь сказался, на наш взгляд, не разный уровень мастерства, а, видимо, понимание будущих функций овальных отверстий: на кевюдской пряжке оно должно было служить для крепления (илл. 90, *1е*) и у мастера не было, к тому же, достаточно места, а на пряжке из Темрты парные дуговидные прорези в теле пряжки (илл. 89, *1з, и*) выполняли декоративные функции (см. главу 6). Здесь мастер мог первоначальные отверстия просверлить на большем расстоянии, чем его кевюдский «коллега» и не слишком аккуратно убирать перемычки. Впрочем, возможно, определенная небрежность в оформлении диагональных отверстий проявлена специально: некоторая «восьмеркообразность» конфигурации этих отверстий придавала, на наш взгляд, необычной пряжке (илл. 7, *3*) еще большее своеобразие.

Изготовление близкого на трех пряжках типа Чограй-Кевюды точечного орнамента проведено двумя способами. На темртинской пряжке остались следы конического сверла, на чограйской тоже использовалось

[26] В связи с этим обратим внимание на то, что в работе, посвященной изготовлению и использованию пряжки из могильника Кевюды 1, сравнивалось сырье двух пряжек, и наличие животной кости в качестве сырья для чограйской пряжки выглядело логичным (*Усачук*, 2007, с. 88). Оказалось, что чограйский мастер просто взял достаточно тонкую роговую пластину – устройство пряжки позволяло это сделать, если даже более сложная в отношении расположения элементов кевюдская пряжка – и та вырезана из одинарной пластины рога.

[27] Довольно сложно при работе с костяным и роговым материалом аргументировать процессы размягчения сырья (ср. *Hrubý*, 1957, s. 188; *Панковський*, 2015, с. 43). Понятно, что обезжиривание кости (термическая обработка) и вымачивание рога подразумевается при работе с этим сырьем (*Менделеев*, 1893, с. 589; *Федоров*, 1908, с. 18–19; *Изюмова*, 1949, с. 19; *Hrubý*, 1957, s. 188; *Абросимова, Каплан, Митлянская*, 1978, с. 39; *Brzeziński*, 1980, s. 36, 38; *Радзієвська*, 1982, с. 24; *Петерс*, 1986, с. 39; *Бородовский*, 1989, с. 23–25; *Ляшко*, 1994, с. 152; *Жилин*, 1993, с. 18; 2001, с. 52; *Рафикова, Федоров, Усачук*, 2019, с. 98; *Шмырина*, 2020, с. 26; и др.). Однако конкретные следы подобных операций всегда немногочисленны (*Жилин*, 2001, с. 52; *Обломский*, *Усачук*, 2004, с. 71; и др.).

сверло (скорее всего, не коническое), а вот два больших и множество маленьких углублений на кевюдской пряжке изготовлены при помощи конца разных лезвий (*Усачук*, 2007, с. 87).

В целом, все мастера сделали свои пряжки очень аккуратно[28]. Немного необычно, что на двух из прошедших трасологическое изучение пряжках типа Чограй-Кевюды нет следов абразива, хотя при изготовлении чограйской пряжки следы абразива отмечены. Да и при изготовлении иных лолинских пряжек (тип Ипатово-Типки) абразивы применялись. Возможно, аккуратность изготовления кевюдской и темртинской пряжек распространялась и на полную нивелировку следов абразивов[29].

Высокий уровень «мастеров пряжек» проявляется и в тех изменениях первоначального плана, который они допускали при изготовлении сложных изделий. Речь идет о такой операции, как срезка края обоих овалов, подходящих к отверстию е (илл. 90, *1о*) на кевюдской пряжке и оформление поперечного желобка между отверстиями в верхней части планки (илл. 89, *1л*) на пряжке из Темрты. Правда, вырезка желобка на пряжке из Темрты осуществлена через какое-то время и, скорее всего, другим человеком, но тоже имеющим опыт в обработке кости и рога. Мы хотим подчеркнуть, что столь разные операции в процессе изготовления своеобразных пряжек объединяет нестандартный и уверенный подход мастеров к решению возникающих только в процессе реального исполнения сложных изделий задач. В отношении чограйского мастера каких-либо изменений по ходу изготовления пряжки не отмечено, как в работе темртинского мастера, процесс изготовления шел последовательно и плавно, не требуя переделок. Но при всей опытности чограйского мастера мы, анализируя его работу, пришли к выводу, что поперечное отверстие ему следовало чуть сместить вглубь пряжки, поскольку стенка этого отверстия на внутренней стороне изделия (илл. 88, *2Д*) оказалась чрезвычайно тонкой и через какое-то время была частично сломана (*Усачук, Кравцова, Мимоход*, 2026, 113).

Выше мы указывали на то, что на всех трех пряжках сохранились следы их эксплуатации: у погребенных оказались пояса, которые до этого долго использовались[30]. Об этом свидетельствуют следы не только заполированности и завальцованности на пряжках, а и частичная обесцвеченность некоторых участков поверхностей изделий, сильное «стаивание» компакты от долговременного трения о мягкий материал. Более интенсивная сработанность всех пряжек фиксируется на их внутренних сторонах, связанная с трением об одежду. На кевюдском экземпляре сработанность участков, связанных с креплением, позволила реконструировать характер крепления (*Усачук*, 2007, с. 89). Во время работы с этой пряжкой в апреле 2003 г. и позже с Р.А. Мимоходом и А.А. Калмыковым обсуждались вопросы крепления. Уже тогда, представляя себе крепление таких сложных пряжек, как кевюдская и чограйская, мы ощущали неполность умозрительных рассуждений. После находки в 2006 г. пряжки в могильнике Темрта I ситуация с анализом таких своеобразных изделий усложнилась. Позже для более предметной работы с кевюдской и темртинской пряжками А.А. Калмыковым были изготовлены их копии. С помощью этих копий при работе над книгой мы с помогавшим нам с реконструкциями А.В. Вербовским (илл. 107) в 2024–2025 гг. реализовывали разные варианты крепления глухого конца к пряжкам типа Чограй-Кевюды.

Начнем с кевюдской находки (илл. 104, *1*). Нам было понятно, что тонкий ремешок

[28] По поводу чограйской пряжки отметим замечание автора находки: «сделанная с большим мастерством» (*Андреева*, 1986, с. 232).

[29] Косвенно об этом может свидетельствовать чограйская пряжка, которая выполнена тоже столь аккуратно, что следы абразива сохранились только в одном месте.

[30] Подчеркнем замечание М.В. Андреевой по поводу чограйской пряжки: «до попадания в могилу явно использовалась долгое время» (1986, с. 234).

нужно было продевать через небольшое поперечное отверстие в верхней части пряжки, задействовав при этом и маленькое овальное отверстие на тыльной стороне изделия. Сначала мы предположили, что в это отверстие должна входить петля тонкого ремешка, через которую и пройдет поперечный ремешок, но в реальности система не работала, потому что для петли одного ремешка и проходящего сквозь эту петлю другого (поперечного) просто не хватало места. Тогда мы решили ограничиться одним поперечным ремешком, но сделать из него петлю, выведя ее в овальное отверстие на внутренней стороне пряжки. С ремешком нам это не удавалось сделать (илл. 104, *2*), пока к нему не догадались привязать тонкую пеньковую веревочку (илл. 104, *3*). С нею (илл. 104, *4*) нам удалось сделать петлю в тонком ремешке, выведя ее на тыльную сторону пряжки (илл. 104, *5*). В эту петлю уже можно было ввести тонкий кожаный ремень (илл. 104, *6*), но для того, чтобы заплести концы тонкого поперечного ремешка, образовавшего петлю, пришлось придумать более сложный кожаный ремень (илл. 104, *7*), который выглядел нарядно (илл. 104, *8, 9*), имел две петли крепления пряжки (илл. 104, *7, 8*), но не отвечал нашим требованиям. И дело даже не в том, что он оказался сложным – подобное с некоторыми оговорками, но могло быть с парадным ремнем, однако, расположение петли и концов тонкого (черного на реконструкции) ремешка дало бы иные следы сработанности, чем те, которые зафиксированы при изучении настоящей пряжки (илл. 90, *3А, Е*). Мы вернулись к идее того, что в маленькое овальное отверстие на тыльной стороне пряжки нужно ввести петлю тонкого ремешка (илл. 105, *1*), но закрепить его Р.А. Мимоход предложил деревянным штырьком, который плотно бы вошел в поперечное отверстие пряжки (илл. 105, *2*), зажав кожаную петлю. Удобным оказалось то, что после фиксации штырька намертво, концы его с двух сторон можно было аккуратно обрезать (илл. 105, *3*). Таким образом, пряжка при помощи одной петли может быть прикреплена к простому (илл. 105, *4*) или более вычурным (илл. 105, *5, 6*) ремням.

Во многом сработанность чограйской пряжки подобна кевюдской, но крепление глухого конца ремня изначально предполагалось иное – более простое. Чограйский мастер не стал делать на внутренней стороне изделия поперечное отверстие, чтобы совместить его с продольным, а просто поперечное отверстие в пряжке сделал большим. В него продевалась петля довольно толстого ремешка, которая крепко пришивалась к поясному ремню (илл. 108, *1*). Получается своеобразный паритет: чограйская пряжка более изощренной формы по сравнению с кевюдской, по креплению глухого конца ремня в этой изощренности ей проигрывает.

Выше уже не раз сказано, что чограйская пряжка эксплуатировалась долго. Об этом, помимо заполировки больших участков поверхности изделия свидетельствует сильная поперечная сработанность между парами верхних и нижних полукруглых выступов (илл. 88, *2И, К*), перекрывшая собою более раннюю заполировку. Говоря об этих следах, можно сделать вывод, что, вероятнее всего, после частичной, пусть и минимальной поломки поперечного отверстия между парами верхних и нижних полукруглых выступов (илл. 88, *2И*), крепление пряжки усилили: старая петля могла и сохраниться, поскольку размеры поперечного отверстия это позволяли, но дополнительно пряжка была крепко перевязана в районе узкой «шеи» верхней «головы» вторым ремешком (илл. 108, *2*), который наглухо прикрепили к концу ремня. Таким образом, нами реконструируется в общем-то довольно простая система крепления глухого конца ремня чограйской пряжки, а свободный ремень пропускался через большое отверстие и завязывался (илл. 108, *3*).

Обратим внимание на то, что есть вариант: яркая чограйская находка выступает в качестве своеобразной пряжки в конской упряжи, где глухой конец ремня крепится петлей через поперечное отверстие в планке, а большое отверстие служит кольцом для т-образного штифта, образуя своеобразную застежку тоггл (*Кульбака, Качур*, 2000, рис.

9, *7*)[31]. Но существует и специальная статья, посвященная исключительно креплению чографской пряжки (*Василенко*, 1999). В свое время, реагируя на эту реконструкцию, один из авторов задавался вопросом, «насколько трасологическая информация чографской пряжки соответствует предложенному варианту крепления?» и отмечал, что «нет смысла разбирать выводы А.И. Василенко по реконструкции крепления чографской находки до ее трасологического изучения» (*Усачук*, 2007, с. 89). Теперь такая возможность появилась и можно сопоставить довольно сложную систему крепления, предложенную А.И. Василенко со следами сработанности реальной пряжки.

Начнем с того, что исследователь считает пряжку деталью одежды и предполагает, что через поперечное отверстие в планке (илл. 106, *4, 1*) пряжка наглухо крепилась к одежде (*Василенко*, 1999, с. 62, 63, табл. I, *4.1*) (илл. 106, *1*). Теоретически такое крепление не противоречит следам сработанности в этой части пряжки. Сам ремень, с одной стороны, разрезанный по мнению А.И. Василенко, вдоль, проходил от «головы» пряжки до сужающихся пазов (илл. 106, *2*). Пазы (илл. 106, *4, 2*) на самом деле не настолько прорезаны, чтобы там могли пройти части даже узкого ремня, а главное – из-за ремней эти пазы должны были иметь сильную сработанность, которая отсутствует на реальной пряжке. Кроме того, наличие перекрещенных ремней, идущих поверх (илл. 106, *1*), а затем – через большое отверстие (илл. 106, *2*) (*Василенко*, 1999, табл. I, *4.1, 4.2*) должно дать значительную сработанность на участках вокруг центрального выступа в нижней части пряжки (рис. 106, *4, 3*), на внешних сторонах большого кольца (рис. 106, *4, 4*) и на нижней части этого кольца внутренней стороны изделия (рис. 106, *4, 5*). Сработанность на пряжке есть, особенно, как не раз сказано, на внутренней стороне, но характер и направления этой сработанности другие (илл. 88, *2*)[32]. Завершается система крепления, предложенная А.И. Василенко, «надеванием кожаной раструбной петельки, свободно ходящей по ремню справа от пряжки» (*Василенко*, 1999, с. 64) (илл. 106, *3*). Такая «петелька» должна была оставить достаточно интенсивные следы истирания внешней поверхности пряжки в районе большого кольца (рис. 106, *4, 6, стрелки*), которых на пряжке нет. Не совсем ясно описание на реконструкции своеобразной петли-чехла на ремне, в которую «прячется» нижняя часть пряжки (*Василенко*, 1999, табл. I, *3.1, 5*) (илл. 106, *3*)[33]. Постоянное застегивание-расстегивание системы с пряжкой по А.И. Василенко должно было оставить иную картину сработанности внешней поверхности изделия по сравнению с той, которую мы фиксируем в действительности (илл. 88, *2*). Таким образом, основное количество[34] избыточно-сложных, на наш взгляд, деталей крепле-

[31]Заметим, что авторы этой идеи определили чографскую находку (ошибочно дав кургану номер 38) в качестве псалия позднекатакомбного времени, но стали сомневаться – не в самом факте использования поздними катакомбниками псалиев (а шире – колесниц), но в размерах «чографского псалия» и, не оставляя мысль, что это все-таки псалий, переименовали его в застежку в системе конской упряжи (Кульбака, Качур, 2000, с. 38). Рассматривать здесь идею принадлежности чографской пряжки к псалиям или креплению упряжи мы не считаем нужным, поскольку ошибочная идея «катакомбных колесниц и псалиев» имеет чрезвычайно длинный историографический шлейф, но затрагивает нас в этой книге лишь слегка, когда сопоставляются фигурные пряжки финала средней бронзы со щитковыми псалиями (см. главу 1). Если же говорить только о системе использования костяного или деревянного штифта (Кульбака, Качур, 2000, рис. 9, 7), то следы сработанности на обратной стороне большого кольца чографского изделия были бы иные, да и использование застежки тоггл в системе ремней конского оголовья не выглядит обоснованным: этот действительно интересный вариант застежки не рекомендуется в динамических системах, а ремни конского оголовья при применении вряд ли отличаются статикой.

[32] Ситуация с перекрещенными ремнями и их прохождением через большое отверстие вызывало недоверие и задолго до трасологической обработки чографской пряжки (*Усачук*, 2007, с. 89–90).

[33] Разбору ситуации с креплением чографской пряжки в статье 1999 г. отчасти мешают и ошибки в цифрах обозначения частей изделия в описании (*Василенко*, 1999, с. 62).

[34] Кроме следов сработанности в поперечном отверстии планки, с чего мы начали разбор варианта крепления, предложенных А.И. Василенко.

ния пряжки в статье 1999 г. не соотносится с реальными следами сработанности этой находки.

Перейдем к пряжке из Темрты I (илл. 109, *1*). Выше говорилось о том, что в процессе первоначальной эксплуатации весьма своеобразной пряжки был дополнен первоначальный замысел: оформлен поперечный желобок между отверстиями в верхней части планки (илл. 89, *1л*). Вполне возможно, сначала предполагалось, что пряжка будет крепиться одной петлей, проходящей через все три отверстия, поскольку изогнутость изделия позволяет всей системе маленьких отверстий на конце планки работать, как единый канал (илл. 109, *2, 3*). Таким образом, поперечного желобка на пряжке еще не было. Но подобное крепление оказалось неудачным и мы, выполнив его на копии (илл. 109, *3*), очевидно можем понять – почему. Дело в том, что тонкий ремешок, соединяющий пряжку с ремнем, идет под углом по внешней поверхности планки и может соскальзывать с полукружий (илл. 109, 3). Сделать же его полностью поперек пряжки не получается из-за неизбежного ерзания и ослабления пусть даже очень туго захлестнутой петли – постепенно поперечное крепление петли все равно начнет становиться под углом к длинной оси ремня и пряжки, что и получилось на реконструкции (илл. 109, *3*). Видимо, из-за этого и возникла идея переделать глухое крепление пряжки, изготовив поперечный желобок по орнаменту. Обратим внимание на качество изготовления желобка. Края его четкие и ровные, без заломов и сколов. что говорит о резке размягченного сырья (ср. *Бородовский*, 1989, с. 24–25). Таким образом, получается, что пряжку после какого-то времени использования с одним вариантом крепления весьма квалифицированно переделали, применив к тому же еще один цикл размягчения сырья. Теперь тонкий ремешок захлестывал пряжку по желобку на планке (илл. 109, *4, 5*) и можно было прикрепить петлю этого ремешка к ремню (илл. 109, *5*).

В целом изготовление и использование трех пряжек типа Чограй-Кевюды близки (ср. *Усачук*, 2007, с. 85-87, 89; *Усачук, Кравцова*, *Мимоход*, 2026, 113). Различия в деталях изготовления явно факультативны. Система же крепления при помощи петель кожаных ремешков находит аналогии среди подобных вариантов реконструкции крепления и других типов пряжек.

Крепление пряжек типа Ипатово-Типки, представленное на 4-х экз., понятно: используются поперечные отверстия в т-образных втулках для пропуска через них петель тонкого ремешка, который затем пришивается к ремню. Свободный конец пояса завязывается узлом, проходя через большое кольцо. Сработанность пряжек однотипна, что хорошо видно при сравнении экземпляров из Ильинского-1 (илл. 91, *1*), Типков-1 (илл. 91, *2*) и пос. Каратаево (илл. 92, *2*). Ипатовская пряжка на фоне остальных несет гораздо меньше следов использования, что свидетельствует о разном времени эксплуатации поясов с такими пряжками до попадания их в погребение. Обратим внимание на немного разное направление следов наибольшей сработанности краев отверстий в планках всех пряжек типа Ипатово-Типки: это говорит о том, что петли тонких ремешков, которыми крепились пряжки к глухому концу ремня, в каждом конкретном случае чуть отличались характеристиками друг от друга. Немного по-разному лежат следы сработанности и на участках больших колец пряжек – там, где завязывался свободный конец ремня. Возможно, разная картина следов отражает и разные варианты техники завязывания узлов – проблема неразработанная, но потенциально интересная (*Тихонов*, 2014; 2025).

3.2. Реконструкция процесса изготовления, крепления и использования пряжек волго-уральской культурной группы

Если сравнивать процесс изготовления ливенцовской и тамар-уткульской пряжек, обратим внимание на то, что в обоих случаях есть некоторые колебания в определении сырья. Впрочем, если это рог, то в обоих случаях использовалась одинарная пластина. Следы изготовления на обеих пряжках сохранились в минимальной степени, поскольку одной из последних операций являлась окончательная отделка (полировка) поверхности пряжки с использованием очень тонкого абразива.

Следы сработанности обеих пряжек тоже близки, поскольку наибольшая их интенсивность относится к креплению глухих концов ремней, но здесь тамар-уткульская пряжка близка из-за т-образного конца планки и таким же рассмотренным чуть выше следам на лолинских пряжках типа Ипатово-Типки: они концентрируются в районе т-образного конца планки с поперечным отверстием и в районе большого кольца (илл. 93, *2Е, Ж*). Через маленькое отверстие почти поперечной т-образной планки пряжки из Тамар-Уткуля продевался кожаный шнурок, который образовывал петлю, пришитую к глухому концу ремня. Другой свободный конец ремня продевался в большое кольцо и завязывался узлом. Расположение молоточковидного конца пряжки с маленьким отверстием немного под углом к длинной оси пряжки и ремня объясняется слишком длинной планкой – этой деталью тамар-уткульская пряжка отличается от иных кольцевидно-планочных пряжек всех типов (илл. 70, *19*). Скорее всего, мастер не добивался эффекта поворота конца втулки на 15^0 (илл. 93, *2д*), изделие «повело» из-за слишком длинной узкой части планки. Если это случилось во время изготовления пряжки (до попадания ее в погребение), то эту конструктивную «полуоплошность» можно было снивелировать более свободной петлей, пришитой к глухому концу ремня. Но мастера волновала иная проблема: как сделать пряжку со столь длинной планкой удобной в использовании. На этот вопрос отвечает участок чуть большей сработанности почти на середине боковой стороны узкой планки (илл. 93, *2К*). Учитывая все следы сработанности на пряжке, мы попытались сделать реконструкцию возможного положения тамар-уткульской пряжки на поясе (илл. 110) – с креплением обоих концов ремня и со шлевкой, которая пришита к одежде (на графической реконструкции – чуть в стороне от борта халата) и поддерживает пряжку в практически горизонтальном положении. Образно говоря, шлевка «успокаивает» всю систему пояса, не давая пряжке отклоняться по диагонали. Шлевка достаточно свободна, чтобы через нее можно было без затруднений продеть большое кольцо пряжки при использовании пояса. Из-за места чуть бóльшей сработанности боковой стороны планки мы сделали вывод, что пряжка на поясе находилась слева (илл. 110) – и свободно ерзала в шлевке, поэтому сработанность на боковой стороне не слишком выделяется и, кроме того, шлевка еще оставила более интенсивную залощенность на значительном участке планки (илл. 93, *2И*).

Что касается ливенцовской пряжки, то проблемы слишком длинной планки здесь не существовало, а эксплуатация довольно изящной пряжки была чрезвычайно длительной по времени, что привело не только к поломке втулки и появлению второго отверстия в планке (ситуация, близкая к попытке ремонта планки на пряжке из Балки Хреевой III[35]), но и к значительной сработанности и этого варианта крепления глухого ремня.

3.3. Реконструкции крепления и использования пряжек присулакской и гинчинской культур

Обобщая трасологическую информацию по пряжкам кавказских культур, мы вынуждены подчеркнуть, что ее довольно мало – и из-за того, что удалось de visu изучить только 3 пряжки[36], и из-за того, что пряжка из курганного могильника Гертма III оказалась чрезвычайно плохой сохранности, что резко ограничило сбор информации.

Парадоксально, но знакомство со столь плохо сохранившейся пряжкой дало, тем не менее, очень важный результат. Мы почти не видим какие-то нюансы изготовления пряжек присулакской культуры, но зато можем утверждать, что никакого врезного орнамента на пряжке из погребения 1 кургана 5 могильника Гертма III нет (илл. 34, *3*). Очевидно, орнамент отсутству-

[35] Выше мы говорили о том, что из-за сильной сработанности на хреевской пряжке почти не сохранились следы изготовления. Та же ситуация и с ливенцовской пряжкой.

[36] Выше мы указывали в тексте на то, что некоторые пряжки остались необработанными из-за того, что их невозможно было найти в музейных коллекциях. Здесь – та же ситуация: что-то удалось обработать, что-то – по разным причинам – нет.

ет и на второй пряжке из этого могильника (во всяком случае, изучение фотографий показало, что и не прошедшая, к сожалению, трасологический анализ пряжка такой же очень плохой сохранности, как и первая), а потому мы взяли на себя смелость немного поправить рисунок и пряжки из погребения 3 кургана 6 – убрали врезной орнамент (илл. 36, *2*).

Можно сказать, что обе пряжки присулакской культуры изготовлены в близкой манере из фрагментов компакты костей крупных копытных. На обеих пряжках одинаковая система крепления глухого конца ремня и большое кольцо для завязывания другого конца (илл. 66, *1, 2*). Обе пряжки – и изученная трасологически, и та, что осталась нам недоступна – довольно изящны и предназначены для, скорее всего, узких ремней.

Столь же небольшие по размерам и диаметру больших колец оказались и две изученные трасологически пряжки гинчинской культуры с Ирганайского могильника и поселения (илл. 66, *3, 4*). Типологически они близки пряжкам из могильника Гертма III, однако отличаются от них и от иных пряжек прежде всего тем, что ирганайские мастера использовали в качестве сырья кабаний клык – единственные два случая среди планочных пряжек. Можно сказать, что техника изготовления обеих ирганайских пряжек близка: оба мастера использовали резку, резку-пиление, абразивы, сверление. Но при этом, работа ирганайских мастеров изначально была начата по-разному, если учесть реконструкцию положения вырезаемых пряжек по отношению к сырью (илл. 95, *1, 2*). Вариантов объяснения может быть два:

- мастер пряжки из склепа Ирганайского могильника обладал бóльшим опытом, а потому избежал ненужного второго полого участка на выходе из кольца;
- оба мастера не придавали особого значения излишней, на их взгляд, прочности пряжки.

Первый случай более прямолинеен. Он логичен с нашей точки зрения и, возможно, она совпадает-таки с точкой зрения мастера пряжки Ирганайского могильника. Мы склоняемся ко второму варианту: получается, что интенсивность и продолжительность использования пряжки даже с двумя участками ослабления ее корпуса вполне устраивало всех, поскольку на небольшие и изящные пряжки не смотрели, как на изделия для излишних нагрузок или сверхдлительного использования, хотя дентин, как сырье, достаточно прочен, чтобы увеличить этот срок.

Судя по следам эксплуатации, ирганайские пряжки даже с остатками полости в клыке служили довольно долго. Поселенческий экземпляр не испытывал трудностей в системе крепления глухого ремня – на каком-то этапе радикально сломалось кольцо, как мы предположили выше, все-таки немного ослабленное каналом полости клыка (илл. 95, *2д*). Пряжка из склепа вообще сохранилась почти полностью, не потеряв конструктивных элементов. В креплении глухого конца ремня задействовали два варианта: маленькие отверстия и захлест тонких ремешков поперек планки (илл. 115, *2*).

3.4. Реконструкции процесса изготовления и использования пряжек днепро-донской бабинской культуры

Трасология целой группы крючково-планочных пряжек позволила довольно четко представить процесс изготовления этих изделий. Обратим внимание на то, что сырьем для таких пряжек ДДБК всегда служил рог Cervidae, причем мастера тщательно подходили к выбору заготовок, стараясь выбрать такие из них, где не было или почти не было губчатого слоя. Такими характеристиками обладают заготовки из лопаты лосиного рога (ср. *Бородовский*, 1997, с. 85; 2007, с. 33; *Усачук*, 2013, с. 32; *Панковский*, 2016, с. 1004). В выборе сырья и в подготовке его для работы «мастера пряжек» действовали практически так же, как и «мастера псалиев» (ср. *Усачук*, 2013, с. 105–106) или их «коллеги» – косторезы, готовившие пряжки типа Чограй-Кевюды (см. выше). Судя по тому, что на пряжке из Мариенфельда сохранились следы, скорее всего, разметки, можно сказать, что лопату лосиного рога или роговую спицу мастера размечали на заготовки, затем аккуратно расчленя-

ли сырье (ср. Т*роицкая, Бородовский*, 1994, с. 65; *Бородовский*, 1997, с. 85–86; 2007, с. 73–74). Судя по плавности следов резки, мы делаем вывод, что полученные заготовки «мастера пряжек», как и «мастера пряжек Чограй-Кевюды», подвергали размягчению: термической обработке или вымачиванию в органических кислотах (то же делали и «мастера псалиев»: *Усачук*, 2013, с. 107). Иногда практиковалась и предварительная обработка заготовки абразивом.

В некоторых случаях выбор сырья облегчался тем, что размеры пряжки подразумевались небольшие, а потому можно было взять сегмент роговой спицы лосиного или оленьего рога (возможно, из спицы лосиного рога изготовлена изящная пряжка из Мариенфельда). Как правило, из лопаты лосиного рога делались двойные пластины, которые в дальнейшем и шли на изготовление пряжек. Большинство трасологически изученных крючково-планочных пряжек вырезаны как раз из двойных пластин, однако, для небольшой пряжки из Новотроицкого III мастер посчитал возможным взять одинарную пластину. Под стать ему поступил и мастер пряжки из Беевой Могилы. Он хоть и резал довольно крупное изделие, но взял, тем не менее, не заготовку из лопаты лосиного рога, а сумел подобрать фрагмент ветви лосиного рога. Интересно, что оба случая с вариантами сырья объединяет еще один прием изготовления: новотроицкий и беевский мастера перевернули пластины внутренней стороной вверх и стали вырезать щиток пряжки из того слоя компакты, который подходил к губчатому слою, оставив более прочный пласт внешней компакты рога для вырезки крючков. При этом на новотроицкой пряжке даже сохранились следы этапов изготовления крючка: сначала подпрямоугольный выступ компакты (илл. 98, *2б*), затем – подтреугольный (илл. 98, *2в, г*) – мастер последовательно и аккуратно убирал излишек компакты, оформляя одну из самых важных частей пряжки.

На всех пряжках сохранились следы резки металлическими лезвиями, как правило – острыми. Иногда резка дополнялась своеобразным пилением-перетиранием лезвием ножа – этот прием повсеместно применялся для изготовления паза (см. ниже), но иногда – и при оформлении щитка (пряжка из Донецка (Текстильщика)). Особенно тщательно на всех пряжках (не только на новотроицкой и из Беевой Могилы) вырезались крючки. Повсеместно применялись различные абразивы, причем и пассивные, и активные. Как правило, внешняя поверхность пряжек обрабатывалась более тонкими абразивам, чем внутренняя. Часто абразивы мастера использовали и для обработки торцов пряжек. Довольно часто пряжки украшались пусть не сложным, но орнаментом: резным, циркульным или в виде сверления углублений или отверстий в щитках[37]. Говоря о сверлении отверстий, отметим прием беевского мастера, который использовал сверло для облегчения вырезки выступа (выступов?) на щитке.

Отдельная операция на пряжках ДДБК – изготовление паза в планках. Как и при оформлении щитка, к этой операции мастера подходили очень внимательно. Нами зафиксировано два приема выборки паза: на 5 пряжках это осторожное и неторопливое пиление-перетирание компакты острым беззубцовым лезвием с удалением мелких и очень мелких фрагментов сырья (Александровск, Беева Могила, Донецк (Текстильщик) (скорее всего), Новоандреевка, Приволье), а на 3 или 4-х пряжках (Мариенфельд, Новоамвросиевское, Долгая Могила(?), Новотроицкое III) – аккуратное пиление очень тонкой металлической пилой.

Пиление-перетирание кости на памятниках эпохи конца средней-поздней бронзы производилось чаще всего беззубцовыми лезвиями (*Молодин, Бородовский*, 1989, с. 33; *Усачук*, 2013, с. 107; 2013б, с. 356; и др.). Распиловка сырья вплоть до начала раннего железного века носит эпизодический характер,

[37] Обратим внимание, что на пряжке из Камышевахи (на обеих?) есть просверленные углубления в щитке с внешней стороны илл. 23, *2*, 65, *9*), как на экземпляре из Долгой Могилы и орнамент в виде трех поперечных насечек на боковых сторонах щитка, похожий на такой же орнамент внутренней стороны той же пряжки из Долгой Могилы (илл. 96, *4и, к*).

а само наличие металлических пил проблематично (*Сидоров, Бородовский*, 1990, с. 167; *Ляшко*, 1994, с. 153; *Обломский, Усачук*, 2004, с. 72; *Усачук*, 2013б, с. 356), они встречаются редко (*Агапов, Васильев, Кузьмина, Семенова*, 1983, с. 17; *Черных, Кузьминых*, 1989, с. 103–104; *Левицкий*, 1993, с. 61; *Коробкова, Виноградов*, 2004, с. 80; *Литвинова*, 2008, с. 114, 115; *Усачук*, 2013б, с. 356–357; и др.). К примеру, «мастера псалиев» пилы почти не использовали (*Усачук*, 2013, с. 107)[38].

Пропилы при изготовлении пазов на пряжках имеют ширину в районе 0,15 см (Новотроицкое), 0,2 см (Мариенфельд) и 0,15-0,2 см (Новоамвросиевское). Опыты по пилению кости и лосиного рога показали в свое время, что подобные пропилы шире полотен пил на 0,05 см (*Килейников*, 1999, с. 128, 134; *Обломский, Усачук*, 2004, с. 72). Таким образом, ширина полотна в районе зубцов металлических пил у «мастеров пряжек» была в пределах 0,1-0,15 см и слегка увеличивалась на конус по ширине полотна (ср. *Усачук*, 2013б, с. 356). Анализ следов пиления позволил выделить несколько групп пил от очень тонких до грубых. Проведенное пиление показало, что шаг зуба экспериментальных пил в 0,1 см оставляет следы, попавшие в первую и вторую группы (очень тонкие и тонкие пилы) (*Обломский, Усачук*, 2004, с. 73). Именно такие пилы использовали некоторые «мастера пряжек». Скорее всего, у этих пил не было развода зубцов (*Обломский, Усачук*, 2004, с. 73; *Усачук*, 2013б, с. 357)[39], а длина рабочего лезвия – небольшая (ср. *Коробкова, Виноградов*, 2004, с. 80; *Усачук*, 2013б, с. 357).

На всех пряжках сохранились следы сверления небольших отверстий в районе планок. На некоторых экземплярах (Долгая Могила, Донецк (Текстильщик), Новотроицкое III) углубления или сквозные отверстия просверлены и в щитках. Использовались станковые металлические сверла, идущие, как правило, слегка на конус. Чаще всего, отверстия в планках сверлились с внешней стороны. При этом александровский мастер даже сделал наметку положения будущих отверстий (илл. 96, *1г*). Мастер пряжки из Мариенфельда просверлил отверстия в планке с внутренней стороны. Новоамвросиевский мастер сверлил отверстия с обеих сторон, но делал это с предельной осторожностью, чтобы каналы совпали. Иногда мастера подправляли, слегка расширяя, отверстия ножом после сверления: мастер из Мариенфельда сделал это с внутренней стороны обоих отверстий, а его новоандреевский «коллега» расширил так одно из отверстий с внешней стороны. Впрочем, новоандреевский мастер сделал это после того, как с внешней стороны начал сверлить три отверстия, а вывел на внутреннюю сторону только два крайних, оставив центральное отверстие в планке (илл. 98, *1г*) недосверленным. Удивительно, но так поступил при аналогичной операции и александровский мастер: наметив и начав сверление трех отверстий в планке, он центральное (илл. 96, *1д*) даже не довел до паза, сделав пряжку с двумя полными отверстиями в планке. Открытым остается вопрос с отверстиями в планке пряжки из Приволья (илл. 98, *3г*) – вероятнее всего, близкое расположение двух отверстий – попытка ремонта, о чем сказано выше.

Очевидно, окончательная доработка этих сложных изделий заключалась в их лощении, доходящей до полировки. В целом, изготовление пряжек показывает высокий уровень мастеров. Безусловно, они могли ошибиться (неправильное расположение полотна пилы при начале изготовления паза на пряжке из Мариенфельда, надпил не в том месте на торце новотроицкой пряжки, какие-то сложности со сверлением отверстий новоандреевского мастера), но все это – мелочи, которые не помешали изготовить своеобразные редкие и престижные изделия с тщанием, аккуратностью и чаще всего – с изяществом (Мариенфельд, не прошедшая, к сожалению, трасологический анализ пряжка из Новола-

[38] Редкий случай – использование тонкой пилы при изготовлении таналыкского псалия (*Усачук*, 2017, с. 74).

[39] Например, мастера XIX в. употребляли при изготовлении гребней мелкозубчатую пилу без разводов, но со спинкой тоньше лезвия (*Менделеев*, 1893, с. 589). В настоящее время пилы (обушковые ножовки) с тонкими полотнами имеют мелкие зубцы без разводов (*Андрющенко*, 1962, с. 8).

кедемоновки, Донецк (Текстильщик), Беева Могила, Приволье)[40].

Разумеется, «мастера пряжек» не изготавливали только крючково-планочные пряжки. Очевидно, в это же время в гораздо большем количестве было налажено и производство круглых пряжек. Технология изготовления этих и, к слову, более поздних овальных пряжек, тоже требовала определенного мастерства (ср. *Усачук*, 1998, с. 128–130, 134; 2002, с. 164; *Панковський*, 2015, с. 50; *Мимоход*, *Усачук*, 2025, с. 95). Например, трасология круглых пряжек, в том числе и некоторых, сопровождавших в погребальных комплексах крючково-планочные (Беева Могила, Приволье), показала использование в качестве сырья рога Cervidae, металлических лезвий (изредка – кремневых), различных активных и пассивных абразивов, станкового сверления, положение сверл в основе-фиксаторе, тщательность в изготовлении, нестандартные решения мастерами некоторых технологических вопросов.

В свое время, прослеживая приемы изготовления круглых и овальных пряжек, один из авторов пришел к выводу, что «разнообразная система крепления пряжек подразумевает, что мастерами изготавливался не пояс с пряжкой, а только сама пряжка (изготовление поясов носило более индивидуальный характер)» (*Усачук*, 1998, с. 134)[41]. Позже, анализируя работу мастеров-профессионалов по изготовлению псалиев, этот же автор предположил, «что мастера изготавливали полностью упряжь …, работая как с костью/рогом и деревом, так и с кожей» (*Усачук*, 2013, с. 115). Очевидно, пришло время внести уточнение в характер работы «мастеров пряжек». Вывод в статье 1998 г. делался, исходя из понимания того, что все пояса бабинского времени – рабочие. Сейчас же мы рассматриваем большинство подобных поясов, как статусные вещи. Возможно, мастера и не работали с поясами, когда выполняли заказы на круглые пряжки, но в чуть более позднее время, освоив иные формы пряжек и варианты крепления с помощью различных петель через появившееся в пряжках маленькое отверстие или планки с отверстием (*Мимоход, Усачук*, 2025), они должны были делать статусные пояса полностью, т. е. крепить пряжки известными и проверенными способами. В случаях же с крючково-планочными пряжками, мы полагаем, изначально ситуация была очень похожа на работу «мастеров псалиев» – «мастера пряжек» тоже не ограничивались изготовлением самих пряжек. Об этом, в частности, свидетельствуют роговые или костяные шпеньки-гвоздики (илл. 96, *4з*) в отверстиях планки пряжки из Долгой Могилы. По крайней мере, мастер пряжки из Долгой Могилы изготовил полностью пояс, судя по тому, что шпеньки подогнаны под уровень обеих поверхностей пряжки. Очевидно, это не исключительный случай и полностью пояса с крючково-планочными пряжками делали и другие мастера[42]. Во всяком случае, подобные изделия единичны на фоне круглых пряжек и, получив такой редкий в его практике «заказ», мастер мог потратить время и силы на изготовление всего статусного пояса.

В отношении следов эксплуатации крючково-планочных пряжек ДДБК каких-либо неожиданностей нет. Заметим в первую очередь, что во всех случаях, когда такие пряжки прошли трасологический анализ, выяснилось: в погребения положены пояса, которые какое-то время до этого использовались. Все пряжки залощены от эксплуатации в той или иной степени, у них более или менее завальцованы грани, немного стерты детали орнамента, на некоторых экземплярах выделяются своей залощенностью или заполированностью декоративные (ср. *Гершкович*, 1986, с. 136) выступы по краям щитков, сработаны крючки. Иногда время использования пояса с пряжкой реконструируется, как весьма продолжительное: например, стертость резного орнамента на поверхно-

[40] Вспомним и пряжки из Камышевахи, которые В.А. Городцов характеризует, как вещи «прекрасной работы» (1907а, с. 357).

[41] Слишком разнообразными казались варианты крепления глухих концов ремня.

[42] Выше мы предполагали реконструкцию крепления кевюдской пряжки с помощью деревянного штырька. Если это так, то кевюдский мастер тоже полностью изготавливал пояс, а не только саму пряжку.

сти щитка пряжки из Донецка (Текстильщика) или частичное обесцвечивание планки и сильная сработанность крючка новотроицкой находки. Характер следов позволяет реконструировать довольно жесткое крепление пряжек к ремню даже при помощи ремешков (илл. 111), а не только костяных/роговых шпеньков. Тем не менее, пряжки из Мариенфельда и Новотроицкого совсем немного, но ерзали, находясь в системе пояса, а на пряжке из Беевой Могилы дополнительно, скорее всего, скрепили одно из крайних отверстий с поясом (илл. 96, *2М*) – очевидно, со временем крепление некоторых пряжек ослабевало. Вполне возможно, что пряжка из Приволья в районе крепления глухого конца ремня треснула или сломалась и ее попытались отремонтировать. Отверстия в щитке на пряжке из Донецка (Текстильщика) не сработаны (ср. *Гершкович*, 1986, с. 136), такие же на новоандреевской пряжке, возможно, служили для крепления каких-то шнурков или ленточек – дополнительных украшений.

Интересная деталь использования пояса с новотроицкой пряжкой: щиток был где-то поцарапан хозяином пояса. Подобные следы механического воздействия фиксировались ранее на щитках целой группы псалиев (*Усачук*, *Потапов*, 2011, с. 153), которые использовались в более динамичной, чем поясные пряжки, среде.

В отношении применения крючково-планочных пряжек нами выявлен еще один нюанс. Дело в том, что после находки в 1975 г. пряжки в Донецком могильнике (Текстильщик) (илл. 112, *1*), один из авторов этой книги не только нарисовал саму находку[43], но через несколько лет выполнил по просьбе Я.П. Гершковича графическую реконструкцию ремня с этой пряжкой (*Гершкович*, 1986, рис. 6), когда в конце 1970-х гг. Я.П. Гершкович организовал изучение пряжки под бинокуляром, о чем рассказывал, показывая наброски пряжки со своими пометками[44]. Предтечей реконструкции явилось изготовление ремня из плотной бумаги с обычными круглыми отверстиями, которые оказалось невозможно накинуть на, как пишет Я.П. Гершкович (1986, с. 136), «челновидный выступ». Именно из-за формы массивного крючка круглые отверстия в ремне оказались не рабочими: их диаметр слишком мал, чтобы захлестнуть длинный крючок, а отверстия большего диаметра делали ремень непрочным и не держали крючок. Порвав несколько бумажных копий ремней, экспериментатор пришел к выводу об изменении формы отверстий и попытался организовать последовательность застегивания ремня. К сожалению, эти «технологические мелочи» не прозвучали в статье Я.П. Гершковича, хотя он потребовал объяснить ему «необычную» форму отверстий в ремне и в конце концов оставил реконструкцию без изменений (*Гершкович*, 1986, рис. 6), то есть, согласившись с нею. В конце 2020 г., на новом витке изучения крючково-планочных пряжек, нашим коллегой А.В. Вербовским (илл. 107) уже по просьбе авторов этой книги, была сделана копия донецкой пряжки, которую мы дополнили копией кожаного ремня. Поначалу был изготовлен фрагмент ремня с круглыми отверстиями, которые оказались не в состоянии захлестнуть крючок пряжки точно так же, как бумажный ремень в опытах конца 1970-х гг., несмотря на то что кожа эластичнее бумаги и ремень не рвался, но и не растягивался настолько, чтобы захлестнуть крючок. После этого был сделан ремень с овальными отверстиями и проведено захлестывание копии пряжки. Весь процесс распадается на несколько последовательных операций. Поначалу свободный конец ремня подводится к закрепленной на другом конце ремня пряжке под углом 90^0 (илл. 112, *2*) для того, чтобы овальный вырез в ремне совпал с формой крючка (илл. 112, *3*). После того, как отверстие захлестнет массивный крючок, свободный конец ремня возвращается в исходное положение (илл. 112, *4*,

[43] Перерисовав ее в 2017 г.

[44] Отголоском этого является упоминание о работе с бинокуляром в статье (*Гершкович*, 1986, с. 136). Я.П. Гершковича интересовали следы сработанности на пряжках. Например, в конце 1970-х гг. он выполнил схематичные рисунки и краткое описание следов сработанности на 10 экз. пряжек из фондов ИА НАН Украины. Материалы сохранились в архиве А.Н. Усачука.

5). Соотношение длинных осей крючка-«челнока» и овального выреза в ремне под углом 90° позволяет ремню прочно держаться (илл. 112, *5*). Точно так же застегивается пояс при необходимости и на второе овальное отверстие в ремне (илл. 113, *1–3*). Копия пояса прекрасно держится даже с бруском-накладкой (*Мимоход, Усачук, Вербовский*, 2021, рис. 4, *4*) в небоевом положении[45]. Мы считаем, что овальные отверстия в ремнях присутствовали на всех планочных пряжках ДДБК с массивными крючками (илл. 111, 113, *3*, 114, *1–2*).

3.5. Реконструкция крепления и использования пряжки каменско-ливенцовской культуры

Разумеется, мы не могли пройти мимо своеобразной пряжки с двумя крючками с пос. Балка Хреева III, особенно после того, как удалось провести трасологический анализ находки и снять «противоречие» между сильной сработанностью и недосверленным отверстием для крепления. Копия этой пряжки была изготовлена А.В. Вербовским из дерева, и мы попытались воссоздать процесс крепления напрямую: в модели свободного конца кожаного ремня сделали два отверстия (илл. 117, *1*). Ситуация оказалась неоднозначной: надевать ремень на крючки оказалось проблематично, но держалось все прочно (илл. 117, *2–3*). После этого мы сосредоточились на пошаговом выполнении копии: закрепили пряжку на узком ремне петлей тонкого ремешка, а свободный конец ремня для удобства застегивания/расстегивания оформили двумя вариантами: при помощи двух пришитых ремешков с небольшими отверстиями для крепления в каждом (илл. 118, *1*) и двумя петлями (илл. 119, *1*). Расстояния между небольшими ремешками и петлями были подобраны так, чтобы можно было удобно фиксировать свободный конец ремня на крючках пряжки. Захлестывание крючков пряжки ремешками (илл. 118, *2*) стало происходить гораздо легче, чем в первоначальном варианте, когда отверстия были прорезаны в самом ремне, но наиболее быстро и плавно застегивался ремень при помощи петель (илл. 119, *2*). Положение ремешков или петель в застегнутом виде на копии не противоречит месту образования наиболее сработанных участков в основании обоих крючков на реальной пряжке (илл. 99, *2А, Б*). Был проверен и вариант чуть менее затянутого ремня, когда использовался только один крючок: с ремешком (илл. 118, *3*) или петлей (илл. 119, *3*). В этом случае разница между надеванием ремешка на крючок или набрасыванием петли почти нивелировалась, но все-таки система двух петель на свободном конце ремня оказалась наиболее удобной.

Попробуем ответить на вопрос – зачем на хреевской пряжке два крючка. Возможные варианты:

- наличие двух крючков, которые распределяли нагрузки между собой, повышало прочность самой пряжки;
- эти конструктивные элементы были регуляторами степени затянутости ремня.

Против второго варианта можно возразить, что расстояние между крючками очень небольшое и сильного изменения положения ремня не будет. Но полностью отказываться от этой идеи, на наш взгляд, не стоит: видимо, хреевский мастер преследовал сразу несколько целей, изготавливая такую своеобразную пряжку – и потенциальное увеличение прочности, и, пусть небольшой, но люфт в степени затягивания ремня. Впрочем, реальность оказалась, как это часто бывает, иной: крючки показали себя прочными, но проблемы слабой части хреевской пряжки затаились в системе крепления планки.

3.6. Реконструкции крепления и использования пряжек шагарской культуры

Шагарские пряжки примечательны не только тем, что представлены значительной группой – 7 экз. (илл. 67, *3–7*, 68, *1–2*), но и разными типами этих своеобразных изделий. С двумя крючково-узкопланочными пряжками – из п. 46 (илл. 100, *2*) и из слоя поселения Шагара 1 (илл. 100, *3*) все понятно: глухой конец ремня крепился через небольшие отверстия на краю планки (илл. 116, *1*), а крючок пряжки входил в отверстия свободного кон-

[45] Копию пояса Донецк (Текстильщик) мы использовали ранее в процессе опытов с быстрой сменой положения нарукавника с бруском-накладкой (*Мимоход, Усачук, Вербовский*, 2021, с. 395).

ца ремня – в первое (илл. 116, *1*), второе (илл. 116, *2*) и т. д. Крепление этих шагарских пряжек напоминает почти такое же хреевской пряжки (исключив ее второй крючок).

Застегивание пояса с помощью крючка реконструируется нами и для крючково-узкопланочной пряжки из п. 52 (илл. 75, *1*). Плохо сохранившаяся пряжка находит достаточно аналогий (илл. 75, *3–9*), чтобы реконструировать ее с крючком, похожей по строению на пряжки из предчелюстной кости лося.

К крючково-широкопланочным пряжкам, аналогичных пряжкам ДДБК, относятся в Шагаре утерянное изделие из п. 14 (илл. 67, *3*, 72, *40*) и еще одна пряжка из п. 52 (илл. 67, *4*, 72, *41*). Здесь крепление понятно: оно такое же, как на бабинских пряжках: глухой конец ремня входит в паз пряжки, а свободный конец застегивается крючком пряжки через небольшие отверстия.

Остаются две весьма своеобразные кольцевидно-узкопланочные пряжки из п. 109 и 130 (илл. 68, *1–2*). Сработанность этих пряжек в чем-то близка, в некоторых деталях – диаметрально противоположная. Обратим внимание на то, что на пряжке из п. 109 внешняя сторона практически заполирована, а внутренняя – залощена. На пряжке же из п. 130 более сработанной оказалась внутренняя сторона. Скорее всего, это связано с разницей в одежде, с которой контактировала та или иная пряжка. Крепление глухого конца ремня на обеих пряжках было или одинаковым, или близким. Мы не будем говорить об отсутствующей части планки пряжки из п. 109, но можем смоделировать детали крепления на копии пряжки из п. 130. На наш взгляд, крепление могло быть в двух вариантах: с задействованием одного отверстия на краю планки (илл. 120, *1*) и с использованием этого и близко расположенного разгружающего отверстия на конце длинного узкого паза (илл. 120, *2*). Обе пряжки выполнены из довольно тонких костяных пластин, особенно пряжка из п. 130 (илл. 62, *2*). Обратим внимание, что толщина пластины пряжки из п. 109 немного разная и самая толстая ее часть приходится на участок маленького отверстия в начале планки (илл. 61, *4*). Видимо, мы фиксируем очень тщательный выбор сырья мастером, поскольку на одной линии с небольшим отверстием в центре (илл. 102, *1ж*) находятся высверленные «плечики» пряжки (илл. 102, *1з*) и шаг перфорации в этой части изделия оказывается слишком коротким. Увеличение, хоть и очень небольшое, толщины заготовки в этом месте чуть увеличивает прочность пусть и не рассчитанной на долгое употребление пряжки.

Расположение пряжек из п. 109 и 130 в системе пояса было одинаково – с правой стороны. Это связано с участками очень небольшой сработанности от маленького отверстия в районе начала планки на внешних сторонах обеих экземпляров (илл. 102, *2Д*; 103, *2И*). К природе появления этих участков сработанности мы вернемся чуть позже, а пока постараемся разобраться с наличием длинного узкого паза в центре планки.

По сравнению с иными участками сработанность узкого паза обеих шагарских пряжек небольшая. Пазы могли быть задействованы в системе крепления, но в качестве второстепенной детали. Ввиду очень длинной планки в обоих случаях, мы предположили, что щелевидный паз мог служить деталью крепления дополнительной шлевки. Подобная стабилизирующая всю систему пояса шлевка реконструирована нами при креплении тамар-уткульской пряжки с длинной планкой (илл. 110). В случае с шагарскими пряжками длина планки была еще больше: в п. 130 – 10,1 см, в п. 109 – более 9 см (реконструируется), а потому шлевка могла быть небесполезной. Тамар-уткульская пряжка свободно продевалась в намертво пришитую шлевку. В отношении шагарских пряжек с длинной плоской планкой, шлевка была иной. По нашим реконструкциям, она представляла собой пришитый к борту одежды тонкий длинный ремешок с двумя концами (илл. 121, *1*). Один конец продевался в узкий продольный паз планки и завязывался с другим концом (илл. 121, *2*). Подобная шлевка могла передвигаться по всей длине паза и зачастую, видимо, оказывалась в районе маленького отверстия у основания планки (илл. 121, *3*), где задерживалась в отверстии, сформировав на внешних сторонах обеих пряжек участки очень небольшой сработанности (илл. 102, *2Д*; 103, *2И*), о которых говорилось выше. Возможно, шлевка иногда завязывалась, прохо-

дя через большое отверстие в кольце и маленькое разгружающее отверстие на конце паза (илл. 121, *4*). Так можно попытаться объяснить наличие следов чуть заметной сработанности на внутренней стороне пряжки из п. 109 (илл. 102, *2E*) и в том же месте, но на внешней стороне пряжки из п. 130 (илл. 103, *2K*)[46].

Судя по диаметру отверстий в кольцах, пряжки п. 109 и 130 крепились к очень узким ремням (илл. 120). Эти ремни явно нерабочие, а дополнительное крепление при помощи своеобразной завязывающейся шлевки вряд ли слишком удобное[47].

Если суммировать трасологическую информацию по планочным пряжкам нескольких культур, которые удалось изучить de visu, то можно сделать общие выводы: косторезы в разных регионах обладали высоким уровнем мастерства для изготовления этих сложных предметов. Впрочем, и те изделия, которые мы видим только на иллюстрациях, подтверждают этот вывод – своеобразных, изящных и сложных в изготовлении планочных пряжек хватает. Сырье – разное. Чувствуется тенденция использования рога Cervidae, но мастера свободно работают и с животной костью (особенно на севере – с предчелюстной костью лося) и даже экспериментируют с таким трудным в обработке материалом, как кабаний клык[48]. Подтверждается использование близкого набора инструментов на всей территории изготовления планочных пряжек. Это не касается только применения зубчатых пил, которые в очень небольшом объеме пока зафиксированы только у мастеров ДДБК.

В отношении использования планочных пряжек можно сделать общий вывод, что эксплуатировались они достаточно долго, иногда подвергаясь ремонтам и локальным переделкам. Это подтверждается анализом следов сработанности. При этом многие пряжки, обработанные трасологически, не производят впечатления крепких, «рабочих» изделий (ср. *Головченко*, 2022, с. 131, прим. 81; *Мимоход*, *Усачук*, 2025, с. 96)[49], а размеры пряжек подразумевают, за редким исключением, использование, как правило, довольно узких ремней – своеобразных «опоясок» (*Рабинович*, 2011, с. 39; *Степанова*, 2020, с. 54; *Мимоход, Усачук*, 2025, с. 96)[50]. Трасологическая информация позволила ближе подойти к изготовлению непротиворечивых вариантов экспериментальных поясов с копиями пряжек, что показало некоторое разнообразие в оформлении креплений глухого конца и своеобразие механизмов крепления конца свободного.

---

[46] Возможно, похожая шлевка присутствовала и в системе пояс/пряжка с поселения Сертея II, только там при отсутствии узкого паза, крепление шлевки осуществлялось при помощи многочисленных треугольных вырезов на длинных сторонах изделия.

[47] Впрочем, если реконструкции крепления поясов памятников линейно-ленточной керамики с раковиной Spondylus Gaederopus в виде пряжки верны (*Nieszery, Breinl*, 1993, abb. 10), то они, на наш взгляд, еще неудобнее, но использовались прежде всего, как элемент престижа (а бывшие пряжки из Spondylus Gaederopus даже после поломки оставались престижными вещами (*Borrello, Micheli*, 2004, p. 80; *Drașovean*, 2018, p. 38).

[48] Интересно: это частная инициатива ирганайских мастеров или постепенно мы сможем очертить ареал использования подобного сырья северокавказскими культурами, как очертили в рамках шагарской и северобелорусской культур использование предчелюстной кости лося.

[49] Изделия, не прошедшие трасологический анализ, в большинстве своем так же не рассчитаны на значительные нагрузки. См., например, пряжки северобелорусской культуры (*Чарняўскі Міх.*, *Чарняўскі Макс.*, 2004, мал. 1; *Чарняўскі Макс.*, 2015, мал. 6, *1–6, 8, 9*) (илл. 68, *4–12*). Определенную параллель можно увидеть в этнографических материалах: например, у селькупов украшаются пояса латунными и медными подвесками и пуговицами, привешивается нож. Но «для серьезного промысла имеют дополнительный специальный пояс. Раньше на него привешивалось огниво, пороховница (круглая, из дерева или железа, заводского производства), ровдужные мешочки для капсулей и дроби, мерная ложечка из рога. Этот пояс носился через плечо» (*Степанова*, 2020, с. 54).

[50] Впрочем, термин «опояска» применялся иногда и к широким ремням (*Фурсова, Афанасьева*, 2011, с. 32, 34; *Моррис (Юмсунова)*, 2016, с. 35; и др.). Опояски могли быть довольно крепкие, на них при случае можно было повеситься (*Чернова*, 2005, с. 282). Ср. в рассказе И.А. Бунина «Дубки»: «… ночью Лавр удавил жену своей зеленой подпояской на железном крюку в дверной притолоке …» (*Бунин*, 1988, с. 164).

ГЛАВА 6 Семантика и происхождение

Отдельная тема исследования – это семантика пряжек, которая ведет к вопросам происхождения данной категории инвентаря. Мы отдаем себе отчет в том, что вступаем на очень скользкий путь реконструкции образов, которые передают фигурные поясные детали, поэтому поставим конкретные и ограниченные задачи. В них входят определение совокупности элементов, которые имеют семантическую нагрузку, выявление внутренней связи между ними, установление степени их реалистичности и стилизации. Иными словами, необходимо вычленить комплекс признаков, который позволяет выйти на непротиворечивую реконструкцию транслируемого образа, а также найти «ключи-коды» как внутри, так и за пределами рассматриваемых культурных контекстов, но в едином глобальном хронологическом срезе, благодаря которым можно попытаться расшифровать хотя бы в первом приближении интересующий нас блок информации. Выяснение того, что стоит за этими образами, какие мифологемы, идеи, семантические конструкции второго и последующих уровней, их трактовки и т. д., остается за скобками нашей работы, потому что, во-первых, нельзя объять необъятное, а, во-вторых, в этом необъятном при желании можно найти любые объяснительные модели и на любой вкус, а потому предпочитаем оставаться в русле поставленных задач.

Даже при таких ограничениях эта глава является самой дискуссионной в нашей книге и было бы странным, если бы это было иначе в силу объекта ее изучения – установления первичной семантики пряжек. Эта яркая и своеобразная категория инвентаря имеет вполне конкретное функциональное назначение, но в то же время непосредственно связана с изобразительными традициями, а, соответственно, и с духовной культурой социумов бронзового века. Мы предлагаем читателю рассматривать заключительную главу представленной на его суд монографии в качестве полигона для дальнейшей дискуссии по заявленной проблематике, но в рамках, во-первых, только вопросов первичного распознавания образов, а, во-вторых, анализа всего комплекса семантически значимых признаков пряжек, а не только наиболее ярких из них, как это нередко делается и чему легко можно найти подтверждение в ниже изложенной историографии вопроса.

Наш семантический очерк будет строиться не на всей рассматриваемой серии планочных пряжек, а только на тех изделиях, которые имеют морфологические и орнаментальные элементы, поддающиеся в той или иной степени интерпретации. Речь, прежде всего, идет о восточноевропейских широкопланочных поясных деталях: крючковых и кольцевидных (тип 1 среди соответствующих серий) (илл. 70, 71). Именно они являются наиболее вычурными и реалистичными по сравнению с остальными фактически полностью стилизованными образцами.

Историографический аспект

Изящные фигурные изделия, нередко покрытые декором, всегда вызывали у исследователей интерес с точки зрения идентификации образа, который они передают. История вопроса начинается с начала прошлого века, когда В.А. Городцов отметил черты антропоморфизма на бабинских пряжках из п. 1 к. 5 мог. Камышеваха (илл. 23, *2*, 65, *9*) (*Городцов*, 1907а, с. 357). Как зооморфную оценивал форму фигурных пряжек европейской традиции Я.П. Гершкович (1979, с. 59; 1986, с. 45). В частности, на примере роговой пряжки из п. 19 кургана 4 могильника Донецк (Текстильщик) (илл. 22, *2, 3*, 65, *2*) он предположил, что изделия «передают схематическое изображе-

ние головы быка: косые прорези по бокам в верхней части могут быть поняты как рога, а пара симметрично расположенных отверстий на щитке – глаза этого животного» (*Гершкович*, 1986, с. 136). Однако исследователь не дал объяснения, что могут изображать два вверх поднятых отростка в нижней части изделия, которые, как будет показано ниже, являются также структурными элементами для правильного распознавания образа. Тем не менее, образ трактовки быка стал интересен исследователям (*Андреева*, 1986, с. 234; *Ильюков*, 2016, с. 101). Впрочем, Л.С. Ильюков задал лаконичный вопрос: «но есть ли основания для такого предположения?» (*Ильюков*, 2016, с. 99), но отвечать на него не стал.

В своей статье Я.П. Гершкович приводит еще и мнение В.В. Отрощенко, который считает, что пряжки передают антропозооморфные изображения (*Гершкович*, 1986, с. 136). Позже В.В. Отрощенко высказал его уже в собственной публикации (2001, с. 88). Правда, нет никаких разъяснений, какие черты у изделий антропоморфные, какие зооморфные, и кто, собственно, изображен? Эти разъяснения исследователь представил только через почти два десятилетия (*Отрощенко*, 2019) и к ним мы еще вернемся.

Зооморфными бабинские пряжки считает И.Ф. Ковалева и О.Г. Вангородская (*Ковалева*, 1987, с. 339; 1989, с. 26; Вангородская, 1987, с. 45). По мнению последней, изделия напоминают голову животного без уточнения, какого именно (*Вангородская*, 1987, с. 45).

Пожалуй, наиболее предметно к изучению первичной семантики фигурных пряжек подошла М.В. Андреева. На примере кольцевидно-планочного изделия кавказской традиции из п. 1 кургана 34 мог. Чограй VIII (илл. 3, *5, 6*, 64, *1*) она также предложила рассматривать пряжку как зооантропоморфную фаллическую фигурку (*Андреева*, 1986, с. 232, рис. 3, *4*). Это было первое найденное фигурное изделие кавказской традиции и первое с явно выраженной фаллической деталью. Исследовательница не ограничилась простой констатацией зооантропоморфности образа, а постаралась идентифицировать детали: «Голову фигурки венчают полукруглые рога, грудь подчеркнута окружностями, под которыми смоделированы небольшие выступы (руки?, крылья?), в животе сделано округлое отверстие, по обеим сторонам которого показан пояс» (*Андреева*, 1986, с. 233, 234). Добавлю, что два отростка в нижней части кольца являются ногами, а выступ между ними фаллосом. С.Н. Братченко поддержал идею М.В. Андреевой о зооантропоморфности чограйского изделия (*Братченко*, 1995, с. 11, 14).

Е.Д. Каверзнева фигурную крючково-планочную пряжку из п. 52 Шагарского могильника (илл. 60, *2, 3*, 67, *4*), аналогичную бабинским, рассматривает как полностью зооморфную, но предлагает собственную интерпретацию образа. Она пишет, что «пряжка похожа на стилизованное изображение сидящей хищной птицы со сложенными крыльями. Мощный клюв птицы является крючком» (*Каверзнева*, 2003, с. 145). Роговую пластину с выступами (илл. 60, *4, 5*, 67, *5*), обнаруженную в том же погребении, которая, на наш взгляд, является фрагментом крючково-планочной пряжки европейской традиции (илл. 72, *46*), исследовательница также трактует как зооморфный образ, но переносит интерпретацию из воздушного мира в водный. Е.Д. Каверзнева предполагает, что эта вещь «представляла собой вид плывущего зверя, возможно, бобра (вид сверху). Отростки-лопасти являются перепончатыми лапами, мощный хвост слегка обломан» (*Каверзнева*, 2003, с. 145). Иными словами, обе трактовки образов пряжек из Шагарского могильника были помещены в мир дикой природы.

Существует единственная специальная работа, посвященная именно семантике бабинских фигурных пряжек европейской традиции (*Степанов*, 2008) (о работе М.В. Степанова 2016 г. см. ниже). Автор видит в образе, передаваемом изделиями, изображения рогатых змей. Причем, аналогии этому он находит в орнаментальных мотивах трипольской культуры. Данные сходства не имеют никакой структуры, они единичны и умозрительны. М.В. Степанову не удалось показать хоть какие-нибудь вразумительные звенья, связывающие изображения земледельческих культур энеолита с бабинскими пряжками финала

средней бронзы. Не вызывает сомнения, что все бабинские крючково-планочные пряжки передают единый образ. Соответственно, для восприятия изображения они и должны располагаться одинаково. М.В. Степанов помещает их на рисунках так, как удобно его интерпретации, то планкой вверх, то вниз (*Степанов*, 2008, рис. 1, *1, 3–5*, *5, 8*; рис. 6, *6, 8*; рис. 7, *4, 5*)[1].

Пожалуй, лучше всего противоречивость распознавания образа, который передают пряжки, отразилась в работе В.В. Рогудеева. Рассматривая фигурные поясные детали кавказской традиции, более реалистичные изделия (илл. 64, *1, 2*) он трактует как антропо-зооморфные, а стилизованные предметы того же типа (илл. 64, *3*, 66, *3*) уже как зооморфные (*Рогудеев*, 2015, с. 79). Несмотря на то, что статья посвящена семантике пряжек всех типов, никаких доводов в пользу подобных интерпретаций в ней не приведено.

Таким образом, предложенные интерпретации образов, которые передают пряжки кавказской и европейской традиций, делятся на две основные группы. Одни исследователи видят в изделиях только зооморфные черты (*Гершкович*, 1979; 1986; *Вангородская*, 1987; *Ковалева*, 1987; 1989; *Степанов*, 2008; 2016; *Рогудеев*, 2015), другие – зооантропоморфные (*Андреева*, 1986; *Братченко*, 1995; *Василенко*, 1999; *Магомедов*, 1990; 1998; *Кульбака*, *Качур*, 2000; *Отрощенко*, 2001; *Каверзнева*, 2003; *Ильюков*, *Магомедов*, 2010; *Рогудеев*, 2015). Третья точка зрения была кратко изложена одним из авторов на примере пряжек кавказской традиции. Она акцентирует внимание именно на антропоморфности передаваемых образов (*Мимоход*, 2013, с. 112, 116; 2018). Позже такая же интерпретация была предложена и для пряжек европейской традиции (*Мимоход*, 2018а). В результате это стимулировало новый виток дискуссии по поводу семантики фигурных роговых пряжек (*Отрощенко*, 2019), которая будет продолжена на страницах этой книги.

§ 1. Вопросы расположения пряжек для правильного распознавания образа

То, что пряжки обеих традиций имеют облик каких-то фигур, ни у кого особых сомнений не вызывает. Соответственно для установления их первичной семантики необходимо правильно расположить изделие в пространстве так, как фигура воспринимается в реальности. Здесь следует оговориться, что мы имеем дело все-таки с поясными пряжками, а не со скульптурой в чистом виде (ср.: *Гершкович*, 1986, с. 140). Когда пряжки носились на ремне, их реальное расположение хорошо устанавливается. Оно является горизонтальным в соответствии с креплением к концам ремня. Только в работах С.Н. Братченко на иллюстрациях поясные детали обеих традиций даны в горизонтальном положении (*Братченко*, 1985, рис. 123, *11*; 1995, рис. 2, *16, 17*; 2006, рис. 111, *16, 17*)[2]. Во всех остальных публикациях изображения пряжек представлены в вертикальной позиции, и это неспроста. Дело в том, что иногда обоснованно, а иногда и чисто интуитивно, исследователи понимали, что образ лучше опознается именно в вертикальном положении.

[1] В более поздней обширной работе, посвященной раскрытию смысла орнаментов всего бронзового века Восточной Европы (*Степанов*, 2016) семантика бабинских пряжек тоже нашла свое место: это свернувшееся тело змеи, а планка пряжки – «стреловидная голова – череп уплощается и только «парные отростки», обозначающие повернутые назад сочленения челюстей, маркируют принадлежность фигурных пряжек к символике змея с мертвой головой» (*Степанов*, 2016, с. 69–70). Пряжка из могильника Донецк (Текстильщик) обозначает по М.В. Степанову «черепа мертвых змеев» (2016, с. 72). Далее изображение свернувшихся змей автор видит в щитковых псалиях (*Степанов*, 2016, с. 72–73), собственно, как и в более ранней работе (*Степанов*, 2008, с. 51). Таким образом, выводы статьи 2008 г. по отношению к бабинским фигурным пряжкам в основном повторяются и в тексте 2016 г.

[2] В горизонтальной позиции представлена чографская пряжка кавказской традиции (илл. 64, *1*) и в работе А.И. Василенко (1999, табл. I) (илл. 106, *1–3*). Однако, это специальная статья, посвященная исключительно креплению изделия к ремню, и здесь такое расположение на иллюстрации единственно возможное.

М.В. Андреева, вертикально разместив чографскую пряжку (илл. 3, *6, 7*), справедливо отметила, что «предмет был рассчитан на рассматривание его спереди и сбоку» (*Андреева*, 1986, с. 234). Восприятие образа этого изделия в вертикальной позиции, равно как и других пряжек кавказской традиции, было настолько очевидно, что С.Н. Братченко, который всегда в своих работах помещал пряжки в горизонтальном положении, предположил, что чографское изделие могло скреплять ремень именно в вертикальном положении при помощи двух дополнительных параллельных узких ремней (*Братченко*, 1995, с. 14)[3].

Таким образом, мы имеем несколько парадоксальную ситуацию. С одной стороны, на поясе фигурные пряжки носились в горизонтальном положении, в то время как их образ распознается только при вертикальной позиции. Возможно, в этом и нет противоречия. Фигурные пряжки – это редкость. Вряд ли пояса с ними использовались постоянно в повседневной жизни. Скорее всего, они были признаком статуса и элементом ритуальной практики (*Гершкович*, 1986, с. 136; *Андреева*, 1986, с. 234; *Калмыков, Мимоход*, 2005, с. 225; 2013, с. 111; 2018а, с. 254). Мы не знаем, в каких ритуалах, помимо погребального, использовался пояс с пряжкой. Вполне возможно, что в определенных случаях (например, подвешивание на шест или на столб и т. д.) он располагался так, что пряжка полностью раскрывала образ, находясь в вертикальном положении. Впрочем, эти предположения имеют факультативный характер. Очевидно только то, что первичную семантику пряжек можно установить, рассматривая их в вертикальной позиции.

Расположив таким образом изделие, необходимо понять, где у него находится верх и низ. С пряжками кавказской традиции (илл. 122, *I*) особых проблем в этом отношении не возникает. Здесь хорошо опознаются ноги, а в лолинской серии и фаллос (илл. 122, *1–5, 7*), и глаза (илл. 122, *1–3, 5, 7, 8*). В подавляющем большинстве публикаций они расположены правильно с точки зрения распознавания образа, но есть и исключения. Так, в работе В.К. Кульбаки и В. Качура пряжка из комплекса Чограй VIII 34/1 (илл. 122, *2*) дана вверх ногами, а сами ноги интерпретированы как рога (*Кульбака*, *Качур*, 2000, с. 38, рис. 9, *7*)[4]. Вверх кольцом и фаллосом поместил пряжку из Черноярской (илл. 122, *4*) и В.Л. Ростунов (2007, рис. 42, *7*). Так же, планкой вниз, а отверстием для фиксации свободного конца ремня вверх, публиковал Г.Д. Атаев фрагмент поясной детали из пос. Ирганайское I (илл. 122, 6) (*Атаев Г.*, 2018, рис. 1, *38*).

Еще сложнее обстоит дело с пряжками европейской традиции (илл. 125). Здесь нет ни фаллических деталей, ни четко опознающихся ног. В результате в бабинской серии мы имеем больший разнобой в том, как представлены пряжки в публикациях. Часть из них помещена планкой вниз и щитком вверх (*Гершкович*, 1986, рис. 2–5; *Березанская*, 1986, рис. 8, *4*; Список памятников .., 1988, рис. 9, *2*; *Кульбака, Качур*, 2000, рис. 9, *2*; *Литвиненко*, 1996, рис. 1, *9*; 1996а, рис. 1, *3, 4, 6*; *Клименко*,

[3] Впрочем, это предположение не соответствует действительности. Обнаружение ряда кольцевидно-планочных пряжек in situ недвусмысленно указывает на то, что они скрепляли пояс в горизонтальном положении. Пряжки лежали в районе таза перпендикулярно позвоночнику, непосредственно по линии реконструируемого пояса (см. главу 4).

[4] Полагаем, что нет особого смысла комментировать ошибочность такого предположения, тем более что само изделие исследователи рассматривают не как элемент ремня, который принадлежал человеку, а как деталь конской упряжи, что противоречит всей сумме имеющихся на данный момент фактов. Еще один вариант интерпретации пряжки (илл. 122, *2*), когда два дуговидных выступа в нижней части кольца рассматриваются как рога, принадлежит А.Р. Канторовичу. Об этой устной гипотезе было упомянуто в работе А.А. Калмыкова и А.Д. Матюхина. По мнению А.Р. Канторовича, «при размещении пряжки в горизонтальном положении роговидными выступами вперед в ней угадывается изображение лежащего быка» (*Калмыков*, *Матюхин*, 2007, с. 82). Однако при такой гипотезе объясняется значение только этих выступов. Все остальные детали (центральный выступ в нижней части кольца, треугольные выступы и «глаза» на планке) никак в нее не вписываются.

1998, рис. 26, *9*; *Ильюков*, 2016, рис. 1; *Мимоход*, 2018, рис. 7, *6–13*), а часть наоборот (*Латынин*, 1967, рис. 26; *Ковалева, Андросов, Шалобудов, Шахров*, 1987, Рис. 6, *12*; *Полидович*, 1993, рис. 52, *2*; *Цимiданов, Кравченко, Пiдобiд, Полiдович, Спiнов, Усачук*, 2013, рис. 1, *4*; *Мимоход*, 2013, илл. 61, *5–9*; *Ильюков*, 2014, рис. 1, *2*). Такая же ситуация характерна и для работ по памятникам Центральной Европы и Карпато-Дунайского региона. Здесь также пряжки помещаются на рисунки то планкой вверх (*Bóna*, 1975, taf. 127, 3, 7; *Müller-Karpe*, 1974, taf. 520, 9; *Machnik*, 1978, tabl. IV, 11, 12; 1991, fig. 7, 29, 21, 14; *Paulík*, 1980, abb. 87; *Hänsel, Medović*, 1994, abb. 6, 2), то вниз (*Prox*, 1941. Taf. XXXIII, 1, 2; *Hájek*, 1959; *Hänsel*, 1968. Taf. 2, 30, 12, 9, 12, 50, 2; *Machnik*, 1978, tabl. XXIV, 5, XXV, 34; 1991. Fig. 7, 20). Изредка они подаются в горизонтальном положении (*Müller-Karpe*, 1980, taf. 293, F 1-3, 295, F 10, 11; *Hafner*, 1998, abb. 6, 38).

На наш взгляд, ключевым и правильным, с точки зрения передачи образа, в расположении пряжек европейской традиции являются «глаза» – это нефункциональные отверстия или соответствующий узор на щитке (илл. 125, *6, 7, 12, 19, 23*). Получается, что щиток является стилизованной головой и, соответственно, для передачи образа пряжки европейской традиции должны располагаться планкой вниз, а щитком вверх (илл. 125).

Таким образом, уже в этой части главы можно констатировать, что разделение пряжек на европейскую и кавказскую традиции правомерно не только с точки зрения системы крепления ремня, но и с позиции передаваемого образа. При правильном расположении пряжек кавказской традиции планка, за который крепится глухой конец ремня, будет находиться вверху (илл. 122, *I*), а у изделий европейской традиции наоборот – внизу (илл. 125).

§ 2. Семантика пряжек кавказской традиции

Распознавание образов, которые передают фигурные пряжки, лучше начать с изделий кавказской традиции, потому что они имеют ряд хорошо опознаваемых деталей. Сразу следует отметить немаловажную деталь, которая отличает лолинскую серию от гинчинско-присулакской. У всех посткатакомбных изделий есть четко оформленный центральный выступ в нижней части кольца (илл. 122, *1–4*). Расположение его между двумя отростками, которые уверенно можно интерпретировать как ноги на кевюдской и чограйской пряжках (илл. 122, *2, 3*), позволяет рассматривать эту деталь как фаллос. Причем, на изделии из Темрты, где также показаны сильно стилизованные ноги, он имеет характерную фигурную форму (илл. 122, *1*). Эта деталь в семантическом отношении настолько важна, что она сохраняется даже на самой стилизованной пряжке из Черноярской (илл. 122, *4*). Из гинчинско-присулакской серии полностью сохранились два изделия (илл. 122, *5, 7*). Оба они лишены характерной фаллической детали, которая отличает пряжки лолинской культуры.

Хорошо на пряжках кавказской традиции опознаются глаза. Их роль играли либо функциональные отверстия для крепления глухого конца ремня (илл. 122, *1, 5, 7, 8*), либо чисто декоративные округлые углубления, вырезанные на планке (илл. 122, *2, 3*). Итак, на пряжках кавказской традиции в вертикальной позиции показаны ноги, глаза, а, соответственно, и голова, и в лолинской выборке – фаллос. Особый интерес с точки зрения семантики вызывают треугольные (или заоваленные) выступы на планке, направленные вершинами к кольцу. Они присутствуют на всех предметах (илл. 122, *2–7*), кроме пряжек из комплексов Темрта I 2/7 и Гертма III 6/3 (илл. 122, *1, 8*). На примере чограйской пряжки (илл. 122, *2*) на их значение обратила внимание только М.В. Андреева, но она так и не определилась, что это – крылья или руки? (*Андреева*, 1986, с. 233, 234). Исходя из уже опознанных деталей на пряжках кавказской традиции, логично предположить, что это именно руки. Но почему они имеют такую странную треугольную форму, в то вре-

мя как ноги показаны обычными отростками или выступами?

Дело в том, что «крыловидную» форму эти детали имеют благодаря тому, что на пряжках стилизованно изображена поза адорации, т. е. руки согнуты в локтях под острым углом, а кисти находятся в районе груди. Иными словами, треугольные выступы – это сильно согнутые в локтевых суставах руки (илл. 122, *2–7*). Мы легко сможем найти убедительные аналогии подобной «крыловидности» рук в иконографической традиции изображения адорантов Ближнего Востока (илл. 122, *II*) (*Frankfort*, 1935, fig. 63–73, 1936, fig. 30; 1939, pl. 1, 5, 7–12 и др.; *Koşay*, 1951, pl. CXCV; Al-*Gailani*, 1972, pl. XXII–XXIII; *Lloyd*, 1978, fig. 101, 102; *Joukowsky*, 1986, fig. 243a; Gods and Goddesses, 1992, fig. 99–98; *Moorey*, 2003, pl. 7, 10–12; Rice, 2004, fig. 4.5, a; и др.). В качестве серьезного доказательства правильности предложенной интерпретации приведем две каменные фигурки идолов типа Килия (илл. 122, *13, 14*), которые представляют собой изображения адорантов из позднеэнеолитического слоя преисторического Афродизиаза в Анатолии (*Joukowsky*, 1986, fig. 197, 198, 207, 208). Они имеют те же размеры, что и лолинские пряжки, и уверенно интерпретируются специалистами в качестве стилизованных антропоморфных идолов. У анатолийских изделий в верхней части находятся треугольные выступы, аналогичные по форме тем, что присутствуют у пряжек кавказской традиции. Здесь они названы «руками в виде плавника». На одной из энеолитических фигурок руки показаны просто в виде треугольных выступов (илл. 122, *13*) (*Joukowsky*, 1986, fig. 197, 207), как и в наших случаях (илл. 122, *2–7*), а на второй, аналогичной по форме и происходящей из того же слоя, на выступах линией обозначены предплечья, направленные к груди (илл. 122, *14*), что отметила и автор публикации (*Joukowsky*, 1986, fig. 198, 208, p. 206). Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и на фигурке из материалов храма Сина городища Хафаджа в Месопотамии, которая датируется уже второй половиной III тыс. до н. э. Здесь согнутые в локтях руки тоже показаны только линиями (илл. 122, *12*)[5] (*Frankfort*, 1936, fig. 30, 302). Иконография рук на этой статуэтке чрезвычайно близка пряжкам кавказской традиции. Характерный же для лолинской культуры адоративный обряд погребения, впервые как системное явление распространившийся в степи после майкопской культуры, – лишнее подтверждение тому, что в случае с посткатакомбными предкавказскими пряжками мы имеем дело со стилизованными изображениями мужчин-адорантов.

Казалось бы, выбивается из этого ряда пряжка из Темрты (илл. 122, *1*), у которой нет этих характерных треугольных выступов, изображающих согнутые в локтях руки, прижатые к груди. Однако очевидно, что, скорее всего, парные нефункциональные дуговидные прорези в теле пряжки должны быть синонимичны треугольным выступам. Мастер, вырезавший темртинскую пряжку, просто избрал иной прием для того, чтобы показать адоративную позицию фигурки. Парные дуговидные прорези в нижней части планки (илл. 122, *1*) рельефно и более реалистично показывают руки (компакта рога между отверстиями и по бокам от них), согнутые в локтях и скрещенные кистями чуть ниже груди. Традиция оформления согнутых рук при помощи отверстий в теле фигуры также известна на Ближнем Востоке и Балканах с энеолита (илл. 122, *15*) (*Lloyd*, 1978, fig. 45; Gods and Goddesses, 1992, fig. 83, 92; *Kadinlary*, 2006, fig. 21)[6].

Таким образом, роговые пряжки кавказской традиции (илл. 122, *I*) представляют со-

[5] Деталь на голове этой фигурки семантического значения не имеет, т.к. изделие является подвеской, а выступ – петелькой для подвешивания.

[6] У пряжки из комплекса Гертма III 6/3 (илл. 122, *8*) руки в морфологии пряжки вообще не показаны. Здесь мы сталкиваемся с уже упоминавшейся стилизацией. В случае с одной из пряжек с Ирганайского поселения (илл. 66, *6*), которая является недоделанным изделием, можно предположить, что, скорее всего, семантически важные детали, кроме глаз (отверстия для крепления глухого конца пояса) и кольца в начальной стадии изготовления (о его значимости с точки зрения семантики см. ниже), остальные смысловые морфологические элементы так и не были сделаны. По крайней мере, на заготовке достаточно тела компакты для того, чтобы их вырезать.

бой фигурки, имеющие антропоморфный облик, с согнутыми в локтях руками, кисти которых находятся на груди (фигурки-адоранты).

Отдельный интерес вызывает пряжка из комплекса Чограй VIII 34/1 (илл. 123, *1*). Это самое вычурное изделие кавказской традиции. Здесь, кроме глаз, рук[7] и фаллоса, показан, собственно, сам пояс по обеим сторонам кольца, а также дополнительная деталь сверху головы, фактически аналогичная нижерасположенным глазам. М.В. Андреева назвала ее «полукруглыми рогами» (*Андреева*, 1986, с. 234). Именно такая интерпретация этого элемента привела ее к мнению зооантропоморфности пряжки, да и остальных исследователей тоже, которые считали, что в фигурке сочетаются черты человека и животного. При этом по форме, размерам округлых вырезок (собственно глаз) и точечной орнаментации вокруг них «рога» очень близки находящейся ниже голове с глазами. Ключ к пониманию значения этой детали также находится в материалах мелкой пластики Ближнего Востока. В этом регионе с позднего халколита распространяются культы глазастых идолов (eye-idols) (*Mallowan*, 1947, p. 198–200; van Buren, 1950; 1955; *Yaylali*, 2014). В этих статуэтках нет деталей тела (рук, ног и т. д.), но выражены глаза и иногда головные уборы (илл. 123, *2–7*). Много таких статуэток, по размерам вполне сопоставимых с пряжками, происходит из материалов теля Брак периода Урук III–Джемдет-Наср (*Mallowan*, 1947, pl. XXVI, LI; Oates, 2005, p. 15, fig. 10). Известны они и на других памятниках, в частности на Тепе Гавра и позднее – на теле Хазна (*Speiser*, 1935, pl. XLIV, c; Tobler, 1950, pl. XII, b; LXXXVI, a; CLVI, 60, 61; CLVII, 62–67; *Мунчаев, Амиров*, 2016, с. 316, табл. 11, 848). Среди этих статуэток для интерпретации чограйской пряжки интерес представляют алебастровые фигурки теля Брак типа 3 (eye-idols: type 3 – multiple idols) по типологии М. Маллоуэна. Это статуэтки, которые имеют не пару глаз, а две или даже три пары глаз (*Mallowan*, 1947, p. 198). Причем, в ряде случаев они располагаются в вертикальной позиции друг над другом (илл. 123, *7*), как на поясной детали из Чограя (илл. 123, *1*). Интерпретация подобных изделий с двумя парами глаз связана с семейными (муж и жена) или близнечными культами (*Mallowan*, 1947, p. 198; *van Buren*, 1950, p. 141). Известны идолы-адоранты с четырьмя глазами и в более позднее время, в частности, в Месопотамии старовавилонского периода и в материалах теля Умм эль-Марра этого же времени в Западной Сирии (илл. 123, *8–10*)[8] (*Schwartz, Curvers, Dunham, Weber*, 2012, fig. 22). В любом случае, для нас актуально то, что, исходя из ближневосточных соответствий и их интерпретаций, можно констатировать, что бóльшая часть основных деталей пряжки из комплекса Чограй VIII 34/1, равно как и остальных изделий этого типа, являются антропоморфными.

В выборке кольцевидно-планочных изделий необходимо обратить внимание на некоторые факты, которые вносят смысловую градацию внутри серии пряжек кавказской традиции. Речь идет о различиях между лолинскими (илл. 122, *1–4*) и гинчинско-присулакскими (илл. 122, *5–8*) поясными деталями. В морфологическом отношении заметен более вычурный вид изделий лолинской культуры. Они выглядят более объемными по сравнению с северокавказскими изделиями, которые в основном имеют плоскую форму. Л.С. Ильюков и Р.Г. Магомедов называют их «пластинчатыми» (*Ильюков, Магомедов*, 2010, с. 48)[9]. Эффект объемности у лолинских предметов из Чограя и Кевюд достигается за счет их толщины, а у пряжки из Темрты – благодаря довольно изогнутой в сечении формы.

У гинчинских и присулакских пряжек все морфологические декоративные детали, несущие исключительно семантическую нагрузку, являются более стилизованными. У них нет

[7] На примере этой пряжки еще раз обратим внимание, насколько важны треугольные выступы на планке (руки) с точки зрения иконографии образа. Здесь они очень мелкие, но, тем не менее, мастер четко их показывает и отделяет от головы с глазами, тем самым давая понять, что это отдельный смысловой элемент в изделии.

[8] Фото (илл. 123, *8, 9*) сделаны Р.А. Мимоходом в археологическом музее Алларда Пирсона в Амстердаме.

[9] Какие бы морфологические детали не были доделаны на заготовке пряжки из Ирганайского поселения (илл. 66, *6*), все равно, в случае их наличия, поясная деталь осталась бы пластинчатой, как и подавляющее большинство изделий Северо-Восточного Кавказа.

таких выраженных дугообразных выступов (ног), как у лолинских экземпляров из Чограя VIII 34/1 и Кевюд 1 3/5 (илл. 122, *2, 3*). На гинчинских пряжках эти детали едва намечены небольшими округлыми выступами (илл. 122, *5, 7*). Также редуцированными выглядят треугольные выступы (руки) при переходе кольца в планку (илл. 122, *5–7*). На одной присулакской пряжке они отсутствуют вовсе (илл. 122, *8*)[10]. Нет у изделий Северо-Восточного Кавказа и характерных округлых деталей в верхней части, как у кевюдской и чограйской пряжек, а также удлиненных декоративных вырезов на планке, как у экземпляра из Темрты. Все пряжки кавказской традиции орнаментированы с внешней стороны (илл. 66, *4, 12*, 122, *1–3, 6*). Предметы были рассчитаны на восприятие только спереди, что еще раз указывает, что мы имеем дело не со статуарными изделиями в чистом виде.

Особо следует подчеркнуть уже упоминавшееся морфологическое, а, соответственно, и семантическое различие. У всех раннелолинских пряжек имеется выступ в центре нижней части кольца (илл. 122, *1–4*), который следует интерпретировать не иначе, как фаллос. Выше уже отмечалось, что эта деталь является ключевой в распознавании образа, передаваемого этими изделиями, он сохраняется даже на самом стилизованном предмете этой группы (илл. 122, *4*). Из четырех северокавказских пряжек только две сохранили полную форму (илл. 122, *5, 7*), но ни у одной из них нет этой значимой для лолинских изделий детали, хотя стилизованные ноги показаны характерными выступами. Заманчиво было бы предположить, что в таком случае гинчинско-присулакские пряжки передают также антропоморфный образ, т. к. у них присутствует ряд характерных деталей, что и у лолинских, но женский[11].

Интересны в этом отношении антропологические данные погребений, в которых обнаружены пряжки кавказской традиции. Все изделия типа Чограй-Кевюды лолинской культуры (илл. 122, *1–4*), которые изображают мужчин-адорантов, обнаружены исключительно в мужских захоронениях старше 30 лет (Приложение 4.1), где скелеты лежали в позе адорации. Производные от пряжек типа Чограй-Кевюды более поздние модификации без признаков антропоморфизма изделия типа Ипатово-Типки тоже найдены только в погребениях взрослых мужчин (*Калмыков, Мимоход*, 2005, с. 225, рис. 14, *4–5*; *Мимоход*, 2013, с. 111, илл. 60, *5–8*) (Приложение 4.1). Ситуация с фигурными поясными деталями гинчинско-присулакских древностей, которые, возможно, изображали женщин-адорантов, выглядит принципиально иной. О том, кому принадлежала пряжка из п. 1 Ирганайского кургана (илл. 122, *5*), судить сложно в виду склепового характера могилы и ограбления. В комплексе Гертма III 5/1 пряжка (илл. 122, *7*) находилась в захоронении подростка 10–12 лет (илл. 33, *4*), а в Гертме III 6/3 поясная деталь (илл. 122, *8*) сопровождала ре-

[10] Кстати, это лишний раз свидетельствует в пользу того, что эти элементы не несли функциональной нагрузки ни у гинчинских, ни у лолинских пряжек.

[11] В специальной работе, посвященной семантике пряжек, один из авторов пытался подтвердить вывод о том, что кольцевидно-широкопланочные пряжки гинчинской и присулакской культур транслируют именно образ женщины на примере изделия из комплекса Гертма III 5/1 (илл. 122, *7*) (*Мимоход*, 2018а, с. 258, 259). Опираясь на данные публикации, где на обеих сторонах поясной детали был показан резной композиционный орнамент в виде окружностей, направленных в разные стороны углов, элементов циркульного декора, вертикальной волны (*Ильюков, Магомедов*, 2010, рис. 2, *2*), были предложены дополнительные аргументы в пользу предложенной интерпретации. После того, как в 2025 г. с пряжкой удалось провести натурную работу, стало понятно, что орнамент на изделии отсутствует, и за него были приняты следы естественного разрушения поверхности предмета (см. главу 5). В этой связи предложенная ранее система доказательств одного из авторов в отношении гертминской пряжки потеряла свою актуальность, равно как и утверждение Л.С. Ильюкова и Р.Г. Магомедова о том, что так как изделие орнаментировано с обеих сторон, то мы имеем дело с медальоном (*Ильюков, Магомедов*, 2010, с. 51). Аргументация о половой принадлежности образа на основе поясной детали из комплекса Гертма III 5/1 (*Мимоход*, 2018а, с. 258, 259), хотя и была, на наш взгляд, интересной, но носила вспомогательный характер, потому что базовым в размежевании фигурок на мужские и женские было наличие не столько орнаментации, сколько морфологической детали, которую уверенно можно интерпретировать как фаллос.

бенка 4–6 лет (илл. 35, *4*). В мог. Ханлар кольцевидно-узкопланочная пряжка (илл. 56, *3*), утратившая следы антропоморфизма, найдена в женском погребении (*Гуммель*, 1940, с. 70, фиг. 30, *15*). Иными словами, в предкавказской степной лолинской культуре фаллические адоративные фигурки обнаружены исключительно в захоронениях мужчин среднего и преклонного возраста, в то время как на Кавказе они встречаются в детских и женском захоронениях. На наш взгляд, это может свидетельствовать о том, что гинчинско-присулакские пряжки могли изображать женщин, по крайней мере, те, которые сохранили полную форму.

В заключение характеристики образов, которые передают роговые фигурные поясные детали кавказской традиции, остановимся на еще одном структурном элементе. Свободный конец ремня у пряжек этой группы крепился путем захлестывания через кольцо, а в поясных изделиях европейской традиции он пристегивался при помощи крючковидного или запонковидного выступа на щитке. Как это не покажется странным, но данные различия в креплении пояса несут тоже определенную семантическую нагрузку, понять которую можно также обратившись к ближневосточной мелкой пластике. Важным связующим звеном здесь выступает пряжка из комплекса Чограй VIII 34/1. На этом изделии вокруг кольцевого отверстия мастер хорошо показал пояс (илл. 3, *6, 7*, 122, *2*). Его расположение по отношению ко всем остальным антропоморфным элементам фигурки показывает, что при использовании ремень на теле человека находился в районе пояса или пупка, собственно, как он носится и по сей день.

В ближневосточной мифологической традиции, да и не только в ней, образ пупа, как связанный с материнскими и другими разнообразными культами[12], имеет большое значение. Пупок нередко изображался на разного рода скульптурах, в том числе и на предметах мелкой пластики (илл. 123, *8–10*, 124) (*Frankfort*, 1935, fig. 73; *Pendlebury*, 1963, pl. XII, *2*; *Yakar*, 1985, fig. XIII, *34*, XIV, *5, 19*; Gods and Goddesses, 1992, fig. 84, 92, 93). Значение этого элемента было настолько велико, что в некоторых случаях это был единственный элемент, который показывался на теле, которое венчала вполне реалистичная голова (илл. 124, *1, 4*). Нередко пуп представлял собой сквозное отверстие на мелких скульптурах, в том числе и адоративных (илл. 123, *8–10*; 124, *3–5*). Как было показано выше, фактически все антропоморфные элементы поясных деталей кавказской традиции так или иначе связаны с частями человеческого тела и находят структурные соответствия в ближневосточной и восточносредиземноморской пластике. Логично предположить, что при реализации ее стандартов на пряжке именно пуп трансформировался в кольцо, сохранив при этом свое семантическое значение[13]. Структурная аналогия такой трансформации будет показана ниже на примере пряжек европейской традиции.

Таким образом, роговые фигурные пряжки кавказской традиции (илл. 122, *I*) являются антропоморфными. На большинстве из них хорошо опознаются голова, глаза, руки, ноги и пуп. Они передают образ стоящего индивида, руки которого находятся в позе адорации. В среде скотоводческой лолинской культуры пряжки имели ярко выраженную фаллическую символику и, безусловно, передавали мужской образ. В гинчинской и присулакской культурах, у которых хорошо фиксируется земледельческо-скотоводческий уклад с соответствующими культами, вероятно, есть пряжки, изображающие адорантов-женщин, и пока не найдены изделия, которые достоверно можно интерпретировать в качестве мужских фигурок.

[12] Ср., например, расхожее выражение «пуп земли» и его значение в различных космологических системах. А.К. Байбурин писал: «Мифологию пояса во многом определяет его связь с центром тела, с пупом. Пуп и пуповина в народных представлениях являются сосредоточием жизненной силы, запас которой дается человеку при рождении… В некотором смысле пояс – искусственный (культурный) вариант пуповины» (*Байбурин*, 1992, с. 10).

[13] Еще раз стоит обратить внимание на очевидные сходства чограйской пряжки (илл. 123, *1*) с мелкой терракотой старовавилонского периода (илл. 123, *8–10*). У всех изделий показаны ноги, руки в позе адорации, голова с четырьмя глазами и пупок. Только в Месопотамии с ее развитыми земледельческим культами это женские фигурки, а в скотоводческой лолинской культуре – мужская. Правда же, что это несколько напоминает ситуацию с лолинскими и гинчинско-присулакскими пряжками с точки зрения полового диморфизма?

§ 3. Семантика пряжек европейской традиции

Более-менее ясное представление о первичной семантике пряжек европейской традиции можно составить на основе анализа крючковых изделий. Как уже было показано, в правильном расположении пряжек европейской традиции с точки зрения восприятия образа главную роль играют элементы, которые не несут никакой функциональной нагрузки в плане использования и которые можно уверенно интерпретировать как глаза. Вместе с округлым щитком, эта часть фигурки опознается как голова (илл. 125, *6, 7, 12, 19, 23*). Если это так, то пряжки европейской традиции для правильной передачи образа следует располагать щитком вверх, а планкой вниз (илл. 125). У большинства восточноевропейских изделий в такой позиции ниже щитка (головы) имеются подтреугольные выступы (илл. 125, *11–16*, *18, 20–22, 24, 25*), которые, как и похожие выступы на пряжках кавказской традиции, не несут функциональной нагрузки с точки зрения крепления ремня. Такие выступы есть и на изделиях Центральной Европы и Карпато-Дунайского региона (илл. 125, *6, 9*). По аналогии с кавказскими поясными деталями эти выступы на изделиях европейской традиции следует интерпретировать тоже как руки. Однако расположение их на пряжках наших двух групп разное. Если у кавказских изделий они опущены вниз (илл. 122, *2–4, 5, 7*) и трактуются как согнутые в локтях руки, скрещенные на груди (поза адорации), то предметы европейской традиции демонстрируют другую ситуацию. Здесь выступы направлены вверх, и эти детали нельзя рассматривать как адоративную позицию. Их можно интерпретировать как сильно стилизованные поднятые и/или разведенные в стороны руки, так называемая «поза оранта». Она хорошо представлена на мелкой пластике Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья *(илл. 126) (Schmidt E., 1932, b 2506; Frankfort*, 1935, fig. 28; *Bossert*, 1937, add. 83, 86; *Андреев*, 2002, рис. 126; *Potts*, 2004, fig. 5.5; *Prent*, 2005, p. 181–184, tabl. 6; *Kadinlary*, 2006, pic. 29, M 11, M 12, tabl. 1; и др.).

Важной отличительной чертой восточноевропейских крючковых пряжек-фигурок европейской традиции от кавказских и предкавказских кольцевидно-планочных поясных деталей является отсутствие в их морфологии элементов, которые можно интерпретировать как ноги. Впрочем, в серии поясных деталей западного ареала такие случаи известны. На пряжке из Сёрега (илл. 125, *7*) в морфологии руки не показаны. Циркульным орнаментом хорошо обозначена трехчастность стоящей фигурки, соответствующей строению человека: нижняя – это зона ног, средняя – туловища, верхняя – головы. Однако показана только зона ног, но не они сами (илл. 125, *7*). Вероятно, такая же трехчастность присутствует и на другой пряжке из мог. Сёрег (илл. 125, *8*). Здесь хорошо опознается голова (щиток), а планке мастер придал форму «песочных часов», тем самым почеркнув, что она имеет две части, по всей видимости, соответствующие области ног и тела. Очевидное разделение пряжки на три составляющие демонстрирует и изделие из материалов пос. Веселе (илл. 125, *5*). Щиток имеет характерную для пряжек европейской традиции, в особенности для ДДБК, форму, которая является головой фигурки. Она отделена от планки вырезами. На последней ниже щитка вырезаны два выступа друг напротив друга трапециевидной формы, которые следует интерпретировать как руки. Если наши наблюдения верны, то нижнюю часть планки, которая резчиком четко отделена от средней, остается интерпретировать не иначе как место нахождения ног. Во всех охарактеризованных случаях область нижних конечностей только показана (илл. 125, *5, 7, 8*), а вот на одной из пряжек из пос. Барча 1 (илл. 125, *4*) они показаны довольно отчетливо благодаря вырезу по центру основания планки. Впрочем, это единственный известный нам предмет европейской традиции, где такой элемент четко обозначен как парный.

Как уже было отмечено, в большинстве случаев у пряжек рассматриваемой серии

показаны только голова и туловище или его верхняя часть с руками, если они представлены, в позе «оранта» (илл. 125, *6, 7, 11–25*). Именно такая схема и лежит в основе наглядного образа первичной семантики крючково-планочных поясных деталей европейской традиции. В этой связи нельзя не заметить, что структурные аналогии такой иконографии опять же можно найти в статуэтках ближневосточного региона и сопредельных территорий, где основной упор тоже делается на верхнюю часть тела человека (илл. 126, *4–6*). Эта традиция зарождается еще в энеолите. Серия подобных антропоморфных роговых изделий представлена в мелкой пластике Эзеро (*Эзеро*, 1979, обр. 201), а из слоновой кости в культуре Накада в Египте (*Petrie, Quibell*, 1896, pl. XLII, *42, 43*). Причем и на тех, и на других есть внизу отверстия для крепления, а на серии из Эзеро, кроме того, и крючковидные выступы в верхней части изделий, поэтому они, вероятно, могут интерпретироваться как самые ранние антропоморфные пряжки-оранты.

Выше, на примере поясной гарнитуры кавказской традиции, было показано, как анатомическая деталь – пупок – на мелкой пластике Ближнего Востока трансформировалась в кольцо для крепления свободного конца ремня, сохранив свое семантическое значение. Типологически близкая ситуация складывается и для поясных изделий европейской традиции. Расположение крючково- или запонковидного выступа на некоторых изделиях на щитке между глазами (илл. 125, *6–8, 12, 19, 23*) соответствует расположению носа на лице человека. В мелкой ближневосточной и восточносредиземноморской пластике такая деталь как нос была не менее значимой, чем, например, пуп. Начиная с халколита, на Ближнем Востоке появляются антропоморфные фигурки, у которых из всех анатомических деталей показано только тело, голова и нос. Серия таких каменных статуэток типа «Норшунтепе» происходит из слоев 8–6 периода IIIC раннего бронзового века одноименного теля (илл. 127, *1–3*) (*Schmidt K.*, 2002, taf. 75, *1208–1211, 1223–1228*). Известны они и в древностях фазы I в Антиохии, которая в хронологическом отношении непосредственно предшествует Br A1-A2 в Средней Европе и посткатакомбному периоду в восточноевропейской степи-лесостепи (илл. 127, *4*) (*Braidwood R., Braidwood L.*, 1960, fig. 323, 3, p. 420, 520–521). Фигурки с хорошо выделенными носами встречаются и позже, причем, нередко в сочетании с позой «оранта» (илл. 126, 5, 6). Особого внимания заслуживает факт распространения в Восточном Средиземноморье в III тыс. до н. э. мелких мраморных фигурок в виде антропоморфных голов. На них из черт лица показан только нос (илл. 127, 5, 6). По размерам они вполне сопоставимы с пряжками европейской традиции. На фигурке из Агиоса Онуфриоса (о. Крит) ниже головы расположены два отверстия, вероятно, для крепления к чему-то (илл. 127, *7*) (*Karantzali*, 1996, fig. 141, MH 91). Это, без сомнения, антропоморфное изделие по структуре очень напоминает бабинские фигурные пряжки. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что на пряжках европейской традиции такой важный для мелкой пластики Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья элемент, как нос, трансформировался в крючок или запонку для крепления свободного конца ремня. Причем этот уже функциональный элемент поясной детали продолжает сохранять свое семантическое значение в передаваемом антропоморфном образе.

Интересно, что к типологически близкому выводу о значении крючка на планке пришла Е.Д. Каверзнева при анализе образа, который передает пряжка из п. 52 мог. Шагарский (илл. 125, *25*). При неверной, на наш взгляд, трактовке изделия как фигурки хищной птицы, исследовательница считает, что чисто функциональный элемент – крючок, служащий для крепления свободного конца ремня, одновременно нес и семантическую нагрузку, показывая мощный клюв (*Каверзнева*, 2003, с. 145). Это наблюдение справедливо только при условии, что пряжка транслирует все-таки антропоморфный образ, а крючок является его носом. Рассматриваемая шагарская поясная деталь еще интересна тем, что она демонстрирует элемент, который ее выделяет из всей остальной восточноевропейской

крючково-широкопланочной поясной гарнитуры и отсылает к пряжкам карпато-дунайского региона. Речь идет о расположении крючка на щитке. Он отходит от его верхнего края (илл. 125, *1–5, 10, 25)*. На второй шагарской пряжке (илл. 125, *26*) и на всей серии ДДБК (илл. 125, *11–24*) крючки располагались в районе центра щитка. Аналогии расположению выступа на пряжке из п. 52 Шагарского могильника (илл. 125, *25*) представлены в Карпато-Дунайском регионе (илл. 125, *1–5, 10*). По всей видимости, нахождение крепежного элемента для свободного конца ремня на верхнем крае щитка следует признать характерной чертой для части крючково-планочных пряжек западного ареала их распространения.

Характерным признаком крючковых поясных деталей европейской традиции является декоративное оформление верхней части щитка. Впервые на него было обращено внимание при анализе транслируемого образа пряжки из комплекса Донецк (Текстильщик) 4/19 (илл. 128, *1*). У нее верхняя часть щитка в районе глаз оформлена в виде своеобразного «полумесяца» благодаря специальным прорезям. Следует отметить, что специфическая морфологическая деталь венчает щиток пряжки из п. 14 Шагарского могильника (илл. 128, *2*). Именно такой «полумесяц» на изделии из Донецка (Текстильщика) дал основание ряду исследователей рассматривать поясные детали европейской традиции как передающие зооморфные образы. В частности, Я.П. Гершкович предлагал рассматривать эту пряжку как изображение головы быка, в котором «косые прорези по бокам в верхней части могут быть поняты как рога» (*Гершкович*, 1986, с. 136). При такой интерпретации непонятно, почему они опущены вниз, что противоречит хорошо известной иконографии разнообразных букраниев. На самом деле, мастера, вырезавшие пряжки из Донецка (Текстильщика) и Шагарского могильника, вероятно, могли воспользоваться одним из канонов изображения головы антропоморфного персонажа, который хорошо известен на Ближнем Востоке. Он предусматривал показ характерной прически в виде косы, уложенной вокруг головы (*Frankfort*, 1939, p. 51). В результате, при стилизации голова приобретала форму «полумесяца». Это прослеживается как в стилизованной иконографии мелкой пластики данного региона (илл. 128, *12, 13*) (*Koşay*, 1951, pl. CXCV; God and Godness, 1992, fig. 97–99), так и в реалистичной (илл. 128, 14–17) (*Frankfort*, 1935, fig. 76; 1939, pl. 16, 62, 73–76, 79, 82–91; *Moorey*, 2003, pl. 12). Таким же образом следует объяснять и характерную форму щитка на пряжке из Железовце (илл. 128, *5*). В этом отношении очень показателен циркульный орнамент на щитке роговой поясной детали из п. 156 мог. Сёрег (илл. 128, *6*) одноименной культурной группы. Он тоже, но в иной манере, иллюстрирует данную ситуацию. Две нижние окружности следует интерпретировать как глаза. Мастер намеренно поместил их в районе носа-крючка (см. ниже) и отделил их от трех других расположенных в ряд окружностей, которые можно рассматривать именно как изображение прически. Вероятно, об этом же свидетельствует и трехчастное оформление верхней части щитка-головы. Еще в более схематичном, но тоже вполне опознаваемом виде, эта ситуация фиксируется и на окончании планки у пряжки из п. 55 того же могильника (илл. 128, *7*). Скорее всего, в обоих случаях мы имеем дело со стилизованным изображением рельефа косы, уложенной вокруг головы, либо шире – прически (ср. илл. 128, *13*). Получается, что на примере экземпляров из Текстильщика, Шагарского, Железовце, Сёрега даже в очень схематичной передаче образа фигурными пряжками европейской традиции можно также найти соответствующие ключи к его дешифровке.

В свете вышесказанного нельзя не обратить внимание еще на три изделия европейской традиции, у которых можно увидеть фигурное оформление верхней части щитка.

На пряжке из п. 52 мог. Шагарский присутствует элемент, который можно трактовать как прическу или головной убор. Речь идет о детали ромбовидной формы, которая венчает щиток и под которой располагается нос-крючок (илл. 128, *3*). У фактически уже полностью стилизованной узкопланочной пряж-

ки из пос. Балка Хреева III, тем не менее, есть очень редуцированные признаки, отсылающие к антропоморфизму крючково-планочной поясной гарнитуры. Речь идет об оформлении верхнего конца изделия. Здесь мастер сделал круговую нарезку для того, чтобы специально выделить этот участок предмета, а на торце данной части были нанесены два пропила (илл. 67, *1*, 128, *8*). В результате конец изделия приобрел характерную трехчастную волнистость. Как тут еще раз не вспомнить, поясную деталь из мог. Сёрег (илл. 128, *6*), где в стилизованных рамках прическа изображена более реалистично. Очень близкую аналогию оформлению верхнего конца хреевской пряжки (илл. 128, *8*) можно найти на одной из костяных поясных деталей из материалов пос. Барча 1. Это изделие менее стилизовано, чем находка из Балки Хреевой III. Оно относится к выше охарактеризованной группе центрально-европейских и карпато-дунайских предметов, которые имеют трехчастную семантическую структуру строения (илл. 125, *4, 5, 7, 8*). Верхнюю часть изделия из Барчи, над крючком-носом, венчает декоративный и важный в символическом плане элемент (илл. 128, *9*). В морфологическом отношении, да и по размерам, он представляет собой структуру с двумя пропилами по торцу, фактически идентичную той, что можно наблюдать на хреевской пряжке (илл. 128, *8*), и которую можно интерпретировать как прическу, либо головной убор[14].

Таким образом, одним из отличительных признаков крючковых пряжек европейской традиции, помимо прочих, являются «навершия» щитков. Эти детали оформлялись по-разному и имели исключительно семантическую нагрузку. Они присутствуют как на широкопланочных экземплярах (илл. 128, *1–4*), так и на изделиях с узкой планкой (илл. 128, *6–9*). Отталкиваясь от ближневосточной иконографии, их можно интерпретировать в качестве элементов убранства головы антропоморфных персонажей.

В заключении характеристики первичной семантики крючково-планочных пряжек коснемся фрагмента роговой поясной детали из п. 52 Шагарского могильника (илл. 125, *27*). Это довольно необычное изделие, по краям планки которого располагаются две пары выступов трапециевидной формы. Как уже отмечалось, Е.Д. Каверзнева рассматривала транслируемый пряжкой образ в зооморфном ключе и видела в нем плывущего зверя, например, бобра (*Каверзнева*, 2003, с. 145). Мы не будем оспаривать такое толкование, тем более что предмет сохранился фрагментарно, однако позволим себе ремарку. Дело в том, что подобные спаренные выступы есть на пряжках Карпато-Дунайского региона (илл. 125, *1–3*). При этом поясные детали имеют, на наш взгляд, некоторые антропоморфные черты: конечности в позе «оранта», голова с носом-крючком. В то же время настораживает, что на карпато-дунайских изделиях, равно как и на шагарской пряжке, таких пар выступов может быть и два, и три. Что за этим стоит, сказать сложно, и в этой связи нельзя отрицать того, что наряду с антропоморфными в таких образах могут присутствовать и другие черты, в том числе животного мира.

Среди пряжек европейской традиции присутствуют серия кольцевидно-планочных изделий (илл. 72, *47, 48, 52–56*). Вряд ли есть сомнения, что эти предметы тоже передают какие-то образы, но, на сегодняшний день даже приступить к дешифровке их первичной семантики довольно проблематично. Эти пряжки сильно стилизованы, и, если для поясных деталей кавказской традиции, а также крючково-планочных экземпляров мы имеем целый ряд изделий (илл. 122, *1–8*, илл. 125), которые в совокупности формируют комплекс признаков, создающий основу для семантических реконструкций, то в случае с кольцевидно-планочными поясными деталями европейской традиции таких данных мы фактически не имеем. В морфологическом, а,

[14] Скорее всего, глаза на пряжке из пос Барча 1 мастер показал не отверстиями (илл. 125, *6, 12, 23*) или резным декором (илл. 125, *7, 19*), а рельефно. Как глаза на этом изделии можно интерпретировать два мелких треугольных выступа, которые расположены с обеих сторон предмета над носом-крючком и под навершием, которое мы трактуем в качестве прически или головного убора (илл. 128, *9*).

соответственно, и в функциональном плане они создают вполне устойчивые структуры, но в отношении реконструкции каких-либо смыслов в области символических значений таких систем пока не наблюдается. В самом деле, даже если взять однокультурную серию пряжек из компактного региона Кривинского торфяника (илл. 67, *9, 10*, 68, *4–12*, 72, *46–48*, *52–56*), то мы получим целый спектр декоративных и семантически значимых признаков, которые пока не образуют устойчивых сочетаний и сколь-нибудь пригодного поля для реконструкций тех образов, которые они могут транслировать[15].

Впрочем, отдельные замечания факультативного характера в отношении первичной семантики фактически полностью стилизованных пряжек все же сделать можно.

Начнем с предметов кавказской традиции. Как уже отмечалось, пряжки лолинской культуры типа Ипатово-Типки (илл. 64, *5–11*) во многом утратили семантически важные декоративные детали, которые были присущие изделиями типа Чограй Кевюды (илл. 64, *1–4*). Однако они, как и последние, обнаружены исключительно в погребениях мужчин (Приложение 4.1), т. е. по-прежнему передавали мужской образ. По всей видимости, широкая часть планки аккумулировала в себе черты головы и рук, которые в морфологии уже не показаны, но подразумеваются в символе. На трех изделиях верхний конец планки показан так же рельефно в виде волны (илл. 64, *6, 9, 10*), как и у пряжек типа Чограй-Кевюды, т.е. сохраняется элемент, символизирующий рога (см. ниже). Кольцо так же, как и раньше, ассоциировалось с животом/пупком, но ноги и фаллос уже не показаны.

На поясных деталях из Донифарса и Великента (илл. 66, *11, 12*) еще сохраняется нефункциональное расширение на конце планки, которое может означать стилизованную голову. Кольцевидно-узкопланочные поясные детали ВУКГ (илл. 64, *12, 13*) также имеют свою специфику. У них сохраняются выраженные расширения на конце планки (илл. 64, *12, 13*, 93, *I*), которые, на наш взгляд, являются рудиментарным признаком наличия головы.

В кольцевидно узко-планочной серии кавказских культур (илл. 66, *8–10, 13, 14*) это расширение исчезает. Однако в этой группе присутствует пряжка с фигурным оформлением планки (илл. 66, *7*), на которой даже при сильной стилизации опознается голова (верхняя часть планки с отверстием), возможно, руки (два подтреугольных выступа, расположенных на планке ниже) и кольцо с уже установленной первичной семантикой.

Среди пряжек европейской традиции обращает на себя внимание необычная форма планки одного изделия пос. Асовец 7 (илл. 68, *7*). Несложно заметить, что треугольные выступы на ней, опущенные вершинами вниз, находят полные соответствия в поясных деталях лолинской культуры и гинчинско-присулакских древностях (илл. 64, *1–3*, 66, *1, 3, 4*), которые мы интерпретируем как руки в позе адорации. Эту трактовку можно перенести и на пряжку из Асовца 7 (илл. 68, *7*), но со сильно стилизованными вещами всегда сложно. Так, например, Макс. М. Чернявский форму планки называет «рыбкой» (*Чарняўскі*, 2015).

Сохраняет рудиментарные семантические морфологические элементы и еще одно кольцевидно-узкопланочное изделие из материалов комплекса археологических памятников Кривинского торфяника. У пряжки со стоянки Асовец 2 помимо выделенной головки, на планке присутствуют парные симметричные выступы с обеих сторон, расположенные между отверстием для крепления глухого конца ремня и кольцом (илл. 68, *11*). Они находят убедительные типологические соответствия на крючково-планочных пряжках как в Восточной Европе (илл. 75, *1*), так и на более западных территориях (илл. 75, *3–5*). Вероятно, здесь мы имеем дело с изображениями поднятых конечностей антропоморфного или зооантропоморфного персонажа.

[15] Пожалуй, в качестве системного признака в этом отношении можно рассматривать только резной орнамент. Он фактически однотипен для всех известных изделий северобелорусской культуры (илл. 72, 46, 47, 53–55). Однако декор настолько стилизован и не образует даже нерегулярных композиций, что ничего определенного о его значении сказать тоже нельзя.

Некоторые семантические признаки имеют и сильно стилизованные крючково-узкопланочные пряжки европейской традиции. Предметно этот вопрос уже был рассмотрен на примере пряжки из пос. Балка Хреева III (илл. 128, *8*) (см. выше), на верхнем конце которой мастер вырезал значимые символические детали. На большинстве рассматриваемых костяных изделий Кривинского торфяника имеется резной орнамент в виде косых насечек (илл. 67, *9, 10*, 68, *4–11*), но что он передает, сказать трудно. Орнамент однообразен и фактически не структурируется. Исключение здесь может составлять только одна из крючковых пряжек пос. Асовец 2 (илл. 67, *10*). Внешняя сторона ее планки украшена резным декором, который имеет читаемую трехчастную структуру. Три четверти изделия покрыты параллельными косыми насечками, а в месте расположения крючка планка украшена сетчатым орнаментом (илл. 67, *10*). По всей видимости, именно таким узором мастер показал голову с крючком-носом и, соответственно, место расположения щитка, который на узкопланочной серии в силу особенностей морфологии попросту отсутствует, зато хорошо представлен в крючково-широкопланочной группе пряжек. У этого изделия стоит обратить внимание и на еще одну показательную деталь. Речь идет о том, что выше сетчатого участка орнаментации выделяется небольшой участок на конце пряжки, который лишен орнамента (илл. 67, *10*). Он венчает весь предмет. На наш взгляд, этот участок представляет собой структурный и семантически важный элемент декора. Его можно сопоставить с морфологически выраженными «навершиями», которые присутствуют на целом ряде других крючковых пряжек (илл. 128, *1–3, 5–8*) и которые являются характерной приметой поясной гарнитуры европейской традиции.

В этой связи нельзя не обратить внимание на еще одну стилизованную крючково-узкопланочную пряжку из п. 46 мог. Шагарский (илл. 67, *6*, 128, *11*). «Навершие» у нее выражено морфологически. Крюк-нос находится в верхней трети изделия, но ниже конца планки. Этим данная поясная деталь отличается от однотипных пряжек Шагарского поселения и Асовца 2 (илл. 67, *7–10*, 128, *10*), у которых планка плавно переходит в фиксатор для крепления свободного конца ремня. Мало того, как показали трасологические исследования, у шагарской поясной детали из поселенческого слоя мастер участок тела кости выше крючка сначала подрезал, а потом сломал как ненужный (илл. 67, *7, 8*) (см. главу 5). Резчик, который делал пряжку из п. 46 Шагарского могильника, наоборот, этот участок оставил и тщательно обработал, придав ему аккуратную коническую форму (67, *6*, 128, *11*), т.е. оформил семантически значимый элемент – «навершие», которое не имело никакого функционального назначения. В этом нетрудно убедиться, если, например, сравнить шагарскую пряжку (128, *11*) с поясной деталью той же группы из пос. Балка Хреева III (илл. 128, *8*), у которой «навершие» не просто выделено морфологически, но и подчеркнуто резным орнаментом, о чем говорилось выше. Еще больше в этом отношении проясняет ситуацию и изделие из Ярославице (илл. 128, *4*), которое стилизовано в меньшей степени, потому что на планке еще показаны характерные выступы, которые символизируют поднятые руки в позе «оранта». У этой поясной детали крючок-нос тоже находится заметно ниже окончания узкого щитка, а, соответственно, и здесь мы имеем дело с оформлением «навершия».

Выше было предложено рассматривать детали, венчающие щитки и планки у крючковых пряжек европейской традиции (илл. 128, *1–4, 6–11*) в русле интерпретационных моделей «причесок/головных уборов». Не исключаем, что могут быть и иные варианты толкования, но для нас важно, что, во-первых, этот структурный элемент выделен мастерами сознательно, а, во-вторых, он всегда расположен над головой и носом-крючком транслируемого образа.

Таким образом, даже на сильно стилизованных пряжках, которые утратили бóльшую часть структурных элементов транслируемого образа, в ряде случаев можно найти отдельные рудиментарные признаки, отсылающие к первоначальному прототипу.

Подведем некоторые итоги. Роговые фигурные пряжки кавказской традиции (илл.

122, *I*) являются, главным образом, антропоморфными. На большинстве из них хорошо опознаются голова, глаза, руки, ноги и пуп. Они передают образ стоящего индивида, руки которого находятся в позе адорации. В среде скотоводческой лолинской культуры пряжки имели ярко выраженную фаллическую символику и, безусловно, передавали мужской образ. В гинчинской и присулакской культурах, у которых хорошо фиксируется земледельческо-скотоводческий уклад с соответствующими культами, вероятно, есть пряжки, изображающие адорантов-женщин, и пока не найдены изделия, которые достоверно можно интерпретировать в качестве мужских фигурок. Установление семантики крючково-планочных пряжек европейской традиции (илл. 125) показывает, что и они также передают антропоморфные образы, структурные соответствия которым также обнаруживаются в мелкой пластике Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья. Только в отличие от кавказских изделий, которые передают образ «адорантов», европейские пряжки показывают людей, стоящих в позе «оранта», т. е. с поднятыми руками. У пряжек обеих традиций мы наблюдаем очень близкую систему трансформации семантически важных антропоморфных деталей в функциональные элементы крепления свободного конца ремня. У пряжек кавказской традиции пуп трансформировался в кольцо, а у европейских изделий нос – в крючок.

Дискуссия вокруг семантики фигурных пряжек кавказской и европейской традиций, конечно, не закончена. Относительно недавно была опубликована статья В.В. Отрощенко, посвященная этой теме (*Отрощенко*, 2019). В.В. Отрощенко не соглашается с рядом выводов одного из авторов (*Мимоход*, 2018а), настаивая на антропозооморфности образов, передаваемых лолинскими пряжками, и приглашает к продолжению дискуссии. Однако поле для нее оказывается сильно ограниченным по ряду причин. В.В. Отрощенко рассматривает семантику лолинских пряжек в отрыве от гинчинско-присулакских (они не упомянуты вовсе), а ведь это одна традиция (кавказская), и аргументация строилась на анализе всей совокупности ее изделий, потому что заключения по одной серии подтверждались выводами по другой. На наш взгляд, вся поясная гарнитура кавказской традиции с помощью разных приемов передает все-таки один образ – стоящую фигурку с чертами антропоморфизма и рукам в позе адорации. Это логично, т. к. пряжки узко датируются и находятся в родственной культурной среде. У В.В. Отрощенко в верхней части чографской пряжки (илл. 122, *2*) находятся рога, ниже «нагрудная маска с сосками», которая поддерживается руками. Иными словами, поза адорации вроде бы и признается, но она оказывается не столько ритуальной, сколько функциональной. У кевюдского экземпляра (илл. 122, *3*) рога уже оказываются на «нагрудной маске» или немного выше, которые, по мнению В.В. Отрощенко, показаны пуансоном. Причем, никак не комментируется, что означает точно такой же орнамент на чографском изделии. Но самая интересная трансформация происходит с пряжкой из Темрты (илл. 122, *1*). Верхняя ее часть – это рога барана с глазами, дальше она превращается в мировое древо, которое оканчивается фаллосом. В результате исследователем из трех выразительных пряжек глаза были признаны только для одной. Причем, по трактовке В.В. Отрощенко, если темртинская пряжка антропозооморфная то, что, собственно, у нее остается антропоморфного? Фаллос? Вряд ли этот элемент может считаться исключительно антропоморфным признаком, а о ногах, которые есть на пряжке из Темрты, исследователь не пишет.

Интересная статья В.В. Отрощенко натолкнула нас на одну примечательную особенность, на которую один из авторов раньше не обращал внимания (*Мимоход*, 2018а). Оказывается, есть еще одна деталь, кроме фаллоса, которая структурно отличает лолинскую серию от гинчинско-присулакской. Речь идет об оформлении верха головы. В лолинской серии она показана в виде волны с падением посередине (илл. 122, *1–3*). Этого элемента нет на гинчинско-присулакских изделиях (илл. 122, *5–7*). Данная деталь оказывается столь же важна для образа, как и фал-

лос, потому что она показана даже на самой стилизованной лолинской пряжке из Черноярской (илл. 122, *4*). И вот в этом пункте мы должны согласиться с оппонентом. Вероятно, действительно таким образом на голове показаны стилизованные рога барана, а образ, который транслируют пряжки лолинской культуры оказывается антропозооморфным. В этой связи актуализируется еще один важный момент. Выше уже были приведены доводы в пользу того, что гинчинско-присулакские поясные детали передают не мужской образ, как лолинские, а, возможно, женский. Тот факт, что у кавказских пряжек отсутствует оформление верхней части головы в виде рогов барана (илл. 122, *5–7*) хорошо ложится в систему этой аргументации.

Таким образом, лолинские пряжки действительно являются антропозооморфными. Они передают мужскую стоящую фигуру, у которой руки находятся в позе адорации, а верхняя часть головы оформлена в виде стилизованных рогов. Гинчинско-присулакские изделия являются все-таки антропоморфными. По крайней мере, ни одной зооморфной черты у них не опознается.

Еще раз обратим внимание, что у нас и В.В. Отрощенко разные критерии идентификации рогов. Исследователь считает, что на кевюдской пряжке (илл. 122, *3*) рога показаны точечным орнаментом (*Отрощенко*, 2019, с. 10). На самом деле, так украшены все три лолинские пряжки, которые имеют декор (илл. 122, *1–3*), и серьезной семантической нагрузки этот орнамент не имеет. Он, кстати, присутствует на пряжке типа Ипатово-Типки из Донифарса (илл. 66, *12*), которая уже не имеет никаких реалистических деталей, присущих изделиям типа Чограй-Кевюды. Здесь им орнаментировано кольцо, т. е. та часть, где рога располагаться не могут, а на темртинском экземпляре он покрывает 2/3 поверхности (илл. 122, *1*). Иными словами, рога на лолинских пряжках показаны не орнаментом, а морфологической деталью в виде волны с падением посередине, которой оформлена верхняя часть планки. Возвращаясь к чограйской пряжке (илл. 123, *1*), еще раз обратим внимание, что в нашей трактовке образ имеет две головы и четыре глаза, что хорошо подтверждается ближневосточной мелкой пластикой (илл. 123, *7–10*), а также четверо рогов. Наша «волна» (полукружья) есть как над нижними глазами, так и над верхними (илл. 123, *1*). В интерпретации В.В. Отрощенко у чограйской пряжки, равно как и у кевюдской, голов нет вообще, но при этом есть рога, что выглядит довольно странным. «Обезглавливает» исследователь и пряжки европейской традиции.

В заключение обсуждения сюжета о семантике пряжек следует пояснить, почему мы указали на то, что поле для дискуссии с В.В. Отрощенко по этому вопросу сильно ограничено. Наши работы написаны по разным принципам. В статье одного из авторов (*Мимоход*, 2018а) и в данной монографии интерпретации деталей образов, транслируемые пряжками, сопровождаются подробным иллюстративным рядом, который свидетельствует о наличии в хронологически близких иконографиях аналогий структурных соответствий тем элементам и их сочетаниям, которые мы можем наблюдать на пряжках. Читатель вправе судить, насколько эти аналогии приведены корректно. В.В. Отрощенко оперирует только текстовыми аналогиями, причем, из эпох, отстоящих от хронологии нашей дискуссии на тысячелетия[16]. Например, когда исследователь пишет о «нагрудной маске с сосками» (*Отрощенко*, 2019, с. 10), хотелось бы увидеть какие-нибудь иллюстрации, подтверждающие их наличие и желательно близкие по хронологии. В другом месте в подтверждении безголовости пряжек европейской и кавказской традиций ученый пишет, что «что у селькупов на шаманский ритуальный плащ цеплялись особенные подвески: антропоморфные изображения «выродков» – безголовых, безруких духов «войско шамана»» (*Отрощенко*, 2019, с. 13). Даже оставляя за скобками то, что это этнографические данные, которые очень сложно экстраполировать на данные археологические, стоило бы поместить эти изображения в статью, для того чтобы было понятно, о чем речь и на-

[16] В статье приведена только одна сопоставительная иллюстрация идола из Галичского клада, которая, на наш взгляд, к обсуждаемой проблеме имеет весьма отдаленное отношение.

сколько корректна подобная аналогия. Однако, следует признать, что статья В.В. Отрощенко привела к определенной трансформации наших трактовок по поводу семантики лолинских пряжек, а соответственно дискуссию без преувеличения можно назвать плодотворной.

Мы неслучайно закончили параграф на полемической волне по конкретному сюжету, казалось бы, нарушая логику изложения. Этим хотелось еще раз показать, насколько сложную тему мы выбрали для рассмотрения и с какими разными подходами можно ее обсуждать. Впрочем, движение вперед, на наш взгляд, несомненно. Общих точек в трактовке образов, которые передает рассматриваемая поясная гарнитура становится больше, появляются новые векторы поиска интерпретаций, а некоторые высказанные ранее положения сохраняют свою актуальность только как факты историографии.

§ 4. Происхождение

Распознать образы, передаваемые пряжками кавказской и европейской традиций, удается, прежде всего, при сравнении их с ближневосточной и восточносредиземноморской мелкой пластикой. Здесь представлены структурные иконографические аналогии, которые позволяют идентифицировать все антропоморфные детали на наших поясных изделиях. Интерпретация этих изделий как стоящих антропоморфных фигурок в позе «адорация» или «оранта», позволяют непротиворечиво свести все детали морфологии к конкретной иконографии.

Появление в Европе и на Кавказе фигурных пряжек, скорее всего, отражает влияние цивилизационных центров этих территорий на первобытную периферию. Распространение фигурных поясных деталей в восточноевропейской степи и на Кавказе в конце III тыс. до н. э. совпадает с резкой аридизацией климата, которая привела к масштабным миграциям в Европе, кавказском регионе и на Ближнем Востоке. Как следствие, ближневосточная иконография, естественно в модифицированном и стилизованном виде, нашла отражение в морфологии и орнаментации пряжек кавказской и европейской традиций.

Для подтверждения этой гипотезы рассмотрим несколько сюжетов, которые показывают, что определенные импульсы с Ближнего Востока в Европу и на Кавказ в конце III тыс. до н. э. прослеживаются не только по фигурным пряжкам, но по ряду других артефактов.

О связи орудийно-оружейного металлокомплекса культур Европы и Кавказа с Ближним Востоком хорошо известно (*Черных*, 1978, с. 61, 67, 69; *Авилова, Черных*, 1989, с. 76; *Черных, Авилова, Орловская, Кузьминых*, 2002, с. 5–14; и др.). Прослеживается она и по данным керамических комплексов (*Machnik*, 1973, p. 163, 164).

Очень показательна в этом отношении ситуация с синхронным возникновением в Европе и на Кавказе индустрии «вербового листа». В первом регионе она распространяется в период Bz A1–A2 (илл. 129, *7*) (*Zaharia*, 1959, abb. 3, *1*; *Točik*, 1963, obr. 242, *4, 5*, 243, 261, *1–3, 4–6*; *Vladár*, 1973, tab. I, *23–25*, II, *9, 12, 23, 26*, V, *27*, VIII, *11, 13*, XIII, *23, 24, 26–28* и др.; *Müller-Karpe*, 1974, taf. 522, *21–29*, 523, *35–37, 43–45*; *Kadrow*, 1998, abb. 6; 2000. S. 142; *Братченко*, 2001, с. 47; и др.), во втором – на позднем этапе среднего бронзового века (илл. 129, 9) (*Гаджиев*, 1969, рис. 22, *5*; *Гаджиев, Магомедов,* 1985, с. 89, рис. 4, *51–64*; *Магомедов*, 1998, с. 119). Возникает эта техника в Месопотамии (XXVI–XXV вв. до н. э.), откуда она передается на указанные территории (*Kadrow*, 2000, s. 142). Самые ранние бронзовые украшения с вербоволистной расковкой обнаружены в царских гробницах Ура (илл. 129, *8*) (*Woolley*, 1934, pl. 146, *b*, 219, *7*).

Такая же ситуация характерна и для каменных брусков, которые одновременно распространяются в европейских культурах Bz A1–A2 (илл. 129, *1*) (*Sangmeister*, 1964, abb. 8,

F, G; *Köster*, 1966, taf. 11, *2, 3*, *12*, 18, *3*, 20, *13*, 27, *12*; *Bill*, 1973, taf. 1, *6*, 17, *6*, 18, *2*; *Ondrãček, Šebela*, 1985, tab. 18, *9*, 20, *18*, 26, *16*, 28, *17*; *Case*, 2004, fig. 69, *5, 10, 17*; и др.) и культурах средней бронзы Кавказа (илл. 129, *3*) (*Багаев*, 1986, рис. 3, *21*; *Николаева*, 2011, рис. 70; *Makharadze, Murvanidze*, 2014, tabl. XII, 16; *Makharadze*, 2016, fig. 66, tabl. XV, *6*). Эти изделия, выступающие в качестве атрибутов мужских захоронений, являются защитными накладками на запястья лучников. Такие предметы известны и на Ближнем Востоке. В частности, они есть в Трое II, в некрополе Мегиддо, Иерихоне (илл. 129, *2*) (*Schliemann*, 1881, nr. 102; *Guy*, 1938, pl. 123, *5*; *Kenyon, Holland*, 1983, fig. 368, *7, 8*). В ряде случаев они датируются раньше, чем европейские и кавказские экземпляры.

В указанные периоды в балкано-дунайском регионе и на Кавказе распространяются металлические подвески с переложной петлей (илл. 129, *10, 12*) (*Zaharia*, 1959, abb. 1, *6*, 4, *6*, 6, *4, 4a, 9*, 13, *3*; *Марковин*, 1963, с. 63, рис. 9, *4*; 1970, с. 91, рис. 1, *11*; *Mozsolics*, 1973, taf. 4, *1, 2*, 90, *1, 2*; *Жоржикашвили, Гогадзе*, 1974, с. 84, табл. 74, *631*; *Petrescu-Dîmboviţa*, 1977, pl. 9, *8–10, 11, 13, 14*, 74, *14*; *Gogâltan*, 1999, fig. 40, *11–17*; *Kushnareva*, 1997, fig. 54, *11*, 67, *4*; *Кореневский, Мимоход*, 2011, рис. 8, *3*; и др.). Прототипы этих изделий мы также находим на Ближнем Востоке, в частности, в царских гробницах Ура (илл. 129, *11*) (*Woolley*, 1934, pl. 146, *b*, 219, *7*).

Особенно показательна в этом ракурсе еще одна категория инвентаря – фаянсовые бусы с выступами. В рассматриваемые периоды такие украшения тоже синхронно распространяются в Европе, на Кавказе и Предкавказье. Однако, типологически это разные изделия. В Центральной, Западной и Южной Европе широко используются бусы, которые называют как «имеющие форму звезды»: «перле од фајанса звездастог облика» в сербском, «star-shaped fayence» или «star-like», «stellate» в английском языках (илл. 129, *4*) (*Bóna*, 1965, p. 33; *Piggot*, 1966, p. 120; *Girić*, 1971, p. 84; *Harding*, 1971, p. 190, fig. 1; *Гарашанин*, 1973, с. 244). На Кавказе и в Предкавказье на позднем этапе средней бронзы распространяются бородавчатые и рожковые бусы (илл. 129, *6*) (*Мимоход*, 2012а, рис. 2; 2013, илл. 79, *I, 8–56*). И тот, и другой тип бисера представлен в памятниках Ближнего Востока (илл. 129, *5*). В частности, аналогии бородавчатым кавказским бусам имеются в материалах Шах-Тепе в Иране (*Arne*, 1945, p. 288, pl. LXXVI, *601, 603–605*), а бусы в форме звезды найдены в захоронениях на Аладжахююке в Малой Азии (*Koşay*, 1951, pl. CXXXIV, CLXVII, CC, CCVI). Датируются эти комплексы временем, синхронным позднекатакомбному и посткатакомбному этапам Восточной Европы, а, соответственно и периодам Bz A1–A2 по среднеевропейской хронологии.

О генетической связи фаянсового бисера в Европе и на Кавказе с ближневосточным регионом исследователи писали неоднократно, вплоть до прямого импорта бус из Восточного Средиземноморья и Месопотамии (*Столярова*, 2000; 2002; 2003; *Stolyarova*, 2000; *Островерхов*, 2003, с. 405; *Šmíd*, 2006, s. 16; *Gregerová, Hložek, Sulovský*, 2006; *Schuhmacher*, 2011, p. 423). Однако бóльшая часть специалистов считает, что фаянсы производились на месте. Такой вывод делается как на основе типологии и количественных характеристик (*Newton, Renfrew*, 1970, p. 203; *Harding*, 1971, p. 188–193; 1984, p. 103–104; 1990, p. 143–145; *Vladár*, 1973. S. 206; *Махно, Братченко*, 1977, с. 58; *Орфинская, Шишлина, Голиков*, 2003, с. 267; *Литвиненко*, 2005, с. 76; *Bátora*, 2006, s. 171, 201–203; *Мимоход*, 2012а, с. 141, 142; 2013, с. 203, 204; 2014, с. 28, 29), так и по данным химического анализа (*Newton, Renfrew*, 1970, p. 200–202; *Briard*, 1979, p. 97; *Henderson*, 1988, p. 438–440; *Williams Wilkinsonns, Magee*, 1994, p. 57; *Shortland, Shishlina, Egorkov*, 2007, p. 281–282; *Зудина, Судариков*, 2007, с. 65; *Staššíková-Štukovská, Hložek,* 2009; *Шишлина, Егорьков, Шортланд,* 2010, с. 650). Однако идеи ряда форм и самого производства были, несомненно, заимствованы с Ближнего Востока. Так получается и с пряжками. Заимствуется не сама мелкая антропоморфная пластика в позах «оранта» или «адорация», а их идеи, которые реализуются на поясных деталях.

Ситуация с распространением разнотипного фаянсового бисера в Европе и на Кавказе типологически напоминает картину использования фигурных пряжек кавказской и европейской традиций (илл. 130). Бусы с выступами из ближневосточного очага распространились в Европу и на Кавказ. В первом регионе была воспринята мода на звездоподобные бусы, во втором – на бородавчатые. Так же и мелкая антропоморфная пластика в позе «адорация» и «оранта» существовала на Ближнем Востоке, но в пряжках европейской традиции была реализована идея персонажа с поднятыми вверх и разведенным руками, а в изделиях кавказской традиции – с согнутыми в локтях руками, скрещенными на груди. Следует обратить внимание, что фигурки в позе «оранта» были больше популярны в Анатолии и Восточном Средиземноморье, а в позиции «адорации» в Месопотамии. Несложно заметить, что первый регион располагается ближе к Европе, второй – к Кавказу. Видимо, импульсы именно с этих территорий привели к реализации разных образов в пряжках кавказской и европейской традиций.

Наконец, о самих пряжках. Узкопланочные кольцевидные пряжки присутствуют в культурах позднего энеолита – раннего бронзового века в Средней и Западной Европе (илл. 129, *13*) (*Grimes*, 1960, p.162, fig. 67; *Clarke*, 1970, p. 297, 299; *Müller-Karpe*, 1974, taf. 636, *F2, L9*, 514, *M5*, 515, *J3*, 519, *A10, F11, I3*; *Puttkammer*, 1994, taf. 5, *12*; *Hecker*, 1995; *Fischer*, 1995; *Schmid*, 1995; *Wiechmann*, 1995; *Case*, 2001, fig. 4, *19*; *Šebela, Škrdla*, 2003, abb. 4, *3, 6*; *Zimmerman*, 2007, abb. 59, *1*; *Großmann*, 2016, abb. 8.34) и в комплексах рубежа средней–поздней бронзы Кавказа (илл. 129, *15*). В ближневосточном регионе такое изделие из диорита известно, например, в Трое II (илл. 129, *14*) (*Schliemann*, 1881, nr. 557), а прототипы подобных пряжек-подвесок можно найти еще в неолитических материалах Чатал-Хююка (*Mellaart*, 1961, p. 91). Крючково-планочные поясные детали (belt-hooks), известные по европейским материалам (илл. 129, *16*) также появляются в неолитических памятниках Анатолии (*Mellaart*, 1961, p. 115, *a, e*) и также в Трое II известны керамические крючково-планочные пряжки (илл. 129, *17*) (*Schliemann*, 1881, nr. 342, 343). Если кольцевидно-планочные поясные детали с Ближнего Востока распространились в Европу и на Кавказ, то ситуация с крючково-планочной поясной гарнитурой несколько иная. Появившись в исходном регионе, она стала эксплуатироваться в Западной, Центральной и Южной Европе, откуда пришла на восточноевропейские территории. Однако на Кавказ и Предкавказье она по каким-то причинам не распространилась. Здесь полностью господствовала кольцевидно-планочная поясная гарнитура. Некой квинтэссенцией ближневосточных истоков пряжек кавказской и европейской традиций выступает Троя, из материалов которой происходят как кольцевидно-планочные, так и крючково-планочные пряжки (илл. 129, *14, 17*).

Таким образом, распространение фигурных пряжек в Европе и на Кавказе было всего лишь одним из проявлений комплекса новаций, связанного с ближневосточным регионом. При этом сама идея пряжек обеих традиций была выработана там, а в Европе и на Кавказе на морфологию поясных деталей наложились элементы ближневосточной мелкой пластики.

Если в общих чертах представить происхождение и распространение крючково-планочной и кольцевидно-планочной поясной гарнитуры, то схема будет выглядеть так (илл. 130). Впервые обе группы пряжек появляются на Ближнем Востоке, в частности, в Анатолии еще в неолите и продолжают бытовать до раннего бронзового века по местной периодизации. Затем в позднем энеолите и в эпоху ранней бронзы по европейской периодизации поясные детали обеих групп распространяются в Западной, Центральной и Южной Европе. Рубежным для нового витка экспансии пряжечной традиции стал знаковый период в истории бронзового века в западной части Старого Света – 2200 CalBC. Как уже не раз отмечалось, это время резкой аридизации (4.2 ka BP climatic event), которая привела к масштабным миграциям. В этот период (фаза ПКБ I по вос-

точноевропейской периодизации) крючково-планочные пряжки вместе с мигрантами из Центральной Европы и Карпато-Дунайского региона попадают на восточноевропейские территории. Поясные детали соответствующего типа известны в материалах ДДБК, шагарской, северобелорусской и каменско-ливенцовской культур. Отдельно следует отметить, что вместе с носителями культуры колоколовидных кубков, для которой характерна кольцевидно-узкопланочная поясная гарнитура, соответствующая пряжка оказалась в материалах СВАК.

В этот же период (2200 CalBC) кольцевидно-планочные пряжки, которые с территории Ближнего Востока распространились на Кавказ, вместе с выходцами с территории Северо-Восточного Кавказа попадают в Предкавказье и эксплуатируются носителями лолинской культуры. Часть предкавказского населения, не вписавшаяся в лолинский культурогенез, вынуждена была уйти на север, в пустующие степи Волго-Уралья, где сформировалась ВУКГ. Именно таков механизм появления кольцевидно-узкопланочной пряжки в волго-уральских степях. Отдельные предкавказские коллективы проникали и на Нижний Дон. Этим объясняется и находка кольцевидно-узкопланочной поясной детали в руинах Ливенцовской крепости (фаза ПКБ II).

Носители волго-уральской культурной традиции и поздней лолинской культуры принимали участие в культурогенезе колесничных культур, в частности, покровской. Вероятно, именно этим обусловлено распространение в последней кольцевидных пряжек с редуцированной планкой, которые были производными от более ранних кольцевидно-планочных пряжек лолинской культуры и ВУКГ, а, возможно, и СВАК, чье участие в сложении колесничных древностей ни у кого не вызывает сомнений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ комплексов с роговыми и костяными планочными пряжками финала средней бронзы в Восточной Европе и на Кавказе привел к достижению следующих результатов.

1. Была сформирована источниковая база. Все комплексы катрографированы, подробно охарактеризованы и визуализированы. Установлено, что планочную поясную гарнитуру эксплуатировали носители одиннадцати культурных образований: ДДБК, лолинской, ВУКГ, присулакской, гинчинской, великентской, протокобанской, каменско-ливенцовской, шагарской, средневолжской абашевской и северобелорусской культур.

2. В результате проделанной работы удалось разработать типологию этих изделий. В группе кольцевидно-планочных пряжек было выделено четыре типа, а в группе крючково-планочных – два. Очевидно, что первая группа более вариабельна, чем вторая. Это объясняется тем, что кольцевидно-планочные поясные детали прошли более длительный путь развития по сравнению с крючково-планочными изделиями. В основу разделения нашей серии изделий на две группы легли принципы крепления, в первую очередь, свободного конца ремня, во вторую, глухого конца пояса. В группе кольцевидно-планочных пряжек свободный конец ремня захлестывался за кольцо, а в группе крючково-планочных при помощи прорезанных в поясе отверстий крепился за крючок. Кроме того, в последней серии у крючково-широкопланочных изделий ДДБК и шагарской культуры была своеобразная система крепления глухого конца ремня. В основании планки был вырезан паз, через который проходили сквозные отверстия. Конец пояса вставлялся в паз и намертво прошивался через отверстия. У остальных пряжек глухой конец ремня крепился посредством одного или двух отверстий в верхней части планки, которые находились либо в одной плоскости с кольцом, либо в перпендикулярных.

3. Планочные роговые и костяные пряжки являются яркими маркерами культурно-генетических процессов, которые охватили Восточную Европу и Кавказ в конце III тыс. до н. э. Резкая аридизация климата, датирующаяся 2200 CalBC/4.2 kaBP (фаза ПКБ I), стимулировала мощные миграционные процессы. Миграция из Центральной Европы и Карпато-Дунайского региона привела к сложению культурного круга Бабино, а перемещение скотоводов с территории Северо-Восточного Кавказа стимулировало сложение культурного круга Лола. Немаловажное место среди системы доказательств этих масштабных передвижений населения из разных регионов в Восточную Европу занимают крючковые и кольцевые планочные пряжки. В соответствии с миграционными импульсами в рассматриваемой серии можно выделить поясную гарнитуру кавказской традиции, которую составляют кольцевидно-планочные изделия. Она распространилась в лолинской культуре, а затем в ВУКГ в результате перемещения скотоводов Северо-Восточного Кавказа в степную зону. Крючково-планочные пряжки представляют собой поясные детали европейской традиции. Именно такие изделия были распространены в культурах Центральной Европы и Карпато-Дунайского региона, носители которых в результате миграции привнесли этот тип в восточноевропейские культуры. К пряжкам европейской традиции следует отнести и небольшую серию кольцевидно узко-планочных поясных деталей, известную по материалам культур зоны широколиственных лесов Восточной Европы (СВАК, шагарская, северобелорусская). Следует отметить, что в случаях как с пряжками кав-

казской традиции, так и европейской, речь не идет о полных аналогиях. В местной среде поясная гарнитура подверглась определенным трансформациям, но, тем не менее, все основные структурные и типообразующие признаки у восточноевропейских поясных деталей полностью соответствуют прототипам из исходных ареалов.

4. Планочные пряжки в Восточной Европе и на Кавказе являются четкими хронологическими индикаторами. Восточноевропейская периодизация финала средней – начала поздней бронзы насчитывает три фазы: ранняя фаза ПКБ I, развитая фаза ПКБ II, поздняя фаза ПКБ III. Финалу СБВ соответствуют фазы ПКБ I и II – 2200–2000 CalBC, к началу ПБВ относится фаза ПКБ III – 2000–1800 CalBC. Кольцевидно-планочная поясная гарнитура имеет длинную хронологию, а крючково-планочная – короткую. Первая охватывает все три фазы ПКБ (2200–1800 CalBC), вторая не переживает фазу ПКБ I (2200–2100 CalBC). Более вариабельная серия пряжек кавказской традиции идет по пути эволюции от вычурных фигурных орнаментированных изделий на фазе ПКБ I к упрощенным репликам без орнамента, но с длинной планкой на фазе ПКБ II, и к предметам с редуцированной планкой на фазе ПКБ III. Немногочисленная серия радиоуглеродных дат, полученных по образцам из погребений с пряжками, попадает в посткатакомбное время.

5. Две трети рассматриваемых в книге пряжек принадлежат блоку посткатакомбных культурных образований. В погребениях с крючково-планочной и кольцевидно-планочной поясной гарнитурой в концентрированном виде проявляются едва ли не все основные обрядовые структурные различия, которые позволяют разделить блок посткатакомбных образований на культурный круг Бабино и культурный круг Лола.

6. Расположение пряжек в могиле проявляет устойчивые закономерности. Часть изделий как кольцевидно-планочных, так и крючково-планочных располагались в районе таза скелета, что однозначно свидетельствует о том, что умерший был перепоясан ремнем. Нельзя сказать, что таких случаев большинство, есть и другие позиции. Однако по сравнению с ними именно область таза оказывается самой востребованной. Другие позиции не демонстрируют такой концентрации, но они свидетельствуют о том, что пояс в обряде мог использоваться и не так, как в повседневной жизни. Чаще всего положение пряжек в нестандартных позициях свидетельствует о том, что поясом были связаны конечности, или он был положен отдельно от тела. Особый интерес вызывают редкие ситуации, когда в могилу помещались сразу два пояса. Причем, характерна такая ситуация только для ДДБК, и она неизвестна в других рассматриваемых культурах, за исключением шагарской, где один такой случай известен. В трех комплексах Днепро-Донского Бабино сочетались разнотипные пряжки: крючково-планочная и кольцевая. Здесь мы фиксируем ситуации, когда умерший был перепоясан сразу двумя ремнями или одним, а второй находился в отдалении от тела. Особый интерес вызывает совместное нахождение в погребениях ДДБК крючково-планочных пряжек и каменных брусков с двумя перетяжками, которые являлись защитными накладками на предплечье лучника. Их расположение свидетельствует о том, что нарукавник с накладкой в небоевом или походном положении носился на поясе.

7. Трасологический анализ определенного количества пряжек показал высокий уровень мастерства изготовления этих предметов в разных культурах. Оформление глухого и свободного концов ремня варьируются: создается впечатление, что мастера были свободны в поисках каких-то возможных изменений, пытаясь нащупать наиболее удобные варианты крепления.

8. Следы использования на пряжках показывают, что эксплуатировались эти изделия, как правило, долго. В то же время большинство пряжек не производят впечатления крепких рабочих изделий: видимо, на первый план выдвигается статусность этих вещей.

9. Одним из самых дискуссионных вопросов, связанных с изучением фигурных пря-

жек является семантика изделий. Она устанавливается по наиболее реалистичным кольцевидно-планочным пряжкам типа Чограй-Кевюды лолинской, гинчинской и присулакской культур и крючково-широкопланочным поясным деталям ДДБК и шагарской культуры. Код для расшифровки образа, который передают фигурные пряжки, можно найти в ближневосточной мелкой пластике.

Анализ всех структурных элементов рассматриваемых изделий показывает, что лолинские поясные детали передают зооантропоморфный образ, причем, преимущественно все-таки антропоморфный. Лолинские пряжки представляют собой фигурки стоящих мужчин, у которых руки согнуты в локтях, а кисти находятся на груди – поза адорации, а голову венчают рога барана. У гинчинских и присулакских фигурных поясных деталей черты зооморфизма отсутствуют. Они транслируют полностью антропоморфный образ. Это тоже фигурка человека с руками в позе адорации, но передают гинчинские и присулакские пряжки не мужской, а, возможно, женский образ, о чем свидетельствует отсутствие фаллической символики. Таким образом, лолинские поясные детали транслируют зооантропоморфный мужской образ, а гинчинско-присулакские изделия антропоморфный женский. Это неудивительно с учетом того, что Лола – это культура степных скотоводов с овцеводческой моделью хозяйства, где роль мужчины была особенно велика, а для гинчинской и присулакской культур характерен земледельческо-скотоводческий уклад с соответствующими культами, в том числе женской направленности.

Крючково-планочные фигурные пряжки европейской традиции ДДБК и шагарской культуры тоже отображают антропоморфный образ. Однако в отличие от кавказских изделий, которые передают образ стоящих «адорантов», поясные детали Днепро-Донского Бабино и Шагары показывают людей, стоящих в позе «оранта», т. е. с поднятыми и разведенными в стороны руками. Определить половую принадлежность образов, которые транслируют пряжки европейской традиции в отличии от фигурных пряжек кавказской традиции невозможно. Это связано с тем, что у фигурной поясной гарнитуры, которая передает антропоморфный образ в позе «оранта», не показана нижняя часть тела, а только голова и поднятые вверх руки.У пряжек обеих традиций мы наблюдаем очень близкую систему трансформации семантически важных антропоморфных деталей в функциональные элементы крепления свободного конца ремня. У пряжек кавказской традиции пуп трансформировался в кольцо, а у европейских изделий нос в крючок.

10. Появление в Европе и на Кавказе фигурных пряжек, которые находят структурные соответствия в мелкой пластике Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья, скорее всего, отражает влияние цивилизационных центров этих территорий на первобытную периферию. Как следствие, ближневосточная иконография, естественно в модифицированном и стилизованном виде, нашла отражение в морфологии и орнаментации пряжек кавказской и европейской традиций. Причем, распространение фигурных пряжек в Европе и на Кавказе было всего лишь одним из проявлений комплекса новаций, связанного с ближневосточным регионом. Они прослеживаются еще по целому ряду категорий инвентаря.

11. Впервые обе группы пряжек (кольцевидно-планочные и крючково-планочные) появляются на Ближнем Востоке, в частности, в Анатолии еще в неолите. Затем они попадают в Западную, Центральную и Южную Европу. В период резкой аридизации 2200 CalBC крючково-планочные поясные детали посредством миграции из Центральной Европы и Карпато-Дунайского ареала попадают на восточноевропейские территории, где модифицируются, но сохраняют все основные структурные элементы изделий исходного региона. В это же время кольцевидно-планочная поясная гарнитура в результате миграции части населения Северо-Восточного Кавказа в степь распространяется в культурном круге Лола, где также модифицируется, но оставляет в неизменном виде все типообразующие признаки кавказских прототипов.

Литература и источники

Абросимова А.А., Каплан Н.И., Митлянская Т.Б., 1978. Художественная резьба по дереву, кости и рогу. М. – 132 с.

Авилова Л.И., Черных Е.Н., 1989. Малая Азия в системе металлургических провинций // Естественнонаучные методы в археологии. – М. – 1989. – С. 31–89.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П., 1983. Срубная культура лесостепного Поволжья (итоги работ Средневолжской археологической экспедиции) // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев. – С. 6–58.

Агульников С.М., Бубулич В.Г., 1998. Погребения финального этапа эпохи средней бронзы степной зоны Р. Молдова // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье. – С. 115–142.

Агульников С.М., Бубулич В.Г., Курчатов С.И., 2001. Курганный могильник у с. Хаджиллар в Нижнем Поднестровье // Старожитності степового Причерномор'я і Криму. Т. IX. – Запоріжжя. – С. 95–114.

Александров А.В., 2008. Русская борьба «на опоясках»: генезис, техника, терминология, классификация // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень. – № 8. – С. 163-173.

Александровский А.Л., Белинский А.Б., Калмыков А.А., Кореневский С.Н., ван дер Плихт Й., 2001. Погребенные почвы Большого Ипатовского кургана и их значение для реконструкции палеоклимата // МИИКНСК. Археология, антропология, палеоклиматология. – М. – Вып. II. – С. 131–143.

Андреев Ю.В., 2002. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III–I тыс. до н. э.). – СПб. – 862 с.

Андреева М.В., 1979. Отчет о работе Арзгирского отряда СТАЭ в 1979 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 8039.

Андреева М.В., 1986. Об одной зооантропоморфной фигурке из Ставрополья // СА. – № 2. – С. 231–234.

Андреева М.В., 1989. Курганы у Чоградского водохранилища (материалы раскопок экспедиции 1979 г.) // Древности Ставрополья. – М. – С. 24–124.

Андрющенко Н., 1962. Домашние ремесла. Алма-Ата. – 100 с.

Арзютов Н.К., 1936. Аткарский курганный могильник раскопки 1028–30 гг. // Известия Саратовского Нижневолжского Института Краеведения им. М. Горького. – Саратов. Т. VII. – С. 86–101.

Артеменко И.И., 1967. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. – М. – 139 с.

Археологічні досліди р. 1929 Донбаської археологічної експедиції на Луганщині // Археологічне надбання С.О. Локтюшева (до 130-річчя від дня народження) / Краєзнавчі записки. Вип. V. – Луганськ, 2009. – С. 238–239.

Атаев Г.Д., 1991. Отчет о работе Ирганайской новостроечной экспедиции в зоне строительства Ирганайской ГЭС в полевом сезоне 1991 г. // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 22261, 22262.

Атаев Г.Д., 2001. Отчет о работе Ирганайской археологической экспедиции в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2001 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 24938, 24939.

Атаев Г.Д., 2003. Отчет о работе Ирганайской новостроечной археологической экспедиции в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2003 году в Унцукульскмо районе Республики Дагестан // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 28169, 28170.

Атаев Г.Д., 2016. Исследование Ирганайского поселения I в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2003 г. в горном Дагестане // Вестник Института ИАЭ. – Махачкала. – № 3. – С. 90–105.

Атаев Г.Д., 2018. О связях населения гинчинско-гатынкалинской культуры с племенами Северного Кавказа и степей в эпоху средней бронзы // XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. – Карачаевск. – С. 33–36.

Атаев Д.М. Гаджиев М.Г., Погребова М.Н., 1960. Отчет о работе Горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1960 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 2149.

Ахметов И.Р., Луньков В.Ю., Лунькова Ю.В., 2013. Абашевские комплексы Старшего Никитинского могильника // КСИА. – М. – Вып. 230. – С. 162–181.

Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А., 2006. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тысячелетие до н.э.). – Ижевск. – 220 с.

Бабенко В.А., Белинский А.Б., Калмыков А.А., 2003. Археологическая характеристика и этническая атрибуция мусульманских кладбищ из курганных могильников Ипатово-3 и Барханчак-2 // МИИКНСК. Антропология ногайцев. – М. – Вып. IV. – С. 20–31.

Багаев М.Х., 1986. Новый могильник эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии // Новое в археологии Северного Кавказа. – М. – С. 66–74.

Байбурин А.К., 1992. Пояс (к семиотике вещей) // Из культурного наследия Восточной Европы. Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук. – СПб. – С. 5–13.

Белинский А.Б., 1998/1999. Отчет о раскопках кургана 2 могильника «Ипатово-3» у г. Ипатово Ставропольского края в 1998–1999 гг. // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 24080–24085.

Березанская С.С., 1986. Культура многоваликовой керамики // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – К. – С. 5–43.

Березин Я.Б., 1998. Отчет о раскопках курганных могильников «Ильинский-1» Трунковского района, «Птичье-3» Изобильненского района, «Расшеватский-1», «Расшеватский-2» и «Расшеватский-5» Новоалександровского района Ставропольского края в 1998 г. В двух томах. – Архив ИА РАН. – Р-1, №№ 21030-21033.

Березуцкий В.Д., Гринев А.М., 2008. Россошанские курганы. – Воронеж. – 174 с.

Березуцкий В.Д., Маслихова Л.И., 2006. Курган эпохи бронзы у с. Старая Калитва // Археологические памятники Восточной Европы. – Воронеж. – Вып. 12. – С. 99–103.

Березуцкий В.Д., Неретин И.И., 2011. Красногоровский курган в правобережье Среднего Дона // Археологические памятники Восточной Европы. – Воронеж. – Вып. 14. – С. 103–109.

Бобринский А., 1887. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Дневник пятилетних раскопок. – СПб. – 172 с.

Бобринский А., 1893. Производство археологических раскопок // Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1891 год. – СПб. – С. 2–133.

Бобринский А., 1894. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. второй. Дневник раскопок 1887–1889. О курганах Звенигородского и Роменского уездов. – СПб. – 172 с.

Бобринский А., 1894а. Производство археологических раскопок // Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1892 год. – СПб. – С. 1–98.

Богданов С.В., 1998. Большой Дедуровский Мар // АПО. – Оренбург. – Вып. II. – С. 17–37.

Борисов А.В., Демкина Т.С., Демкин В.А., 2006. Палеопочвы и климат Ергеней в эпоху бронзы IV-II тысячелетия до н. э. – М. – 210 с.

Боровцова Т.А., Клокова Л.И., Корникова Л.В., 2013. Русский традиционный костюм Алтая. – Барнаул. – 101 с.

Бородовский А.П., 1989. Признаки размягчения исходного сырья при изготовлении костяных и роговых предметов в эпоху металлов // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытно-общинного строя (информационные материалы). – Свердловск. – С. 23–25.

Бородовский А.П., 1997. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая поло-

вина II тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.). – Новосибирск. – 224 с.

Бородовский А.П., 2007. Древний резной рог Южной Сибири (эпоха палеометалла). – Новосибирск. – 176 с.

Бочкарев В.С., 1963–1964. Костяные блях и эпохи бронзы степей Восточной Европы // Личный архив В.С. Бочкарева, рукопись. – 23 л.

Бранденбург Н.Е., 1901. Об аборигенах Киевского края // Труды Одиннадцатого Археологического Съезда в Киеве. 1899. Т. I. – М. – С. 155–169.

Бранденбург Н.Е., 1901а. Выписка из журнала раскопок курганов, со скелетами в скорченном положении // Труды Одиннадцатого Археологического Съезда в Киеве. 1899. Т. I. – М. – С. 170–189.

Братченко С.Н., 1965. Отчет о работах Ливенцовской экспедиции 1965 г. // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 3151, 3151а.

Братченко С.Н., 1967. Раскопки крепости бронзового века у Ростова-на-Дону // АО 1966 г. – М. – С. 66–69.

Братченко С.Н., 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы (Периодизация и хронология памятников). – К. – 252 с.

Братченко С.Н., 1977. К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики) // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. – К. – С. 21–42.

Братченко С.Н., 1985. Культура многоваликовой керамики // Археология Украинской ССР: В 3-х т. Т. 1. Первобытная археология. – К. – Т. 1. – С. 451–458.

Братченко С.Н., 1989. Лук і стріли доби енеоліту – бронзи Півдня Східної Європи // Археологія. – К. – № 4. – С. 70–81.

Братченко С.Н., 1995. Пряжки эпохи поздней бронзы и их северокавказские формы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. – СПб. – Часть II. Материалы конференции и дискуссии 21 – 25 августа 1995 года, Саратов. – С. 8–26.

Братченко С.Н[1]., 2000. Катакомбні та ямні матеріали з перших розкопок на Луганщині // Древности Северского Донца.– Луганск. – Вып. 4. – С. 76-98.

Братченко С.Н., 2001. Донецька катакомбна культура раннього етапу. – Луганськ. – 196 с.

Братченко С.Н., 2006. Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века // МДАСУ. – Луганськ. – № 6. – С. 32–310.

Братченко С.Н., 2008. Олександрівські могили-кургани в долині Лугані // МДАСУ. – Луганськ. – Вип. 8. – С. 134–228.

Братченко С.Н., 2012. Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века. – К. – 307 с.

Бунин И.А., 1988. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. – М. – 558 с.

Вальков И.А., 2019. Особенности трасологического анализа артефактов из кости в археологии // Вестник Кемеровского государственного университета. Т. 21. 3. – С. 574–584.

Вангородская О.Г., 1987. О связях культуры многоваликовой керамики по материалам украшений // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. – К. – С. 38–48.

Василенко А.И., 1999. Вариант реконструкции крепления пряжки из кургана № 34 группы Чограй VIII в Ставрополье // Древности Подонцовья. – Луганск. Вып. 2. – С. 62–65.

Василенко А.І., 2000. Про технологічну спорідненість кісткових поясних пряжок та найдавніших кісткових псаліїв // Теоретичні проблеми вітчизняної історії. Матеріали конференції. – Луганськ. – С. 3–9.

Василенко А.И., 2005. Реконструкция крепления и назначения пряжек эпохи средней-поздней бронзы (в связи с трасологическими исследованиями А.Н. Усачука) // Проблемы эпохи бронзы Великой Степи. – Луганск. – С. 71–110.

Василенко А.И., Супрун А.В., 1998. К вопросу о происхождении костяных пряжек // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. – Ростов-на-Дону. – С. 32–35.

Вахтина М.В., 2009. Императорская Археологическая Комиссия и изучение скифских древностей юга Российской империи // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. – СПб. – С. 402–486.

[1] Составители сборника дважды ошиблись с отчеством С.Н. Братченко, поставив «М».

Виноградов В.Б., Марковин В.И., 1966. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР (материалы к археологической карте). – Грозный. – 165 с.

Вовк Л.П., Кисель Е.С., 2018. Определение параметров разрушения пластины с трещиной при наличии концентраторов напряжения в процессе упругопластического деформирования // Вестник Донецкого национального технического университета. – № 4 (14). – С. 8–15.

Гаджиев М.Г., 1969. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (могильник Гинчи). – Махачкала. – 178 с.

Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1985. Памятники гинчинской культуры у сел. Гагатль // Древние культуры Северо-восточного Кавказа. – Махачкала. – С. 81–99.

Гак Е.И., Мимоход Р.А., Калмыков А.А., 2012. Сурьма в бронзовом веке Кавказа и юга Восточной Европы // АВ. – СПб. – Вып. 18. – С. 174–203.

Гарашанин М., 1973. Праисторија на тлу СР Србије. – Белград. – 384 с.

Гершкович Я.П., 1979. Костяные зооморфные пряжки культуры многоваликовой керамики // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тезисы докладов конференции. – Донецк. – С. 59–60.

Гершкович Я.П., 1986. Фигурные зооморфные поясные пряжки культуры многоваликовой керамики // СА. – № 2. – С. 132–145.

Гершкович Я.П., Разумов С.М., 2009. «Аномальний» комплекс заключного періоду пізнього бронзового віку з Північного Причорномор'я // Взаємозв'язки культур епох бронзи і раннього заліза на території Центральної та Східної Європи. – К.-Львів. – С. 132–139.

Головченко Н.Н. 2022. Предметный комплекс одежды населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа. – Барнаул. – 374 с.

Горбунова Н.Г., 2000. Б.А. Латынин – Т.Г. Оболдуевой (1945–1950) // Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина. – СПб. – С. 75–117.

Городцов В.А., 1905. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, Харьковской губернии 1901 года // Труды Двенадцатого Археологического Съезда в Харькове. 1902 г. Т. I. – М. – С. 174–225.

Городцов В.А., 1905а. Материалы Археологических исследований на берегах р. Донца, Изюмского уезда, Харьковской губернии // Труды Двенадцатого Археологического Съезда в Харькове. 1902 г. Т. I. – М. – С. 226–340.

Городцов В.А., 1907. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, 1903 года // Труды XIII Археологического съезда в г. Екатеринославе 1905. Т. I. – М. – С. 211–285.

Городцов В.А., 1907а. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губ., 1903 года // Труды XIII Археологического съезда в г. Екатеринославе 1905. Т. I. – М. – С. 286–365.

Гошкевич В.И., 1903. Клады и древности Херсонской губернии. Книга первая. – Херсон. – 178 с.

Грищук О.М., 2019. Жінки у бабинському соціумі // ДАЗ. – Вінниця. – № 20. – С. 44–53.

Гуммель Я.И., 1940. Археологические очерки. – Баку. – 166 с.

Дворниченко В.В., 1968. Погребения с подбоями эпохи поздней бронзы в Северном Причерноморье // Сборник докладов на IX и X Всесоюзных археологических студенческих конференциях. – М. – С. 5–15.

Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Паромов Я.М., Федоров-Давыдов Г.А., 1979. Раскопки в зонах строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем // АО 1978 г. – М. – С. 167–168.

Демкин В.А., Лукашов А.В., Ковалевская И.С., 1992. Новые аспекты проблемы палеопочвенного изучения памятников археологии // РА. – № 4. – С. 43–49.

Дмитров Л.Д., 1946. Археологічне вивчення Нікопольщини в 1935-1936 рр. // Наукові записки. Кн. II. – К. – С. 55–73.

Дневник В.А. Городцова № 1 // Архив ГИМ. Ф. 431. К-99. Ед. хр. 327.

Дневник полевых исследований Енакиевской археологической экспедиции «Эврика» 25 июня – 24 июля 1987 года. Клименко В.Ф. // НА ИА НАН Украины. Ф.е. 1987/183.

Дневник раскопки кургана у селения Павловки, Аккерманскаго уезда, Бессарабской

губернии, произведенной в 1891 г. проф. Ф. Кнауэром // Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1891 год., 1893. – СПб. – С. 160–165.

Добровольская М.В., Медникова М.Б., 2011. «Медные люди» эпохи бронзы: реконструкция состояния здоровья и социального статуса // АЭАЕ. – Новосибирск. – № 2 (46). – С. 143–156.

Добровольский А.В., 1915. Раскопки кургана в предместьи Одессы – «Слободка-Романовка» // Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей. Т. XXXII. – Одесса. – С. 123–145.

Донецька область. Адміністративно-територіальний поділ на 1 березня 1988 року. – Донецьк, 1988. – 183 с.

Древности, добытые из раскопок и случайных находок, 1902 // Каталог Выставки XII Археологического съезда в г. Харькове. – Харьков. – С. 1–233.

Древности Поднепровья. Эпоха предшествующая Великому переселению народов. 1899. – К. – Вып. II. – 81 с.

Древности Поднепровья. Эпоха предшествующая Великому переселению народов (ч. II). 1900. – К. – Вып. III. – 58 с.

Дубовская О.Р., 1985. Погребения культуры многоваликовой керамики Донетчины и Северо-Восточного Приазовья // Археология и краеведение – школе. Тезисы обл. семинара. – Донецк. – С. 19–21.

Дударева Л.К., 2018. Пояс как один из обязательных элементов костюма русских удельных крестьян // Калейдоскоп культур в национальных костюмах народов Башкортостана, Урала и Поволжья. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. – Уфа. – С. 79–80.

Душенко А.А., 2015. Косторезное дело Мангупа: сырье, технологические приемы, инструменты // Крымское историческое обозрение. – Казань. – № 3. – С. 74–99.

Евгеньев А.А., 2018. История оренбургской археологии. Т. 1. XVIII век – начало XX века. – Оренбург. – 364 с.

Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Мухаметдинов В.И., Рослякова Н.В., Усачук А.Н., Файзуллин И.А., Хохлов А.А., 2016. Поселение Малоюлдашево I эпохи неолита и поздней бронзы в Западном Оренбуржье. – Оренбург. – 196 с.

Елисеев В.Ф., Клюшенцев В.Н., 1982. Погребения с костяными пряжками в междуречье Ингульца и Тилигула // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. – К. – С. 71-80.

Емельянов А.В., 2008. Отчет о раскопках Неолитической археологической экспедиции ГИМ поселения Великодворье-1 в Шатурском районе Московской области // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 42794, 42795.

Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1961. Абашевская культура в Поволжье // МИА. – М. – № 97. – С. 57–110.

Жебелев С.А., 1923. Введение в археологию. Ч. I. История археологического знания. – П. – 199 с.

Жилин М.Г., 1993. Костяное вооружение древнейшего населения Верхнего Поволжья. – М. – 32 с.

Жилин М.Г., 2001. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. – М. – 328 с.

Журнал раскопок Н.Е. Бранденбурга 1888-1902 гг. 1908. – СПб. – 222 с.

Жоржикашвили Л.Г., Гогадзе Э.М., 1974. Памятники Триалети эпохи ранней и средней бронзы (раскопки 1936–1940, 1947–1948 гг.). – Тбилиси. – 124 с.

Зирра В., 1960. Культура погребений с охрой в Закарпатских областях РНР // Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынской Народной Республики. – Кишинев. – С. 97–127.

Золото степу. Археологія України, 1991. / Автори-упорядники: П.П. Толочко і В.Ю. Мурзін у співпраці з Ренатою Ролле, Міхаєлем Мюллером-Вілле, Куртом Шітцелем. – К. – 440 с.

Зудина В.Н., Судариков О.В., 2007. Некоторые аспекты изучения бус в срубной культуре волго-уральского региона // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург. – Вып. VIII. – С. 57–66.

Изюмова С.А., 1949. Техника обработки кости в дьяковское время и в Древней Руси // КСИИМК. Вып. XXX. – С. 15–25.

Ильюков Л.С., 1983. Курган у села Новолакедемоновка // Проблемы хронологии архео-

логических памятников степной зоны Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону. – С. 34–40.

Ильюков Л.С., 2007. Отчет об исследовании курганов в окрестностях с. Гертма в Казбекском районе Республики Дагестан в 2007 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 4270, 4271.

Ильюков Л.С., 2013. Кто осаждал Ливенцовско-Каратаевскую крепость в низовьях Дона // КСИА. – М. – Вып. 231. – С. 21–28.

Ильюков Л.С., 2014. Новый тип бабинских пряжек: костяная застежка в виде бусины // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. – 2(2). – С. 54–58.

Ильюков Л.С., 2015. Отчет о раскопках курганного могильника «Родионов» в Новоалександровском районе Ставропольского края в 2015 году // НА ИА РАН – Р-1, №№ 53832–53838.

Ильюков Л.С., 2016. Костяные пряжки-запонки бабинской культуры // Наука Юга России (Вестник Южного научного центра РАН). Т. 12. № 2. – С. 98–104.

Ильюков Л.С., Казакова Л.М., 1980. Миусские курганы // АО 1979 г. – М. – С. 108.

Ильюков Л.С., Казакова Л.М., 1988. Курганы Миусского полуострова. – Ростов-на-Дону. – 168 с.

Ильюков Л.С., Магомедов Р.Г., 2010. Костяные пряжки эпохи средней бронзы из Дагестана // Вестник Дагестанского научного центра. – Махачкала. – № 39. – С. 47–53.

История административно-территориального деления Донецкой области 1919-2000 гг. – Донецк, 2001. – 272 с.

Каверзнев В.Н., 1932. Охота на кабанов. – М. – 56 с.

Каверзнева Е.Д., 1984. Отчет о работе Мещерского отряда Окско-Донской экспедиции ГИМ в 1984 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 1610, 1610а.

Каверзнева Е.Д., 1992. Шагарский могильник конца III – начала II тысячелетия до н. э. в Центральной Мещере // РА. – № 3. – С. 147–159.

Каверзнева Е.Д., 1999. Отчет о раскопках поселения Шагара 1 и Шагарского могильника в 1999 г. // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 23172–23175.

Каверзнева Е.Д., 2000. Отчет о раскопках поселения Шагара 1 и Шагарского могильника в 2000 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 25167.

Каверзнева Е.Д., 2003. Погребения с костяными поясными пряжками из Шагарского могильника // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции. – М. – Часть I. – С. 144–147.

Каверзнева Е.Д., 2012. Отчет. Раскопки поселения Шагара 1 и Шагарского могильника (Рязанская область, Спас-Клепиковский район) в 2012 г. // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 35101, 35102.

Каверзнева Е.Д., 2015. Отчет. Раскопки поселения Шагара 1 и Шагарского могильника. Рязанская область, Спас-Клепиковский район. 2017 г. // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 47588, 47589.

Каверзнева Е.Д., 2017. Отчет. Раскопки поселения Шагара 1 и Шагарского могильника. Рязанская область, Спас-Клепиковский район. 2017 г. // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 55643, 55644.

Каверзнева Е.Д., Бобров А.А., Борисов А.В., 2006. Погребальный обряд Шагарского могильника и реконструкция заупокойной пищи // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. Забелинские научные чтения. – 2005 / Труды ГИМ. – М. – Вып. 158. – С. 217–227.

Казарницький О.О., Полідович Ю.Б., Цимідanов В.В., Усачук А.М., 2013. Палеоантропологічні матеріали могильників Попов Яр 2 та Марієнфельд на Донеччині // Археологічні дослідження в Україні. 2012. – К., Луцьк. – С. 151–152.

Калмыков А.А., 2005. Роговые фигурные пряжки Егорлык-Калаусского междуречья // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали II-ї Луганської міжнародної історико-археологічної конференції. – Луганськ. – С. 78–82.

Калмыков А.А., Кореневский С.Н., 2001. Новое погребение с бронзовым топором эпохи средней бронзы из Степного Предкавказья // МИИКНСК. Археология, антропология, палеоклиматология. – М. – Вып. II. – С. 52–63.

Калмыков А.А., Матюхин А.Д., 2007. Роговая пряжка из курганного могильника Ке-

вюды-1 // МИИКНСК. – М. – Вып. VII. – С. 75–84.

Калмыков А.А., Мимоход Р.А., 2005. Роговые и костяные поясные пряжки и подвески лолинской культуры // МДАСУ. – Луганськ. – № 4. – С. 201–234.

Канаука Н.В., 2018. Эксперименты по изготовлению отверстий большого диаметра // L Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых: Материалы Всероссийской (с международным участием) конференции. – Самара. – С. 43–46.

Капошина С.И., 1956. О скифских элементах в культуре Ольвии // МИА. – М., Л. – № 50. Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. – С. 154–189.

Каталог, 2013 // Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до н. э.: каталог выставки. – СПб. – С. 291–624.

Кетрару Н.А., Серова Н.Л., 1983. Курганная группа у с. Красное // Археологические исследования в Молдавии в 1979-1980 г.г. – Кишинев. – С. 137–151.

Килейников В.В., 1999. Функциональный анализ орудий труда с поселений донской лесостепной срубной культуры // Проблемы археологии бассейна Дона. – Воронеж. – С. 117–142.

Килейников В.В., 2005. Функциональный анализ орудий труда и изделий из погребений эпохи бронзы курганного могильника Высокая Гора // Березуцкий В.Д., Кравец В.В., Новиков Н.Л. Древности Богучарского края. – Воронеж. – без указания страниц.

Килейников В.В., 2012. Функциональный анализ орудий труда и изделий из погребений эпохи бронзы курганного могильника Высокая гора // Березуцкий В.Д., Золотарев П.М., Кравец В.В., Новиков Н.Л. Археологические древности земли Воронежской. – Воронеж. – С. 141–144.

Кияшко А.В., Ларенок О.П., 2020. Поселение финала средней бронзы Балка Хреева III на Таманском полуострове // XV Всероссийская археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы»: материалы конференции. – Ростов-на-Дону. – С. 97–105.

Кияшко А.В., Ларенок О.П., 2023. О выделении керамики таманского типа финала среднего бронзового века // АВ. – СПб. – Вып. 38. – С. 155–174.

Клейн Л.С., 2014. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. – СПб. – 704 с.

Клименко В.Ф., 1987. Раскопки курганов у сел Новоандреевка и Ровнополь Волновахского р-на Донецкой области. Отчет за 1987 год // НА ИА НАН Украины. Ф.е. 1987/183.

Клименко В.Ф., 1994. Памятники культуры многоваликовой керамики в Северо-Восточном Приазовье // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э. Материалы Международной археологической конференции. Тез. докл. – Тирасполь. – С. 110–112.

Клименко В.Ф., 1998. Курганы юга Донетчины. – Енакиево. – 220 с.

Клименко В.Ф., Цымбал В.И., 1991. Древности родного края. Историко-краеведческий очерк. – Донецк. – 39 с.

Клименко В.Ф., Цымбал В.И., 1998. О погребениях культуры многоваликовой керамики в Северо-Восточном Приазовье // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье – С. 70–74.

Клименко В.Ф., Цымбал В.И., 2004. Древности донецкого края. – Енакиево. – 49 с.

Клименко В.Ф., Цымбал В.И., 2007. У колыбели истории. – Енакиево. – 70 с.

Клочко В.І., 2006. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р.Х.). – К. – 337 с.

Клочко, 2012. «Гордіївський феномен» // Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae. – Kraków. – С. 363–372.

Ковалева И.Ф., 1987. Исследования в Днепропетровской области // АО 1985 г. – М. – С. 338–339.

Ковалева И.Ф., 1989. Социальная и духовная культура племен бронзового века (по материалам Левобережной Украины). – Днепропетровск. – 89 с.

Ковалева И.Ф., Андросов А.В., Шалобудов В.Н., Шахров Г.И., 1987. Исследование курганов группы «Долгой могилы» у с. Терны в Приорелье // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. – Днепропетровск. – С. 5–27.

Ковалюх Н.Н., Мимоход Р.А., 2007. Новые радиоуглеродные даты посткатакомбных погребений Нижнего Поволжья и степного Предкавказья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. II Международная Нижневолжская археологическая конференция. – Волгоград. – С. 35–39.

Кореневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А., 2007. Большой Ипатовский курган на Ставрополье как археологический источник по эпохе бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа. – М. – 230 с.

Кореневский С.Н., Мимоход Р.А., 2011. Курганы позднего периода среднего бронзового века у станицы Архонская в Северной Осетии. – М. – 120 с.

Коробкова Г.Ф., Виноградов Н.Б., 2004. Каменные и костяные орудия из поселения Кулевчи III // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1. Исторические науки. № 2. – Челябинск. – С. 57–87.

Кренке Н.А., 2014. Абашевская находка в долине Москвы-реки // Археология Подмосковья. – М. – Вып. 10. – С. 29–35.

Кривцова-Гракова О.А., 1962. Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском поле // МИА. – М. – № 115. Памятники скифо-сарматской культуры. – С. 5–55.

Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1935. Родовое общество степей Восточной Европы Основные формы материального производства. – М., Л. – 176 с.

Кузнецов П.Ф., 2003. К вопросу о хронологии абашевской культуры // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. – Чебоксары. – С. 86–88

Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., 1999. Нестандартный раннесрубный курганный комплекс Юга лесостепного Поволжья // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. – Самара. – Вып. 1. – С. 59–92.

Кузьмина О.В., Колев Ю.И., Ластовский А.А., Турецкий М.А., 2017. Материалы эпохи бронзы поселения Лебяжинка V // Вопросы археологии Поволжья. – Самара. – Вып. 6. – С. 124–278.

Кузьминых С.В., Мимоход Р.А., 2016. Радиоуглеродные даты Пепкинского кургана и некоторые вопросы хронологии средневолжской абашевской культуры // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.). Круглый стол, посвященный 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко (Санкт-Петербург, 14-15 ноября 2016 г.). – СПб. – С. 39–44.

Кузьминых С.В., Саенко В.М., 2023. «Я вошла в археологию ощупью»: письма И.В. Фабрициус А.М. Тальгрену // Stratum Plus. – СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест. – № 2. – С. 229–272.

Кузьминых С.В., Саенко В.М., 2024. «Скорченные погребения не дают мне покоя»: бронзовый век Северного Причерноморья в исследованиях А.В. Добровольского (по материалам переписки с А.М. Тальгреном и В.А. Городцовым) // Stratum Plus. – СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест. – № 2. – С. 283–317.

Кузьминых С.В., Усачук А.Н., 2016. «Глубокоуважаемый и дорогой друг Михаил Маркович!» (Хельсинская коллекция писем Н.Е. Макаренко А.М. Тальгрену) // Interactions, Changes and Meanings. Essays in honour of Igor Manzura on the occasion of his 60th birthday. – Kishinev. – С. 379–427.

Кузьминых С.В., Усачук А.Н., 2017. «С нетерпением жду ответа от Вас» (письма Н.Е. Макаренко Э.Х. Миннзу) // Ex Ungue Leonem: Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна. – СПб. – С. 64–92.

К*узьминых С.В., Усачук А.Н., Белозёрова И.В.*, 2021. «Мои работы и ничего не стоят, и никому не нужны…»: письма Н.Е. Макаренко В.А. Городцову // Stratum plus. – СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест. – № 2. – С. 361-402.

Кулаковский Ю.А., 1901. К вопросу об окрашенных костяках // Труды Одиннадцатого Археологического Съезда в Киеве. 1899. – М. – Т. I. – С. 190–196.

Кульбака В.К., Гнатко И.И., 1993. Исследования Мариупольской экспедиции // Археологічні дослідження в Україні 1991 року. – Луцьк. – С. 57–58.

Кульбака В., Качур В., 2000. Індоєвропейські племена України епохи палеометалу. – Маріуполь. – 80 с.

Кульбака В., Качур В., 2002. Давні індоєвропейці України в світлі новітніх археологічних досліджень. – Маріуполь. – 94 с.

Кучугура Л.И., 2006. История исследования древностей Приазовья: Глава 1 // Мариуполь и его окрестности: взгляд из XXI века. – Мариуполь. – С. 294–302.

Ларенок П.А., 1998. Курганные могильники Таврия I-III // Каталог Курганы Северо-Восточного Приазовья (Неклиновский и Матвеево-Курганский районы Ростовской области). / Материалы и иисследования Таганрогской археологической экспедиции. Вып. III. – Ростов-на-Дону. – С. 56–90.

Латынин Б.А., 1964. К вопросу о памятниках с так называемой «многоваликовой» керамикой // АСГЭ. – Л. – Вып. 6. – С. 53–71.

Латынин Б.А., 1967. Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка // АСГЭ. – Л. – Вып. 9. – С. 5–96.

Левицкий О.Г., 1993. Бронзовые изделия раннегальштатской культуры с каннелированной керамикой Восточно-Карпатского региона (К вопросу о связях) // Revista arheoloqică. № 1. Chişinău. – С. 54–75.

Легенди степу, 2004. Фотоальбом. – Донецьк. – 104 с.

Либеров П.Д., 1952. Курганы у хутора Харчевик // КСИИМК. Вып. XLV. – С. 74–82.

Литвиненко Р.А., 1996. К оценке культуры многоваликовой керамики Восточного Надазовья // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Материалы международной конференции. – Донецк. – Часть первая. – С. 65–71.

Литвиненко Р.А., 1996а. Костяные пряжки как хронологический индикатор для культур бронзового века юга Восточной Европы // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. – Воронеж. – Вып. 2. – С. 46–50.

Литвиненко Р.А., 1996б. Сурьмяные подвески в памятниках степной бронзы и их кавказские аналогии // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Александровича Иессена. – СПб. – С. 98–101.

Литвиненко Р.А., 1999. Об одном типе посуды культуры многоваликовой керамики (КМК) // Матеріали археологічної конференції «Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя)». – Дніпропетровськ. – С. 83–86.

Литвиненко Р.А., 2001. О так называемых «поясных пряжках» в памятниках бронзового века Волго-Уралья // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов международной научной конференции. – Оренбург. – С. 90–93.

Литвиненко Р.А., 2001а. Культура Бабино (многоваликовой керамики) и ее место в системе бронзового века юга Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Южной половины Европы» 23-28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 161–169.

Литвиненко Р.А., 2002. Вопросы относительной хронологии погребений бабинской культуры днепро-донского региона // ДАС. – Вып. 10. – С. 135–159.

Литвиненко Р.А., 2004. «Пряжки» и колесничество: проблема соотношения // МДАСУ. – Луганськ. – № 2. – С. 257–290.

Литвиненко Р.О., 2005. Культури бабинська і лолінська: до проблеми контактів // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали II-ї Луганської міжнародної історико-археологічної конференції. – Луганськ. – С. 75–78.

Литвиненко Р.А., 2006. Опыт выявления пространственно-семиотических структур в погребальном обряде культуры Бабино // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк. – Т. 3. – С. 215–236.

Литвиненко Р.А., 2006а. Днепро-Донская бабинская культура (источники, ареал, по-

гребальный обряд) // МДАСУ. – Луганськ. – № 5. – С. 157–187.

Литвиненко Р.О., 2006б. Поховання культурного кола Бабине з металевими ножами // ДАС. – Вып. 12. – С. 32–61.

Литвиненко Р.О., 2007. Статево-вікова диференціація в поховальному обряді бабинських культур // МДАСУ. – Луганськ. – № 7. – С. 156–172.

Литвиненко Р.О., 2009. Культурне коло Бабино (по матеріалам поховальних пам'яток). Рукопис дис. … д-ра іст. наук // НА ІА НАНУ. – Ф. 12. – Оп. 2. – № 879.

Литвиненко Р.О., 2009а. Генеза, розвиток та історична доля культурного кола Бабине // МДАСУ. – Луганськ. – № 9. – С. 44–90.

Литвиненко Р.А., 2011. Бабинська культура на перехресті кавказького і карпато-дунайського імпульсів культурогенези // Матеріали наукової конференції професорсько-викладацького складу, наукових співрабітників і аспірантів Донецького національного університету за підсумками науково-дослідної роботи за період 2009–2010 рр. – Донецьк. – Т. 2. – С. 251–252.

Литвиненко Р.О., 2012. Північ у поховальній обрядовості людності дніпро-донской бабинської культуры // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали III міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С.Н. Братченка. – Луганськ. – С. 295–299.

Литвиненко Р.О., 2013. Центрально□європейські паралелі ДДБК // Obzar zlewni Baltyku jako strefa recepcji tradycji pontyjskich kultur «Wczesnobrązowych»: III–I polowa tysiąclecia BC. – Obrzycko. – С. 35–40.

Литвиненко Р.О., 2018. Наддніпрянщина як перехрестя ареалів бабинських культур // Археологія. – К. – № 3. – С. 20–30.

Литвиненко Р.А., 2020. Посткатакомбная эпоха Восточной Европы: миграции или военные походы // Stratum Plus. – СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест. – № 2. – С. 333–357.

Литвиненко Р.А., 2023. Картографический метод в изучении хронологии днепро-донской бабинской культуры // Прочнее меди. Сборник статей к 80-летию В.А. Дергачева. – Кишинэу. – С. 505–516.

Литвиненко Р.О., Ляшко С.М., 2018. Курган дніпро-донської бабинської культури поблизу с. Новогупалівка на Дніпровському Припоріжжі // ДАЗ. – Вінниця. – № 21. – С. 155–174.

Литвинова Е.И., 2008. Металлические пилы из памятников бронзового века в Южном Зауралье // XL международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Материалы и тез. докл. – Самара. – С. 114–117.

Локтюшев С.А., 1929. Отчет об археологических работах Донбасской экспедиции на Луганщине в 1929 г. // НА ІА НАНУ. – Фонд ВУАК, № 327/10.

Лысенко С.Д., 2008. Костяные пряжки Среднего Поднепровья – отголоски «героической эпохи» в Евразийской степи // Происхождение и распространение колесничества. – Луганск. – С. 166–182.

Лысенко С.Д., 2011. К вопросу о культурно-хронологической и функциональной принадлежности костяных «пряжек» в Среднем Поднепровье // КСИА. – М. – Вып. 225. – С. 123–143.

Ляхов С.В., 1997. Отчет об охранных раскопках курганов в Апанасенковском и Туркменском районах Ставропольского края в 1997 г. // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 25677, 25678.

Ляшко С.Н., 1994. Косторезное производство в эпоху бронзы // Ремесло эпохи энеолита – бронзы на Украине. – К. – С. 152–166.

Магомедов Р.Г., 1990. Фигурная костяная пряжка из Ирганайского могильника // Памятники древнего искусства Дагестана. – Махачкала. – С. 44–49.

Магомедов Р.Г., 1998. Гинчинская культура. Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. – Махачкала. – 378 с.

Магомедов Р.Г., 2000. Материалы к изучению культур эпохи бронзы в Приморском Дагестане. – Махачкала. – 120 с.

Магомедов Р.Г., 2004. Место и роль Великентских катакомбных могильников в изучении куро-араксских памятников на Северо-восточном Кавказе. – Доклад на конференции в Институте археологии РАН в марте 2004 г.

Мазуркевич А.Н., Киттель П., Мэгро Й., Долбунова Е.В., Крапец М., Гинтер А., 2020.

Хронологические рамки археологических комплексов многослойного памятника Сертея II (по данным радиоуглеродного датирования) // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. Материалы международной конференции, посвященной 80-летию старшего научного сотрудника ИИМК РАН, кандидата химических наук Г.И. Зайцевой. – СПб., Самара. – С. 52–54.

Макаренко М., 1933. Маріюпільський могильник. – К. – 152 с.

Марковин В.И., 1960. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) // МИА. – М. – № 93. – 152 с.

Марковин В.И., 1963. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне // Древности Чечено-Ингушетии. – М. – С. 49–135.

Марковин В.И., 1970. Склепы эпохи бронзы у сел. Эгикал в Ингушетии // СА. – № 4. – С. 83–95.

Маслихова Л.И., Сафонов И.Е., 2014. Материалы исследования курганов у с. Средний Икорец Лискинского района Воронежской области (предварительные результаты) // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6. – Липецк. – С. 258–263.

Матюхин А.Д., 2002. Отчет об археологических исследованиях курганного могильника и курганного могильника Кевюды 1 в Ики-Бурульском районе Республики Калмыкия в 2002 г. // НА ИА РАН. – Р-1, личный архив А.Д. Матюхина.

Махно Є.В., Братченко С.Н., 1977. Пастове намисто з катакомбного поховання на Компанійцівському могильнику // Археологія. – К. – Вип. 24. – С. 53–59.

Менделеев Д., 1893. Гребни // Энциклопедический словарь. Том IX А Гравилат – Давенант. – СПб. – С. 588–590.

Миллер М.А., 1965. Первобытный период в истории Нижнего Днепра (до появления железа). Исследования и материалы. Серия II. – Мюнхен. – № 92. – 415 с.

Мимоход Р.А., 2003. О погребениях финала средней бронзы Северо-западного Прикаспия // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции. – М. – Часть I. – С. 103–107.

Мимоход Р.А., 2005. Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали II-ї Луганської міжнародної історико-археологічної конференції. – Луганськ. – С. 70–74.

Мимоход Р.А., 2007. Лолинская культура финала средней бронзы Северо-западного Прикаспия // РА. – № 4. – С. 143–154.

Мимоход Р.А., 2007а. Кости животных в лолинских погребениях как культурно-хронологический индикатор // МДАСУ. – Луганськ. – № 7. – С. 118–127.

Мимоход Р.А., 2010. Лолинская культура: хронология и происхождение // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. – Магас. – С. 247–250.

Мимоход Р.О., 2011. Кістяні та рогові пряжки фіналу середньої – початку пізньої бронзи у Східній Європі та на Кавказі як хронологічні індикатори та свідоцтва культурних контактів // МДАСУ. – Луганськ. – № 11. – С. 201–216.

Мимоход Р.А., 2012. Костяные и роговые пряжки финала средней – начала поздней бронзы в Восточной Европе и на Кавказе как хронологические индикаторы и свидетельства культурных контактов // Археология восточноевропейской лесостепи. – Саратов. – Вып. 9. – С. 23–44.

Мимоход Р.А., 2012а. Фаянсовые бусы с выступами в Восточной Европе в контексте культурно-генетических процессов в конце средней – начале поздней бронзы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося отечественного археолога Михаила Петровича Грязнова. – СПб. – Кн. 2. – С. 137–144.

Мимоход Р.А., 2013. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века / МОАИ. – М. – Т. 16. – 568 с.

Мимоход Р.А., 2014. Лепестковидные бусы финала средней бронзы как культурно-хро-

нологический индикатор // КСИА. – М. – Вып. 233. – С. 18–33.

Мимоход Р.А., 2016. Блок посткатакомбных культурных образований в Восточной Европе: структура и содержание // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. – Грозный. – С. 45–47.

Мимоход Р.А., 2018. Семантика фигурных роговых пряжек кавказской традиции (финал средней бронзы) // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. – Карачаевск. – С. 107–110.

Мимоход Р.А., 2018а. Происхождение и семантика фигурных пряжек эпохи бронзы в Европе и на Кавказе в контексте ближневосточных влияний // АВ. – СПб. – № 24. – С. 249–275.

Мимоход Р.А., 2018б. Палеоклимат и культурогенез в Восточной Европе в конце III тыс. до н.э. // РА. – № 2. – С. 33–48.

Мимоход Р.О., 2019. Кістки тварин в волго-донських бабинських похованнях як культурно-хронологічні індикатори та маркери господарчої моделі // ДАЗ. – Вінниця. – № 22. – С. 21–45.

Мимоход Р.А., 2020. Кольцевые костяные и роговые пряжки и пряжки/подвески посткатакомбного времени и периодов Br A1-A2 в Восточной, Центральной и Южной Европе // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. – Самара. – Т. I. – С. 313-315.

Мимоход Р.А., 2021. Кости животных в волго-донских бабинских погребениях как культурно-хронологические индикаторы и маркеры хозяйственной модели // КСИА. – М. – Вып. 263. – С. 7–24.

Мимоход Р.А., 2022. Штурм Ливенцовско-Каратаевской крепости: война миров или война внутри мира // КСИА. – М. – Вып. 266. – С. 79–96.

Мимоход Р.А., 2022а. Блок посткатакомбных культурных образований (решение проблемы) // Археология Волго-Донского междуречья: культурогенез от камня до раннего средневековья: Сборник статей в честь 60-летия А.В. Кияшко. – Ростов-на-Дону, Таганрог. – С. 75–86.

Мимоход Р.А., 2022б. Культуры и культурогенез на востоке посткатакомбного мира. – Рукопись дис. … д.и.н. // https://archaeolog.ru/media/dissovet/Mimokhod_diss.pdf

Мимоход Р.А., 2022в. Средневолжская абашевская культура и культура колоколовидных кубков: наброски к семейному портрету // Археология евразийских степей. – Казань. – № 2. – С. 122–150.

Мимоход Р.А., 2023. Культуры и культурогенез на востоке посткатакомбного мира. – Автореф. дис… д.и.н. – М. – 61 с.

Мимоход Р.А., 2023а. Десять лет спустя, или радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований в свете новых данных // Энеолит и бронзовый век Циркумпонтийского региона. Сборник к 100-летию со дня рождения Н.Я. Мерперта. – М. – С. 268–288.

Мимоход Р.А., 2023б. Западное и Южное Предкавказье в посткатакомбную эпоху: от кубанской культурной группы к невинномысской культуре // РА. – № 2. – С. 20–33.

Мимоход Р.А., 2024. Поясная гарнитура из кости и рога культурного круга Лола в контексте хронологии культурно-генетических процессов и межкультурных контактов // КСИА. – М. – Вып. 275. – С. 97–113.

Мимоход Р.А., 2024а. Культурный круг Лола и кавказская миграция: 2200 Cal BC // РА. – № 3. – С. 38–54.

Мимоход Р.А., 2024б. Поясная гарнитура невинномысской культуры как несостоявшаяся центробежная сила // Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа в XX – первой четверти XXI века. Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа «XXXIII Крупновские чтения», посвященной 120-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. – М. – С. 90–93.

Мимоход Р.А., 2025. Посткатакомбная эпоха в Восточной Европе // Глава 5. Финал эпохи средней бронзы в степи, лесостепи и лесной полосе Восточной Европы. История России: в 20 т. Т. 1: Древние культуры на территории современной России (до середины I

тыс. н. э.). Кн. 1: Каменный век и эпоха раннего металла. – М. – С. 567–578.

Мимоход Р.А., 2025а. Культурный круг Бабино и европейская миграция. 2200 CalBC // РА. – № 3. – С. 63–78.

Мимоход Р.А., 2025б. Наконечники стрел культурного круга Лола: вопросы типологии и культурной специфики // ПА. – Казань. – № 3 (53). – С. 113–131.

Мимоход Р.А., Гак Е.И., Хомутова Т.Э., Рябогина Н.Е., Борисов А.В., 2022. Палеоэкология–культурогенез–металлопроизводство: причины и механизмы смены эпох в культурном пространстве юга Восточной Европы в конце средней–начале поздней бронзы // РА. – № 1. – С. 20–34.

Мимоход Р.А., Усачук А.Н., 2025. Погребение начала поздней бронзы с двумя пряжками в Самарском Заволжье: данные трасологии и почему две в одном? // Связи и взаимодействия культур Циркумпонтийского региона в среднем и позднем бронзовом веке. Вып. 5. Материалы конференции 22-24 октября 2025 года. – М. – С. 94–99.

Мимоход Р.А., Усачук А.Н., 2026. Пряжки из кости и рога финала средней бронзы в Среднем Подонье: данные трасологии и культурно-хронологическая атрибуция // Археология восточноевропейской лесостепи. – Воронеж. – Вып. 22.

Мимоход Р.А., Усачук А.Н., Вербовский А.В., 2021. Каменные бруски с двумя перетяжками в погребениях культурного круга Бабино в контексте оснащения лучника в западной части Старого Света // АВ. – СПб. – Вып. 32. – С. 386–401.

Мимоход Р.А., Шишлина Н.И., 2004. Радиоуглеродные данные финальнокатакомбных погребений могильника Манджикины I и некоторые вопросы датирования памятников рубежа эпохи средней и поздней бронзы Северо-Западного Прикаспия // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. – М. – С. 124–127.

Мокрушин В.П., Кутуков Д.В., 2016. Отчет о проведении археологических полевых работ (раскопки) на территории участка выявленного поселения «Балка Хреева 3» на площади 36 580 кв. м., расположенного в зоне строительства объекта «Реконструкция участков автомобильной дороги Новороссийск-Керченский пролив (на Симферополь). Строительство подъезда от автомобильной дороги М-25 Новороссийск- Керченский пролив в г. Керчь и сухогрузному району морского порта Тамань на участке км 0 – км 42», Темрюкский район, Краснодарский край // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 61741–61780.

Молодин В.И., Бородовский А.П., 1989. Костяные игольники эпохи бронзы с «гофрированным» орнаментом // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск. – С. 31–36.

Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1994. Памятники древнеямной культуры на Илеке. – Екатеринбург. – 153 с.

Моррис (Юмсунова) Т., 2016. Одежда староверов Орегона // Живая старина. № 3 (91). – С. 32–37.

Моруженко А.А., Привалов А.И., Андриенко В.П., Шаповалов Т.А., Косиков В.А., Лыфарь Т.П., Привалова О.Я., Шепко Л.Г., Потемкина Т.М., Гриб В.К.[2], 1979. Исследования на юге Донецкой области // АО 1978 г. – М. – С. 375–376.

Мунчаев Р.Ф., Амиров Ш.Н., 2016. Телль Хазна I. Культово-административный центр IV–III тыс. до н. э. в Северо-Восточной Сирии. – М. – Т. 2. – 584 с.

Мошинский А.П., 2001. Ажурные булавки протокобанской эпохи (к вопросу об относительной хронологии Дигорской культуры) // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции. – Ставрополь. – С. 18–21.

Музейные тайны и открытия. Археологические находки. Первобытность. Античные древности. Славянские клады. Парадное оружие, 2010 / Авторы текста А.А. Кадиева, И.В. Белоцерковская. – М. – 28 с.

[2] В публикации дано ошибочно «В.А».

Мустафаев А.Б., 2021. Оптимальная форма отверстия для остановки трещины продольного сдвига // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. Серия: Механика предельного состояния. № 2. – С. 63–71.

Николаева Н.А., 2011. Этно-культурные процессы на Северном Кавказе в III-II тыс. до н.э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. – М. – 557 с.

Обломский А.М., Усачук А.Н., 2004. Глава 6. Технология изготовления гребней в Замятино-5 и Замятино-8 и мастерские гребенщиков // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени (Раннеславянский мир. Вып. 6). – М. – С. 69–83.

Орфинская О.В., Шишлина Н.И., Голиков В.П., 2003. Головной убор из катакомбного погребения в могильнике Шахаевский 1 на реке Маныч // Вопросы археологии Поволжья. – Самара. – Вып. 3. – С. 261–267.

Осипов С., 2013. Клык кабана // Нэцкэ. № 5. – С. 66–71.

Осипов С., 2017. Вступление // Современные нэцкэ. Каталог выставки. – М. – С. 5–17.

Островерхов А.С., 2003. Древнейшее археологическое стекло Восточной Европы (конец IV тыс. до н.э. – первая половина VII в. до н.э.) // Stratum plus. – СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест. – № 2, 2001-2002. – С. 386–430.

Отделение I. Первобытные древности, 1897 // Труды Девятого Археологического Съезда в Вильне. 1893. – М. – Т. II. – С. 114–119.

Отин Е.С., 2014. Происхождение географических названий Донбасса. – Донецк. – 199 с.

Отрощенко В.В., 1978. О культурной принадлежности погребений с костяными пряжками // Археологические исследования на Украине в 1976-1977 гг.: тезисы докладов XVII конференции ИА АН УССР. – Ужгород. – С. 34–35.

Отрощенко В.В., 1992. О ранней обрядовой группе погребений культуры многоваликовой керамики в Левобережной Украине // История и археология Слободской Украины. – Харьков. – С. 163–165.

Отрощенко В.В., 1998. Феномен кістяних пряжок // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье. – С. 113–117.

Отрощенко В.В., 2001. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфіні зіставлення). – К. – 288 с.

Отрощенко В.В., 2011. Міркування щодо одного «аномального» тексту // Магістеріум. Археологічні студії. – К. – Вип. 45. – С. 14–18.

Отрощенко В.В., 2019. Антропозооморфні шаманські пряжки перехідного періоду від середньої до пізньої бронзи // Археологія. – К. – № 4. – С. 8–15.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1899 год, 1902. – СПб. – 184 с.

Отчет о раскопках Донецкой экспедицией Института археологии АН УССР курганного могильника «Текстильщик» в 1975 г., 1990 // Архив отдела охраны памятников археологии ДРКМ. О. 1976/3.

Охранные раскопки распаханных курганов у поселка Новоамвросиевское Амвросиевского района Донецкой области. Октябрь, 1969 г., 1970 // Архив отдела охраны памятников археологии ДРКМ. О. 1970/2.

Панковський В.Б., 2012. Доробок луківського кісткоріза // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали III Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С.Н. Братченка. – Луганськ. – С. 320-326.

Панковський В.Б., 2015. Щаблі майстрування бабинських пряжок // ДАЗ. – Вінниця. – № 19. –С. 24–57.

Панковский В.Б., 2015а. Слободзейские псалии // Stratum plus. – СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест. – № 2. – С. 265–296.

Панковский В.Б., 2016. Структурно-сырьевая и следоведческая экспертиза костяных и роговых объектов из могильника Глиное // Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. Скифский могильник III-II вв. до н.э. у с. Глиное. (Археологические памятники Приднестровья III). – Кишинев. – С. 1003–1038.

Панковский В.Б., Гиря Е.Ю., Саблин М.В., 2015. Трасологические критерии отличия предметов первобытного искусства и остат-

ков фауны с естественными видоизменениями // Stratum plus. – СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест. – № 1. – С. 169–184.

Панковський В., Філатов Д., 2011. Кістяна індустрія поселення Розанівка // Аркасівські читання: матеріали І Міжнародної науково-практичної конференції. – Миколаїв. – С. 77-81.

Папанова В.А., Тощев Г.Н., Голик А.А., 2016. Раскопки курганного могильника эпохи бронзы (с. Дмитровка Бердянского района Запорожской области) // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. – К. – Т. XIX. – С. 22–58.

Петерс Б.Г., 1986. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. – М. – 191 с.

Петров Ю.Э., 1983. Костяные пряжки раннесрубного времени на территории Среднего Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы. – Куйбышев. – С. 118–122.

Петрунин В.Б., Никашина Е.Б., Куприянов Ф.Г., Никеров Ю.Н., Рымалов И.В., 1998. Энциклопедия охотника. Т. 3. – Можайск. – 254 с.

Пєшанов В.Ф., 1956. Результати археологічних робіт на р. Чингулі в 1950 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. – К. – Т. VI. – С. 85–89.

Писларий И.А., 1983. Культура многоваликовой керамики Восточной Украины. – Автореф. дисс. … к.и.н. – М. – 22 с.

Писларий И.А., 1983а. Культура многоваликовой керамики Восточной Украины. Рукопись дис. ... канд. ист. наук – М. – 271 с.

Погодин Л.И., Довгалюк Н.П., 2005. Консервация археологических находок в полевых условиях // Методика археологических исследований Западной Сибири. – Омск. – С. 234–255.

Подгаецкий Г.В., 1940. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска // – МИА. – М. – № 1. Археологические памятники Урала и Прикамья. – С. 69–82.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В., 2013. Культ кабана в степной и лесостепной Евразии во II – начале I тыс. до н. э. // Дадалық Еуразияның беғазы-дәндібай мәдениеті. Ж. Құрманқұловтың 65 жылдық мерейтойына арналған ғылыми мақалалар жинағы. – Алматы. – С. 453-484.

Подушкин И., 2009. Прорезание щелевых отверстий // Радио. № 4. – С. 30.

Полесских М., 1956. В недрах времен. Археологические памятники в Пензенской области. – Пенза. – 103 с.

Полидович Ю.Б., 1991. Раскопки кургана «Беева Могила» // Архив отдела охраны памятников археологии ДРКМ. О. 1991/4.

Полидович Ю.Б., 1993. Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области // Археологический альманах. – Донецк. – № 2. – С. 35–97.

Полін С.В., 2003. Про пограбування скіфських курганів у районі Чортомлика // Археологія. – № 2. – С. 10–25.

Попова Т.Б., 1955. Племена катакомбной культуры. Северное Причерноморье во втором тысячелетии до нашей эры / Труды ГИМ. – М. – Вып. 24. – 179 с.

Порохова О.И., 1987. Отчет о раскопках курганных могильников у с. Тамар-Уткуль в Соль-Илейком районе и разведке по рекам Буртя и Урта-Буртя в Оренбургской области в 1987 году по Открытому листу № 631 // НА ИА РАН. – Р-1, № 12015.

Привалов А.И., Андриенко В.П., Моруженко А.А., 1978. Отчет новостроечной экспедиции Донецкого госуниверситета за 1978 г. // НА ІА НАНУ. Ф.е. 1978/73.

Приходько А.Н., Лаврукова О.С., Сидорова Н.А., Попов В.Л., 2018. Особенности микрофлоры костных останков и их использование для целей судебной экспертизы // Журнал медико-биологических исследований. – Т. 6, № 2. – С. 156–164.

Протоколы заседаний VIII Археологического Съезда, 1897 // Труды Восьмого Археологического съезда в Москве 1890. – М. – Т. IV. – С. 49–204.

Пыслару И., 2000. Индоевропейцы, конь, узда в эпоху бронзы // Stratum Plus. – СПб.-Кишинев-Одесса-Будапешт. – № 2. – С. 322–345.

Пыслару И., 2023. Василий Городцов и его схема погребений эпохи бронзы. Анализ исследований (к 120-летию открытия) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. № 5. Циркумпонтика. Вып. V. – М. – С. 54–75.

Рабинович М.Г., 2011. Одежда русских XIII–XVII веков // Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки. – М. – С. 19-62.

Радзієвська В.Є., 1982. Обробка кістки та рогу в Лісостеповій Скіфії // Археологія. – 41. – С. 21–33.

Разумов С.Н., 2006. О вооружении носителей бабинской культуры // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. – Липецк. – С. 156–159.

Рафикова Я.В., Федоров В.К., Усачук А.Н., 2019. Коллекция изделий из кости и рога поселения Ново-Байрамгулово-1 // Вопросы археологии Поволжья. – Самара. – Вып. 7. – С. 86–150.

Результаты археологических исследований и раскопок в Бахмутском и Мариупольском уездах, Екатеринославской губернии, 1903 года, № 1. В.А. Городцова, 1903 // Архив ГИМ. Ф. 431. К-95. Ед. хр. 53.

Рогудеев В.В., 2015. Медальоны среднего и позднего бронзового века (к атрибуции солярных медальонов «Чакра») // АВЕС. – Саратов. – Вып. 11. – С. 64–100.

Роскопф И., 1977. Охотничьи трофеи и изделия. – М. – 160 с.

Ростунов В.Л., Отчет об археологических раскопках кургана у ст. Черноярской Моздокского р-на СО АССР в 1985 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 12806, 12807

Ростунов В.Л., 2007. Эпоха энеолита – бронзы на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии. – Владикавказ. – Часть. 1. – С. 11–177.

Руденко Ф.А., Семашко В.Ю., 2003. Лось, кабан. – М. – 143 с.

Рибалова В.Д., 1960. Могильник епохі бронзи в с. Осокорівці // Археологічні пам'ятки УРСР. – К. – Т. IX. – С. 5–13.

Рыбалова В.Д., 1974. Поселение Каменка в Восточном Крыму // АСГЭ. – Л. – Вып. 16. – С. 19–49.

Рыков П.С., 1929. Археологические разведки и раскопки в Нижневолжском крае в 1929 году // НА ИИМК РАН. – ф. 2, № 136.

Рыков П.С., 1932. Отчет об археологических разведках и раскопках, проведенных летом 1932 г. в Нижне-Волжском крае // НА ИИМК РАН. – ф. 2, № 128.

Рыков П.С., 1936. Раскопки курганного могильника в районе г. Элисты // Известия Саратовского Нижневолжского Института Краеведения им. М. Горького. – Саратов. – Т. VII. – С. 57–70.

Савва Е.Н., 1988. Пряжки из погребений культуры многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья // Известия АН МССР. Серия общ. наук. № 3. – С. 57-68.

Савва Е.Н., 1992. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья (по материалам погребального обряда). – Кишинев. – 226 с.

Сакса А.И., Таавитсайнен Ю.П., 2000. Переписка Б.А. Латынина и Т.С. Пассек с А.М. Тальгреном (1926–1931) // Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина. – СПБ. – С. 63–75.

Самар В.А., Антонов А.Л., 1998. Погребальные памятники КМК Северного Приазовья // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье. – С. 83–90.

Самоквасов Д., 1908. Могилы Русской земли. – М. – 276 с.

Свод данных об исследованиях курганов на территории Донецкой области в XX веке, 2004. / Авторы-составители А.Н. Усачук, Ю.Б. Полидович, В.В. Цимиданов, Р.А. Литвиненко // Археологический альманах. – Донецк. – № 14. – С. 56–109.

Сергеев Г.П., 1961. Археологические исследования музея в 1958 г. // Труды (За 1960 год). – Кишинев. – С. 129–136.

Сериков Ю.Б., Канаука Н.В., 2021. К вопросу о технике изготовления отверстий большого диаметра (по данным экспериментов) // Тверской археологический сборник. Вып. 12. Материалы 21-го и 22-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». – Тверь. – С. 244–258.

Сидоров Е.А., Бородовский А.П., 1990. Обработка кости в лесостепном Приобье (в I тыс. до н.э.) // Проблемы технологии древних производств. Новосибирск. – С. 159–172.

Синицын И.В., 1978. Древние памятники Восточного Маныча. – Саратов. – 132 с., 110 табл.

Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1981. Древности Восточного Маныча // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. – Элиста. – С. 29–66.

Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1982. Древности Восточного Маныча // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. – Элиста. – С. 59–92.

Синюк А.Т., Килейников В.В., 1976. Курган у села Введенки на Дону // СА. – № 1. – С. 159–169.

Скаков А.Ю., 2003. Об одной категории протокобанских украшений // РА. – № 1. – С. 91–102.

Скоробогатов А.М., Килейников В.В., 2026. Материалы эпохи средней – поздней бронзы из раскопок курганов на Среднем Дону по результатам работ 2019 г. // Археология восточноевропейской лесостепи. – Воронеж. – Вып. 22. С. 106–125.

Смирнов А.С., 2011. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). – М. – 592 с.

Смирнова А.Г., 2024. Крым и Новороссия в деятельности Московского археологического общества // Московское археологическое общество (1864–1923 гг.): История. Деятели. Опыт. Наследие. К 160-летию основания. Материалы всероссийских научно-практических конференций и межрегионального научно-практического семинара – М. – С. 258–287.

Сорокина И.А., 2010. Раскопки курганов на юге России и становление полевой методики (середина XIX – начало XX вв.) // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. – №7 (78), вып. 14. – С. 130–136.

Список памятников археологии Украины. Донецкая область, 1988. / Составители О.Я. Привалова, А.И. Привалов. – К. – 110 с.

Спицын А.А., 1899. Курганы с окрашенными костяками // Записки императорского Русского археологического общества. Т. XI. Вып. первый и второй. Новая серия. Труды отделения славянской и русской археологии, изданные под редакцией управляющего отделением С.Ф. Платонова. Книга четвертая. – СПб. – С. 53–133.

Степанов М.В., 2008. О семантике фигурных пряжек культуры многоваликовой керамики // МДАСУ. – Луганськ. – № 8. – С. 38–55.

Степанов М.В., 2016. Космогонические мифы в орнаментах степных культур эпохи бронзы. – К. – 251 с.

Степанова О.Б., 2020. Традиционный селькупский пояс: происхождение, изготовление, символика, применение // Этническая культура. – № 2 (3). – С. 52–57.

Столярова Е.К., 2000. Сырьевые материалы и происхождение бус эпохи бронзы западной части евразийских степей // Сезонный экономический цикл населения Северо-западного Прикаспия в бронзовом веке. / Труды ГИМ. – М. – Вып. 120. – С. 91–99.

Столярова Е.К., 2002. Стеклянные и фаянсовые бусы южнорусских степей III-II тыс. до н.э.: материалы и интерпретация // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия. – М.-Элиста. – С. 300–313.

Столярова Е.К., 2003. Бусы из древних силикатов эпохи бронзы евразийских степей // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции. – М. – Часть I. – С. 115–117.

Татаринов С.И., Щербак В.Г., Яцишин П.В., 2018. Очерки археологии Донбасского Придонцовья. – Харьков. – 79 с.

Тихонов С.С., 2014. Узлы на шнурах и веревках и вопросы их этнографо-археологического изучения // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск; Тюмень; Екатеринбург. – Т. I. – С. 299–303.

Тихонов С.С., 2025. Узлы на ремешках, шнурках, веревках из раскопок: информативные возможности // Теория и практика археологических исследований. – Т. 37, № 2. – С. 140–152.

Ткачев А.А., 2002. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень. – Часть 1, 2. – 532 с.

Тощев Г.Н., 1998. Погребения с костяными пряжками эпохи средней бронзы в Крыму

// Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье. – С. 117–125.

Трифонов В.А., 2001. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита-средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Южной половины Европы» 23-28 апреля 2001 г. – Самара. – С.71–82.

Уварова П.С., 1900. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. – М. – Вып. VIII. – 381 с.

Усачук А.Н., 1998. Результаты трасологического изучения костяных пряжек культуры многоваликовой керамики // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье. – С. 125–135.

Усачук А.Н., 1998а. Костяные изделия кургана 1 могильника Селезни-2 (трасологический анализ) // А.Д. Пряхин, Н.Б. Моисеев, В.И. Беседин Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры. – Воронеж. – С. 31–39.

Усачук А.Н., 2002. О заготовках костяных пряжек конца среднего – начала позднего бронзового века // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.). Материалы III Международной конференции. – Тирасполь. – С. 162–165.

Усачук А.Н., 2005. Каменноамбарские псалии (трасологический анализ) // А.В. Епимахов. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). – Челябинск. – Кн. 1. – С. 179–189.

Усачук А.Н., 2007. Трасологический анализ фигурной пряжки из могильника Кевюды 1 // МИИКНСК. – М. – Вып. VII. – С. 85–90.

Усачук А.Н., 2011. Изделия из кости поселений эпохи поздней бронзы в бассейне Верхнего Дона // Е.И. Гак. Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. – М. – С. 202-214.

Усачук А.Н., 2012. Коллекция костяных изделий Степановского поселения // Ю.М. Бровендер. Степановское поселение срубной общности на Донецком кряже. – Алчевск. – С. 140-156.

Усачук А.Н., 2013. Древнейшие псалии (изготовление и использование). – К., Донецк. – 304 с.

Усачук А.Н., 2013а. Пряжка из погребения 3 кургана 1 могильника Угледар // Археологический альманах. – Донецк. – № 30. – С. 172–178.

Усачук А.Н., 2013б. Глава 11. Костяные изделия поселения Устье I // Древнее Устье. Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. / Коллективная монография. – Челябинск. – С. 331–362.

Усачук А.Н., 2015. Поясные пряжки из погребений Второго Липецкого кургана (технология изготовления и реконструкция использования) // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 3(1). – С. 28–41.

Усачук А.Н., 2016. Глава 3. Костяные и роговые изделия из погребений кургана 2 Липецкого могильника // Липецкий курган – памятник элиты доно-волжской абашевской культуры / Научные труды ООО НПО «Черноземье». – Липецк, Воронеж. – Вып. 4. – С. 23–34.

Усачук А.Н., 2016а. Трасологический анализ изделий из кости, рога и камня // Я.П. Гершкович. Суботовское городище. – К. – С. 475-486.

Усачук А.Н., 2017. Заготовка желобчатого псалия из окрестностей Челябинска // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 5(2). – С. 67–77.

Усачук А.Н., 2018. Результаты трасологического анализа костяной пряжки из погребения 6 одиночного кургана Ясиновский III // Р.А. Мимоход. Стратифицированные курганы бронзового века на правобережье Северского Донца. / МСАИ. – М. – Т. 23. – С. 55.

Усачук А.Н., 2019. Об исследованиях Н.Е. Макаренко в 1930 г. (документы и материалы) // Верхнедонской археологический сборник. – Липецк. – Вып. 11. – С. 487–508.

Усачук А.Н., 2024. Поселение позднего бронзового века Макри Хая в Северо-Восточном Приазовье // Cultural Heritage and Modern Technologies. 2. – С. 1-68.

Усачук А.Н., Кравцова С.Л., Мимоход Р.А., 2026. Трасологический анализ пряжки из могильника Чограй VIII // Археологические исследования Северного Кавказа в XIX – начале XXI века: традиции и инновации. Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа «XXXIV Крупновские чтения», посвященной 145-летию Пятого археологического съезда в Тифлисе. – Владикавказ. – С. 111-113.

Усачук А.Н., Купцова Л.В., 2024. Костяные изделия из погребения 9 могильника у горы Березовой (трасологический анализ и поиск аналогий) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень. – № 1 (64). – С. 45-58.

Усачук А.Н., Литвиненко Р.А., 1997. Технология изготовления пряжек культуры многоваликовой керамики // Доба бронзи Доно-Донецького регіону (матеріали 3-го Українсько-Російського польового археологічного семінару). – К., Вороніж, Перевальськ. – С. 46–50.

Усачук А.Н., Литвиненко Р.А., 2001. Об изготовлении пряжек эпохи бронзы // Доба бронзи Доно-Донецького регіону (матеріали 5-го Українсько-Російського польового археологічного семінару). – К., Вороніж. – С. 109–114.

Усачук А.Н., Мимоход Р.А., 2025. Природные «артобъекты»: от желаемого к действительному (на примерах костяных предметов эпохи поздней бронзы и раннего железного века). Онлайн площадка «Перепутье», отдел археологии бронзового века ИА РАН. 15. 05. 2025 г. Электронное видео https://rutube.ru/video/2f509ad4fb34f5c1872cb947bf623ed0/ (00:00:00–01:10:09).

Усачук А.Н., Полидович Ю.Б., 2022. Археологические свидетельства ограбления курганов в Донбассе в конце XIX - начале XX веков // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 10(1). – С. 30-66.

Усачук А.Н., Потапов В.В., 2011. Щитковый псалий с поселения эпохи бронзы Вареновка III из Восточного Приазовья // ДАЗ. – Донецьк. – № 15. – С. 148–160.

Усачук А.Н., Файзуллин И.А., 2016. Костяные изделия Токского и Покровского поселений эпохи поздней бронзы в Западном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 12. Оренбург. – С. 127-148.

Ушаков Д.Н. (ред.), 1935. Толковый словарь русского языка. – М. – Т. 1. – 824 с.

Фабрициус И.В., 1951. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. – К. – Вып. I. – 154 с.

Федоров П.А., 1908. Производство роговых и костяных изделий и протравы для рога и кости. – СПб. – 72 с.

Федоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Паромов Я.М., 1978. Отчет о раскопках курганов в Черноярском и Енотаевксом районах Астраханской области в 1978 г. // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 8358, 8358 а-б.

Федорова-Давыдова Э.А., 1966. Курган на трассе Краснознаменского канала // Труды ГИМ. – М. – Вып. 40. – С. 36-41.

Федоровський О., 1927. Інструкції та програми для розвідок і реєстрації пам'яток археологічних. – Харків. – 136 с.

Финкель В.М., 1977. Физические основы торможения разрушения. – М. – 359 с.

Фролов И.В., 2020. Роговая муфта из села Белогостицы Ростовского района Ярославской области: история обнаружения и проблемы атрибутации // Археология Севера: материалы VIII археологических чтений памяти С.Т. Еремеева. – Череповец. – Вып. 8. – С. 55-61.

Фурсова Е.Ф., Афанасьева Ю.Ю., 2011. Пояса русских крестьян Сибири конца XIX - начала XX в.: типология и этнокультурная характеристика // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск. – № 3. – С. 31–35.

Халиков А.Х., 1969. Древняя история Среднего Поволжья. – М. – 395 с.

Химченко В.А., 2012. Заповедными тропами Донетчины. Фотоальбом-путеводитель. – Донецк. – 168 с.

Хойновский И.А., 1896. Краткие археологические сведения о предках славян и Руси, и опись древностей собранных мною, с объяснениями и XX таблицами рисунков. – К. – Вып. I. – 223 с.

Цимідanов В.В., Кравченко Е.Є., Підобід В.А., Полідович Ю.Б., Спінов В.В., Усачук А.М., 2013. Дослідження курганів групи Марієнфельд на Донеччині // АДУ. 2012. – К., Луцьк. – С. 156–157.

Цуцкин Е.В., 1978. Отчет о работе Калмыцко-Астраханской археологической экспедиции Калмыцкого НИИИФ и Калмыцкого государственного университета в 1978 г. // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 9827, 9827 а, б.

Чарняўскі Макс., 2007. Касцяныя і рагавыя вырабы на паселішчах Крывінскага тарфяніку (неаліт – бронзавы век). – Мінск. – 77 с.

Чарняўскі Макс., 2015. Мастацкія вырабы з паселішчаў Крывінскага тарфяніка // Супольнасці каменнага і бронзавага вякоў міжрэчча Віслы і Дняпра: Зборнік навуковых артыкулаў памяці Міхала Чарняўскага. – Мінск. – С. 229–254.

Чарняўскі Макс. М., Чарняўскі М.М., 2011. Паўночнабеларўская культўра // Археалогія Беларусі. Энцыклапедыя ў двух тамах. 2 т. Л – Я. – Мінск. – С. 176–177.

Чарняўскі Міх., Чарняўскі Макс., 2004. Унікальны тып касцяных і рагавых падвесак-амулетаў са стаянак Крывінскага тарфяніку // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск. – № 19. – С. 28–30.

Черкасов А.А., 1990. Записки охотника Восточной Сибири. – М. – 574 с.

Чернова И.В., 2005. Этнографическое прочтение исторического источника – документации Томской городской полиции // Культуры и народы Западной Сибири в контексте междисциплинарного изучения. Сборник Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. – Томск. – Вып. 1. – С. 280–286.

Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А., 2002. Аргыжское городище на реке Вятке. – М. – 188 с.

Черных Е.Н., 1978. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. – № 4. – С. 53–82.

Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б., Кузьминых С.В., 2002. Металлургия в циркумпонтийском ареале: от единства к распаду // РА. – № 1. – С. 5–23.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М. – 320 с.

Черных Л.А., Дараган М.Н., 2014. Курганы эпохи энеолита-бронзы междуречья Базавлука, Соленой, Чертомлыка. / Серия «Курганы Украины». Т. 4. – К. – 568 с.

Чернявский Макс., 2016. Новые даты с поселения Асавец 2 // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н.э. – Смоленск. – С. 310–316.

Черняков И.Т., 1985. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н. э. – К. – 171 с.

Черняков И.Т., 1996. Культура многоваликовой керамики – восточный ареал балкано-дунайского очага культурогенеза // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Материалы международной конференции. – Донецк. – Часть первая. – С. 59–64.

Черняков И.Т., 2001. Рец. на: Балагури Э.А. Население Верхнего Потисья в эпоху бронзы. – Ужгород: УжНУ, 2001. – 392 с. // Археологія. – К. – № 4. – С. 149–154.

Чшиев В.Т., 2022. Некоторые примечательные артефакты некрополя Фаскау у с. Галиат Республики Северная Осетия- Алания // Вестник Владикавказского научного центра. – Владикавказ. – Т. 22. № 1. – С. 4–8.

Шаповалов Т.О., Колесник О.В., 1972. Розкопки курганів у Донецькій області // АДУ в 1969 р. Інформаційні повідомлення. – К. – Вип. IV. – С. 66–71.

Шерстюк В.В., Прядко О.О., 2016. Чутівське городище на Сулі // Старожитності Посулля: Пам'яті Ф.І. Камінського (1845–1891). – К. – С. 148–160.

Шишлина Н.И., 2006. Отчет о проведении археологических раскопок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2006 году // НА ИА РАН. – Р-1, №№ 32001, 32002.

Шишлина Н.И., Егорьков А.Н., Шортланд А., 2010. Происхождение и производство фаянсовых бус в Северо-западном Прикаспии в бронзовом веке // На пути открытия цивилизации. Труды МаргАЭ. – СПб. – С. 639–655.

Шмырина М.Е., 2020. Технология подготовки костного материала для его последу-

ющей обработки и изготовления изделий: экспериментальные данные // Археология евразийских степей. – Казань. – №5. – С. 25–28.

Шульц П.Н., 1941. 82. Евпаторийский район // Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг. Краткие отчеты и сведения. – М., Л. – С. 267.

Эварницкий Д.И., 1897. Курганы у реки Орели Екатеринославской губернии // Труды Восьмого Археологического съезда в Москве 1890. – М. – Т. III. – С. 328–329.

Эварницкий Д.И., 1901. Раскопка курганов в Херсонской губернии, Херсонского и Александрийского уездов (В имении А.Н. Синельникова, Михайлове-Апостолове и хуторе О.В. Волковой Зироньке) // Труды Одиннадцатого Археологического Съезда в Киеве. 1899. – М. – Т. I. – С. 718–735.

Езеро, 1979. Езеро – раннобронзовото селище. – София. – 547 с.

Эрдниев У.Э., 1982. Археологические памятники Южных Ергеней. – Элиста. – 153 с.

Яценко С.А., 2006. Костюм Древней Евразии (ираноязычные народы). – М. – 661 с.

Al-Gailani L., 1972. Some Sumerian Statues in the Iraq Museum // Iraq. – London. – Vol. XXXIV. – P. 73–76.

Arne T.J., 1945. Excavations at Shah Tepé. – Stockgolm. – 367 p., pl. LCII.

Averbouh A., Zidarov P., 2014. The Production of Bone Figurines in the Balkan Chalcolithic and the Use of Debitage by Extraction / Producția Figurinelor Din Os În Calcoliticul Balcanic Și Utilizarea Debitajului Prin Extracție // An Overview of the Exploitation of Hard Animal Materials During the Neolithic and Chalcolithic. – Targoviste. – P. 183–200.

Bátora J., 2006. Štúdie ku komunikácii medzi strednou a Východnou Európou v dobe bronzovej. – Bratislava. – 315 s.

Bátora J., Marková K., Vladár J., 2003. Die Glockenbtecherkultur in Kontext der kultuhistorischen Entwicklung in der Süwestslowakei // The Northeast Frontier of Bell Beaker. – Oxford. – S. 255–264.

Bill J., 1973. Die Glockenbecherkultur und die frühe Bronzezeit im französischen Rhonebecken und ihre Beziehungen zur Südwestschweiz. – Basel. – 109 s., 15 kart., 63 taf.

Binford L.R., 1981. Bones: Ancient Men and Modern Myths. – New York. – 320 p.

Bóna I., 1965. The Peoples of Southern Origin of the Early Bronze Age in Hungary I–II // Alba Regia. – Székesfehérvár. – Vol. IV–V. – P. 17–63.

B*óna I.*, 1975. Die Mittlere Bronzezeit Ungarns und ihre südöstlichen Beziehungen. – Budapest. – 317 s., 281 taf.

Borrello M.A., Micheli R., 2004. Spondylus gaederopus, gioello dell'Europa preistorica // Preistoria Alpina. V. 40. Suppl. 1. – P. 71-82.

Bossert H.T., 1937. Altkreta. Kunts und Handwerk in Griecheland, Kreta und in der Ägäis von den Anfängen bis zur Eisenseit. – Berlin. – 304 s.

Braidwood R.F, Braidwood L.S., 1960. Excavations in the Plain of Antioch. The Earlier Assemblages Phases A–J. – Chicago. – 601 p., 87 pl.

Briard J., 1979. The Bronze Age in Barbarian Europe. From the Megaliths to the Celts. – London. – 246 p.

Brzeziński W., 1980. Przyczynek do badań nad rogownictwem na ziemiach polskih u schyłku starożytności (IV-V w. n.e.) // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. XXVIII. – Warszawa. – S. 29–39.

Bydlowski A., 1905. Mogily w Nowosiolce w powiecie Lipowieckim gub. Kijowskiej (Dokończenie) // Swiatowit. – Warszawa. – T. VI. – S. 1–7.

Bydlowski A., 1905a. Mogily w Jackowicy w powiecie Lipowieckim w gub. Kijowskiej // Swiatowit. – Warszawa. – T. VI. – S. 8–30.

Case H., 2001. The Beaker Culture in Britain and Ireland: Groups, European Contacts and Chronology // Bell Beakers today. Pottery, people, culture, symbols in prehistoric Europe. – Trento. – Vol. 1. – P. 361–377.

Case H., 2004. Bell Beaker and Corded Ware Culture Burial Assotiatins: A Bottom-Up rather than Top-Down Approach // From Sickles to Circles. Britain and Ireland at the Time of Stonehenge. – Stroud. – P. 201–214.

Clarke D.L., 1970. Beaker pottery of Great Britain and Ireland. – Cambridge. – Vol. 1. – 280 p.

Drașovean F., 2018. A Spondylus Gaederopus Linnaeus, 1753 spiny oyster pendant from the Neolithic settlement of Sânandrei Ocsăplaț (Timiș County, western Romania) // Studii de Preistorie, 15. – P. 29–50.

Évora M.A., 2015. Use-Wear Methodology on the Analysis of Osseous Industries // Use-Wear and Residue Analysis in Archaeology. – New York, Dordrecht, London. – P. 159–170.

Fabre E., 2017. The use of tools made from wild boar canine during the French Mesolithic: example of Cuzoul de Gramat collection (Lot, france) // Археология евразийских степей. № 2. 2017. Каменный век и начало эпохи раннего металла. Технология изготовления и функции костяных изделий в древних культурах Евразии. – Казань: ИА им. А.Х. Халикова АН РТ. – С. 287-300.

Fischer J., 1995. Englische Gruppen: Südengland, Mittelengland, Wales // Freiburger Archäologische Studien. Das Glockenbecher-Phänomen. – Freiburg. – № 2. – S. 123–139.

Fisher J.W., 1995a. Bone Surface Modifications in Zooarchaeology // Journal of Archaeological Method and Theory. Vol. 2, № 1. – P. 7–68.

Frankfort H., 1935. Oriental Institute Discoveries in Iraq, 1933/34. – Chicago. – 122 p.

Frankfort H., 1936. Progress of the Work of the Oriental Institute in Iraq, 1934/35. – Chicago. – 138 p.

Frankfort H., 1939. Sculpture of The Third Millennium B.C. from Tell Asmar and Khafājah. – Chicago. – 222 p.

Girić M., 1971. Mokrin. The Early Bronze Age Necropolis // Mokrin II. The Early Bronze Age necropolis. Dissertations et Monographie. – Beograd. – T. XI. – P. 29–237.

Gods and Goddesses, 1992. – Ankara. – 213 p.

Gogâltan F., 1999. Bronzul timpuriu şi Mijlociu în Banatul Românesc şi pe cursul inferior al Mureşului. Cronologia şi descoperirile de metal // Bibliotheca historica et archaeological Banatica. – Timişoara. – XXIII. – 390 s.

Gregerová M., Hložek M., Sulovský P., 2006. Přírodovědné analýzy fajánsového korálku z hrobu Nitranské kultury ze Slatinic, okres Olomouc // Slovenská archeológia. – Nitra. – Roč. – LIV. – Čís. 1. – S. 33–38.

Grigoriev S.A., 2019. Central European Impulses in Eastern Europe in the Early Second Millennium BC // Slovenská archeológia. – Nitra. – Roč. LXVII. – Čís. 2. – P. 225–238.

Grimes W.F., 1960. Excavations on Defence Sites, 1939-1945. I: Mainly Neolthic – Bronze Age. – London. – 259 p.

Großmann R., 2016. Das Dialektische Verhältins von Schnurkeramik und Glockenbecher zwischen Rhein und Saale // Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. – Bonn. – Band 287. – 280 s.

Guy P.L.O., 1938. Megiddo Tombs. – Chicago. – 605 p.

Hafner A., 1998. Frühbronzezeit. Westschweiz und Wallis // Die Schweiz vom Paläolithikum bis zum frühen Mittelalter. Bronzezeit. – Basel. – SPM III. – S. 20–32.

Hájek L., 1959. Kostěná industrie otomanské kultury z Barce // Slovenská archeológia. – Bratislava. – Roč. VII. – Čís. 2 – S. 285–300.

Hájek L., 1968. Kultura zvoncovitých pohárů v Čechách // Archeololgické studijní materiály. --Praha. – 5. – 160 s., X tab.

Hänsel B., Medović P., 1994. Bronzozeitliche Inkrustationskeramik aus Feudvar bei Mošorin an der Theiβmündung // Die Fragen der Bronzozeit. Archäologishe Konferenz des Komitates Zala und Neiderösterreichs III. Keszhtely, 5-7.10.1992 – Zalai Múzeum 5. – S. 189–199.

Harding A.F., 1971. The Earliest Glass in Europe // Archeologické rozhledy. – Praha. – XXIII. – P. 188–200.

Harding A.F., 1984. The Mycenaeans and Europe. – London. – 334 p.

Harding A.F., 1990. The Wessex connection: developments and perspectives // Orientalisch-Ägäische Einflüsse in der europäischen Bronzezeit. Monographien. – Bonn. – Band 15. – S. 139–154.

Harrison R.J., 1977. The Bell Beaker Cultures. Cultures of Spain and Portugal. – Cambridge. – 257 p.

Harrison R.J., 1980. The Beaker Folk. Copper Age archaeology in Western Europe. – London. – 176 p.

Harrison R.J., 2007. Majaladares. A Bronze Age Village of Farmers, Hunters and Herders // IA. – Rahden/Westf. – Band 107. – 209 p.

Hecker W., 1995. Böhmische Gruppe: Böhmen // Freiburger Archäologische Studien. Glockenbecher-Phänomen. – Freiburg. – № 2.– S. 41–66.

Henderson J., 1988. Glass production and Bronze Age Europe // Antiquity. – Oxford. – Vol. 62. – № 236. P. 435–451.

Hrubý V., 1957. Slovanské kostěné předměty a jejich výroba na Moravě // Památky archeologické. XLVIII, čislo I. – S. 118–217.

Joukowsky M.S., 1986. Prehistoric Aphrodisias. An Account of the Excavation and Artifact Studies. – Rhode Island. – 484 p.

Kadinlary T.Ç.G., 2006. Mysterios Women of the Bronze Age. – Istanbul. – 184 p.

Kadrow S., 1998. Osteuropäische Beiziehungen des epischnurkeramischen karpaten-ländischen Kulturkreises in der Frühbronzezeit // Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Mettallzeiten (4000 – 500 v.Chr.). – München-Rahden/Westf. – S. 253–260.

Kadrow S., 2000. Wczesnobrązowa wytwórczość metalurgiczna w stylu wierzbowego liścia // 150 lat Muzeum Archeologicznego w Krakowie. – Kraków. – S.1 41–152.

Karantzali E., 1996. Le Bronze Ancien dans les Cyclades et en Crète. Les relations entre les deux region Influence de la Grèce Continentale. – Oxford. – 277 p.

Kenyon K.M., Holland T.A., 1983. Ecavations at Jericho. Volume Five. The Pottery Phases of the Tell and Other Finds. – London. – 864 p.

Klebs R., 1882. Bernsteinschmuck der Steinzeit. – Königsberg. – 75 s., XII taf.

Koşay H.Z., 1951. Les fouilles d'Alaca Hoyuk. Rapport preliminare // Türk Tarih Kurumu Tarafindan Yapilan. – Ankara. – 202 p., CCVII pl.

Köster C., 1966. Beiträge Endneolithikum und zur Frühen Bronzezeit am nördlichen Oberrhein // Prehistorische Zeitschrift. – Berlin. – Band XLIII/XLIV. – S. 2–95.

Kushnareva K.Kh., 1997. The Southern Caucasus in Prehistory. Stages cultural and socioeconomic development from the eighth to the second millennium B.C. – Philadelphia. – 280 p.

Lalor S., 2023. Irish Early Bronze Age Bows: form and Function. unpublished MSc Dissertation, University College Dublin. [available on Academia.edu https://www.academia.edu/111336502/Irish_Early_Bronze_Age_Bows_form_and_function.

Lalor S., 2025. Bracers or Whetstones? // EXARC Journal Issue. https://exarc.net/issue-2025-2/rev/bracers-or-whetstones.

Lloyd S., 1978. The Archaeology of Mesopotamia. From the Old Stone Age to the Persian Conquest. – London. – 252 p.

Lytvynenko R.O., 2013. Central European parallels to the Dnieper – Don center of Babyno culture // Baltic-Pontic studies. The Ingul-Donets Early Bronze civilization as springboard for transmission of Pontic cultural patterns to the Baltic Drainage Basin 3200 – 1750 BC. – Poznań. – Vol. 18. – P. 122–244.

Machnik J., 1967. Stosunki kulturove na przełomie neolititu i epohi brązu w Małopolsce // Materiały do prahistorii ziem polckich. – Warszawa. – 235 s.

Machnik J., 1973. Ze studiów nad zviązkami Kaukazu z obzarami karpackimi w początkach epoki brązu // Archaelogia Polski. – Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk. – T. XVIII. – S. 127–166.

Machnik J., 1978. Wczesny okres epoki brązu // Prahistoria ziem polskich. Wczesna epoka brązu. – Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk. – S. 9–136.

Machnik J., 1991. The Earlist Bronze Age in the Carpatian Basin. – Bradford. – 210 p.

Makharadze Z., 2016. Ananauri № 3 Big Kurgan // Ananauri № 3 Big Kurgan. – Tbilisi. – P. 27–10.

Makharadze Z., Murvanidze B., 2014. Ananauri № 3 Big Kurgan // Dziebani. Journal of the Georgian Archaeology. – Tbilisi. – № 22.

Mallowan M.E.L., 1947. Excavations at Brak and Chagar Bazar // Iraq. – London. – Vol. IX, P. 1–259.

Marquebielle B., 2014. Le travail des matières osseuses au Mésolithique. Caractérisation technique et économique à partir des séries du Sud et de l'Est de la France, PhD thesis, University of Toulouse II Jean Jaurès. – Toulouse. – 510 p.

Marquebielle B., *Fabre E.*, 2021. Tools made from wild boar canines during the French Mesolithic: a technological and functional study of the collection from Le Cuzoul de Gramat (France) // Foraging Assemblages. Vol. 2. – Belgrade; New York. – P. 526–534.

Mellaart J., 1961. Erliest Civilizations of the Near East. – London. – 143 p.

Moorey P.R.S., 2003. Idols of the People. Miniature Images of Clay in the Ancient Near East. – Oxford. – 82 p.

Mortimer J.R., 1905. Forty Years' Researches in British and Saxon Burial Mounds of East Yorkshire. – London. – 452 p.

Mozsolics A., 1973. Bronze- und Golfunde des Karpatenbeckens. Depotfundhorizonte von Forró und Ópályi. – Budapest. – 364 s.

Müller-Karpe H., 1974. Handbuch der Vorgeschichte. Kupferzeit – München. – Bd. III/1-3. – 1095 p., 746 pl.

Müller-Karpe H., 1980. Handbuch der Vorgeschichte. Bronzezeit. – München. – Bd. IV/1-3.

Newton R.G., *Renfrew C.*, 1970. British Faience Beads Reconsidered // Antiquity. – Cambridge. – Vol. XLIV. – P. 199–206.

Nicodemus A., *Lemke A.K.*, 2016. Specialized Bone Working in the Bronze Age? The Organization of Production at Pecica-Şanţul Mare, Romania // Cuadernos del Instituto Nacional de Antropología y Pensamiento Latinoamericano, Series Especiales Vol. 3. № 2. Global Patterns in the Exploitation of Animal Based Raw Materials: Technical and Socio-Cultural Issues. – P. 103–120.

Nicolas C., 2019. The production and use of archery related items as a reflection of social changes during the Late Neolithic and the Early Bronze Age in Europe // Habitus? The Social Dimension of Technology and Transformation. – Leiden. – P. 115–139.

Nieszery N., Breinl L., 1993. Zur Trageweise des Spondylusschmucks in der Linearbandkeramik // Archaeologisches Korrespodenzblatt. Bd. 23. Heft 4. – Mainz. – S. 427–438.

O'Connor T.P., 1987. On the structure, chemistry and decay of bone, antler and ivory // Archaeological Bone, Antler and Ivory. Occasional Papers N 5. – London: The United Kingdom Institute for Conservation. – P. 1-9.

Oates J., 2005. Archaeology in Mesopotamia: Digging Deeper at Tell Brak // Proceedings of British Academy. – Oxford. – № 131. – P. 1–39.

Ondrãček J., Šebela L., 1985. Pohřebiště nitranské skupiny v Holešově (katalog nálezú) // Studie Muzea Kroměřižska. – Gottwaldow. – S. 2–130.

Orłowska J., 2015. How Did They Drill That? – A Few Observations on the Possible Methods for Making Large-sized Holes in Antler. EXARC Journal,[online] Available at: https://exarc.net/issue-2015-2/ea/how-did-they-drill-few-observations-possible-methods-making-large-sized-holes-antler

Orłowska J., 2017. The same or different? Experimenting with the influence of peat environment on use-wear traces on antler tools // International Journal of Osteoarchaeology. 28 (2). P. 1–11. https://doi.org/10.1002/oa.2638

Pankovskiy V., 2016. Deer Antler Cheekpiece from Ushkalka-I. Expertise and Advice on Typological Classification // Man, Culture, and Society from the Copper Age Until the Early Iron Age in Northern Eurasia. Contributions in Honour of the 60th Anniversary of Eugen Sava (Tyragetia International 1). – Chişinău: Tyragetia. – P. 225–242.

Paulík J., 1980. Prähistorische Kunst in der Slowakei. – Bratislava. – 184 s.

Pendlebury J.D.S., 1963. The archaeology of Crete. – New-York. – 400 p.

Petrescu-Dîmboviţa M., 1977. Depozitele de bronzuri din România. – Bucureşti. – 390 p.

Petrie W.M.F., Quibell J.E., 1896. Naqada and Ballas. – London, 1896. – 79 p.

Piggot S., 1966. Mycenae and barbarian Europe: An Outline Survey // Sborník Národního muzea v Praze – Acta Musei Nationalis Pragae. – Praha. – Sv. XX. Čís. 1–2. – p. 117–125.

Potts D.T., 2004. The Archaeology of Elam. Formation and Transformation an Ancient Iranian State. – Cambridge. – 490 p.

Prent M., 2005. Cretan Sanctuaries and Cults // Religions in the Graeco-Roman World. – Leiden-Boston. – Vol. 154. – 737 p.

Provenzano N., 2001. Les industries en os et bois de cervidés des Terramares Émiliennes. Thèse de Doctorat de l'Université – Préhistoire et Anthropologie. Aix-en-Provence. Vol. I, II. – 300 p., 316 fig.

Provenzano N., 2004. Fiche terminologie du travail des matières osseuses, du Paléolithique aux Âges des Métaux // Matières et techniques, Industrie de l´os préhistorique. Cahier XI. – Paris. –P. 29–37.

Provenzano N., 2004a. Fiche transformation des matières dures d'origine animale à l'Âge du Bronze en Italie du Nord // Matières et tech-

niques, Industrie de l´os préhistorique. Cahier XI. – Paris. –P. 205–217.

Puttkammer T., 1994. Glockenbecherkultur // Das Neolithikum im Mittelelbe-Saale-Gebiet und der Altmark. Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas 4. – Wilkau-Hasslau. – S. 269–289.

Rice M., 2004. Egypt's Making. The origins of Ancient Egypt 5000–2000 BC. – London-New York. – 312 p.

Rijkelijkhuizen M., 2023. Een ivoren polsbeschermer uit de Bossche bodem. Duiding van een archeologische vondst // Silva. Online cultuurhistorisch tijdschrift over 's-Hertogenbosch. Jaargang 4. N. 3. – P. 3–7.

Rijkelijkhuizen M.J., Zeiler J.T., van Dijk. J., 2024. Nederlandse Osseous and keratinous objects from the Netherlands. Archeologische Rapporten 84. – Amersfoort. – 383 p.

Sangmeister E., 1964. Die schmalen «Armschutzplaten» // Studien aus Alteuropa. - Köln. – T.I. – S. 93–122.

Sangmeister E., 1984. Die «Glockenbecherkultur» in Sw-Deutschland // L'Age du Cuirve Européen. Civilisations à Campaniformes. – Paris. – S. 81–106.

Schliemann H., 1881. Ilios. Stad und Land der Trojaner. – Leipzig. – 880 s.

Schmidt C.-D., 1995. Süddeutsche Gruppe: Südwestdeutschland, Elsaß und Nordschweiz // Freiburger Archäologische Studien. Das Glockenbecher-Phänomen. Freiburg. –№ 2. – S. 84 –100.

Schmidt E.F., 1932. The Alishar-Hüyük. Seasons of 1928 and 1929. – Chicago. – 148 p.

Schmidt K., 2002. Norşuntepe. Kleinfunde II. Artefakte aus Felsgestein, Knochen und Geweih, Ton, Metall und Glas. – Mainz am Rhein.

Schuhmacher T.X., 2011. Long and Middle Range Contacts in the Early Bronze Age of the Western Mediterranean // Archäologie in Eurasien. Sozialarchäologische Perspektiven: Gesellschaftlicher Wandel 5000-1500 v. Chr. Zwischen Atlantik und Kaukassus. – Darmstadt. – Band 24. – P. 415–528.

Šebela L., Škrdla P.A., 2003. Cemetery of the Bell Beaker Culture in Marefy and its Contribution to Studies on the Chipped Stone Industry of the Moravian Late Eneolithic Period // The Northern Frontier of Bells Beaker. – Oxford. – P. 231–247.

Shortland A., Shishlina N., Egorkov A., 2007. Origin and production of Faience Beads in the North Caucasus and the Northwest Caspian Sea Region in the Bronze Age // Les cultures du Caucase (VI–III millénaires avant notre ère). Leurs relations aves le Proche-Orient. – Paris. – P. 269–283.

Sidéra I., 2004. Fiche exploitation de l'os au Néolithique dans les Bassins parisien et Rhénan // Matières et techniques, Industrie de l´os préhistorique. Cahier XI. – Paris. –P. 163–171.

Šmíd M., 2006. Pohřebiště Nitranské kultury ze Slatinic, okres Olomouc // Slovenská archeológia. – Nitra. – Roč. LIV. – Čís. 1. – S. 1–31.

Speiser E.A., 1935. Excavations at Tepe Gawra.– Philadelphia. – Vol. I. – 220 p.

Staššíkova-Štukovská D., Hložek M., 2009. Praveké fajansové koráliky z hrobu 1 v Spišských Tomášovciach // Študijné zvesti Archeologického ústavu SAN. – Bratislava. – P. 69–77.

Stolyarova E.K., 2000. On the origin of glass beads from South-Russian steppe (from the end of the IIIrd to the beginning of the IInd thousand BC) // 32nd International Symposium «Archaeometry». Program. Abstracts. – Mexico City.

Tobler A.J., 1950. Excavations at Tepe Gawra. – Philadelphia. – Vol. II. –– 260 p., tabl. CLXXXI.

Točík A., 1959. Parahová a kostená industriá Maďarovske kultúry na Juhozápadnom Slovesku // Študiné zvesti AÚSAV. – Nitra. – Č. 3. – S. 23–54.

Točík A., 1963. Die Nitra-Gruppe // Archeologické rozhledy. – Praha. – XV. – S. 716–770.

Turek J., 2015. Bell Beaker stone wirst-guards as symbolic male ornament. The significance of ceremonial warefare in 3hd millennium BC Central Europe // The Bell Beaker transition in Europe. Mobility and local evolution during 3hd millennium BC. – Oxford-Philadelphia. – P. 28–40.

van Buren E.D., 1950. Amulets, Symbols or Idols // Iraq. – London. – Vol. XII. № 2. – P. 139–146.

van Buren E.D., 1955. New Evidence concerning an Eye-Divinity // Iraq. – London. – Vol. XVII. № 2. – P. 164–175.

Vitezović S., 2011. The Neolithic Bone Industry from Drenovac, Serbia // Written in Bones Studies on technological and social contexts of

past faunal skeletal remains. – Wrocław. – P. 117–135.

Vitezović S., 2013. Bone Industry from Starčevo-Grad: Technology and Typology // The Sound of Bones. Proceedings of the 8th Meeting of the ICAZ Worked Bone Research Group in Salzburg 2011. / Schriften zur Archäologie und Archäometrie an der Paris Lodron-Universität Salzburg, 5. – Salzburg. – P. 263–276.

Vitezović S., 2013a. The prehistoric bone tool assemblage from Grivac (central Serbia) // Glasnik Srpskog arheološkog društva. Vol. 29. – P. 209–232.

Vitezović S., 2018. Handle with Care: Handles, Hafts and Sleeves from Osseous Material in the Starčevo Culture // Representations, signs and symbols: proceedings of the symposium on life and daily life. – Cluj-Napoca. – P. 7–16.

Vitezović S., 2021. Osseous artifacts from the Maros-culture necropolis at Ostojiće vo (northern Serbia) // Bones at a crossroads. Integrating Worked Bone Research with Archaeometry and Social Zooarchaeology. – Leiden. – P. 99–118.

Vladár J., 1973. Pohrebiská zo staršej doby bronzovej v Branči // Archaeologica Slovaca. – Bratislava. – T. XII. – 272 s.

Voinea V., Grigoruță O., Cărpuș C., 2014. Hard animal material adornments discovered in Hamangia settlement from Cheia/Podoabe din materii dure animale descoperite în așezarea Hamangia de la Cheia // An overview of the exploitation of hard animal materials during the Neolithic and Chalcolithic/O privire asupra exploatării materiilor dure animale de-a lungul neoliticului și calcoliticului. – Târgoviște. – P. 101–136.

Wiechmann A., 1995. Elb-Saale-Gruppe: Sachsen, Thüringen, Sachsen-Anhalt // Freiburger Archäologische Studien. Das Glockenbecher-Phänomen. – Freiburg. – № 2. – S. 96–116.

Williams B.B., Wilkinsonns J.L., Magee R.W., 1994. Bronze Age burials at Kilcroagh, County Antrim, and faience beads in Ireland // Ulster Journal of Archaeology. – Belfast. – Vol. 54-55. – P. 48–60.

Yakar J., 1985. The Later Prehistory of Anatolia. The Late Chalcolitic and Early Bronze Age. – Oxford. – Part I. – 246 p.

Yaylali S., 2014. Göz Idolleri ve Pirot Höyük Örneği Eye Idols and the Example from Pirot Höyük // The Journal of MCRI. Cedrus II. – P. 1–26.

Woolley C.L., 1934. Ur excavation. The Royal cemetery. – New York. – 604 p.

Zaharia E., 1959. Sie Lockenringe von Sarata – Moteoru und ihre typologishen und chronologishen beziehugen // Dacia. Revue d'archéologie et d'histoire ancienne. – Budapesht. – Sér. III. – P. 103–134.

Zimmerman T., 2007. Die ältesten kupferzeitlichen Bestattungen mit Dolchbeigabe // Monografien des Römisch-Germanischen Zentralmuseum. – Mainz. – Band 71. – 169 s.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение к главе 1

1.1. Материалы по изучению фигурных пряжек

Письмо С.Н. Братченко А.Н. Усачуку (из архива А.Н. Усачука)

III – 1996

Дорогой Толя!

Спасибо тебе. С.-Петербург. сборники получил. Итак, связь с С.-П. через Донецк!

Рад, что ты увлекся пряжками, но не закапывайся слишком. Высылаю тебе фото пряжки-запонки из Альбома зар-к В.А. Городцова, № Архива ГИМ у меня – 0 (нет)[1]. Архив тогда (я смотрел его «связки» неразобранные еще в 60-х гг). Но этот рис. и в статье Якова Гершковича (я ему тогда давал пленку – негативы – у меня эти два Альбома переснятые). Учти, что зарис-ки В.А. Городцова очень схематичные. Прилагаю тебе ненужную мне стр. старой моей рукописи – может понадобиться. Это все – тебе, оставь себе. Всего доброго. СБрат [подпись]».

1. Лист старой рукописи[2]:

СБрат [подпись] Из старой рукописи 1975-80 гг. 8[3]

К этому склоняет удивительная близость псалия из Поляны с роговыми пряжками александровского типа[4] в форме диска или округленного прямоугольника с прямоугольной планкой, нередко с рожками (рис. ..). На краю планки, в торце паз и небольшие отверстия для глухого крепления одного конца ремня, а на диске – выступ-пуговица для застегивания другого. Эти пряжки (их известно 8 экз.) происходят из надежных погребальных комплексов бабинской культуры Северского Донца и Приазовья[1], причем …

[1]Гершкович Я.П. Костяные зооморфные пряжки культуры многоваликовой керамики. – Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы (тезисы докладов). Донецк, 1979, с. 59-60. Помимо указанных здесь памятников с[5] пряжками (Камышеваха, бывш.[6] Бахмутского уезда 5/1, здесь две пряжки, Старая Михайловка, Новоамвросиевское, Александровск 1/4, Донецк, 1975 г., 4/19) отметим еще[7] погребения Новолакедемоновка на Миусском полуострове (*Ильюков Л.С., Казакова Л.М.,* Миусские курганы. АО 1979, М, 1980, с. 108) и Новогупаловки (*Отрощенко В.В.* Отчет о работах Запорожской экспедиции в 1981 г.)

Необходимо отметить тот колоссальный ущерб для поступательного развития науки, который наносит существующая с давних пор традиция преимущественно словесной подачи археологической информации (в публикациях, отчетах). Несмотря на всеми осознаваемый приоритет графической формы, на практике существует ограничение её (иллюстрации не должны превышать одной четверти общего объема публикаций!). Именно по этой причине рассматриваемые пряжки, впервые ~~встреченные ещё В.А. Городцовым в начале столетия~~[8], а также столь знамени-

[1] См. Рис. 1 после текста письма С.Н. Братченко.

[2] Склеен из нескольких частей листов А4 в один блок длиной 63 см.

[3] Название листа рукописи и его номер (8) сделаны простым карандашом по старому тексту, выполненному темно-синей шариковой ручкой.

[4] Два слова «александровского типа» написаны над строкой, где зачеркнут повтор слова «пряжками».

[5] «памятников с» вписаны над строкой.

[6] вписано над строкой.

[7] «еще» вписаны над зачеркнутым продолжением фразы «находки следую».

[8] Часть текста зачеркнута С.Н. Братченко.

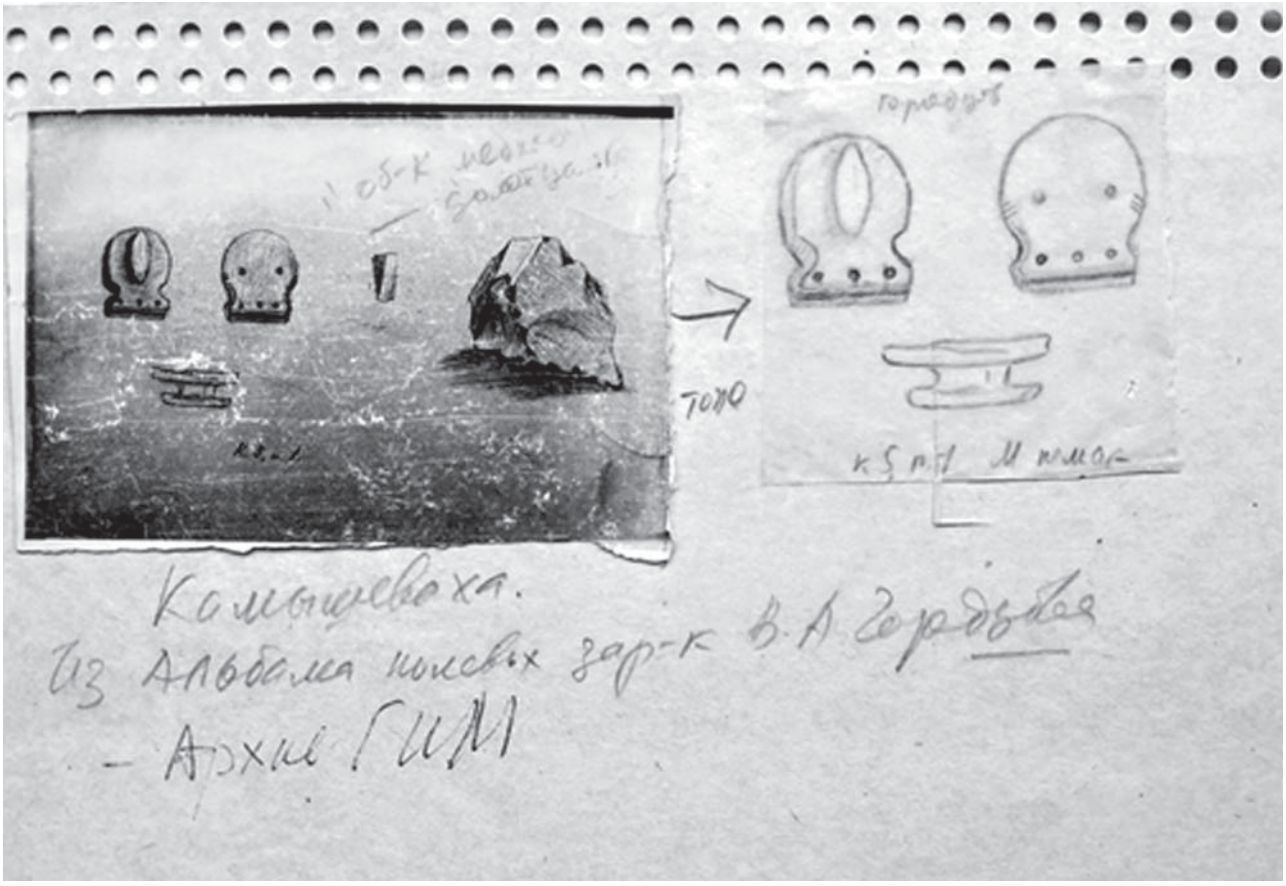

Рис. 1. Карточка из архива С.Н. Братченко.

тые, эпохальные в изучении бронзового века – дисковидные псалии, впервые найденные еще в начале столетия на Украине и Среднем Дону, стали известны лишь спустя 50-80 лет (да и то благодаря новейшим раскопкам!). Удивительный парадокс в организации науки[9]: мы раскапываем, открываем, чтобы терять и потом опять находить, но, к сожалению, далеко не всегда.

Схематичный рисунок пряжки из раскопок В.А. Городцова на Донеччине был найден нами в неизданном «Альбоме полевых зарисовок» В.А. Городцова, хранящемся в ГИМ. Между тем в словесной объемистой форме с дневниками все материалы были «изданы» (Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года. – Труды XIII АС, т. I, М., 1907, с. 355-357. Здесь в погребении две пряжки, «запонки» по В.А. Городцову.)

Вторая находка пряжки была сделана Н.Е. Макаренко в начале 30-х годов и издана ~~лишь случайно~~[10] (причем случайно и уже вне комплекса – обстоятельства?). Б.А. Латыниным в 1967 г. (Латынин Б.А. Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка. – АСГЭ, в. 9, Ленинград, 1967, с. 28, рис. 26). Еще одна пряжка из Луганска (Вергунка), очевидно, навсегда потеряна для науки – нет ни рисунка, ни описания её, а лишь отмечено, что в кургане 3 (Вергунском) при «полускорченном» костяке, лежавшем на левом боку, головой к ЮЗЗ найдена «небольшая костяная псалия». Вероятно, это не круглая костяная пряжка, которую автор раскопок (из другого погребения) называет «амулетом». (*Локтюшев С.А.* Отчет об археологических работах Донбасской экспедиции на Луганщине в 1929 г. Архив ИА АН УССР, фонд ВУАК, № 327/10). Разумеется, все эти предметы давно пропали.

[9] «в организации науки» вписано под строкой.
[10] Два слова зачеркнуты С.Н. Братченко.

1.2. Варианты интерпретации назначения пряжек, предложенная авторами раскопок и публикации

Авторы раскопок и публикаций, год раскопок и публикаций	Тип пряжки	Комплекс	Варианты назначения
Культурный круг Лола			
Братченко, 1965 *Братченко*, 1995; 2006 *Ильюков*, 2013		Ливенцовская крепость п. 6 (ВУКГ)	Костяная пряжка ? Поясная пряжка
Федоров-Давыдов, Дворниченко, Малиновская, Паромов, 1978; *Дворниченко, Малиновская, Паромов, Федоров-Давыдов*, 1979		Кривая Лука XXI 1/9 (лолинская)	Поясная пряжка
Цуцкин, 1978 *Мимоход, Калмыков,* 2005		Ут 6/1 (лолинская)	Пряжка для одежды, костяная застежка Поясная пряжка
Андреева, 1986		Чограй VIII 34/1 (лолинская)	Поясная пряжка
Порохова, 1987 *Богданов*, 1998		Тамар-Уткуль VII 4/3 (ВУКГ)	Костяная булавка, «условно назвали пряжкой» Костяная кольцеобразная булавка или пряжка с Т-образным стержнем
Калмыков, Мимоход, 2005; *Калмыков, Матюхин*, 2007		Кевюды-1 3/5 (лолинская)	Поясная пряжка
Калмыков, 2005; *Мимоход, Калмыков*, 2005		Ильинский-1 1/6 (лолинская)	Поясная пряжка
Калмыков, 2005; *Мимоход, Калмыков*, 2005		Типки-1 2/4 (лолинская)	Поясная пряжка
Калмыков, 2005; *Мимоход, Калмыков*, 2005; *Кореневский, Белинский, Калмыков*, 2007		Ипатово-3 2/13 (лолинская)	Поясная пряжка
Калмыков, Мимоход, 2005; *Ростунов*, 2007		Черноярская 3/10 (лолинская)	Поясная пряжка

Авторы раскопок и публикаций, год раскопок и публикаций	Тип пряжки	Комплекс	Варианты назначения
Шишлина, 2006; *Мимоход*, 2011; 2012; 2013		Темрта I 2/7 (лолинская)	Поясная пряжка
Ильюков, 2015		Родионов 4 5/3 (лолинская)	Костяная подвеска
Культурный круг Бабино (ДДБК)			
Дневник.., 1903, л. 147; *Городцов*, 1907, с. 236; 1907а, с. 357		Камышеваха 5/1	Костяные запонки
Локтюшев С.А. раскопки 1929 г.[1]		Луганск (Вергунка) 3/12	«Костяная псалия»
Латынин, 1967		Старая Михайловка (Старомихайловка), курган	Костяная плоская бляшка
Шаповалов, Колесник, 1972		Новоамвросиевское 3/2	Поясная пряжка
Гершкович, 1979; 1986		Донецк (Текстильщик) 4/19	Поясная пряжка
Моруженко, Привалов, Андриенко, Шаповалов, Косиков, Лыфарь, Привалова, Шепко, Потемкина, Гриб, 1979; Список памятников.., 1988		Новотроицкое III 3/11	Поясная пряжка
Ильюков, Казакова, 1980; 1988; *Ильюков*, 1983		Новолакедемоновка, од. к./10	Поясная пряжка
Гершкович, 1986; *Литвиненко*, 2006б		Александровск 1/4	Поясная пряжка
Ковалева, 1987; *Ковалева, Андросов, Шалобудов, Шахров*, 1987		Долгая Могила 4/17	Поясная пряжка
Кульбака, Качур, 2002		Приволье 1/5	Поясная пряжка

[1] В списке литературы см. (*Братченко*, 2000), а также выше (Приложение 1.1).

Авторы раскопок и публикаций, год раскопок и публикаций	Тип пряжки	Комплекс	Варианты назначения
Полидович, 1993		Беева Могила п. 3	Поясная пряжка
Клименко, 1998		Новоандреевка 4/1	Поясная пряжка
Цимідanов, Кравченко, Підобід, Полідович, Спінов, Усачук, 2013		Мариенфельд 3/3	Поясная пряжка
Папанова, Тощев, Голик, 2016		Дмитровка 7/5	Поясная пряжка
Литвиненко, Ляшко, 2018		Новогупаловка III, 10/2	Поясная пряжка
Кавказские культуры			
Уварова, 1900		Мог. Донифарс (протокобанская)	Костяное кольцо для натягивания лука
Гуммель, 1940		Ханлар 18/1, пос. Ханлар 1	Изделия из кости в виде зеркальца, колечко с ручкой
Марковин, 1960, 1963		Гатын-Кале п. 7, 30 (гинчинская)	Костяные подвески
Гаджиев, 1969		Гинчи склеп 2	Костяная подвеска
Магомедов, 1990; *Атаев*, 2001		Ирганайский 1 к. 1 склеп 1	Поясная пряжка
Атаев, 1991; *Ильюков, Магомедов*, 2010		Пос. Ирганайское I (гинчинская)	Поясная пряжка
Атаев, 2003		Пос. Ирганайское I (гинчинская)	Заготовка поясной пряжки
Ильюков, 2007; *Ильюков, Магомедов*, 2010		Гертма III 5/1, 6/3 (присулакская)	Поясные пряжки

Авторы раскопок и публикаций, год раскопок и публикаций	Тип пряжки	Комплекс	Варианты назначения
Другие культуры			
Кияшко, Ларенок, 2020 *Кияшко, Ларенок*, 2023		Пос. Балка Хреева III (каменско-ливенцовская)	Предмет неясного назначения Поясная пряжка
Каверзнева, 1999		Шагарский п. 46 (шагарская)	Костяной гарпун
Каверзнева, 2003		Шагарский п. 14 (шагарская)	Поясная пряжка
Каверзнева, 2000, 2003		Шагарский п. 52 (шагарская)	Поясная пряжка
Каверзнева, 2012		Шагарский п. 109 (шагарская)	Поясная пряжка или украшение
Каверзнева, 2017		Шагарский п. 130 (шагарская)	Костяное изделие с округлой частью в виде кольца, орудие
Каверзнева, 2015		Пос. Шагара 1 (шагарская)	Рыболовный крючок
Ефименко, Третьяков, 1961		Алгаши 1/1 (СВАК)	Принадлежность пояса
Чарняўскі Міх., Чарняўскі Макс., 2004; *Чарняўскі Макс.*, 2007; 2015		Пос. Асовец 2 и 7 (северобелорусская)	Ключеподобные подвески
Чарняўскі Макс., 2007		Пос. Асовец 2 (северобелорусская)	Рыболовные «крюки»

кольцевидно-широкопланочные (тип 1)

кольцевидные с комбинированной или Т-образной планкой (тип 2)

кольцевидно-узкопланочные (тип 3)

кольцевидная с редуцированной планкой (тип 4)

крючково-широкопланочные (тип 1)

крючково-узкопланочные (тип 2)

Приложение к главе 2

2.1. Процесс накопления источниковой базы комплексов с планочными пряжками

Год раскопок	Авторы раскопок и отчетов	Тип пряжки	Комплекс	Данные о публикации
Культурный круг Лола				
1965	Братченко С.Н.		Ливенцовская крепость п. 6 (ВУКГ)	*Братченко*, 1995; 2006; 2012
1978	Федоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Паромов Я.М. Цуцкин Е.В.	 	Кривая Лука XXI 1/9 (лолинская) Ут 6/1 (лолинская)	*Калмыков, Мимоход*, 2005 *Калмыков, Мимоход*, 2005
1979	Андреева М.В.		Чограй VIII 34/1 (лолинская)	*Андреева*, 1986; 1989
1985	Ростунов В.Л.		Черноярская 3/10 (лолинская)	*Калмыков, Мимоход*, 2005; *Ростунов*, 2007
1987	Порохова О.И.		Тамар-Уткуль VII 4/3 (ВУКГ)	*Богданов*, 1998
1997	Ляхов С.В.		Типки-1 2/4 (лолинская)	*Калмыков*, 2005; *Калмыков, Мимоход*, 2005
1998	Березин Я.Б.		Ильинский-1 1/6 (лолинская)	*Калмыков*, 2005; *Калмыков, Мимоход*, 2005
2001	Белинский А.Б.		Ипатово-3 2/13 (лолинская)	*Калмыков*, 2005; *Кореневский, Белинский, Калмыков*, 2007
2002	Матюхин А.Д.		Кевюды-1 3/5 (лолинская)	*Калмыков*, 2005; *Калмыков, Мимоход*, 2005; *Калмыков, Матюхин*, 2007
2006	Шишлина Н.И.		Темрта I 2/7 (лолинская)	*Мимоход*, 2011; 2012; 2013
2015	Ильюков Л.С.		Родионов 4 5/3 (лолинская)	Публикуется впервые
2024	Ларенок П.А.		Пос. Каратаево (лолинская)	Публикуется впервые

Культурный круг Бабино (ДББК)				
1903	Городцов В.А.		Камышеваха, курганы на Волчьем поле 5/1	*Городцов*, 1907; 1907а
1929	Локтюшев С.А.		Луганск (Вергунка) 3/12	*Братченко*, 2000
1932	Макаренко Н.Е.		Старая Михайловка (Старомихайловка), курган	*Латынин*, 1967
1969	Шаповалов Т.А.		Новоамвросиевское 3/2	*Шаповалов, Колесник*, 1972
1972	Братченко С.Н.		Александровск 1/4	*Гершкович*, 1986; *Литвиненко*, 2006б
1975	Даниленко В.Н.		Донецк (Текстильщик) 4/19	*Гершкович*, 1986
1978	Привалов А.И.		Новотроицкое III 3/11	*Моруженко, Привалов, Андриенко, Шаповалов, Косиков, Лыфарь, Привалова, Шепко, Потемкина, Гриб*, 1979; Список памятников.., 1988
1979	Казакова Л.М., Ильюков Л.С.		Новолакедемоновка од. кург./10	*Ильюков, Казакова*, 1988
1982	Ляшко С.Н.		Новогупаловка III 10/2	*Литвиненко, Ляшко*, 2018
1985	Ковалева И.Ф.		Долгая Могила 4/17	*Ковалева*, 1987; *Ковалева, Андросов, Шалобудов, Шахров,* 1987
1987	Клименко В.Ф.		Новоандреевка 4/1	*Клименко*, 1998
1990	Полидович Ю.Б.		Беева Могила п. 3	*Полидович*, 1993
1991	Кульбака В.К.		Приволье 1/5	*Кульбака, Качур*, 2002
2012	Цимиданов В.В.		Мариенфельд 3/3	*Цимідanов, Кравченко, Підобід, Полідович, Спінов, Усачук*, 2013

2015	Папанова В.А.		Дмитровка 7/5	*Папанова, Тощев, Голик*, 2016
Кавказские культуры				
Конец XIX в.[1]	Тимофеев В.Л.		Мог. Донифарс (протокобанская)	*Уварова*, 1900
1935–1937[2]	Гуммель Я.И.		Пос. Ханлар	*Гуммель*, 1940
1935–1938[3]	Гуммель Я.И.		Ханлар 18/1	*Гуммель*, 1940
1956–1959[4]	Марковин В.И.		Гатын-Кале п. 7, 30	*Марковин*, 1960; 1963
1960	Гаджиев М.Г.		Гинчи склеп 2	*Гаджиев*, 1969
1991	Атаев Г.Д.		Пос. Ирганайское 1 (гинчинская)	*Ильюков, Магомедов*, 2010; *Атаев Г.*, 2018
1988	Атаев Г.Д., Магомедов Р.Г.		Ирганайский 1/1	*Магомедов*, 1990
2003	Атаев Г.Д. Магомедов Р.Г.		Пос. Ирганайское 1 (гинчинская) Великент III катакомба 2	*Атаев Г.*, 2018 Публикуется впервые
2007	Ильюков Л.С.		Гертма III 5/1, 6/3 (присулакская)	*Ильюков, Магомедов,* 2010
Другие культуры				
1926–1927[5]	Ефименко П.П.		Алгаши 1/1 (СВАК)	*Ефименко, Третьяков*, 1961

[1] Точный год раскопок нам неизвестен.
[2] Точный год раскопок нам неизвестен.
[3] Точный год раскопок нам неизвестен.
[4] В каких именно полевых сезонах этого временного отрезка были найдены пряжки, нам неизвестно.
[5] В каком из этих полевых сезонов был раскопан курган 1, нам неизвестно.

1966, 1968, 1969, 1972, 1978, 1979, 1980, 1983, 1986, 1991, 1992, 1995, 1996, 1999, 2001–2005[6]	Чернявский Мих. М.		Пос. Асовец 2 (северобелорусская)	*Чарняўскі Міх., Чарняўскі Макс.*, 2004; *Чарняўскі Макс.*, 2007; 2015
1984	Каверзнева Е.Д.		Шагарский п. 14 (шагарская)	*Каверзнева*, 2003
1999	Каверзнева Е.Д.		Шагарский п. 46 (шагарская)	Публикуется впервые
2000	Каверзнева Е.Д.		Шагарский п. 52 (шагарская)	*Каверзнева*, 2003; *Каверзнева, Бобров, Борисов*, 2006
2000–2005[7]	Чернявский Макс. М.		Пос. Асовец 7 (северобелорусская)	*Чарняўскі Міх., Чарняўскі Макс.*, 2004; *Чарняўскі Макс.*, 2015
2012	Каверзнева Е.Д.		Шагарский п. 109 (шагарская)	Публикуется впервые
2015	Каверзнева Е.Д.		Пос. Шагара 1	Публикуется впервые
2016	Мокрушин В.П., Кутуков Д.В.		Пос. Балка Хреева III (каменско-ливенцовская)	*Кияшко, Ларенок*, 2020; 2023
2017	Каверзнева Е.Д.		Шагарский п. 130 (шагарская)	Публикуется впервые

[6] История исследования пос. Асовец 2 насчитывает около двух десятков лет (*Чарняўскі Макс.*, 2007, с. 6). В какие полевые сезоны были найдены пряжки, нам неизвестно.

[7] На поселении найдено три кольцевидно-узкопланочные пряжки (илл. 68, *7, 8, 12*). В какие из полевых сезонов обнаружены две из них (илл. 68, *7, 8*), нам неизвестно. Третье изделие (илл. 68, *12*) происходит из материалов раскопок 2002 г. (*Чарняўскі Міх., Чарняўскі Макс.*, 2004, с. 28).

Приложение к главе 3

3.1. Радиоуглеродные даты посткатакомбных погребений с роговыми фигурно-планочными пряжками

№	Комплекс	Тип пряжки	Культура	Шифр лаб.	Материал	Дата BP	Дата CalBC (OxCal v. 3.10) Вероятн. 1σ
1	Кевюды 1 3/5		Лолинская	ГИН-12043	Кость человека	3580±40	2009-1833
2	Темрта I 2/7		Лолинская	Ki-14752	Кость человека	3850±70	2460-2200
3	Чограй VIII 34/1		Лолинская	Ki-12877	Кость человека	3780±60	2300-2040
4	Ипатово-3 2/13		Лолинская	ГИН-10146	Кость человека	3200±120	1616-1321
5	Ипатово-3 2/13		Лолинская	ГИН-11157	Кость человека	3560±100	2030-1744
6	Ипатово-3 2/13		Лолинская	ГИН-11432	Кость человека	3470±40	1878-1694
7	Ильин-ский-1 1/6		Лолинская	ГИН-10139	Кость человека	3460±180	2019-1523
8	Типки-1 2/4		Лолинская	ГИН-10311	Кость человека	3640±40	2113-1942
9	Мариен-фельд 3/3		ДДБК	IGAN AMS-7453	Кость человека	3620±20	2020-1945

Приложение к главе 4

4.1. Данные антропологии. Половозрастные определения

Комплекс	Тип пряжки	Пол	Возраст	Антрополог / археолог	Источник
Культурный круг Лола					
Кевюды 1 3/5		Муж.	35–45 лет	Д.В. Пежемский	*Калмыков, Матюхин*, 2007
Темрта I 2/7		Муж.	30–40 лет	А.А. Хохлов	*Шишлина*, 2006
Чограй VIII 34/1		Муж	35–55 лет	Г.П. Романова	*Андреева*, 1989
Ипатово-3 2/13		Муж.	45–55 лет	М.М. Герасимова, Д.В. Пежемский	*Калмыков, Мимоход,* 2005
Ильинский-1 1/6		Муж.	45–55 лет	М.М. Герасимова, Д.В. Пежемский	*Калмыков, Мимоход,* 2005
Типки-1 2/4		Муж.	Старше 55 лет	М.М. Герасимова, Д.В. Пежемский	*Калмыков, Мимоход,* 2005
Кривая Лука XXI 1/9		Муж.	30–40 лет	Л.Т. Яблонский	*Федоров-Давыдов, Дворниченко, Малиновская, Паромов*, 1976
Ут 6/1		Жен.	Пожилая	Не указано[1]	*Цуцкин*, 1978; *Калмыков, Мимоход*, 2005
Культурный круг Бабино (ДДБК)					
Александровск 1/4		Муж.	55–65 лет	Не указано	*Гершкович*, 1986; *Литвиненко*, 2006б[2]
Беева Могила п. 3		Муж.	30–35 лет	Не указано[3]	*Полидович*, 1993

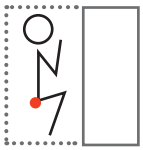
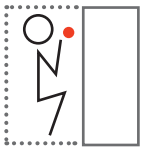
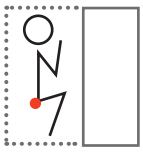
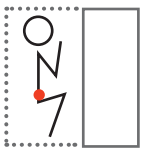
[1] В отчете Е.В. Цуцкина (1978) не указано, кем проводились определения костей человека, но, судя по тому, как они изложены в тексте при описании погребений, исследованных в этом полевом сезоне, можно сделать однозначный вывод о том, что с материалами работал квалифицированный антрополог.

[2] В работе Р.А. Литвиненко указан возраст умершего 40–55 лет.

[3] В статье указано, что определение предварительное (*Полидович*, 1993, с. 81).

Комплекс	Тип пряжки	Пол	Возраст	Антрополог / археолог	Источник
Долгая Могила 4/17		Муж.	Не указано	Не указано	*Ковалева, Андросов, Шалобудов, Шахров*, 1987
Камышеваха 5/1		Муж.	Средних лет	В.А. Городцов	*Городцов*, 1907а
Мариенфельд 3/3		Муж.	30–40 лет	А.А. Казарницкий	Архив А.Н. Усачука
Кавказские культуры					
Гертма III 5/1 (присулакская)		Подросток	10–12 лет	Е.Ф. Батиева	*Ильюков, Магомедов*, 2010
Гертма III 6/3 (присулакская)		Реб.	4–6 лет	Е.Ф. Батиева	*Ильюков, Магомедов*, 2010
Ханлар 18/1		Жен.	Не указано	Я.И. Гуммель	*Гуммель*, 1940
Другие культуры					
Шагарский п. 46 (шагарская)		Муж.	Не указано	Е.Д. Каверзнева	*Каверзнева*, 1999
Шагарский п. 52 (шагарская)		Жен. (?)	Не указано	Е.Д. Каверзнева	*Каверзнева*, 2003
Шагарский п. 109 (шагарская)		Муж.	30–40 лет	А.А. Казарницкий	*Каверзнева*, 2012
Шагарский п. 130 (шагарская)		Муж.	40–50 лет	А.А. Казарницкий	*Каверзнева*, 2017
Алгаши 1/1 (СВАК)		Муж.	Молодой	П.П. Ефименко	*Ефименко, Третьяков*, 1961

4.2. Месторасположения пряжек в погребениях

Комплекс	Тип пряжки	Месторасположение пряжки	Схема	Источник
Культурный круг Лола				
Кевюды 1 3/5 (лолинская)		Под левым крылом таза		*Калмыков, Мимоход*, 2005; *Калмыков, Матюхин*, 2007
Темрта I 2/7 (лолинская)		У тазовых костей, в месте их сочленения с бедренными костями		*Шишлина*, 2006; *Мимоход*, 2013
Чограй VIII 34/1 (лолинская)		Перед лицом		*Андреева*, 1986; 1989
Ипатово-3 2/13 (лолинская)		На крестце тазе		*Калмыков*, 2005; *Калмыков, Мимоход*, 2005; *Кореневский, Белинский, Калмыков*, 2007
Ильинский-1 1/6 (лолинская)		В районе левого колена и запястья левой руки		*Калмыков*, 2005; *Калмыков, Мимоход*, 2005
Типки-1 2/4 (лолинская)		Между костями правого предплечья и правой бедренной костью		*Калмыков*, 2005; *Калмыков, Мимоход*, 2005
Кривая Лука XXI 1/9 (лолинская)		У костей таза, на линии пояса		*Калмыков, Мимоход*, 2005
Родионов 4 5/3 (лолинская)		У верхней части левой плечевой кости		*Ильюков*, 2015
Ут 6/1 (лолинская)		В районе левой ключицы и кисти левой руки		*Калмыков, Мимоход*, 2005
Ливенцовская крепость п. 6 (ВУКГ)		Под тазом		*Братченко*, 1995; 2006

Тамар-Уткуль VII 4/3 (ВУКГ)		Между бедренными костями в районе коленных суставов		*Богданов*, 1998
Культурный круг Бабино (ДДБК)				
Александровск 1/4		Перед коленями умершего		*Гершкович*, 1986; *Литвиненко*, 2006б
Беева Могила п. 3		В районе правой стопы		*Полидович*, 1993
Долгая Могила 4/17		У левого крыла таза		*Ковалева, Андросов, Шалобудов, Шахров*, 1987
Донецк (Текстильщик) 4/19		У кистей		*Гершкович*, 1986
Камышеваха 5/1		На шее, у правого плеча		*Городцов*, 1907; 1907а
Мариенфельд 3/3		Под черепом		*Цимiданов, Кравченко, Пiдобiд, Полiдович, Спiнов, Усачук*, 2013
Новоамвросиевское 3/2		В 0,1 м к северу от локтя левой руки		*Шаповалов, Колесник*, 1972
Новоандреевка 4/1		Между тазом и левой кистью		*Клименко*, 1998
Новогупаловка III 10/2		У колен		*Литвиненко, Ляшко*, 2018
Новолакедемоновка од. кург./10		За спиной, между правой рукой и стенкой ямы		*Ильюков, Казакова*, 1988

Новотроицкое III 3/11		В 0,32 м к северу от черепа, слева от него		*Привалов, Андриенко, Моруженко*, 1978
Приволье 1/5		Около таза		*Кульбака, Качур*, 2002
Кавказские культуры				
Гертма III 5/1 (присулакская)		У таза		*Ильюков, Магомедов*, 2010
Гертма III 6/3 (присулакская)		У таза		*Ильюков, Магомедов*, 2010
Другие культуры				
Шагарский п. 14 (шагарская)		В районе предплечья правой руки		*Каверзнева*, 1984; 2003
Шагарский п. 46 (шагарская)		На левой стопе		*Каверзнева*, 1999
Шагарский п. 52 (шагарская)		У правой стопы В районе грудной клетки		*Каверзнева*, 2000; 2003
Шагарский п. 109 (шагарская)		У левого крыла таза		*Каверзнева*, 2012
Шагарский п. 130 (шагарская)		У стоп		*Каверзнева*, 2017

4.3. Месторасположения пряжек в погребениях с двумя экземплярами

Комплекс	Тип пряжки	Месторасположение пряжки	Схема	Источник
Культурный круг Бабино (ДДБК)				
Камышеваха 5/1		На шее, у правого плеча		*Городцов*, 1907; 1907а
Беева Могила п. 3		В районе правой стопы Под нижней концом плечевой кости правой руки, на поясе		*Полидович*, 1993
Новоамвросиевское 3/2		В 0,1 м к северу от локтя левой руки Под черепом		*Шаповалов, Колесник*, 1972
Новоандреевка 4/1		Между тазом и левой кистью, на поясе		*Клименко*, 1998
Приволье 1/5		Около таза		*Кульбака, Качур*, 2002
Другие культуры				
Шагарский п. 52 (шагарская)		У правой стопы В районе грудной клетки		*Каверзнева*, 2000; 2003

- кольцевидно-планочные
- кольцевидные

Приложение к главе 5

5.1. Данные о выполненных натурных исследованиях пряжек

Комплекс	Пряжка, рисунок	Даты работы с пряжками	Место хранения	Место проведения трасологического анализа находки	Инструменты трасологического анализа	Графическая работа с находкой	Номер находки в рабочем архиве А.Н. Усачука «Пряжки»
Культурный круг Лола							
Темрта I 2/7 (лолинская)		10–16. 07.2006	ГИМ, Москва	Степная арх. экспедиция ГИМ, с. Ремонтное, Ростовская обл.	МБС-9	Выполнен рисунок во время изучения пряжки	176
Чограй VIII, 34/1 (лолинская)		29.01.2025	Ставропольский гос. музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве	Отдел археологии, Ставропольский гос. музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве, Ставрополь	Портативный микроскоп MG10085 Zoom 60x-100x	Выполнен рисунок во время изучения пряжки	211
Кевюды 1 3/5 (лолинская)		18.04.2003	ГИМ, Москва	ИА РАН, Москва	Микроскоп Leica MZ 6 и портативный микроскоп «Микко»	Выполнен рисунок во время изучения пряжки	164
Ильинский-1 1/6 (лолинская)		15–16. 04.2003	Ставропольский гос. музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве	ИА РАН, Москва	Микроскоп Leica MZ 6 и портативный микроскоп «Микко»	Поправлен ранее изготовленный другим художником рисунок	160

Комплекс	Пряжка, рисунок	Даты работы с пряжками	Место хранения	Место проведения трасологического анализа находки	Инструменты трасологического анализа	Графическая работа с находкой	Номер находки в рабочем архиве А.Н. Усачука «Пряжки»
Типки-1 2/4 (лолинская)		15–16. 04.2003	Ставрополь-ский гос. музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве	ИА РАН, Москва	Микроскоп Leica MZ 6 и портатив-ный микроскоп «Микко»	Поправлен ранее изготовленный другим художни-ком рисунок	162
Ипатово 3 2/13 (лолинская)		15–16. 04.2003	Ставрополь-ский гос. музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве	ИА РАН, Москва	Микроскоп Leica MZ 6 и портатив-ный микроскоп «Микко»	Поправлен ранее изготовленный другим художни-ком рисунок	161
Пос. Каратаево		26.02.2025	Не сдана, в обработке	Центр коллектив-ного пользования при ИА РАН, Москва	Стерео-микроскоп Stemi 2000-C	Выполнен рисунок во время изучения пряжки	213
Тамар-Ут-куль VII 4/3 (ВУКГ)		22.04.2025	Музей археологии Оренбургского государственного педагогического университета	Лаборатория отдела научных исследова-ний ОГПУ, Оренбург	МБС-10	Выполнен рисунок во время изучения пряжки	219
Ливенцов-ская кре-пость п. 6 (ВУКГ)		23.04.2026	Ростовский обл. музей краеведения	Отдел фондов РОМК, Ростов	МБС-9	Выполнен рисунок во время изучения пряжки	225

Комплекс	Пряжка, рисунок	Даты работы с пряжками	Место хранения	Место проведения трасологического анализа находки	Инструменты трасологического анализа	Графическая работа с находкой	Номер находки в рабочем архиве А.Н. Усачука «Пряжки»
Культурный круг Бабино (ДДБК)							
Александровск 1/4		29.03.1996	Луганский обл. краеведческий музей	Отдел археологии, ЛОКМ, Луганск	Портативный микроскоп «Микко»	Исправлен ранее выполненный другим художником рисунок	21
Беева Могила п. 3		9.12.2001; 13.06.2017	Донецкий республиканский краеведческий музей	Отдел археологии, ДРКМ, Донецк	МБС-2	Исправлен ранее выполненный другим художником рисунок	206
Долгая Могила 4/17		9.12.1999	Не располагаем информацией	Археологическая лаборатория, Днепропетровский гос. университет, Днепропетровск	Портативный микроскоп «Микко»	Исправлены ошибки ранее выполненного другим художником рисунка; окончательный рисунок с учетом исправлений выполнен позже Р.А. Литвиненко	137
Донецк (Текстильщик) 4/19		9.12.2001; 13.06.2017	Донецкий республиканский краеведческий музей	Отдел археологии, ДРКМ, Донецк	МБС-2	Первый рисунок выполнен в сентябре 1975 г. во время работы Донецкой арх. экспедиции АН УССР. Второй рисунок выполнен во время изучения пряжки в 2017 г.	207

Комплекс	Пряжка, рисунок	Даты работы с пряжками	Место хранения	Место проведения трасологического анализа находки	Инструменты трасологического анализа	Графическая работа с находкой	Номер находки в рабочем архиве А.Н. Усачука «Пряжки»
Мариенфельд 3/3		11.11.2013	Донецкий республиканский краеведческий музей	Отдел археологии, ДРКМ, Донецк	МБС-2	Выполнен рисунок во время изучения пряжки	200
Новоамвросиевское 3/2		18.09.1995	Археологический музей Донецкого государственного университета	Археологическая лаборатория, ДонГУ, Донецк	МБС-2	Использован точный рисунок Р.А. Литвиненко, выполненный в это же время	2
Новоандреевка 4/1		2.04.1997	Енакиевский исторический музей им. Г. Берегового	Гор. истор. музей, Енакиево, Донецкая обл.	МБС-2	Исправлены ошибки ранее выполненного другим художником рисунка	19
Новотроицкое III 3/11		18.09.1995	Археологический музей Донецкого государственного университета	Археологическая лаборатория, ДонГУ, Донецк	МБС-2	Использован исправленный Р.А. Литвиненко рисунок	1
Приволье 1/5		28.01.1998	Не располагаем информацией	Археологическая лаборатория, ДонГУ, Донецк	МБС-2	Использован точный рисунок Р.А. Литвиненко, выполненный в это же время	72

Комплекс	Пряжка, рисунок	Даты работы с пряжками	Место хранения	Место проведения трасологического анализа находки	Инструменты трасологического анализа	Графическая работа с находкой	Номер находки в рабочем архиве А.Н. Усачука «Пряжки»
Кавказские культуры							
Гертма III 5/1 (присулакская)		20.05.2025	Музей археологии и этнографии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН	НПЦ «Дагестанская археологическая служба», Махачкала	Портативный микроскоп MG10085 Zoom 60x-100x	Выполнен рисунок во время изучения пряжки	222
Ирганайский 1 к.1 склеп 1 (гинчинская)		20, 22.05. 2025	Музей археологии и этнографии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН	НПЦ «Дагестанская археологическая служба», Махачкала	Портативный микроскоп MG10085 Zoom 60x-100x	Выполнен рисунок во время изучения пряжки	223
Поселение Ирганайское I (гинчинская)		20, 22.05. 2025	Музей археологии и этнографии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН	НПЦ «Дагестанская археологическая служба», Махачкала	Портативный микроскоп MG10085 Zoom 60x-100x	Выполнен рисунок во время изучения пряжки	224

Комплекс	Пряжка, рисунок	Даты работы с пряжками	Место хранения	Место проведения трасологического анализа находки	Инструменты трасологического анализа	Графическая работа с находкой	Номер находки в рабочем архиве А.Н. Усачука «Пряжки»
Каменско-ливенцовская и шагарская культуры							
Поселение Балка Хреева III (камен-ско-ливен-цовская)		17.02.2025	Таманский музейный комплекс	Таманский археологический музей, Тамань	МБС-9	Выполнен рисунок во время изучения пряжки	212
Поселение Шагара 1 (шагарская)		4.03.2025	ГИМ, Москва	Отдел археологии, ГИМ, Москва	МБС-10	Выполнен рисунок во время изучения пряжки	216
Шагарский могильник п. 46 (шагарская)		3.03.2025	ГИМ, Москва	Отдел археологии, ГИМ, Москва	МБС-10	Слегка поправлен ранее выполнен-ный другим ху-дожником рисунок	215
Шагарский могильник п. 52 (шагарская)		16.12.2003	ГИМ, Москва	Отдел археологии, ГИМ, Москва	МБС-10	Незначительно поправлен ранее выполненный другим художни-ком рисунок	166

Комплекс	Пряжка, рисунок	Даты работы с пряжками	Место хранения	Место проведения трасологического анализа находки	Инструменты трасологического анализа	Графическая работа с находкой	Номер находки в рабочем архиве А.Н. Усачука «Пряжки»
Шагарский могильник п. 52 (шагарская)		19.12.2003	ГИМ, Москва	Отдел археологии, ГИМ, Москва	МБС-10	Использован ранее выполненный другим художником рисунок	167
Шагарский могильник п. 109 (шагарская)		20.03.2013 27.02.2025	ГИМ, Москва	Отдел археологии, ГИМ, Москва	МБС-10	Поправлен ранее выполненный другим художником рисунок	201
Шагарский могильник п. 130 (шагарская)		27.02.2025	ГИМ, Москва	Отдел археологии, ГИМ, Москва	МБС-10	Немного поправлен ранее выполненный другим художником рисунок	214

5.2. Данные о сырье для изготовления пряжек

Комплекс	Пряжка, фото	Сырье, указанное в отчете и/или публикации	Отчет / публикация	Сырье, установленное по результатам натурного исследования
Культурный круг Лола				
Темрта I 2/7 (лолинская)		Кость	*Шишлина*, 2006	фрагмент раскроенного рогового отростка
Чограй VIII, 34/1 (лолинская)		Трубчатая кость	*Андреева*, 1986; 1989	Рог Cervidae
Кевюды 1 3/5 (лолинская)		Рог Cervidae (лось/ олень?)	*Калмыков, Матюхин*, 2007; *Усачук*, 2007	Рог Cervidae[1]
Ильинский-1 1/6 (лолинская)		Рог	*Калмыков*, 2005; *Калмыков, Мимоход*, 2005	Рог Cervidae
Типки-1 2/4 (лолинская)		Рог	*Калмыков*, 2005; *Калмыков, Мимоход*, 2005	Рог Cervidae
Ипатово 3 2/13 (лолинская)		Рог	*Калмыков*, 2005; *Калмыков, Мимоход,* 2005; *Кореневский, Белинский, Калмыков*, 2007	Рог Cervidae
Тамар-Уткуль VII 4/3 (ВУКГ)		Кость	*Порохова*, 1987; *Богданов*, 1998	Фрагмент компакты кости животного или рог Cervidae[2]

[1] Определение Е.Е. Антипиной, ИА РАН.

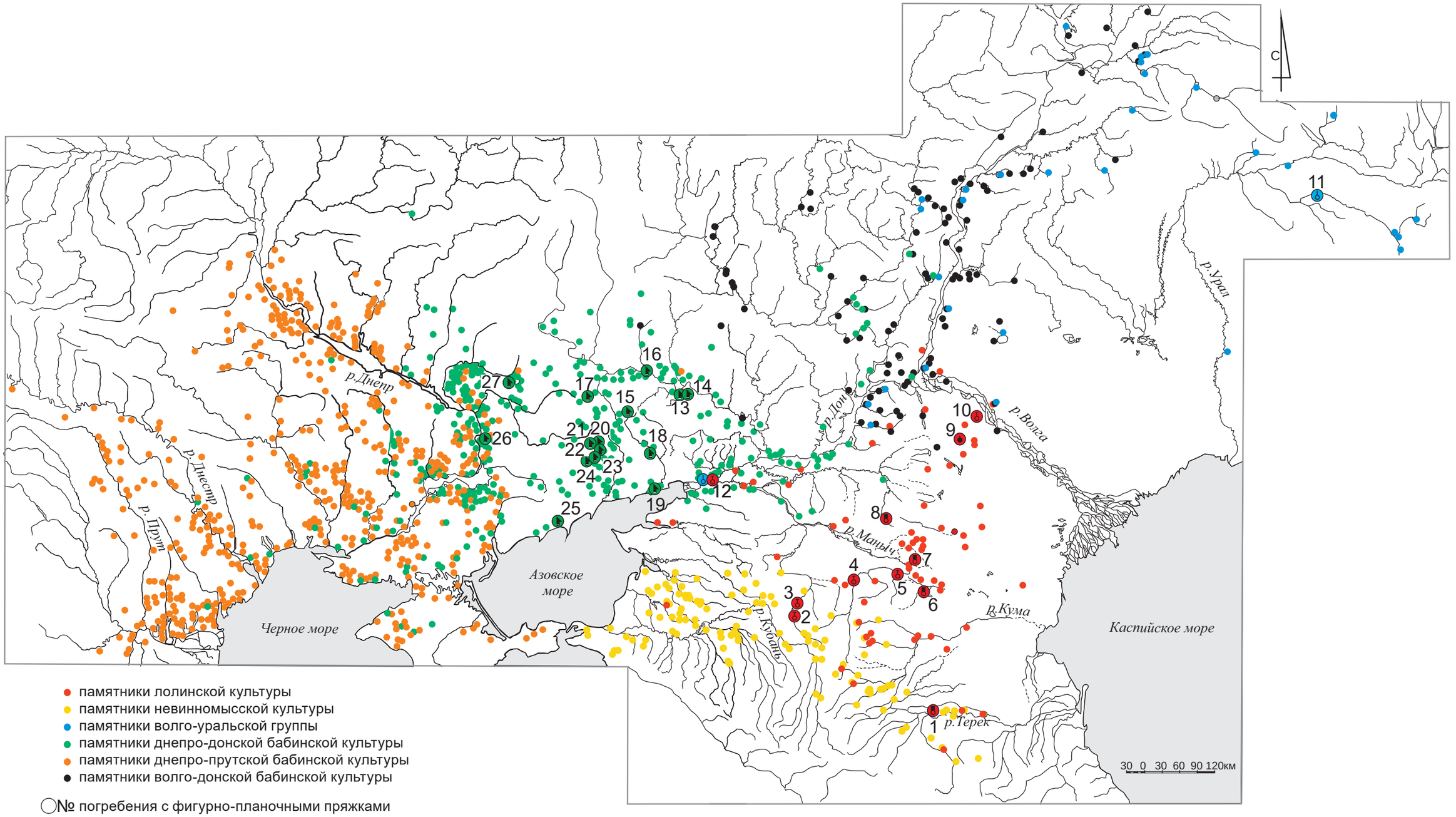
[2] Фрагмент компакты кости животного или рог Cervidae

Ливенцовская крепость п. 6 (ВУКГ)		Сырье не уточняется: кость или рог	*Братченко*, 1995	Рог Cervidae
Культурный круг Бабино (ДДБК)				
Александровск 1/4	Отсутствует	Кость	*Гершкович*, 1979; 1986; *Литвиненко*, 2006б	Рог Cervidae
Беева Могила п. 3		Кость	*Полидович*, 1993	Ветвь лосиного рога
Долгая Могила 4/17	Отсутствует	Кость	*Ковалева, Андросов, Шалобудов, Шахров,* 1987; *Ковалева*, 1989	Двойная пластина роговой лопаты лося
Донецк (Текстильщик) 4/19		Кость	*Гершкович*, 1979; 1986; *Березанская*, 1986	Рог лося
Мариенфельд 3/3		Рог	*Цимідanов, Кравченко, Підобід, Полідович, Спінов, Усачук*, 2013	Рог Cervidae
Новоамвросиевская 3/2	Отсутствует	Кость	*Шаповалов, Колесник*, 1972; *Березанская*, 1986; *Гершкович*, 1986	Рог Cervidae
Новоандреевка 4/1	Отсутствует	Кость	*Клименко*, 1998	Рог лося
Новотроицкое III 3/11	Отсутствует	Кость	*Моруженко, Привалов, Андриенко, Шаповалов, Косиков, Лыфарь, Привалова, Шепко, Потемкина, Гриб, 1979*	Рог Cervidae
Приволье 1/5	Отсутствует	Кость	*Кульбака, Качур*, 2002	Рог Cervidae

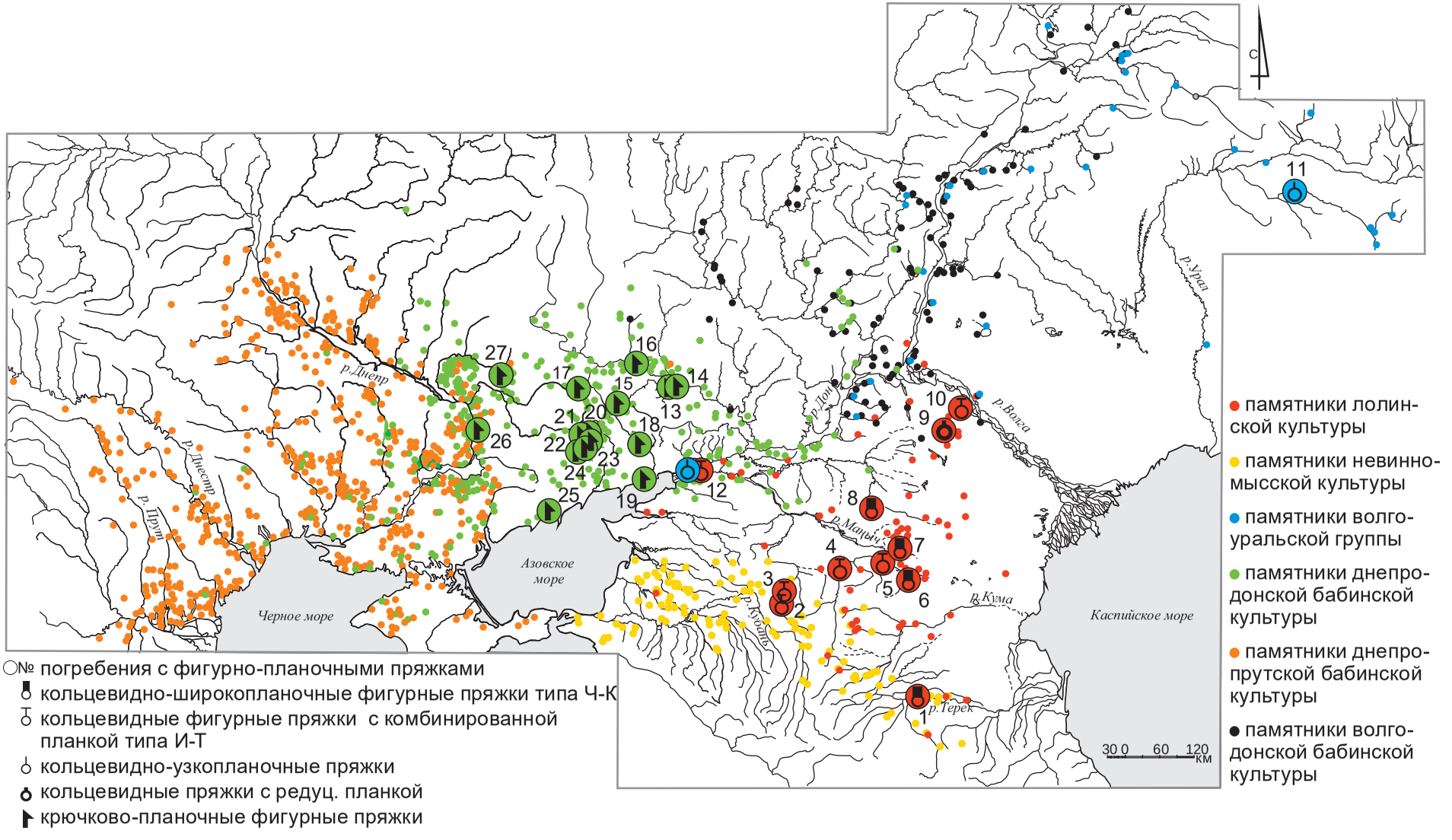
Кавказские культуры				
Гертма III 5/1 (присулакская)		Кость	*Ильюков, Магомедов*, 2010	Фрагмент компакты длинной трубчатой кости крупного копытного
Ирганайский 1 к.1 склеп 1 (гинчинская)		Кость Концевой отросток оленьего рога Корковая часть концевого отрога оленьего рога[3] Клык кабана	*Магомедов*, 1990; 1998; *Ильюков, Магомедов*, 2010) (*Магомедов*, 1990 *Магомедов*, 1998; *Атаев Г.*, 2001 *Ильюков, Магомедов*, 2010	Клык кабана
Поселение Ирганайское I (гинчинская)		Кость Рог	*Атаев Г.*, 1991; 2018; *Ильюков, Магомедов*, 2010; *Мимоход*, 2013	Клык кабана
Другие культуры				
Поселение Балка Хреева III (каменско-ливенцовская)		Кость	*Мокрушин, Кутуков*, 2016; *Киященко, Ларенок*, 2020; 2023	Фрагмент компакты кости животного
Поселение Шагара 1 (шагарская)		Кость	*Каверзнева*, 2015	Фрагмент предчелюстной кости лося
Шагарский могильник п. 46 (шагарская)		Кость	*Каверзнева*, 1999	Фрагмент предчелюстной кости лося

[3] Определение палеозоолога К.Н. Золотова.

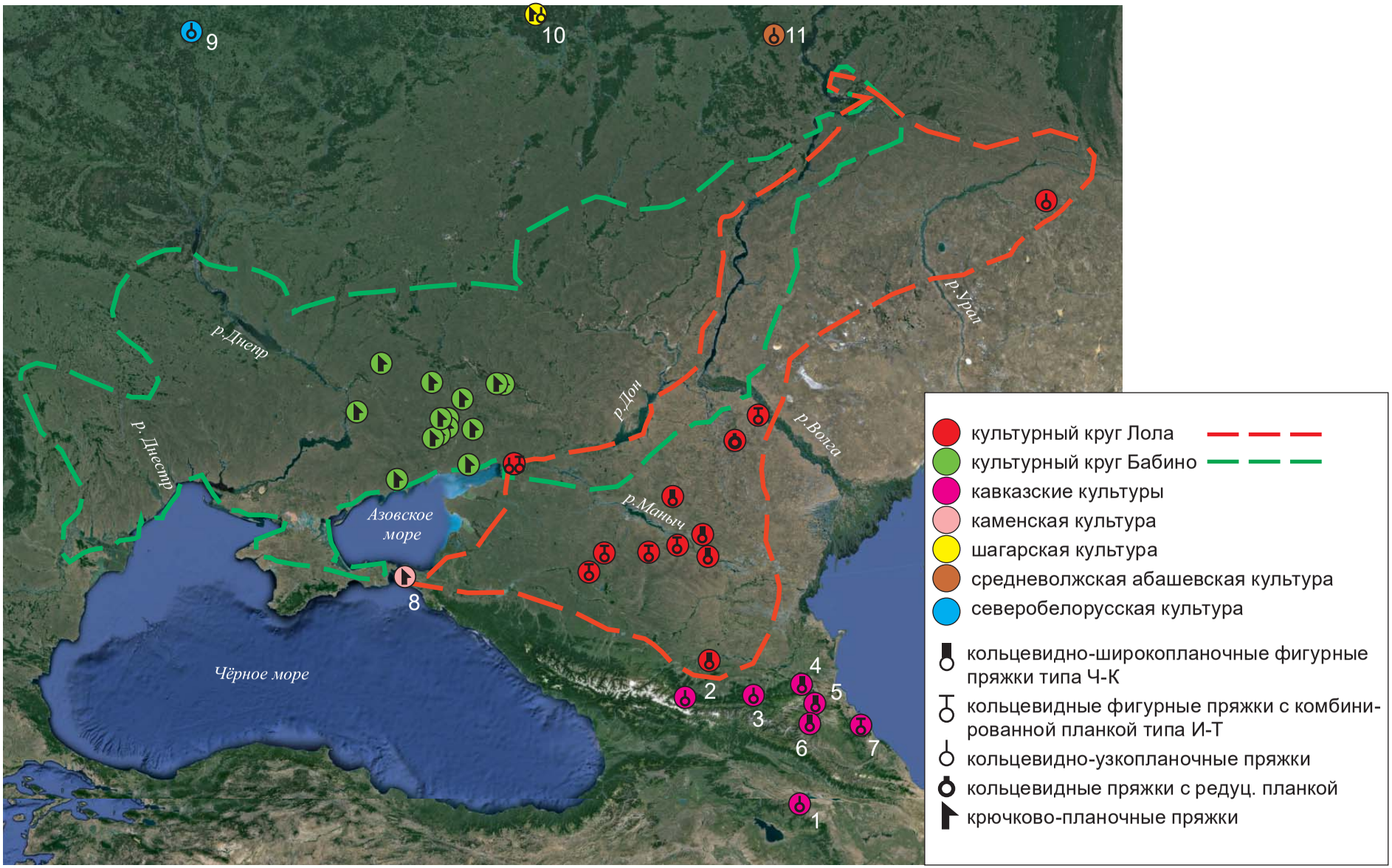
Шагарский могильник п. 52 (шагарская)		Кость	*Каверзнева*, 2000; 2003	Por Cervidae
Шагарский могильник п. 52 (шагарская)		Кость	*Каверзнева*, 2000; 2003; *Каверзнева, Бобров, Борисов*, 2006	Por Cervidae
Шагарский могильник п. 109 (шагарская)		Кость	*Каверзнева*, 2012	Компакта кости крупного копытного
Шагарский могильник п. 130 (шагарская)		Кость	*Каверзнева*, 2017	Компакта кости крупного копытного

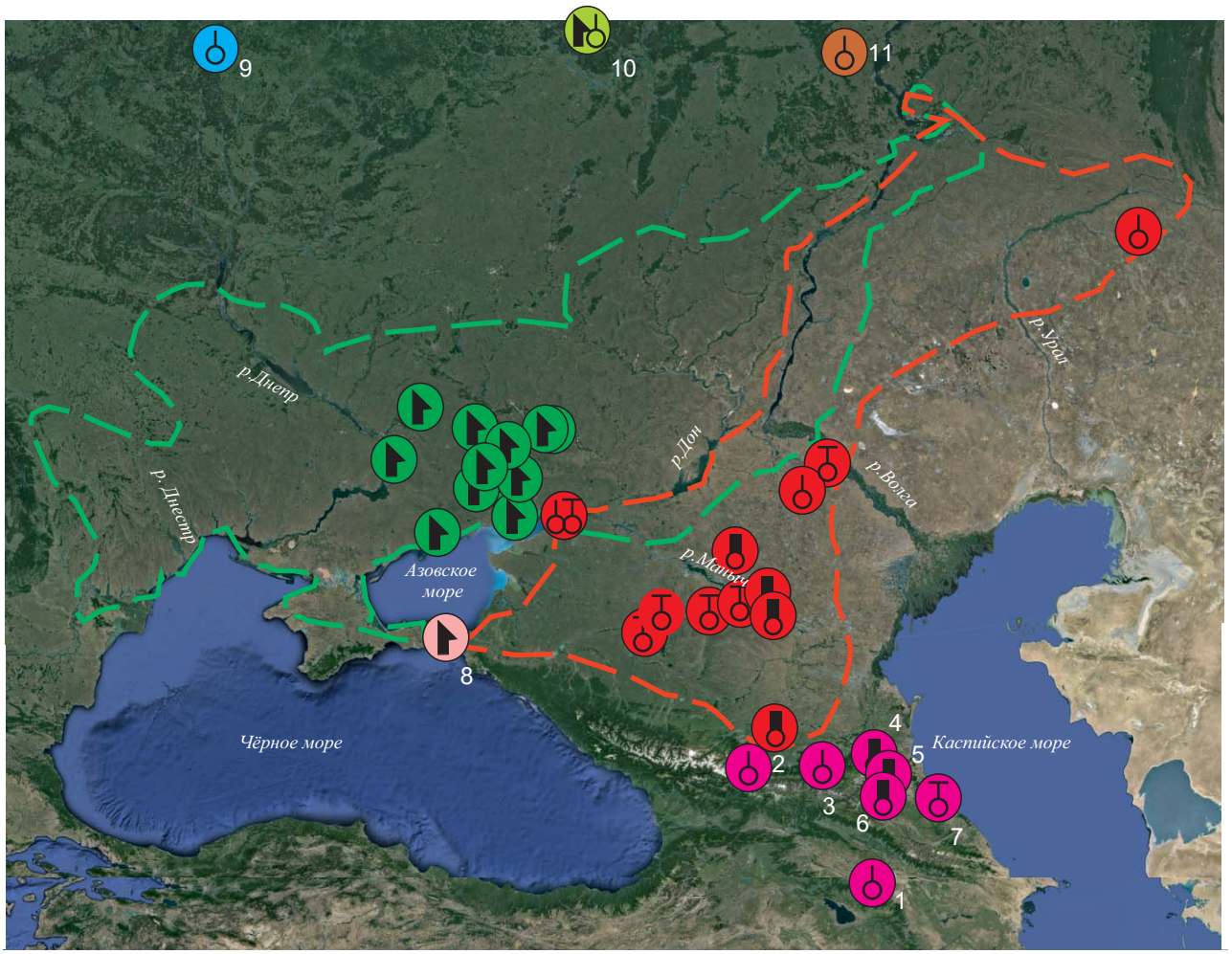
Илл. 1. Планочные пряжки финала средней бронзы в посткатакомбном мире. Территория.
1 – Черноярская 3/10; 2 – Родионов 4 5/3; 3 – Ильинский-1 1/6; 4 – Ипатово-3 2/13; 5 – Типки-1 2/4; 6 – Чограй VIII 34/1; 7 – Кевюды-1 3/5; 8 – Темрта I 2/7; 9 – Ут 6/1; 10 – Кривая Лука XXI 1/9; 11 – Тамар-Уткуль VII 4/3; 12 – Ливенцовская крепость п. 6, пос. Каратаево; 13 – Александровск 1/4; 14 – Луганск (Вергунка) 3/12; 15 – Беева Могила п. 3; 16 – Приволье 1/5; 17 – Камышеваха, курганы на Волчьем поле, 5/1; 18 – Новоамвросиевское 3/2; 19 – Новолакедемоновка од. кург./10; 20 – Донецк (Текстильщик) 4/19; 21 – Старомихайловка; 22 – Мариенфельд 3/3; 23 – Новотроицкое III 3/11; 24 – Новоандреевка 4/1; 25 – Дмитровка 7/5; 26 – Новогупаловка III 10/2; 27 – Долгая Могила 4/17.

Илл. 1 (*продолжение*). Планочные пряжки финала средней бронзы в посткатакомбном мире. Территория.
1 – Черноярская 3/10; 2 – Родионов 4 5/3; 3 – Ильинский-1 1/6; 4 – Ипатово-3 2/13; 5 – Типки-1 2/4; 6 – Чограй VIII 34/1; 7 – Кевюды-1 3/5; 8 – Темрта I 2/7; 9 – Ут 6/1; 10 – Кривая Лука XXI 1/9; 11 – Тамар-Уткуль VII 4/3; 12 – Ливенцовская крепость п. 6, пос. Каратаево; 13 – Александровск 1/4; 14 – Луганск (Вергунка) 3/12; 15 – Беева Могила п. 3; 16 – Приволье 1/5; 17 – Камышеваха, курганы на Волчьем поле, 5/1; 18 – Новоамвросиевское 3/2; 19 – Новолакедемоновка од. кург./10; 20 – Донецк (Текстильщик) 4/19; 21 – Старомихайловка; 22 – Мариенфельд 3/3; 23 – Новотроицкое III 3/11; 24 – Новоандреевка 4/1; 25 – Дмитровка 7/5; 26 – Новогупаловка III 10/2; 27 – Долгая Могила 4/17.

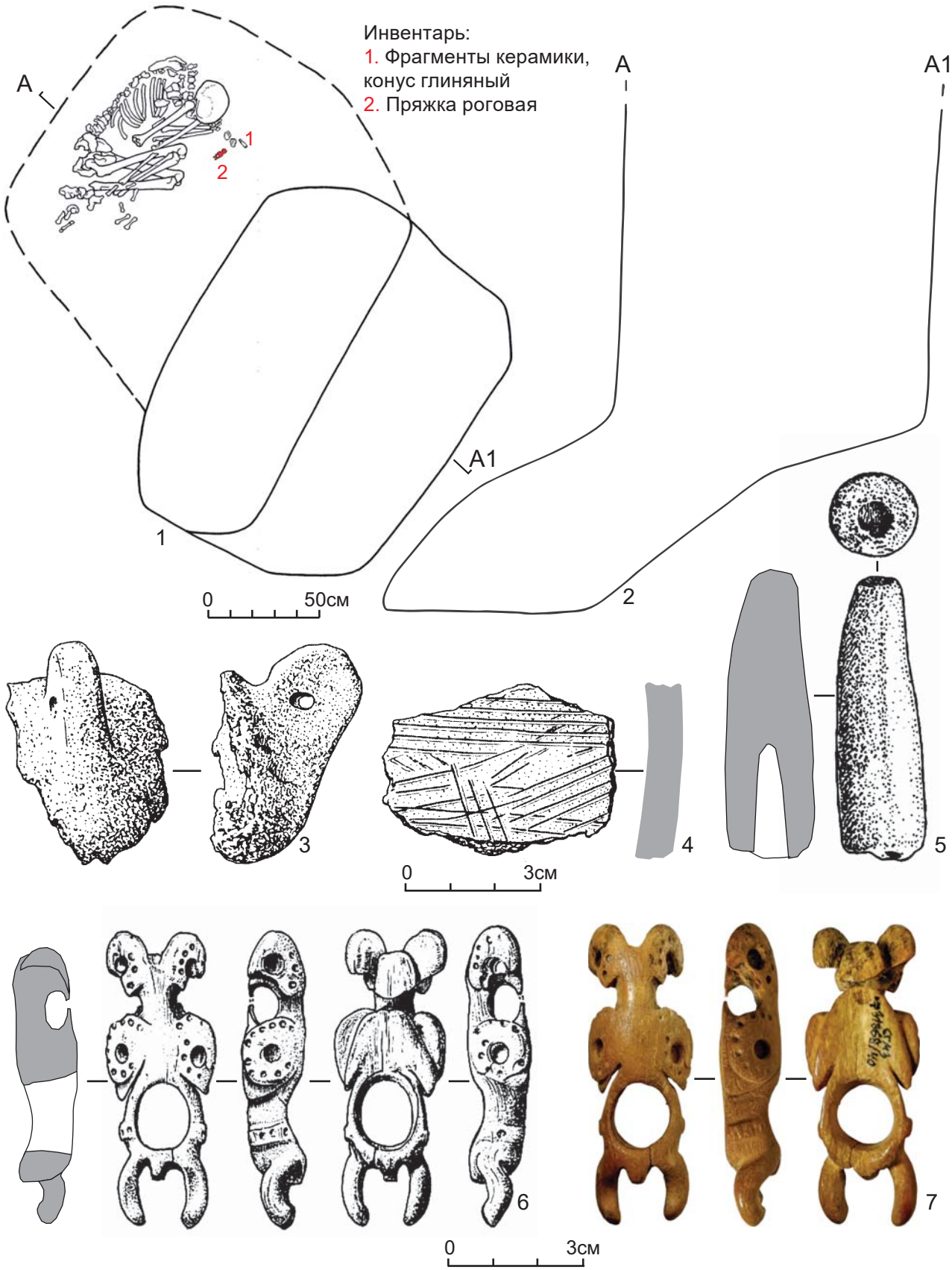
Илл. 2. Планочные пряжки финала средней бронзы за пределами посткатакомбного мира. Территория.
1 – Ханлар 18/1, пос. Ханлар 1; 2 – Донифарс п. 4; 3 – Гатын-Кале п. 7, 30; 4 – Гертма III 5/1, 6/3; 5 – Ирганайский 1 1/1, пос. Ирганайское I; 6 – Гинчи склеп 2; 7 – Великент III катакомба 2; 8 – пос. Балка Хреева III; 9 – пос. Асовец 2, 7; 10 – мог. Шагарский п.14,46,52,109,130, пос. Шагара 1; 11 – Алгаши 1/1.

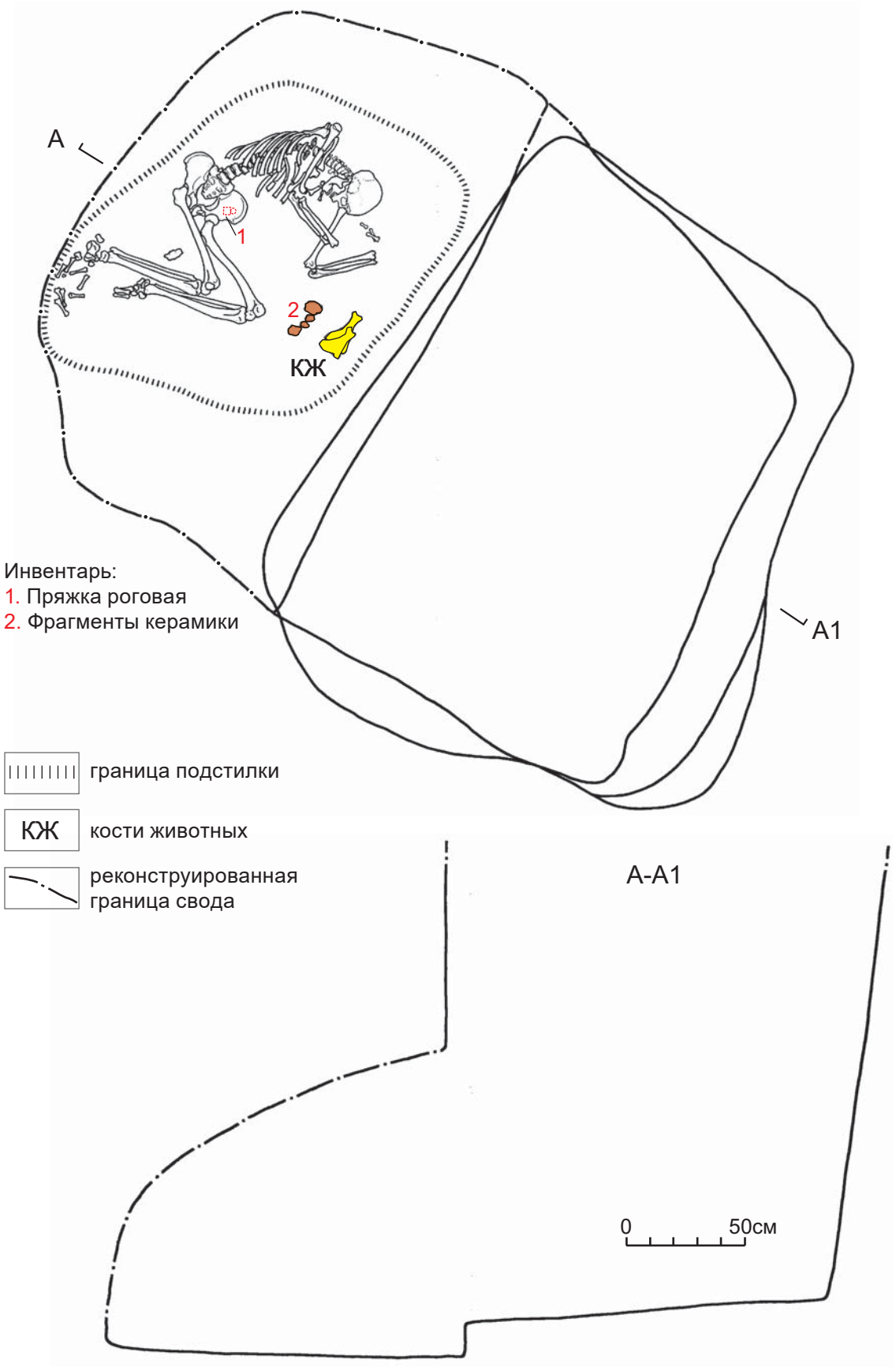
культурный круг Лола
культурный круг Бабино
кавказские культуры
каменская культура
шагарская культура
средневолжская абашевская культура
северобелорусская культура

кольцевидно-широкопланочные фигурные пряжки типа Ч-К
кольцевидные фигурные пряжки с комбинированной планкой типа И-Т
кольцевидно-узкопланочные пряжки
кольцевидные пряжки с редуц. планкой
крючково-планочные пряжки

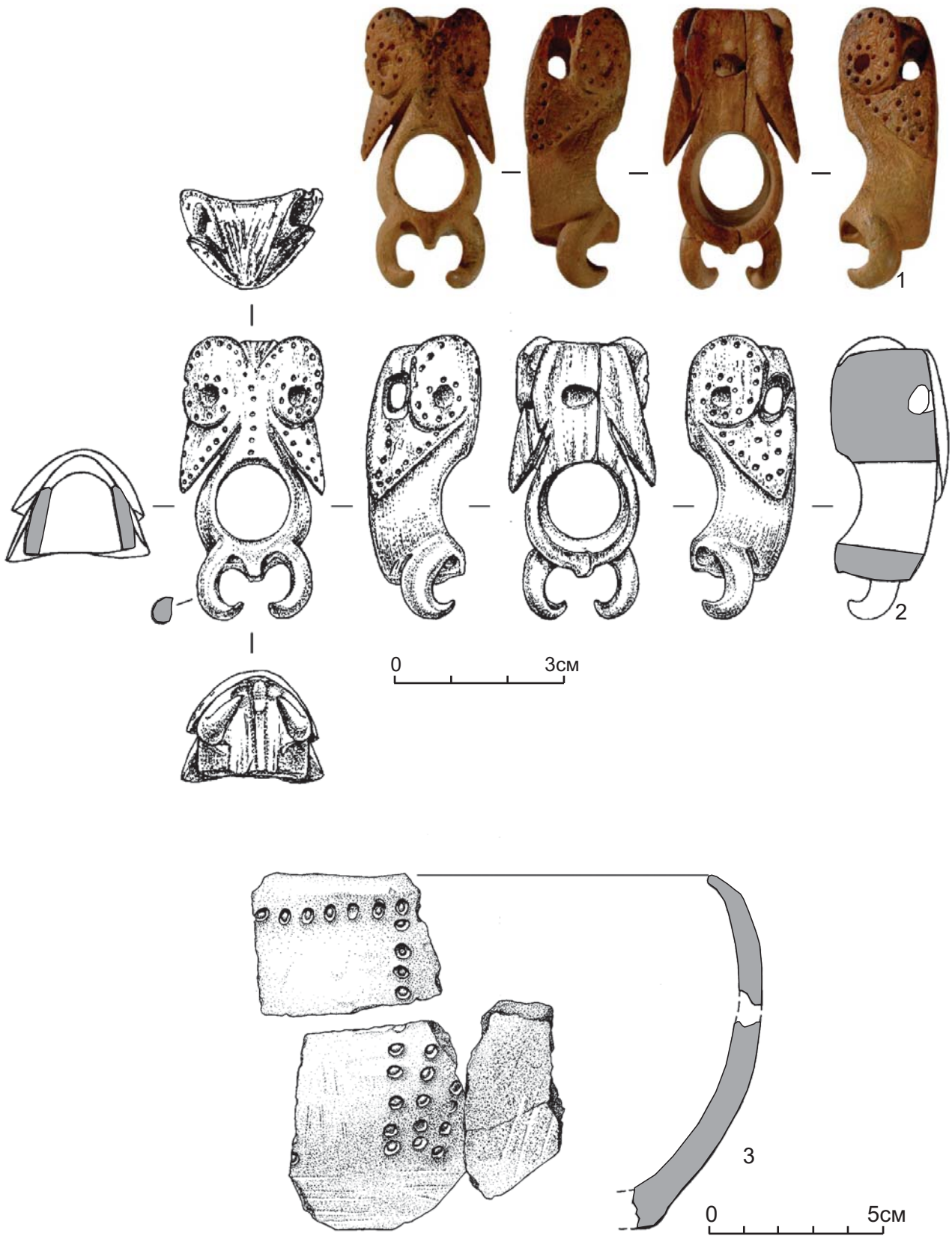
Илл. 2. (*продолжение*) Планочные пряжки финала средней бронзы за пределами постката-комбного мира. Территория.
1 – Ханлар 18/1, пос. Ханлар 1; 2 – Донифарс п. 4; 3 – Гатын-Кале п. 7, 30; 4 – Гертма III 5/1, 6/3; 5 – Ирганайский 1 1/1, пос. Ирганайское I; 6 – Гинчи склеп 2; 7 – Великент III катакомба 2; 8 – пос. Балка Хреева III; 9 – пос. Асовец 2, 7; 10 – мог. Шагарский п.14,46,52,109,130, пос. Шагара 1; 11 – Алгаши 1/1.

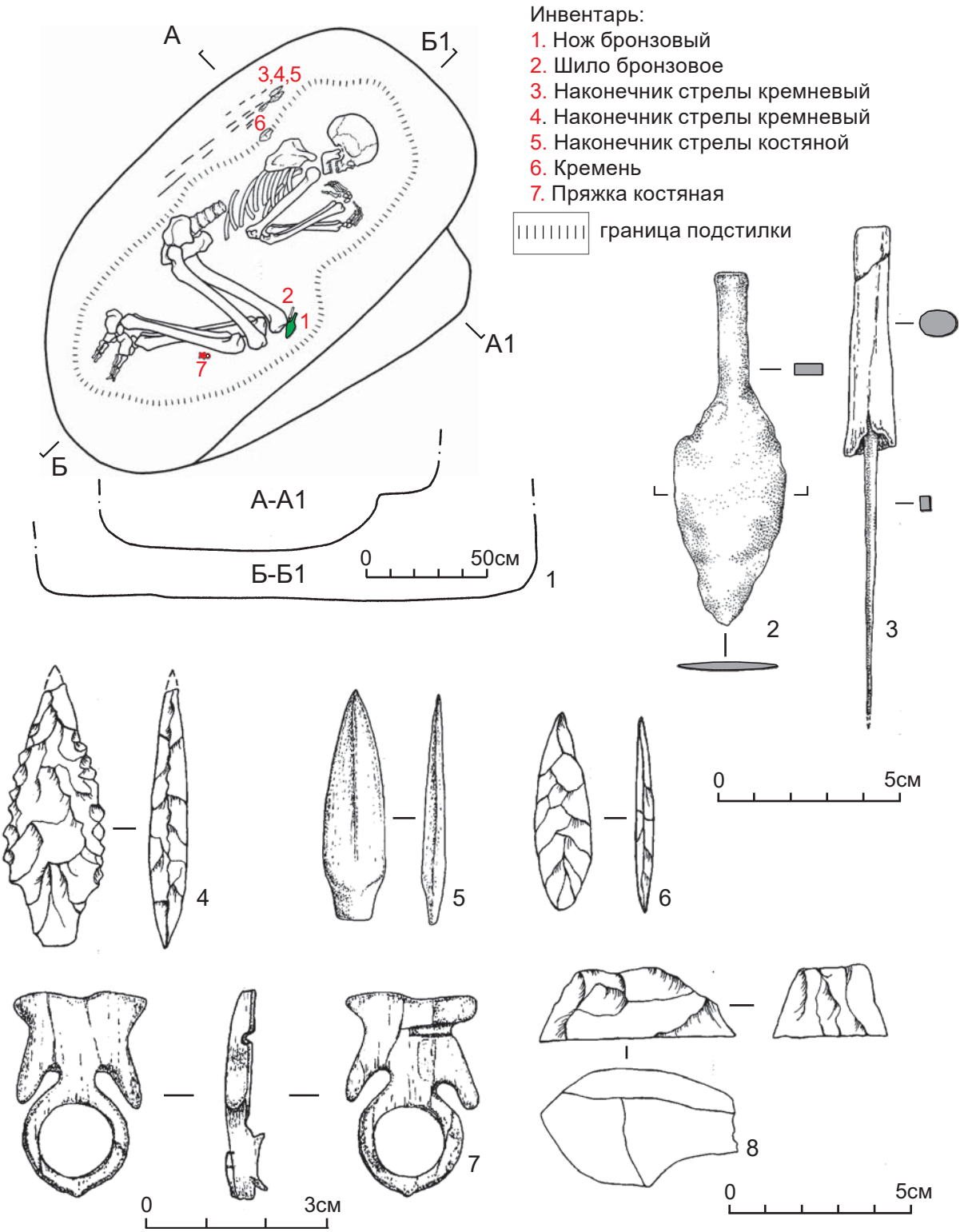
Илл. 3. Культурный круг Лола. Погребение 1 кургана 34 могильника Чограй VIII.
1 – план; 2 – разрез; 3,4 – фрагменты керамики; 5 – глиняный конус;
6 – роговая пряжка, рисунок; 7 – роговая пряжка, фото.

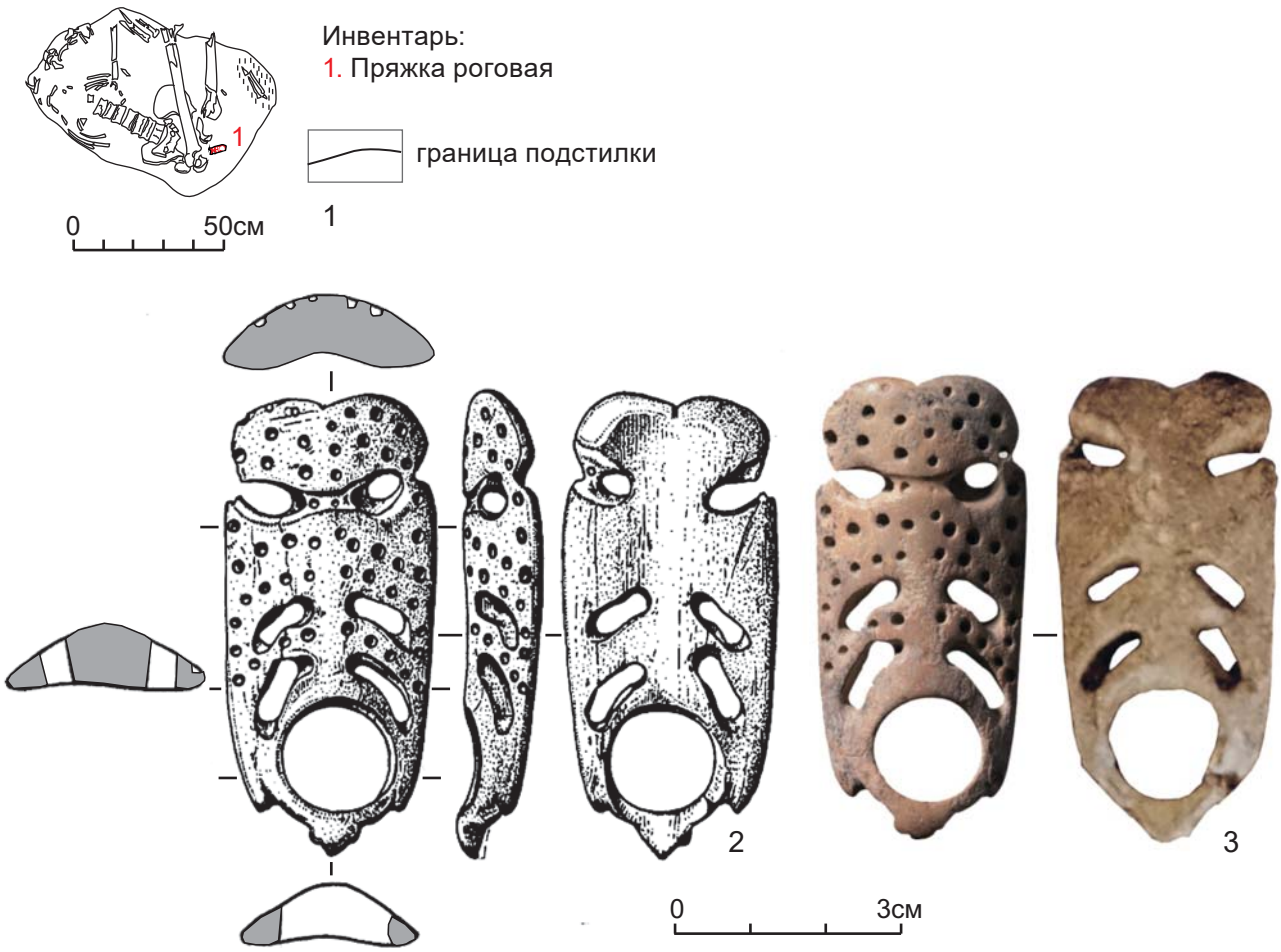
Илл. 4. Культурный круг Лола. План и разрез погребения 5 кургана 3 могильника Кевюды-1.

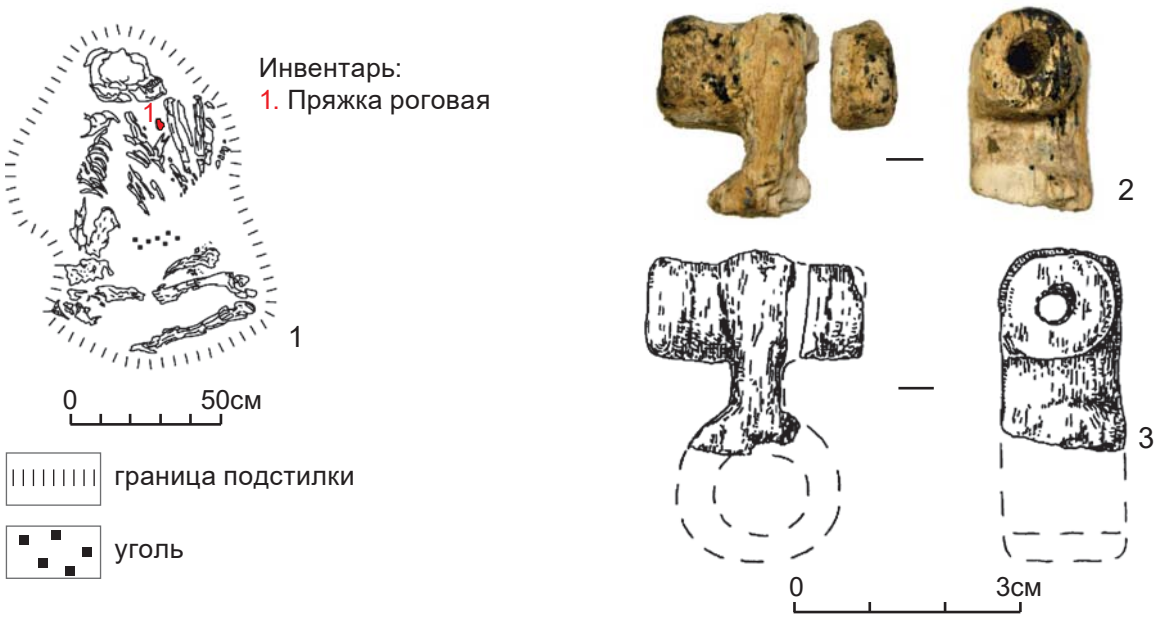
Илл. 5. Культурный круг Лола. Инвентарь погребения 5 кургана 3 могильника Кевюды-1.
1 – роговая пряжка, фото; 2 – роговая пряжка, рисунок; 3 – фрагменты глиняного сосуда.

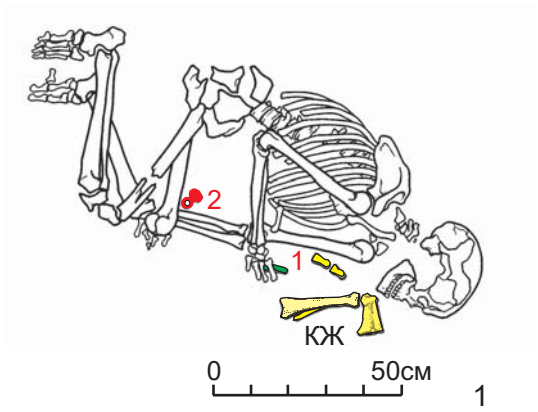
Илл. 6. Культурный круг Лола. Погребение 10 кургана 3 могильника у ст. Черноярская.
1 – план, разрезы; 2 – бронзовый нож; 3 – шило бронзовое; 4,6 – наконечники стрел кремневые; 5 – костяной наконечник стрелы; 7 – костяная пряжка; 8 – кремень.

Илл. 7. Культурный круг Лола. Погребение 7 кургана 2 могильника Темрта I.
1 – план; 2 – роговая пряжка, рисунок; 3 – роговая пряжка, фото.

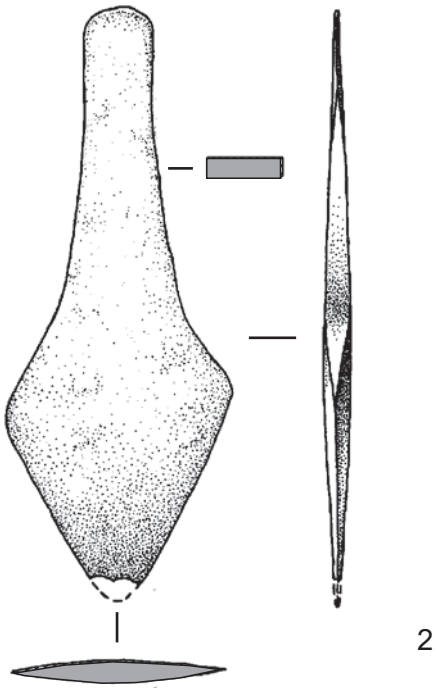
Илл. 8. Культурный круг Лола. Погребение 3 кургана 5 могильника Родионов 4.
1 – план; 2 – роговая пряжка, фото; 3 – роговая пряжка, рисунок.

1

Инвентарь:
1. Нож бронзовый
2. Пряжка роговая

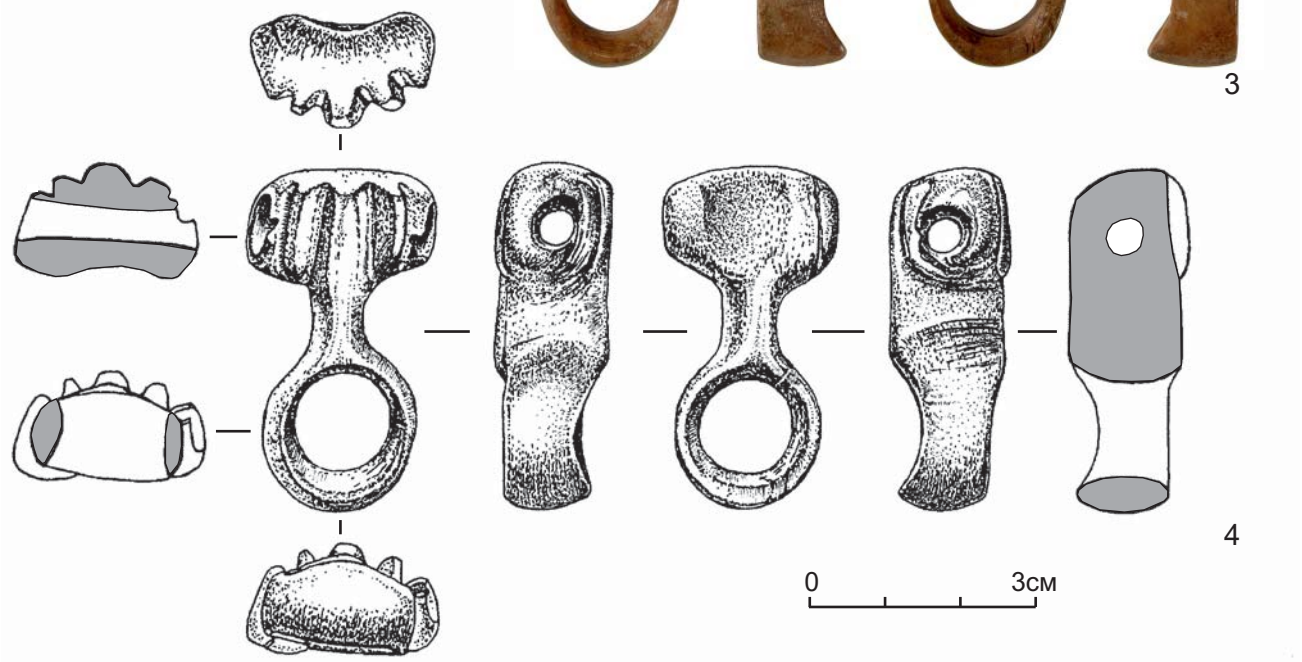
КЖ кости животного

2

3

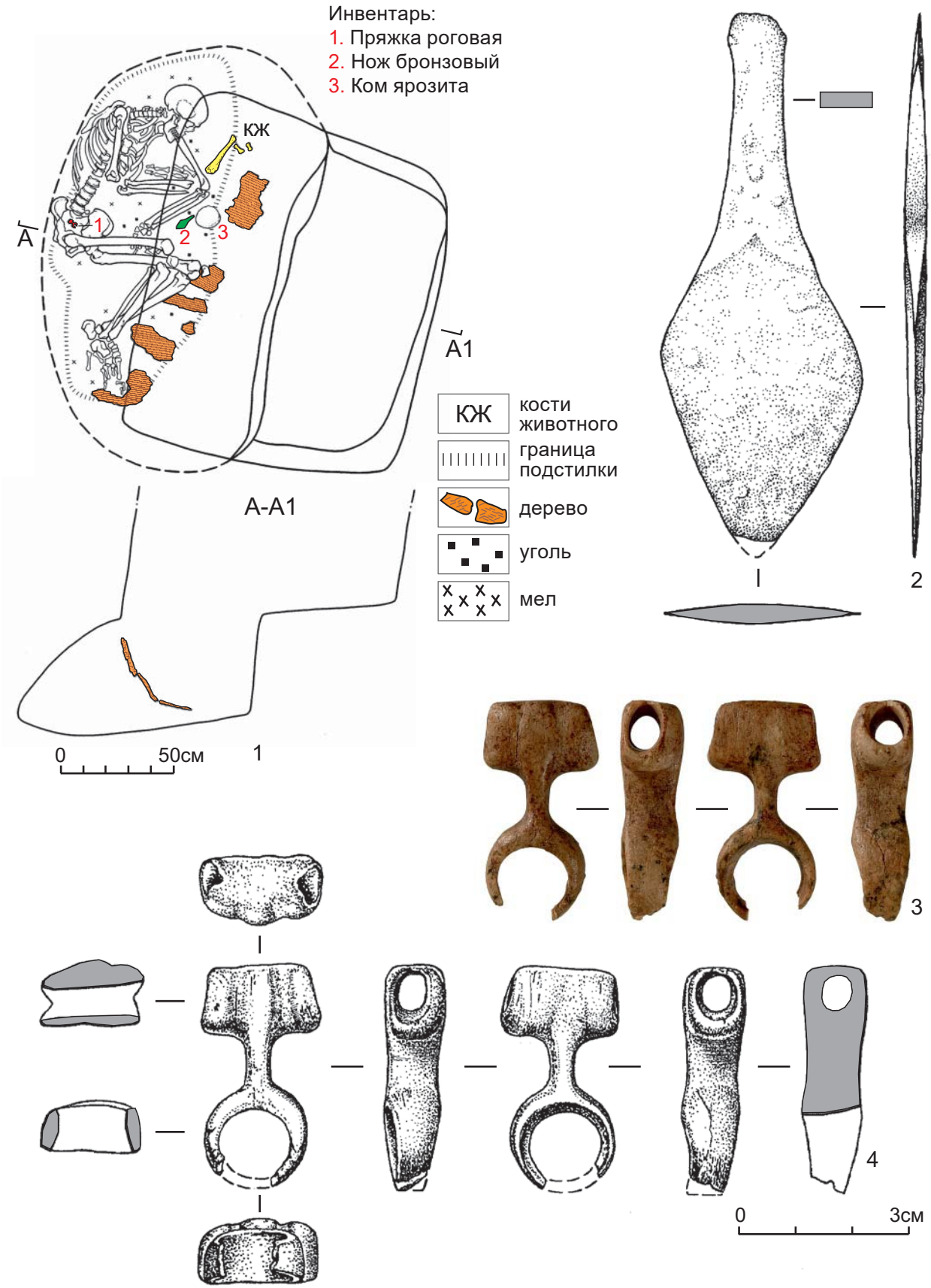

4

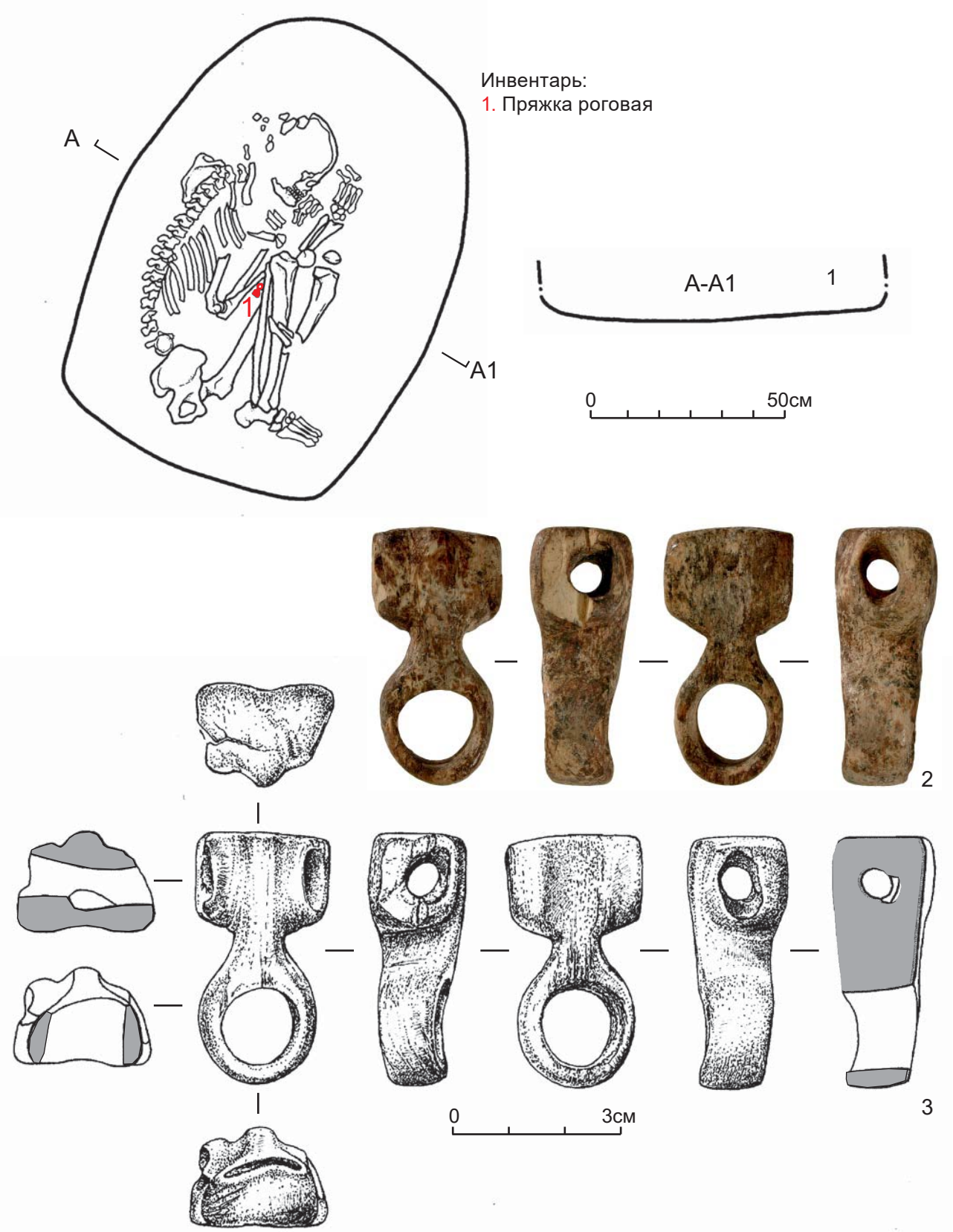
Илл. 9. Культурный круг Лола. Погребение 6 кургана 1 могильника Ильинский-1.
1 – план; 2 – нож бронзовый; 3 – роговая пряжка, фото; 4 – роговая пряжка, рисунок.

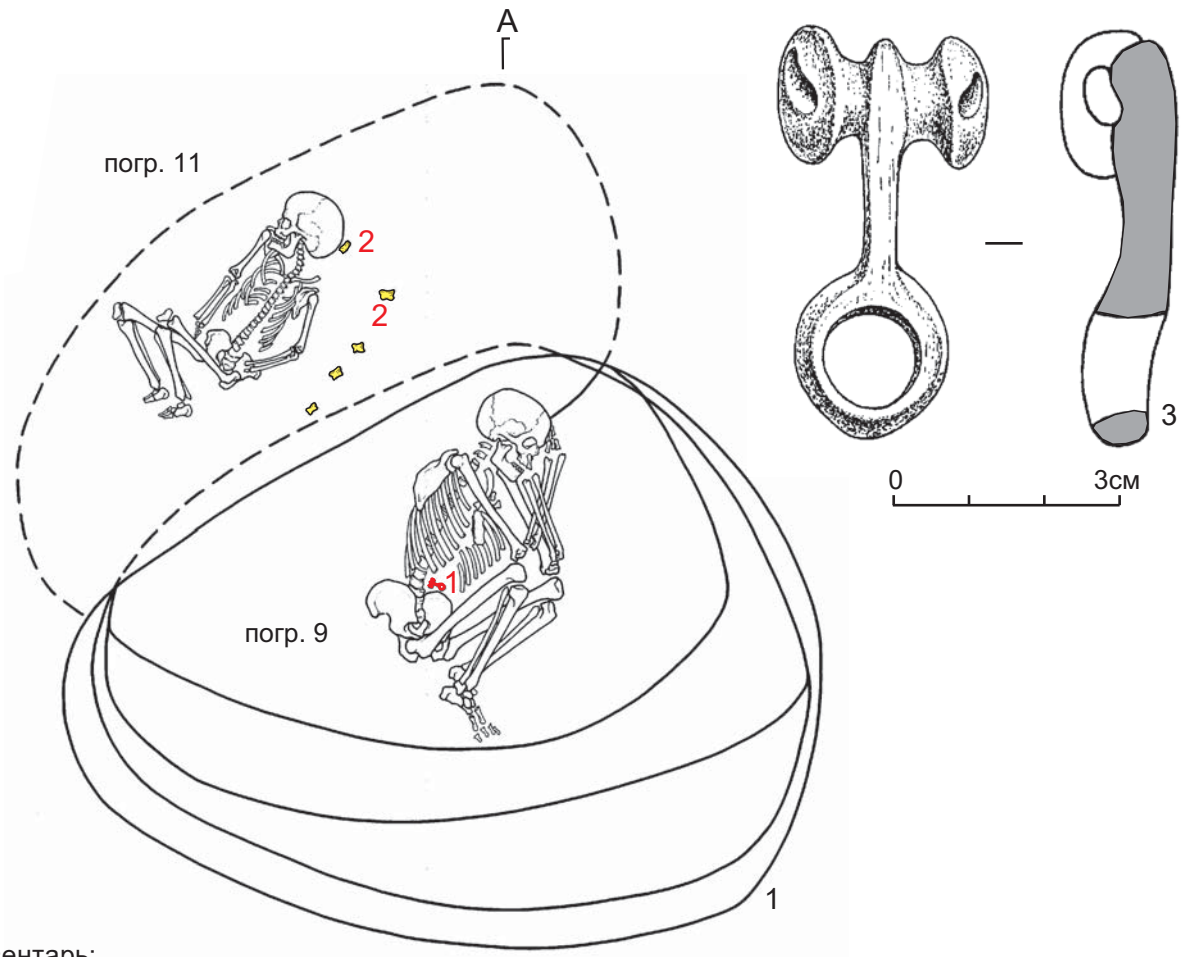
Илл. 10. Погребение 13 кургана 2 могильника Ипатово-3.
1 – общий план погребальной конструкции; 2 – разрез.

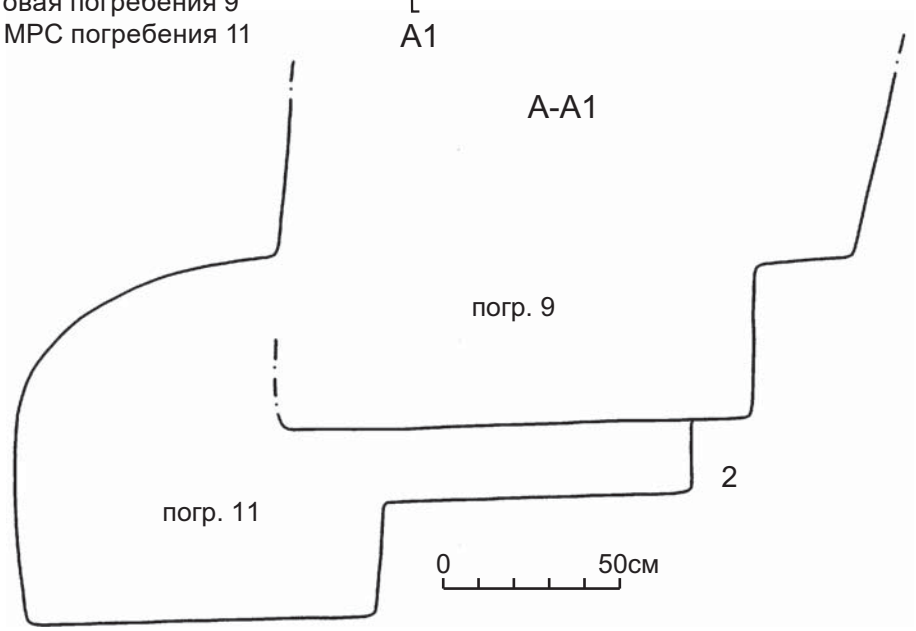
Илл. 11. Культурный круг Лола. Погребение 13 кургана 2 могильника Ипатово-3.
1 – план, разрез; 2 – бронзовый нож; 3 – роговая пряжка, фото; 4 – роговая пряжка, рисунок.

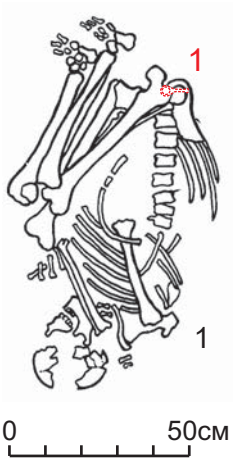
Илл. 12. Культурный круг Лола. Погребение 4 кургана 2 могильника Типки-1.
1 – план, разрез; 2 – роговая пряжка, фото; 3 – роговая пряжка, рисунок.

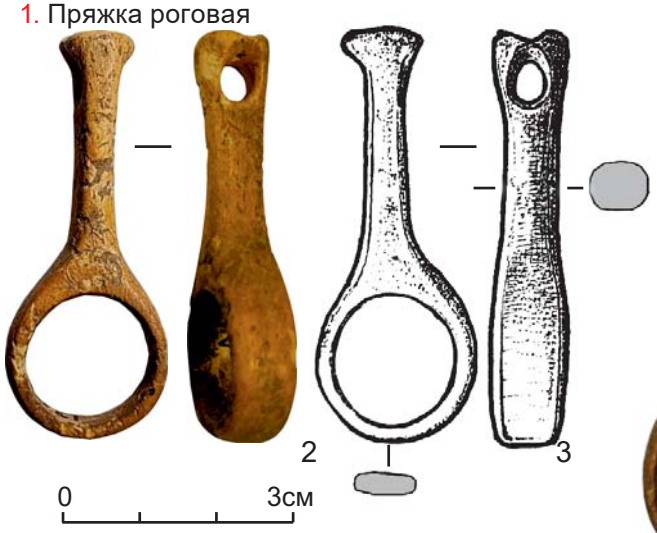
Инвентарь:
1. Пряжка роговая погребения 9
2. Астрагалы МРС погребения 11

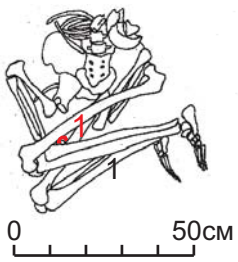
Илл. 13. Культурный круг Лола. Погребения 9 и 11 кургана 1 могильника Кривая Лука XXI.
1 – план; 2 – разрезы; 3 – роговая пряжка из погребения 9.

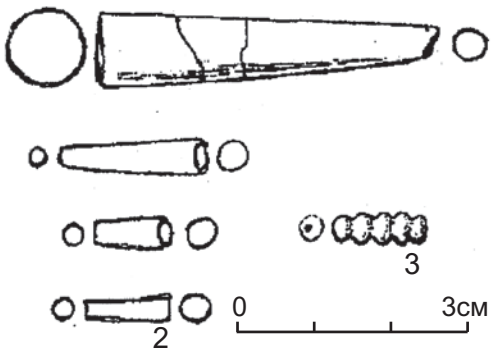
Инвентарь:
1. Пряжка роговая

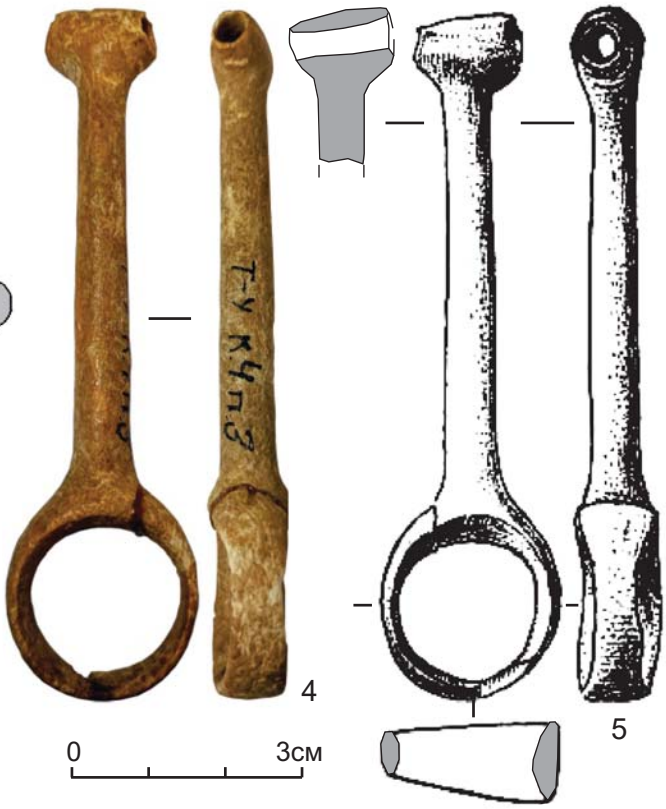

Илл. 14. Культурный круг Лола. Погребение 6 во рву Ливенцовской крепости.
1 – план;
2 – роговая пряжка, фото;
3 – роговая пряжка, рисунок.

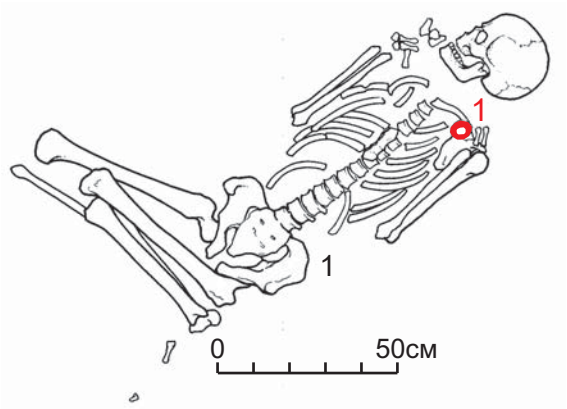

Инвентарь:
1. Пряжка костяная

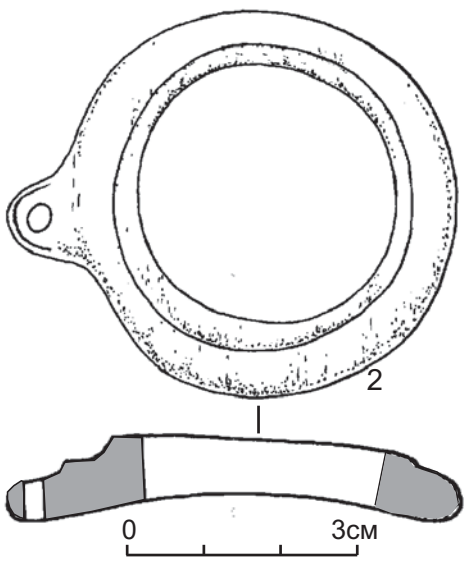

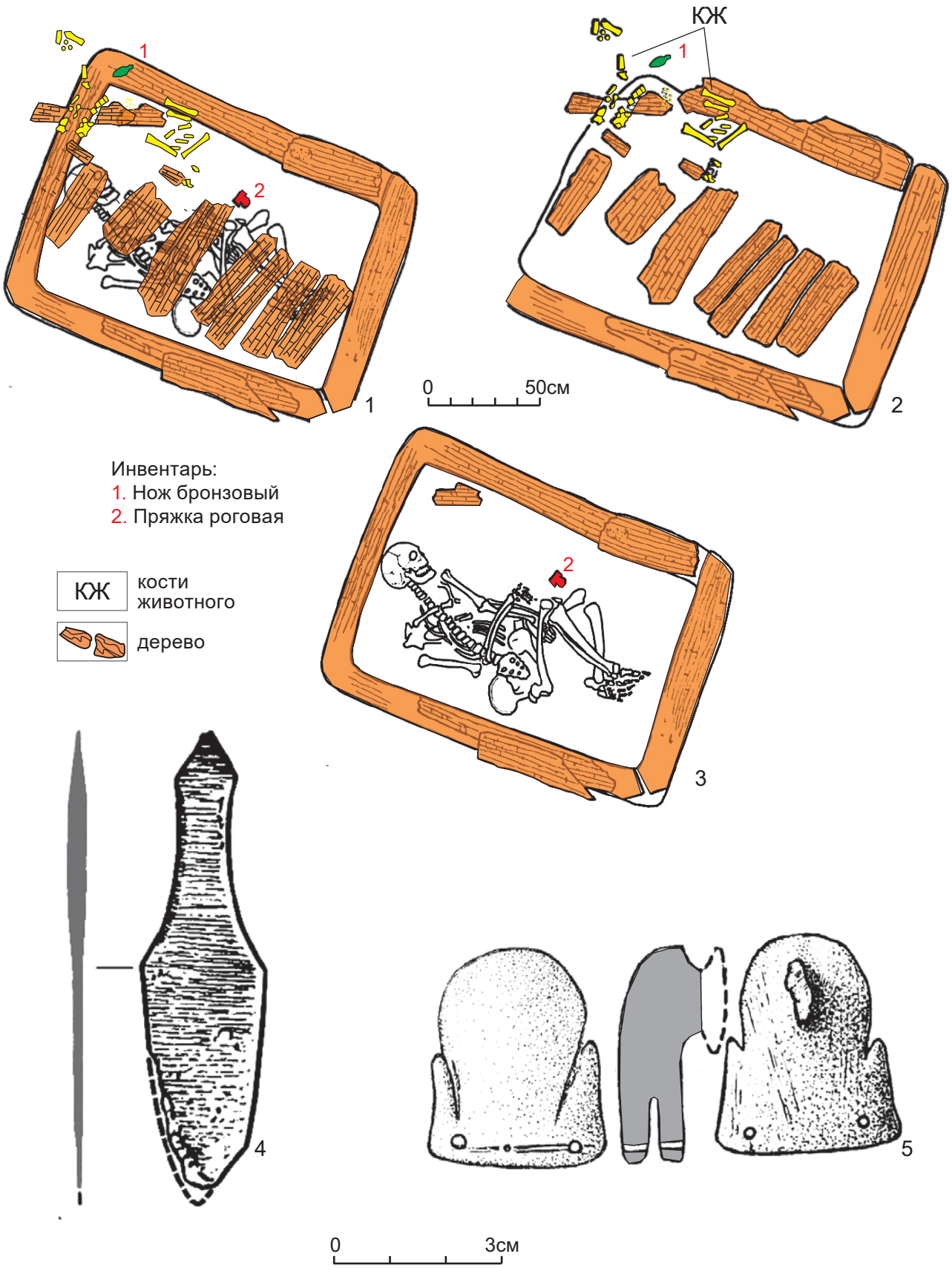
Илл. 15. Культурный круг Лола. Погребение 3 кургана 4 могильника Тамар-Уткуль VII.
1 – план; 2 – пронизи из раковины; 3 – пронизь из фаянса;
4 – костяная (?) пряжка, фото; 5 – костяная (?) пряжка, рисунок.

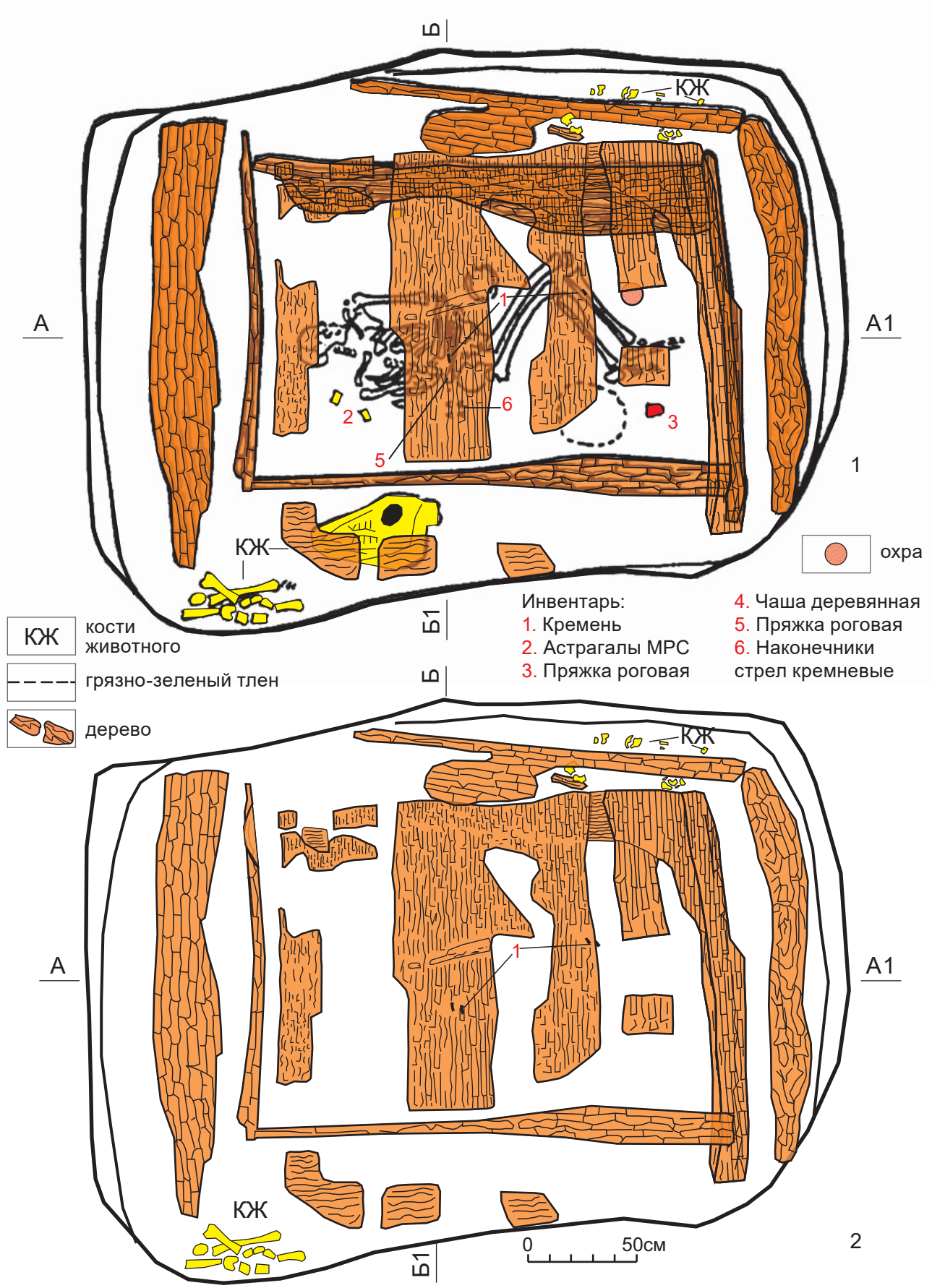
Инвентарь:
1. Пряжка костяная

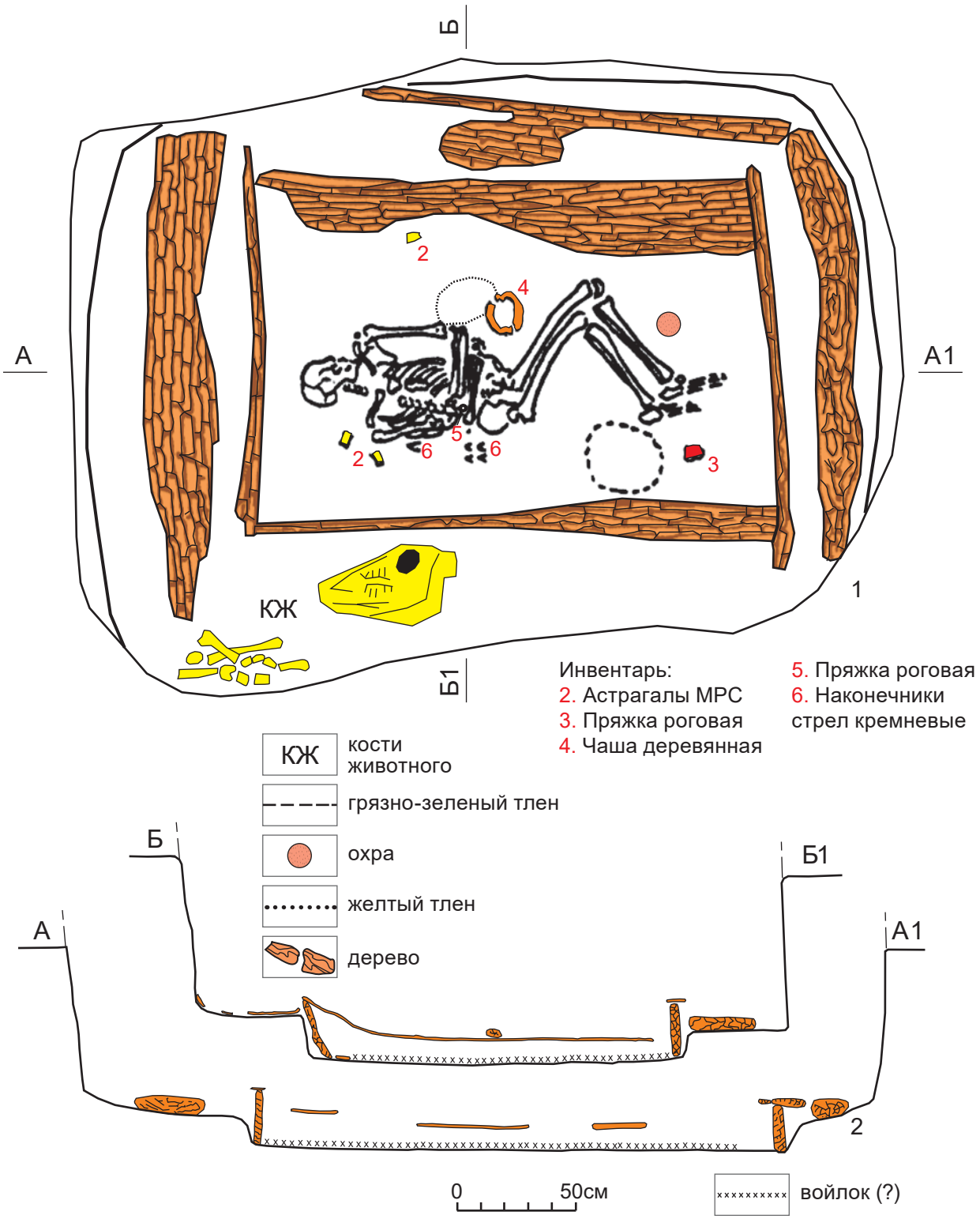
Илл. 16. Культурный круг Лола. Погребение 1 кургана 6 могильника Ут.
1 – план; 2 – костяная пряжка.

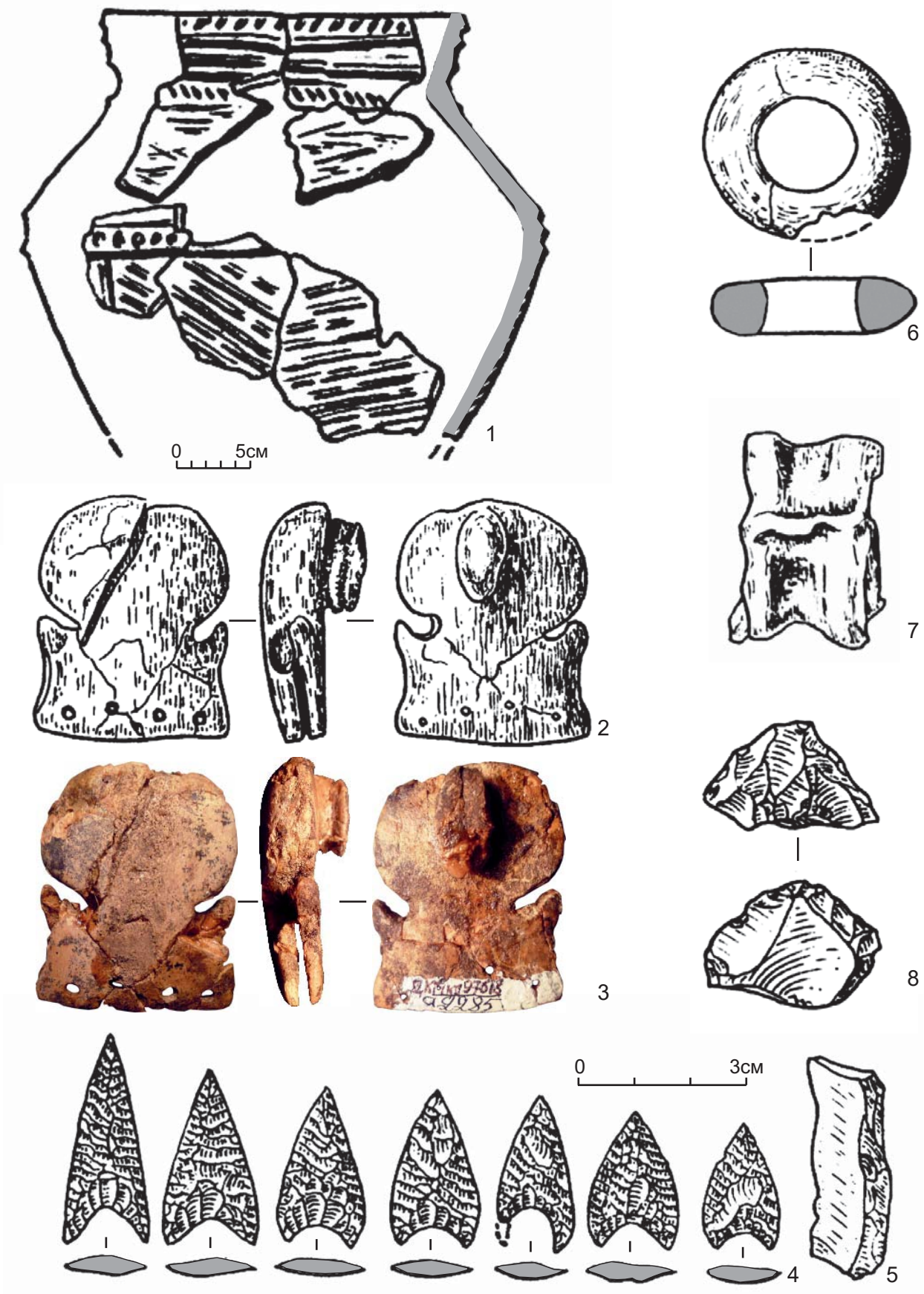
Илл. 17. Культурный круг Бабино. Погребение 4 кургана 1 могильника Александровск.
1 – сводный чертеж; 2 – 1-й уровень фиксации; 3 – 2-й уровень фиксации; 4 – бронзовый нож; 5 – роговая пряжка.

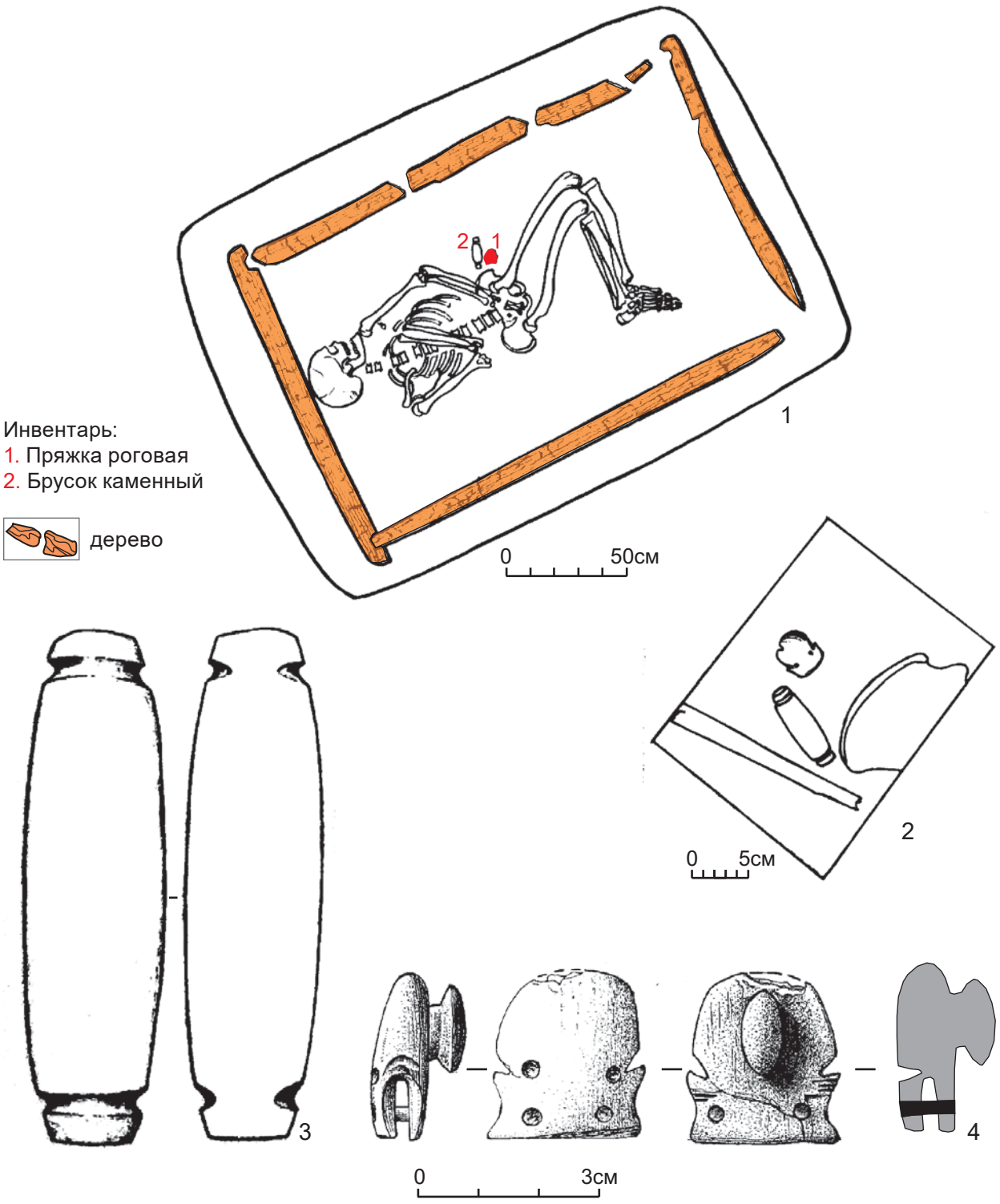
Илл. 18. Культурный круг Бабино. Погребение 3 кургана Беева Могила.
1 – сводный чертеж; 2 – 1-й уровень фиксации, перекрытие.

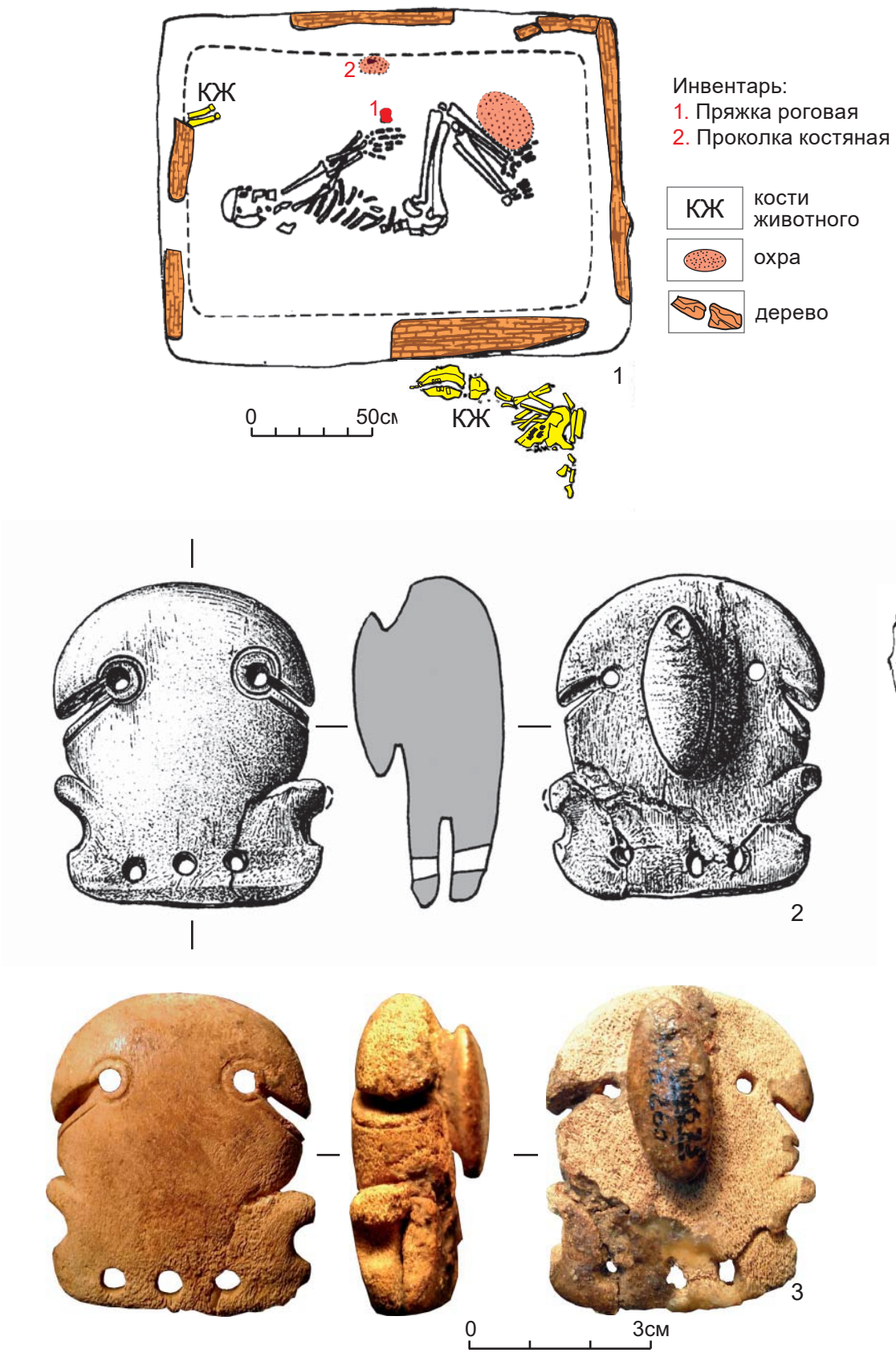
Илл. 19. Культурный круг Бабино. Погребение 3 кургана Беева Могила.
1 – 2-й уровень фиксации; 2 – разрезы.

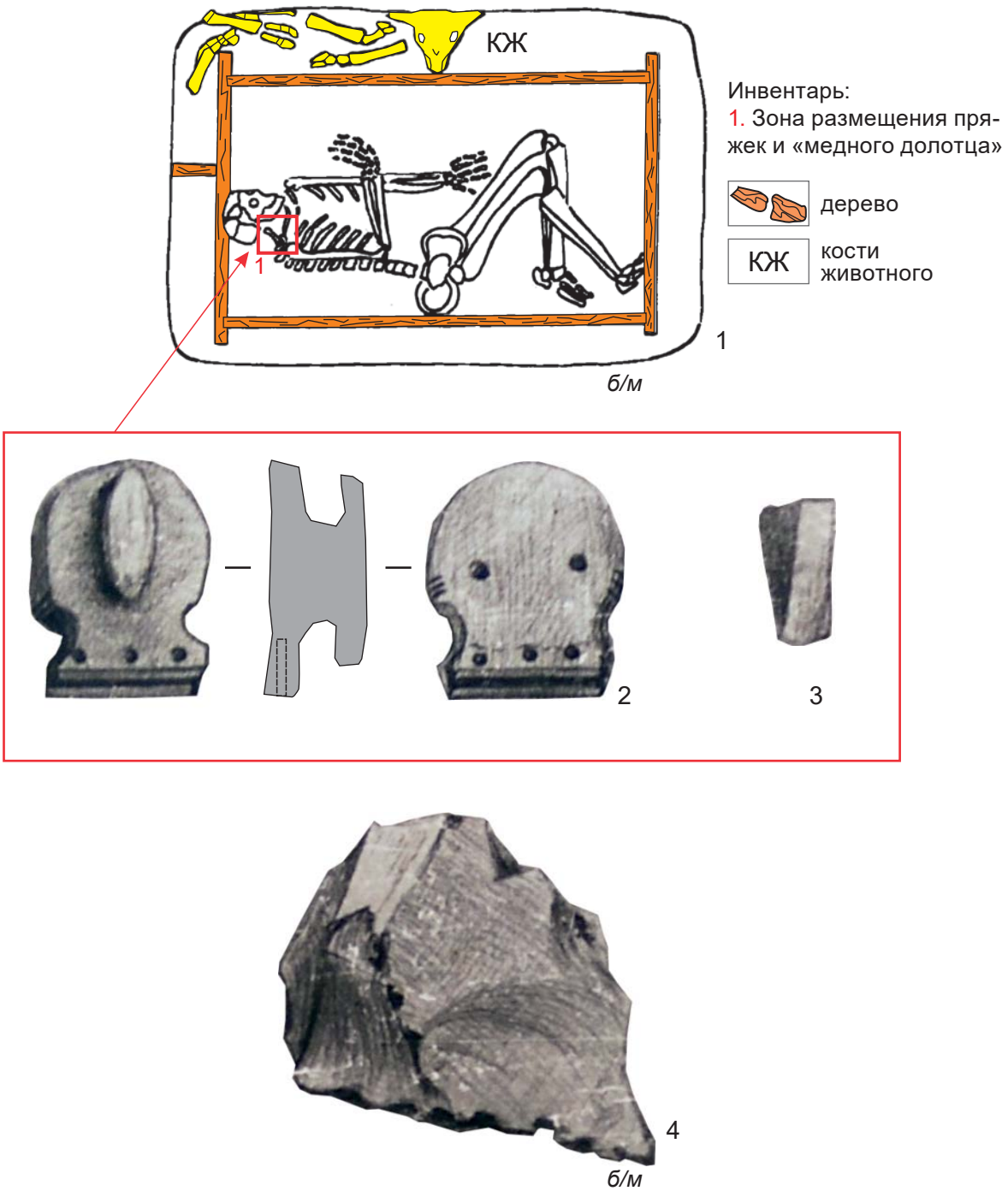
Илл. 20. Культурный круг Бабино. Погребение 3 кургана Беева Могила. Инвентарь.
1 – сосуд; 2 – роговая фигурная пряжка, рисунок; 3 – роговая фигурная пряжка, фото; 4 – кремневые наконечники стрел; 5 – кремневая пластина; 6 – роговая кольцевая пряжка; 7 – астрагал МРС; 8 – кремневый скребок.

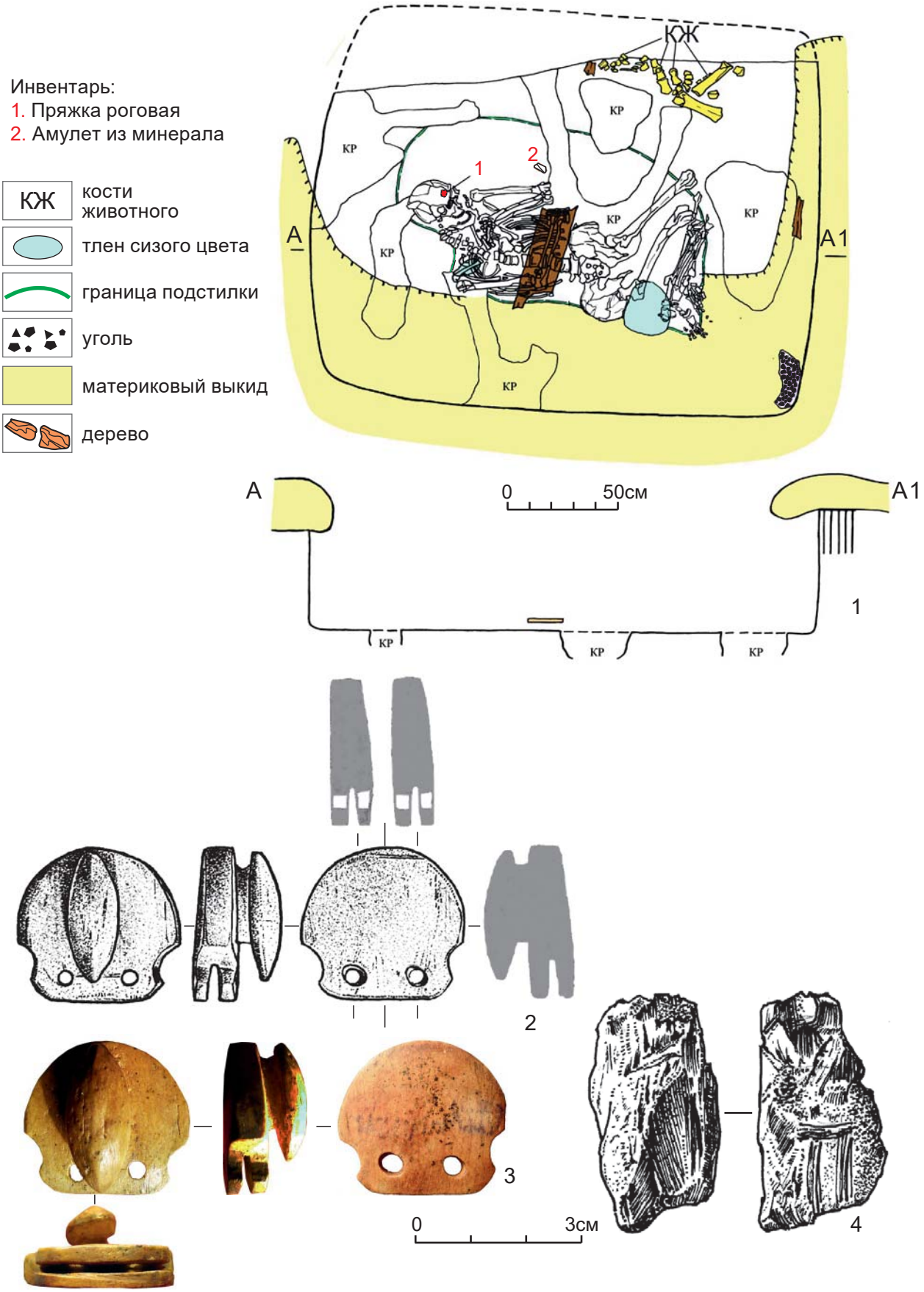
Илл. 21. Культурный круг Бабино. Погребение 17 кургана 4 могильника Долгая Могила.
1 – план; 2 – прорисовка расположения пряжки и бруска по фото из отчета (рис. 292);
3 – каменный брусок; 4 – роговая фигурная пряжка.

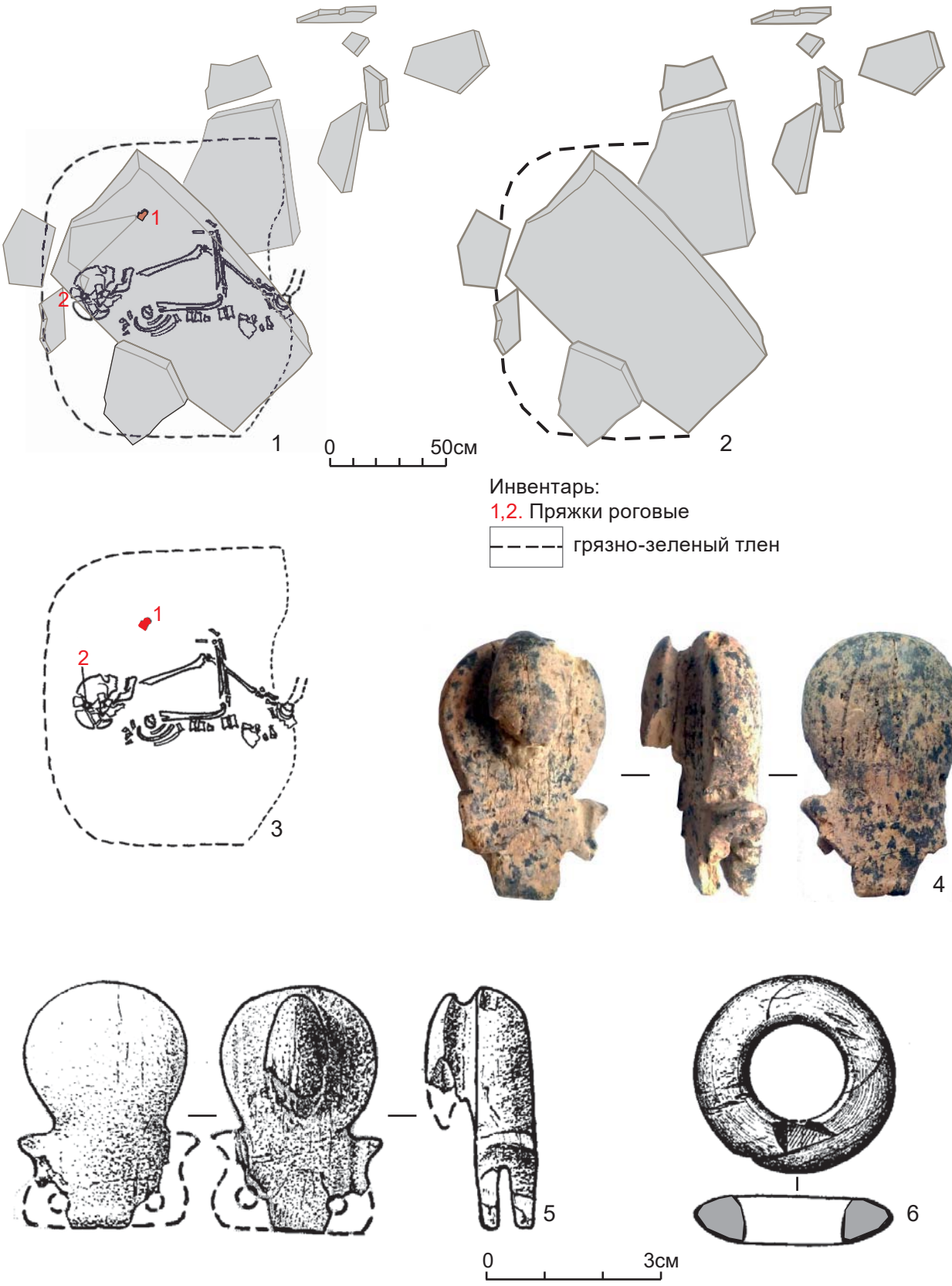
Илл. 22. Культурный круг Бабино. Погребение 19 кургана 4 могильника Донецк (Текстильщик).
1 – план; 2 – роговая пряжка, рисунок; 3 – роговая пряжка, фото; 4 – костяная проколка.

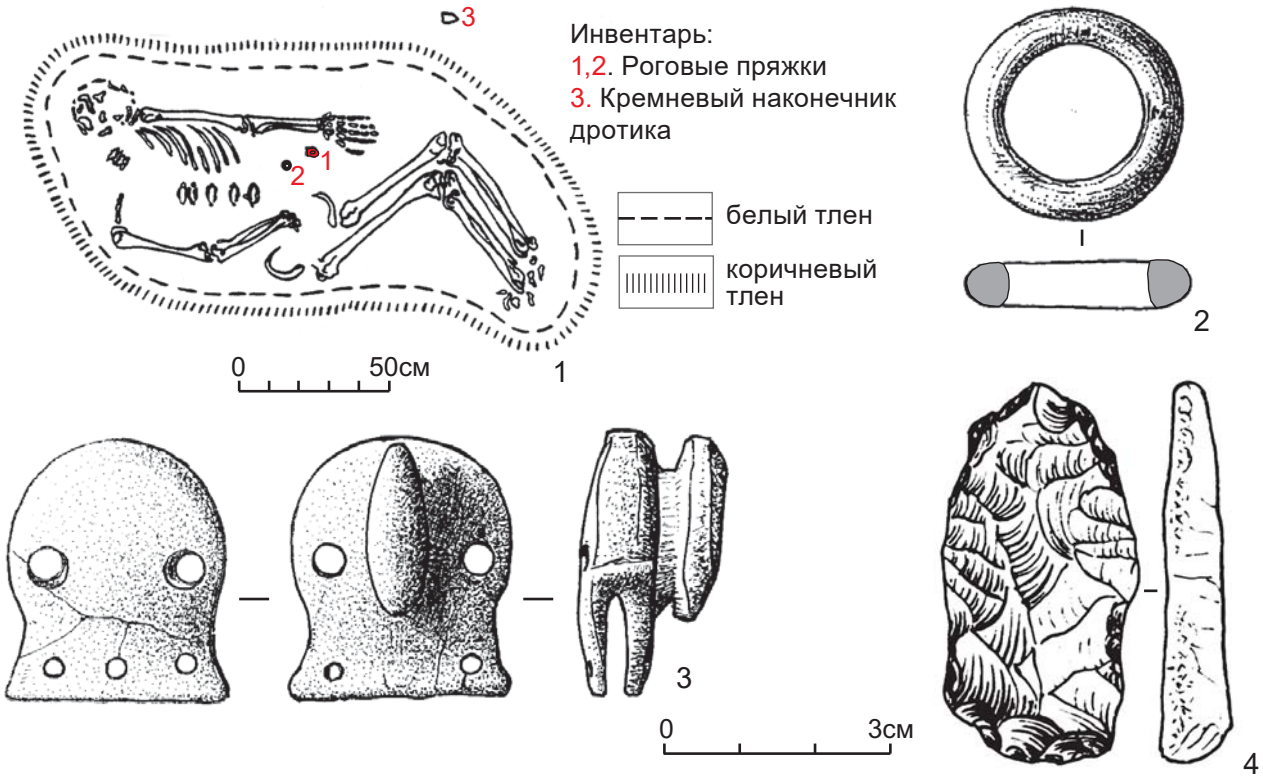
Илл. 23. Культурный круг Бабино. Погребение 1 кургана 5 могильника Камышеваха.
1 – план; 2 – роговая пряжка; 3 – «медное долотцо»; 4 – кремневый скол.

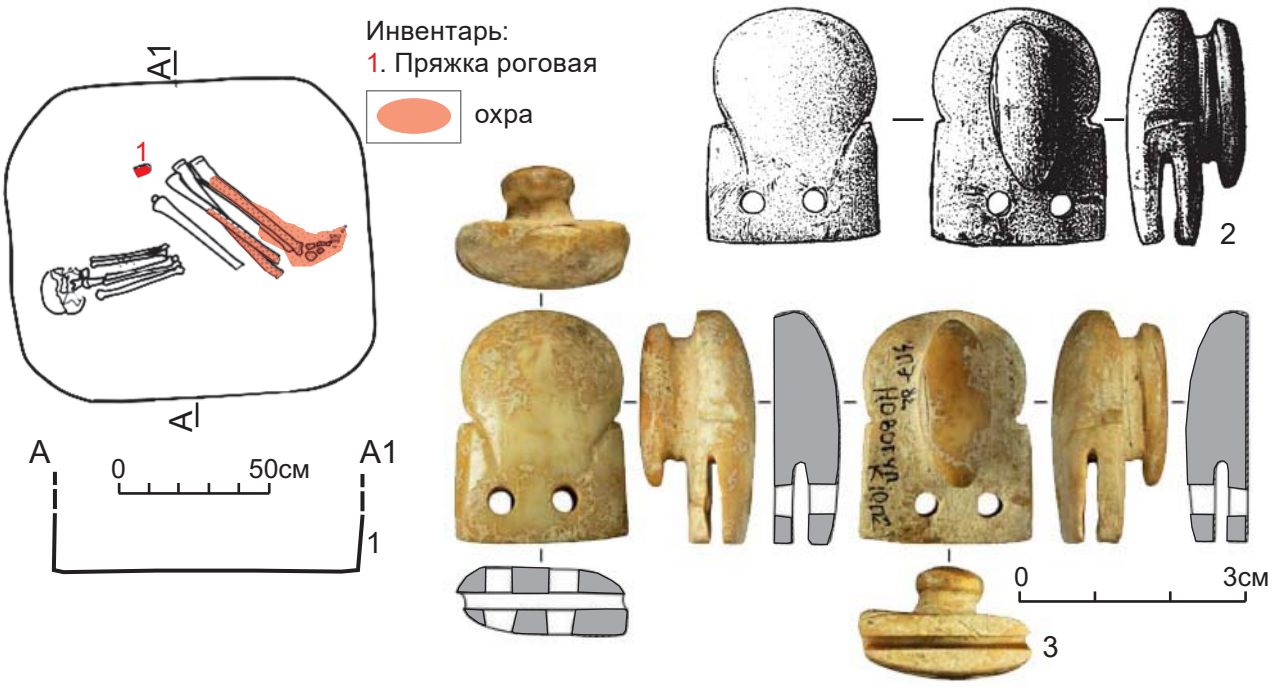
Илл. 24. Культурный круг Бабино. Погребение 3 кургана 3 могильника Мариенфельд.
1 – план и разрез; 2 – роговая пряжка, рисунок; 3 – роговая пряжка, фото; 4 – амулет из минерала красного цвета.

Илл. 25. Культурный круг Бабино. Погребение 2 кургана 3 могильника Новоамвросиевское.
1 – сводный чертеж; 2 – 1-й уровень фиксации; 3 – 2-й уровень фиксации; 4 – роговая фигурная пряжка, фото; 5 – роговая фигурная пряжка, рисунок; 6 – роговая кольцевидная пряжка.

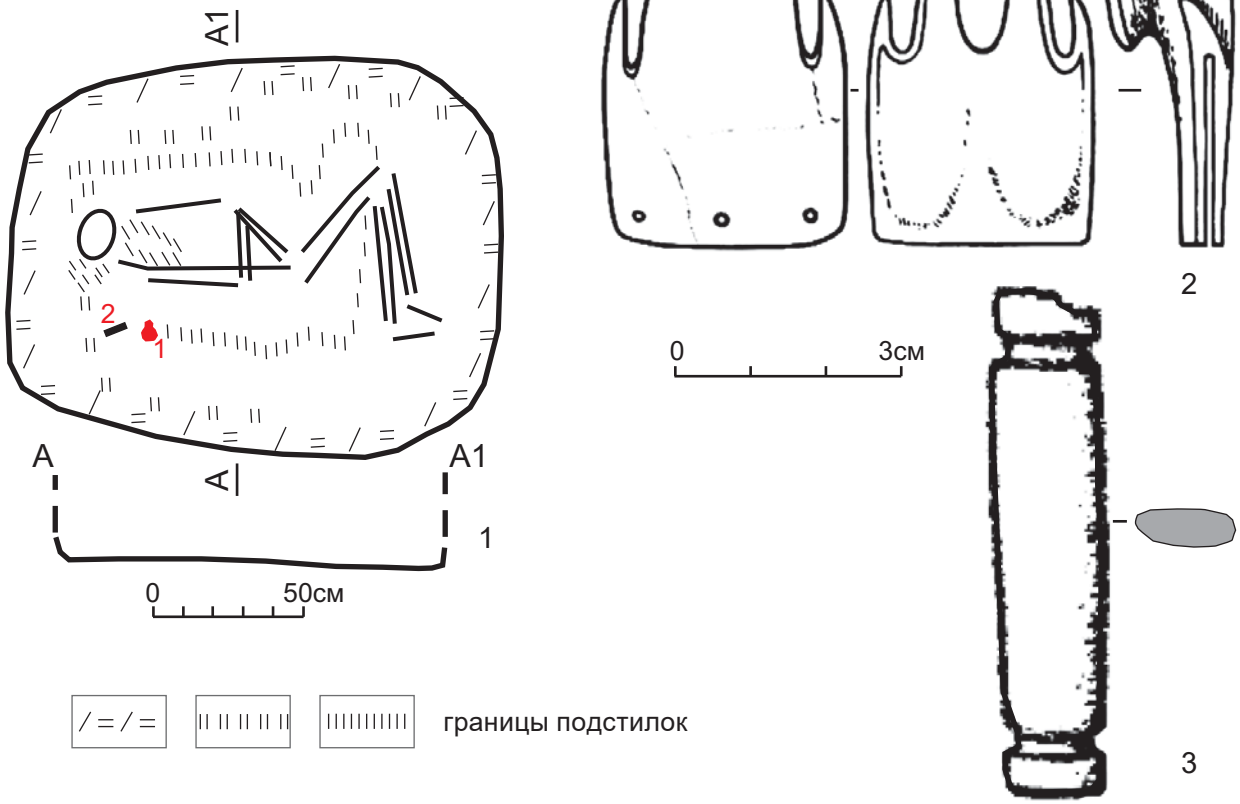

Илл. 26. Культурный круг Бабино. Погребение 1 кургана 4 мог. Новоандреевка.
1 – план; 2 – роговая кольцевидная пряжка, 3 – роговая фигурная пряжка; 4 – кремневый наконечник дротика.

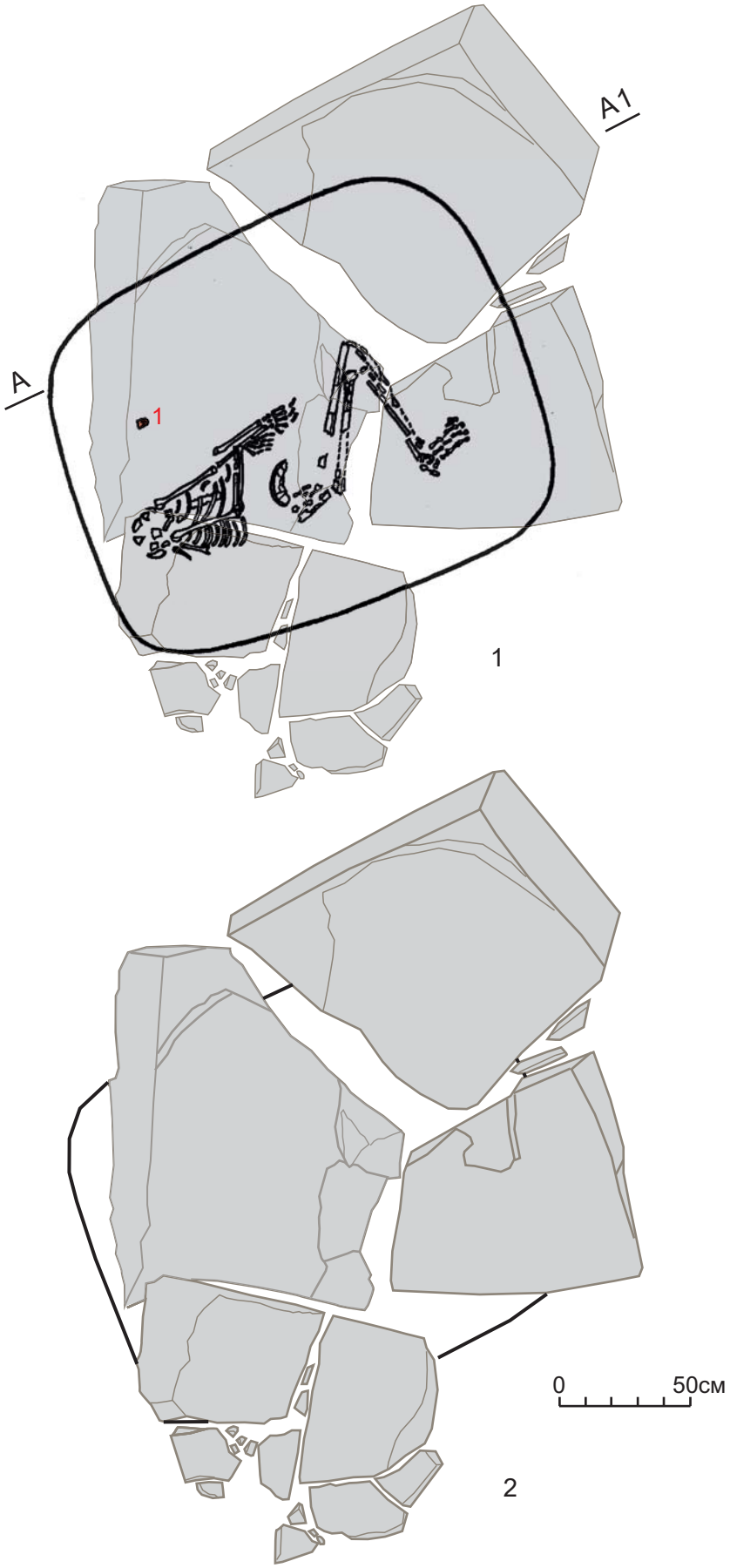

Илл. 27. Культурный круг Бабино. Погребение 2 кургана 10 могильника Новогупаловка III.
1 – план и разрез; 2 – роговая пряжка, рисунок; 3 – роговая пряжка, фото по: (*Литвиненко, Ляшко, 2018*).

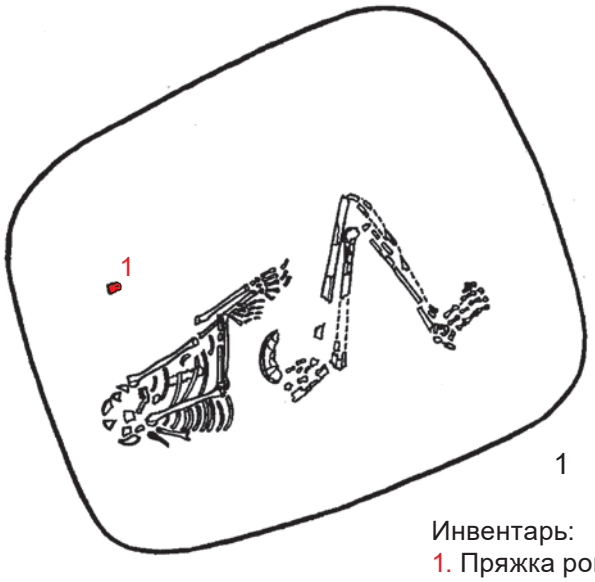
Инвентарь:
1. Пряжка роговая
2. Брусок каменный

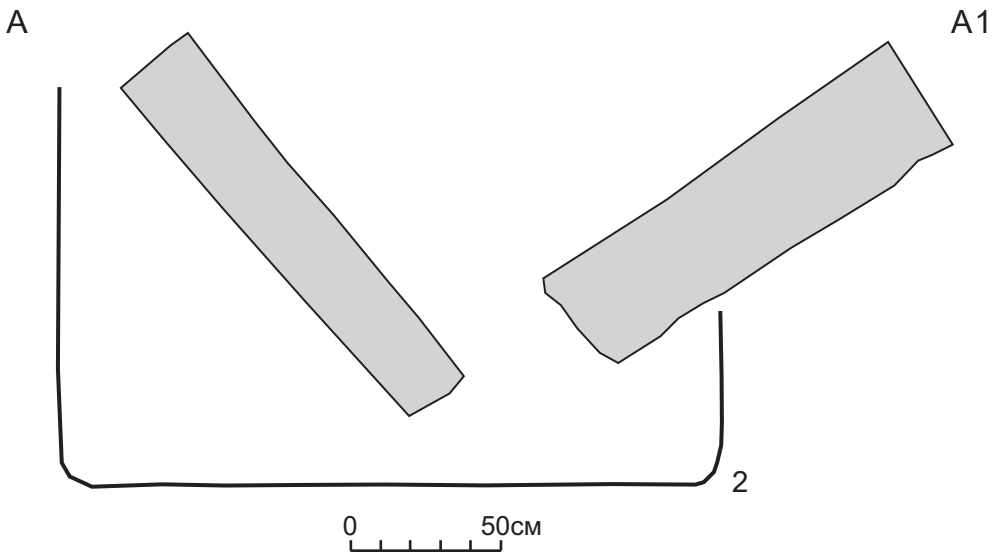
Илл. 28. Культурный круг Бабино. Погребение 10 одиночного кургана могильника Новолакедемоновка.
1 – план и разрез; 2 – роговая пряжка; 3 – каменный брусок с перетяжками.

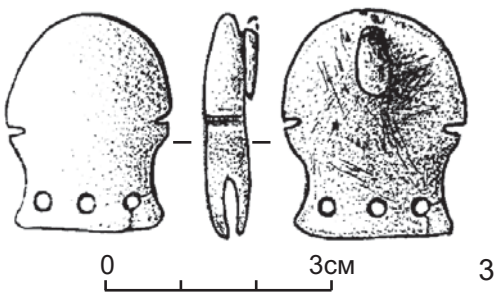

Илл. 29. Культурный круг Бабино. Погребение 11 кургана 3 могильника Новотроицкое III.
1 – сводный чертеж; 2 – 1-й уровень фиксации.

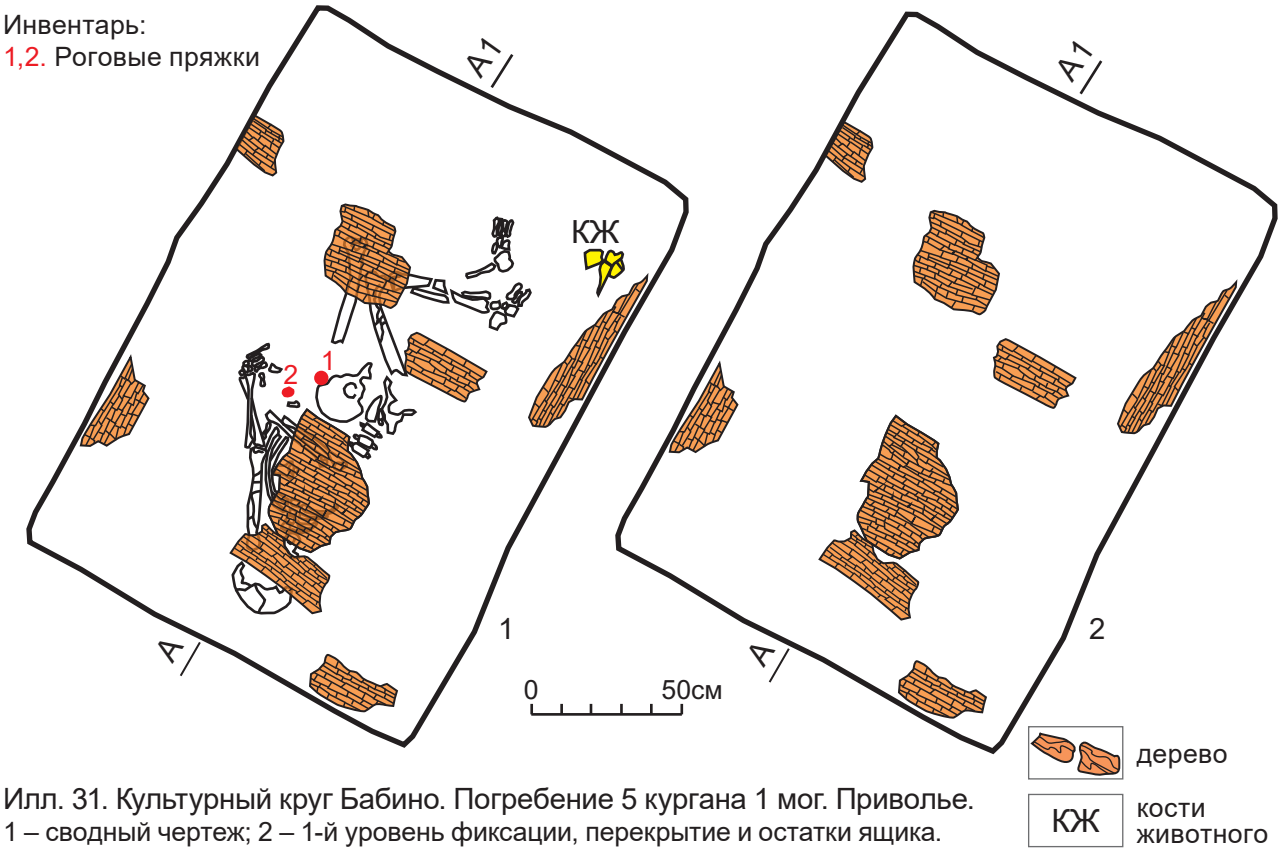

Инвентарь:
1. Пряжка роговая

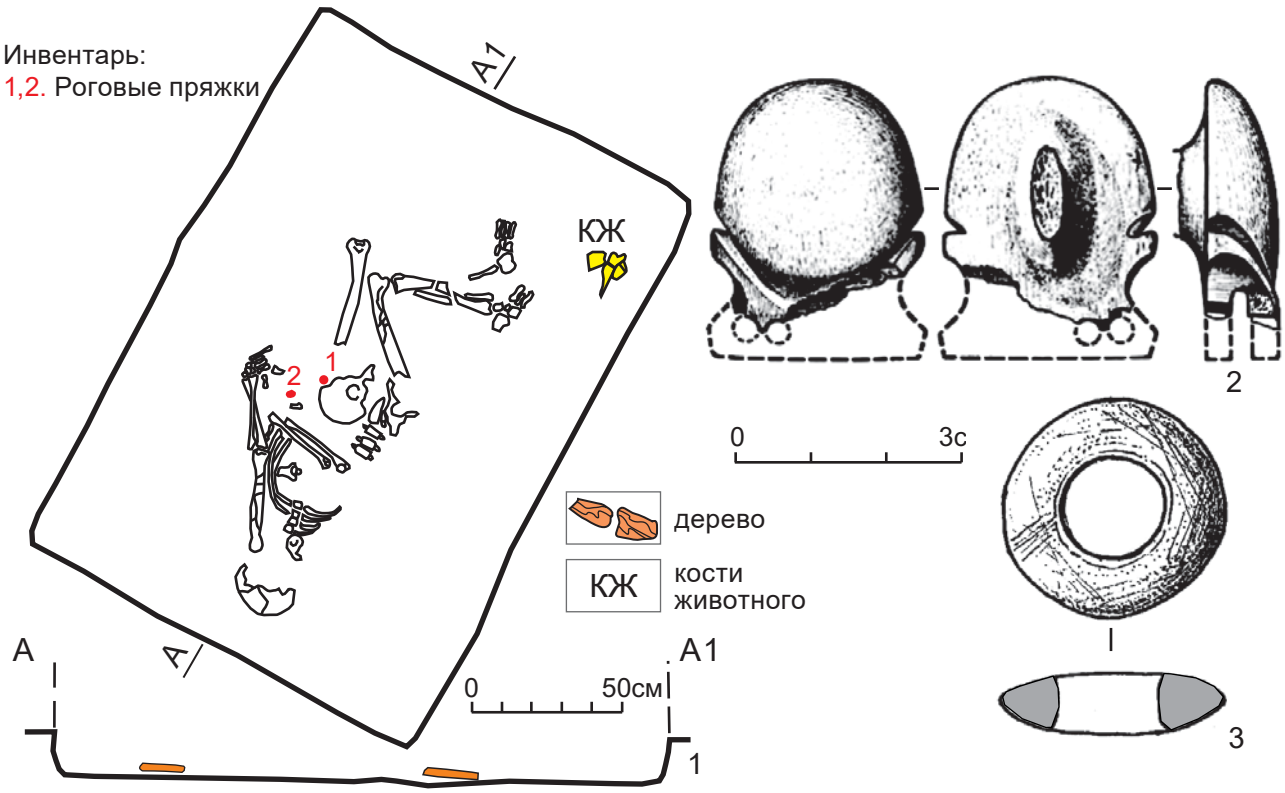

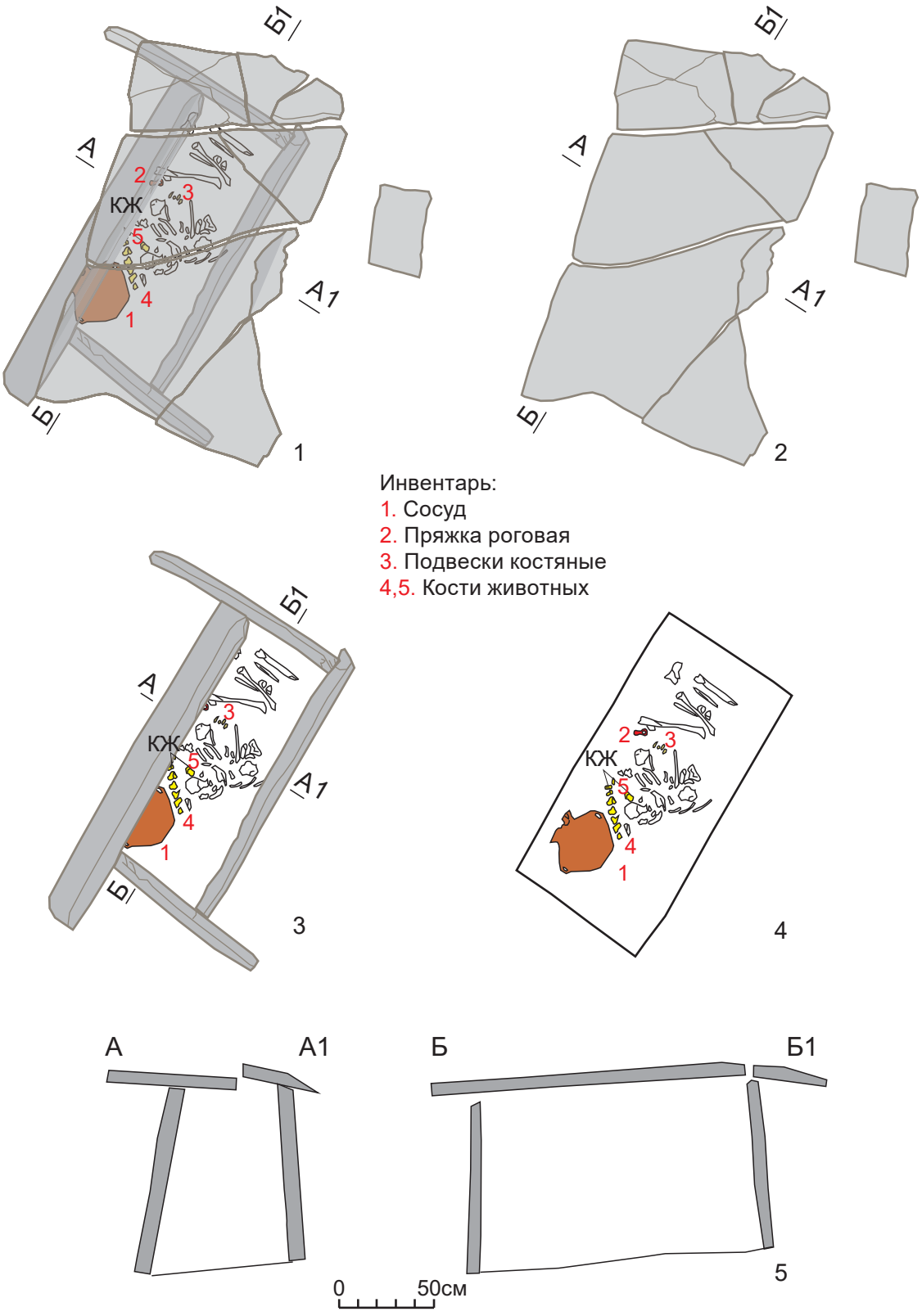
Илл. 30. Культурный круг Бабино. Погребение 11 кургана 3 могильника Новотроицкое III.
1 – 2-й уровень фиксации; 2 – разрез; 3 – роговая пряжка.

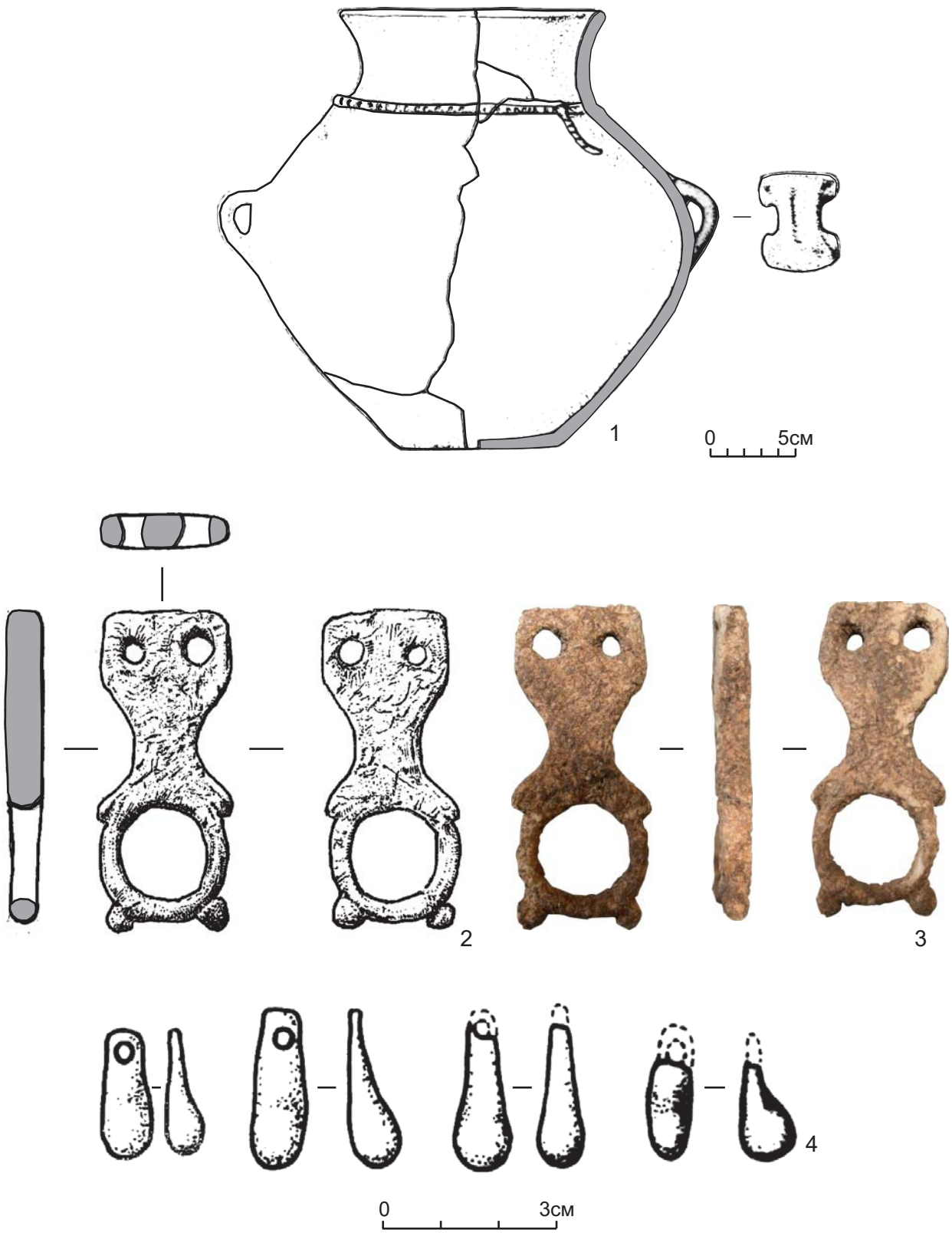
Илл. 31. Культурный круг Бабино. Погребение 5 кургана 1 мог. Приволье.
1 – сводный чертеж; 2 – 1-й уровень фиксации, перекрытие и остатки ящика.

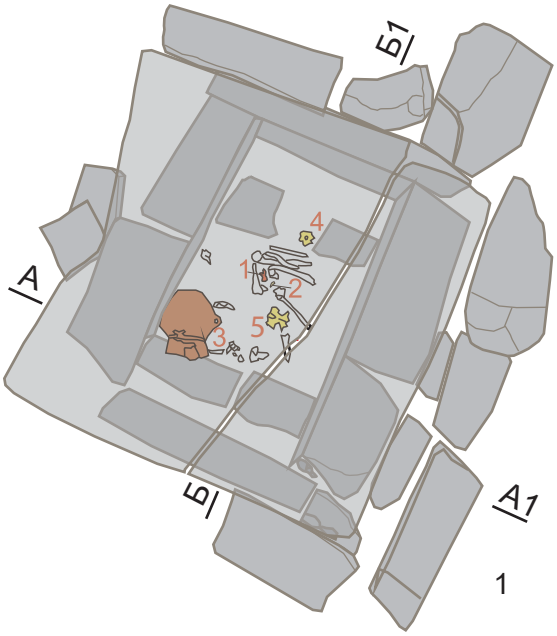
Илл. 32. Культурный круг Бабино. Погребение 5 кургана 1 мог. Приволье.
1 – 2-й уровень фиксации; 2 – разрез; 3 – роговая фигурная пряжка; 4 – роговая кольцевидная пряжка.

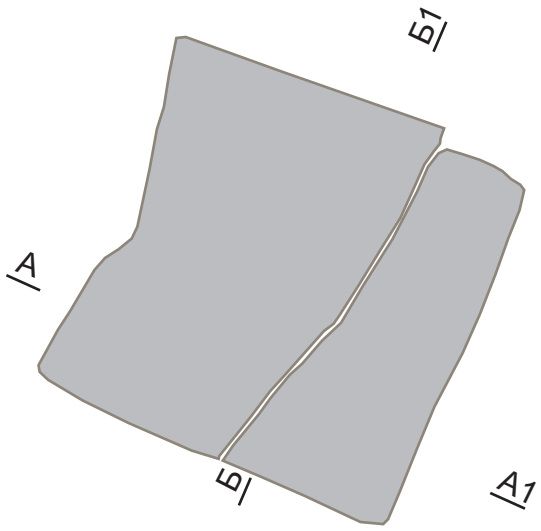
Илл. 33. Присулакская культура. Погребение 1 кургана 5 мог. Гертма III.
1 – сводный чертеж; 2 – 1-й уровень фиксации, перекрытие; 3 – 2-й уровень фиксации; 4 – третий уровень фиксации; 5 – разрезы.

Илл. 34. Присулакская культура. Погребение 1 кургана 5 мог. Гертма III. Инвентарь.
1 – сосуд; 2 – роговая пряжка, рисунок; 3 – роговая пряжка, фото;
4 – костяные подвески, имитирующие зубы оленя.

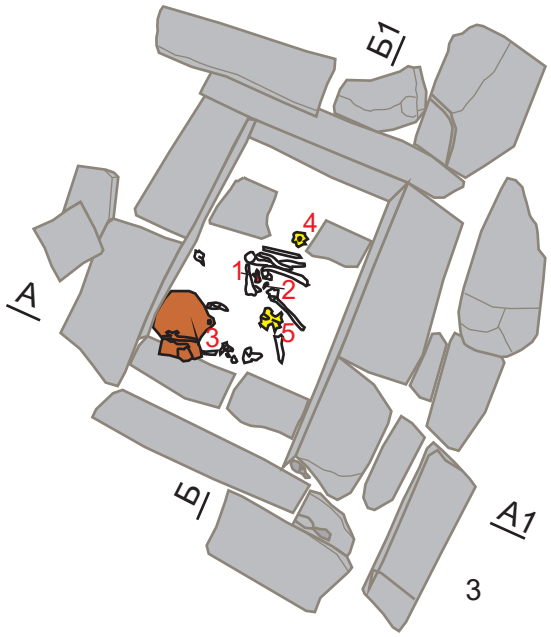

1

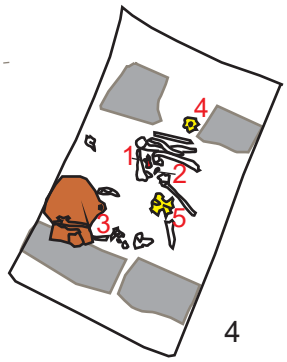

2

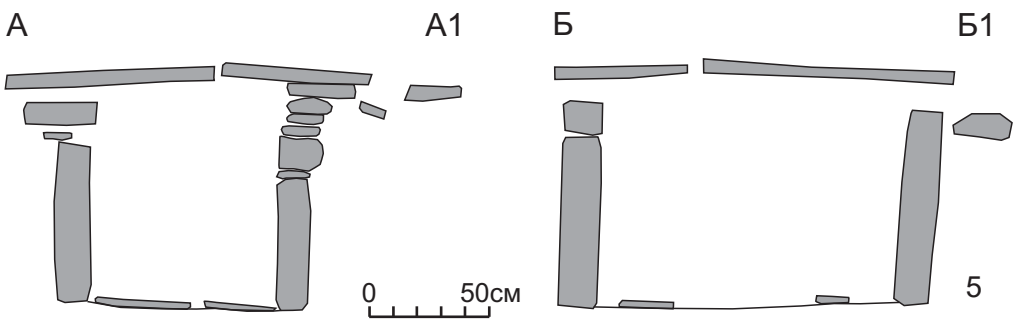
Инвентарь:
1. Пряжка роговая
2. Подвеска костяная
3. Сосуд
4,5. Кости животных

3

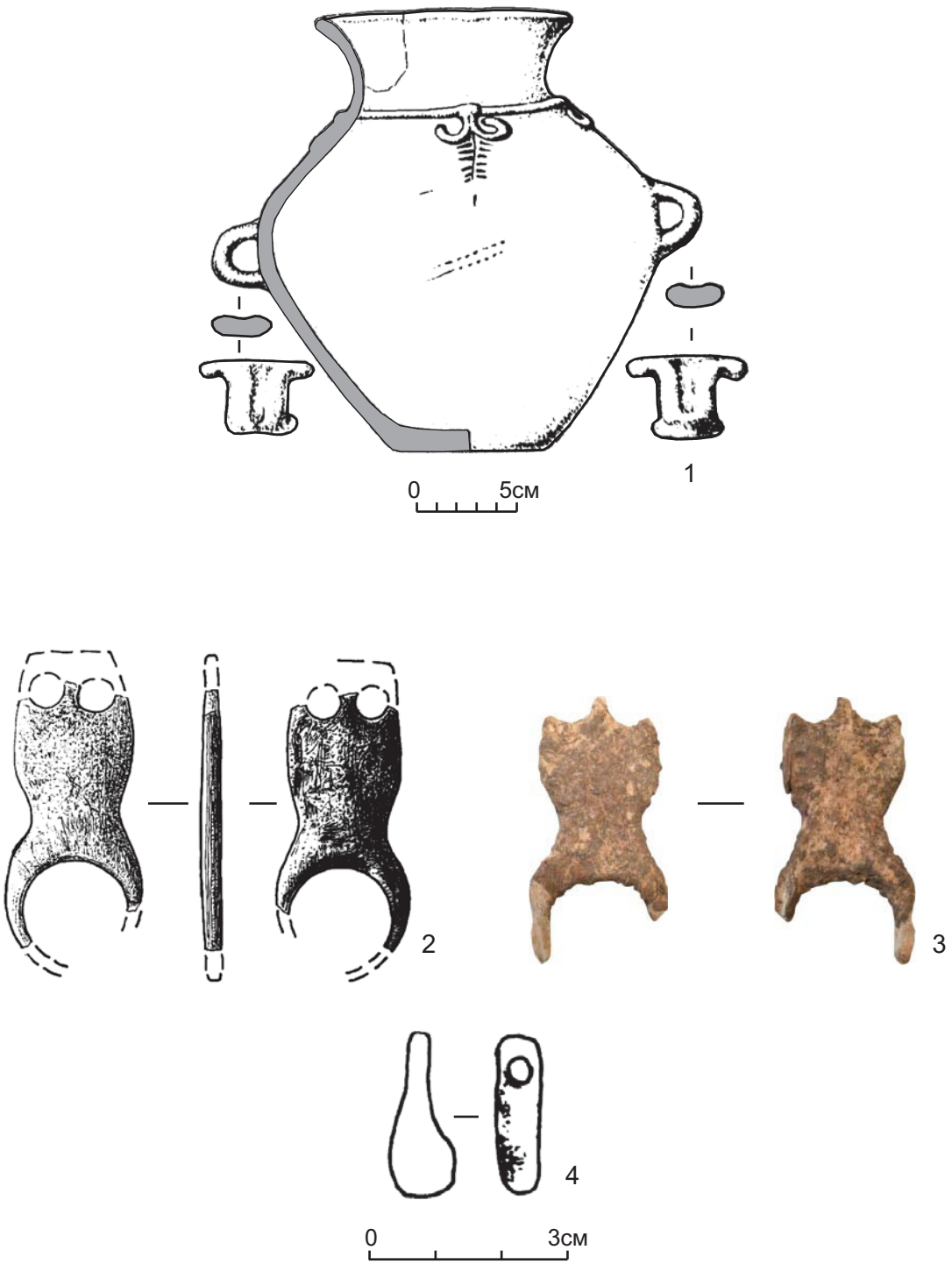

4

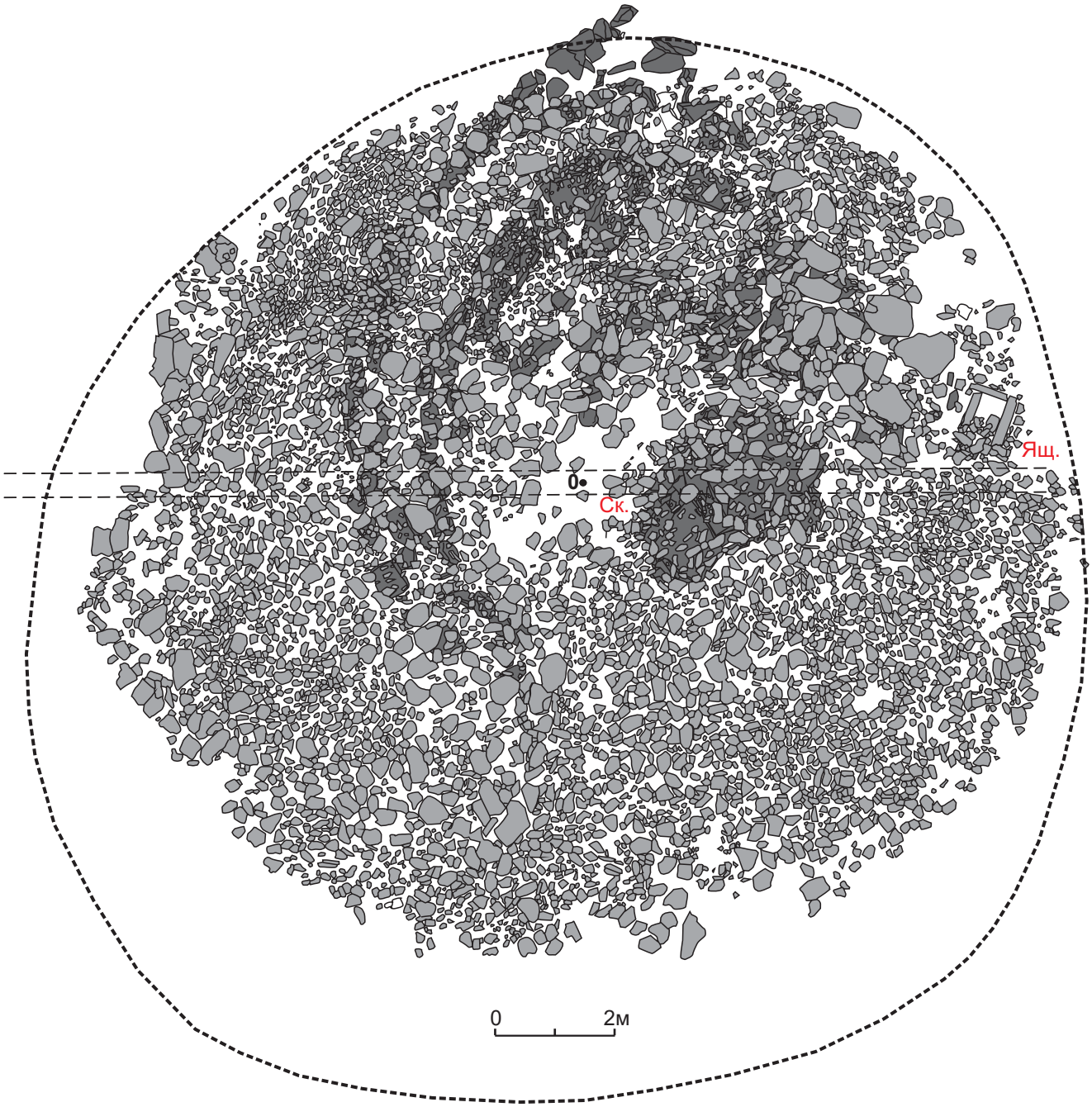

5

Илл. 35. Присулакская культура. Погребение 3 кургана 6 мог. Гертма III.
1 – сводный чертеж; 2 – 1-й уровень фиксации, перекрытие; 3 – 2-й уровень фиксации;
4 – третий уровень фиксации; 5 – разрезы.

Илл. 36. Присулакская культура. Погребение 3 кургана 6 мог. Гертма III. Инвентарь.
1 – сосуд; 2 – роговая пряжка, рисунок; 3 – роговая пряжка, фото;
4 – костяная подвеска, имитирующая зуб оленя.

Граница насыпи

1-й уровень фиксации (панцирь)

2-й уровень фиксации (кромлехи и склеп)

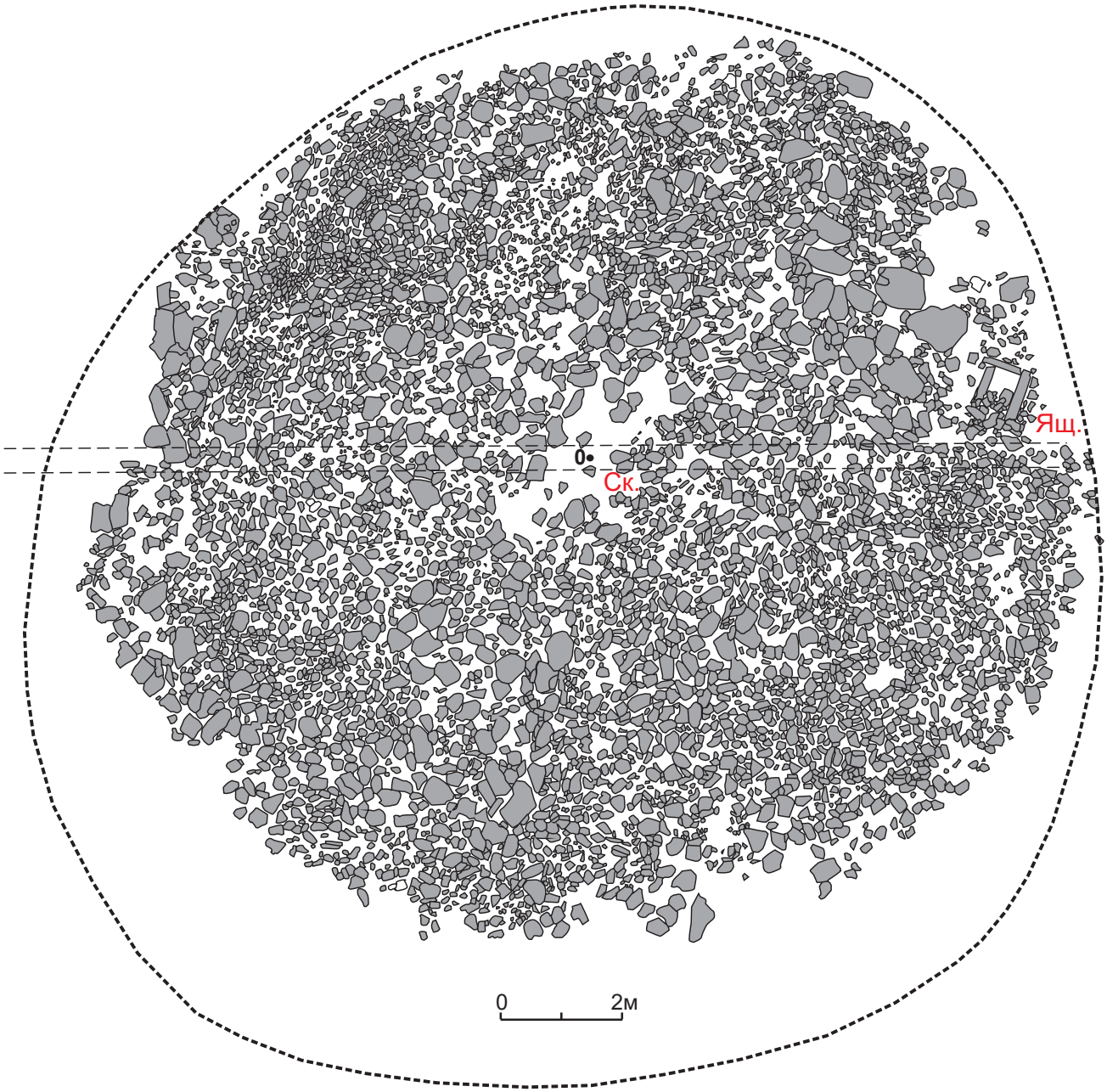
Бровка В-3

0• Центральный репер

Ск. Склеп 1

Ящ. Каменный ящик

Илл. 37. Гинчинская культура. Курган 1 мог. Ирганайский 1. Сводный чертеж.

Граница насыпи

1-й уровень фиксации (панцирь)

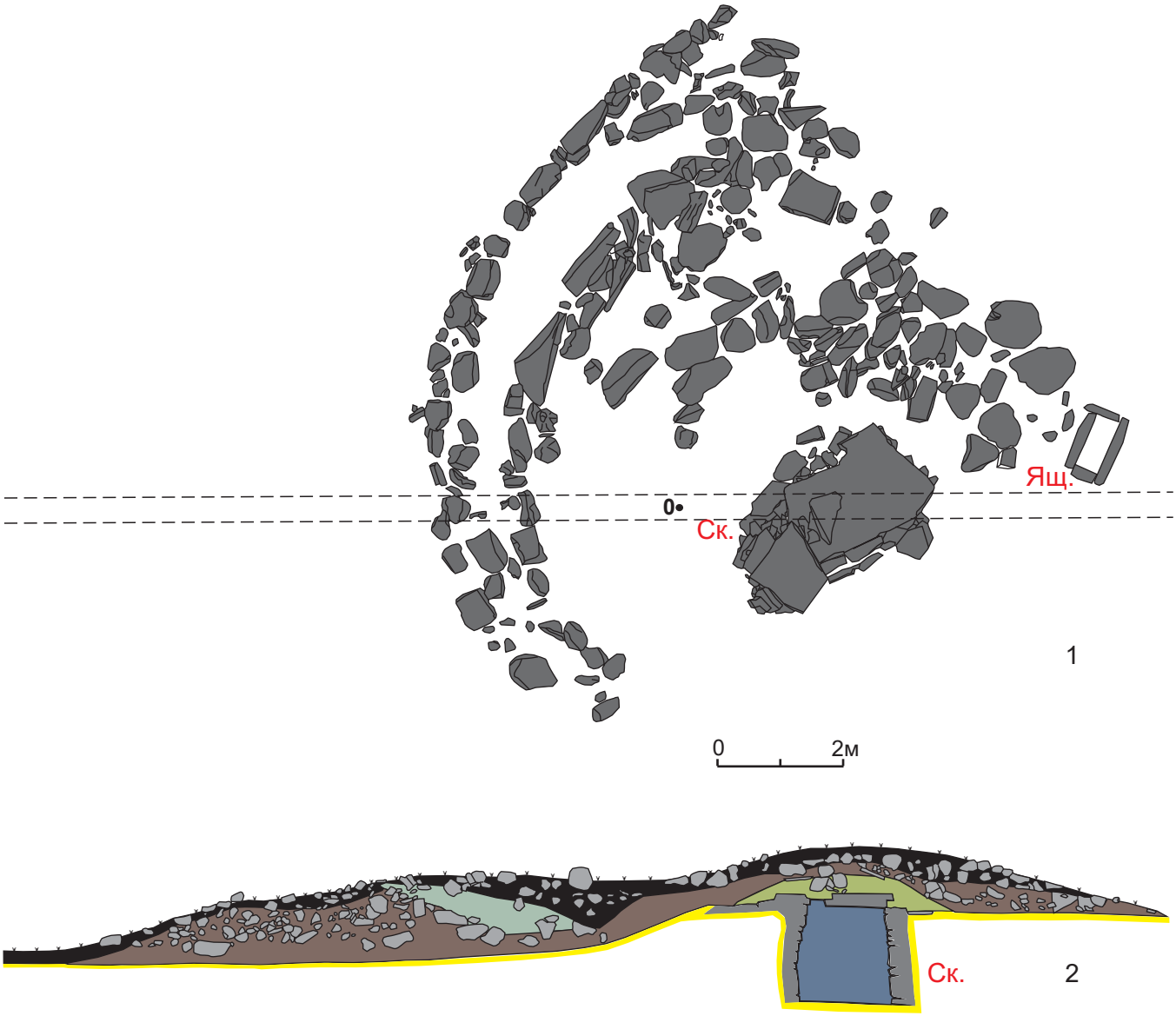
Бровка В-З

0• Центральный репер

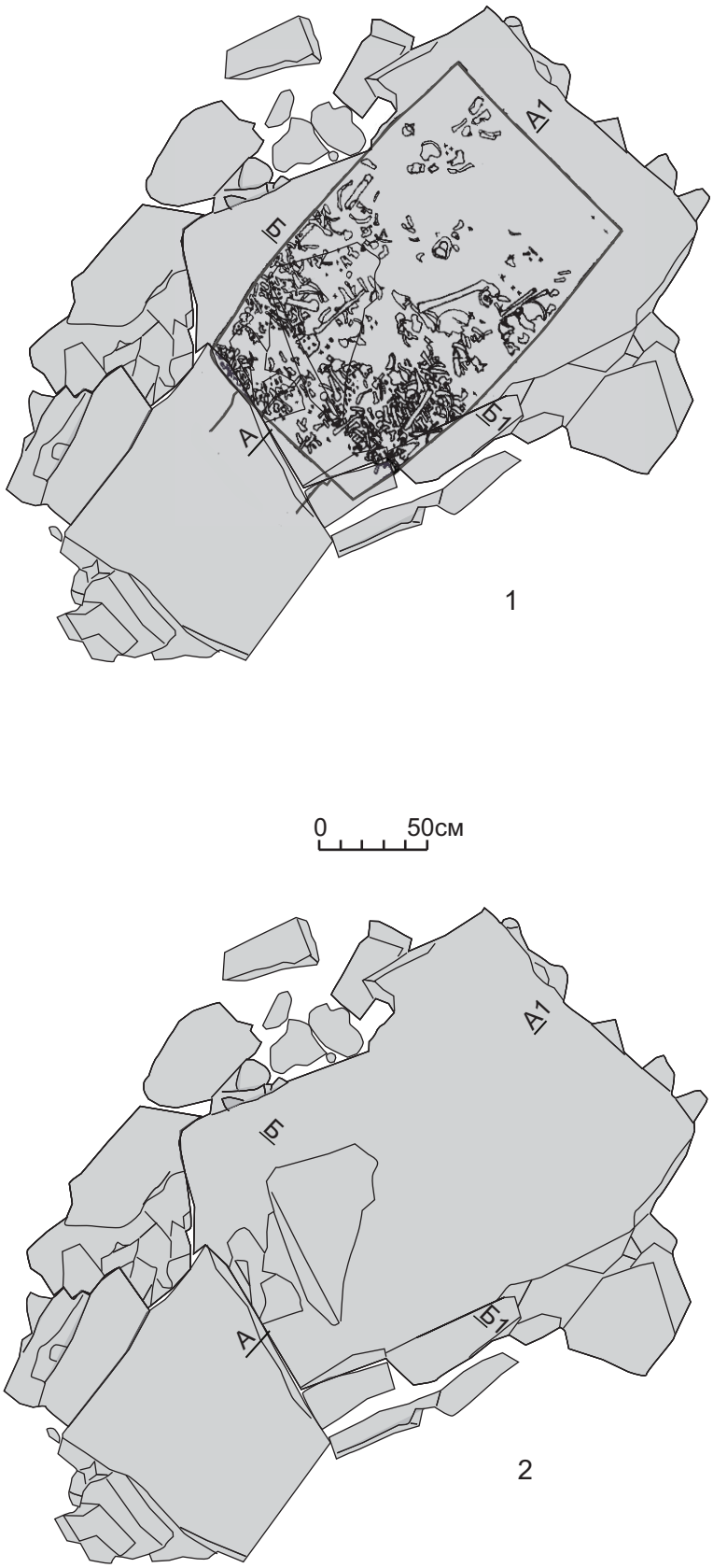
Ск. Склеп 1

Ящ. Каменный ящик

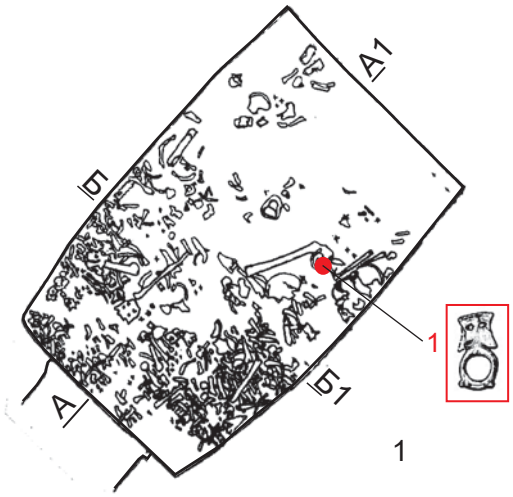
Илл. 38. Гинчинская культура. Курган 1 мог. Ирганайский 1. 1-й уровень фиксации (панцирь).

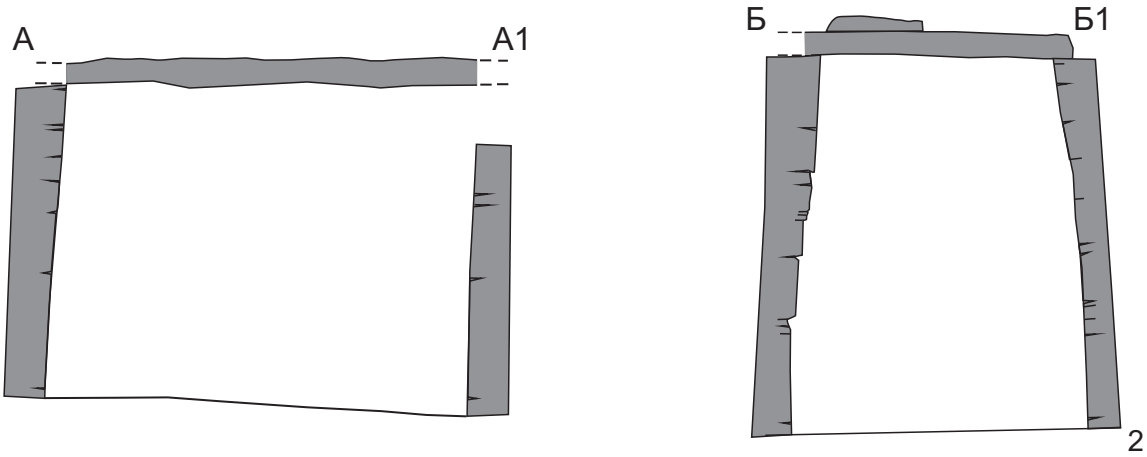
Илл. 39. Гинчинская культура. Курган 1 мог. Ирганайский 1. 2-й уровень фиксации (кромлехи и склеп) и профиль
1 – 2-й уровень фиксации, план; 2 – профиль В-3.

Илл. 40. Гинчинская культура. Курган 1 мог. Ирганайский 1. Склеп 1.
1 – сводный чертеж, план; 2 – 1-й уровень фиксации, перекрытие камеры и дромоса, план.

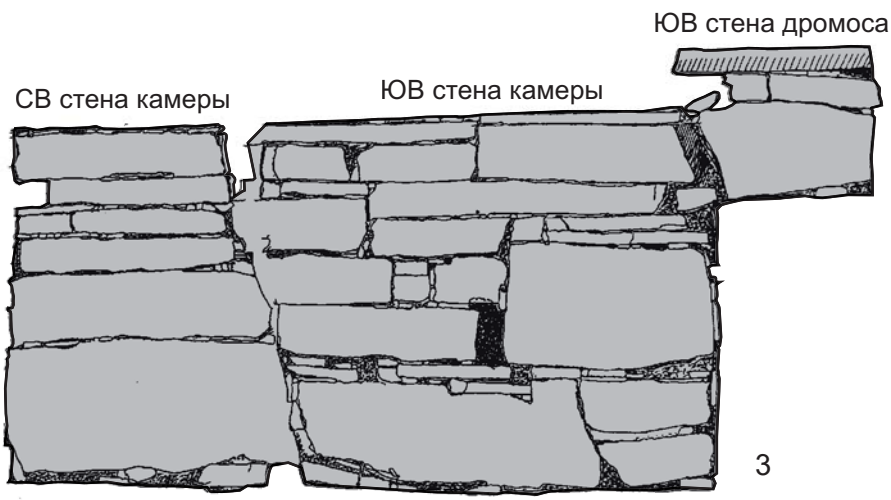

1

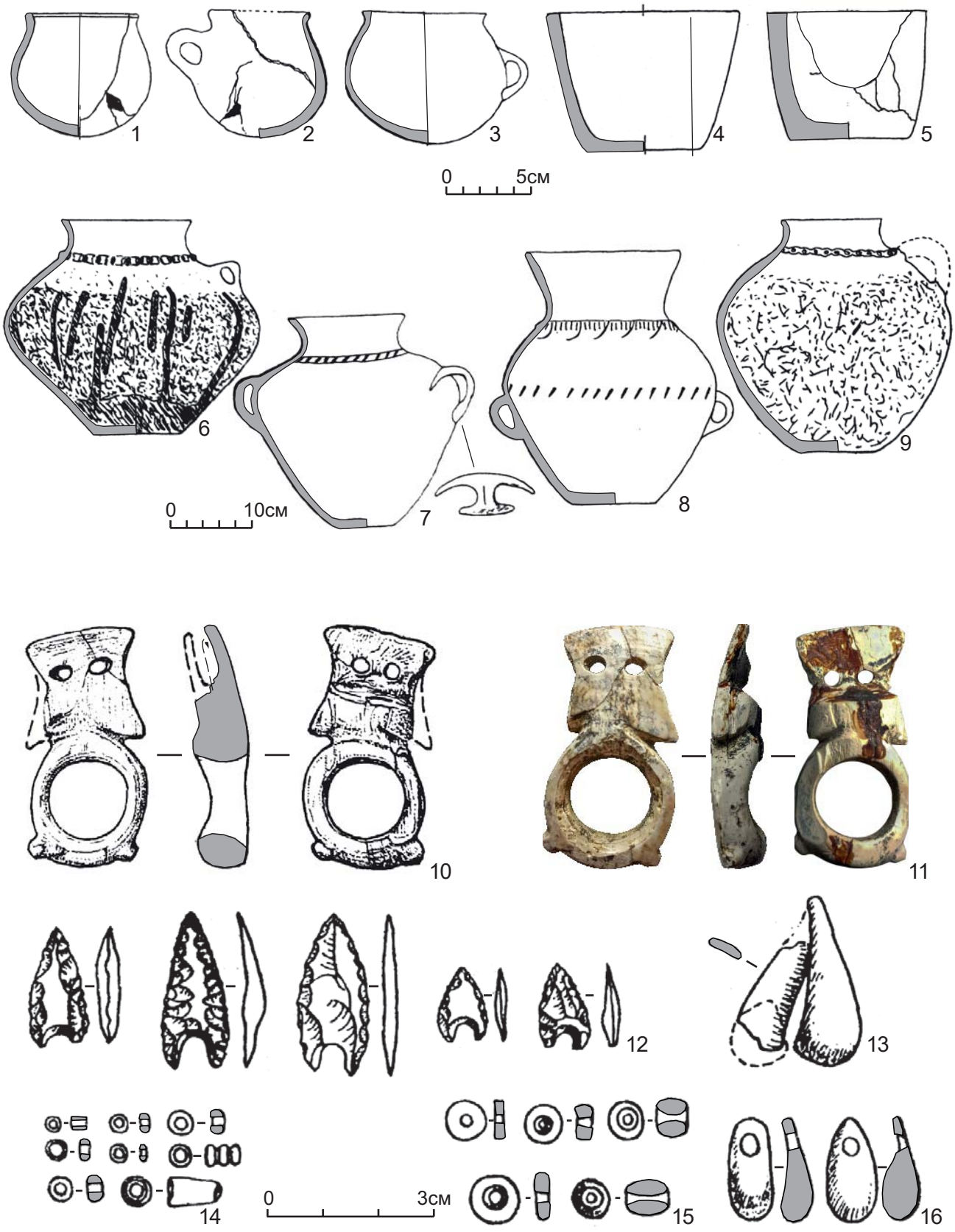
2

0 50см

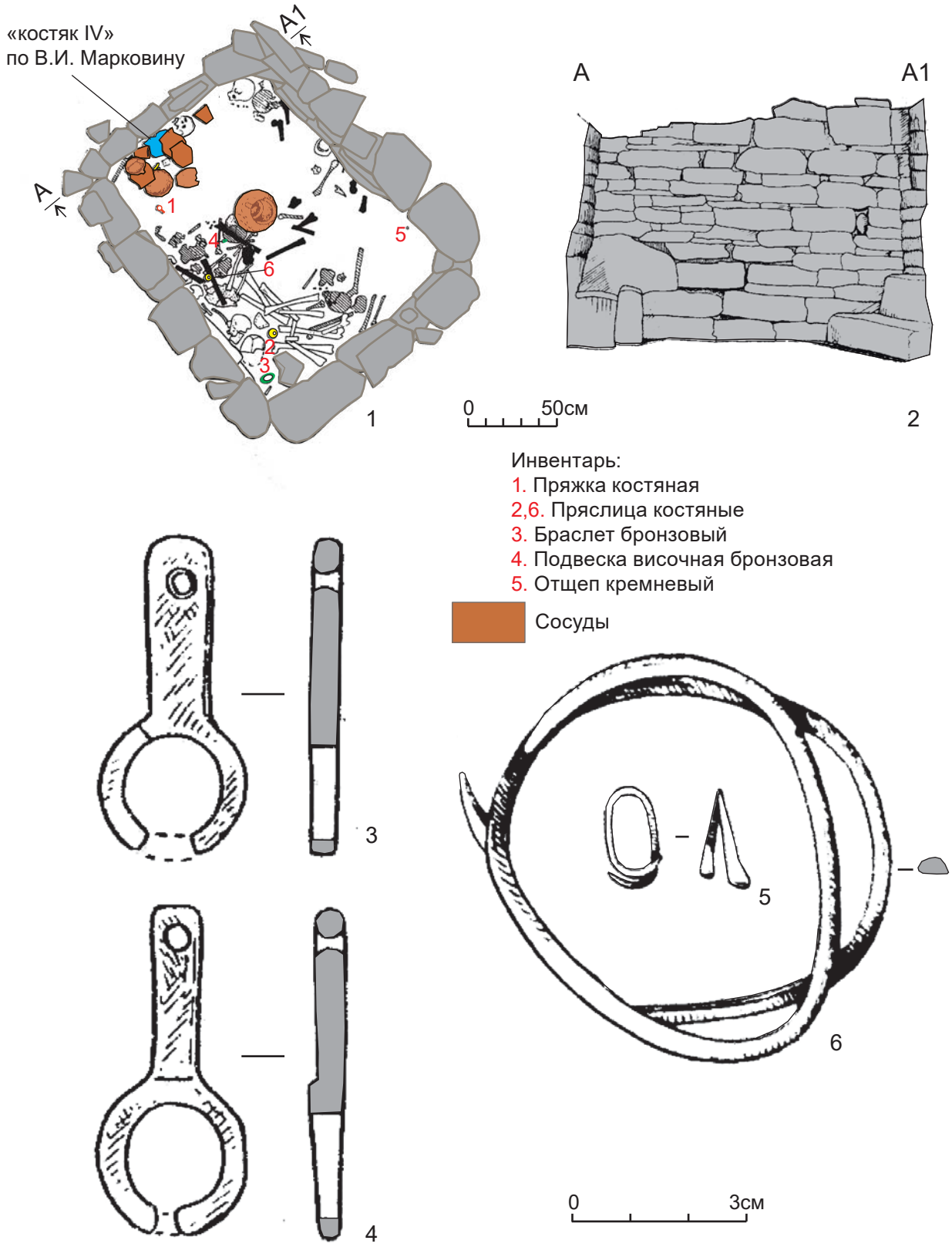

3

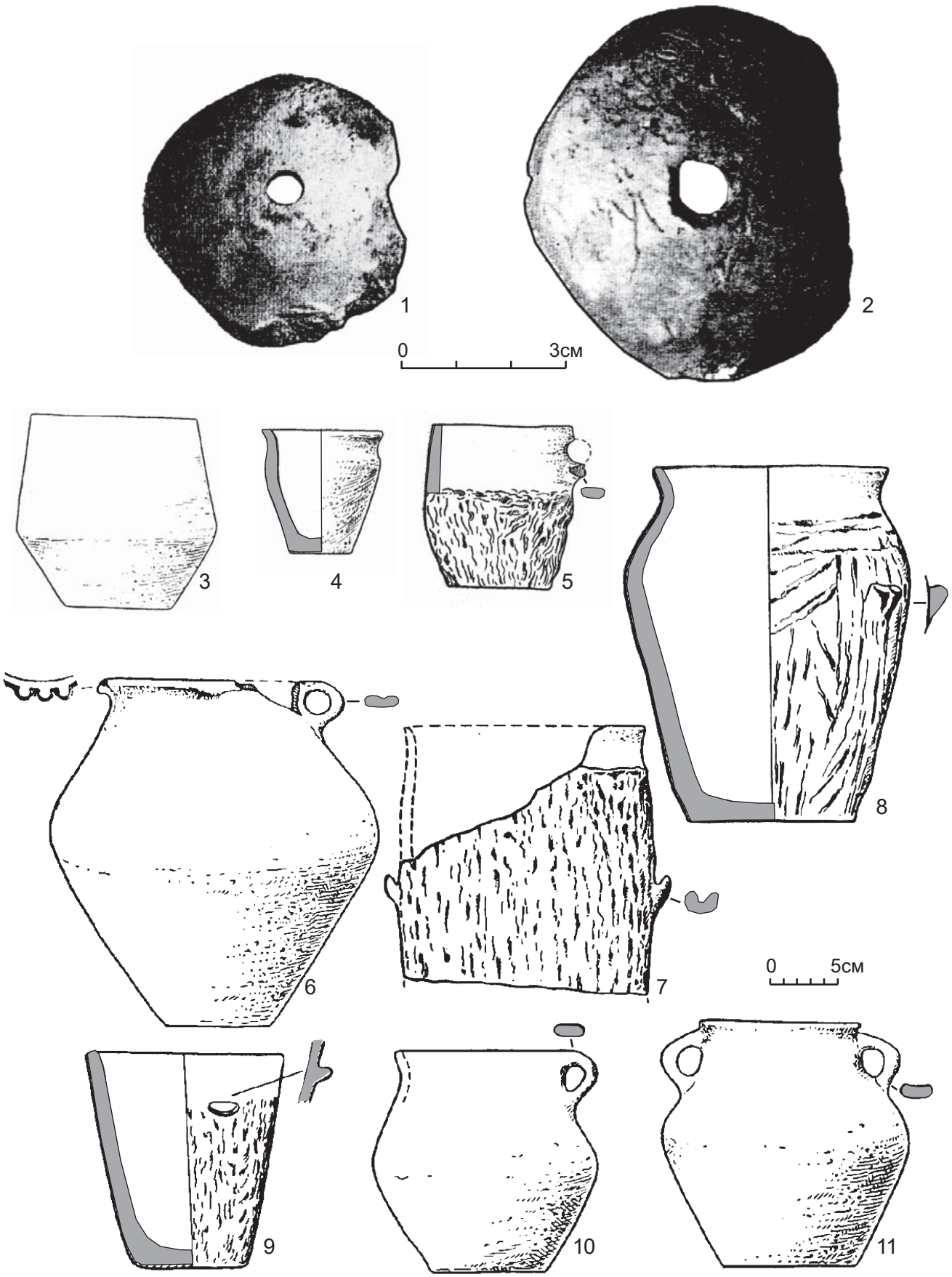
Илл. 41. Гинчинская культура. Курган 1 мог. Ирганайский 1. Склеп 1.
1 – 2-й уровень фиксации, камера, план; 2 – разрезы камеры; 3 – фасировка стен камеры и дромоса.

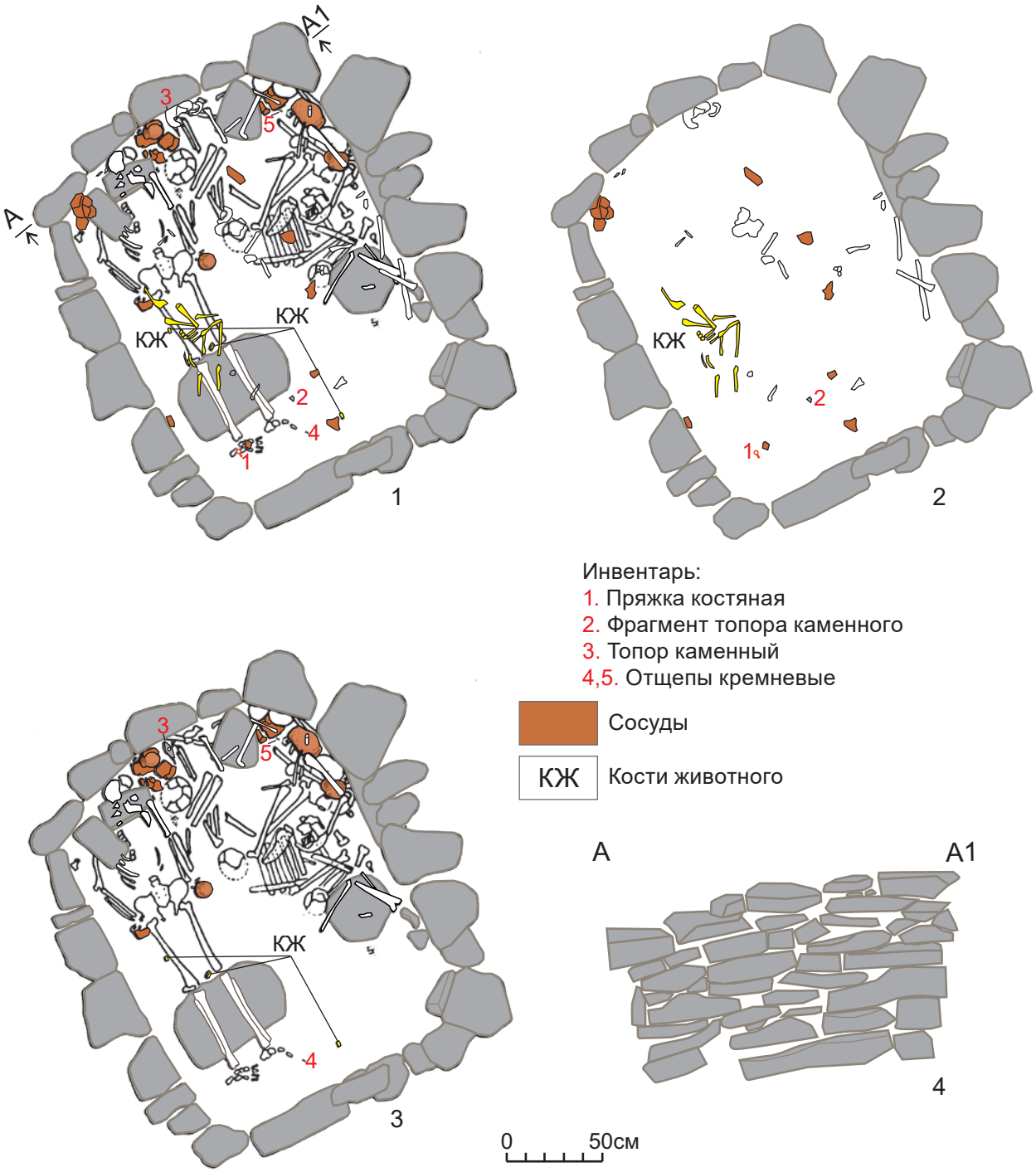
Илл. 42. Гинчинская культура. Склеп 1 кургана 1 мог. Ирганайский 1.
1-9 – сосуды; 10 – пряжка из клыка кабана, рисунок; 11 – пряжка из клыка кабана, фото;
12 – кремневые наконечники стрел; 13 – бронзовая подвеска; 14 – фаянсовый бисер;
15 – сердоликовые и гагатовые бусы; 16 – костяная подвеска, имитирующая зуб оленя.

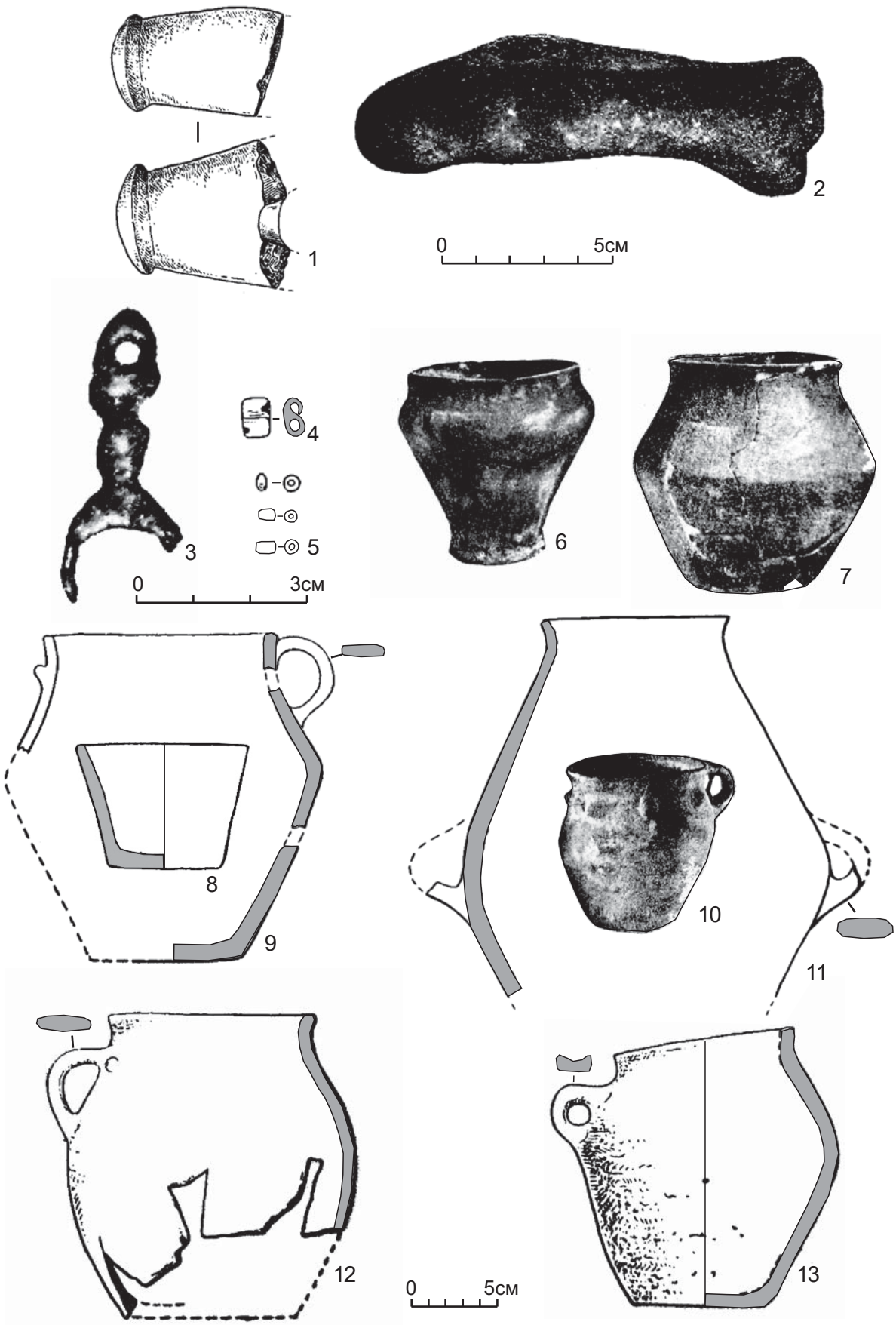
Илл. 43. Гинчинская культура. Погребение 7 мог. Гатын-Кале, ярус –0,3-1 м.
1 – чертеж, план; 2 – чертеж северо-западной стены склепа; 3,4 – костяные пряжки; 5 – бронзовая височная подвеска; 6 – бронзовый браслет.

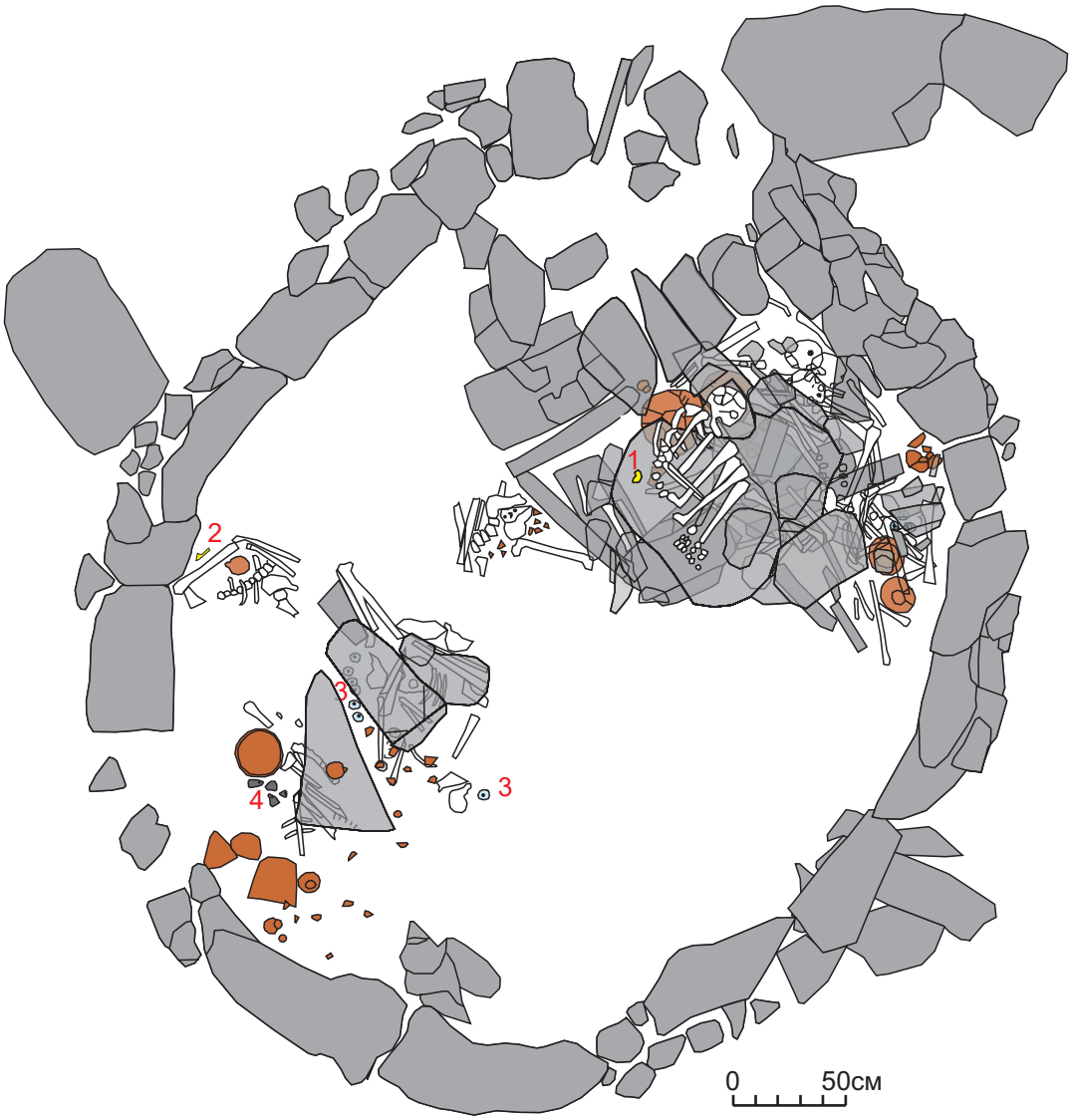
Илл. 44. Гинчинская культура. Погребение 7 мог. Гатын-Кале, ярус –0,4-0,8 м. Инвентарь.
1, 2 – костяные пряслица; 3-11 – сосуды.

Илл. 45. Гинчинская культура. Погребение 30 мог. Гатын-Кале.
1 – сводный чертеж; 2 – 1-й уровень фиксации, –0,15-0,7 м; 3 – 2-й уровень фиксации, дно;
4 – чертеж северо-западной стены склепа.

Илл. 46. Гинчинская культура. Погребение 30 мог. Гатын-Кале. Инвентарь.
1 – фрагмент каменного топора; 2 – каменный топор; 3 – костяная пряжка; 4 – бронзовая подвеска; 5 – фаянсовый бисер; 6-13 – сосуды.

Инвентарь:
1. Фрагмент пряслица костяного
2. Наконечник стрелы костяной
3. Подвески из раковины
4. Бусы гагатовые

Сосуды, фрагменты керамики

Илл. 47. Гинчинская культура. Склеп 2 мог. Гинчи. Сводный чертеж.

Инвентарь:
1. Фрагмент пряслица костяного

Сосуды, фрагменты керамики

Илл. 48. Гинчинская культура. Склеп 2 мог. Гинчи. 1-й уровень фиксации.

Илл. 49. Гинчинская культура. Склеп 2 мог. Гинчи. 2-й уровень фиксации.

Инвентарь:
2. Наконечник стрелы костяной
3. Подвески из раковины
4. Бусы гагатовые

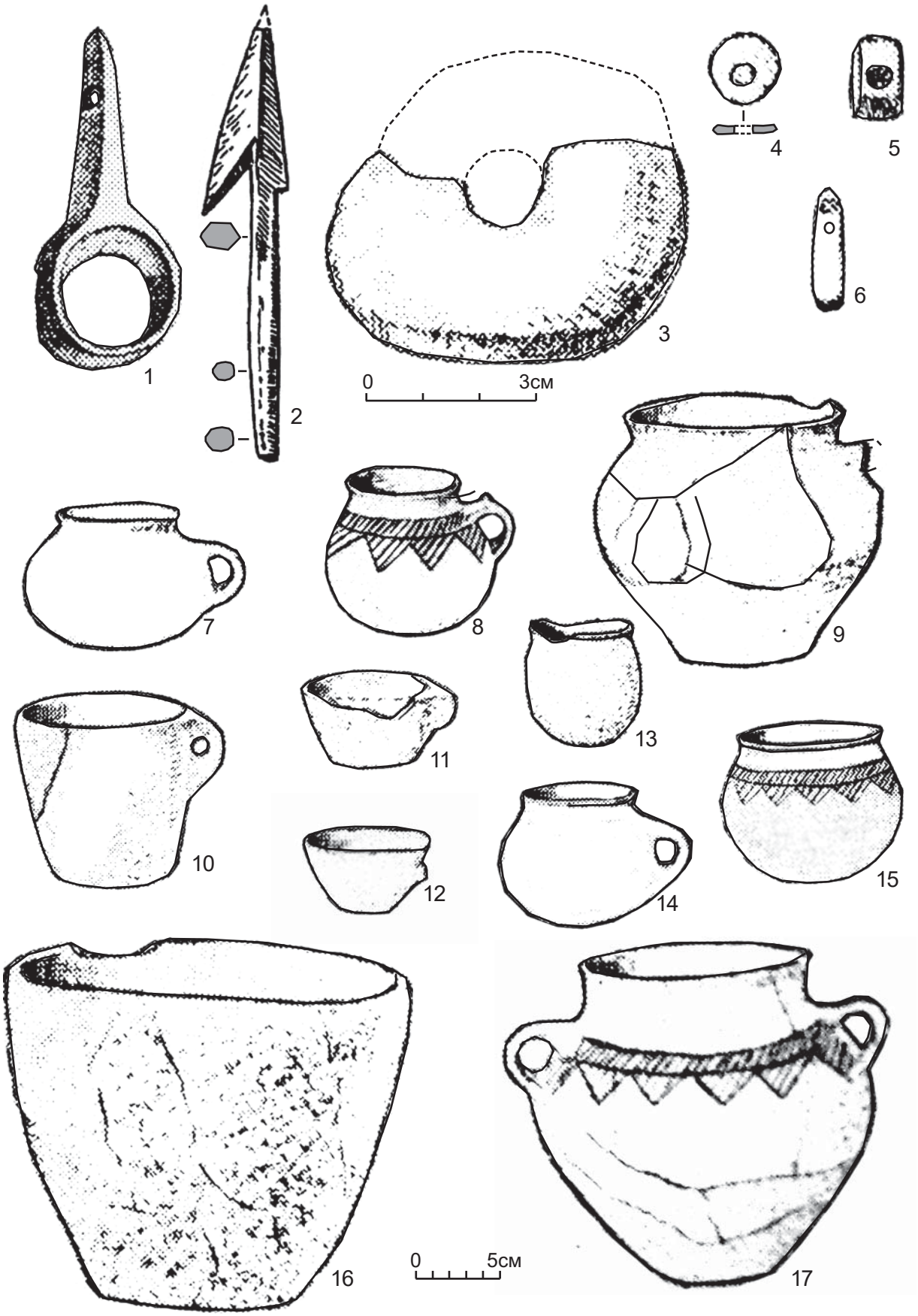
Сосуды, фрагменты керамики

Район предполагаемого расположения пряжки

Илл. 50. Гинчинская культура. Склеп 2 мог. Гинчи. 3-й уровень фиксации.

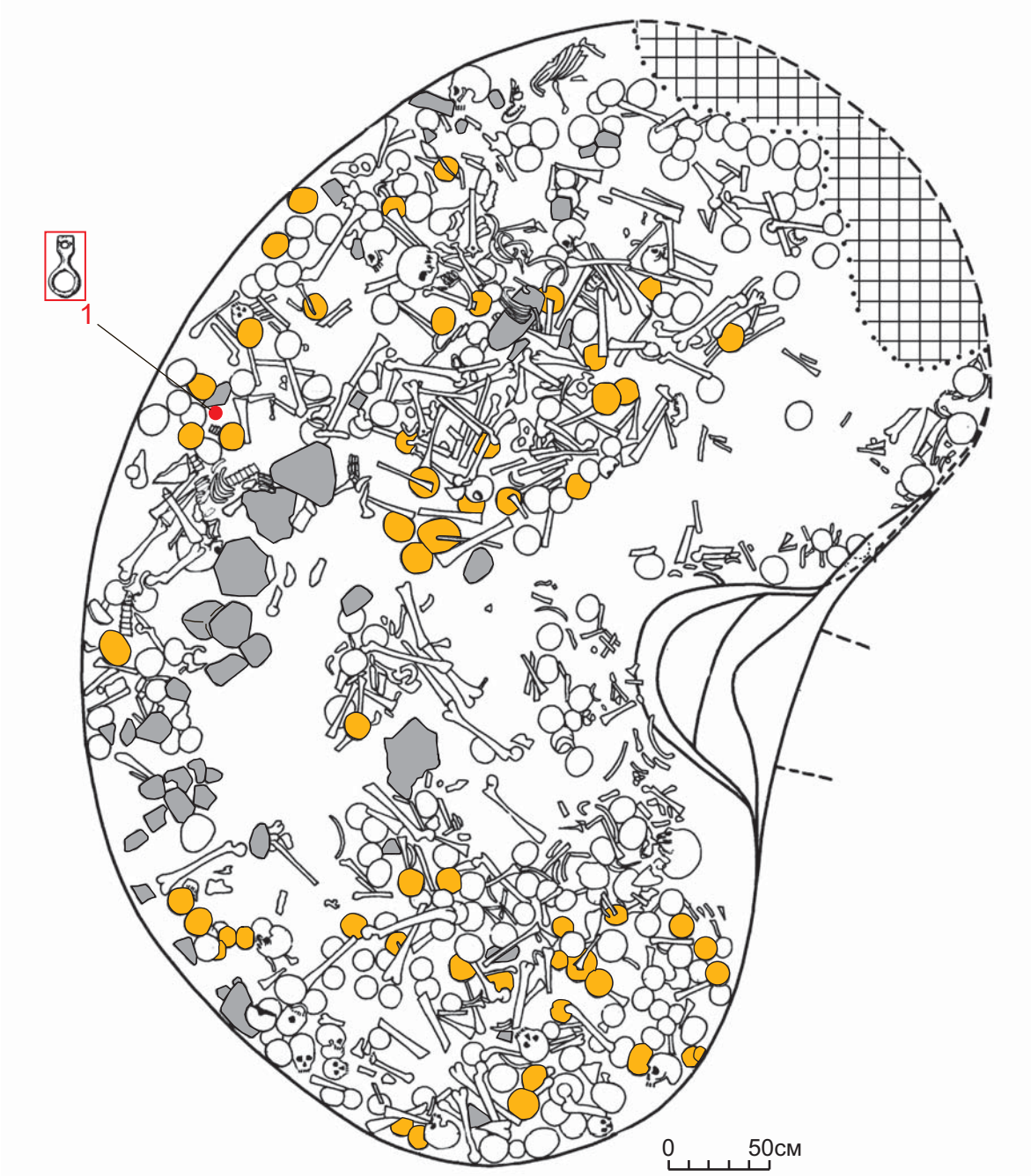
Илл. 51. Гинчинская культура. Склеп 2 мог. Гинчи. 4-й уровень фиксации.

Илл. 52. Гинчинская культура. Склеп 2 мог. Гинчи. Инвентарь.
1 – костяная пряжка; 2 – костяной наконечник стрелы; 3 – фрагмент костяного пряслица;
4 – подвеска из раковины; 5,6 – гагатовые подвески; 7-17 – сосуды.

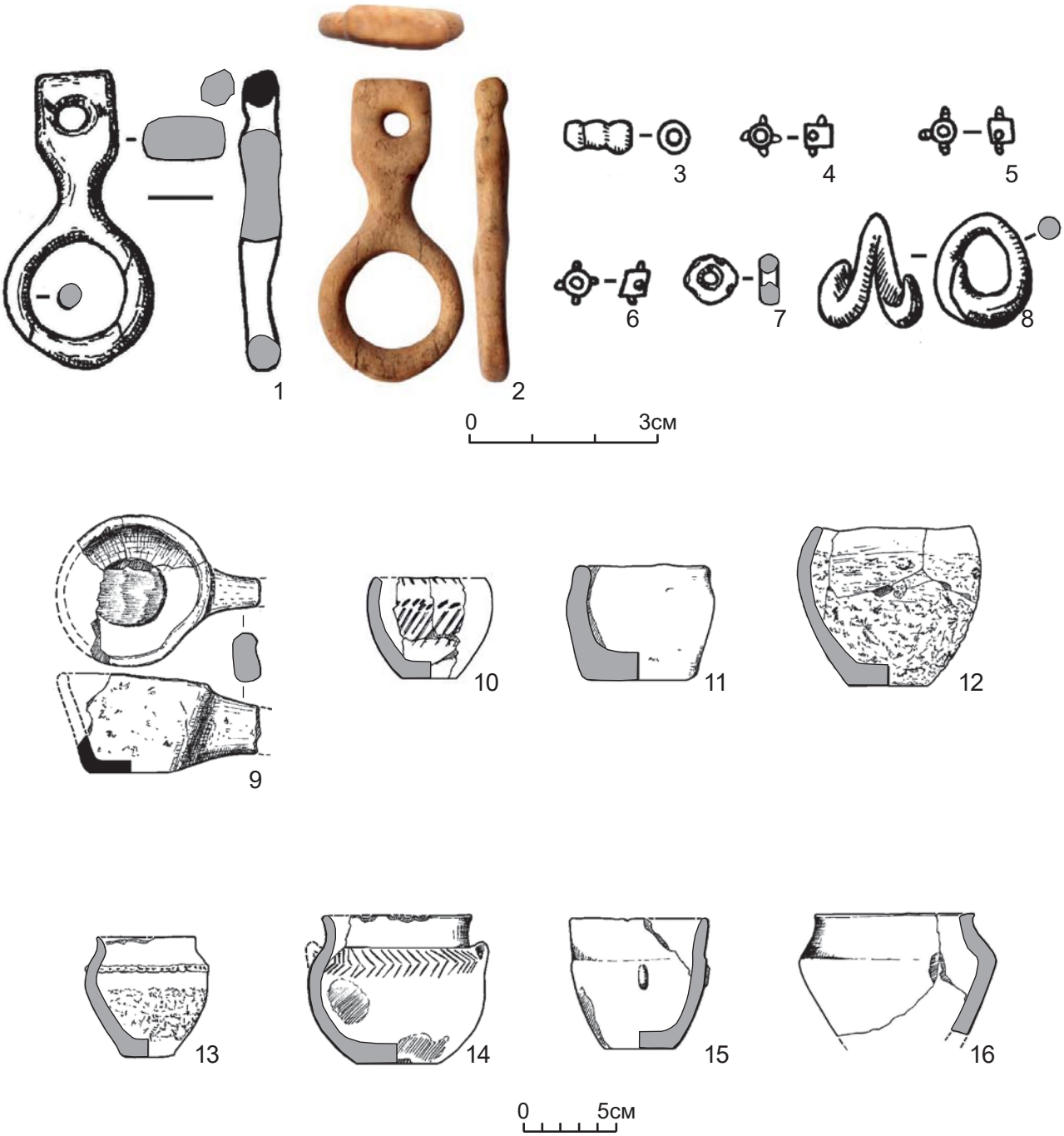
Илл. 53. Гинчинская культура. Склеп 2 мог. Гинчи. Инвентарь.
1-7 – сосуды; 8-10 – бронзовые подвески; 11 – бронзовый браслет; 12 – бронзовая игла; 13 – бронзовая булавка.

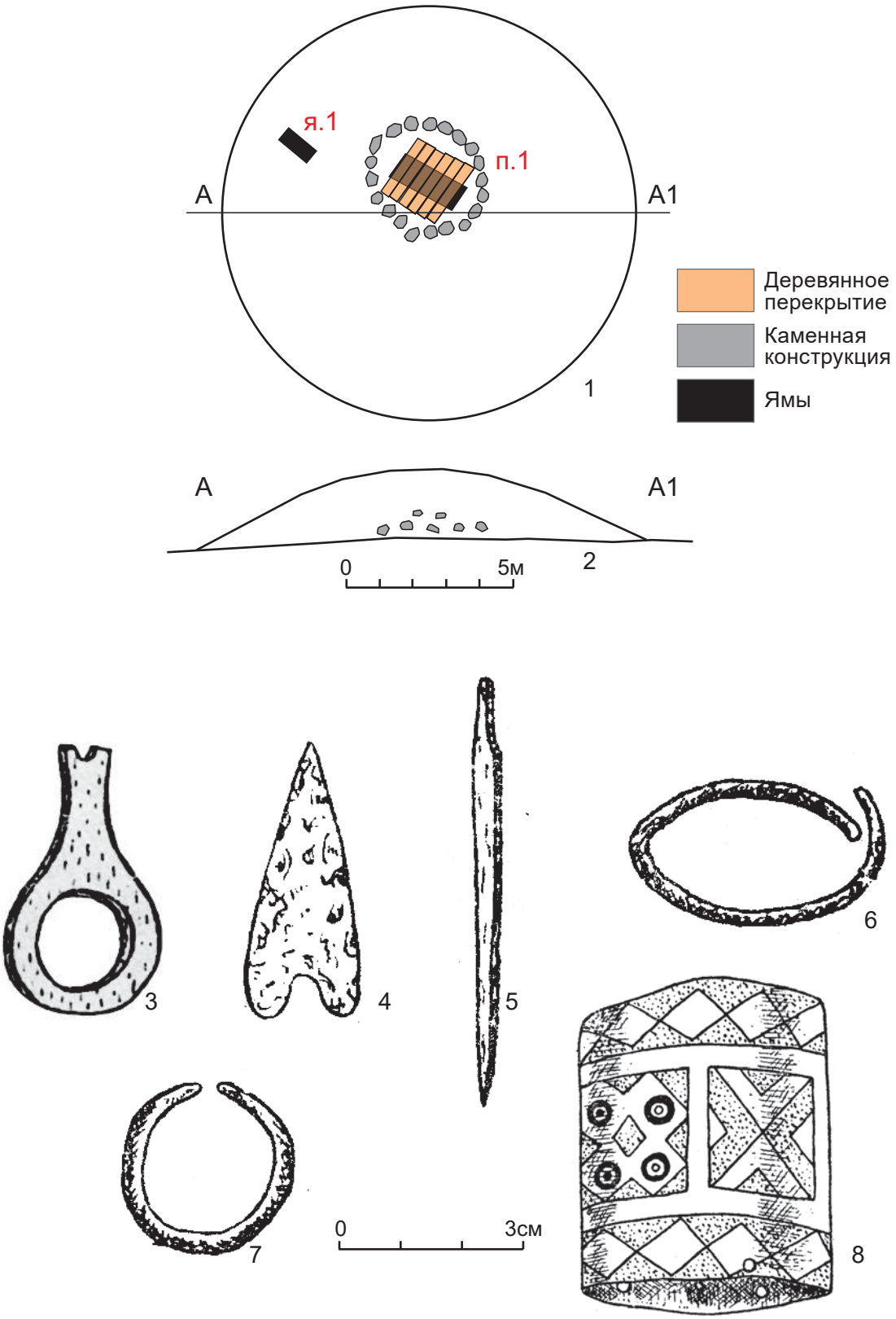
Инвентарь:
1. Пряжка костяная

Человечекие черепа
Плохо сохранившиеся черепа
Кости посткраниальных склетов
Отдельные камни и их завалы
Разрушенная часть камеры
Место находки пряжки

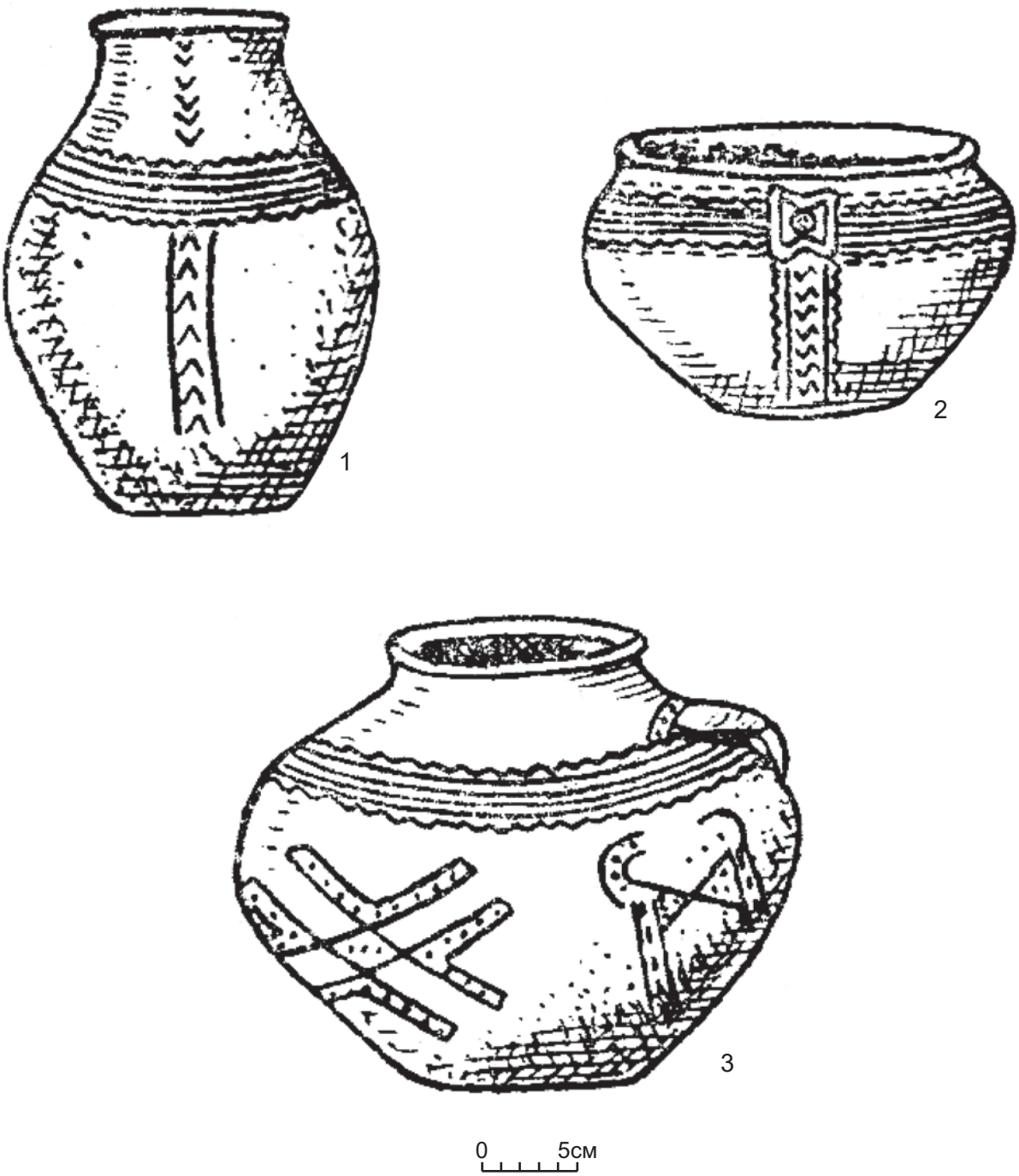
Илл. 54. Великентская культура. Катакомба 2 мог. Великент III. Общий план камеры.

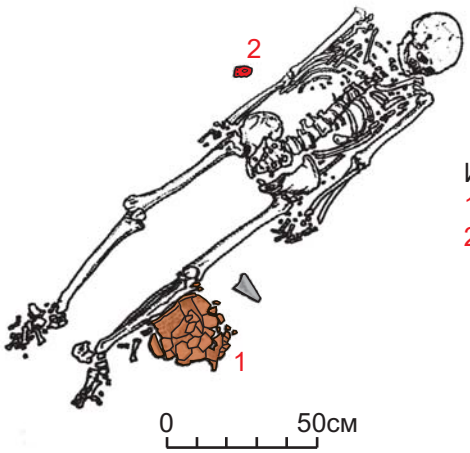
Илл. 55. Великентская культура. Катакомба 2 мог. Великент III. Инвентарь.
1 – костяная пряжка, рисунок; 2 – костяная пряжка, фото; 3-6 – фаянсовые бусы;
7 – сердоликовая бусина; 8 – бронзовая височная подвеска в 1,5 оборота; 9-16 – сосуды.

Илл. 56. Курганный могильник Ханлар. Курган 18 погребение 1.
1 – общий план кургана; 2 – разрез кургана; 3 – костяная пряжка; 4 – кремневый наконечник стрелы; 5 – бронзовое шило; 6,7 – бронзовые кольца; 8 – костяное орнаментированное изделие.

Илл. 57. Курганный могильник Ханлар. Курган 18 погребение 1. Сосуды.

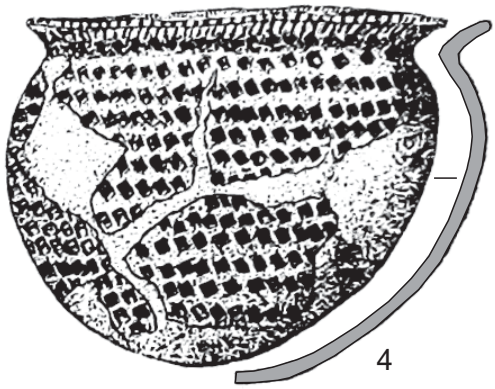
Инвентарь:
1. Сосуд
2. Пряжка роговая

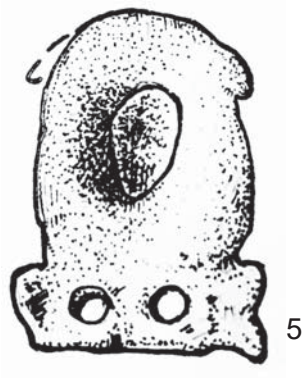
2

3

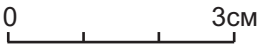

4

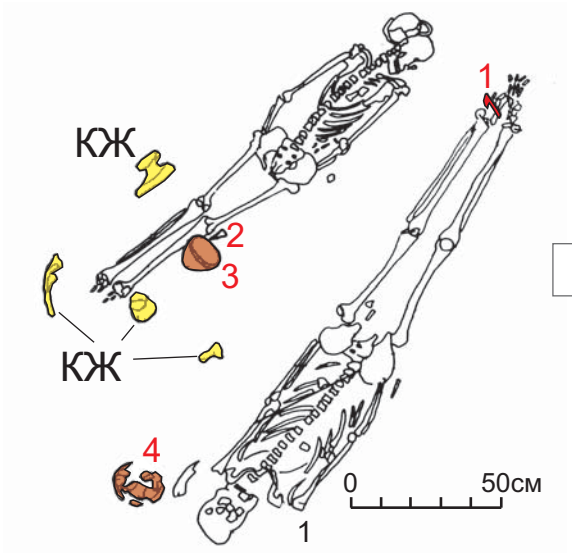

5

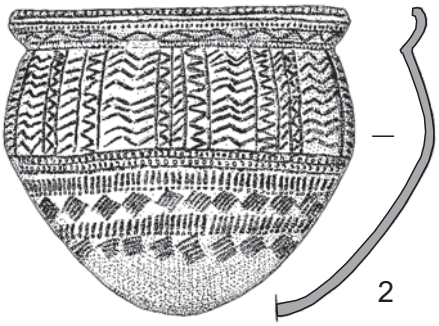

Илл. 58. Шагарская культура. Погребение 14 мог. Шагарский.
1 – план; 2 – погребение, фото; 3 – роговая пряжка in situ, фото; 4 – сосуд;
5 – прорисовка-реконструкция пряжки по фото in situ.

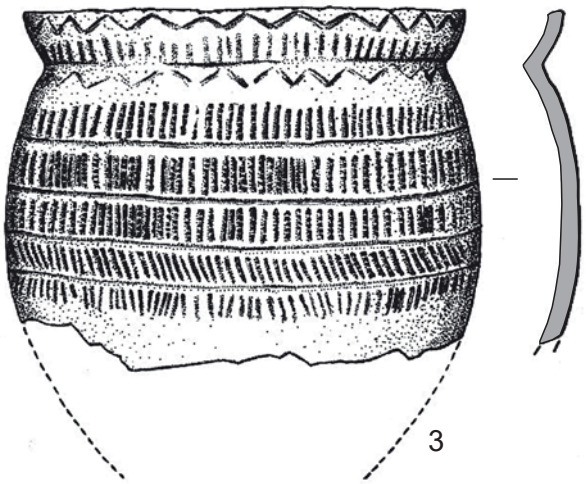

Инвентарь:
1. Пряжка костяная
2. Проколка костяная
3,4. Сосуды

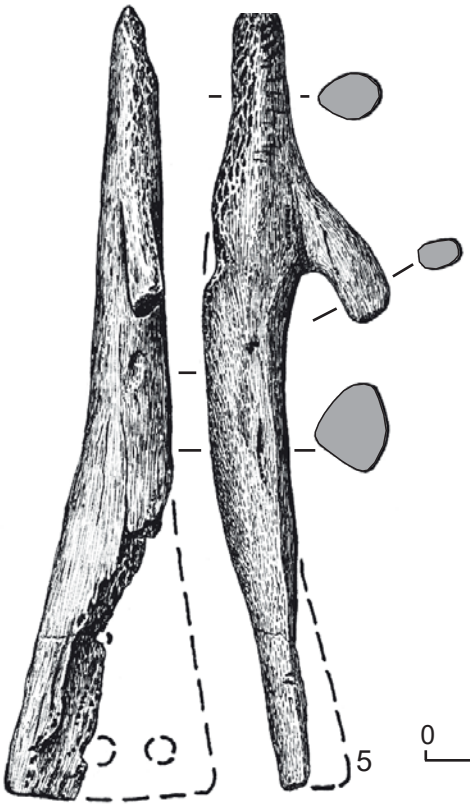
КЖ Кости животного

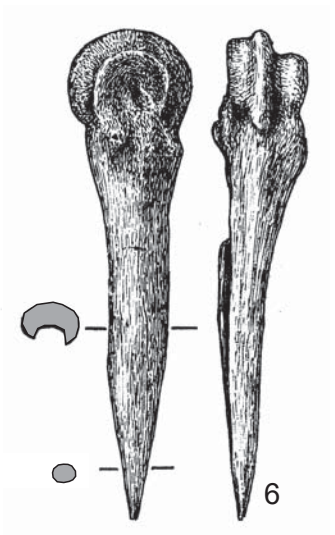

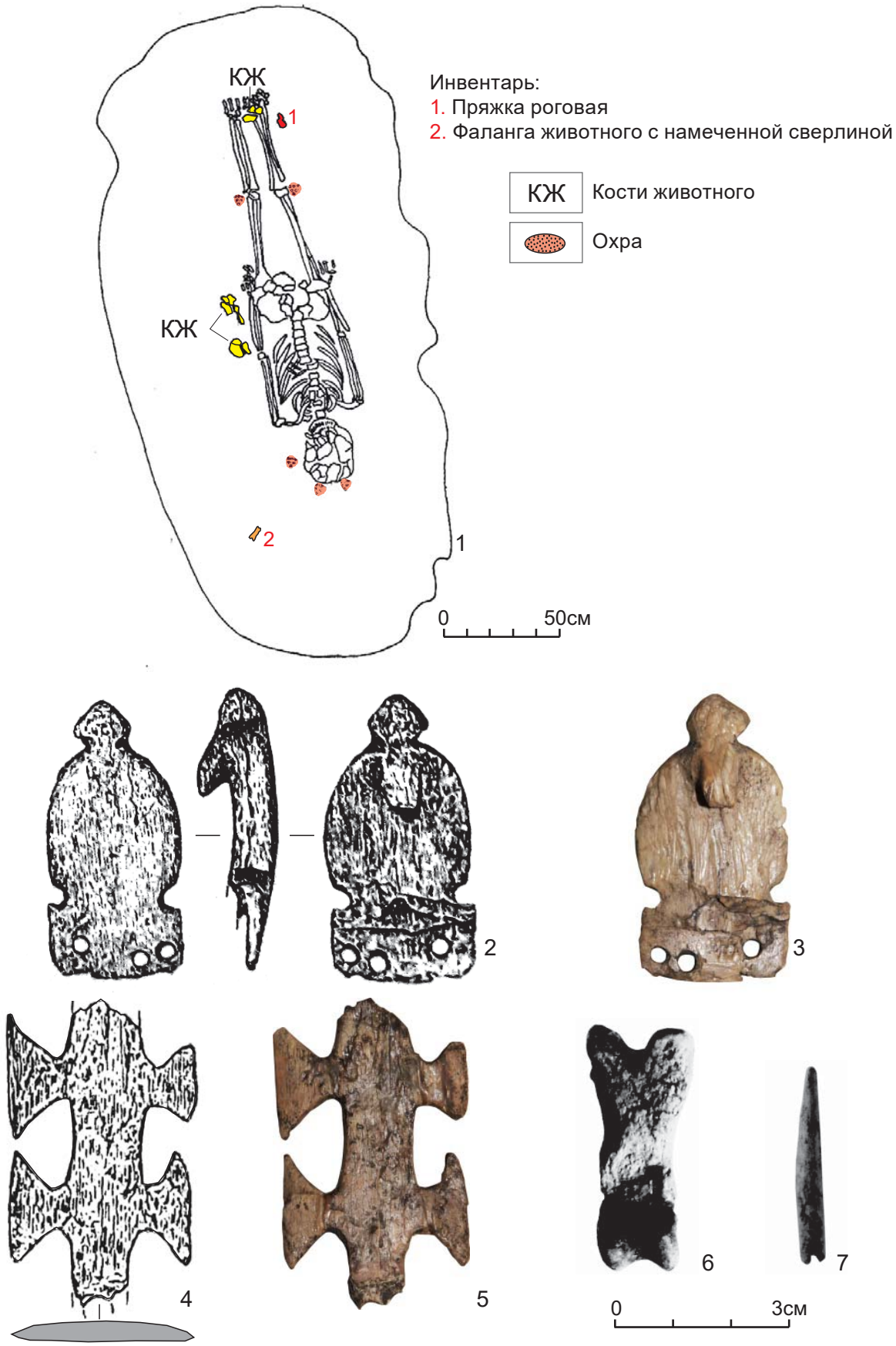

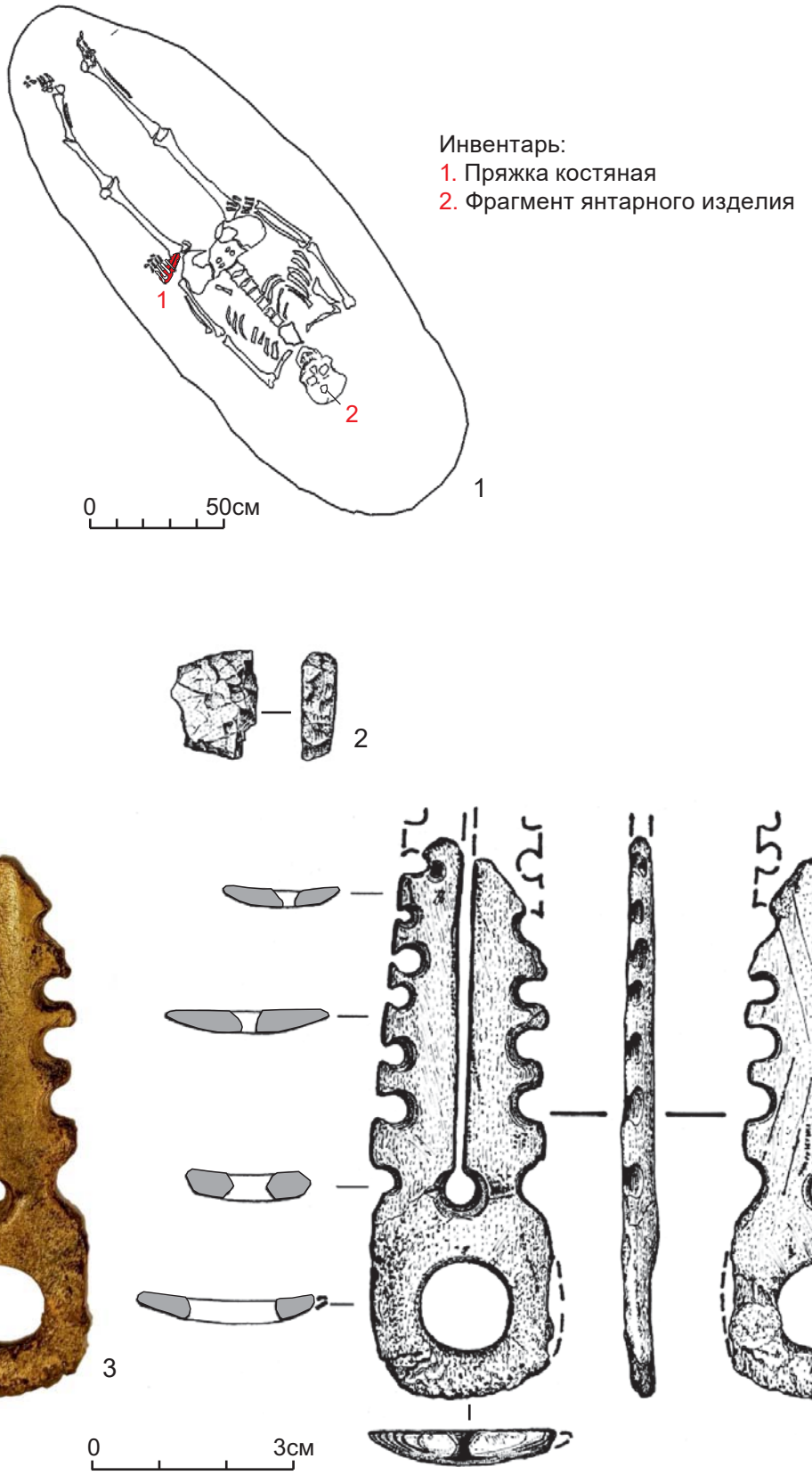

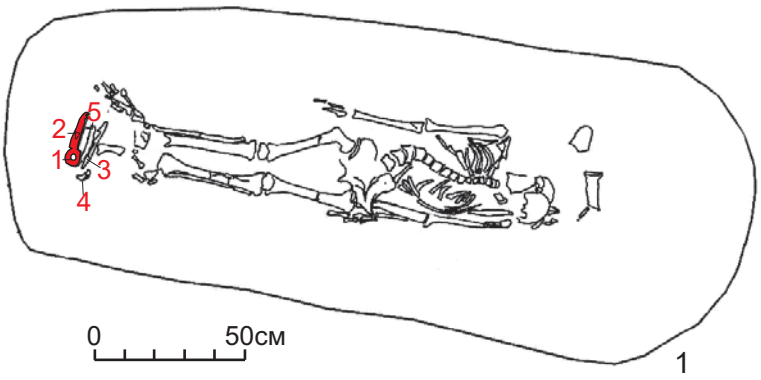
Илл. 59. Шагарская культура. Погребение 46 мог. Шагарский.
1 – план; 2,3 – сосуды; 4 – костяная пряжка, фото; 5 – костяная пряжка, рисунок; 6 – костяная проколка.

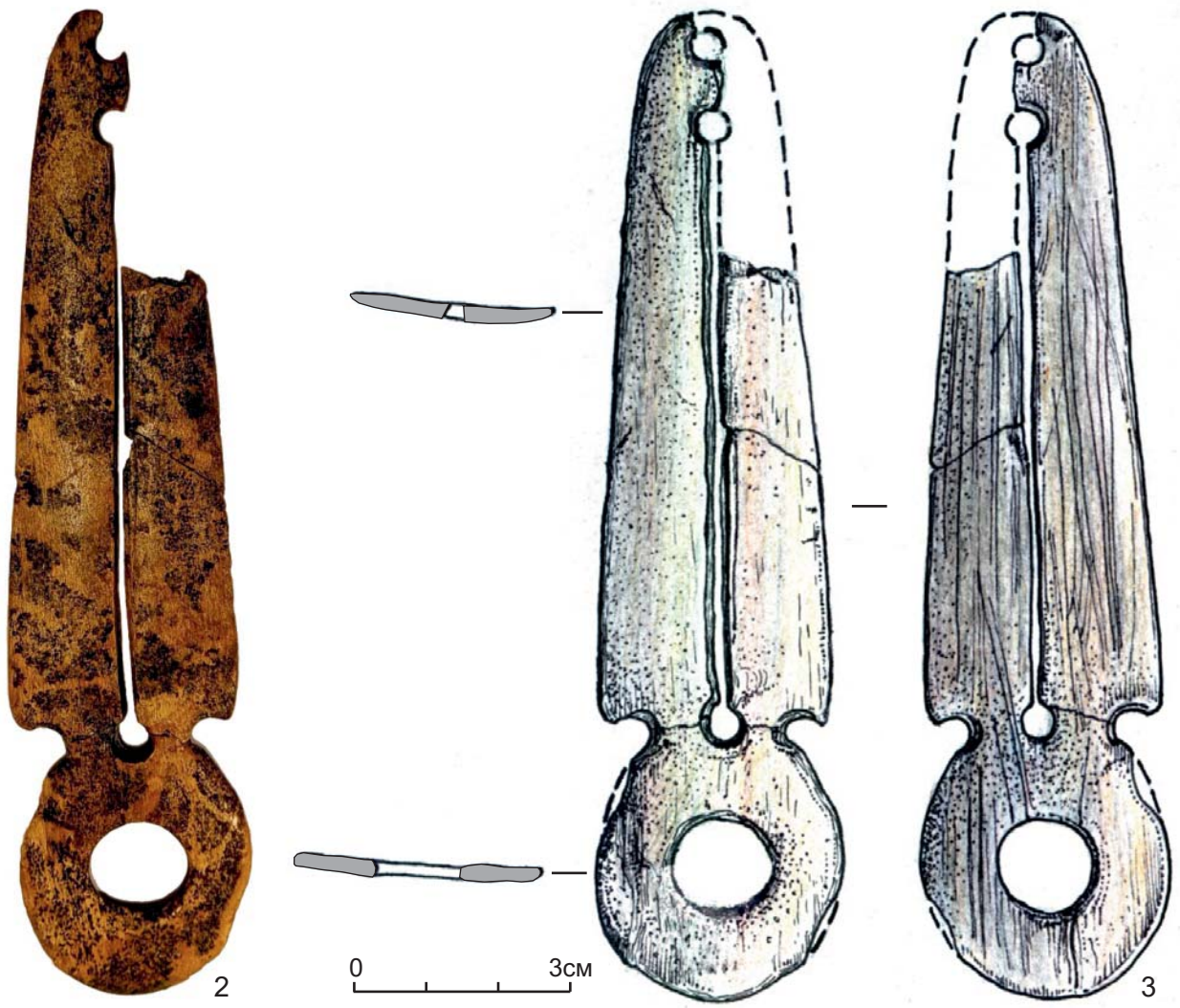
Илл. 60. Шагарская культура. Погребение 52 мог. Шагарский.
1 – план; 2 – роговая пряжка, рисунок; 3 – роговая пряжка, фото; 4 – фрагмент роговой пряжки, рисунок; 5 – фрагмент роговой пряжки, фото; 6 – фаланга животного с намеченной сверлиной, фото; 7 – костяной наконечник стрелы, фото.

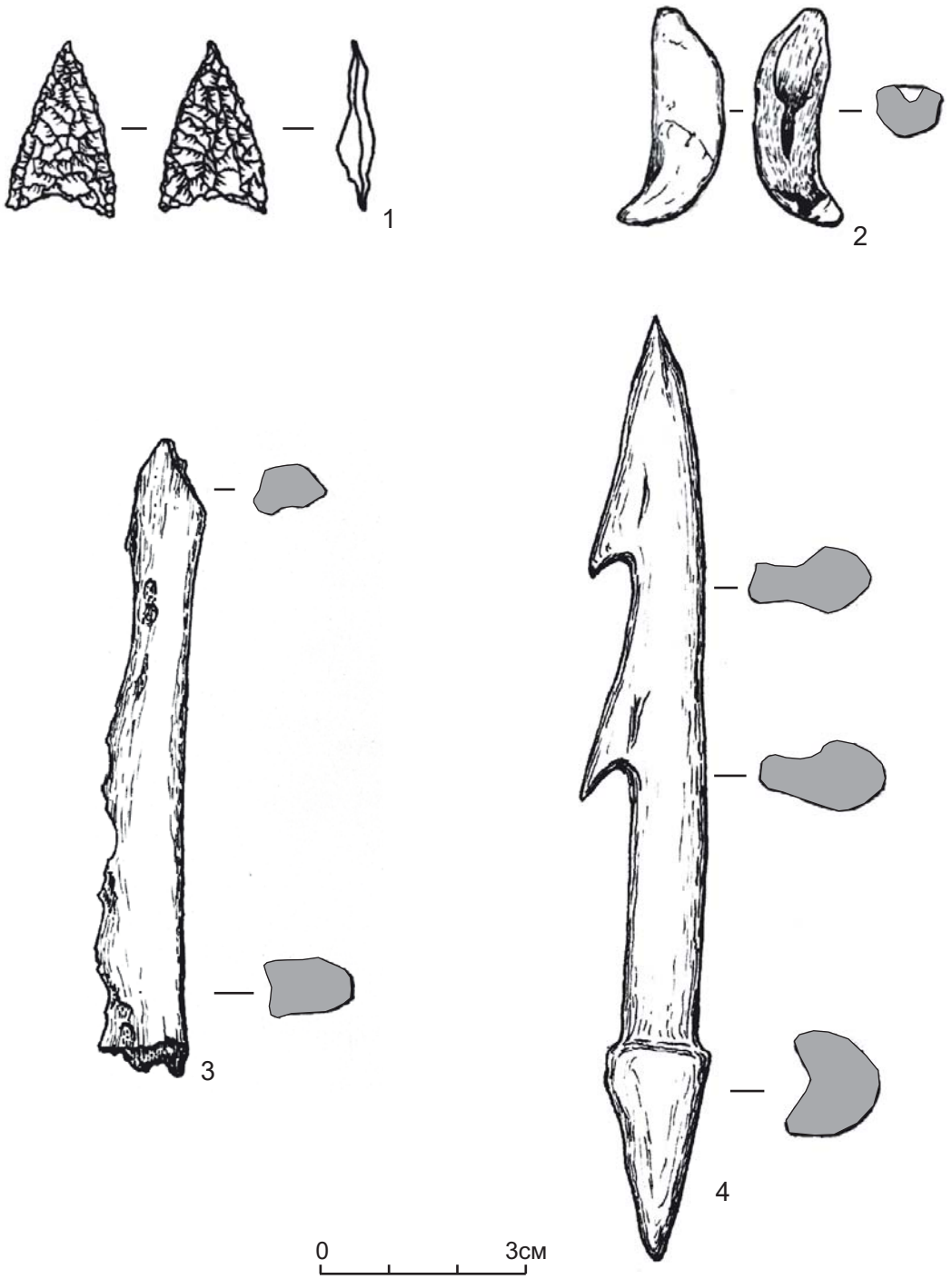
Илл. 61. Шагарская культура. Погребение 109 мог. Шагарский.
1 – план; 2 – фрагмент янтарного изделия; 3 – костяная пряжка, фото; 4 – костяная пряжка, рисунок.

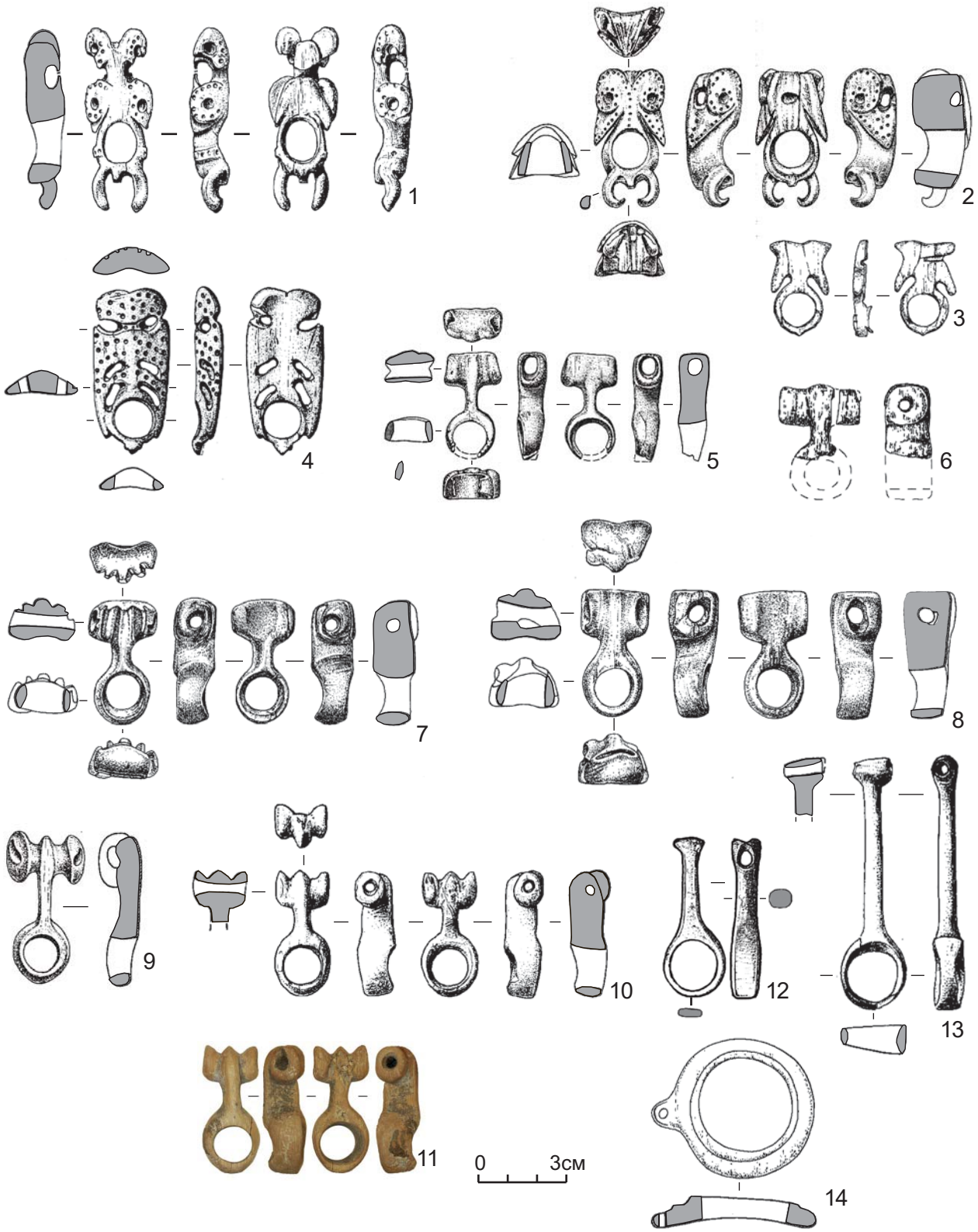
Инвентарь:
1. Пряжка костяная
2. Наконечник стрелы кремневый
3. Гарпун костяной
4. Клык животного
5. Фрагмент изделия костяного

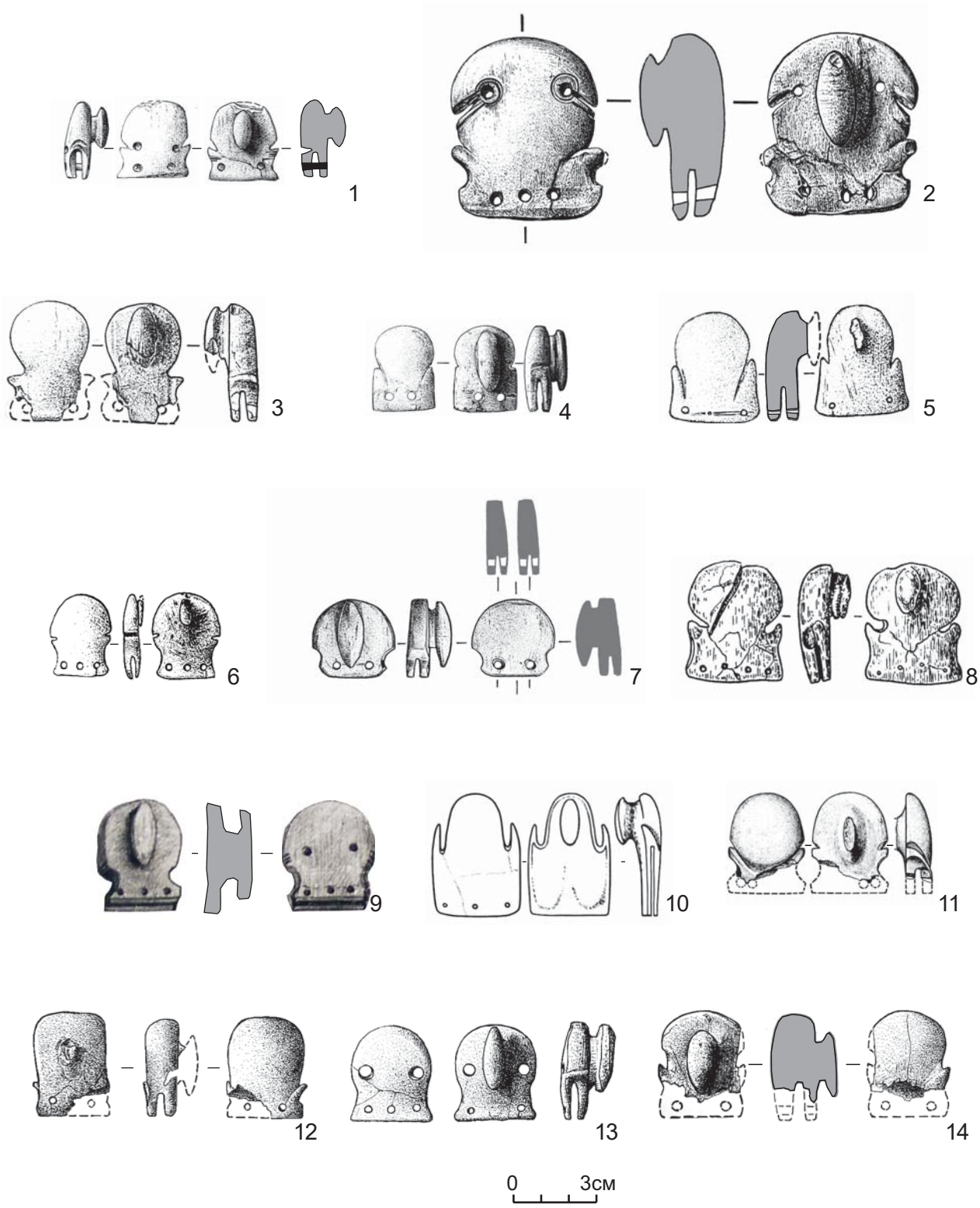
Илл. 62. Шагарская культура. Погребение 130 мог. Шагарский.
1 – план; 2 – костяная пряжка, фото; 3 – костяная пряжка, рисунок.

Илл. 63. Шагарская культура. Погребение 130 мог. Шагарский.
1 – кремневый наконечник стрелы; 2 – клык животного; 3 – фрагмент костяного изделия;
4 – костяной гарпун.

Илл. 64. Культурный круг Лола. Костяные и роговые пряжки с планкой.
1-11,14 – лолинская культура, 12,13 – волго-уральская культурная группа.
1 – Чограй VIII 34/1; 2 – Кевюды-1 3/5; 3 – Черноярская 3/10; 4 – Темрта I 2/7; 5 – Ипатово-3 2/13;
6 – Родионов 4 5/3; 7 – Ильинский-1 1/6; 8 – Типки-1 2/4; 9 – Кривая Лука XXI 1/9;
10 – пос. Каратаево, рисунок; 11 – пос. Каратаево, фото; 12 – Ливенцовская крепость, п.6;
13 – Тамар-Уткуль VII 4/3; 14 – Ут 6/1.

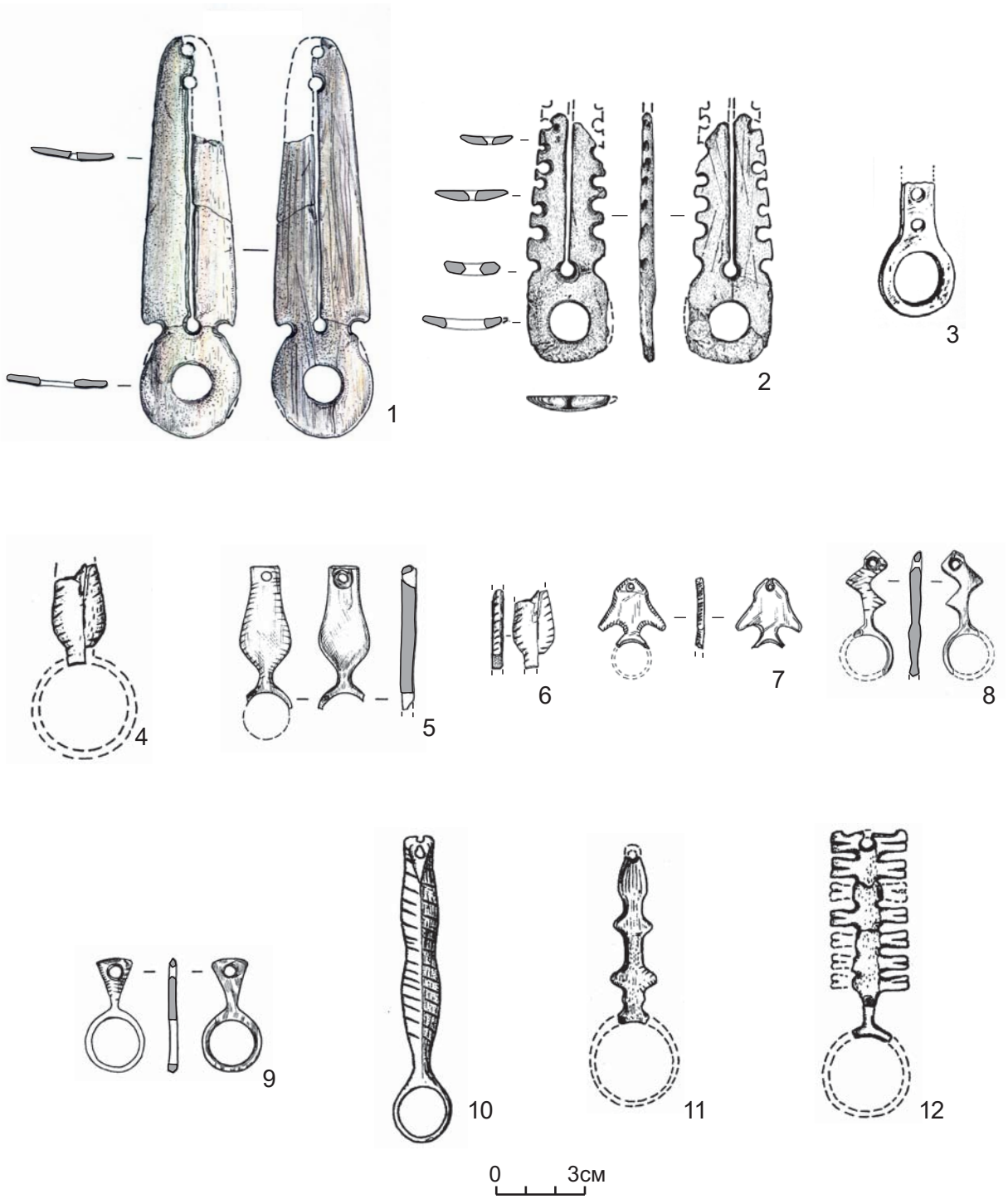
Илл. 65. Культурный круг Бабино. Роговые пряжки с планкой днепро-донской бабинской культуры.
1 – Долгая Могила 4/17; 2 – Донецк (Текстильщик) 4/19; 3 – Новоамвросиевское 3/2;
4 – Новогупаловка III 10/2; 5 – Александровск 1/4; 6 – Новотроицкое III 3/11; 7 – Мариенфельд 3/3;
8 – Беева Могила п.3; 9 – Камышеваха 5/1; 10 – Новолакедемоновка од.кург./10; 11 – Приволье 1/5;
12 – Старомихайловка; 13 – Новоандреевка 4/1; 14 – Дмитровка 7/5.

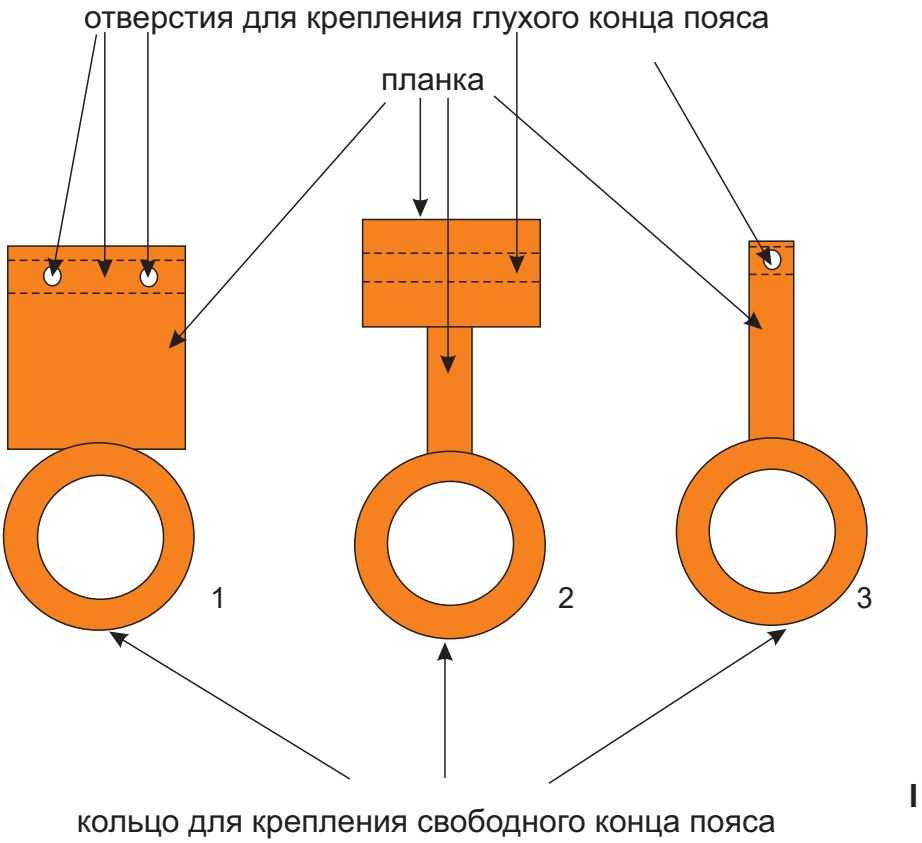
Илл. 66. Кавказские культуры. Роговые и костяные пряжки с планкой.
1,2 – присулакская культура; 3-10 – гинчинская культура; 11 – великентская культура; 12 – Протокобан; 13,14 – Ханлар.
1 – Гертма III 5/1; 2 – Гертма III 6/3; 3 – Ирганайский 1 1/1; 4 – пос. Ирганайское I, рисунок;
5 – пос. Ирганайское I, фото; 6 – пос. Ирганайское I; 7 – Гатын-Кале п.30; 8,9 – Гатын-Кале п.7;
10 – Гинчи склеп 2; 11 – Великент III катакомба 2; 12 – Донифарс п.4 (без масштаба);
13 – соор. 58 пос. Ханлар 1; 14 – Ханлар 18/1.

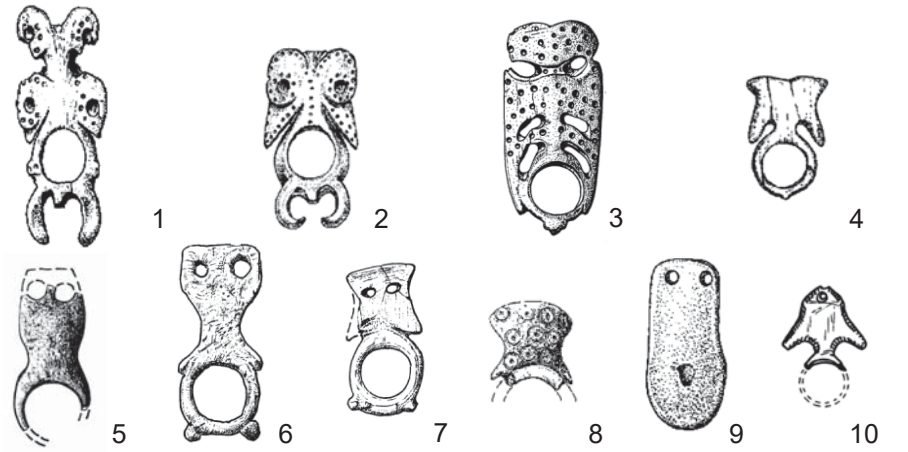
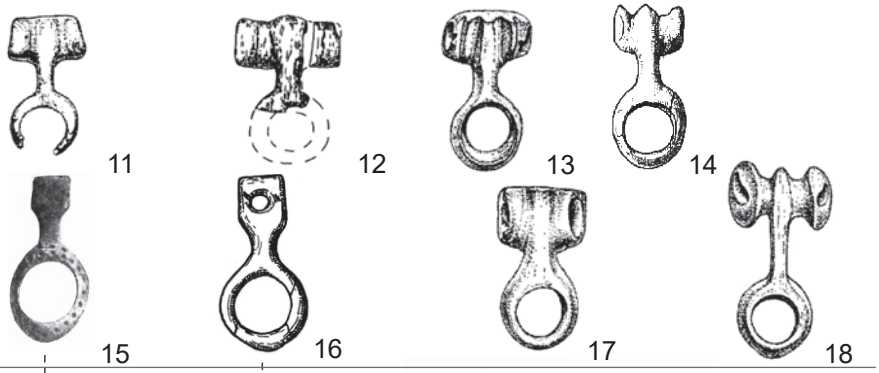
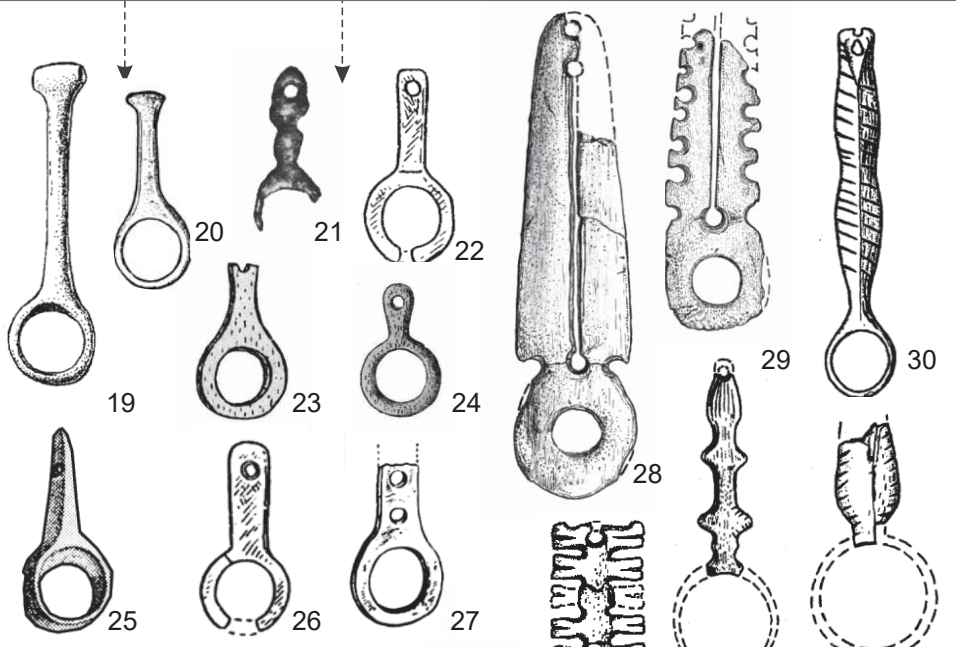
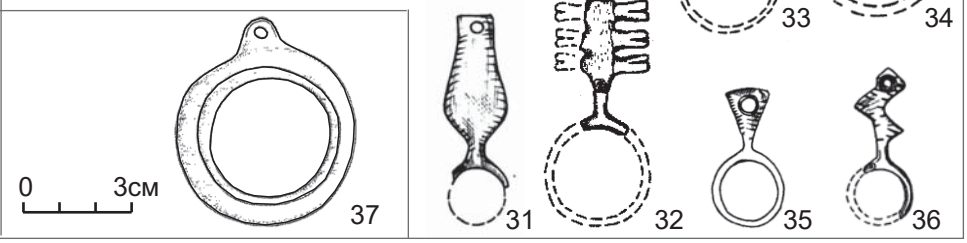
Илл. 67. Другие культуры. Роговые и костяные крючково-планочные пряжки.
1,2 – каменско-ливенцовская культура; 3-8 – шагарская культура; 9,10 – северобелорусская культура.
1 – пос. Балка Хреева III, рисунок; 2 – пос. Балка Хреева III, фото; 3 – п. 14 мог. Шагарский;
4,5 – п. 52 мог. Шагарский; 6 – п. 46 мог. Шагарский; 7 – пос. Шагара 1, рисунок; 8 – пос. Шагара 1,
фото; 9,10 – пос. Асовец 2.

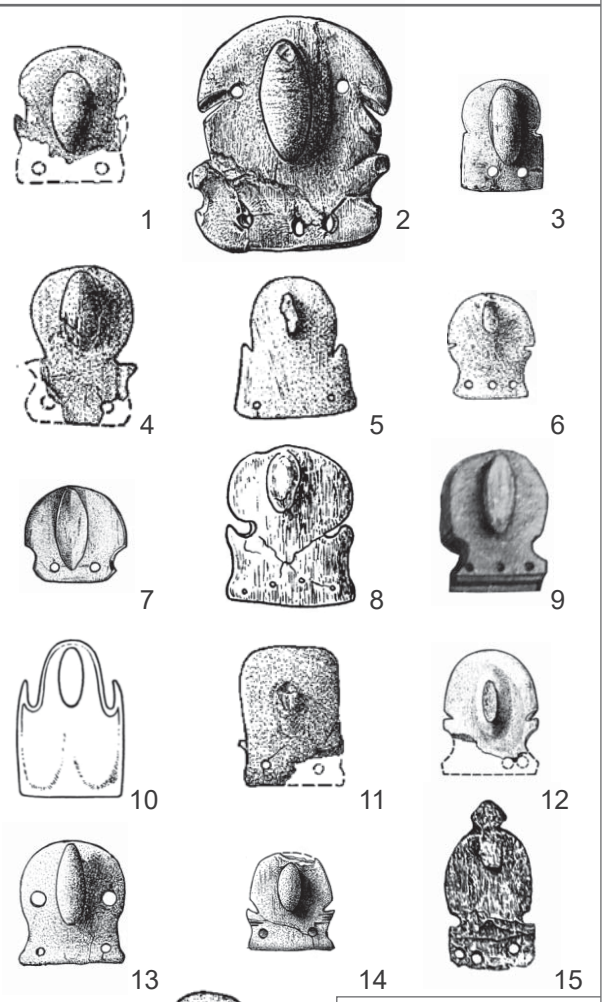
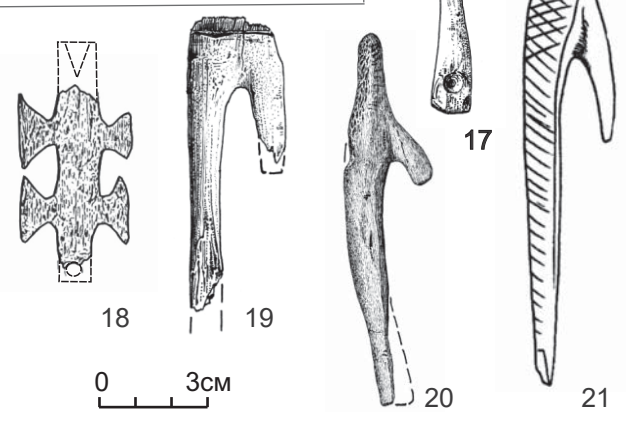
Илл. 68. Другие культуры. Костяные кольцевидно-планочные пряжки.
1,2 – шагарская культура; 3 – средневолжская абашевская культура; 4-12 – северобелорусская культура.
1 – п. 130 мог. Шагарский; 2 – п. 109 мог. Шагарский; 3 – Алгаши 1/1; 4-6, 9-11 – пос. Асовец 2; 7,8,12 – пос. Асовец 7.

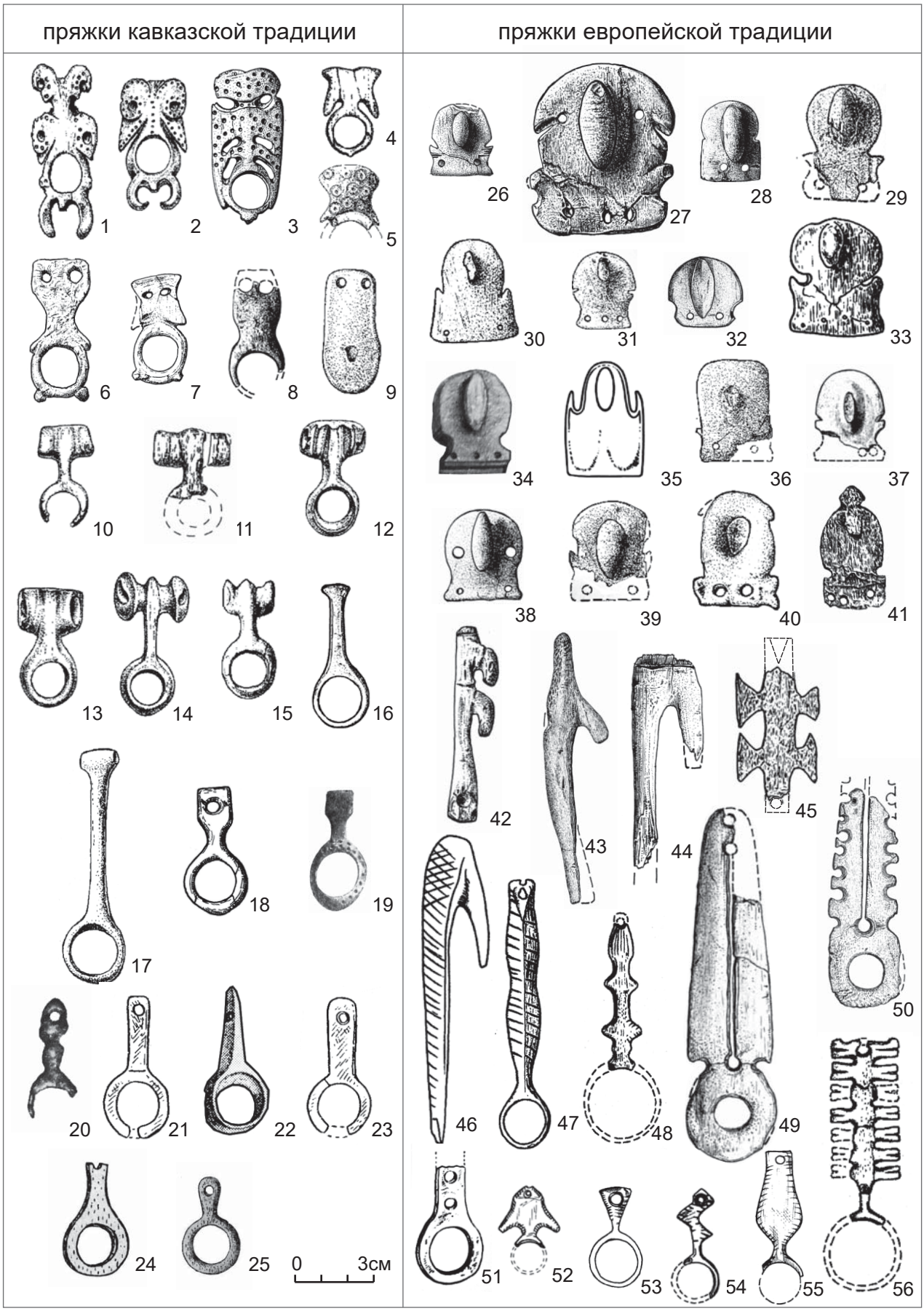
Илл. 69. Схема основных структурных элементов фигурно-планочных пряжек.
I – кольцевидно-планочные пряжки; **II** – крючково-планочные пряжки.
1,4 – широко-планочные пряжки; 2 – пряжки с комбинированной планкой; 3,5 – узкопланочные пряжки.

тип	кольцевидно-планочные
тип 1 кольцевидно-широкопланочные (тип Чограй-Кевюды)	
тип 2 кольцевидные с Т-образной планкой (тип Ипатово-Типки)	
тип 3 кольцевидно-узкопланочные	
тип 4 кольцевидная с редуцированной планкой	

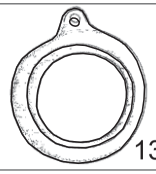
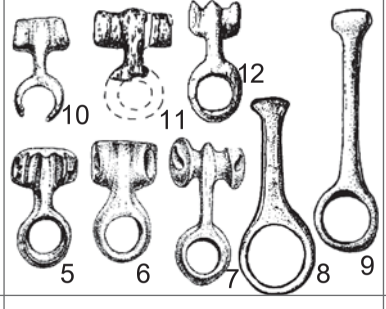
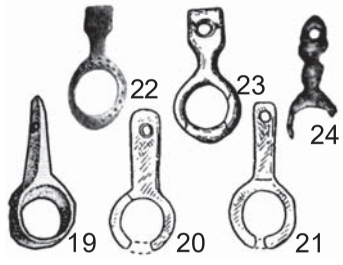
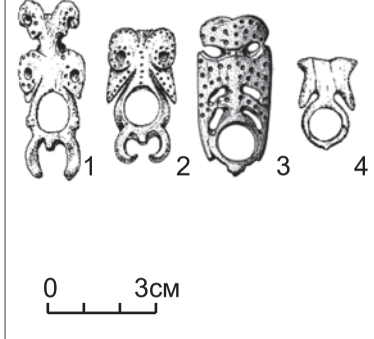
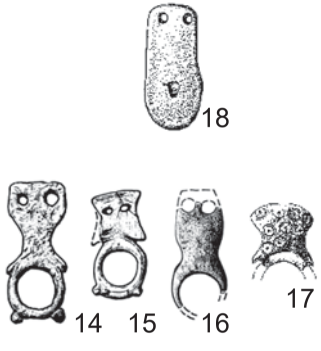
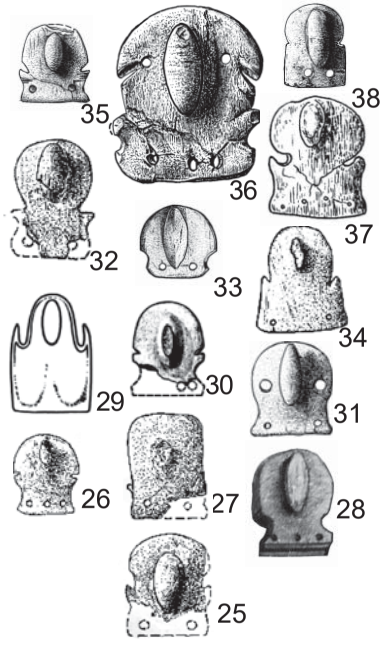
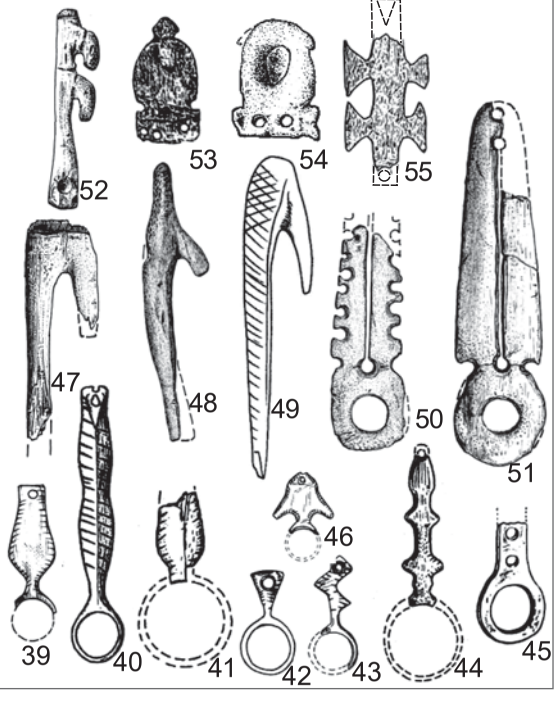
Илл. 70. Типология кольцевидно-планочных пряжек.

тип	крючково-планочные
тип 1 крючково-широкопланочные	
тип 2 крючково-узкопланочные	

Илл. 71. Типология крючково-планочных пряжек.

Илл. 72. Пряжки кавказской и европейской традиций.

calBC	фазы ПКБ	культурный круг Лола	кавказские культуры	культурный круг Бабино	другие культуры
2000-1800	ПКБ III				
2200-2100	ПКБ II				
2200-2100	ПКБ I				

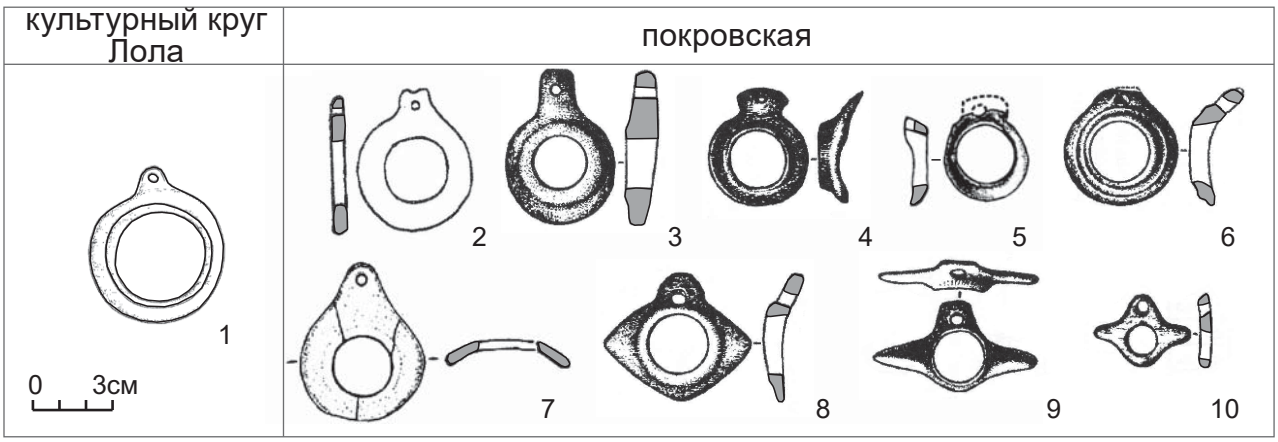
Илл. 73. Культурно-хронологическая позиция планочных пряжек.

Илл. 74. Костяные и роговые крючково-узкопланочные пряжки Восточной Европы и Карпато-Дунайского региона.
1 – пос. Балка Хреева III; 2 – пос. Шагара 1; 3 – п.46 мог. Шагарский; 4 – пос. Асовец 2;
5 – Барча 1; 6 – Hródek Nadbużny; 7-10 – Ig; 11 – Szöreg п.156; 12 – Szöreg п.55.

Илл. 75. Костяные и роговые пряжки Восточной Европы и Карпато-Дунайского региона с фигурно-зубчатой планкой.
1 – п. 52 мог. Шагарский; 2 – п. 109 мог. Шагарский; 3-5,7 – Барча 1; 6 – Veselé; 8 – Malinovec;
9 – Gánovce.

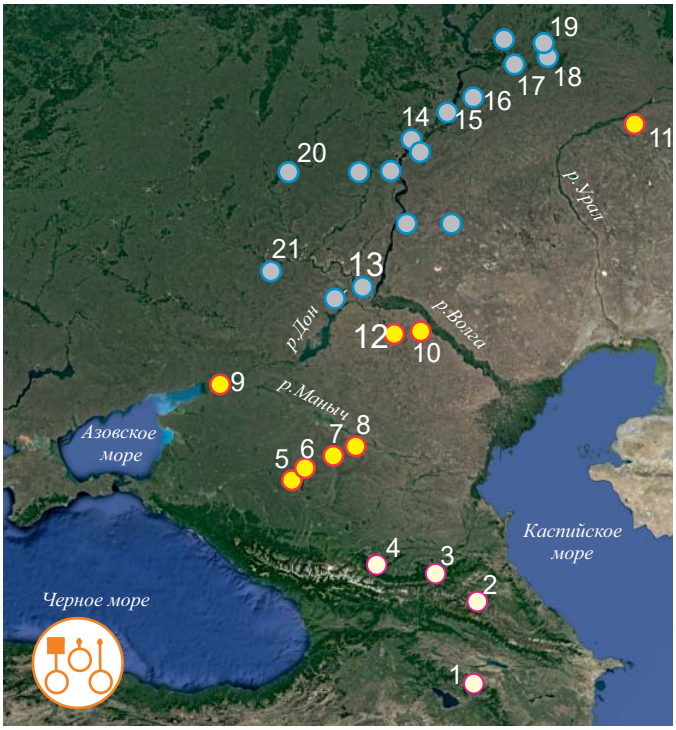
Илл. 76. Костяные пряжки с редуцированной планкой из лолинского и покровских комплексов.
1 – Ут 6/1; 2 – Чурилово; 3 – Неприк к.1; 4 – Спиридоновка II 1/1; 5 – Лозовка V; 6 – Чардым 1/9;
7 – Большенаполовский VIII 1/7; 8 – Крутенький II п.3; 9 – Алексеевский I п.66; 10 – Красная Котлубань 3/2.

Илл. 77. Костяные кольцевидно-узкопланочные пряжки СВАК и культуры колоколовидных кубков.
1 – Алгаши 1/1; 2 – Stuttgart-Zuffenhausen; 3 – Mühlhausen; 4 – Brandýsek; 6,7 – Jablonec;
8 – Výčapy-Opatovce; 9 – Radley.

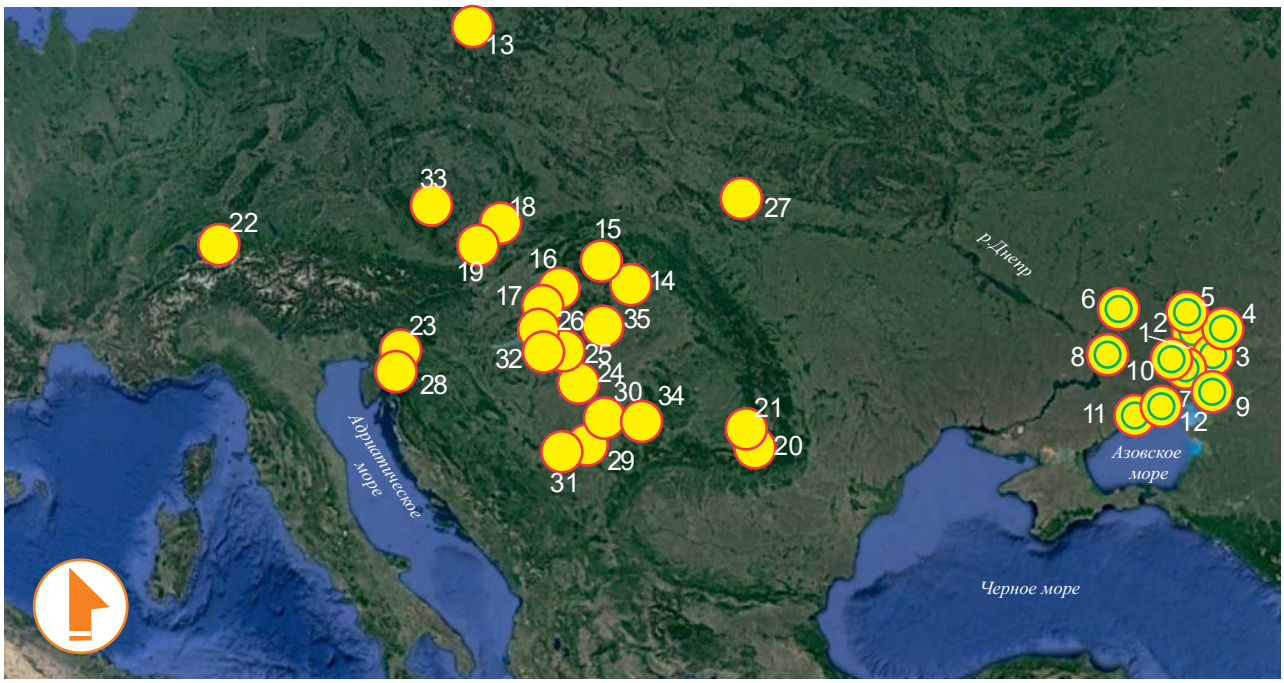
Илл. 78. Находки кольцевидно-планочных пряжек кавказской традиции.
1 – Тамар-Уткуль VII; 2 – Кривая Лука XXI; 3 – Ливенцовская-Каратаевская крепость; 4 – Темрта I; 5 – Кевюды-1; 6 – Чограй VIII; 7 – Ипатово-3; 8 – Типки-1; 9 – Ильинский-1; 10 – Родионов; 11 – Черноярская; 12 – Донифарс; 13 – Гатын-Кале; 14 – Гертма III; 15 – Ирганай; 16 – Гинчи; 17 – Ханлар.

покровские памятники
культурный круг Лолаавказские культуры
кавказские культуры

Покровские памятники без номера даны по карте Р.А. Литвиненко без легенды (Литвиненко, 2001).

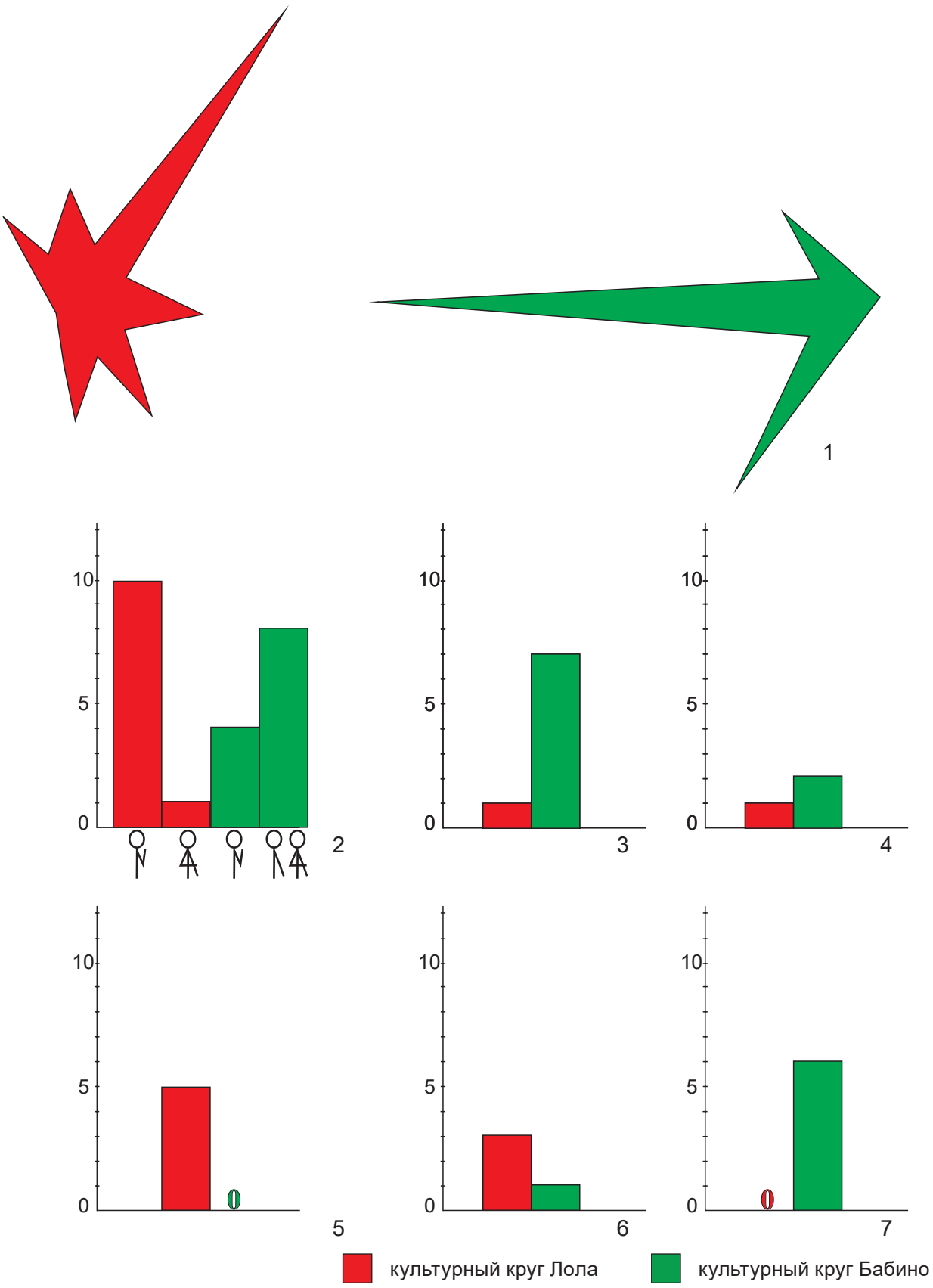
Илл. 79. Находки узкопланочных кольцевидных пряжек на Кавказе, в погребениях культурного круга Лола и покровских захоронениях.
1 – Ханлар; 2 – Гинчи; 3 – Гатын-Кале; 4 – Дониф арс; 5 – Родионов; 6 – Ильинский-1; 7 – Ипатово-3; 8 – Типки-1; 9 – Ливенцовская крепость; 10 – Кривая Лука XXI; 11 – Тамар-Уткуль VII; 12 – Ут; 13 – Красная Котлубань; 14 – Чардым; 15 – Алексеевский 1; 16 – Крутенький II; 17 – Спиридоновка II; 18 – Неприк; 19 – Лозовка V; 20 – Чурилово; 21 – Большенаполовский VIII.

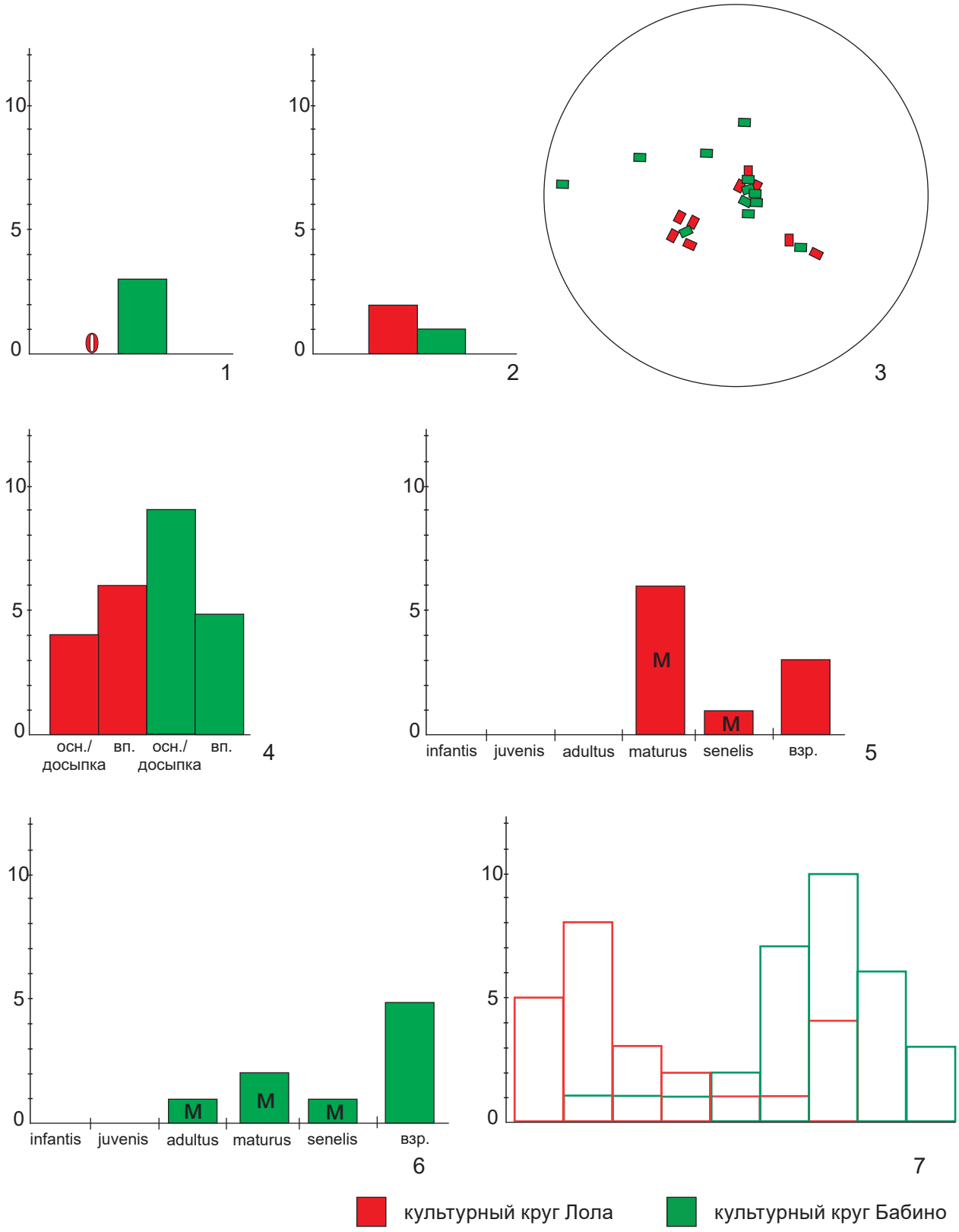
культуры Центральной Европы и Карпато-Дунайского региона

ДДБК

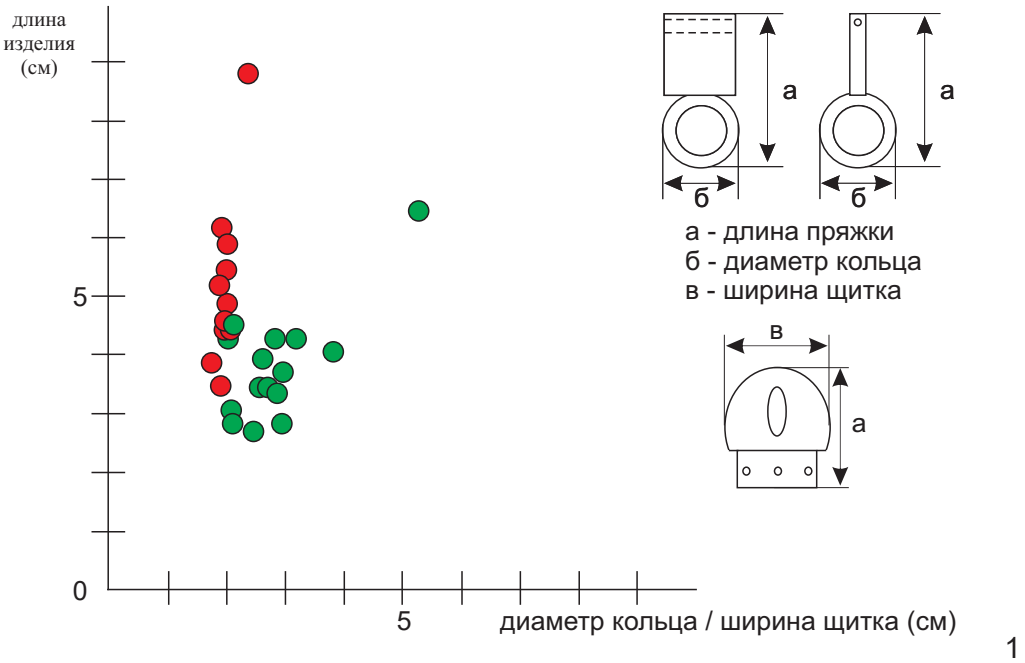
Илл. 80. Находки крючково-планочных пряжек европейской традиции.
1 – Донецк (Текстильщик), Старомихайловка; 2 – Беева Могила; 3 – Новоамвросиевское; 4 – Александровск; 5 – Камышеваха, Приволье; 6 – Долгая Могила; 7 – Новоандреевка, Новотроицкое III; 8 – Новогупаловка; 9 – Новолакедемоновка; 10 – Мариенфельд; 11 – Дмитровка; 12 – Старомихайловка; 13 – Schneckenberg; 14 – Барча 1; 15 – Gánovce; 16 – Madarovce; 17 – Želiezovce; 18 – Líšeň; 19 – Jaroslavice; 20 – Brašov; 21 – Sedmihradsko; 22 – Renzenbühl-Strättlingen; 23 – Lublaně; 24 – Szöreg; 25 – Izsák; 26 – Fejér; 27 – Gródek Nadbużny; 28 – Laibacher Moor II; 29 – Mošorin; 30 – Pecica; 31 – Beograd-Karaburma; 32 – Dunapentele, Soltvadkert; 33 – Veselé; 34 – Tomeşti; 35 – Tiszafüred.

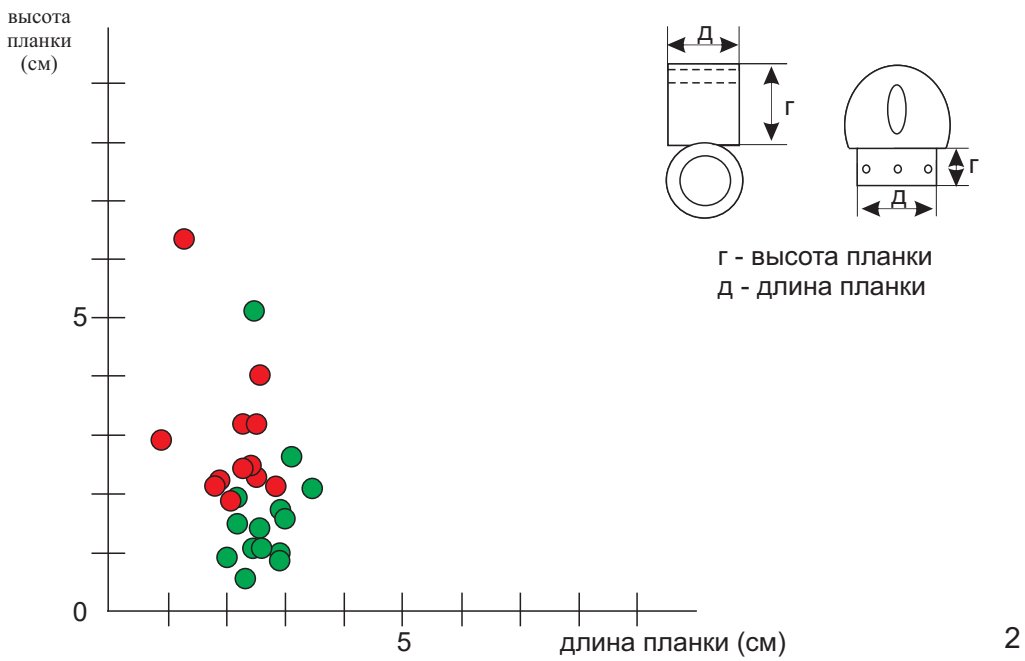
Илл. 81. Обрядовые признаки посткатакомбных погребений с фигурно-планочными пряжками.
1 – ориентировки скелетов; 2 – положение рук; 3 – наличие деревянных конструкций в могиле; 4 – наличие каменных конструкций в могиле; 5 – подбойные могилы; 6 – кости МРС; 7 – кости крупных копытных (КРС, лошадь).

Илл. 82. Обрядовые признаки и поло-возрастные характеристики посткатакомбных погребений с фигурно-планочными пряжками.
1 – наличие в погребениях охры; 2 – наличие в погребениях следов горения; 3 – распределение по секторам кургана; 4 – соотношение основных/досыпка и впускных погребений; 5,6 – поло-возрастные характеристики; 7 – общий полигон графиков.

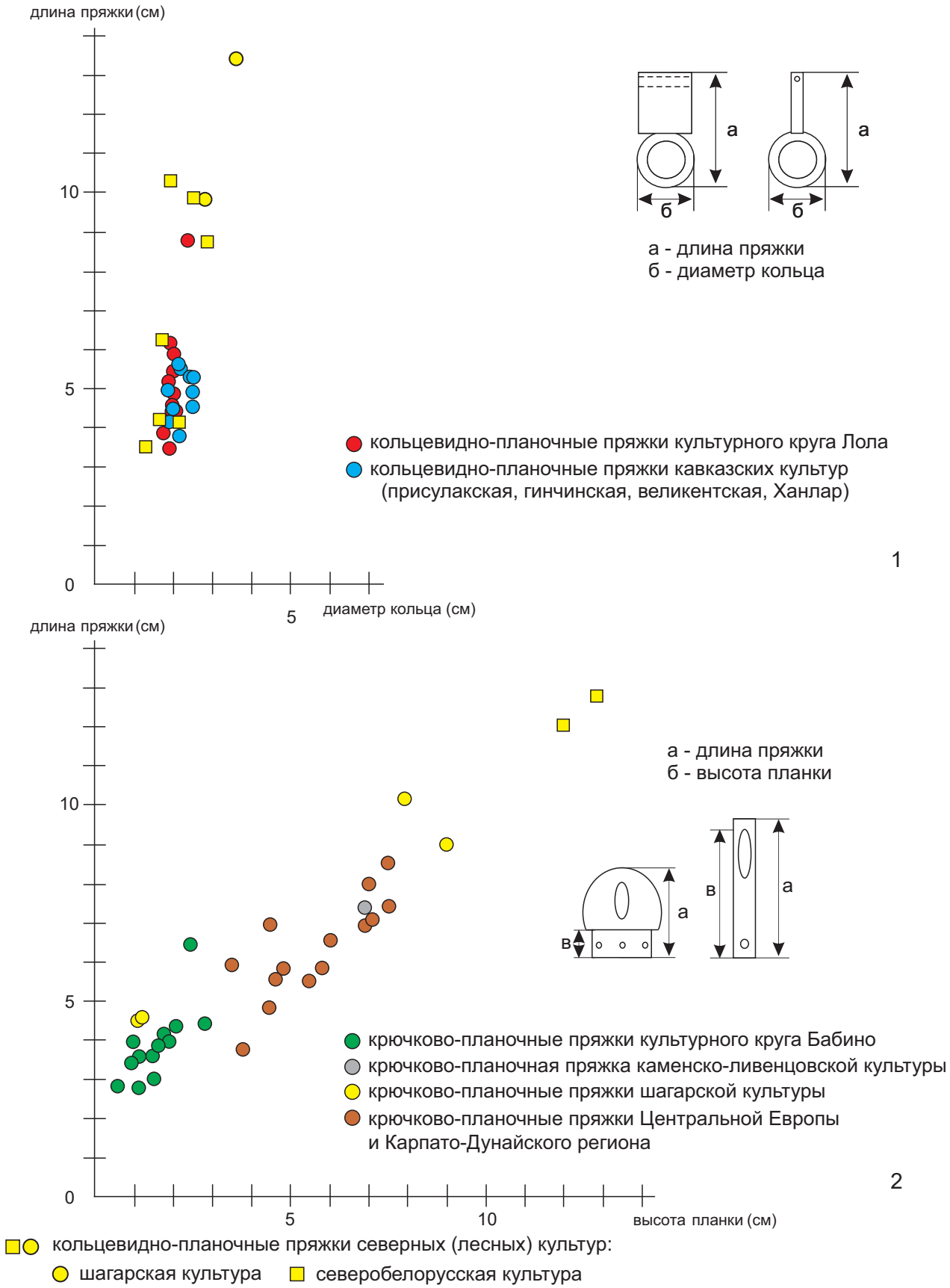
1

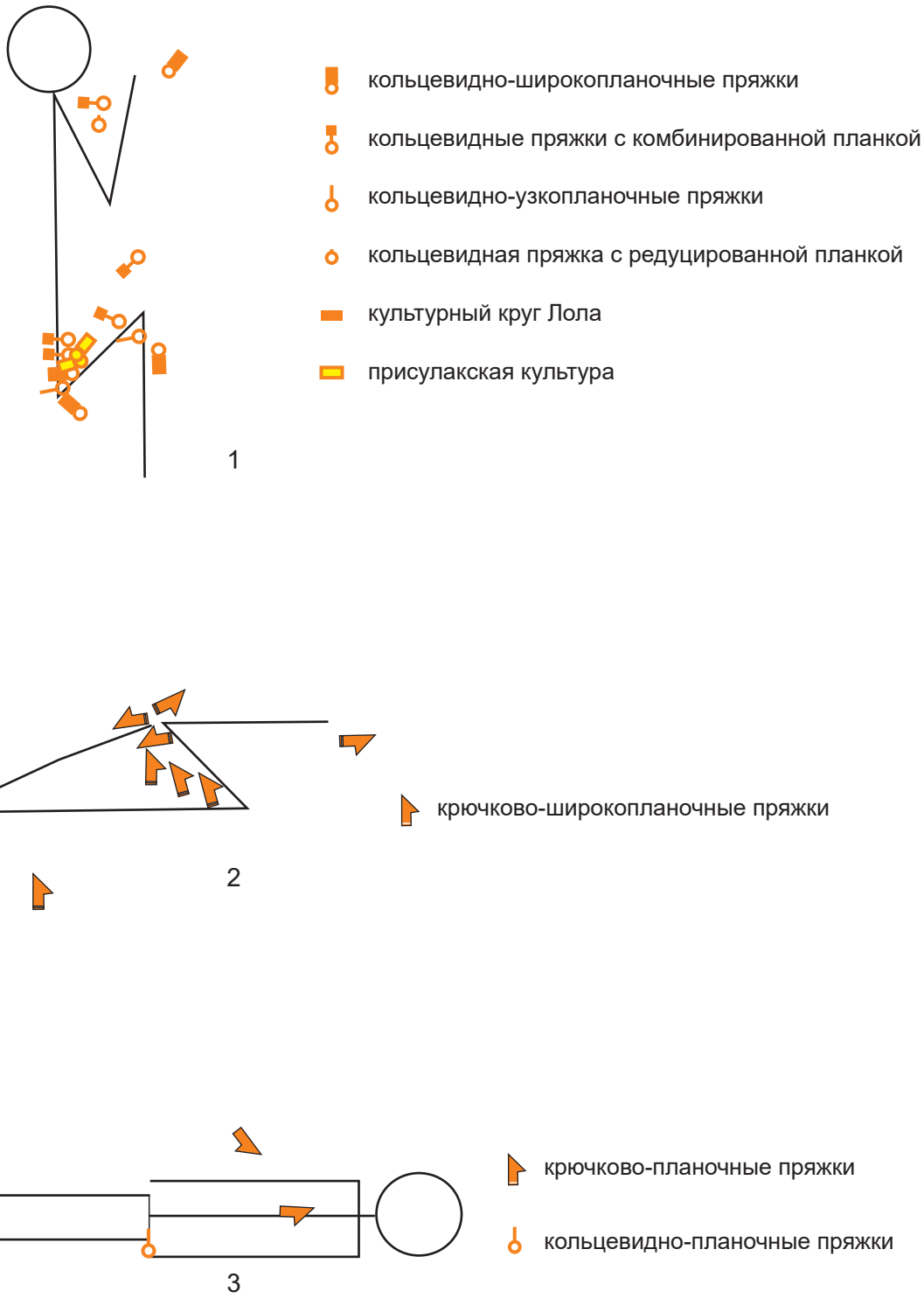
2

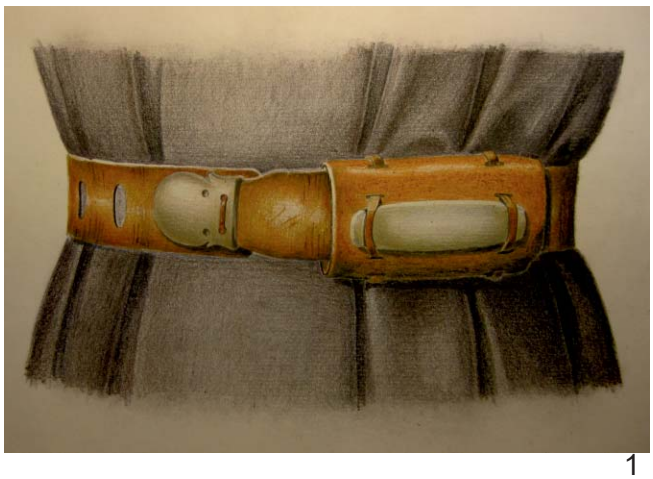
Илл. 83. Соотношение метрических параметров крючково-планочных и кольцевидно-планочных пряжек культурного круга Бабино и культурного круга Лола.

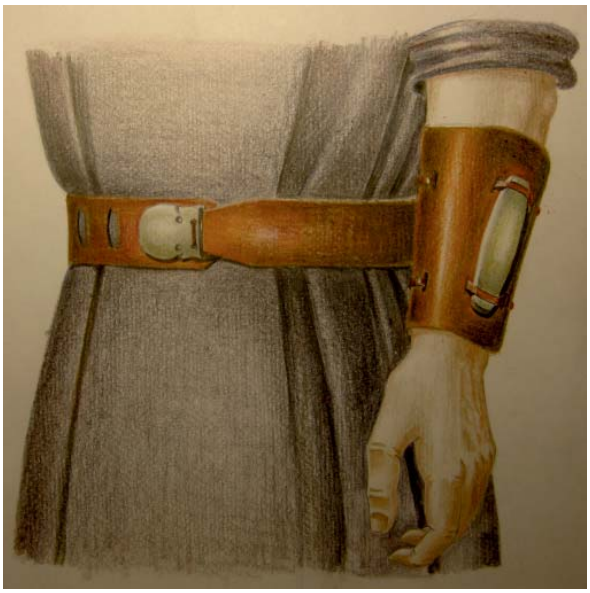
Илл. 84. Соотношение метрических параметров кольцевидно-планочных и крючково-планочных пряжек.
1 – кольцевидно-планочные пряжки; 2 – крючково-планочные пряжки.

Илл. 85. Аккумулятивная схема размещения планочных пряжек в погребениях финала средней бронзы.
1 – культурный круг Лола, присулакская культура; 2 – культурный круг Бабино; 3 – шагарская культура.

1

3

2

Илл. 86. Реконструкция вариантов использования защитных накладок на предплечье лучника на примере комплекса Новолакедемоновка од.кург./10.
1 – небоевое положение; 2 – предбоевое положение; 3 – боевое положение.

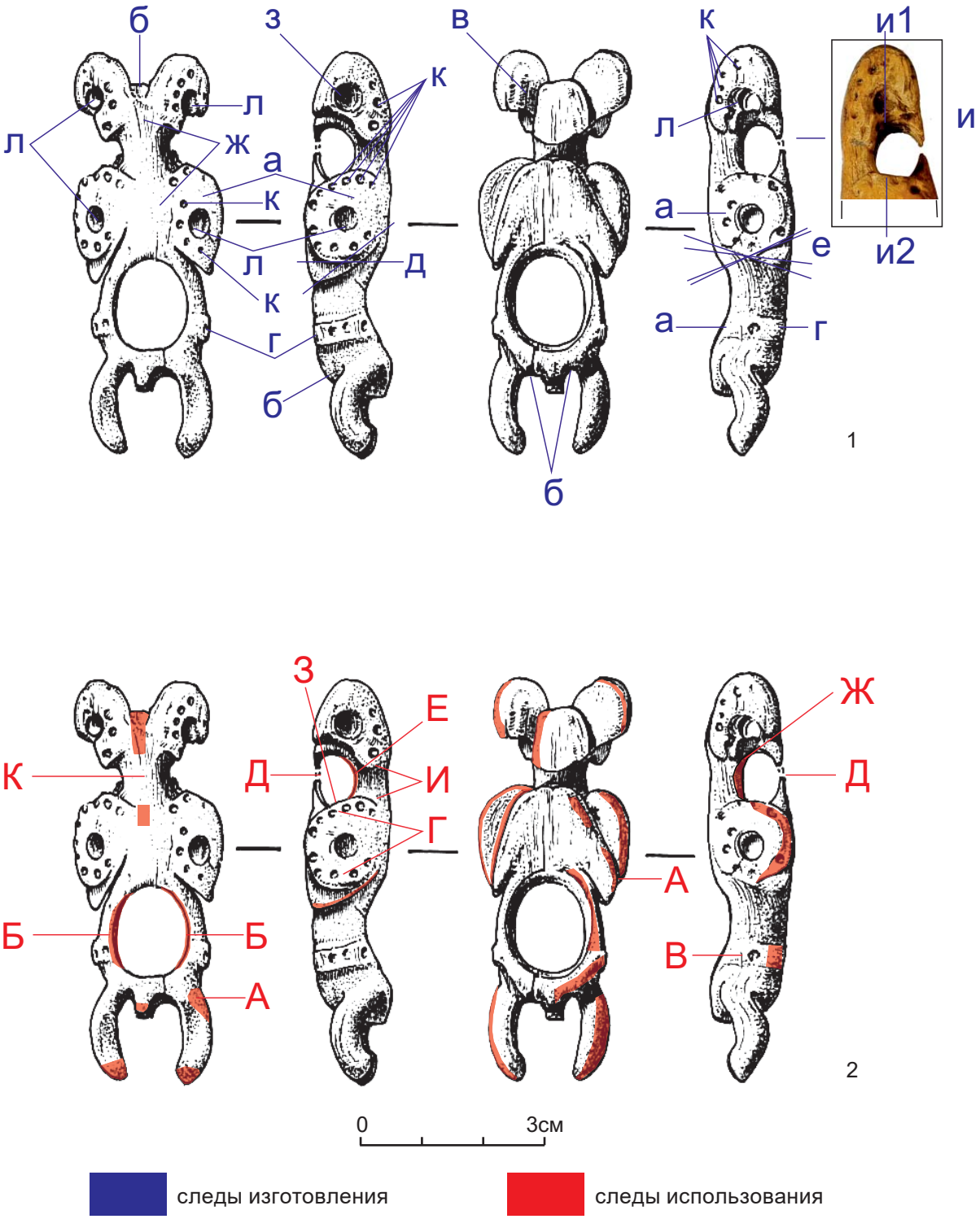

1

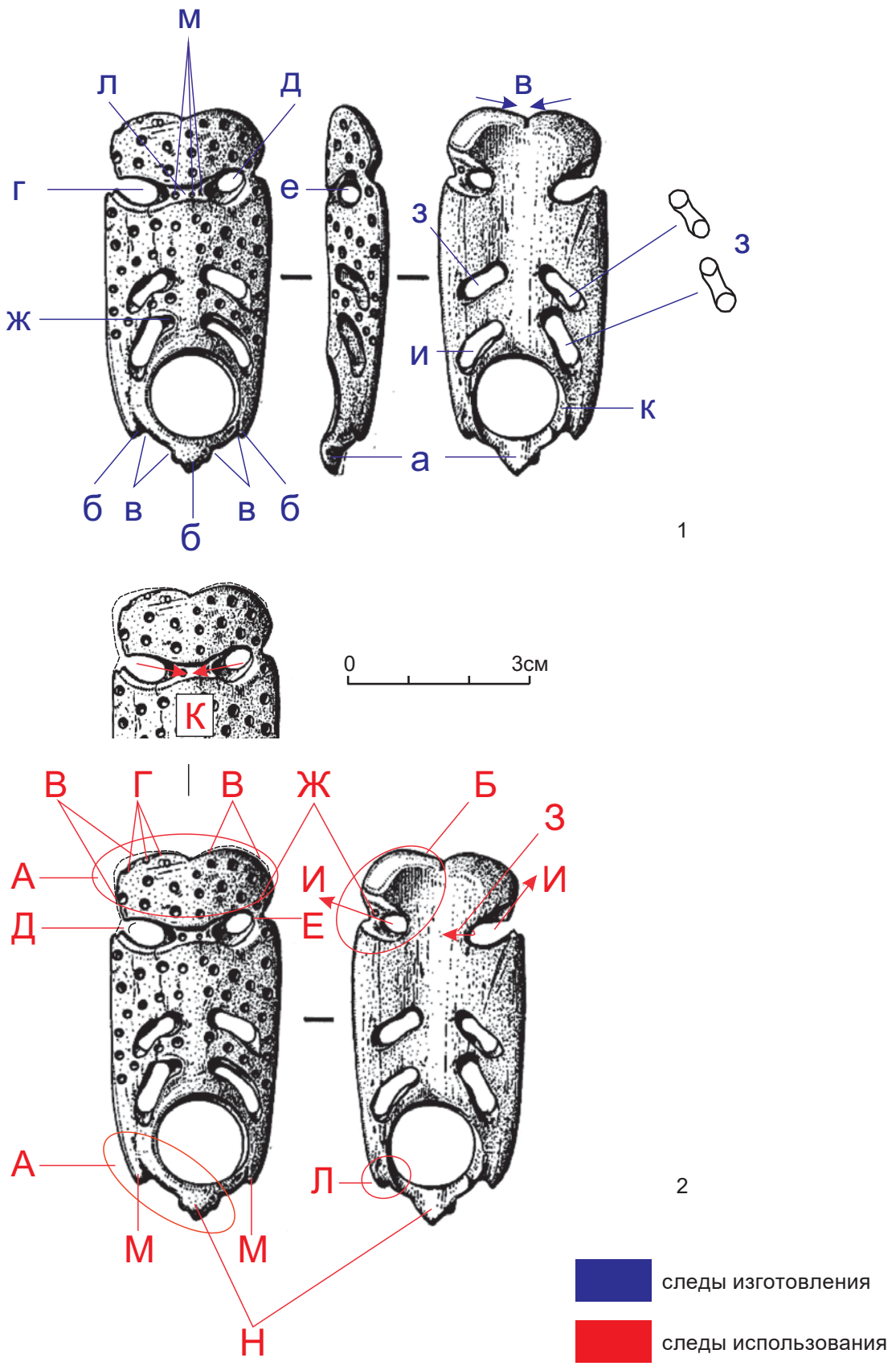

2

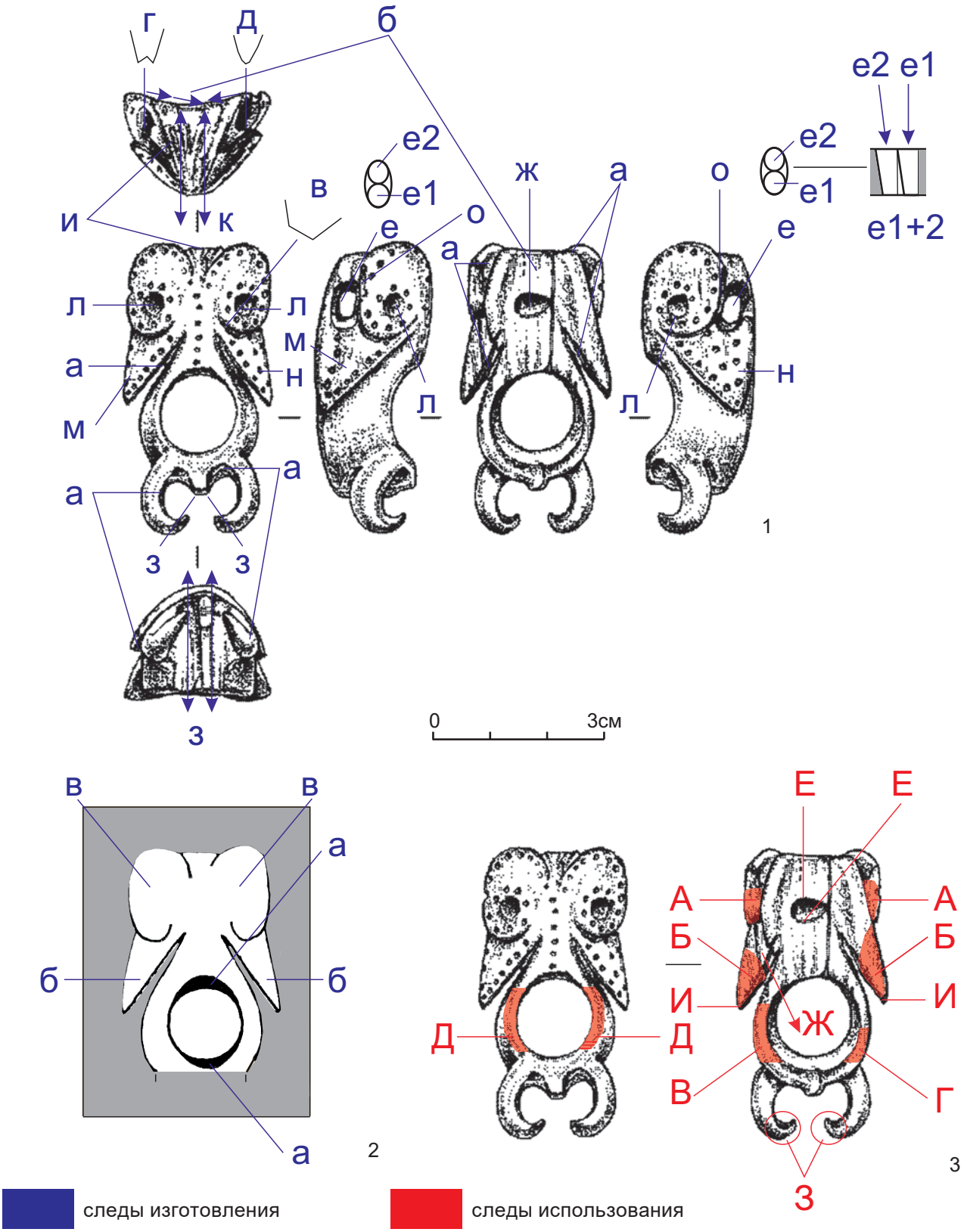
Илл. 87. Реконструкция использования пояса в погребальном обряде при связывании конечностей.
1 – на примере п. 19 к. 4 мог. Донецк (Текстильщик), ДДБК; 2 – на примере п. 52 мог. Шагарский, шагарская культура.

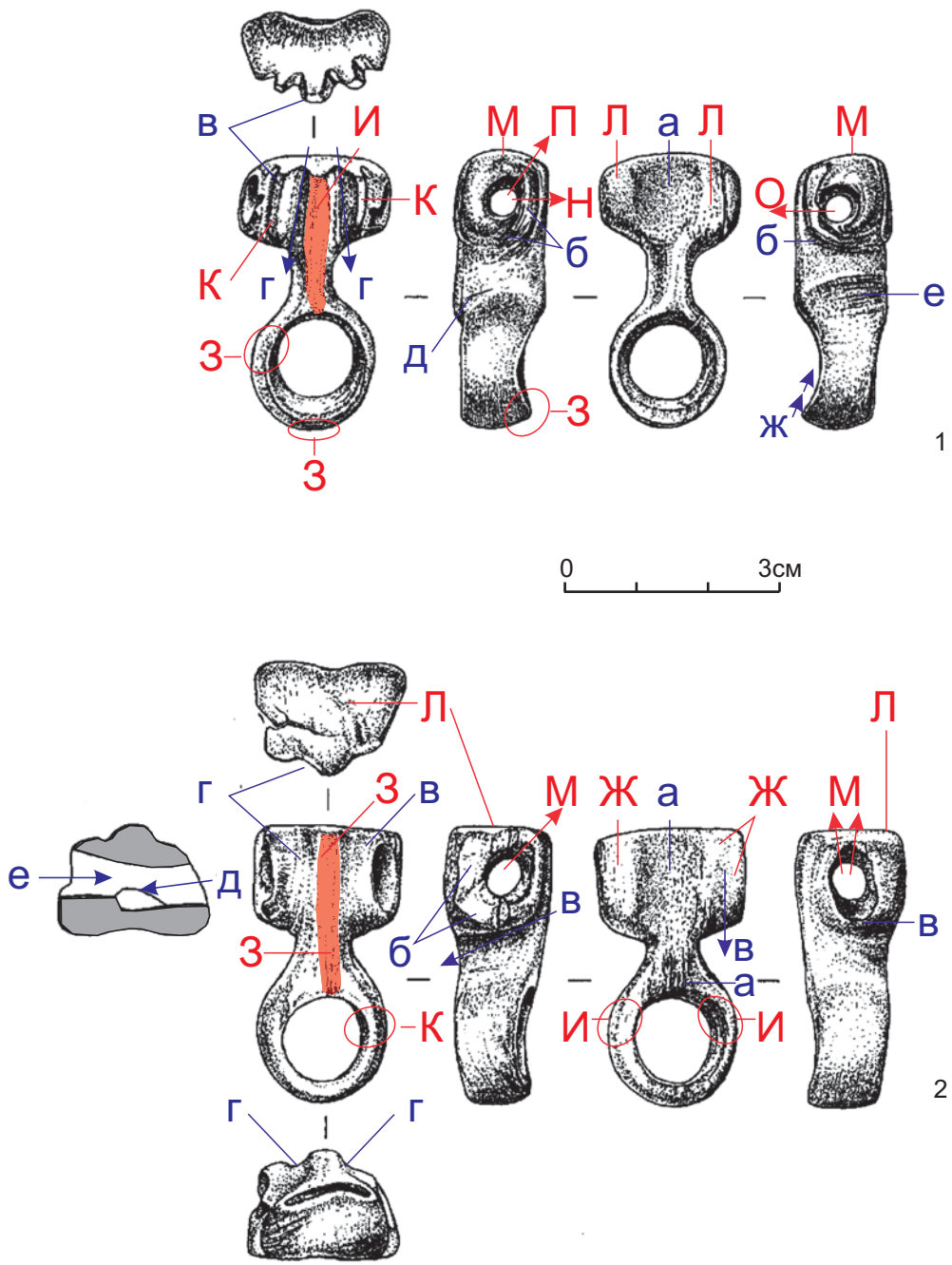
Илл. 88. Трасологические данные для роговой пряжки из погребения 1 кургана 34 могильника Чограй VIII лолинской культуры.
1 – следы изготовления; 2 – следы использования.

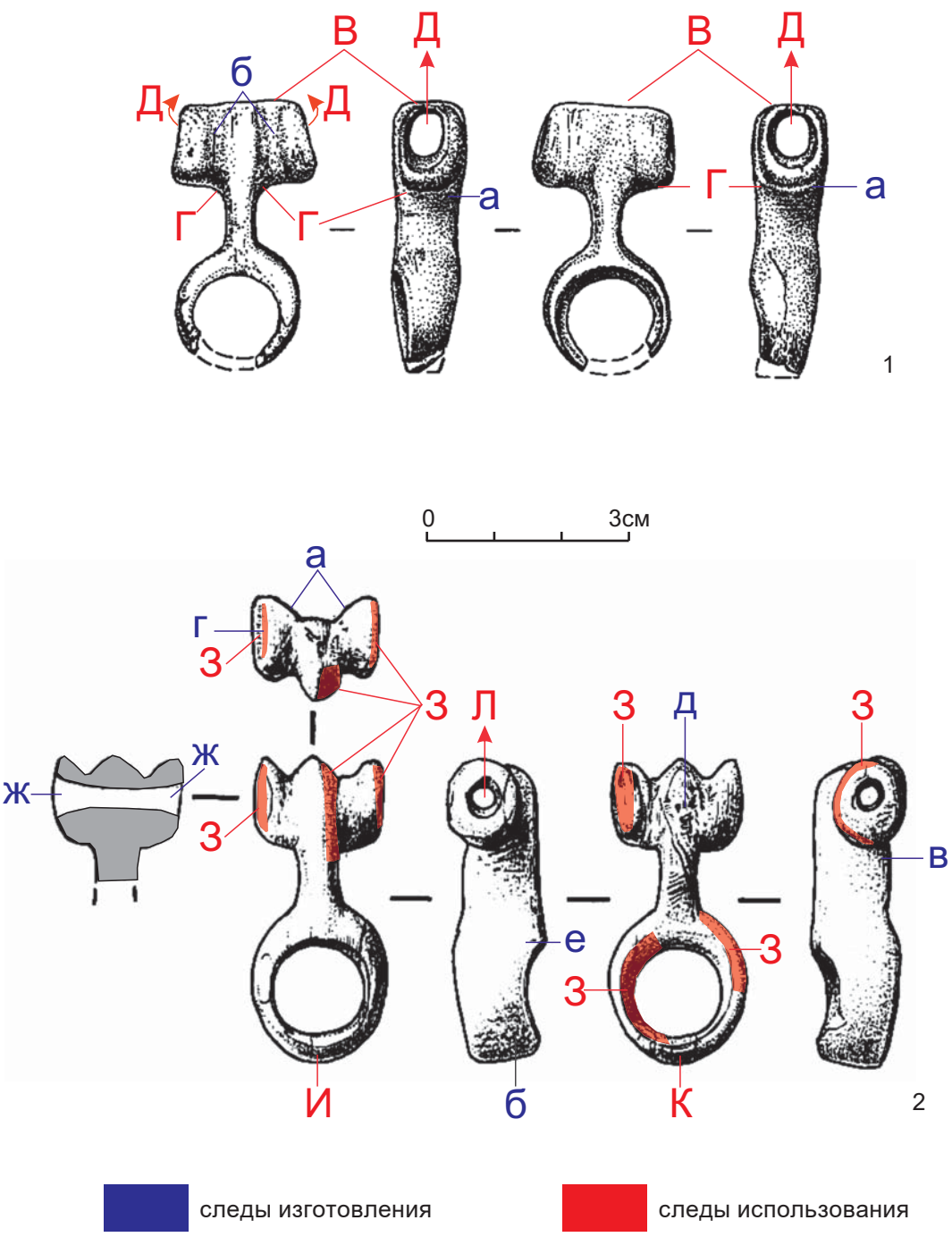
Илл. 89. Трасологические данные для роговой пряжки из погребения 7 кургана 2 могильника Темрта I лолинской культуры.
1 – следы изготовления; 2 – следы использования.

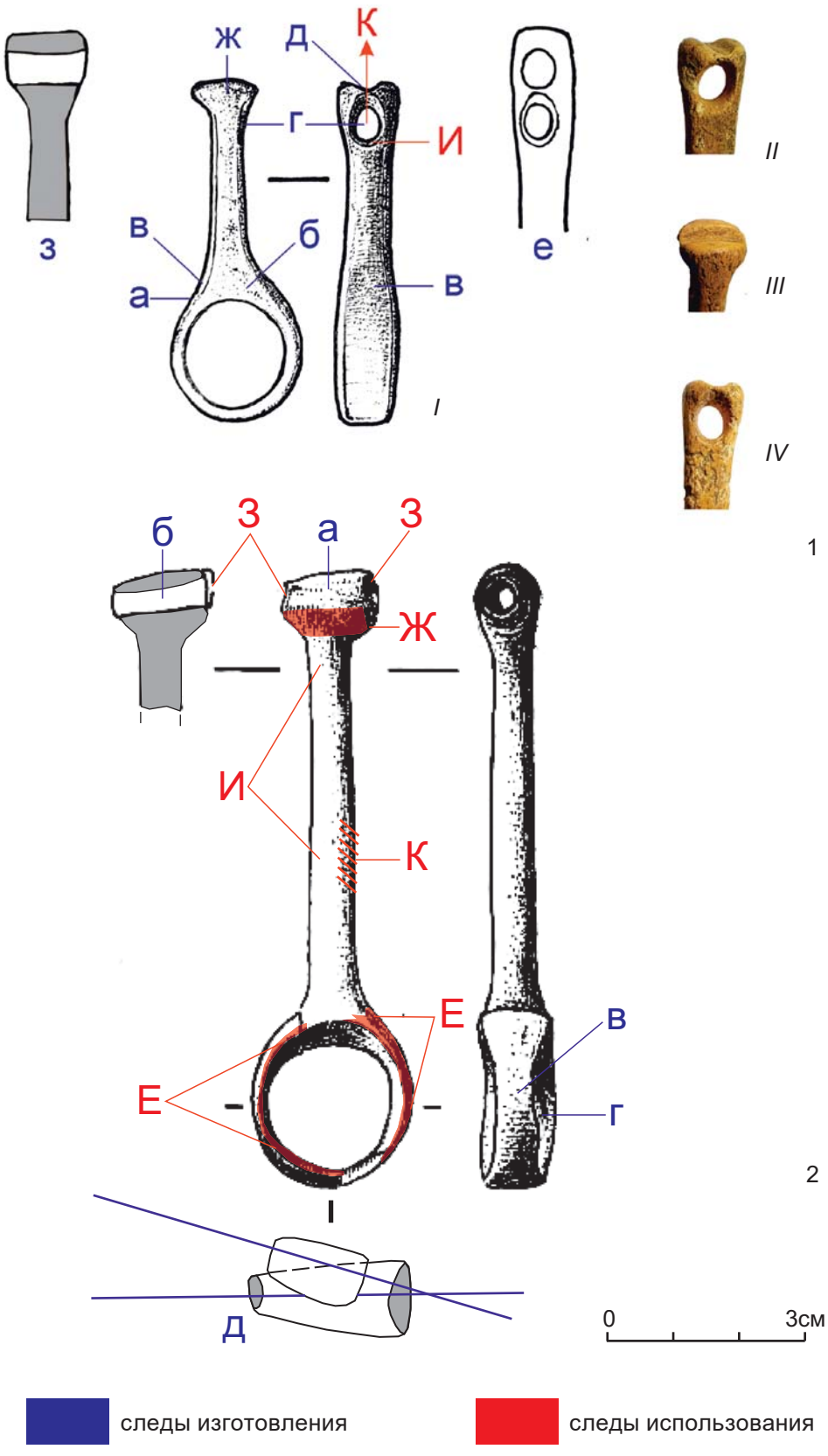
Илл. 90. Трасологические данные для роговой пряжки из погребения 5 кургана 3 могильника Кевюды-1 лолинской культуры.
1 – следы изготовления; 2 – схема изготовления верхней части изделия; 3 – следы использования.

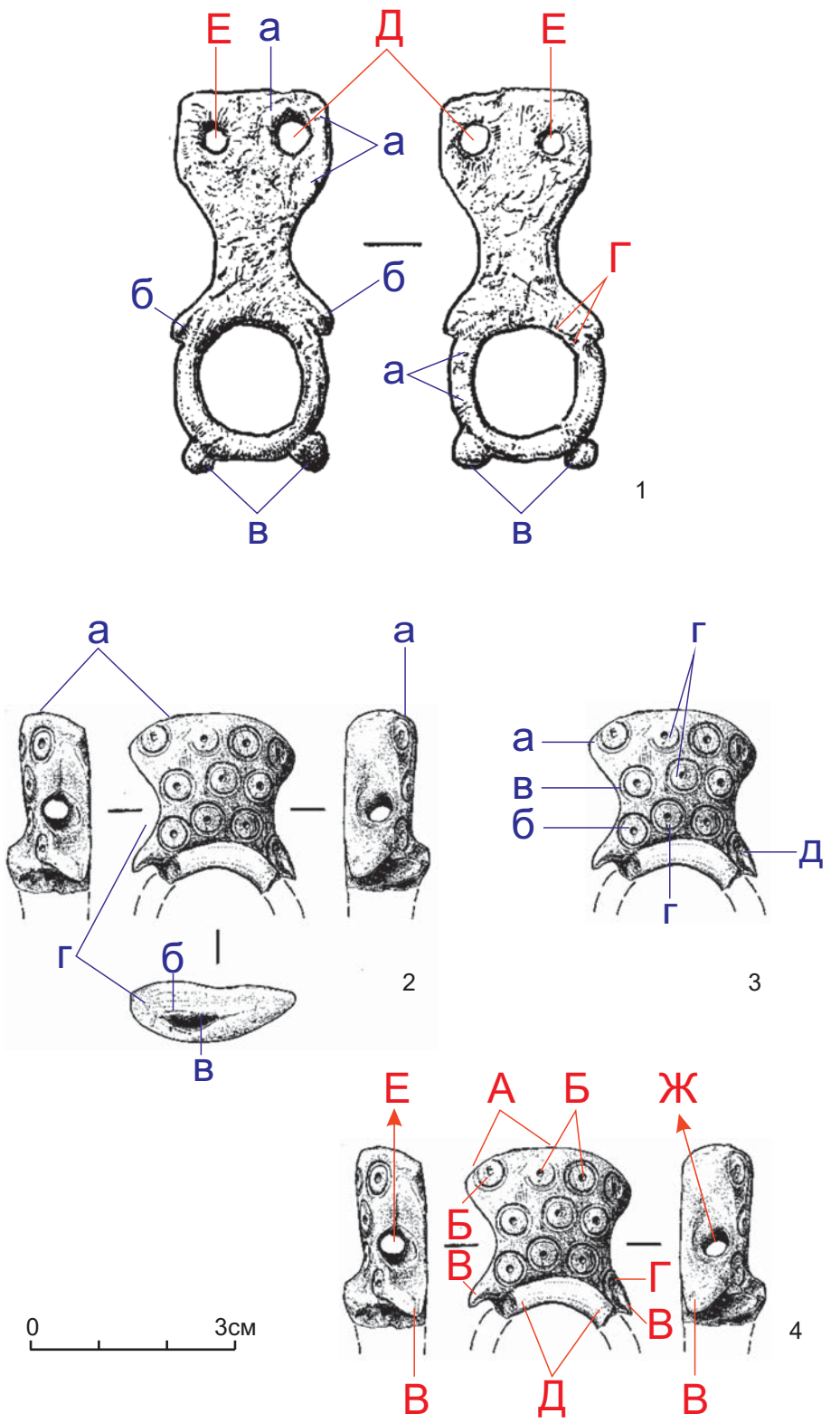
Илл. 91. Трасологические данные для роговых пряжек типа Ипатово-Типки лолинской культуры.
1 – Ильинский-1 1/6; 2 – Типки-1 2/4.

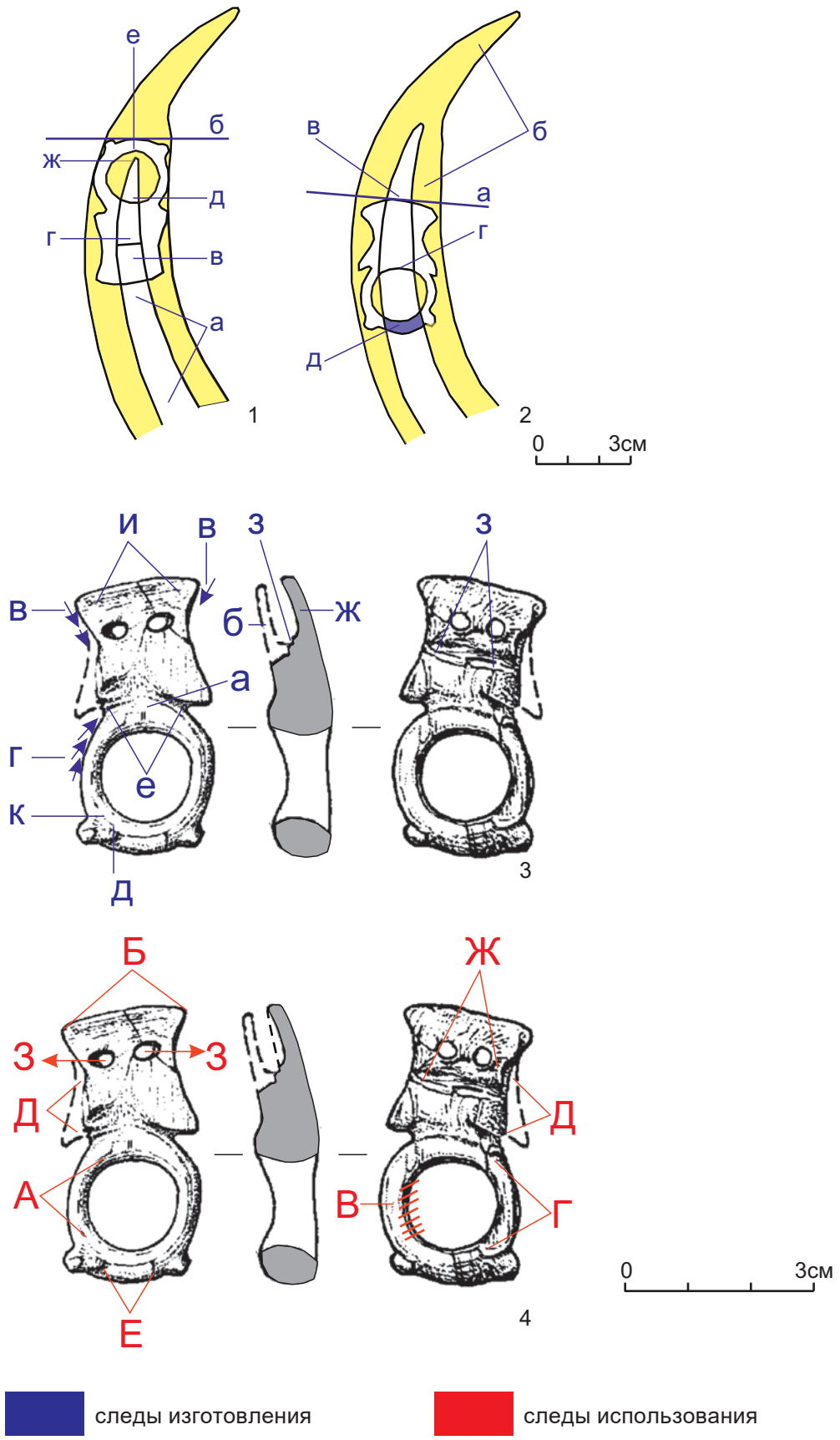
Илл. 92. Трасологические данные для роговых пряжек типа Ипатово-Типки лолинской культуры.
1 – Ипатово-3 2/13; 2 – пос. Каратаево.

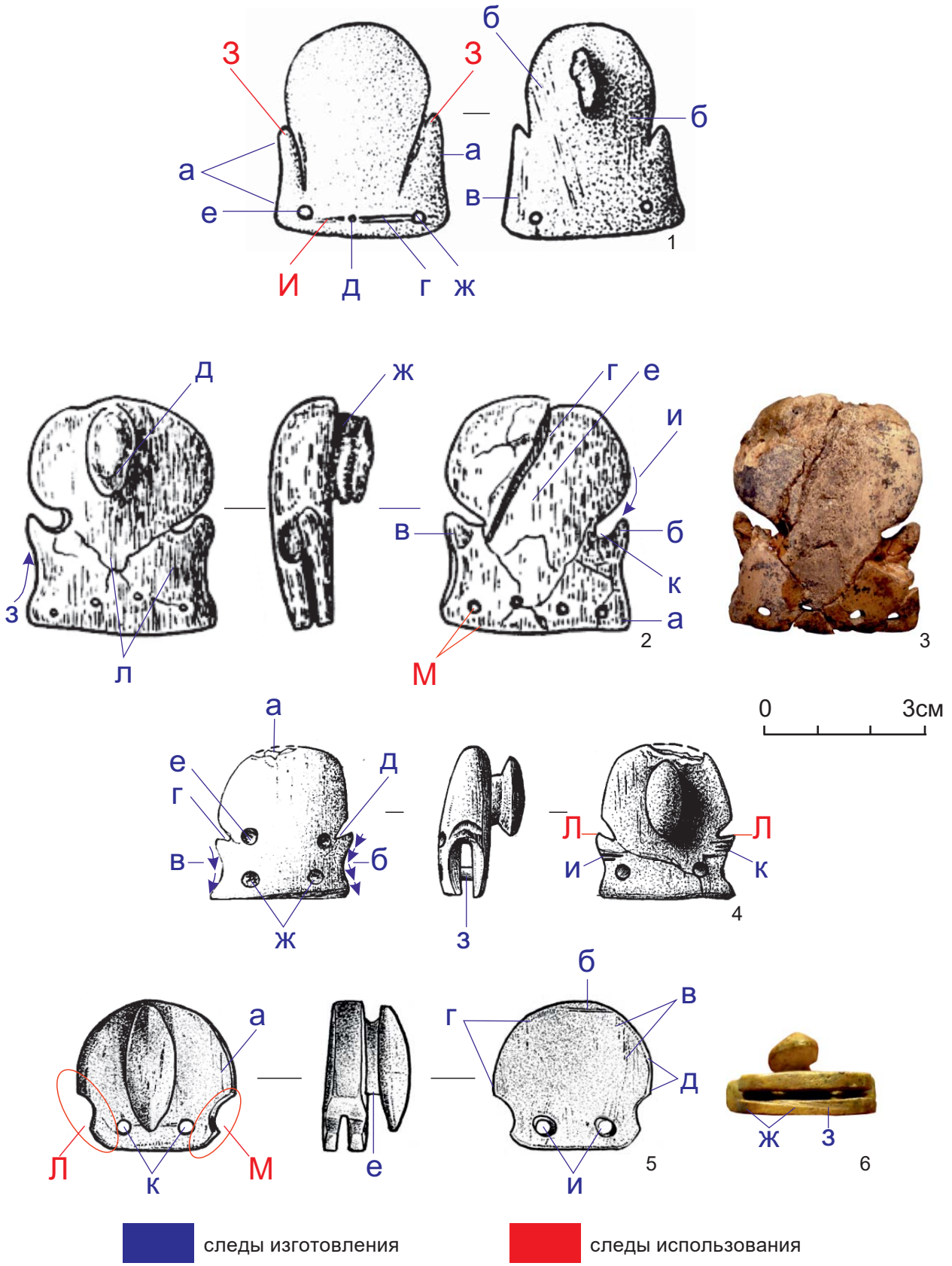
Илл. 93. Трасологические данные для костяных пряжек волго-уральской культурной группы.
1 – Ливенцовская крепость п. 6; 2 – Тамар-Уткуль VII 4/3.

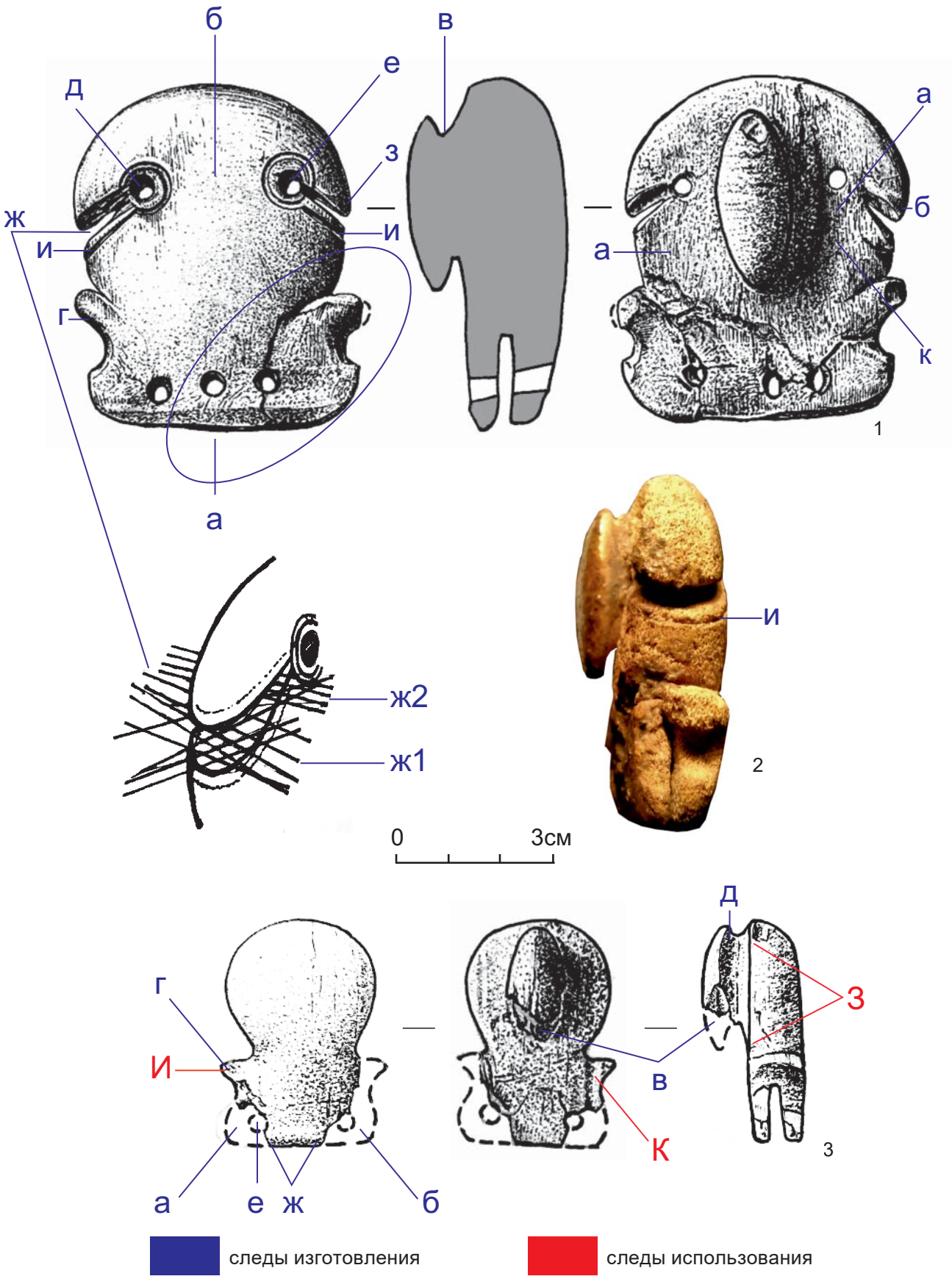
Илл. 94. Трасологические данные пряжек из рога и клыка кабана присулакской (1) и гинчинской (2-4) культур.
1 – Гертма III 5/1; 2-4 – пос. Ирганайское I.

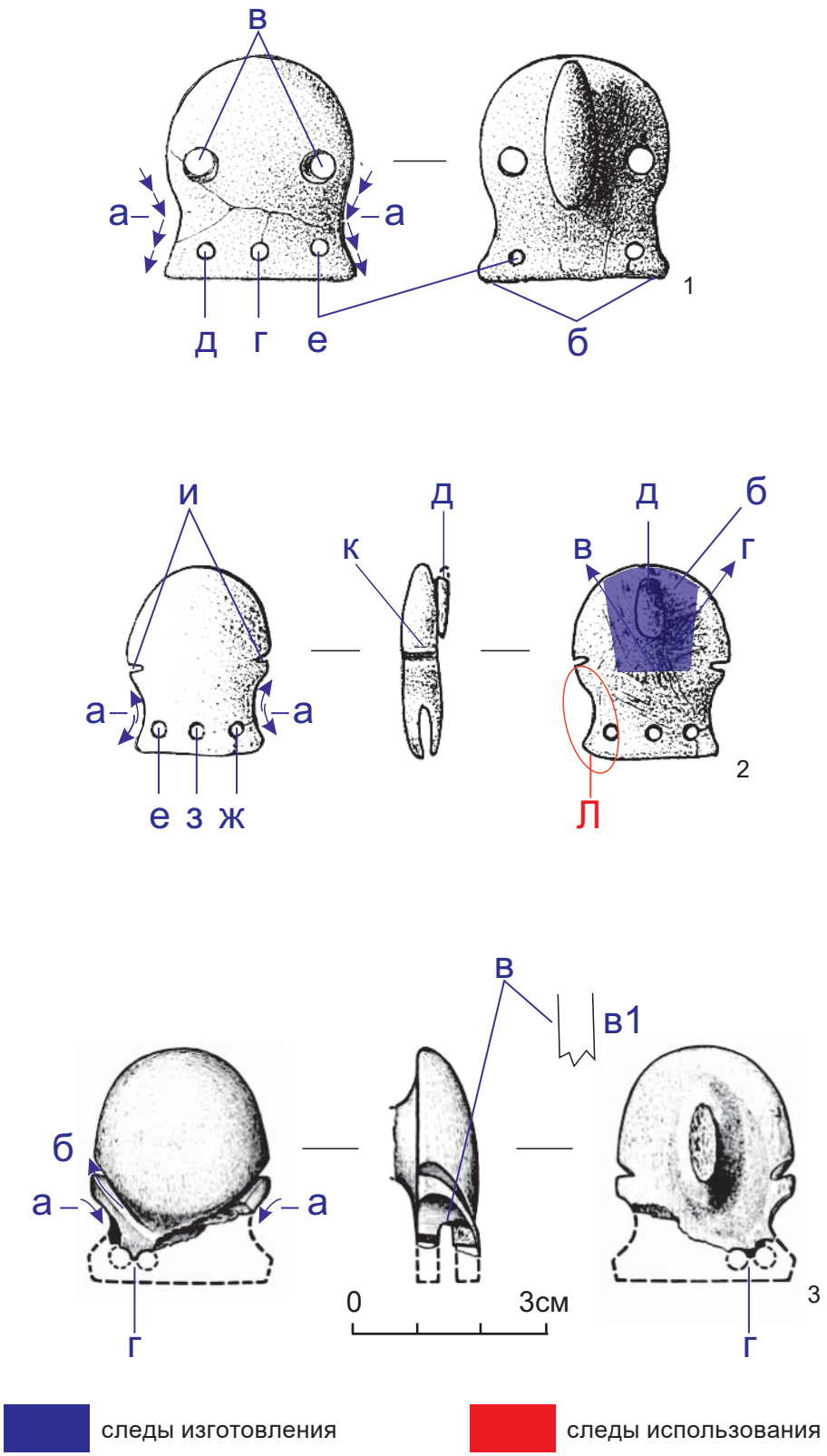
Илл. 95. Трасологические данные пряжек из клыка кабана гинчинской культуры.
1,2 – схемы вырезки заготовок пряжек из клыка кабана; 3 – следы изготовления пряжки из мог. Ирганайский 1; 4 – следы использования пряжки из мог. Ирганайский 1.

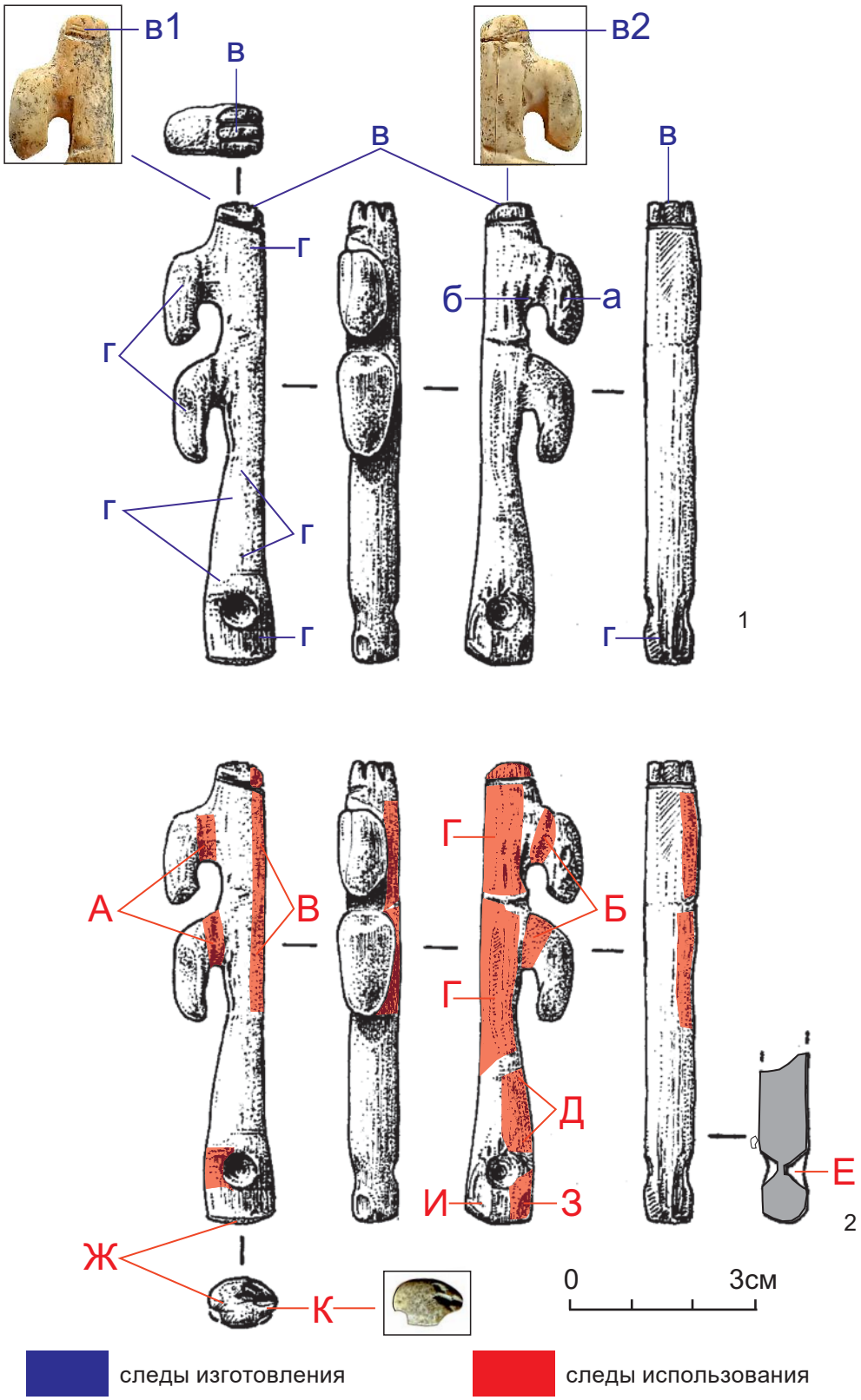
Илл. 96. Трасологические данные роговых пряжек днепро-донской бабинской культуры.
1 – Александровск 1/4; 2,3 – Беева Могила п. 3; 4 – Долгая Могила 4/17; 5,6 – Мариенфельд 3/3.

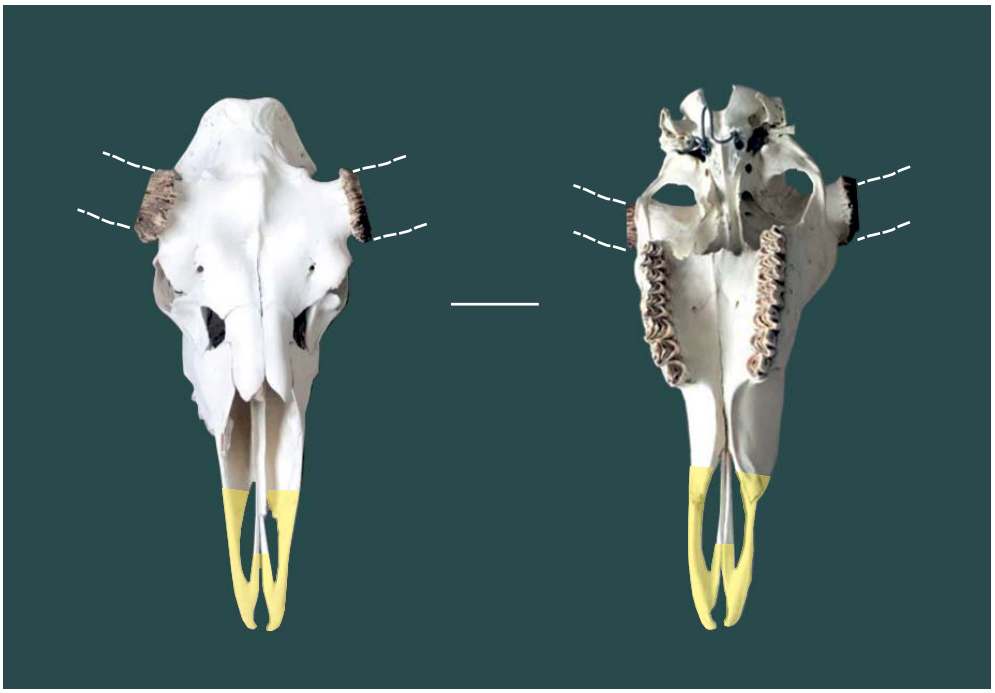
Илл. 97. Трасологические данные роговых пряжек днепро-донской бабинской культуры.
1,2 – Донецк (Текстильщик) 4/19; 3 – Новоамвросиевское 3/2.

Илл. 98. Трасологические данные роговых пряжек днепро-донской бабинской культуры.
1 – Новоандреевка 4/1; 2 – Новотроицкое III 3/11; 3 – Приволье 1/5.

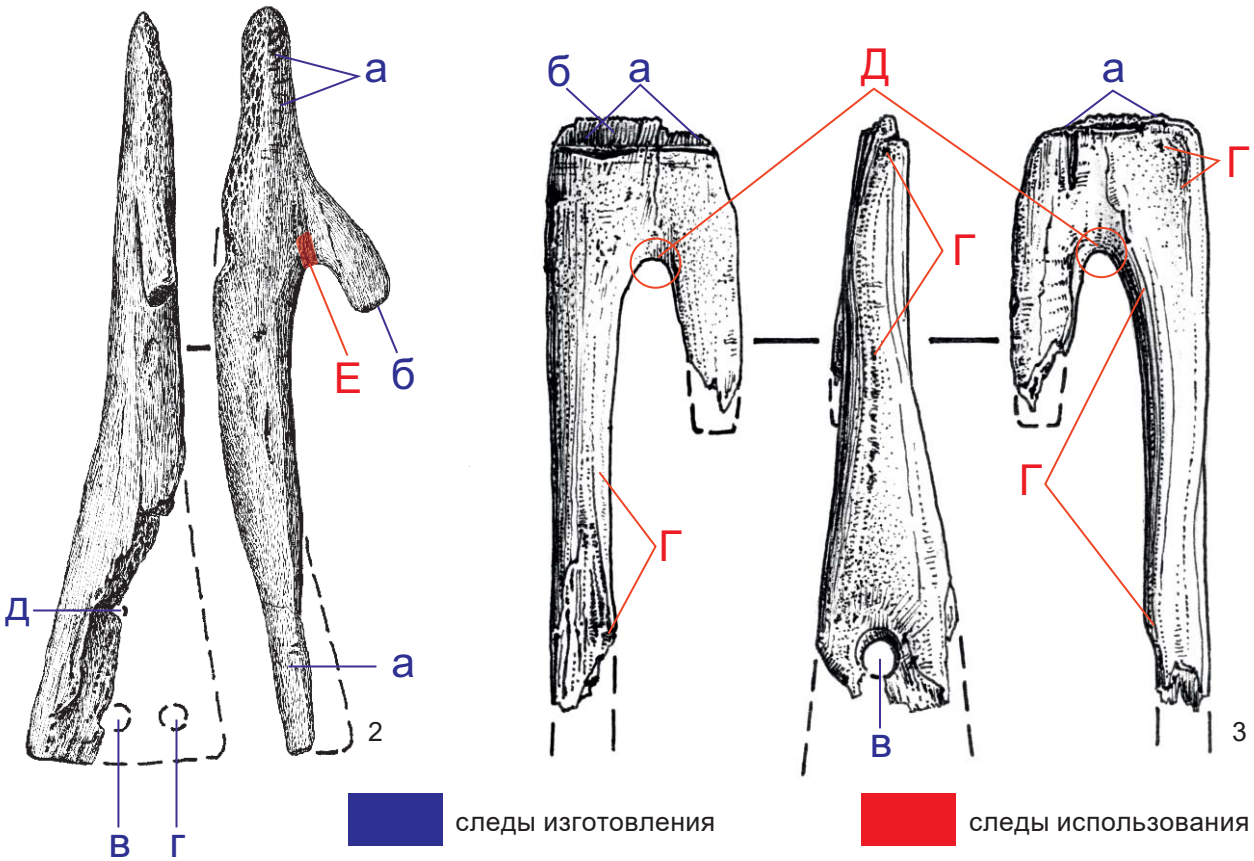

Илл. 99. Трасологические данные костяной пряжки из пос.Балка Хреева III каменско-ливенцовской культуры.
1 – следы изготовления; 2 – следы использования.

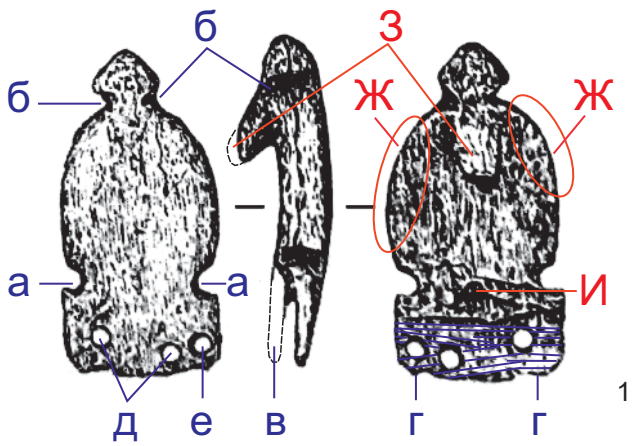

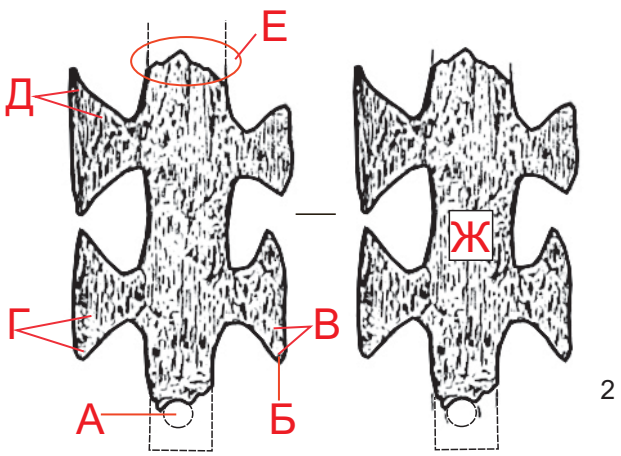
1

участки костей черепа лося для изготовления пряжек

Илл. 100. Сырье и трасологические данные костяных пряжек шагарской культуры.
1 – череп лося и участки сырья для пряжек; 2 – п.46 мог. Шагарский; 3 – слой, пос. Шагара 1.

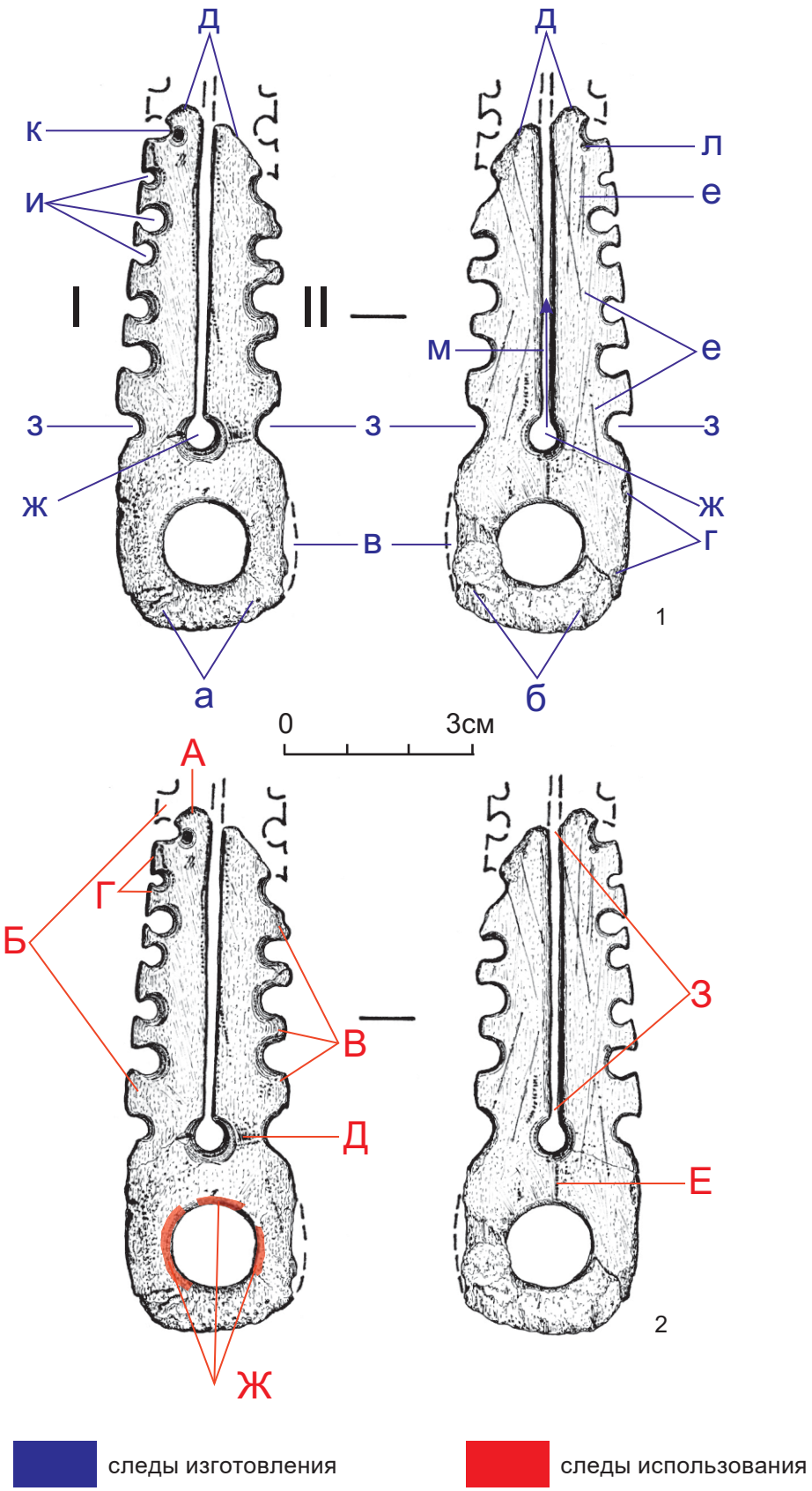

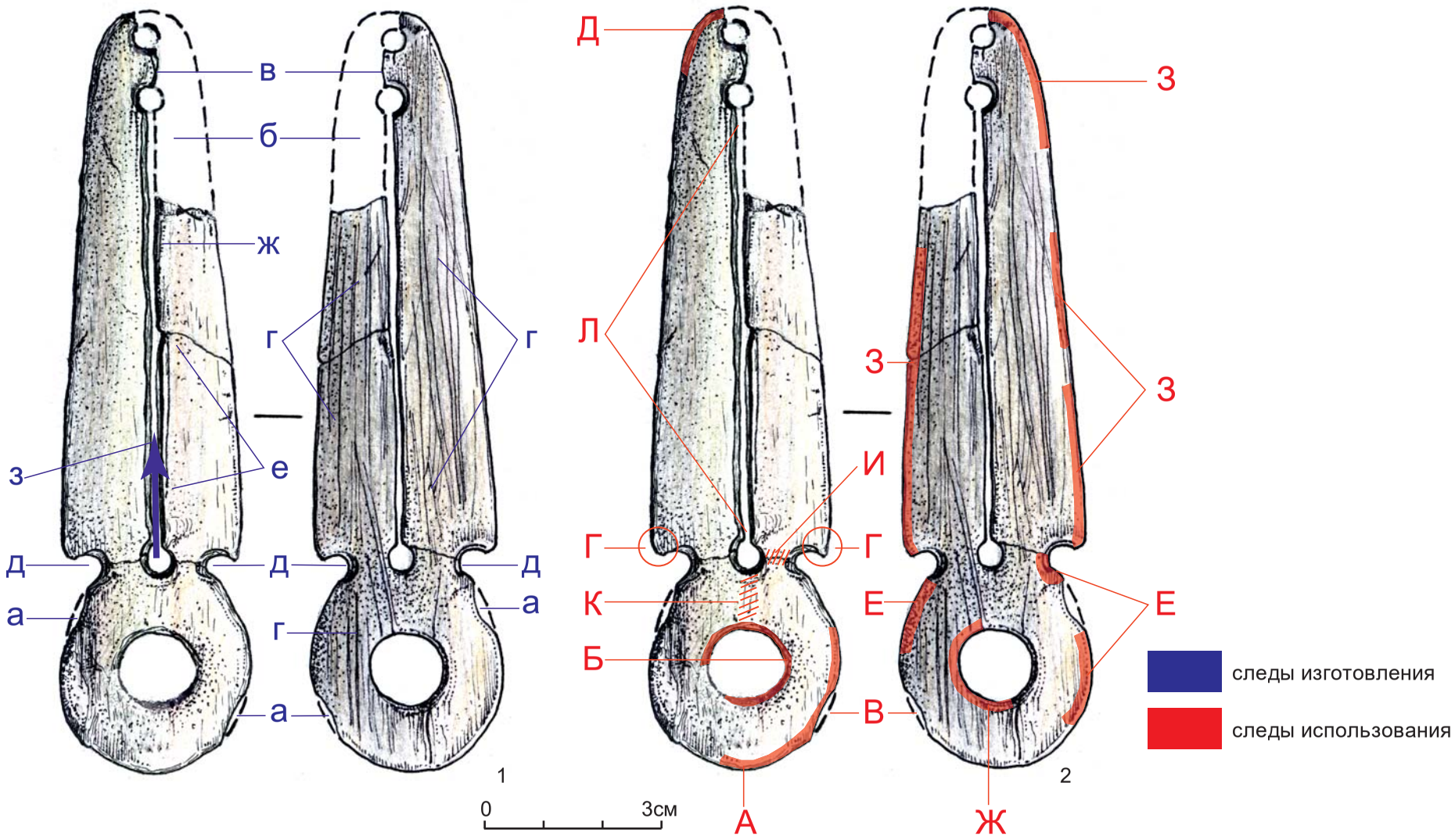

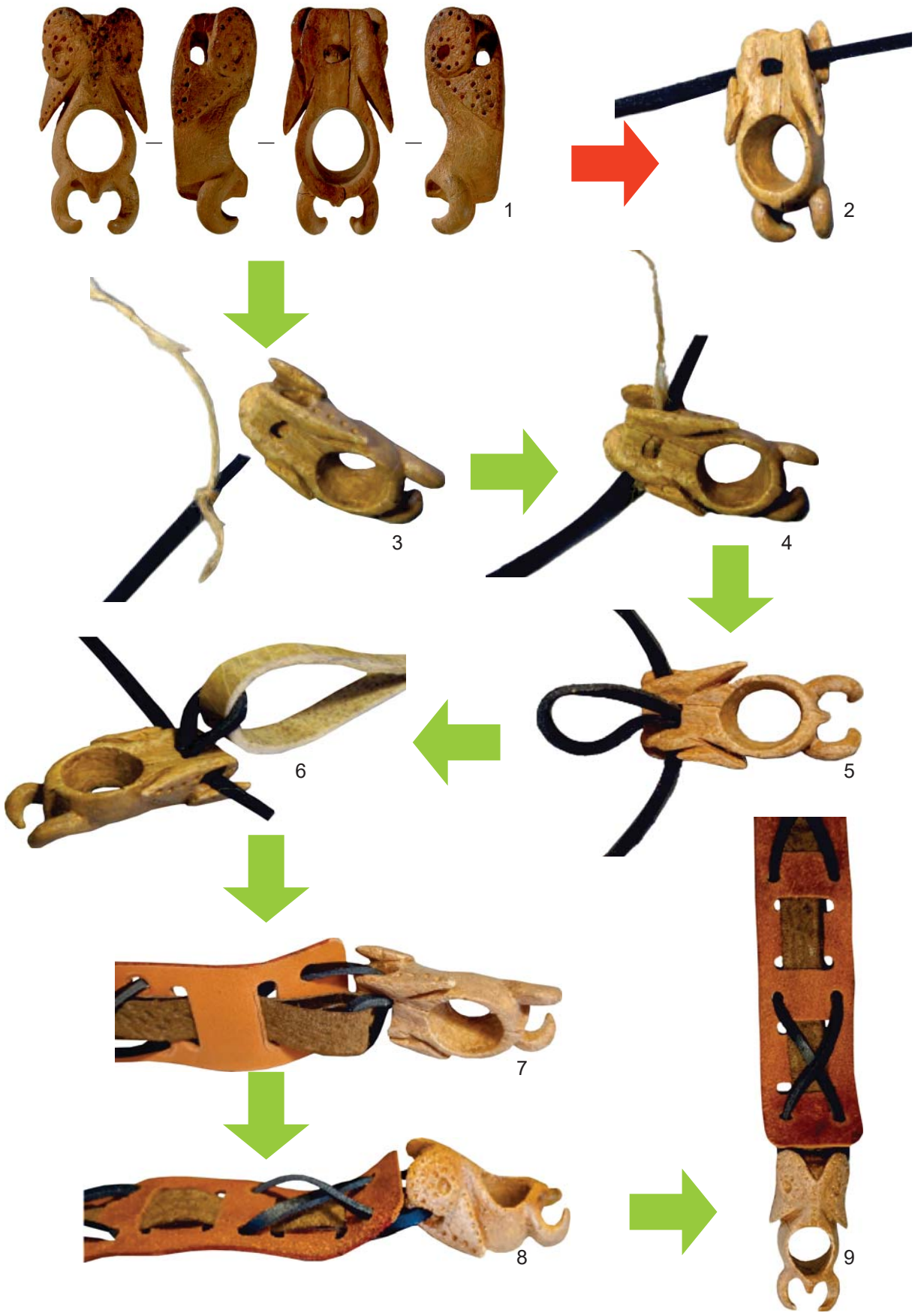
Илл. 101. Трасологические данные роговых пряжек п. 52 Шагарского могильника.

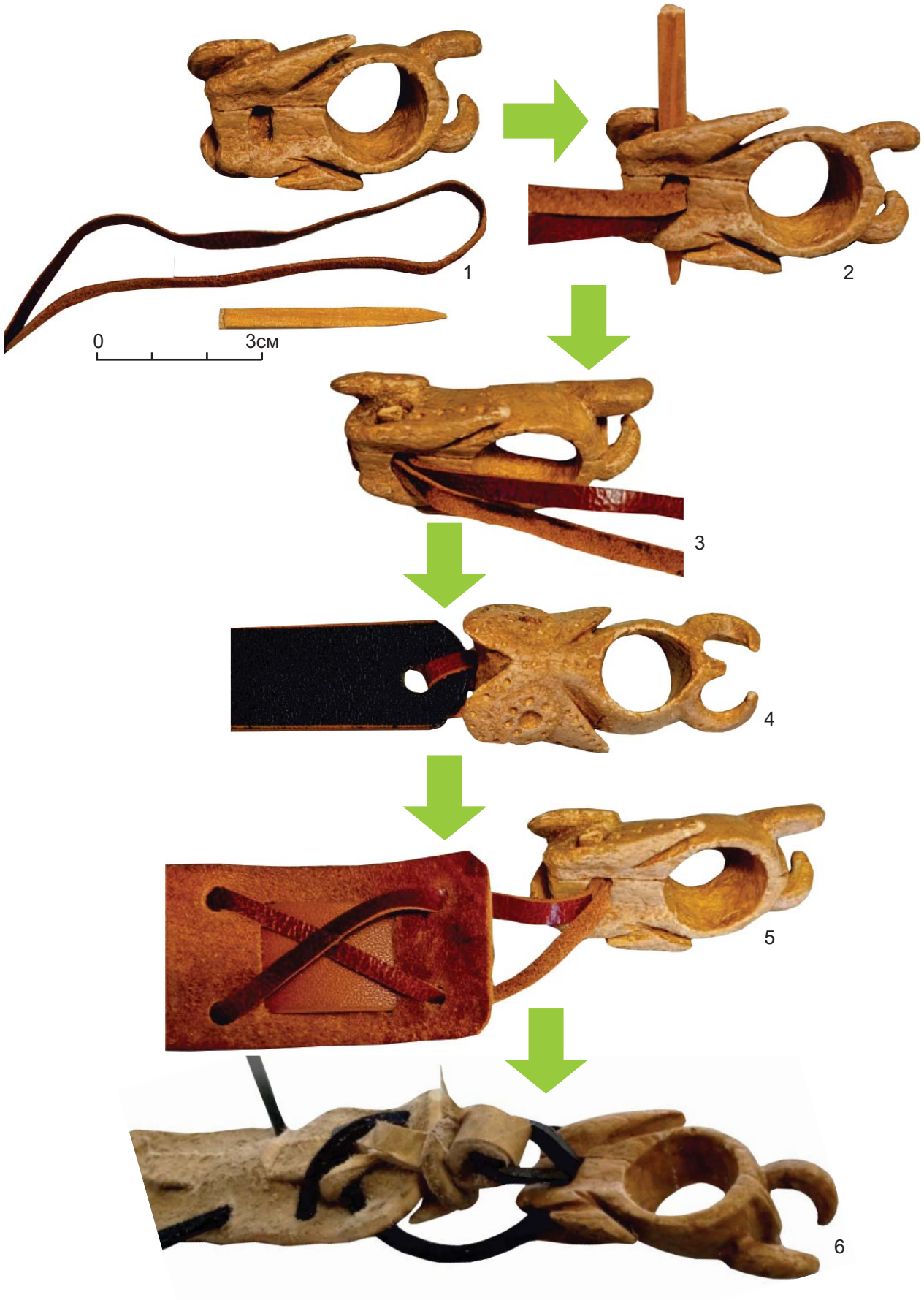
Илл. 102. Трасологические данные костяной пряжки из п.109 мог. Шагарский шагарской культуры.
1 – следы изготовления; 2 – следы использования.

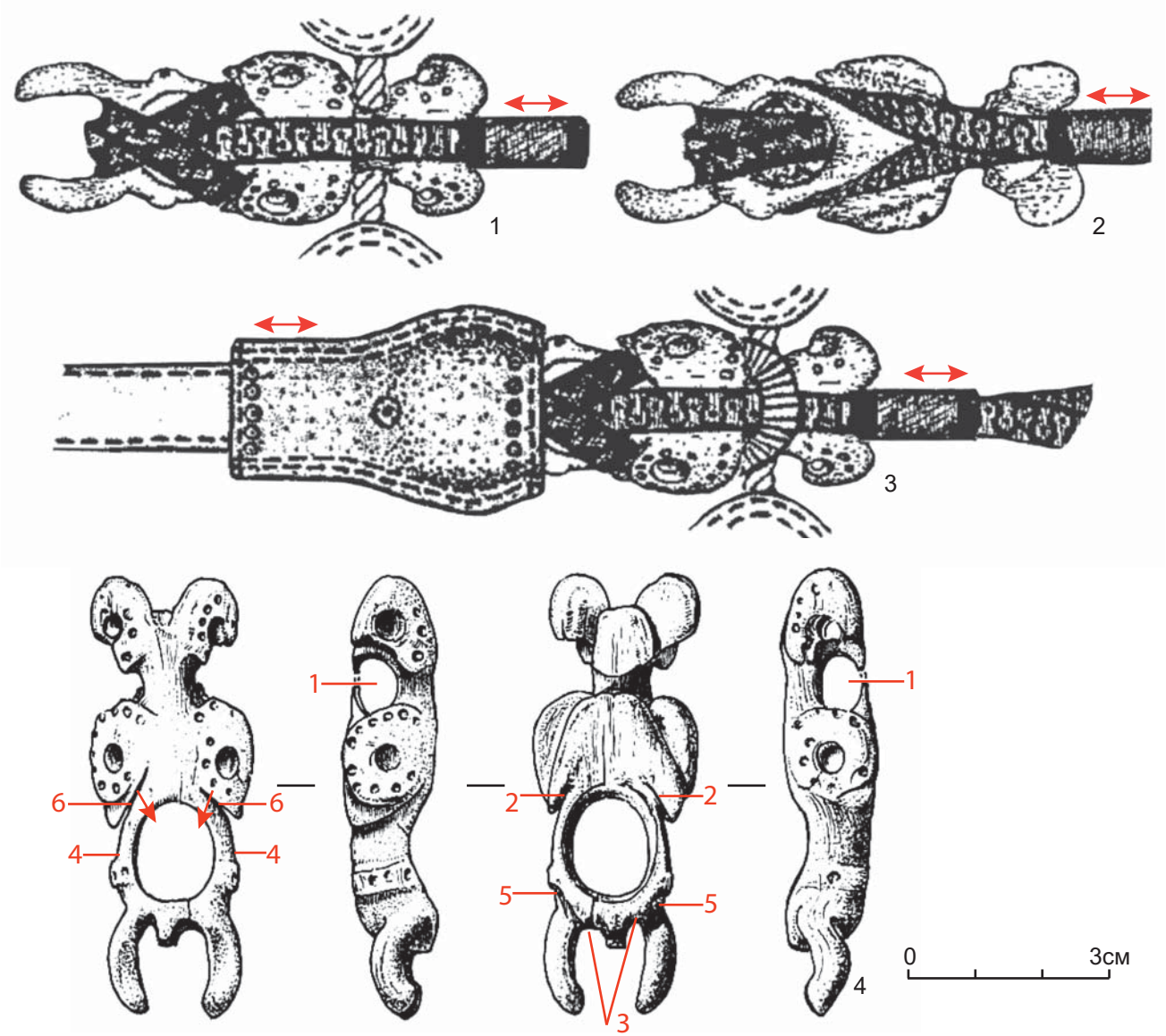
Илл. 103. Трасологические данные костяной пряжки из п.130 мог. Шагарский шагарской культуры.
1 – следы изготовления; 2 – следы использования.

Илл. 104. Моделирование крепления пряжки из погребения 5 кургана 3 могильника Кевюды-1 (вариант 1).

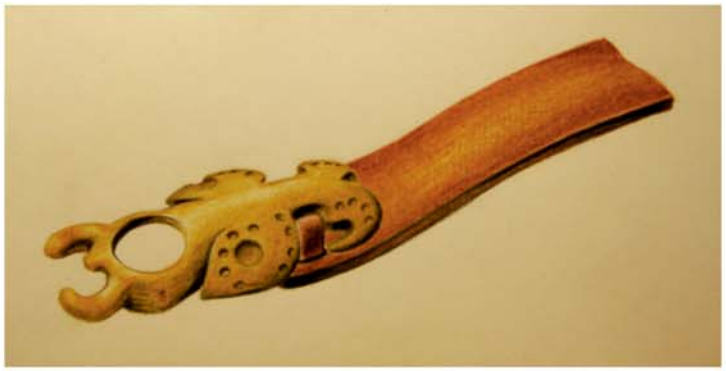
Илл. 105. Моделирование крепления пряжки из погребения 5 кургана 3 могильника Кевюды-1 (вариант 2).

Илл. 106. Реконструкция крепления пряжки из погребения 1 кургана 34 могильника Чограй VIII, предложенная А.И. Василенко, и ее анализ.
1-3 – вариант крепления пряжки из погребения 1 кургана 34 могильника Чограй VIII (*Василенко*, 1999); 4 – схема участков пряжки, которые важны при составлении системы, предложенной А.И. Василенко по местам сработанности.

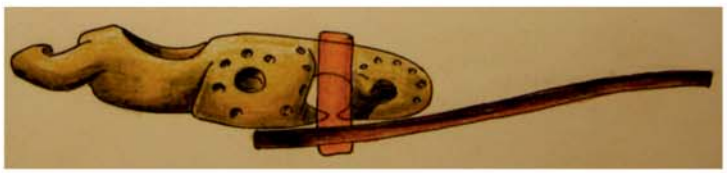
Илл. 107. Художник А.В. Вербовский за работой в Донецком республиканском краеведческом музее.

1

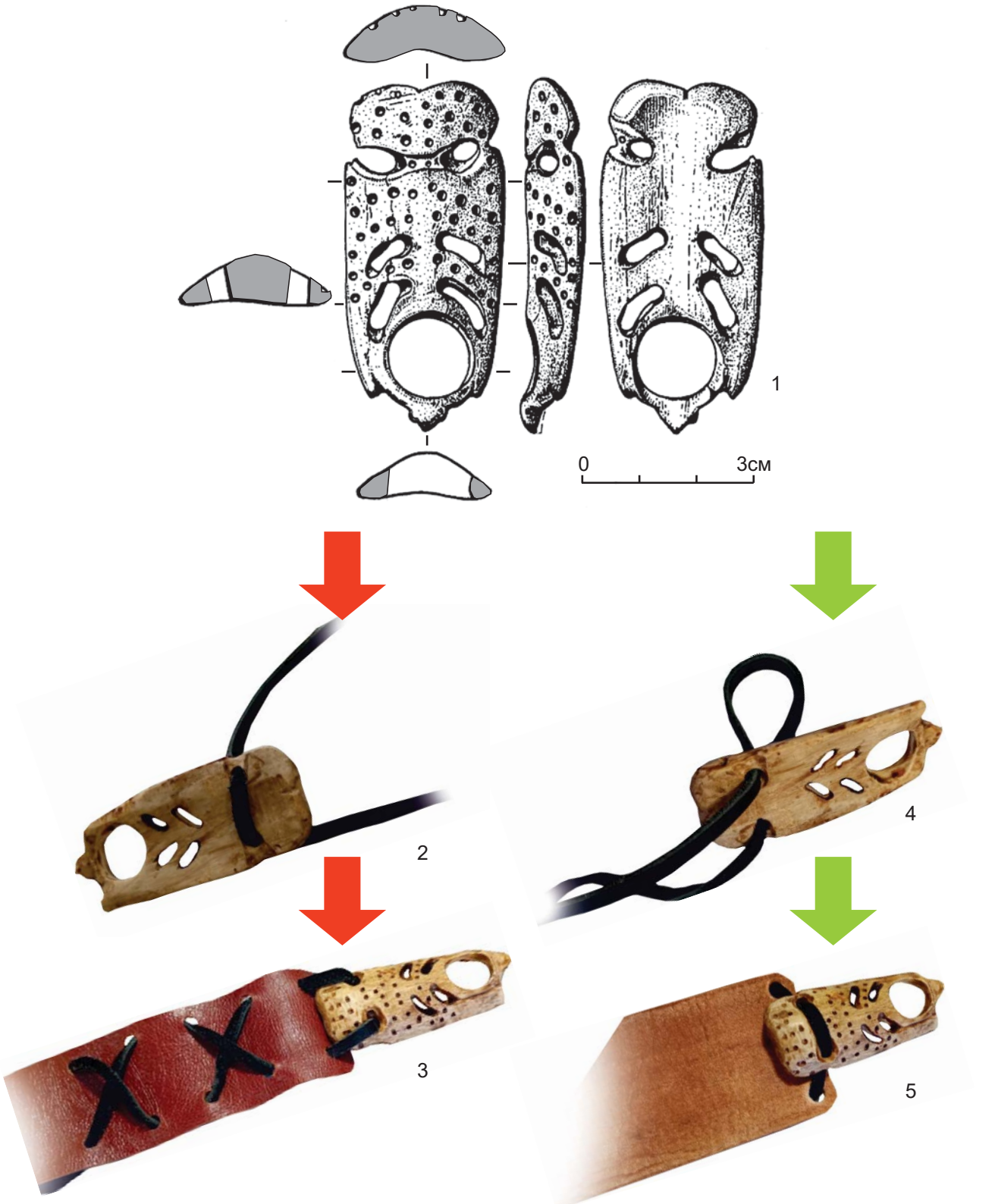

2

3

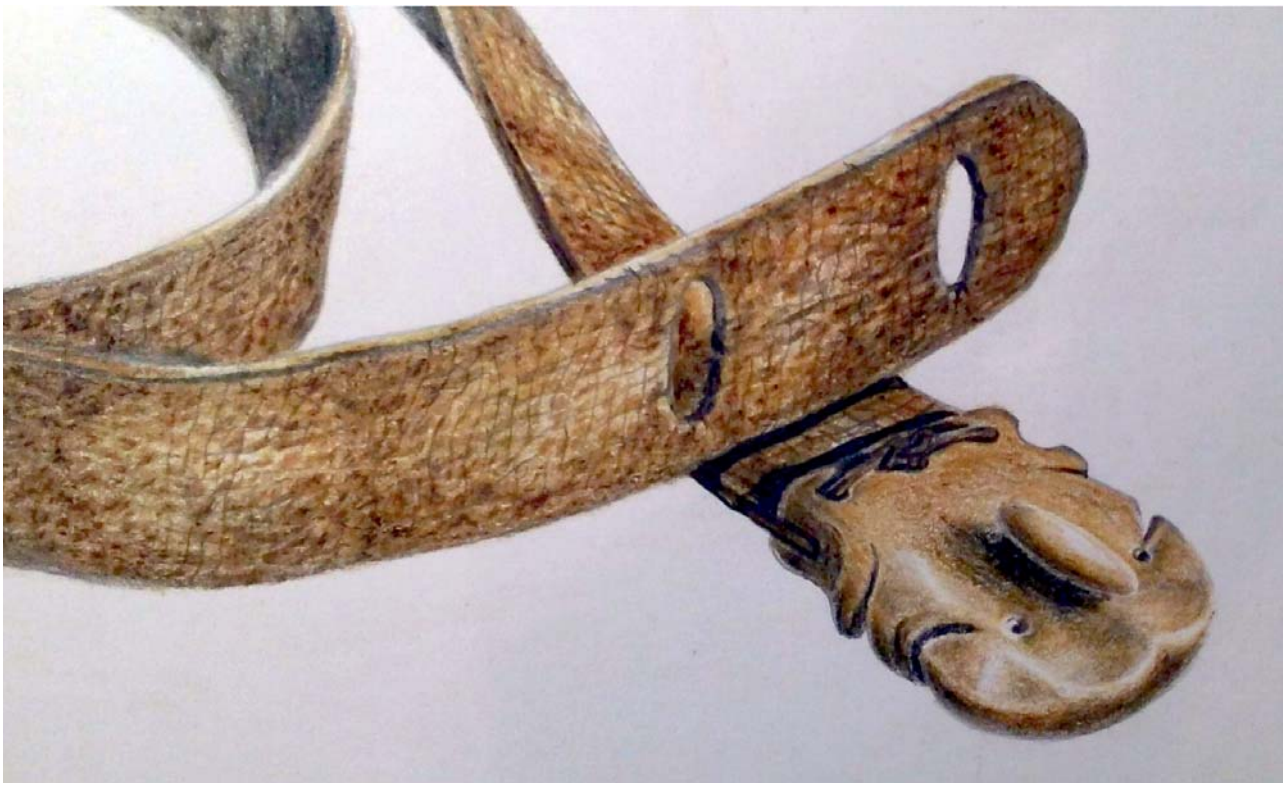
Илл. 108. Реконструкция крепления пряжки из погребения 1 кургана 34 могильника Чограй VIII.
1 – первоначальное крепление глухого конца пояса; 2 – крепление глухого конца пояса после частичной поломки бокового отверстия; 3 – графическая реконструкция крепления пряжки.

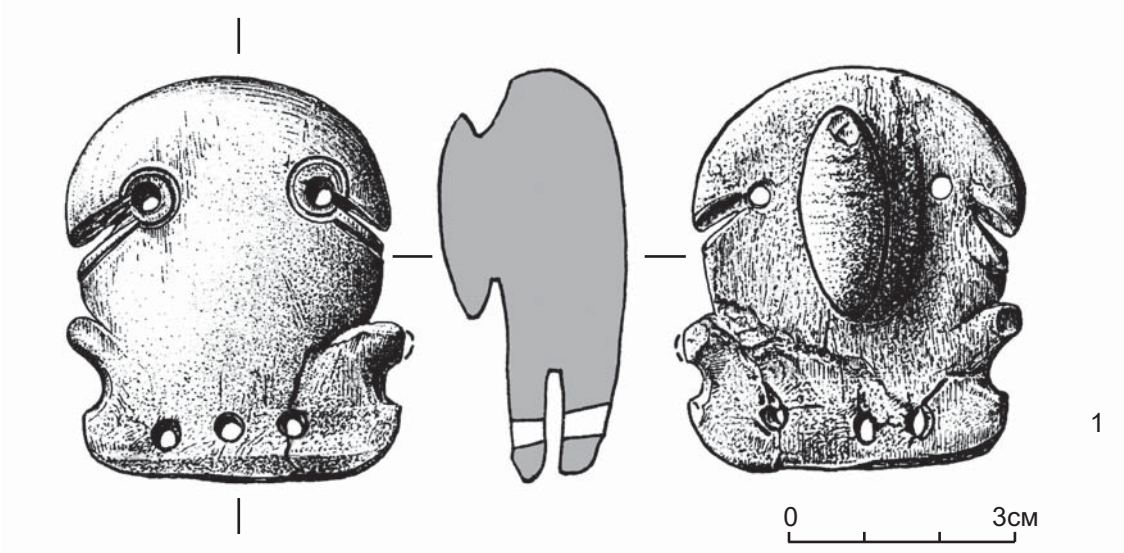
Илл. 109. Моделирование крепления пряжки из погребения 7 кургана 2 могильника Темрта I.

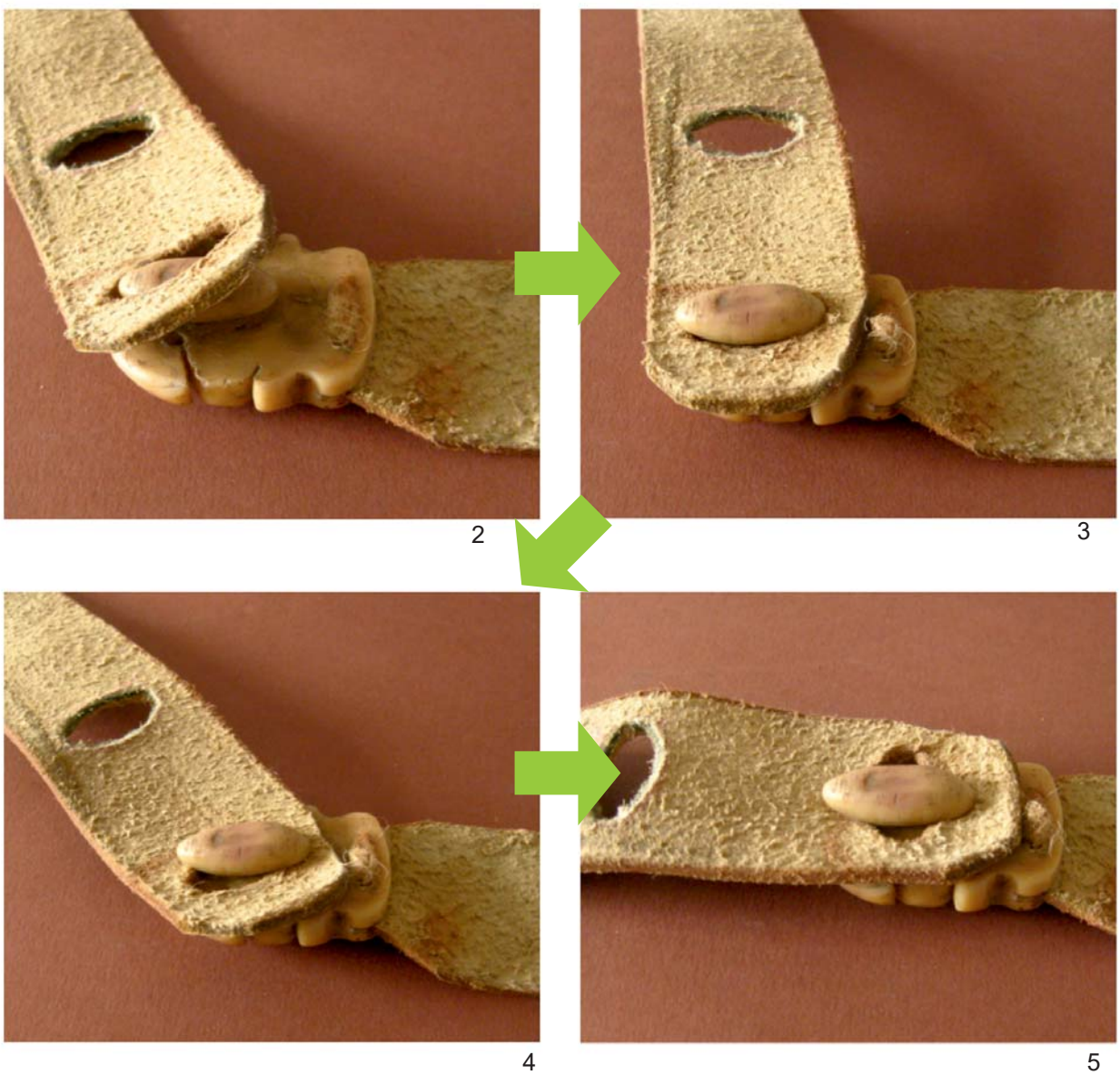

Илл. 110. Графическая реконструкция крепления пряжки из погребения 3 кургана 4 могильника Тамар-Уткуль VII.

Илл. 111. Графическая реконструкция крепления пряжки из погребения 19 кургана 4 могильника Донецк (Текстильщик).

Илл. 112. Моделирование крепления пряжки из погребения 19 кургана 4 могильника Донецк (Текстильщик).

1

2

3

Илл. 113. Моделирование крепления пряжки из погребения 19 кургана 4 могильника Донецк (Текстильщик).

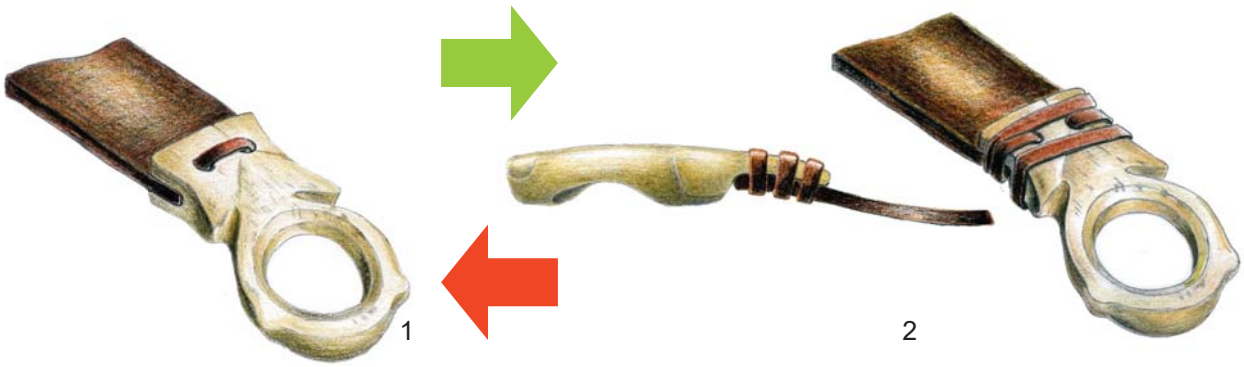

1

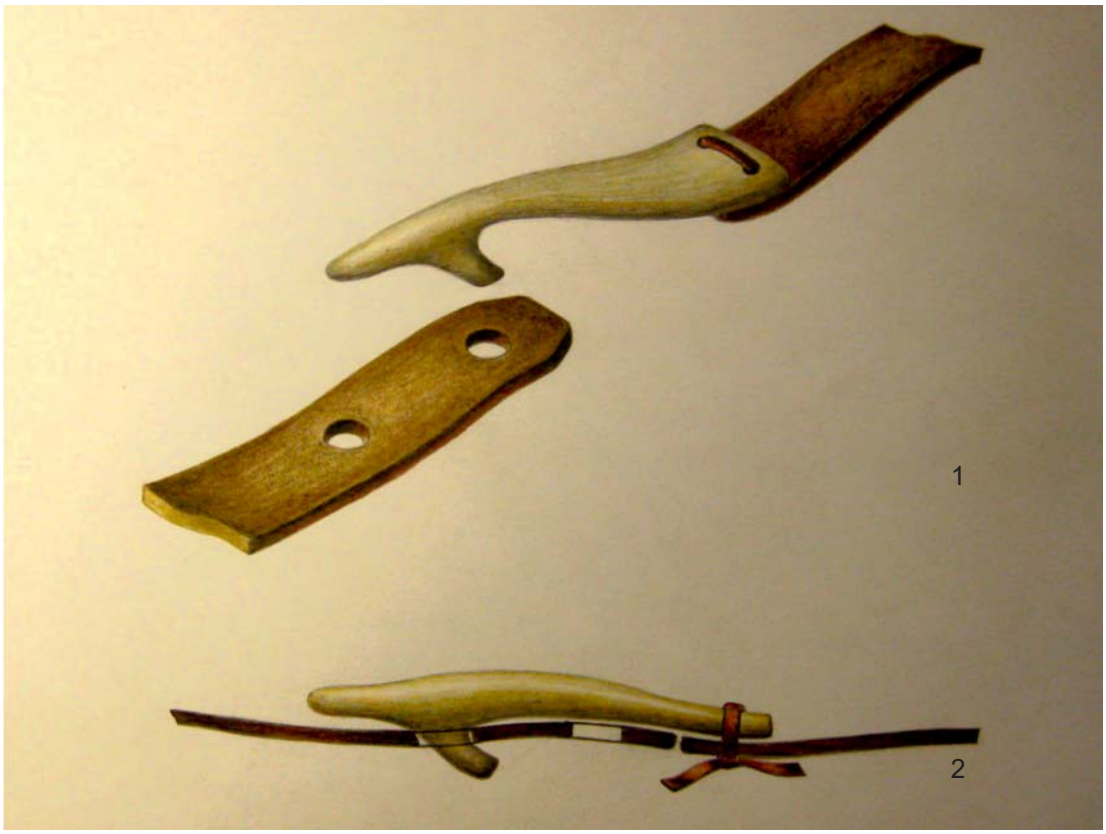

2

Илл. 114. Графическая реконструкция поясов ДДБК
1 – на примере пряжки из погребения 3 кургана 3 могильника Мариенфельд; 2 – на примере пряжки из погребения 19 кургана 4 могильника Донецк (Текстильщик).

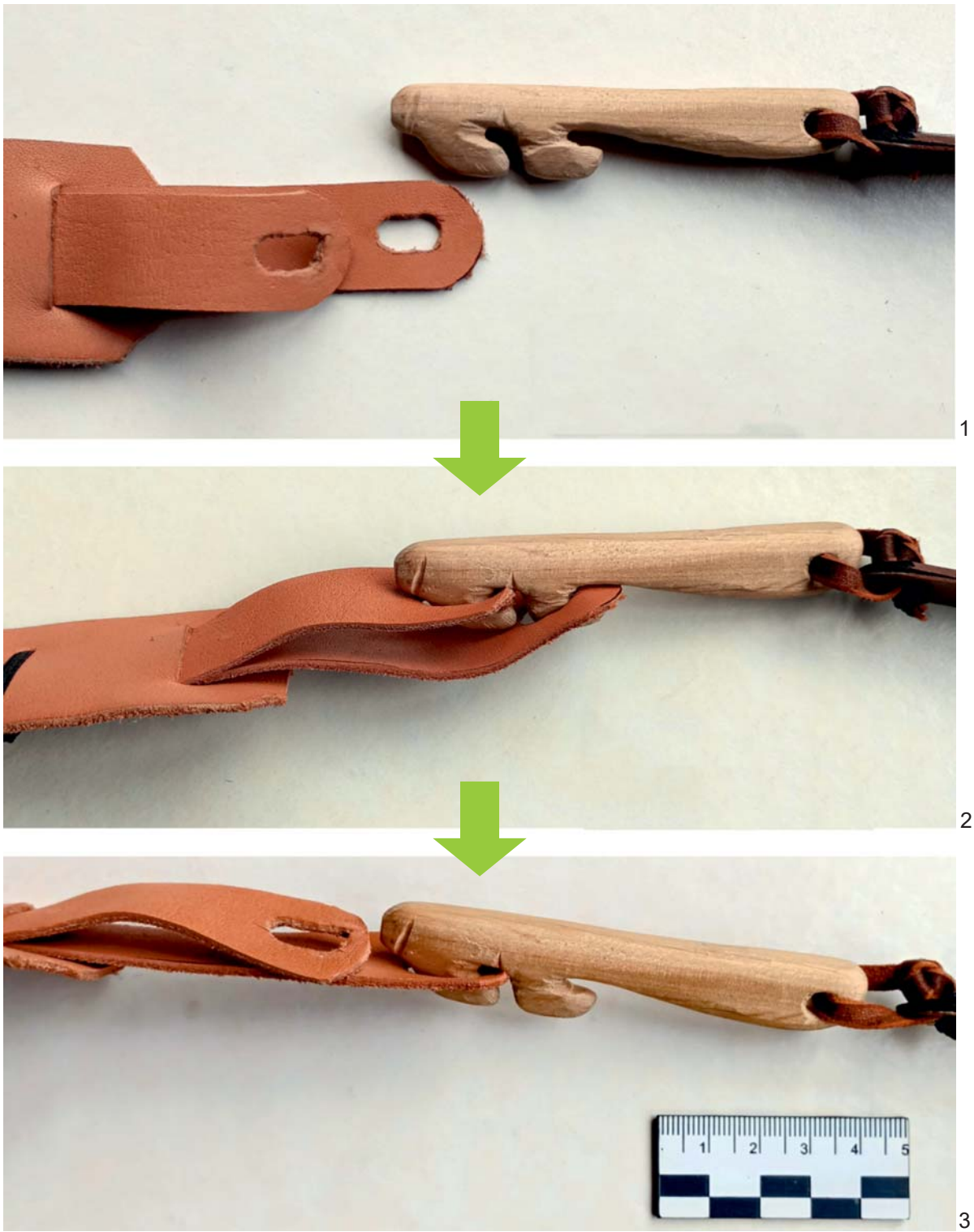
Илл. 115. Графическая реконструкция крепления пряжки из погребения 1 кургана 1 мог. Ирганайский 1.

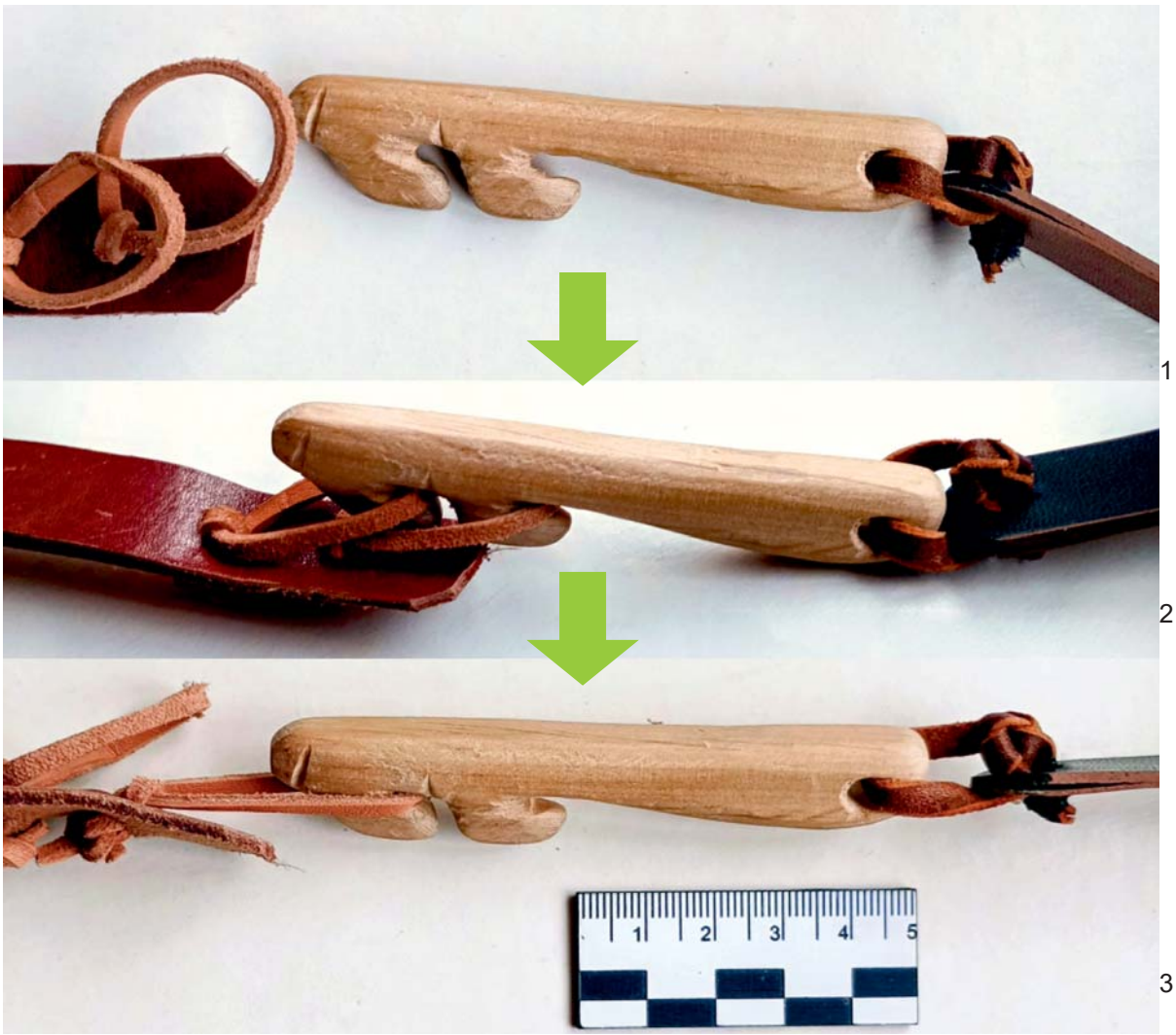
Илл. 116. Графическая реконструкция крепления пряжки из погребения 46 мог. Шагарский.

Илл. 117. Моделирование крепления пряжки из. пос. Балка Хреева III (вариант 1).

Илл. 118. Моделирование крепления пряжки из. пос. Балка Хреева III (вариант 2).

Илл. 119. Моделирование крепления пряжки из. пос. Балка Хреева III (вариант 3).

Илл. 120. Моделирование крепления глухого конца ремня у пряжки из погребения 130 Шагарского могильника.
1 – вариант 1; 2 – вариант 2.

1

2

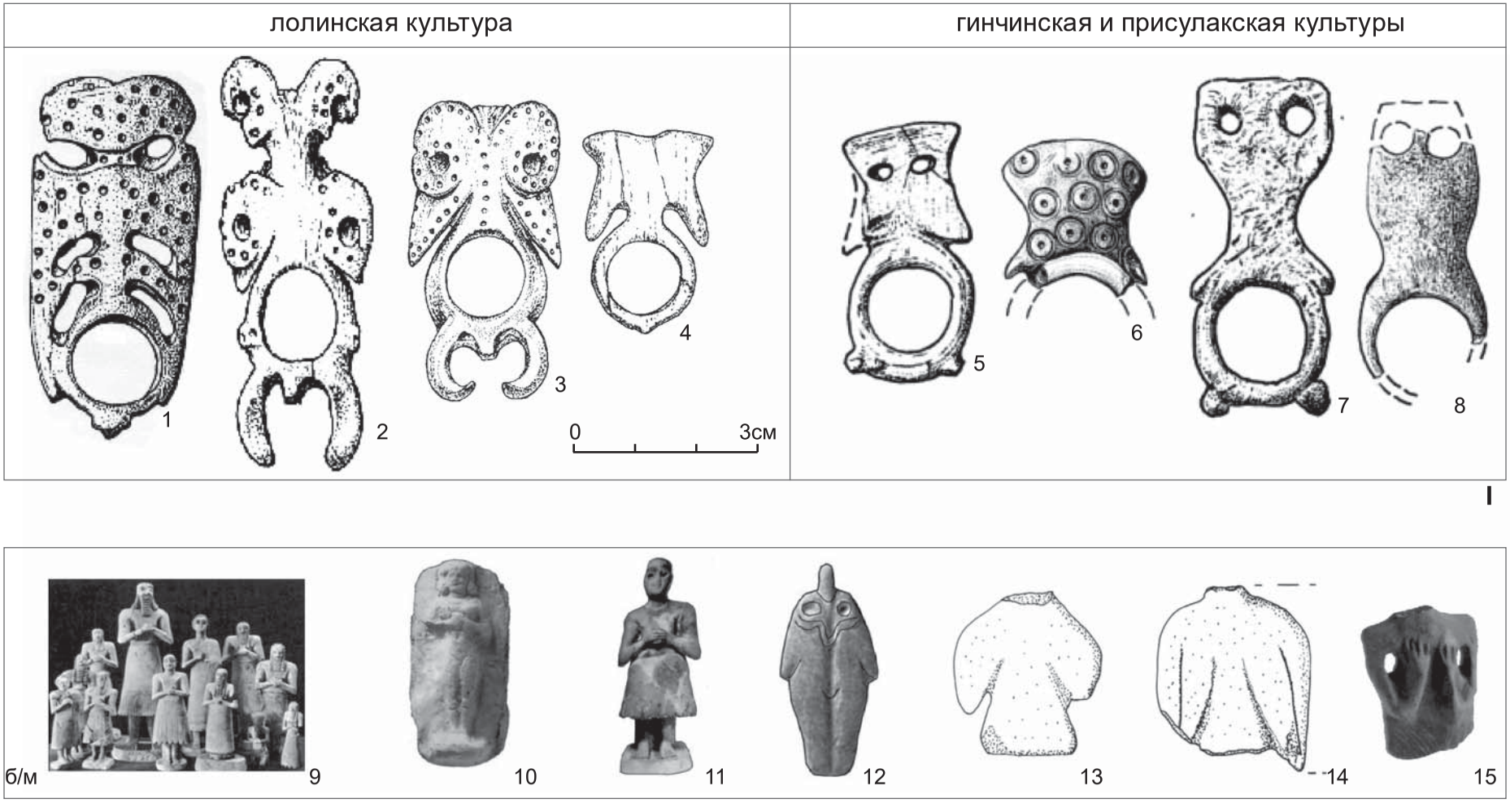

3

4

Илл. 121. Моделирование крепления пряжки из погребения 130 Шагарского могильника.
1 – концы дополнительной шлевки в незавязанном положении; 2 – реконструкция положения шлевки в завязанном положении; 3 – возможное передвижение шлевки в районе маленького отверстия паза; 4 – возможный вариант крепления шлевки через большое отверстие в кольце и маленькое разгружающее отверстие на конце паза.

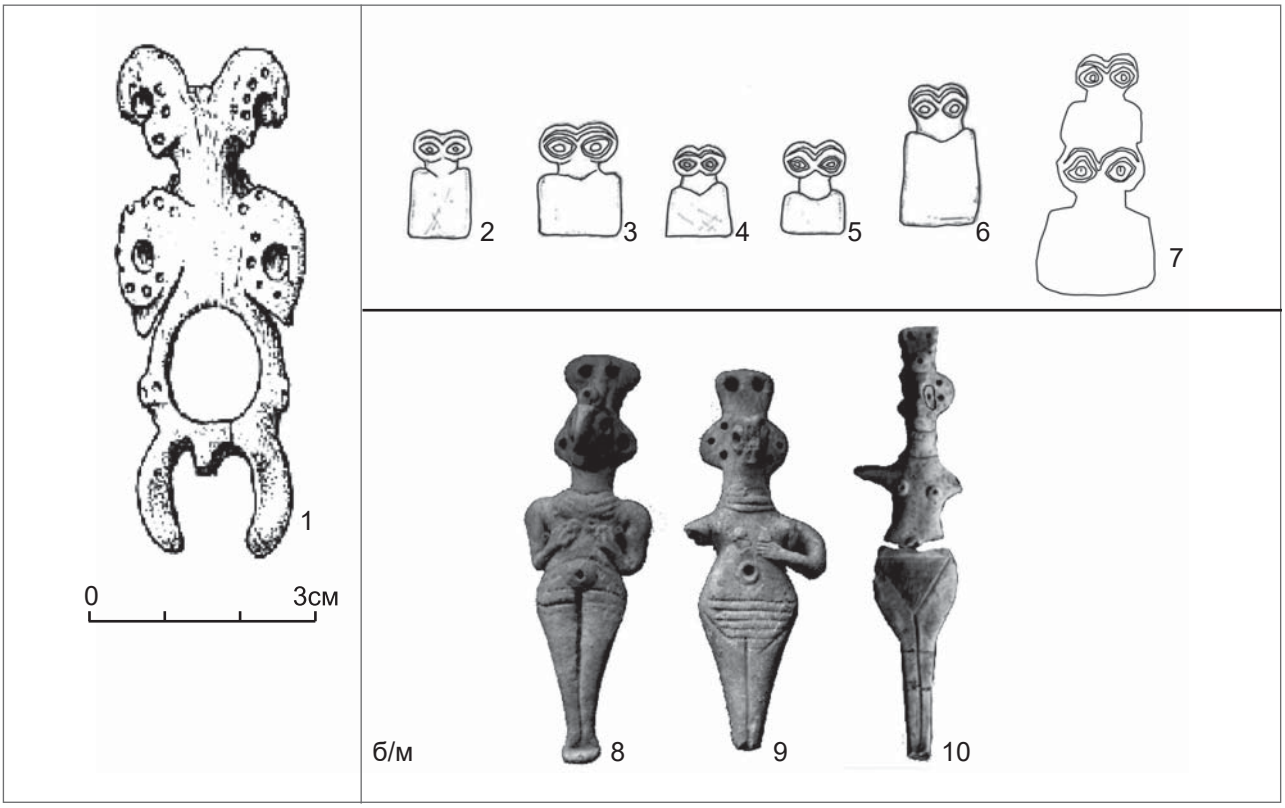
Илл. 122. Фигурные роговые пряжки кавказской традиции и ближневосточная мелкая пластика. **II**

I – кольцевидно-планочные фигурные пряжки кавказской традиции

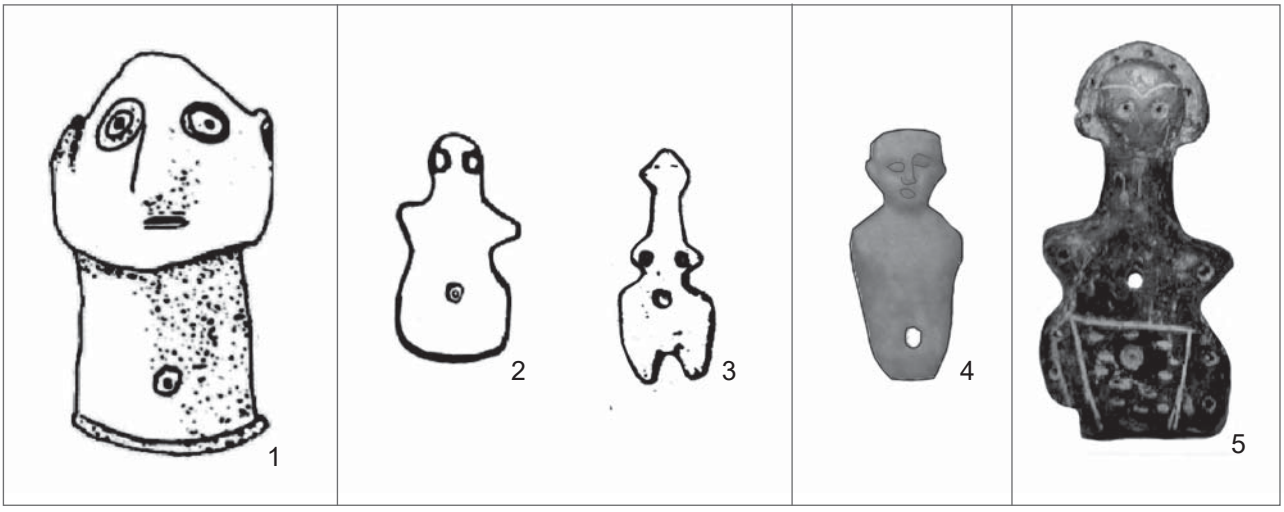
1 – Темрта I 2/7; 2 – Чограй VIII 34/1; 3 – Кевюды-1 3/5; 4 – Черноярская 3/10; 5 – Ирганайский 1 1/1; 6 – Ирганайской пос.; 7 – Гертма III 5/1; 8 – Гертма III 6/3.

II – ближневосточная мелкая каменная и глиняная антропоморфная пластика.

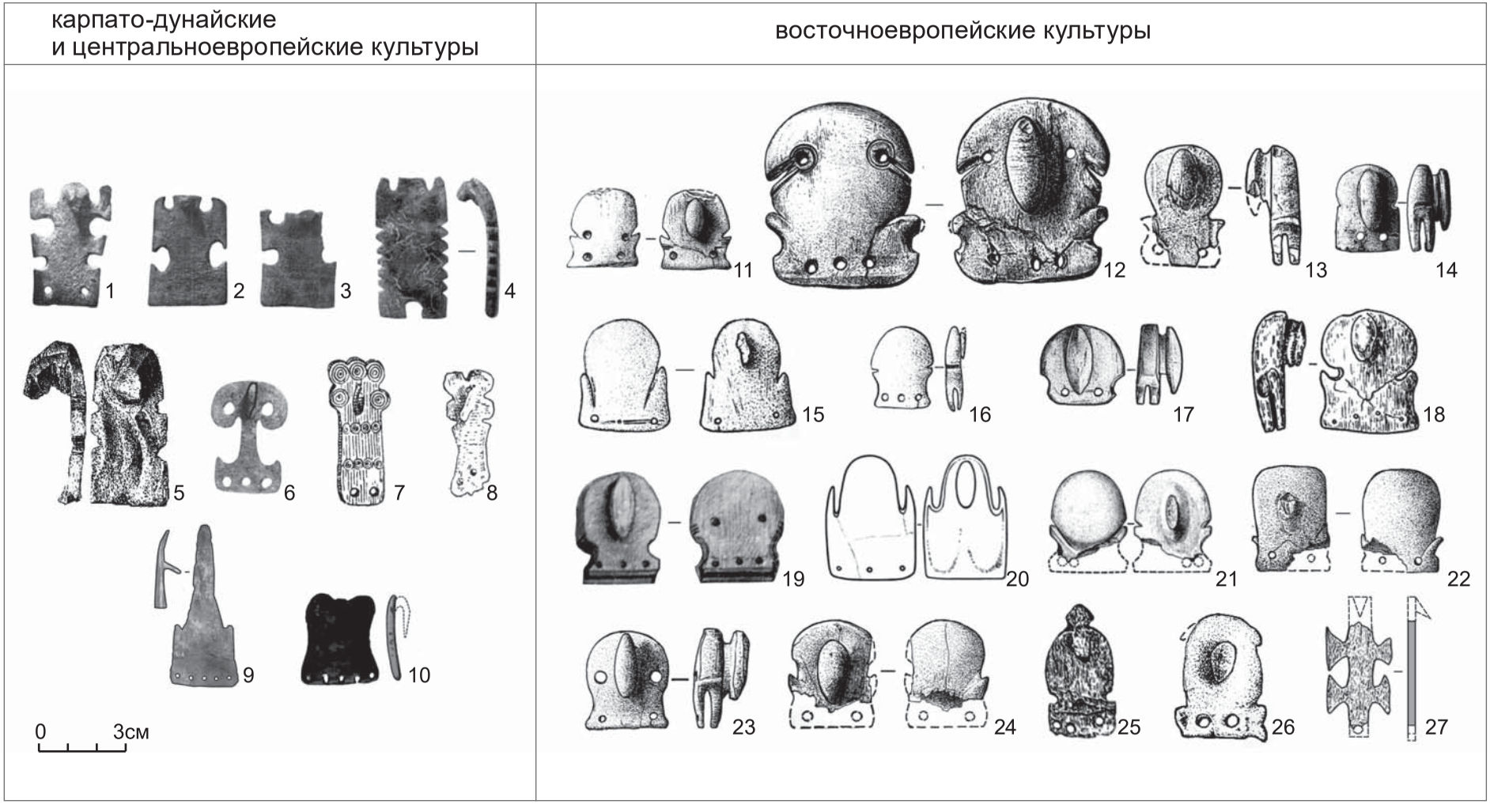
9 – Тель Асмар, квадратный храм (Месопотамия, второй раннединастический период, 2600-2500 ВС); 10 – терракота старовавилонского периода (Месопотамия, 1900-1750 ВС); 11 – бассейн р. Дияла, третий раннединастический период (Месопотамия, 2500-2315 ВС); 12 – Хафаджа (Месопотамия, третий раннединастический период, 2500-2315 ВС); 13,14 – идолы типа Килия (позднеэнеолитический слой Афродизиаза в Анатолии); 15 – Асаги Пинар (Анаотлия Пинар (Анатолия, халколит).

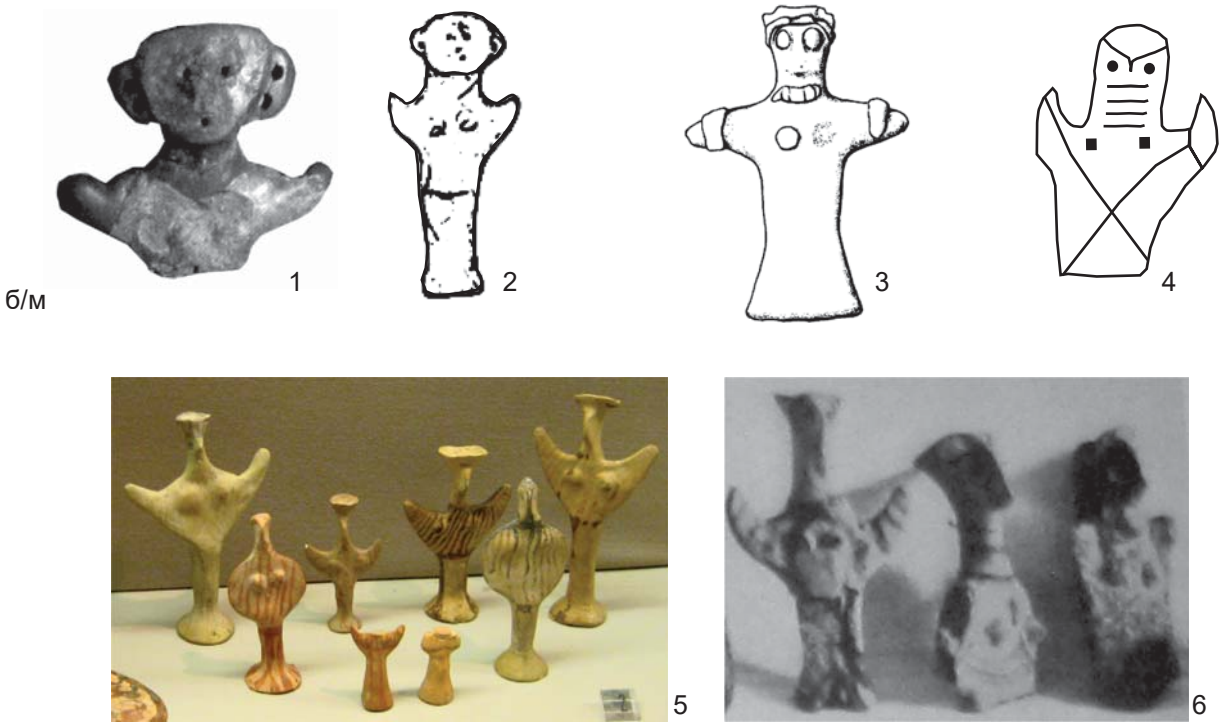
Илл. 123. Чограйская роговая пряжка и скульптуры глазастых богинь (eye-idols) из Месопотамии и Сирии.
1 – роговая пряжка из комплекса Чограй VIII 34/1; 2-7 – алебастровые глазастые идолы (Eye-Idols) из теля Брак (XXX в. до н. э., Урук III-Джемдет-Наср); 8,9 – терракотовые статуэтки глазастых богинь старовавилонского периода (1900-1750 BC, Месопотамия); 10 – тель Умм эль-Марра (Западная Сирия, средний бронзовый век).

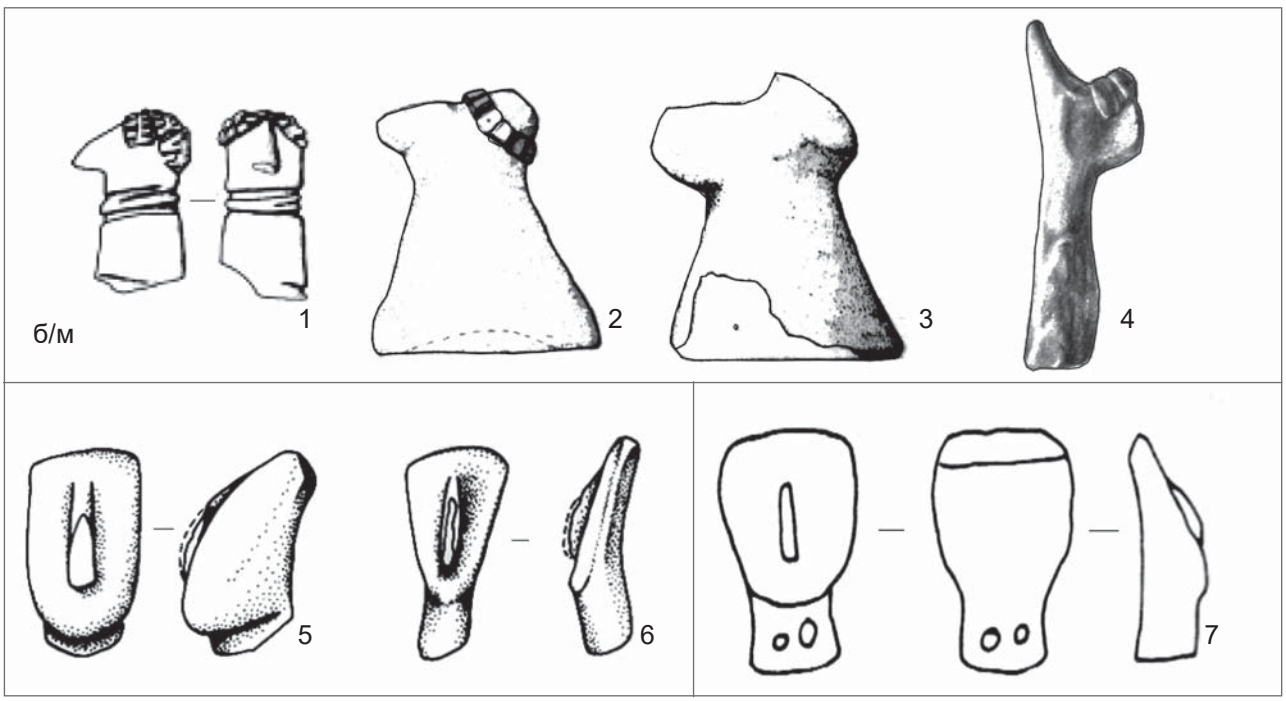
Илл. 124. Переднеазиатская и восточносредиземноморская мелкая каменная и глиняная пластика – антропоморфные статуэтки с изображением пупка.
1 – Кюль-Тепе, (Анатолия, ранний бронзовый век III? 2300 BC); 2,3 – Алишар-Хююк, (Анатолия, ранний бронзовый век III, 2300 BC); 4 – Крит, раннеминойский период III (2300-2160 BC); 5 – Караоглан (Анатолия, III тыс. до н. э.).

Илл. 125. Фигурные крючково-планочные пряжки европейской традиции.
1-4 – Барча 1; 5 – Veselé; 6 – Железовце; 7 – Szöreg п. 156; 8 – Szöreg п. 55; 9 – Ярославице; 10 – Гановце; 11 – Долгая Могила 4/17; 12 – Донецк (Текстильщик) 4/19; 13 – Новоамвросиевская 3/2; 14 – Новогупаловка III 10/2; 15 – Александровск 1/4; 16 – Новотроицкое III 3/11; 17 – Мариенфилд 3/3; 18 – Беева Могила п. 3; 19 – Камышеваха 5/1; 20 – Новолакедемовка од. кург. /10; 21 – Приволье 1/5; 22 – Старомихайловка; 23 –Новоандреевка 4/1; 24 – Дмитровка 7/5; 25, 27 – п. 52 мог. Шагарский; 26 – п. 14 мог. Шагарский.

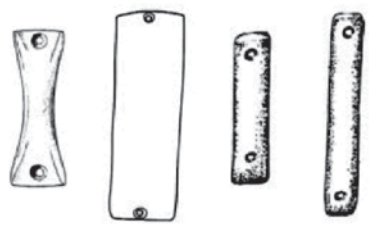
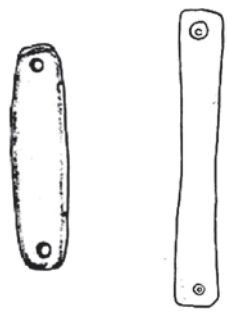
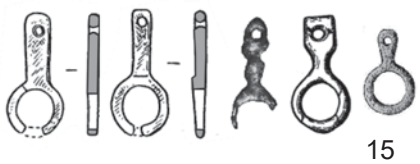
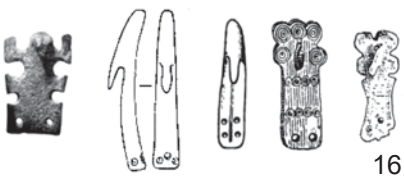
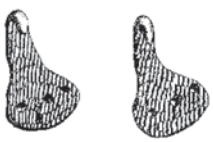
Илл. 126. Ближневосточная и средиземноморская мелкая каменная и глиняная антропоморфная пластика.
1,2 – Икиз-Тепе (Анатолия, ранний бронзовый век III, вторая четверть III тыс. до н. э.); 3 – Сузы (Иран, XXII-XX вв. до н. э.); 4 – Троя (Анатолия, ранний бронзовый век II, вторая половина III тыс. до н. э.); 5, 6 – Греция, позднеэлладский период III (XIV-XIII вв. до. н. э.).

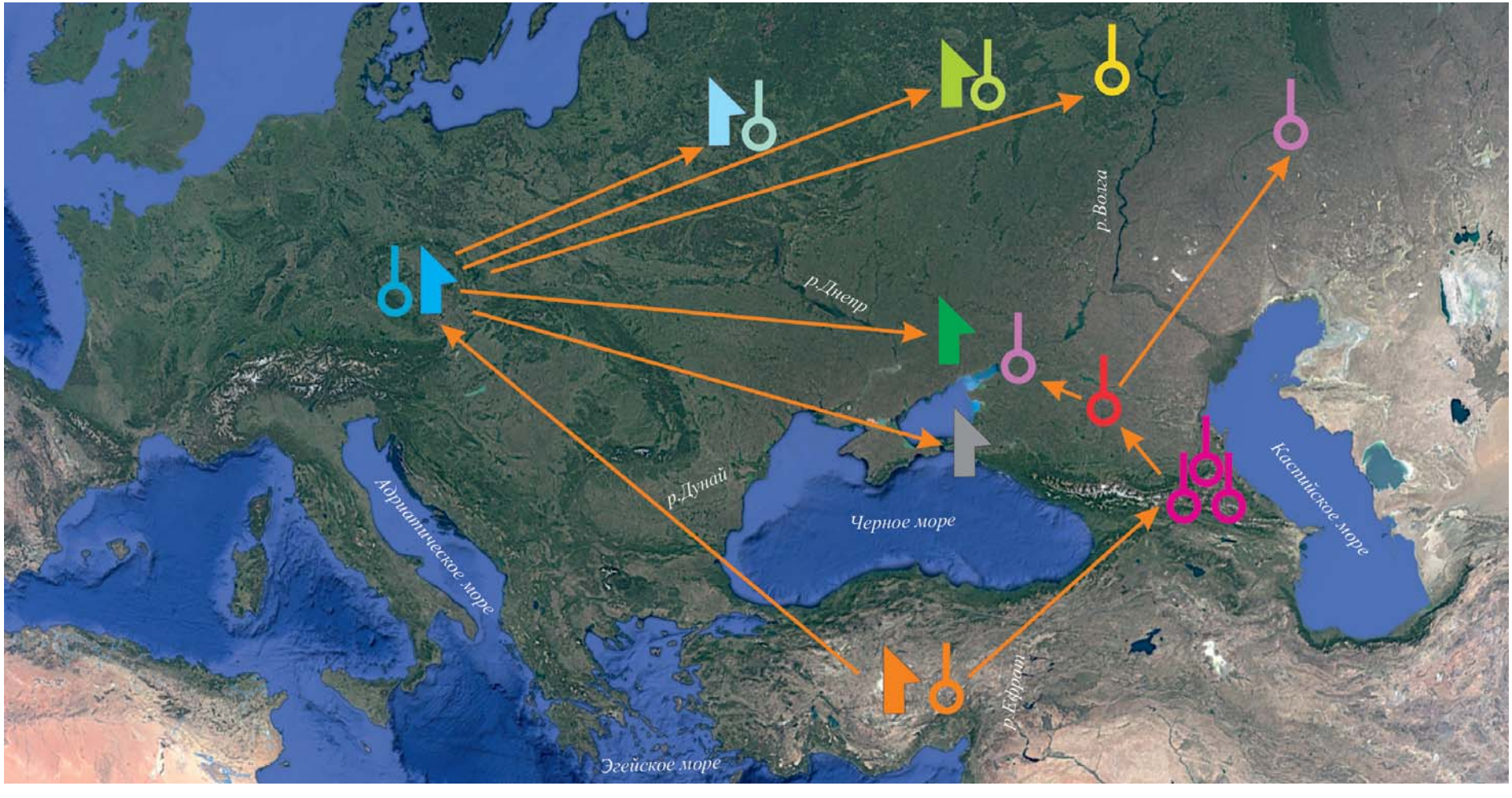
Илл. 127. Статуэтки носатых антропоморфных идолов Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья.
1-3 – Норшунтепе (период ранний бронзовый век IIIC); 4 – Антиохия (фаза I, XXV-XXIV вв. до н. э.); 5,6 – Даскалио Кавос, о. Керос (культура Керос-Сирос, второй раннекикладский период середина III тыс. до н. э.); 7 – Агиос Онуфриос, о. Крит (второй раннеминойский период, середина III тыс. до н. э.).

Илл. 128. Пряжки европейской традиции с «навершиями» и ближневосточная иконография изображения головы с косой.
1 – Донецк (Текстильщик) 4/19; 2 – п. 14 мог. Шагарский; 3 – п. 52 мог. Шагарский; 4 – Ярославице; 5 – Железовце; 6 – Szöreg п. 55; 8 – пос. Хреева Балка III; 9 – Барча 1; 10 – пос. Асовец 2; 11 – п. 46 мог. Шагарский; 12 – Аладжахююк (Анатолия, вторая половина III тыс. до н. э.); 13 – Сирия (1700 ВС); 14-16 – Хафаджа, храм Сина (Месопотамия, первая половина III тыс. до н. э.), 17 – тель Асмар (Месопотамия, первая половина III тыс. до н. э.).

Западная, Центральная и Южная Европа	Месопатамия, Иран, Анатолия	Кавказ
 1	 2	 3
 4	 5	 6
 7	 8	 9
 10	 11	 12
 13	 14	 15
 16	 17	нам неизвестны 18

Илл. 129. Бруски, бусы, украшения и пряжки в Европе, на Кавказе и Ближнем Востоке.
1–3 – каменные бруски с двумя отверстиями; 4–6 – фаянсовые бусы с выступами; 7–9 – металлические украшения, выполненные в технике «вербового листа»; 10–12 – металлические подвески с обратной петлей; 13–15 – костяные и роговые кольцевидно-узкопланочные пряжки, 16, 17 – костяные и роговые крючково-планочные пряжки.

Илл. 130. Условная схема происхождения и распространения планочных пряжек.

Список сокращений

АО – Археологические открытия
АВ – Археологические вести
АДУ – Археологічні дослідження на Україні
АПО – Археологические памятники Оренбуржья
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии
ДАЗ – Донецький археологічний збірник
ДАС – Донецкий археологический сборник
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МДАСУ – Матеріали та дослідження з археології Східної України
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИИКНСК – Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа
МОАИ – Материалы охранных археологических исследований
МСАИ – Материалы спасательных археологических исследований
НА ИА НАНУ – Научно-отраслевой архив Института археологии Национальной академии наук Украины
НА ИА РАН – Научно-отраслевой архив Института археологии Российской академии наук
ПА – Поволжская археология
РА – Российская археологии
СА – Советская археология

Научное издание

Роман Алексеевич Мимоход
Анатолий Николаевич Усачук

Костяные и роговые пряжки эпохи бронзы в Восточной Европе и на Кавказе

Том 1

Планочные пряжки
финала среднего бронзового века

Оригинал-макет *А. Радаев*

Подписано в печать 25.12.2026. Формат 60×84 ⅛
Уч.-изд. л. 38.0. Тираж 300 экз. Заказ №

Институт археологии РАН
117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19

ISBN 978-5-94375-516-3

Монография посвящена характеристике костяных и роговых пряжек с планкой финала средней бронзы в Восточной Европе и на Кавказе. В работе приведена по комплексам полная источниковая база этих изделий. Освещены вопросы типологии, хронологии и культурной атрибуции. Отдельный блок представляют трасологические исследования пряжек, которые выявили следы изготовления и использования поясной гарнитуры. На их основе представлены графические реконструкции ношения, застегивания и расстёгивания ремня, а также проведено натурное моделирование этих процессов при помощи специально изготовленных реплик пряжек. В монографии рассмотрены вопросы семантики фигурных поясных деталей и предложены возможные пути распознавания образов, которые транслируют эти изделия.

Для археологов, историков, культурологов.

